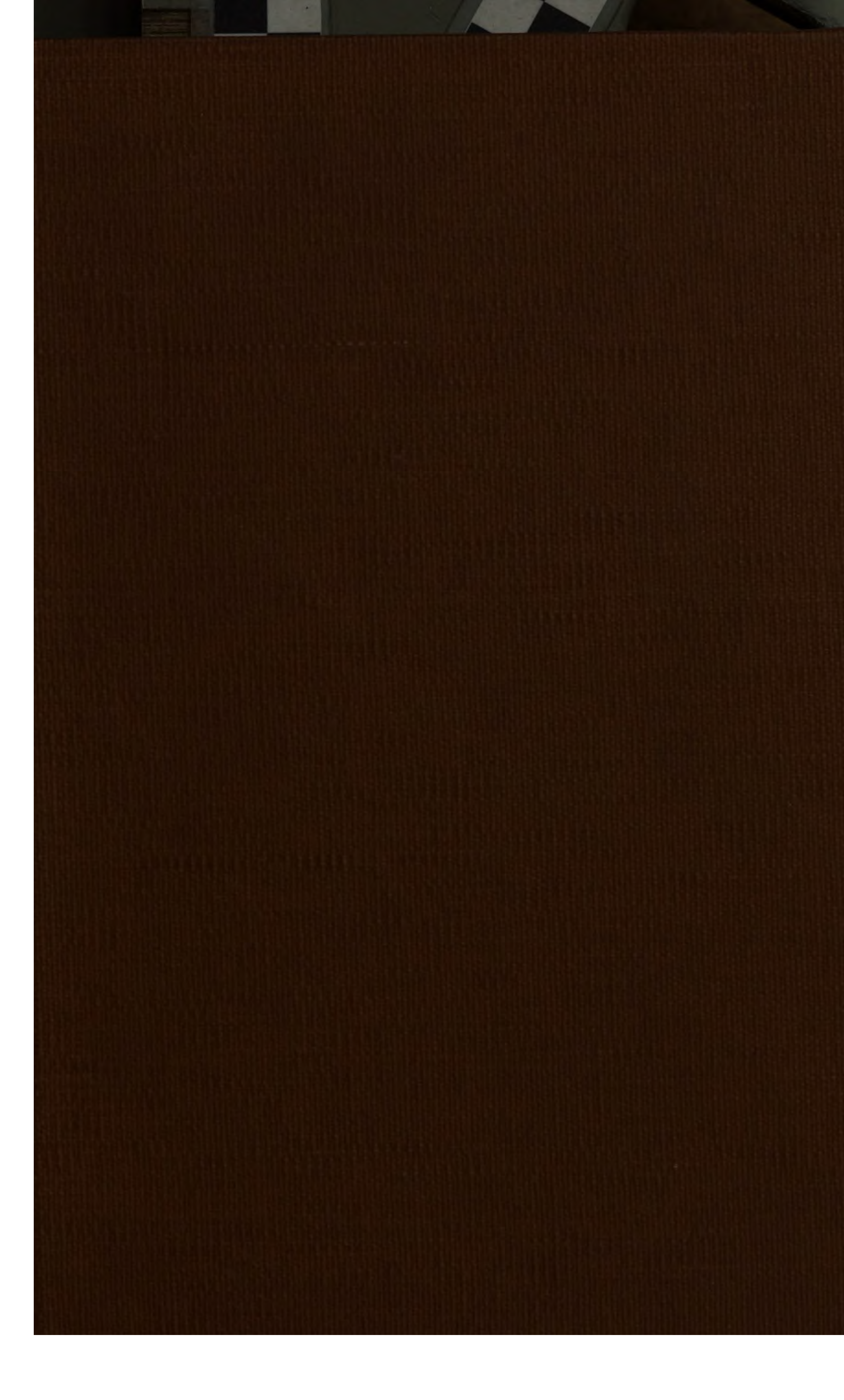

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

НОЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 11.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. МЕЧТЫ . . . . Ѳ. Крюкова.
2. ДОРЕФОРМЕННЫЙ ИНСТИТУТЪ и ПРЕОБРАЗОВАНІЯ К. Д. УШИНСКАГО. Окончаніе . . . . Е. Водовозовой.
3. ПРОСТУПОКЪ. Повѣсть. Продолженіе. А. Деренталя.
4. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ ДЕКАБРИСТОВЪ. Продолженіе . . . В. Семевскаго.
5. СОБЛАЗНЪ. Романъ. . . . . Вильгельма Гегелера.
6. НИМФА. Разсказъ. . . . . Д. Мамина-Сибиряка.
7. ПЕРЕДВИНУТЫЯ ДУШИ. Очерки. Продолженіе . . . . Тана.
8. СТИХОТВОРЕНІЯ . . . . Ады Чумаченко.
9. ИНТЕНСИФИКАЦІЯ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ . Я. Имшенецкаго.
10. БЕЗЪ РАБОТЫ . . . . Діонео.
11. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. . . . . . . А. Пѣшехонова.
12. „ДОБРОСОВѢСТНЫЙ“ КРИТИКЪ . . Николая—она.
13. КОМПРОМИССЪ МЕЖДУ КАПИТАЛОМЪ и ТРУДОМЪ въ АНГЛІИ . . . Н. Е. Кудрина.
14. ХОЛЕРА. . . . . С. Елпатьевскаго.
15. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ . . А. Петрищева.
16. ПОЛИТИКА . . . . С. Южакова.
17. НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОСТИ . . . В. Мякотина.
18. НОВЫЯ КНИГИ.
19. ПИСЬМА въ РЕДАКЦІЮ.
20. КРАТКАЯ ПРОГРАММА ИЗУЧЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА. К. Качоровскаго.
21. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ № разсылаются: 1) иногородн. подписч. объявл. о подпискѣ на изданія Т-ва „Народная Польза“ и 2) 3000 экз. каталога книжн. магаз. Ивановой.

НОЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и

продолжается подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.— отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была [illegible] удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНIЕ:

		СТРАН.
1.	**Мечты**. *Ѳ. Крюкова*	1— 24
2.	**Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго**. *Е. Водовозовой*. Окончаніе	25 - 55
3.	**Проступокъ**. Повѣсть. *А. Деренталя*. Продолженіе.	56— 81
4.	**Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ**. *В. Семевскаго*. Продолженіе	82—111
5.	**Соблазнъ**. Романъ. *Вильгельма Гегелера*. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Брумберга. Окончаніе . . .	112—140
6.	**Нимфа**. Разсказъ. *Д. Мамина-Сибиряка*.	141—151
7.	**Передвинутыя души**. Очерки. *Тана*. Продолженіе .	152 —174
8.	**Стихотворенія** *Ады Чумаченко*	175—176
9.	**Интенсификація въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ**. *Я. Имшенецкаго*	1 — 19
10	**Безъ работы**. *Діонео*.	19— 49
11.	**На очередныя темы**. Въ поискахъ. I. Писатели, которые ничего не желаютъ и никуда не ведутъ.— II. Писатель, который не ведетъ, куда хочетъ.— III. Люди, которые нашли средство, но потеряли цѣль. — IV. Отклики на „сумятицу". *А. Пѣшехонова*	49 —78
12.	**„Добросовѣстный" критикъ**. *Николая—она*. . .	78— 90
13.	**Компромиссъ между капиталомъ и трудомъ въ Англіи**. *Н. Е. Кудрина*	91—116
14.	**Холера**. *С. Елпатьевскаго*..	117—150
15.	**Хроника внутренней жизни**: 1. Всѣ побѣдили. Тревога „Россіи" и „Голоса Москвы". Емелькина статистика. Система запирательства и непониманія.—2. Мечты соціальныя и мечты политическія. Наша опора. Необходимость status quo.—3. Торгово-промышленная фронда. Офицерскій вопросъ. Отъ щедринскаго капитана Полусохина до братьевъ Коваленскихъ. Офицеры-юнкера и офицеры штатскіе. Польза мечтаній и вредъ аграрныхъ преній. *А. Петрищева* . . .	150—186
16.	**Политика**: Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—Текущія событія: Вильгельмъ промахнулся; на Балканахъ; покушеніе	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

шаха на отмѣну конституціи; смѣна правленія въ Китаѣ. *С. Южакова*. . . . . 187—198

17. **Наброски современности**. XVII. „Нео-славизмъ“ и внутренніе вопросы. *В. Мякотина*. . . . . . . 198—217

18. **Новыя книги**:
Сергѣй Ауслендеръ. Золотыя яблоки.—А. А. Измайловъ. Кривое зеркало, Пародія и шаржи.—Р. Киплингъ. Избранные разсказы.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.—Шеллингъ. Философія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы.—Бруно, или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей.—Максъ Ферворнъ. Механика душевной жизни.—Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи.—Проф. В. М. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ.—А. Луначарскій. Религія и соціализмъ.—Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману.—„Колоколъ“ А. И. Герцена.—Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 217—242

19. **Письма въ редакцію**. . . . . 245—246

20. **Краткая программа изученія крестьянскаго обычнаго права**. *К. Качоровскаго*. . . . . 246—250

21. **Отчетъ конторы редакціи.**

22. **Объявленія.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затмѣніи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.— 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.— Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.— Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. **Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.**

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «**Р. Б.**» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

МЕЧТЫ.

— Самоуправный народъ — русскіе... до того самоуправный — просто, говорить не остается! — повторилъ нѣсколько разъ укоряющимъ тономъ Романъ Ильичъ, отставной сотникъ.

Онъ сидѣлъ на пустомъ ящикѣ изъ-подъ мыла и въ своемъ древнемъ офицерскомъ пальто похожъ былъ на копну посѣрѣвшей отъ старости соломы. Когда онъ говорилъ, то моталъ головой, словно отгонялъ надоѣдливыхъ мухъ, и черная тѣнь отъ его лохматой папахи размашисто мигала отъ двери къ потолку по блестящей жести банокъ съ халвой и, казалось, на-спѣхъ ревизовала лѣвую половину лавки.

Шишовъ, Ѳедотъ Иванычъ, хозяинъ лавки, румяный, солидной комплекціи господинъ, молча нанизалъ на мочалку сухіе, твердые, какъ камень, крендели, завязалъ ее въ узелъ и встряхнулъ связку. Крендели звонко заговорили, какъ пучекъ пустыхъ кубышекъ.

— Вотъ вы попрекаете насъ, Романъ Ильичъ, — съ снисходительною мягкостью полированнаго человѣка сказалъ онъ, подавая связку:—а я имѣю честь предъявить вамъ, что совершенно напрасно. Съ людей беру по шести, съ васъ кладу по пять съ половиной. Одиннадцать копѣечекъ-съ... два фунта... Русскій народъ отнюдь не самоуправный...

Романъ Ильичъ, принимая покупку, тоже слегка встряхнулъ ее и окинулъ примѣривающимъ взглядомъ, какъ будто сомнѣвался въ правильности вѣса. Крендели снова издали короткій, сухой звонъ, который говорилъ: „готовь лишь зубы покрѣпче, а товаръ — первый сортъ“. Обвиненіе русскаго народа въ самоуправствѣ, въ сущности направленное лично противъ Шишова, который назначилъ было сперва цѣну за крендели слишкомъ высокую, какъ показалось Роману Ильичу,—теперь падало само собою. Положимъ, уступка, которую онъ сдѣлалъ, не Богъ вѣсть какъ значительна, но

она сдѣлана въ такой подкупающей формѣ,—сотникъ былъ отличенъ отъ „людей“, — что дальше возражать противъ цѣны было просто неловко. Романъ Ильичъ сказалъ примирительно:

— Ну, запиши тамъ...

Шишовъ ловкимъ движеніемъ, за самый кончикъ угла, выбросилъ на прилавокъ длинную долговую книгу, разыскалъ страницу съ фамиліей сотника Евтюхина и старательно вывелъ: «2 фу. кре. 11 ко.»

Потомъ вытеръ перо о волосы и сказалъ:

— Вы говорите, Романъ Ильичъ, что, дескать, самоуправный мы народъ—русскіе...

Онъ говорить любилъ и умѣлъ говорить занимательно, чисто, свободно и искусно. Лукавый огонекъ добродушнаго зубоскальства дрожалъ въ его глазахъ, когда онъ обращался къ сотнику. И легко-насмѣшливая, сдерживаемая веселость невольно передавалась также другимъ посѣтителямъ лавки. Ихъ было еще трое. Бородатый казакъ Ероѳей Маштакъ помѣстился у двери, на кучѣ поддосокъ, шкворней и желѣзныхъ лопатъ; агентъ фирмы Зингера Попковъ, носившій бумажные воротнички, сидѣлъ противъ сотника на мѣшкѣ съ ячменемъ (Шишовъ принималъ въ уплату за товаръ не только звонкую монету, но и продукты мѣстнаго производства), а въ самыхъ дверяхъ стоялъ коротенькій мужичекъ Ферапонтъ Тюринъ.

Они сходились сюда каждый вечеръ, на огонекъ. Стояли длинныя, безмолвно-черныя ночи осени съ долгимъ, безпокойнымъ сномъ въ душной тѣснотѣ закутанныхъ жилищъ и съ нудной безсоницей, рождающей одинокія, безсильно-тупыя, однообразныя и тѣсныя мысли, безпорядочныя и нерадостныя воспоминанія, отъ которыхъ уставала голова и безсильная досада надолго застревала въ сердцѣ,—нелѣпыя грезы о томъ, чего никогда не бываетъ и не будетъ. Въ таинственно-черномъ мракѣ думы о безотрадно текущей жизни, окутанной безконечной цѣпью неизбывныхъ будничныхъ заботъ, недостатковъ, суевѣрныхъ страховъ и усталой злобы, походили на грузные мѣшки-пятерики съ пескомъ, которые съ безмолвной медлительностью наваливались на грудь, давили голову и тисками сжимали сердце. И ночь казалась безконечной, какъ сказочное темное подземелье съ запечатаннымъ выходомъ.

Спасаясь отъ этихъ безсонныхъ ночей, они шли коротать вечеръ въ лавку. Здѣсь былъ свѣтъ,—плоскій, небольшой язычекъ огня дрожалъ, вытягивался и коптилъ въ висячей лампѣ,—не яркій огонекъ, но по улицѣ, закутанной въ сырой, пугающій мракъ далеко было его видно. Былъ

табакъ, который Шишовъ предоставлялъ безплатно посѣтителямъ лавки, въ разсчетѣ, можетъ быть, на привлеченіе покупателей. Льготной махоркой особенно широко пользовались Ферапонтъ и Ероѳей Маштакъ. Они курили безостановочно все время, пока были въ лавкѣ. Была, наконецъ, бесѣда — иногда вялая, но иногда занимательная, нерѣдко шумно-веселая, съ крѣпкими шутками и раскатистымъ хохотомъ.

Тихая, несложная жизнь станицы, туго измѣняющаяся, бѣдная событіями, мало давала пищи для обмѣна мыслей. За то безгранична была область за рубежомъ станичнаго юрта. И хотя они не знали, какая жизнь тамъ шла, но были увѣрены, что жизнь эта удивительна, разнообразна, интересна и богата. И они особенно любили толковать именно о томъ, чего не знали: о замыслахъ царей, о колдунахъ и мертвецахъ, о дикихъ людяхъ. Если кто-нибудь изъ нихъ вдохновлялся и начиналъ передавать обрывки гдѣ-то слышаннаго, украшая ихъ собственной фантазіей и выдавая созданія ея за дѣйствительность,—они охотно вѣрили ему, лишь бы разсказъ былъ хоть немного гладокъ и интересенъ... мало-ли чего на свѣтѣ не бываетъ!..

А иногда молчали. Курили и съ равнодушно-усталымъ, полусоннымъ видомъ прислушивались къ рѣдкимъ, случайнымъ звукамъ, которые рождались подъ плотнымъ рядномъ черной осенней ночи. Вотъ зашуршалъ мелкій, неторопливый дождикъ, пошептался минуты три, прошелестилъ, какъ кудрявый тополь листвой, и тихо ушелъ дальше, убѣдившись, что грязи въ станицѣ достаточно. Пролаяла скучливо собака. Навѣрно, прикурнула гдѣ-нибудь на гумнѣ, свернувшись кренделемъ, спитъ и только изрѣдка, не поднимая головы, подаетъ голосъ, обмануть хочетъ: не сплю, молъ... Журавецъ проскрипитъ надъ колодцемъ. Кто-то не спитъ еще. Должно быть, дѣвки на сидѣлки у кого-нибудь собрались...

Когда становилось скучно молчать, Шишовъ, балагуръ не послѣдней руки, начиналъ вышучивать смирнаго Ферапонта. Ферапонтъ былъ человѣкъ очень маленькій и ростомъ, и соціальнымъ положеніемъ. Всѣ привыкли глядѣть на него сверху внизъ, такъ какъ онъ, несмотря на серьезную бороду, почти весь ушелъ въ неуклюжіе сапоги съ широкими, какъ лопухи, голенищами. На веселонравіе собесѣдниковъ онъ не обижался,—привыкъ и считалъ, что это лишь отъ скуки, „для разгулки времени“.

Осторожно подтрунивали и надъ старымъ сотникомъ. Романъ Ильичъ былъ господинъ серьезный, даже суровый. Какъ единственный офицеръ въ станицѣ, онъ привыкъ къ

почету, не терпѣлъ конкурренціи и ревниво наблюдалъ за тѣмъ, чтобы его чинъ знали и помнили, чтобы въ церкви никто раньше его не подошелъ къ кресту, чтобы при встрѣчѣ ему давали дорогу и снимали передъ нимъ шапки. Но умомъ былъ простоватъ, какъ всѣ старинные люди. Жизнь онъ прожилъ долгую. Хотя она не была разнообразна и богата событіями, но за восемь десятковъ лѣтъ накопилась достаточная куча, изъ которой онъ по временамъ извлекалъ коекакіе обломки на потѣху своимъ слушателямъ, самъ не замѣчая, что забавляетъ ихъ своею первобытностью.

И такъ они убивали врага своего—время, тихо и ровно разматывавшее клубокъ ихъ несложной жизни, въ которой радости были рѣдки, мелки и незавидны, а безпомощно-тупая скука, нужда и печали слишкомъ привычны, чтобы на нихъ долго останавливаться мыслью.

— Самоуправный, дескать, народъ... — повторилъ Шишовъ, и въ голосѣ его слышался играющій смѣшокъ: — значитъ, обвиняете вы насъ съ Ферапонтомъ, не иначе... Мы съ нимъ тутъ русскіе, а вы трое, будучи казаки. Хоро-шо-съ. Это еще не голосъ. А вотъ позвольте вамъ, наоборотъ, возразить насчетъ казаковъ: какъ вашъ батюшка — царство небесное! — Ермакъ Тимоѳеевичъ жилъ, разбой держалъ, такъ и сейчасъ этотъ самый манеръ не вывелся...

— Ну нѣтъ, братъ, сейчасъ казаки дисциплину знаютъ! — строго и съ достоинствомъ возразилъ сотникъ.

— А я вамъ на это имѣю честь возразить слѣдующимъ примѣромъ: вонъ у меня въ горницѣ виситъ сейчасъ картина и на ней разные народы, какіе подъ нашей державой состоятъ. Но почему казаковъ тамъ нѣтъ? Объясните вы мнѣ, сдѣлайте милость! Значитъ, поэтому они въ спискѣ у царя не состоятъ?..

Романъ Ильичъ посмотрѣлъ въ полуоборотъ на Шишова слегка озадаченнымъ взглядомъ человѣка, не быстро соображающаго, но склоннаго къ обидчивости, и враждебнымъ тономъ возразилъ:

— Не можетъ быть! Хвастаешь, должно быть?

— Извольте поглядѣть, ежели не вѣрите... Званія нѣтъ!

Смѣхъ прыгалъ и въ глазахъ, и въ голосѣ Шишова, и похоже было, что вотъ-вотъ онъ брызнетъ изъ него кипящимъ фонтаномъ и захватитъ всѣхъ присутствующихъ.

Бородатый Маштакъ, закуривъ цыгарку и выпустивъ клубъ дыма, который сразу закуталъ почти всю лавку, поспѣшилъ на выручку къ замявшемуся сотнику и сказалъ успокоительно:

— Они при его лицѣ служатъ, онъ ихъ и такъ знаетъ.

— И безъ списка! Вѣрно!.. — радостно-благодарнымъ го-

лосомъ воскликнулъ Романъ Ильичъ и сочувственно ткнулъ связкой кренделей въ сторону находчиваго Маштака: — вѣрно!..

Лохматая папаха его закивала торжествующимъ жестомъ, и черная танцующая тѣнь отъ нея запрыгала къ потолку.

— Это вѣрно! Правильно! А вотъ вы, русскіе, также и хохлы, объ васъ безъ списка того... и позабыть можно...

— Вы насъ, стало быть, съ хохлами равняете? Это даже обидно!..

Шишовъ небрежно-ловкимъ жестомъ отбросилъ долговую книгу въ ящикъ съ подсолнухами и уперся кулаками на прилавокъ.

— Позвольте вамъ на это возразить изъ исторіи. Какъ въ самой древней исторіи сказано, что русскаго вылѣпили изъ сѣрой глины...

— Прочный матеріалъ! — замѣтилъ въ скобкахъ Ферапонтъ, сооружавшій гигантскихъ размѣровъ цыгарку.

— Изъ сѣрой глины... А хохла—изъ пеклеваннаго тѣста..

— Хохолъ — дуракъ! — тономъ безнадежнаго сожалѣнія сказалъ сотникъ.

— Да... Такъ изъ пеклеваннаго тѣста его, — продолжалъ Шишовъ неторопливо, съ манерами опытнаго повѣствователя:— ну-те-съ, хорошо-съ, изъ тѣста... И, стало быть, на этотъ случай прибѣгла собака... Прибѣгла къ тому дѣлу собака, сцапала хохла и проглотила. Проглотила—бѣжать! И сколько бѣжала, все хохлами...

При неожиданно-звонкой риѳмѣ, созданной прянымъ словомъ, сотникъ затрясся отъ смѣха, и животъ его, какъ студень, долго еще колыхался даже послѣ того, какъ дружный, заливистый общій хохотъ другихъ слушателей смолкъ, и они ждали продолженія.

— На конецъ того дѣла, вдарилась она объ уголъ, и выскочилъ изъ ней хохолъ съ плугомъ,—продолжалъ Шишовъ.

— И зъ волами?—спросилъ Попковъ, подражая малороссійскому выговору и давясь отъ смѣха.

— И съ волами. Вотъ отколь они все на волахъ-то ѣздятъ!..

И когда Шишовъ кончилъ свою забавную исторію, въ которой съ несомнѣнностью доказывались всѣ генеалогическія преимущества русскихъ, т. е. великороссовъ передъ хохлами,—всѣ смѣялись долго, до усталости, сперва разомъ, а потомъ наблюдая нѣкоторую очередь: кто-нибудь вспоминалъ отдѣльный эпизодъ, подсыпалъ крѣпкое замѣчаньице, остроту, и опять изъ лавки въ насторожившуюся темноту

выскакивалъ раскатистый залпъ прыгающихъ звуковъ и звонко разбѣгался въ оба конца нѣмой улицы.

Потомъ какъ-то разомъ смолкли. Сизыми клубами ползъ вверхъ, къ лампѣ, дымокъ. Крѣпкій запахъ табаку сливался съ запахомъ копченой шемайки и дразнилъ голодное воображеніе. Золотая полоска свѣта изъ дверей протянулась черезъ всю улицу и на противоположной сторонѣ выхватила бѣлый уголъ старой хатки до соломенной крыши, низкій плетень и вывѣску съ гигантской буквой *З*, укрѣпленную надъ обвисшею калиткою. Свѣтлый, разостлавшійся по землѣ квадратъ похожъ былъ на кусокъ новой парчи. На немъ яркими блестками играла и пряталась вода въ углубленіяхъ и колеяхъ растоптанной дороги и сѣрѣли матово-шелковистыми узорами, отбрасывая тѣни, высокія безмолвно-грозныя, разорванныя борозды черной осенней грязи. А за гранями,—направо и налѣво, дальше и выше,—висѣла нѣмая, неподвижная темь, охваченная соннымъ оцѣпенѣніемъ. И кто-то оттуда сторожко крался, прислушивался, затаивъ дыханіе, и глядѣлъ внимательными очами на тусклый огонекъ лампы.

— Это вѣрно... хохлы—они мягкій народъ,—сказалъ сотникъ, потрясая мохнатой папахой:—а вотъ вы, русскіе... у-у, дьяволы, сурьезные... да что за натуральная нація!..

Онъ поковырялъ клюжкой по сѣрому наслѣженному полу вспоминая что-то изъ своего минувшаго.

— Разъ меня въ Дубовкѣ... ну такъ обидѣли, такъ обидѣли... Давно, лѣтъ пятьдесятъ прошло, а вспомню и—сейчасъ руки ажъ чешутся!

— Вы по этому случаю на всѣхъ русскихъ и сердце имѣете, ваше благородіе? — почтительно замѣтилъ Ферапонтъ:—дубовскіе, значитъ, виноваты, а мы, шацкіе, отвѣчай!..

— Всѣ вы одной бабки внуки! — Сотникъ энергично взмахнулъ связкой кренделей, и они опять звонко прогремѣли, сообщая короткимъ сердитымъ звукомъ особую убѣдительность его словамъ.

— А что главное—правильности нѣтъ! Норовятъ кучей на одного насѣсть, а не то, чтобы одинъ на одинъ... Мнѣ не то обидно, что били... Бей, песъ съ тобой, ну бей по закону! Я люблю, чтобы правильность была во всемъ...

Романъ Ильичъ строго, въ полуоборотъ, посмотрѣлъ на Ферапонта воинственнымъ взглядомъ, ожидая возраженій. Но Ферапонтъ не возразилъ, а, отвернувшись изъ вѣжливости, выпустилъ зарядъ дыма по направленію къ улицѣ и затѣмъ изобразилъ на своемъ лицѣ самое почтительное вниманіе. Сотникъ провелъ костылемъ по темному, грязному

полу прямую линію,—жестикуляція часто опережала у него слово,—и голосомъ старой грусти началъ:

— За досками мы ѣздили, значитъ. Съ фурами. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было,—на быкахъ. Наклали фуры,— я, по грѣшности, въ харчевню: выпью, думаю, на дорогу шкаликъ...

— Для дороги это вещь пользительная, — одобрительно замѣтилъ агентъ Попковъ.

— Ну, понятно!—съ нѣкоторой стремительностью присоединилъ свое мнѣніе и Ферапонтъ.

— Да, не вредитъ,—согласился Романъ Ильичъ:—ну... взошелъ. А ихъ тамъ, этого мужичья, руки не пробьешь! Галдятъ, у стойки сбились въ кучу. А у меня воза стоятъ, некогда до смерти. И все-таки я—офицеръ, само собой...— Посторонитесь!—говорю.—„Чаво посторонитесь? Ка-кой широкій! Самъ посторонись!"—Дайте дорогу,—говорю,—я офицеръ!—„Мы изъ тебя не видимъ, офицеръ ты или нѣтъ, а за свои деньги въ кабакѣ каждый шароварится можетъ". Ну, я въ тѣ времена помоложе былъ, на руку проворенъ. Ахъ, ты,—думаю,—мужицкая твоя морда! Развернулъ— черкъ одного въ сопатку! Онъ назадъ себя... Подались. Я тутъ другого. Они къ двери.—Бѣ-ѣжать?.. Стой, думаю, не уйдешь! Сердце во мнѣ даже разгорѣлось, и началъ я ихъ тутъ ссланивать—кого въ ѣдало, кого въ пузо, кого въ затылокъ... Мужичье!.. Только какой-то подлецъ—не знаю какъ—подкатился мнѣ подъ ноги, я и выстелился черезъ него. Ну, тутъ ужъ они всѣ на меня... И, пока наши отъ возовъ-то прибѣгли, они мнѣ сыпнули!.. И будь бы у нихъ понятіе, ежели бы не всѣ кучей лѣзли одинъ на другого,— каждому хотѣлось поскорѣй вдарить,—то аминь бы тутъ мнѣ былъ... ей-ей! А то они сбились надо мной, суютъ руками, а размахнуться негдѣ, безъ толку все... Тѣмъ и спасся! Кровь была, а такъ пятно чтобы гдѣ—ничего не было!..

Романъ Ильичъ съ побѣдоносной улыбкой оглянулся на своихъ слушателей, и они каждый по-своему выразили свое радостное изумленіе. Шишовъ издалъ тонко-свистящее шипѣніе: тссс... Маштакъ добродушно загнулъ многоэтажное слово по адресу несообразительныхъ дубовскихъ мужиковъ, а Попковъ коротко сказалъ: «галманы!»

Ферапонтъ покрутилъ головой и затѣмъ осторожно, тономъ извиненія, замѣтилъ:

— Да вѣдь на своей сторонѣ, понятное дѣло, тамъ стѣны помогаютъ... Тоже нашего брата тутъ у васъ мало ли учатъ?

— И правильно!—сказалъ Маштакъ добродушно-грубымъ тономъ.—Вашъ братъ тоже... вродѣ жида на нашей сторонѣ...

Придетъ, къ примѣру, въ лаптяхъ, въ однихъ порткахъ, глядишь—черезъ мѣсяцъ у него сапоги амбурскаго товару, триковый пиджакъ, штаны по журналу спиты... А все плохо имъ! Сунься-ка мы къ вамъ,—вы утрете скоро! Вонъ ихъ благородіе—офицеръ, и то не постѣснялись...

Маштакъ немножко издѣвался, подтравливалъ Романа Ильича. Старый сотникъ поддавался на этотъ пріемъ и переходилъ отъ общихъ положеній къ натиску на самаго смирнаго представителя великорусскаго племени. Ферапонтъ же былъ очень удобенъ для такихъ невинныхъ потѣхъ. Но на этотъ разъ сотникъ пошелъ стороной. Героическія воспоминанія разбудили въ немъ духъ тщеславія, и онъ не безъ хвастовства воскликнулъ:

— Ну, я и самъ въ долгу не остался! Нѣ-ѣтъ! Я тоже одному послѣ того вложилъ... Чтобы онъ зналъ да помнилъ обѣдъ да полдни...

И разсмѣялся очень довольнымъ смѣхомъ.

— Дегтярь... Тоже изъ дубовскихъ...

Онъ сдѣлалъ продолжительную паузу, потупился, почертилъ клюжкой по полу, покрутилъ головой и снова разсмѣялся,—видимо, забавное было воспоминаніе.

— Отъ обѣдни иду... воскресенье какъ разъ было. Народъ, конечно. Шинель на мнѣ съ капюшономъ. Николаевская, офицерская. Вотъ онъ и ѣдетъ.—„Дегтю! Дегтю!..“—Стой! ты отколь?—„Дубовскій, ваше благородіе“.—Ты дубовскій?!—„Дубовскій“... Заразъ я шинель съ себя долой, повѣсилъ ее къ Митрій Иванычу на ворота.—Ты дубовскій?!.. Развернулъ, к-какъ дамъ ему сюда! Онъ брыкъ съ дрогъ! Картузъ—въ сторону, виски кучерявые, какъ у стараго барана. Вцѣпился я въ нихъ и началъ водить... Водилъ-водилъ.—„Ваше благородіе, помилуйте!“—А-а, сукинъ сынъ! по-ми-луйте? Закажи своимъ дубовскимъ, какъ донского офицера бить!—„Ваше благородіе! ни въ жизнь пальцемъ никого не тронулъ!“—А-а, не тро-нулъ?—„Отъ рода жизни! Нитнюдь!“—А меня кто утюжилъ, такой разъэтакій?—„Впервой вижу васъ, ваше благородіе! Помилуйте! Кто другой развѣ, ну никакъ не я“...—Не ты, такъ твой братъ, не братъ—такъ сватъ, не сватъ—такъ кумъ, одна категорія!.. Опять вожу. Ажъ усталъ... Ну, выпустилъ. Какъ вскочитъ онъ на дроги и по-шелъ! Какъ оглашенный... Лошадь справа-слѣва кнутомъ, маршъ-маршъ! Безъ шапки, безъ всего! Только и видать, какъ лошадь нахлыстываетъ...

Романъ Ильичъ затрясся отъ смѣха и зашипѣлъ горломъ. Порой онъ останавливался на мгновеніе и, задыхаясь, быстро выговаривалъ:

— Виски у него... патлы-то... раскудлатились во-о какъ..

я всѣми десятью въ нихъ... Водилъ-водилъ... Ты дубовскій, говорю...

Шишовъ, весь багровый, качался впередъ и назадъ, кланяясь прилавку, и въ глоткѣ у него бурлилъ и клокоталъ водопадъ, а на рѣсницахъ блестѣли слезы. Маштакъ сыпалъ крупную, басистую трель, и было странно, что изъ его огромной бороды вылетаетъ такой горохъ разсыпчатыхъ и проворно скачущихъ звуковъ. Попковъ беззвучно трясся тощимъ тѣломъ и, въ тактъ подпрыгивающимъ плечамъ, изъ носа его отрывисто и быстро вылетали одинъ за другимъ маленькіе клубочки табачнаго дыма. Ферапонтъ чихалъ, кашлялъ, крутилъ головой и повторялъ, держа двумя пальцами цыгарку, какъ камертонъ, вровень съ ухомъ:

— Кабы знатье, не надо бы признаваться ему, что дубовскій...

— Съ той поры, небось, не показывается въ станицу?— отдохнувъ отъ смѣха, спросилъ Шишовъ.

— Да врядъ!.. А ежели и покажется: „я—не дубовскій", молъ...—отвѣтилъ за сотника Ферапонтъ.

— А ты, Ферапонтъ, не дубовскій?—трясясь отъ смѣха, спросилъ Попковъ.

— Нѣ, не дубовскій...—подъ общій смѣхъ поспѣшно отказался Ферапонтъ.

— То-то, гляди!—разсыпая свой крупный горохъ, проговорилъ Маштакъ:—а то ихъ благородіе... того... видишь, костыль какой?

— Нѣтъ, гляжу я, ты—дубовскій?—задыхаясь отъ приступа смѣха, едва выговорилъ Попковъ.

— Я—шацкій... Мы не виновны въ ихъ благородіи...

— Ну, шацкіе — ребята хватскіе: семеро одного не боятся,—благодушно замѣтилъ Романъ Ильичъ.—Но тоже... у меня смотри въ оба.

— Чтобы не выскочили изъ лоба!—подхватилъ Маштакъ.—А онъ, ваше благородіе, все подъ вашу землю цѣлится!..

— Да! Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ со слезами на глазахъ, весь багровый, Шишовъ:—къ чему, говоритъ, офицерамъ участки? Они, все равно, не работаютъ ее, а я бы ее къ дѣлу произвелъ... Отобрать бы, говоритъ...

— О-то-брать?—Романъ Ильичъ насупился и сдѣлалъ свой воинственный полуоборотъ въ сторону Ферапонта:— Вотъ, на́!

Три толстыхъ пальца сложились въ извѣстную комбинацію и вмѣстѣ съ клюжкой устремились по направленію къ Ферапонту.

— Ишь ты, умникъ! Пра-а, умникъ!.. Я заслужилъ, а ему отдай... Мужику? Это за какія же заслуги?..

— Шутятъ это они, ваше благородіе,—оправдываясь, сказалъ Ферапонтъ, съ нѣкоторымъ опасеніемъ поглядывая на клюжку сотника:—это вродѣ смѣху у нихъ...

— Ты что же это, я вижу, брехунами насъ хочешь передъ людьми поставить?—притворяясь обиженнымъ, возразилъ Шишовъ:—скажешь, небось, не говорилъ про землю?

Ферапонтъ смутился. Было дѣло, конечно. Но развѣ это въ серьезъ? Это лишь мечты, это такъ себѣ, для разгулки времени. Вѣдь вотъ и сотникъ, напримѣръ, толкуетъ часто о царствѣ небесномъ, а кто же скажетъ, что онъ попадетъ туда? Съ такимъ животомъ въ рай не пролѣзешь: ворота узки... Ну, и о землѣ тоже. Поговорили и только... Много ли бѣды отъ этого?

— Я, братъ, заслужилъ себѣ землю. Поди заслужи, и у тебя будетъ участокъ,—сказалъ Романъ Ильичъ строго-наставительнымъ тономъ.

— Не тѣ времена нынче, ваше благородіе,—вздыхая, сказалъ Ферапонтъ:—нынче войны стали серьезныя, хитрости большой надо. А тогда какъ служивали? Какое оружіе было? За виски другъ друга да подъ ножку,—вотъ и вся война. А нынѣ поди-ка! Онъ тебя вонъ отколь цѣпляетъ... за сколько верстовъ!

— Н-ну... нѣтъ, братъ, сурьезно дрались и тогда. Ты думаешь, я страху не видалъ? Еще какъ Господь вынесъ! Вспомнишь—морозъ по кожѣ... Офицерство-то не даромъ тоже досталось!

Опять прошлое съ его героическими очертаніями всплыло передъ глазами Романа Ильича и разбудило въ немъ задоръ неудержимаго самопрославленія. Онъ повѣсилъ на руку свою связку кренделей, придвинувъ ее къ локтю, сложилъ ладони на изгибѣ клюжки и уперся на нихъ животомъ. На толстомъ лицѣ его появилось выраженіе торжественности.

— Черезъ кобылу чуть не пропалъ,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ, какъ бы по секрету.—Была кобылка у меня гнѣдая... иноходая... черезъ нее! Урядникомъ еще тогда былъ. Ну, значитъ, не судьба пропасть. Даже офицерство получилъ. Произвели...

Онъ кивнулъ Ферапонту головой съ наивнымъ хвастовствомъ: вотъ, молъ, какъ! И замѣялся. Засмѣялся и Ферапонтъ. Въ самомъ дѣлѣ, было смѣшно, что эта толстая, сырая, медлительно-важная фигура въ сѣромъ пальто и въ шапкѣ съ краснымъ, обшитымъ позументомъ верхомъ, простовато-смѣшная на видъ, могла когда-то не только усидѣть

на лошади, но даже ограждала отечество, подвергалась опасности, совершала геройскія подвиги...

— Сѣли мы, значитъ, обѣдать,—грузно вздыхая, продолжалъ сотникъ:—на бивакѣ, разумѣется. Наварили мяса, борщъ въ котлахъ, само собой... Сѣли. Ну, только за ложки,—тревога! Бацъ-бацъ-бацъ-бацъ—изъ лѣску! У, будь ты трижды анаѳема! Сила-то его и не очень велика, видать: стрѣлять стрѣляетъ, а въ атаковку опасается... Ну, что дѣлать! Всѣ къ лошадямъ, понятное дѣло, котлы опрокинули, и по ложкѣ проглотить не пришлось. Гляжу я: куски мяса въ котлѣ, да какіе куски! во-о... жирные, съ хрящикомъ, самая грудинка! А ѣсть хочется—кожа трещитъ! Фу, думаю, зря пропадетъ такое добро... Скорымъ маршемъ сейчасъ кусковъ съ пятокъ—въ сакву: годятся! Перекинулъ сакву за сѣдло—лишь вскочить успѣлъ: какъ понесетъ моя кобыла! Какъ пойдетъ чесать! Какъ пойдетъ! Сбѣсилась и—кончено дѣло! Пошла и пошла! Да вѣдь ка-акъ? Пуля-пулей! Прямо на нихъ, на венгерцевъ... Пропалъ! Читаю „Живой въ помощи", пику уронилъ, шашку и выхватить не успѣлъ,—обѣими руками тяну поводья,—шумлю, не помню чего... одно слово—пропадаю! Вѣтеръ зеленый въ глазахъ, ничего не вижу... Чую только, что прямо съ размаху въ нихъ влетѣлъ,—какъ загомятъ кругомъ! Голоса своего не слышу!.. Одинъ секунтъ и—нѣтъ ужъ ихъ... упустили! Въ садъ въ ихній, значитъ, вылетѣлъ,—не успѣли схватить,—и пошелъ чесать дальше! И пошелъ! Пульки двѣ надъ самымъ ухомъ—жикъ! жикъ! А я чешу!.. Вѣдь это разсказывать-то долго, а тамъ—ну, не больше минуты было... просто, и плюнуть бы не успѣлъ... Ну и кобыла, будь она неладна! Такой ядъ... Ракета, а не лошадь!..

— Ну, какъ же вы, ваше благородіе, назадъ-то?—притворно изумленнымъ и немножко льстивымъ голосомъ спросилъ Ферапонтъ.

— Да пріѣхалъ и только. Обскакалъ верстъ пять—вотъ и опять на своихъ наткнулся. Не чаяли даже въ живыхъ видать, а я—вотъ онъ.—„Отколь,—командиръ говоритъ,—въ тебѣ такая отчаянность, Евтюхинъ?"—Не могу знать, ваше высокоблагородіе... А самъ ужъ послѣ додулъ, что кобылу-то свою мясомъ я прижегъ,—съ того и сбѣсилась... Ну, Господь... Никто, какъ Господь...

— Значитъ, быть живому,—солидно замѣтилъ Маштакъ.

— Да, значитъ, не помереть,—заключилъ и Ферапонтъ.

— А ты все говоришь: за что господамъ земли много?—съ оттѣнкомъ упрека сказалъ ему Романъ Ильичъ:—за что имъ земля? Вотъ поди-ка, послужи... Ты страху не видалъ? А-а, то-то! А я его знавалъ... да...

— Посади его на эту кобылу...—весело скаля зубы, сказалъ Попковъ, и опять клубочки дыма стали выпрыгивать изъ его носа одинъ за другимъ.

— Упалъ бы! Ей-Богу, упалъ бы!—подхватилъ Шишовъ тонкимъ голосомъ, и долго сдерживаемый смѣхъ вырвался у него свистящимъ потокомъ.

— Упалъ бы!—съ увѣренностью сказалъ Романъ Ильичъ, и животъ его опять задрожалъ, какъ студень.

Ферапонтъ хотѣлъ возразить, но воздержался, ничего не сказалъ.

— Такъ-то, другъ!—постукивая костылемъ, сказалъ сотникъ:—господская земля — она потомъ-кровью досталась. Кровью взята, кровью и отдается. А такъ, чтобы зря получить, не на-дѣй-ся! На чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай да свой затѣвай!

Ферапонтъ, начиная чувствовать себя, дѣйствительно, человѣкомъ безъ всякихъ заслугъ и потому виноватымъ, проговорилъ смиреннымъ тономъ:

— Да я и то... не того... Я на вольныя земли все думаю. Въ Сибирь... Вотъ весны дождусь. Весна вскроется, уѣду!

И онъ внимательно занялся новой цыгаркой. Романъ Ильичъ посмотрѣлъ на него опять въ полуоборотъ, но не воинственно, а просто удивленно, съ усиліемъ туго соображающаго человѣка, потомъ сказалъ:

— Куда-а тебѣ... съ дѣтьми!

— Съ дѣтьми и идтить,—увѣренно, сквозь стиснутые зубы, не выпуская цыгарки, сказалъ Ферапонтъ:—у меня четверо. А тамъ по пятнадцати десятинъ на душу...

— Это что-же? Да ты чистый помѣщикъ будешь!—съ дѣланнымъ испугомъ воскликнулъ Шишовъ.

— Очень просто! Пять душъ насъ, напримѣръ,—участочекъ добрый!

Ферапонтъ давно грезилъ вольными землями. Но все какъ-то такъ выходило, что онъ оставался въ станицѣ, жилъ въ саманной избушкѣ, мерзъ, голодалъ, перебивался коекакъ и въ осенніе вечера, если не было работы, приходилъ въ лавку, чтобы утѣшиться хоть безплатнымъ табачкомъ.

— У поповъ восемь коровъ, у дьякона девята... закуривай, ребята!—уныло шутилъ онъ передъ каждой цыгаркой и уходилъ изъ лавки послѣднимъ.

Несмотря на то, что онъ былъ спеціалистомъ по многимъ отраслямъ ремесленнаго знанія, — лѣтомъ рабатывалъ на кирпичномъ заводѣ, осенью портняжилъ, зимой валялъ валенки,—заработокъ его былъ неизмѣнно скуденъ и, главное, грѣшилъ почти такимъ же непостоянствомъ, какъ военная удача. Бывали дни, когда вся семья Ферапонта существо-

вала лишь на ту добычу, которую приносила изъ церкви его теща: старуха становилась на паперти, и если у кого-нибудь въ станицѣ случались поминки, то перепадало кое-что и на долю фамиліи Тюриныхъ. И въ иные счастливые дни на столѣ у Ферапонта появлялись даже остатки лапши и сладкаго пирога съ черникой, куски студня, блинцы, а то и пять-шесть леденцовъ-монпансье. Не часто, конечно, это бывало, но бывало. Старуха обладала и умѣньемъ выпросить, и—при случаѣ—даже проворствомъ рукъ. Золотая была старуха!

Но эта подсобная статья слишкомъ явно отзывалась капризною случайностью и непрочностью, подобно зыбкому мостику изъ старой ольховой жерди, переброшенному черезъ рѣчку Прорву. Мечты о лучшей жизни, самостоятельной, прочно независимой, съ запасцемъ, съ большей увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, постоянно носились передъ Ферапонтомъ въ образѣ земли. Хотя онъ и не былъ кореннымъ землевладѣльцемъ,—съ дѣтства онъ переходилъ отъ одного ремесла къ другому,—мысль о землѣ не оставляла его въ покоѣ. Земля являлась къ его воображеніи въ чудесномъ образѣ волшебной скатерти-самобранки, которая по одному хотѣнью да по щучьему велѣнью предоставляетъ въ минуту все: и хлѣбъ, и вино, и елей, и гамбургскіе сапоги, и лапшу съ курицей, и кашемировый платокъ Лукерьѣ, и собственный самоваръ, и валенки ребятишкамъ. Когда далеко въ сторонѣ—не на Дону—проходила полоса забастовочнаго и аграрнаго движенія, Ферапонтъ жадно прислушивался къ его отголоскамъ, долетавшимъ и сюда, въ степной уголокъ, и смутно надѣялся, что подошло, въ самомъ дѣлѣ, время, когда мечты его о землицѣ, наконецъ, облекутся въ плоть. Что-жъ тутъ невозможнаго? Много-ли, въ самомъ дѣлѣ, ему и надо-то? Хоть бы половину супротивъ казаковъ... Одно время онъ готовилъ мѣшки, собираясь вмѣстѣ съ компаніей другихъ голодныхъ мечтателей сдѣлать „забастовку", т. е. погромъ на новой мельницѣ Вебера,—муки уже очень надо было. Но предпріятіе такъ и не вышло изъ области предположеній, потому что не нашлось студента, который былъ необходимъ, по общему мнѣнію, для руководства. Пришлось утѣшать себя лишь слухами о нарѣзкѣ...

Потомъ и слухи эти какъ-то вдругъ схлынули такъ же, быстро, какъ быстро они поднялись на гребень взбудораженной народной жизни. И все опять вернулось къ тому, какъ было. Уныло потянулась сѣрая полоса дней, полныхъ нужды и случайностей. А безпокойная мечта о лучшей жизни, болѣе основательной и сытой,—какъ червь, все-таки копошилась въ смирной головѣ и металась отъ одного фан-

тастическаго плана къ другому. Всѣ они основаны были на непреложныхъ фактахъ дѣйствительности, но всѣ походили на чудесный, легкій сонъ...

Вонъ Тараска Вершининъ принесъ изъ полка большія деньги. Всего четыре мѣсяца послужилъ—и семьсотъ! Говоритъ: въ карты выигралъ. Вретъ, должно быть? Обворовалъ или ограбилъ кого-нибудь. Но что же невозможнаго и въ карты? Можно выиграть! Бываетъ, фортунитъ человѣку,.. И тотчасъ-же пылкая фантазія начинала рисовать Ферапонту, какъ онъ сѣлъ играть въ карты съ этимъ самымъ Тараской и обыгралъ его: взялъ эти семьсотъ; затѣмъ купилъ у Барабона хату о двухъ теплыхъ за 230, покрылъ ее желѣзомъ и надъ воротами воздвигъ вывѣску съ надписью подъ изображеннымъ на ней коричневымъ сюртукомъ: „мастеръ Ферапонтъ Степанычъ Тюринъ". Два подмастерья у него, самъ третій. Машина стучитъ, весело лязгаютъ ножницы, шипитъ по смоченной матеріи утюгъ, пѣсня выбѣгаетъ на улицу:

Во слободкѣ молода вдова живетъ...

Чѣмъ не жизнь? Если обыграть Тараску... Жаль, сѣсть не съ чѣмъ, а то бы обыгралъ,—плевое дѣло! Обыграть ничего не стоитъ...

А то, вотъ, совсѣмъ въ рукахъ былъ случай... Года два назадъ кучеръ Кочетокъ вытащилъ у Романа Ильича чулокъ съ золотыми. Вытащилъ и зарылъ въ песокъ на косѣ. Но когда, отсидѣвши въ острогѣ свои годъ и четыре мѣсяца, онъ пришелъ опять на косу, то никакъ не могъ разыскать мѣсто, гдѣ зарывалъ деньги. Покопался, покопался въ пескѣ и ушелъ съ пустыми руками. А дѣвчата нынѣшней весной купались и напали на эти самые червонцы сотника. Тоже хорошо поджились. А вѣдь онъ, Ферапонтъ, сколько разъ на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ и даже сидѣлъ. Если бы знать... Ну, да подойдетъ и его полоса. Почему-то онъ увѣренъ, что непремѣнно найдетъ чулокъ съ золотыми. Ну, чулокъ не чулокъ,—кубышку. Попадаются также старинные горшки съ серебряными рублями, съ крестовиками. Надо лишь знать, гдѣ покопаться. Ефимъ Широкій говоритъ, что въ курганахъ этого добра,—сдѣлай одолженіе! А онъ знаетъ, у него есть книга „Черной и бѣлой магіи". Что-жъ, копать мы можемъ, это дѣло нашихъ рукъ...

Хорошо еще, если подъ годъ хлѣба засѣять побольше. Только угадать, какой хлѣбъ въ цѣнѣ будетъ. Вотъ сейчасъ пшено до двухъ рублей дошло. Ежели, скажемъ, десятинъ шесть-семь заметать, да ежели вокругъ Троицы пройдетъ добрый дождь, то по сто мѣръ считай на десятину! Шестьсотъ-семьсотъ мѣръ, на пуды это близко къ тысячѣ... Вѣдь

это куча денегъ! И каши—ѣшь—не хочу!.. Безпремѣнно надо посѣять побольше проса. Эхъ, если бы земля!..

Разъ въ казенной винной лавкѣ Ферапонтъ увидѣлъ на стѣнѣ большой листъ съ двуглавымъ орломъ.

— Что за афишка?—полюбопытствовалъ онъ.

Сидѣльцы прочитали ему: говорилось тамъ о вольныхъ земляхъ въ Сибири. До этого Ферапонтъ думалъ, что удобнѣе переселить на вольныя земли господъ: ихъ поменьше и они, какъ будто, не такъ семьянисты, какъ мужики. Но господа, повидимому, упираются противъ переселенія. А глупы: про вольную Сибирь такъ хорошо расписано въ афишкѣ подъ двуглавымъ орломъ. Ферапонтъ махнулъ рукой и произнесъ: —Уважу... переселюсь самъ...

— Вонъ Спиря поѣхалъ новыхъ мѣстовъ искать да жену тамъ похоронилъ... назадъ идетъ,—сказалъ сотникъ предостерегающимъ тономъ.

— Ну, у меня баба корпусная, не скоро промретъ,—съ увѣренностью отвѣчалъ Ферапонтъ.

Онъ не вралъ. Лукерья была почти вдвое выше его и кость имѣла широкую, богатырскую. Ферапонтъ и она казались мало подходящей парой другъ для друга, но сложились такъ обстоятельства, что безродный Ферапонтъ былъ удостоенъ вниманіемъ Лукерьи и вошелъ въ саманную хату Гугнихи законнымъ зятемъ. Не разъ, правда, на первыхъ порахъ ему приходилось слышать соболѣзнующіе разговоры сосѣдокъ съ Лукерьей:

— И плохенькаго мужишку ты нашла себѣ, Луша!

На это Лукерья трезво-практическимъ тономъ отвѣчала:

— Ничего. Лишь бы шапка на головѣ была... Хорошаго-то возьми, а онъ все пропьетъ, да въ орла проиграетъ. Вонъ у Колобродихи однѣ стѣны остались. А казакъ-то какой: изъ-подъ ручки поглядѣть!..

Ферапонтъ былъ мужемъ, удобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Угловатая, смуглая до закоптѣлости Лукерья, съ крупными чертами рябого лица, не рождена была плѣнять сердца и сама была глубоко равнодушна по части нѣжныхъ чувствъ. Но нужда полуголоднаго существованія еще до замужества заставила ее стать жрицей богини любви. Выйдя за Ферапонта, она тоже не стѣснялась въ способахъ заработка. Тѣло ея—большое и мягкое,—находило своеобразныхъ любителей красоты этого сорта. Разъ въ недѣлю приглашалъ ее мыть полы въ своемъ домѣ вдовый батюшка о. Никандръ, и каждый разъ Лукерья уходила отъ него съ лишнимъ двугривенничкомъ, противъ условленнаго пятиалтыннаго, да съ десяткомъ бѣлыхъ мятныхъ пряниковъ. Заходили иногда подгулявшіе казаки, пріѣзжіе хуторяне,—съ своей

водкой и закуской. Ферапонтъ очень охотно угощался съ ними, быстро хмелѣлъ и смирно засыпалъ за столомъ, предварительно извинившись передъ всѣми собесѣдниками за то, что скоро ослабъ. А гости послѣ этого поочередно раздѣляли въ чуланѣ его супружеское ложе. И послѣ нѣсколькихъ такихъ визитовъ, Лукерья могла пойти въ лавку къ краснорядцамъ Скесовымъ и купить своимъ ребятишкамъ по рубахѣ. Завѣтной мечтой ея было собрать рубля четыре и начать тайную торговлю водкой,—хорошіе барыши можно было бы выручать... Но это тоже оставалось лишь мечтой.

— Сторона холодная—Сибирь, ребятенокъ поморозишь!—сказалъ опять Романъ Ильичъ, и похоже было, что хотѣлъ онъ остановить Ферапонта, какъ будто жаль было ему потерять обычнаго собесѣдника, такого удобнаго и безобиднаго: надъ нимъ и смѣйся, сколько хочешь, его и выругать свободно, и нравоученіе сдѣлать можно...

Ферапонтъ выпустилъ зарядъ дыму по направленію къ улицѣ и равнодушно-спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Ничего. Тутъ скорѣй кабы не замерзнуть... Тоже нажитки-то не первой гильдіи.

— А чѣмъ плохо? Вѣдь живешь? Кормишься? Еще дѣтей какую кучу развелъ!

— Кормлюсь. Два дня не ѣвши, третій такъ...

— Нехай ѣдетъ! Намъ просторнѣй будетъ!—сказалъ Маштакъ, и Ферапонту показалось, что въ насмѣшливо-суровомъ голосѣ его звучитъ все-таки досада и сожалѣніе о томъ, что онъ, Ферапонтъ, рѣшилъ покинуть станицу.

— А я тебя чѣмъ стѣснилъ?

— Да маячишь тутъ, въ глазахъ... Шелъ бы въ свою Рассею, въ городъ Шацкій...

— Шацкіе—ребята хватскіе...—засмѣялся сотникъ, крутя головой.

— Кабы у меня земля тамъ была,—возразилъ Ферапонтъ печально.

— Земля, земля!.. Чего ты изъ ней будешь кроить? Ты сужетъ о землѣ имѣешь, какъ портной, безо всякаго понятія. Это надо соображать, что такое, напримѣръ, обозначаетъ земля! Ѣсть ее не будешь, землю...

Ферапонтъ немножко оробѣлъ передъ сердитымъ натискомъ Маштака и слабо возразилъ:

— Ѣсть... ѣдятъ, что-ль, ее?

— То-то и я говорю! Къ землѣ надо большое приложеніе имѣть. Нужна скотина—разъ; плугъ, борона, коса—два; а тамъ—катокъ, вѣялка, арба да бичева, да сбруя—три... Къ землѣ, братъ, много надо. Голыми руками ее не всковыряешь! Прикинь-ка на счетахъ, какъ это обойдется?

— А безъ земли? Ну-ка, ты поди безъ земли-то пощеголяй!

— И даже съ удовольствіемъ. Въ стражники уйду. Мѣсяцъ прошелъ—подай полсотни! А тамъ, глядишь, какой двугривенный и набѣжитъ... А въ моей землѣ какой толкъ? Солонецъ, глина, выпашь. Ржавь одна. Въ людяхъ хлѣбъ, а у меня хлѣбишко. Ворочаешь - ворочаешь горбомъ, и нѣтъ ни черта ничего! Вотъ по пятнадцати мѣръ съ десятинки взялъ—все тутъ; и на сѣмена, и на ѣмена. А ты что? У тебя деньги горячія: поковырялъ, скажемъ, иглой—вотъ она, полтина, дай сюда...

— Да, я наковырялъ,—горько усмѣхнулся Ферапонтъ.—Была машина, ѣсть нечего, понесъ въ постъ къ Хритону въ закладъ. Машина полусотку стоила,—вотъ и Нестеръ Васильичъ скажетъ, какъ агентъ,—а онъ: „возьми пятнадцать". Человѣку, что-жъ, случай... что-жъ не поджиться! Я такъ-сякъ.—Сдѣлай милость, Хритонъ Савельичъ, ай у тебя человѣческой совѣсти нѣтъ?—„Не хочешь,—говоритъ,—не надо. Я силой не вынуждаю". А мучицы нѣтъ, ребятенки кусокъ просятъ. Взялъ пятнадцать. Къ Троицѣ отдать—двѣ красныхъ, а ежели къ Петрову дню—четвертной билетъ.—„Расписку,—говоритъ,—не надо: я на совѣсть"... Въ покосъ кое-какъ наскребли съ Лукерьей четвертную. Понесъ 10-го числа іюля, на Положеніе Честныя Ризы:—„Нѣтъ—говоритъ,—говорено было къ Петрову дню четвертной, а сейчасъ давай три красныхъ". Просилъ-просилъ, молилъ-молилъ его,—никакъ! Такъ и теперь у него... дешево досталась машинка человѣку... Вотъ тутъ и зарабатывай полтины!..

— Горячія деньги! — горько-ироническимъ тономъ повторилъ Ферапонтъ послѣ паузы:—онѣ горячо и идутъ, горячія деньги. Глядишь: рубахъ нѣтъ... Рубахи взялъ,—хлѣба! Хлѣба взялъ,—дровъ! Такъ оно и идетъ: вертишься всю жизнь, какъ чортъ въ рукомойникѣ...

— Неужели у тебя залогу нѣтъ про черный день?—удивился сотникъ, и въ голосѣ его слышался снисходительный упрекъ сытаго человѣка голодному за то, что онъ голоденъ.

—Отколь же ему быть, залогу, ваше благородіе?—сказалъ Ферапонтъ, деликатно улыбаясь надъ наивностью вопроса:—вѣдь ихъ у меня, ртовъ-то, вонъ сколько! Одни родятся, другіе помираютъ, а все на него расходъ. Ужъ рубля три меньше не обойдется, когда родится: первымъ долгомъ—бабкѣ второе—за крестины, того-сего... А умретъ—тоже за все заплати. Малому что? У него всего много, всѣмъ доволенъ... всѣмъ достоинствомъ: и богатъ, и ни объ чемъ голову не ломаетъ...

— А въ Сибири, думаешь, дешевле за это берутъ?

— Надобности нѣтъ. Тамъ есть изъ чего. Тамъ первымъ

долгомъ, по пріѣзду, даютъ двѣ сотенныхъ на хату да три сотенныхъ на обзаведеніе...

— Н-ну?

— Ей-Бо!.. У меня тамъ дядя родной.

Ферапонтъ совралъ про дядю, но такъ какъ онъ слышалъ эти фантастическія цифры отъ другого такого же, какъ самъ, мечтателя, у котораго въ Сибири, будто бы, дѣйствительно былъ дядя, то онъ теперь на время присвоилъ себѣ этого дядю для большей убѣдительности.

— Это хорошо, — сказалъ Романъ Ильичъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Куды лучше!—согласился Ферапонтъ.

— На пятьсотъ можно даже очень порядочное дѣло развить не то въ Сибири, а и у насъ,—замѣтилъ Шишовъ.

— Первымъ долгомъ построю хату...—вдохновенно заговорилъ Ферапонтъ, опуская глаза на огонекъ цыгарки, отчего лицо его стало серьезно-соображающимъ:—лѣсъ тамъ дешевый, сдѣлай милость—стройся! ни по чемъ лѣсъ!

— Протяжной или круглый думаешь?—освѣдомился Маштакъ. Нельзя было угадать, смѣется онъ или въ серьезъ любопытствуетъ: заросшее бородой лицо его всегда было немножко звѣрообразно, и мудрено было распознать на немъ шутку.

— Не обожаю я протяжныхъ домовъ,—топка большая требуется. Скруглимъ. Три теплыхъ съ колидоромъ, въ колидорѣ тальянское окно сдѣлаю. Людей мнѣ не просить, плотничать я и самъ могу, тоже топоръ изъ рукъ не вырвется... А изъ пятисотъ выгадать можно... Вѣдь земли-то—область!

Ферапонтъ сдѣлалъ широкій жестъ цыгаркой.

— На пять душъ дадутъ: на четырехъ ребятъ да на самого, бабы въ счетъ нейдутъ. По пятнадцать десятинъ! Это... это... Прикинь, Ѳедотъ Иванычъ, на счетахъ, сколько это выйдетъ? Семьдесятъ пять?

Ферапонтъ давно въ точности высчиталъ, что семьдесятъ пять, но хотѣлось, чтобы и другіе воочію убѣдились, что именно семьдесятъ пять, никакъ не меньше. И Ѳедотъ Иванычъ сразу зналъ, что семьдесятъ пять, но съ небрежною ловкостью привыкшаго высчитывать человѣка щелкнулъ разъ-другой на счетахъ и сказалъ:

— Семьдесятъ пять.

— Д-да... это цыфра!—сказалъ Маштакъ почтительнымъ тономъ.

— Цыфра!—съ восхищеніемъ повторилъ Ферапонтъ:— прямо — область! Семьдесятъ пять... это ленточка добрая выйдетъ... пожалуй, раза три станицу покроетъ? Хороша будетъ полоска!.. Я къ рѣкѣ буду прибиваться ближе,—

тамъ рыбныя рѣки. Въ случаѣ чего: — ну-ка, ребята, бредень! Къ обѣду чтобы свѣжая рыба была! Безъ варева чтобы и домой не показываться!.. Тамъ вѣдь рыба-то: чебаки—во-о!..

Ферапонтъ отмѣрилъ на лѣвой рукѣ до самаго плеча и посмотрѣлъ на всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

— Фу ты, чтобъ его болячка! Въ самъ-дѣлѣ, житье хорошее!—сказалъ Шишовъ восхищеннымъ тономъ:—на счетъ рыболовства и я охотникъ... въ самъ дѣлѣ...

— Что-жъ, пріѣзжай! Удочки захвати!

Ферапонтъ выпустилъ клубъ дыма, заливисто разсмѣявшись своей шуткѣ, и восклицаніе Шишова рѣшительно утвердило его въ мысли, что земля его непремѣнно должна примкнуть къ рѣкѣ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Попковъ съ придирчиво-критикующимъ видомъ, и чувствовалось, что ему какъ будто досадно будущее благополучіе Ферапонта, въ которое всѣ, повидимому, начинали вѣрить:—хорошо... А обзаведеніе?

— Чего обзаведеніе?

— Ну вотъ, напримѣръ, плугъ, бороны, арба... Вѣдь на круглый домъ пятьсотъ ихъ обязательно уложишь. Это ужъ какъ ни верти! А лошадей, напримѣръ, откуда?

— Лошадей?—Ферапонтъ на мгновеніе обнаружилъ какъ будто колебаніе, но затѣмъ рѣшительно сказалъ: — Да, лошадей надо. Добрыхъ лошадей. Плохихъ лошадей я не обожаю. Что онѣ? Какъ она шкапа, такъ шкапа и есть. Ну, на первыхъ порахъ найму спахать десятинъ шестнадцать,— все, глядишь, изъ урожая выручу что-нибудь. Опять-же шитво: за зиму сотенную возьму! Тамъ работы—не какъ у насъ, тамъ хорошія работы, а мастерового народу мало. Это не штука!

Онъ увѣреннымъ жестомъ сдвинулъ цыгарку въ уголъ рта, и всѣмъ показалось на минуту, что онъ сталъ и выше ростомъ, и внушительнѣе.

— Намъ лишь бы земля,—прибавилъ онъ самоувѣренно:— а тамъ мы ее раздѣлаемъ, уйди—вырвусь!..

Помолчали. Были, конечно, основанія и для сомнѣній, но Ферапонтъ подавилъ всѣхъ необычно-самоувѣреннымъ тономъ и своимъ дядей, а потому никто не рѣшился оспаривать его, никому не приходило въ голову и обычнаго желанія подсмѣяться надъ необузданными мечтаніями. Только Попковъ спросилъ, какъ будто, не безъ подковырки:

— Ну-съ, за чѣмъ же дѣло?

— Фитокъ не даютъ. Фитокъ такой требуется. Выправить фитокъ—и кончено дѣло! За дорогу четвертую ко-

2*

пѣйку теперь берутъ. Только бумага требуется, безъ бумаги не дадутъ.

— Хлопочи.

— Хлопоталъ... Къ генералу ходилъ. Говоритъ: „повременить надо. Предписаніе,—говоритъ, — будетъ на это. А пока повремени, зря не безпокой, нечего".—Черезъ это самое,—говорю, — ваше превосходительство, и безпокойство наше къ вашей милости, что мучицы нѣтъ, ребятенки кусокъ просятъ... незавидное больно житье наше... — „Ну, потерпи, чего тамъ! Все сдѣлаютъ по высочающему указу".— Что-жъ, потерпѣть можно. Это—въ нашихъ рукахъ. Дѣлать нечего, повременимъ. Сорокъ два года временилъ, а ужъ еще годъ—куда ни шло! Пускай для круглости будетъ сорокъ три...

Онъ вздохнулъ и глухо прибавилъ:

— Одно вотъ—года проходятъ...

Грустная нота прозвучала въ его увѣренномъ тонѣ. И опять онъ сталъ маленькимъ и смѣшнымъ мужичкомъ, надъ которымъ удобно было потѣшиться. Только никому не было охоты. Какъ будто тѣнь прошла по лицамъ. Видно, ни у кого года не стояли на мѣстѣ, уходили, а призракъ счастья, который когда-то, можетъ быть, дразнилъ воображеніе, теперь потускнѣлъ и ушелъ еще дальше. Уходили года, незамѣтные, однообразные, тусклые, и не на что было съ удовольствіемъ оглянуться, ничего отраднаго не видать и впереди. Все досадно-обычное, безнадежно-скучное и неизбѣжное: старость съ нуждой, хворости и страхъ безпомощной заброшенности и ненужности.

Даже Романъ Ильичъ, благополучный, казалось-бы, старикъ, вздохнулъ протяжно и шумно. Покряхтывая, онъ тяжело поднялся съ коробка, на которомъ сидѣлъ, и сказалъ:

— Идтить, а то поздно будетъ. Старуха заложится, не впуститъ.

Шишовъ изъ вѣжливости сдѣлалъ попытку остановить его:

— Что вы, Романъ Ильичъ, восемь часовъ только!

— Нѣтъ, поздно. Пока повечеряешь, пока Богу помолишься. Я вѣдь двѣ каѳизмы на ночь читаю,—прибавилъ сотникъ тономъ наивнаго хвастовства, которымъ иногда грѣшатъ благочестивые люди.

— Это пользительная вещь,—одобрительно сказалъ Шишовъ.

— Двѣ. Всегда ужъ у меня положеніе. Иной разъ ночью проснешься, безсонница,—встанешь, еще одну прочтешь... Ночь-то—годъ!

— Съ этой поры ежели залечь, не то за годъ,—за два покажется!

— Да старуха, боюсь, браниться будетъ: вечерять вѣдь ждетъ... Время. Калунъ, небось, изъ печи ужъ вынула...

Широко отставляя костыли и гремя кренделями, сотникъ двинулся изъ лавки, но на порогѣ остановился.

— Ну, и калуны нонѣ Богъ послалъ, да что-о за сладкіе!—воскликнулъ онъ восхищеннымъ голосомъ: —просто медъ да и только! Животъ ажъ болитъ, до чего сладкіе! Къ ночи просто до того распираетъ, бѣда! Станешь Богу молиться и... просто, неловко даже за молитвой-то... Старуха—и то говоритъ вчера (она у меня сурьезная): „Ты, старикъ, выйди раньше въ чуланъ, постой тамъ, тогда ужъ и Богу помолишься“.

Романъ Ильичъ благодушно заколыхалъ животомъ, глядя, какъ его собесѣдники при послѣднихъ словахъ покатились со смѣху. Поощренный дружнымъ взрывомъ ихъ веселья, онъ выждалъ, пока они насмѣялись и прибавилъ:

— Ну, выйдешь, постоишь,—будто ничего... Долго-то стоять холодно. Вернешься, станешь передъ образами и опять, глядишь, та же исторія... Просто грѣхъ одинъ! Хе-хе..

И, подъ общій заливистый смѣхъ, Романъ Ильичъ, кряхтя и посмѣиваясь, вышелъ на прилавокъ, широко разставляя ноги, далеко впереди себя нащупывая костылемъ коварно-узкія, мокрыя, загрязненныя ступени крыльца. Постоялъ съ минуту въ раздумьи, потомъ рѣшительно шагнулъ въ темную пучину, которая за рубежомъ свѣта казалась бездонной и тотчасъ же, поскользнувшись, мягко, почти беззвучно съѣхалъ внизъ. Успѣлъ лишь крякнуть и произнести:

— Такъ и есть!

Было невысоко, и эта короткая поѣздка не сопровождалась какимъ-либо неблагополучіемъ. И въ то время, какъ Попковъ, Ѳедотъ Иванычъ и Маштакъ, не удержавшись на должной высотѣ благоприличія, залились беззвучнымъ смѣхомъ, Ферапонтъ услужливо поспѣшилъ на помощь и, льстиво, хотя безъ толку, суетясь вокругъ сотника, говорилъ тономъ настоящаго придворнаго:

— Позвольте руку, вашбродь... Измазались? Это не бѣда, ничего. Это не сало: помялъ—оно отстало... Такъ говорится. Дозвольте, я васъ проведу, вашбродь, а то тутъ грязцо... Глазами-то вы уже, никакъ, обнищали?

— Да, притупился. Спасибо, братъ. Ну, доведи...

Ферапонтъ, деликатно поддерживая сотника за рукавъ, шагалъ медленно, съ паузами, и всѣми силами старался показать возможную предусмотрительность и осторожность Прежде чѣмъ шагнуть, онъ долго прицѣливался, вытягивалъ шею, разглядывалъ, потомъ дѣлалъ широкій шагъ съ припрыжкой, удачный, какъ ему казалось, но, тѣмъ не менѣе, каждый разъ угождавшій въ жидкое мѣсиво. Сотникъ

тяжело шлепалъ вслѣдъ за нимъ своими глубокими кожаными калошами, придерживаясь иногда за его плечо и тыкая клюжкой въ стѣны сараевъ, около которыхъ они держались.

Усердіе Ферапонта нравилось сотнику, даже трогало его. И какъ будто жалковато стало, что вотъ этотъ смирненькій, маленькій мужичекъ вдругъ соберетъ свои жалкіе пожитки и броситъ станицу ради какихъ-то невѣдомыхъ вольныхъ земель. Къ чему онѣ ему? Жилъ бы на мѣстѣ. Вѣдь издали когда-то и станица казалась ему вольнымъ краемъ, а вотъ обманули же ожиданія. Однако, хотя сытъ тутъ онъ и не былъ, но и съ голоду люди не дали умереть. А тамъ неизвѣстно еще, что ждетъ его.

И мягко упрекающимъ тономъ Романъ Ильичъ сказалъ:

— А напрасно ты, Ферапонтъ, на эти вольныя земли вздумалъ. Вѣдь, ты подумай: Си-бирь!

— Намъ и тутъ Сибирь, ваше благородіе, — смиреннымъ тономъ сказалъ Ферапонтъ.

Мудрено было возразить на это,—утвержденіе Ферапонта имѣло за собой достаточно основаній,—и Романъ Ильичъ сочувственнымъ тономъ посовѣтовалъ:

— А ты Богу молись! Вотъ и будетъ хорошо...

Ферапонтъ вздрогнулъ. Помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Мучицы вотъ надоть,—вся вышла и взять не на что. Ребятенки кусокъ просятъ. Пометался къ тому, къ другому занять—не выпросишь. Подъ работу и то не даютъ...

Романъ Ильичъ подумалъ, не дѣлаетъ ли Ферапонтъ подхода къ его запасамъ,—у него была вѣтряная мельница,—и такъ какъ тоже не любилъ давать въ долгъ, предпочитая наличныя, то сухимъ тономъ сказалъ:

— Подъ работу! Подъ работу дай, да ищи тогда тебя... А за твою работу я тебя и сейчасъ ругаю: уузилъ ты мнѣ штаны-то!..

— Да вѣдь по журналу, ваше благородіе.

— По журналу! Мнѣ не журналъ требуется, а просторная форма! А то я ихъ чуть не съ мыломъ на себя натягиваю. Какая же это правильность въ работѣ?

— Да вѣдь я, ваше благородіе, не зналъ, что вы попросторнѣе обожаете,—слабо оправдывался Ферапонтъ:—ей-Бо... не зналъ... Какъ вы у насъ офицеръ, а не то, чтобы нашъ братъ чернородье, то я взялъ журналъ у Лексѣя Лександрыча... По этому самому...

Насчетъ журнала Ферапонтъ слегка прилгнулъ. Въ дѣйствительности, онъ просто употребилъ часть матеріала на картузъ своимъ ребятишкамъ. Журналъ былъ привлеченъ просто для выручки.

Они свернули за уголъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ обду-

манно-рискованныхъ прыжковъ, они достигли воротъ сотникова дома, Романъ Ильичъ сказалъ:

— Ну, братъ, спаси Христосъ. Молодецъ...

У Ферапонта была тайная надежда, что вслѣдъ за этой похвалой сотникъ скажетъ что-нибудь и насчетъ муки, но онъ о мукѣ ничего не сказалъ. Прибавилъ только равнодушно-снисходительнымъ тономъ:

— Прощай, братъ.

Ферапонтъ почтительно сдернулъ картузъ и, кланяясь въ спину сотнику, отвѣтилъ:

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Калитка захлопнулась. Онъ надѣлъ картузъ, но, продолжая стоять передъ высокими воротами, прибавилъ:

— Покойной вамъ ночи, ваше благородіе.

Все еще ждалъ, не раздастся ли хоть изъ-за калитки голосъ сотника: „зайди, молъ, завтра... посовѣтуемся со старухой,—можетъ, отвѣсимъ съ полпудика"... Но голосъ не раздался. Только слышно было, какъ сотникъ, кряхтя и стуча калошами, взошелъ на крылецъ, загремѣлъ щеколдой и потомъ, захлопнувъ дверь, стукнулъ изнутри задвижкой.

Вотъ онъ теперь сядетъ вечерять,—подумалъ Ферапонтъ съ нѣкоторой завистью и представилъ себѣ, какъ толстая старуха, жена сотника,—она у него уже третья, двухъ изжилъ,—подастъ на столъ сперва мягкій, бѣлый пшеничный хлѣбъ, а сотникъ будетъ рѣзать его на куски, произнесши предварительно:—„Господи Іисусе Христе"... Потомъ въ бѣлой мискѣ съ синими разводами появятся дымящіяся щи... Ферапонтъ явственно почувствовалъ соблазнительный запахъ отъ щей, отъ рыбы-малосолу, поджаренной въ подсолнечномъ маслѣ, и легкая судорога пробѣжала у него въ лѣвой сторонѣ живота, а ротъ наполнился влагой... Потомъ кавунъ, сладкій, какъ медъ... А поужинавши, Романъ Ильичъ станетъ каѳизмы читать, громко икая, позѣвывая и благочестиво крестя ротъ. Хорошо читать каѳизмы, наѣвшись и почесывая просторный животъ...

Да, если бы у него, у Ферапонта, былъ такой почтенный животъ, какъ у сотника,—и онъ читалъ бы на сонъ грядущій каѳизмы. Научился бы! Что-жъ тутъ мудренаго? Что невозможнаго? Развѣ не могъ бы онъ, напримѣръ, быть мельникомъ?.. Ахъ, разлюбезное дѣло мельницу имѣть! Только онъ предпочелъ бы вѣтрякѣ водяную—небольшую, но водяную. Пріятнѣе. Узенькая такая рѣчка вродѣ Прорвы съ зацвѣтшей, покрытой плѣсенью водой, а надъ рѣчкой вишневые сады и сизыя, задумчивыя вербы слушаютъ, какъ колеса кряхтятъ, вода кипитъ и бурлитъ, и смотрятъ, какъ солнце ловитъ брызги, зеленыя, какъ осколки бутылки. Хорошо!.. А рыба-то, рыба-то какъ играетъ на зарѣ!.. Воза

стоятъ, помолу дожидаются. Люди суетятся вокругъ нихъ съ набѣленными мукой лицами. И у него, у Ферапонта, большой животъ и такой же внушительно-важный видъ, какъ у Романа Ильича; передъ нимъ всѣ почтительно ломаютъ шапки, проникаясь уваженіемъ къ его животу и карману.

— Молись Богу, и все будетъ хорошо!..—наставительно скажетъ онъ какому-нибудь смирному, бѣдному человѣчку, который будетъ просить у него въ долгъ муки и поропщетъ на свою бѣдность.

А сколько народу будетъ у него и на него работать!.. Онъ засмѣялся отъ удовольствія. Представилъ себѣ, какъ онъ будетъ везти съ покоса рабочихъ на длинной фурманкѣ, а они, свѣсивши ноги, скрестивъ на груди усталыя руки, отчего покатыя плечи ихъ дугообразно согнутся, будутъ пѣть пѣсни, довольные тѣмъ, что онъ обѣщалъ имъ по стакану водки. И слѣдуетъ: они махали косами, пока не потухла заря, и кончили-таки весь загонъ. Играй, ребята! Молодцы! Заслужили... Будетъ мѣрной поступью шагать, пофыркивая, крупный буланый меринъ. Серебристое море хлѣбовъ матовымъ блескомъ будетъ струиться подъ мѣсяцемъ. Ласковый вѣтерокъ радостно вздохнетъ въ лицо медовымъ запахомъ скошенной травы. И пѣсня, долгими, мѣрными вздохами вылетая изъ усталыхъ грудей, будетъ плыть въ загадочную даль, затканную тонкой дымкой серебристаго тумана, и тамъ замретъ съ сладкимъ трепетомъ грусти...

И вереницы картинъ—одна другой богаче и соблазнительнѣе—плыли въ темнотѣ осенней ночи передъ Ферапонтомъ. Улыбка сморщила длинными складками его смѣшное лицо съ лохматыми бровями и серьезной бородой. Безпокойно-сладкое чувство нетерпѣнія направило его шаги не домой, а къ лавкѣ Ѳедота Иваныча: хотѣлось еще помечтать вслухъ о вольныхъ земляхъ и выкурить цыгарку. Когда медлительные клубы дыма обволакиваютъ окружающую дѣйствительность, мечтается особенно пріятно, гладко и все кажется близкимъ и возможнымъ.

Но нѣтъ уже свѣтлой полоски черезъ улицу. Шишовъ, значитъ, закрылъ лавку, чтобы не жечь зря керосину. Попковъ и Маштакъ, громогласно позѣвавши и посмѣявшись надъ сотникомъ, ушли домой. И кругомъ темно, нѣмо, мертво-неподвижно. Чуть вырисовываются черные силуэты ближайшихъ хатокъ, угадывается за ними линія сараевъ, а дальше—и впереди, и сзади—тѣсный, черный валъ, непроницаемымъ кольцомъ охватившій сонный міръ. И сколько ни шагай впередъ, не выйдешь изъ этого заколдованнаго-созданнаго мракомъ кольца...

Ѳ Крюковъ.

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

VI.

Дѣятельность Ушинскаго до института.—Объединеніе новыхъ учителей.—Отношеніе учащихся къ новшествамъ. — Перемѣна взглядовъ воспитанницъ.—Блестящій успѣхъ реформъ.—Рѣчь Ушинскаго по поводу освобожденія крестьянъ.—Воскресныя занятія съ горничными.—Клевета и доносы.—Реакція.—Выходъ Ушинскаго въ отставку.

Если я начну разсказывать о томъ, какое оживленное время переживали мы, когда къ намъ приглашены были новые преподаватели, читатель, конечно, придетъ къ выводу, что Ушинскій былъ талантливымъ педагогомъ, разумнымъ реформаторомъ и энергичнымъ организаторомъ, но это будетъ еще слабой оцѣнкой его дѣятельности, и при томъ останется совсѣмъ невыясненнымъ вопросъ, какъ могла сложиться такая крупная сила, откуда онъ могъ пріобрѣсти столь всестороннее образованіе, какимъ образомъ могъ онъ стоять по своимъ педагогическимъ идеямъ, совсѣмъ незнакомымъ тогда русскому обществу, на одномъ уровнѣ съ величайшими педагогами западно-европейскихъ культурныхъ странъ? Чтобы это понять, нужно познакомиться хотя съ главными моментами его предшествующей дѣятельности.

Въ 1840 г. Ушинскій поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, составъ профессоровъ котораго былъ только что обновленъ. Несмотря на то, что ему было тогда лишь 16 лѣтъ, онъ началъ заниматься очень серьезно, особенно увлекался лекціями Грановскаго и Рѣдкина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права. Рѣдкинъ прочелъ своимъ слушателямъ рядъ блестящихъ лекцій по исторіи философіи, которыя произвели на Ушинскаго потрясающее впечатлѣніе, и онъ со всѣмъ пыломъ страсти отдался изученію философіи.

Уже съ самаго вступленія въ университетъ Ушинскій обратилъ на себя вниманіе, какъ своихъ товарищей, такъ и профессоровъ. Обладая большимъ природнымъ умомъ, остроуміемъ,

быстрымъ соображеніемъ и изумительною памятью, онъ не только легко усваивалъ основную мысль лекціи, но и ея подробности. Тѣ изъ его товарищей, которымъ плохо давались наиболѣе трудныя философскія и юридическія теоріи, обращались къ Ушинскому съ просьбою излагать имъ эти лекціи въ популярной формѣ. Это очень рано пріучило Ушинскаго къ популяризаціи науки и оказало ему впослѣдствіи, когда онъ окончательно сдѣлался педагогомъ, огромную услугу.

Ушинскій въ университетѣ былъ центромъ кружка своихъ товарищей и пользовался ихъ горячею симпатіей, не только вслѣдствіе своихъ блестящихъ умственныхъ способностей, но и какъ идеально хорошій товарищъ. По матеріальному своему положенію онъ былъ изъ числа недостаточныхъ студентовъ и сближался преимущественно съ бѣдняками, съ которыми дѣлился послѣдней копѣйкой. При феноменальной памяти ему не приходилось даже передъ экзаменами готовиться изъ пройденнаго курса, такъ какъ онъ почти послѣ каждой лекціи передавалъ товарищамъ ея содержаніе своими словами. Въ свободное отъ лекцій время онъ весь уходилъ въ чтеніе русскихъ писателей и изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые онъ зналъ еще раньше, но не настолько основательно, чтобы легко читать иностранныхъ классиковъ въ подлинникѣ; этого онъ вполнѣ достигъ во время своего университетскаго курса.

Уже на университетской скамьѣ Ушинскій отличался полнѣйшею независимостью характера и привычкою высказывать откровенно свои убѣжденія, не обращая вниманія на то, какъ это будетъ принято. Онъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякой пошлости, всякаго заискиванія и низкопоклонства и безпощадно казнилъ своими мѣткими сарказмами тѣхъ изъ товарищей, которые, въ виду приближавшихся экзаменовъ, ѣздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями.

Ушинскій не только основательно занимался въ университетѣ науками и литературою, но такъ увлекался театромъ, что для бенефиса Мочалова написалъ шестиактную комедію, совершенно забракованную этимъ любимымъ его артистомъ. Это обстоятельство заставило его навсегда отказаться отъ такого рода литературы.

Ушинскій много тратилъ времени на уроки, которые давалъ ради заработка. Лихорадочно трудовая жизнь, полная научныхъ и литературныхъ интересовъ, послужила прекрасною школой для выработки твердаго характера и сильной воли, умѣнья много и упорно работать.

Черезъ два года послѣ окончанія университета, имѣя отъ роду всего лишь 22 года, Ушинскій былъ такъ блистательно аттестованъ московскимъ университетомъ, что бывшій въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа гр. Строгановъ пригласилъ его на профессорскую каѳедру въ Ярославскій Демидовскій

лицей, гдѣ онъ читалъ лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансоваго права. Онъ много работалъ надъ подготовленіемъ къ своимъ лекціямъ и обратилъ вниманіе на себя не только, какъ талантливый лекторъ, но и какъ ученый съ самостоятельными, оригинальными взглядами.

Черезъ четыре года своего профессорства, т. е. въ 1850 г., ему пришлось навсегда оставить лицей. То были тяжелыя времена суроваго Николаевскаго режима, особенно подавлявшаго преподаваніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ преподавателей лицея потребовали, чтобы они представили подробныя программы читаемыхъ ими лекцій, при томъ не только съ распредѣленіемъ курсовъ всѣхъ предметовъ по днямъ и часамъ, но съ точнымъ указаніемъ того, что они намѣрены цитировать изъ того или другого автора. На совѣтѣ преподавателей Ушинскій доказывалъ, что преподаваніе вообще, а тѣмъ болѣе научное, «невозможно связывать такими формальностями», и вышелъ изъ лицея.

Перебравшись въ Петербургъ, Ушинскій долго не могъ найти никакого заработка, а потому ему волею-неволею пришлось сдѣлаться чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Хотя эта служба вознаграждалась крайне скудно (400 руб. въ годъ), но давала ему много досуга, и онъ по обыкновенію съ жаромъ принялся за работу. Въ это время онъ изучилъ англійскій языкъ, занимался англійской литературой, продолжалъ прежнія занятія по философіи и юридическимъ наукамъ, но такъ какъ онъ сдѣлалъ привычку по прошествіи извѣстнаго времени начинать изученіе новаго предмета, то на этотъ разъ онъ съ увлеченіемъ сталъ штудировать сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію. Результатомъ этихъ занятій и изученія трехъ иностранныхъ языковъ былъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ трудовъ, а также компилятивныхъ и переводныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Современникѣ», гдѣ онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ; позже онъ печаталъ свои работы въ «Библіотекѣ для чтенія». Кромѣ журнальной работы, Ушинскій принималъ участіе въ переводѣ политической экономіи Милля. Нѣкоторые труды Ушинскаго обратили особенное вниманіе публики и критики, и за нимъ упрочилась репутація талантливаго и образованнаго писателя.

Въ 1855 г. Ушинскій былъ назначенъ преподавателемъ словесности и законовѣдѣнія въ Гатчинскій Сиротскій Институтъ, а затѣмъ и его инспекторомъ. Здѣсь ему представилось огромное поле для примѣненія его педагогическихъ способностей: Гатчинскій институтъ состоялъ изъ учениковъ различныхъ возрастовъ, начиная отъ дѣтей, обучавшихся азбукѣ, и кончая высшими классами съ курсомъ законовѣдѣнія. Ушинскій тутъ впервые понялъ и рѣшилъ, что педагогическая дѣятельность—его главное призваніе. Этому болѣе всего содѣйствовало особое обстоятельство. Осматривая библіотеку заведенія, онъ наткнулся на два запечатанныхъ шкафа

съ значительнымъ собраніемъ педагогическихъ сочиненій. Эта находка заставила его зорко осматривать всѣ углы и въ Смольномъ, и тутъ, какъ уже было сказано выше, онъ нашелъ вторую драгоцѣнную находку—музей.

Какъ только педагогическая библіотека оказалась въ распоряженіи Ушинскаго, онъ весь погрузился въ изученіе педагогической литературы отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта. Наряду съ теоретическимъ изученіемъ педагогики онъ пріобрѣлъ опытность и въ практикѣ воспитательнаго дѣла: ему не только приходилось слѣдить за преподаваніемъ учителей, но онъ и самъ обучалъ огромное количество юношей. Этимъ, однако, не ограничивалась его тогдашняя дѣятельность: онъ въ то-же время писалъ педагогическія статьи и помѣщалъ ихъ въ единственномъ въ то время педагогическомъ «Журналѣ Воспитанія» Чумикова. Въ этихъ статьяхъ, чрезвычайно разнообразныхъ по содержанію, онъ, между прочимъ, выяснялъ необходимость реформъ въ образованіи, что уже зарождалось въ сознаніи русскаго общества подъ вліяніемъ статьи Пирогова «Вопросы жизни», указывалъ духъ и направленіе, въ которыхъ онѣ должны быть произведены. Въ этотъ гатчинскій періодъ своей дѣятельности онъ началъ заниматься и главнымъ своимъ трудомъ для первоначальнаго обученія—«Дѣтскимъ міромъ», напечатаннымъ нѣсколько позже.

Такимъ образомъ, когда Ушинскій въ 1859 г. былъ приглашенъ въ Смольный инспекторомъ, онъ уже пользовался литературною извѣстностью, обратилъ на себя вниманіе улучшеніями, сдѣланными въ учебной части гатчинскаго института и былъ изъ ряду вонъ основательно вооруженъ знаніями и педагогическимъ опытомъ.

Облеченный полнымъ довѣріемъ имп. Маріи Александровны, пожелавшей не только оживить преподаваніе въ институтѣ, но и обновить устарѣлый учебный строй, Ушинскій написалъ проектъ преобразованія обоихъ институтовъ Смольнаго, утвержденный въ февралѣ 1860 года.

По одному изъ пунктовъ этого проекта требовалось, чтобы воспитанницъ переводили изъ класса въ классъ не разъ въ три года, какъ это происходило до тѣхъ поръ, а каждый годъ. До новаго проекта воспитанница, по окончаніи каждаго трехлѣтняго курса, какъ бы плохо ни училась, все-таки переводилась въ слѣдующій, т. е. въ старшій классъ. При прежней системѣ и не могло быть иначе: невозможно было даже крайне плохую ученицу оставлять еще въ младшемъ классѣ,—тогда бы ей пришлось шесть лѣтъ пробыть только въ одномъ кофейномъ классѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что плохія ученицы, ничему не научившись въ младшемъ классѣ, переходили безъ всякихъ знаній, безъ всякой подготовки въ старшій классъ, въ кото-

ромъ онѣ пріобрѣтали еще меньше знаній и выходили изъ института круглыми невѣждами. По проекту Ушинскаго, курсъ ученія на обѣихъ половинахъ Смольнаго долженъ былъ продолжаться семь лѣтъ (до этого на Николаевской половинѣ онъ продолжался девять, на Александровской — шесть лѣтъ). Преимущество семилѣтняго курса заключалось въ томъ, что при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ это давало возможность мало успѣвшихъ воспитанницъ оставлять еще на годъ въ томъ же классѣ, чтобы онѣ могли пройти то, что ими было упущено.

Учебныя программы точно также не только подверглись полному преобразованію, но введены были даже новые предметы, какъ, напримѣръ, естествовѣдѣніе и физика, которые должны были преподаваться не иначе, какъ съ помощью моделей, чучелъ, рисунковъ, приборовъ, опытовъ. Я называю эти предметы новыми потому, что хотя въ нѣкоторыхъ институтахъ ихъ и преподавали, но большею частью на французскомъ языкѣ и при томъ безъ какихъ бы то ни было пособій и опытовъ,—однимъ словомъ, ихъ преподаваніе скорѣе походило на пародію, на карикатуру, а не на преподаваніе естественно-научныхъ предметовъ.

Серьезное вниманіе было обращено на языки и географію. Теперь, когда программы, выработанныя Ушинскимъ, въ своихъ основныхъ чертахъ приняты во всѣхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда онѣ вошли, можно сказать, въ плоть и кровь преподавателей, онѣ, конечно, никого не поразятъ своею новизною, но тогда онѣ произвели полный переворотъ въ учебномъ дѣлѣ, и все, высказываемое Ушинскимъ по этому поводу, какъ въ его статьяхъ, такъ и въ различныхъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, было новостью. Такъ какъ далеко не все, намѣченное Ушинскимъ, было принято и сохранилось въ программахъ женскихъ учебныхъ заведеній, то я и упомяну здѣсь кое о чемъ, что онъ считалъ существеннымъ. Онъ находилъ необходимымъ сильно увеличить число уроковъ русскаго языка въ младшихъ классахъ: по его понятіямъ, учитель русскаго языка не долженъ ограничиваться преподаваніемъ грамматики, а обязанъ давать ученицамъ ясное представленіе объ окружающемъ, научить ихъ разсуждать о знакомыхъ предметахъ и правильно выражать свои мысли. Благодаря Ушинскому, впервые заговорили о необходимости давать учащимся право разсуждать и даже вмѣняли учителю въ обязанность научить ихъ этому. Ушинскій находилъ необходимымъ въ среднемъ возрастѣ упражнять ученицъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, выбирая для этого очерки географическаго и историческаго содержанія. Онъ указывалъ, какой вредъ приносили прежнія сочиненія, въ которыхъ воспитанницы выставляли чувства, никогда не испытанныя ими, или описывали явленія природы, которыхъ онѣ никогда не наблюдали, либо высказывали мысли слишкомъ сложныя и отвлеченныя для юнаго возраста. Переводы съ иностран-

ныхъ языковъ Ушинскій считалъ для воспитанницъ младшаго возраста болѣе полезнымъ упражненіемъ. Но онъ вовсе не рекомендовалъ избѣгать и сочиненій, а указывалъ на необходимость того, чтобы ученицы передавали въ нихъ видѣнное, слышанное или прочувствованное ими.

Ушинскій чрезвычайно порицалъ тогдашнее преподаваніе словесности: оно почти всюду начиналось съ опредѣленія родовъ и видовъ литературныхъ произведеній. Онъ указывалъ, что сначала необходимо изучать образцы каждаго рода и вида этихъ произведеній и уже на основаніи такого изученія составлять понятія о нихъ. Возмущался онъ и преподаваніемъ литературы, которая заключалась въ перечнѣ именъ писателей и краткомъ изложеніи ихъ произведеній. Онъ находилъ, что учитель обязанъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ученица прочитывала цѣликомъ каждое классическое произведеніе и давала о немъ подробный отчетъ то устно, то письменно. И только послѣ этого, по его мнѣнію, необходимо развивать критическій взглядъ на произведеніе, побуждая воспитанницъ высказывать въ то-же время и собственное мнѣніе. Онъ требовалъ также, чтобы ихъ знакомили не только со всѣми выдающимися произведеніями русской, но и иностранной литературы.

Ушинскій придавалъ огромное значеніе изученію иностранныхъ языковъ, но находилъ мало толку въ томъ, какъ оно въ институтѣ велось до тѣхъ поръ. Практическое знаніе языковъ онъ считалъ дѣломъ второстепенной важности, а главное значеніе ихъ видѣлъ въ томъ, чтобы учащіеся могли свободно понимать и переводить прочитанное.

Учебные предметы распредѣлены были по классамъ тоже совершенно иначе, чѣмъ прежде,—измѣнена была и продолжительность уроковъ: полуторачасовые уроки были замѣнены часовыми, съ перемѣною въ 15 мин. для отдыха, что было несравненно менѣе утомительно для слушательницъ. Въ то время всѣ вообще учебныя программы чрезвычайно устарѣли, а программы среднеучебныхъ женскихъ заведеній тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ Ушинскій явился иниціаторомъ постановки, какъ общей программы преподаванія, такъ и распредѣленія предметовъ по классамъ.

Ушинскій находилъ, что поручить проведеніе реформъ прежнимъ учителямъ было немыслимо: сжившись съ устарѣлыми методами преподаванія и будучи, въ большинствѣ случаевъ, людьми консервативными, они стали бы выполнять новыя программы обученія на старый ладъ, чисто формально, и тогда его проектъ, который долженъ былъ преобразовать все учебное дѣло, надъ которымъ онъ такъ много трудился, остался бы мертвою буквою. Оказалось, что онъ былъ глубоко правъ. Его учебныя программы (въ главныхъ основахъ) были приняты и въ другихъ институтахъ, но такъ какъ онѣ примѣнялись на практикѣ большею частью прежними учителями (кромѣ вновь введенныхъ предметовъ, для которыхъ волею-

неволею пришлось пригласить новыхъ учителей), воспитанницы другихъ институтовъ и не пережили той лучезарной поры умственнаго обновленія и расцвѣта, которую переживали мы, институтки Смольнаго. Новыя учебныя программы у насъ проводились въ жизнь новыми учителями, выбранными Ушинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ этого величайшаго русскаго педагога. Къ тому же онъ самъ, своими собственными лекціями, бесѣдами, разговорами, даже своею личностью, преисполненною пламенною кипучею страстью къ общественной просвѣтительной дѣятельности, производилъ полный переворотъ въ нашемъ міросозерцаніи, поддерживалъ наше стремленіе къ занятіямъ и нашъ необычайный умственный подъемъ.

Ушинскій смотрѣлъ на выборъ новыхъ учителей, какъ на задачу чрезвычайно отвѣтственную: отъ нея зависѣла вся будущность обновленія преподаванія. Тутъ необходимо было все предусмотрѣть, все предвидѣть: новые преподаватели должны были не только знать свое дѣло и быть болѣе или менѣе талантливыми педагогами, но они должны были явиться его истинными сотрудниками и товарищами. Вмѣстѣ съ нимъ они должны были представлять одну семью, объединенную одними и тѣми же прогрессивными интересами, вполнѣ ясно и отчетливо сознавать вредъ рутиннаго преподаванія, выработать съ его помощью опредѣленный взглядъ на преподаваніе своего предмета, который бы непремѣнно шелъ рука объ руку съ современными, общественными требованіями въ наукѣ и литературѣ.

У Ушинскаго много было знакомыхъ въ учительской средѣ, но нужныхъ для себя людей онъ искалъ всюду. Чтобы познакомиться съ преподаваніемъ какъ можно большаго числа учителей, онъ усиленно посѣщалъ различныя лекціи, слушалъ преподаваніе не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ элементарныхъ школахъ. Такъ, онъ пріѣхалъ однажды въ Таврическую безплатную школу, прослушалъ урокъ Косинскаго, подмѣтилъ въ немъ искусство преподавать геометрію и пригласилъ его преподавателемъ въ институтъ. Не стѣсняясь ни лѣтами, ни дипломами, ни соціальнымъ положеніемъ человѣка, Ушинскій приглашалъ каждаго, у кого находилъ то, что ему было нужно. При своихъ основательныхъ научныхъ знаніяхъ, при исключительной педагогической талантливости, при настойчивости характера, онъ отличался еще удивительнымъ умѣніемъ быстро разгадывать способности ближняго. И вотъ все это, помогло ему найти дѣйствительно подходящихъ сотрудниковъ. Изъ привлеченнымъ имъ новыхъ преподавателей назову лишь тѣхъ, которые такъ или иначе оставили слѣдъ въ общественной жизни, въ преподаваніи или въ литературѣ: Я. П. Пугачевскій, преподаватель физики, Н. И. Раевскій, М. И. Семевскій, Д. Д. Семеновъ, Л. Н. Модзалевскій, В. И. Водово-

зовъ, О. Ѳ. Миллеръ, Г. С. Дестунисъ, молодой священникъ-академистъ Головинъ и др.

Объединивъ новыхъ учителей въ тѣсный дружескій кружокъ, всею душею преданный дѣлу обновленія преподаванія, Ушинскій устроилъ *учительскія конференціи*, чего никогда не существовало въ стѣнахъ Смольнаго. На нихъ обсуждалось примѣненіе новыхъ программъ и способовъ обученія и дѣлалось это съ главною цѣлью установить единство преподаванія во всѣхъ предметахъ. Здѣсь же Ушинскій давалъ совѣты и дѣлалъ замѣчанія учителямъ относительно только что прослушанныхъ имъ лекцій и занятій въ классѣ.

Объединеніе учителей и живая связь между ними и инспекторомъ поддерживались и журъ-фиксами, устроенными Ушинскимъ у себя по четвергамъ, на которые у него, кромѣ различныхъ писателей, собирался тотъ же учительскій кружокъ. Тутъ, въ пріятельской бесѣдѣ запросто, они передавали другъ другу свои мнѣнія о способностяхъ ученицъ и ихъ сужденія по поводу изучаемыхъ ими историческихъ личностей и героевъ классическихъ произведеній, но еще чаще толковали и спорили о литературныхъ, научныхъ и политическихъ новостяхъ.

Такимъ образомъ Ушинскій сдѣлался истиннымъ вождемъ, духовнымъ отцомъ и руководителемъ новыхъ учителей. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что они оказались на высотѣ своего положенія. Характеръ ихъ преподаванія былъ дѣйствительно діаметрально противоположенъ существовавшему прежде въ Смольномъ. Вмѣсто отрывочныхъ знаній, сухо изложенныхъ отвлеченнымъ или высокопарнымъ слогомъ, получился живой систематическій курсъ.

Ушинскій рекомендовалъ ученицамъ записывать лекціи за учителями. При новой системѣ преподаванія избѣжать этого было довольно мудрено. Каждый учитель приносилъ съ собою все, что было напечатано по его предмету наилучшаго и популярнаго. Составляя лекцію того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитаннымъ изъ книгъ и представить ее въ сжатомъ видѣ, слѣдовательно, дать отчетъ не только о прослушанномъ, но и прочитанномъ ими. Такъ мы начали работать не только у преподавателя литературы, но и у преподавателя географіи, русской исторіи и у нѣкоторыхъ другихъ. Если принять во вниманіе, что по каждому предмету воспитанницамъ приходилось чрезвычайно много читать и все прочитанное приводить въ порядокъ, набрасывать конспекты и составлять лекціи, то можно сказать безъ преувеличенія, что при Ушинскомъ мы работали совсѣмъ не по институтски.

У насъ шла до невѣроятности напряженная, лихорадочная работа. Каждую лекцію, по очереди, должны были составлять пять-шесть воспитанницъ; остальныя дѣлали то же по другимъ предметамъ, а между тѣмъ, въ послѣобѣденное время каждой приходилось готовить еще уроки по двумъ, а то и по тремъ предметамъ, вотъ

почему большая часть дѣвушекъ работала и по ночамъ. Самую лучшую работу учитель прочитывалъ въ классѣ. Если воспитанница почему-нибудь не могла составить лекцію, она заявляла объ этомъ учителю и должна была сдѣлать это въ слѣдующій разъ. Никто не заподозривалъ ее въ лѣности: работали прежде всего потому, что явился живой интересъ къ знанію, охватившій всѣ наши душевныя силы, всѣ наши помыслы, но нельзя, конечно, отрицать и того, что извѣстную роль здѣсь играли и соревнованіе, и боязнь осрамиться передъ новыми учителями.

Когда къ пяти часамъ кончались занятія съ учителями, и послѣ обѣда возвращались въ классъ, мы немедленно принимались за работу. Класснымъ дамамъ не приходилось бранить насъ ни за шумъ, ни за бѣготню по коридорамъ: въ классѣ стояла полная тишина, прерываемая только шелестомъ переворачиваемыхъ страницъ и скрипомъ перьевъ. Такая же напряженная дѣятельность продолжалась и послѣ чая, когда мы приходили ложиться спать. Какъ только классная дама уходила въ свою комнату, мы снимали передники и платья и, закутавшись въ платки, свертывали свои салопчики, клали ихъ на полъ у кроватей и садились на нихъ. На нашихъ матрацахъ мы размѣщали книги и карандаши, укрѣпляли свѣчку въ самодѣльный подсвѣчникъ изъ картона и принимались за дѣло. Хотя въ дортуарѣ стоялъ большой столъ и скамейки, но они помѣщались у того конца спальни, гдѣ находилась комната дамы; къ тому же лампу гасили къ 10-ти часамъ, и мы не имѣли права сидѣть дольше. Если бы посторонній человѣкъ вошелъ ночью въ дортуаръ, когда надъ кроватями торчали головы воспитанницъ, склоненныя надъ книгами, когда здѣсь и тамъ уныло мерцали огоньки огарковъ, онъ могъ бы подумать, что попалъ въ какую-нибудь капеллу, гдѣ богомолки молятся у гробовъ съ мощами.

Имѣть свѣчку для ночи сдѣлалось первою заботою. Наиболѣе услужливыя изъ подругъ каждый вечеръ разрѣзали перочиннымъ ножомъ свою свѣчку на нѣсколько частей и раздавали неимущимъ. Чуть, бывало, ночью раздастся шумъ изъ комнаты дамы, мы моментально тушимъ огни и полураздѣтыя бросаемся въ кровать, подъ одѣяло. Ни усовѣщиванія классныхъ дамъ, ни ихъ брань за ночныя бдѣнія не могли уничтожить этого новаго обычая.

Можно себѣ представить, какъ дико было класснымъ дамамъ, получившимъ воспитаніе въ томъ же институтѣ и прослужившимъ въ немъ по многу лѣтъ, смотрѣть на все то новое, что дѣлалось тогда въ институтѣ! Лекціи нѣкоторыхъ учителей воспитанницы обращали въ живую бесѣду съ ними, безпрестанно вставали съ своихъ мѣстъ, спрашивая ихъ то о томъ, то о другомъ.

— Зачѣмъ понадобилось Лермонтову загрязнить образъ поэтической Беллы («Герой нашего времени»)? Онъ не долженъ былъ представлять ее такъ, что ради любви къ Печорину она готова

отказаться отъ родины и вѣры? Нравственная обязанность человѣка всегда оставаться патріотомъ,—заявляетъ одна.

— Для любимаго человѣка, — срывается съ своего мѣста другая,—можно всѣмъ пожертвовать!

— Для такого, какъ Печоринъ, ничѣмъ не слѣдуетъ жертвовать: онъ бездушный эгоистъ... Такихъ, какъ онъ, слѣдуетъ выгонять изъ Россіи!

— Но онъ самый привлекательный человѣкъ на свѣтѣ!..

— Да побойтесь же вы Бога, господинъ учитель! Неужто о такихъ вещахъ вамъ дозволено разсуждать съ воспитанницами, совсѣмъ еще дѣвочками?—въ ужасѣ обращается дежурная дама къ учителю литературы.

— Да... да... пожалуйста, не мѣшайте! Это прекрасно, что онѣ высказываютъ все, что думаютъ!—простодушно отвѣчаетъ учитель и, не вступая въ дальнѣйшія пререканія съ классною дамою, переходитъ къ обсужденію высказаннаго.

Правда, нерѣдко высказывались мнѣнія до невѣроятности дѣтскія, даже дикія, но иными они и не могли быть у воспитанницъ закрытаго заведенія. Учителя не только терпѣливо, но даже съ интересомъ выслушивали и обсуждали все высказанное каждою изъ насъ.

Однажды Ушинскій пришелъ на урокъ Д. Д. Семенова и взялъ со стола тетрадь, въ которой былъ написанъ очеркъ о Бѣлоруссіи, составленный одною изъ воспитанницъ какъ по его лекціи, такъ и по матеріаламъ, имъ доставленнымъ. Ушинскій отошелъ читать къ окну, а Семеновъ вызывалъ ученицъ и спрашивалъ ихъ изъ только что пройденнаго у него.

Ушинскій отъ времени до времени прекращалъ чтеніе и прислушивался къ бойкимъ отвѣтамъ ученицъ. Когда раздался звонокъ, мы окружили ихъ обоихъ плотною стѣной и начали живо болтать съ ними, не обращая вниманія на присутствіе классной дамы.

— Я никогда не сомнѣвался, что при новой системѣ преподаванія вы будете дѣлать успѣхи... Но вы превзошли самыя смѣлыя мои ожиданія! Я знаю, какого труда это стоитъ вамъ безъ привычки къ усидчивой работѣ!.. — растроганно говорилъ Ушинскій, тароватый на порицаніе, но очень скупой на похвалу.

Несмотря на работу, требующую большой затраты силъ, мы не хворали. Правда, двѣ воспитанницы изъ нашего класса сильно отставали отъ подругъ, но одна изъ нихъ всегда была болѣзненною и малокровною, а у другой—умственное развитіе вообще шло впередъ весьма медленно. Ея фамилія была Быстродумова, и уже въ дореформенное время она получила кличку Тиходумовой. Въ высшій классъ она попала случайно: передъ выпускомъ она умоляла Ушинскаго оставить ее въ седьмомъ классѣ, но онъ не соглашался, сссылаясь на то, что хотя по отмѣткамъ она числится не

изъ послѣднихъ, но все же въ высшемъ классѣ ей трудно будетъ учиться. Настойчивыя мольбы Быстродумовой, въ концѣ концовъ, заставили его исполнить ея просьбу.

Дѣвочка употребляла всевозможныя усилія, чтобы не отставать отъ подругъ, но стала прихварывать, часто жаловалась на головную боль, по недѣлямъ лежала въ лазаретѣ. Ея отвѣты учителямъ и особенно письменныя работы были сравнительно съ другими довольно плохи. Но сила вліянія Ушинскаго отразилась и на ней. Черезъ года три послѣ нашего окончательнаго выпуска Ушинскій какъ-то пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ слѣдующее: гуляя по улицѣ, онъ прочемъ на одной изъ вывѣсокъ: «школа» и вошелъ въ нее послушать урокъ, который уже начался. Къ нему вышла какая-то женщина, но онъ не спросилъ у нея фамилію учительницы, которая продолжала свою, въ высшей степени, оживленную бесѣду съ ученицами. Когда окончился урокъ, учительница (это была Быстродумова) повернулась въ сторону Ушинскаго и вскрикнула отъ удивленія, затѣмъ бросилась къ нему и разрыдалась.

На другой день онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она говорила, что наканунѣ была взволнована неожиданною встрѣчею съ нимъ и не могла высказать свою признательность за все то добро, которое онъ сдѣлалъ. Между прочимъ, она писала, что если бы не его вліяніе, она послѣ выпуска продолжала бы жить такъ же, какъ вся молодежь въ семьяхъ ея родственниковъ — мелкихъ чиновниковъ, гдѣ молодыя дѣвушки борются съ родными не за право учиться, какъ въ другихъ современныхъ семьяхъ, а за право пріобрѣсти новую тряпку, чтобы плѣнить сердце чиновника и продолжать такое же постылое существованіе, какое вели онѣ въ родительскомъ домѣ. «И меня ожидала та же участь: вѣдь институтъ, до вашего вступленія въ него, не давалъ болѣе чистыхъ стремленій»...

Но я забѣжала далеко впередъ: нравственный обликъ институтокъ совершенно измѣнился. Сами мы не замѣчали въ себѣ перемѣны, кромѣ того, конечно, что прежде нѣкоторыя изъ насъ зубрили уроки, другія рѣшительно ничего не дѣлали, а теперь всѣ работали серьезно, очень многія даже съ страстнымъ увлеченіемъ. Не такъ относились къ этому наши родственники: то одна, то другая воспитанница сообщала подругамъ, что ея братъ, отецъ или мать поражаются происшедшей съ нею перемѣной, говорятъ, что она стала серьезнѣе, мягче, благоразумнѣе. Ихъ изумляло, между прочимъ, и то, что еще недавно ихъ «институточка», не находившая темы для разговора съ ними въ часы свиданій, оживленно разсказывала имъ теперь о томъ, что она читаетъ, забрасывала ихъ вопросами; вмѣсто просьбы купить ей духи, просила достать ей тѣ или другія книги. Традиціонное обожаніе исчезло, какъ по мановенію волшебнаго жезла: никто изъ воспитанницъ не вырѣзалъ на рукахъ перочиннымъ ножемъ инициіаловъ имени того или другого учителя,

никто не выкрикивалъ глупыхъ словъ обожанія, никто не обливалъ ихъ одежду духами. Даже Ивановская, проникнутая общимъ настроеніемъ, не высказывала болѣе своихъ восторговъ относительно «неземной красоты» Ушинскаго. Обожаніе казалось намъ теперь уже чѣмъ-то пошлымъ и неумѣстнымъ. Вмѣсто него у насъ явилась родственная, духовная связь съ учителями и самое дружеское отношеніе къ нимъ. Мы искали встрѣчи съ ними, чтобы поболтать, и бѣжали къ нимъ въ каждую перемѣну между уроками. Въ наиболѣе либеральный періодъ нѣкоторые изъ учителей приходили даже въ садъ побесѣдовать съ нами, передавали намъ содержаніе видѣнныхъ ими театральныхъ пьесъ, знакомили насъ съ игрою извѣстныхъ артистовъ, съ явленіями общественной жизни и со стремленіями лучшей части общества.

Однажды веселая ватага воспитанницъ, среди которой раздавались шутки и смѣхъ, прогуливалась въ саду съ учителемъ литературы, называя его по имени и отчеству, что прежде было немыслимо. Онъ также, обращаясь къ нимъ, называлъ ихъ по имени и отчеству. Въ эту минуту воспитанницы поровнялись съ двумя классными дамами: Лопаревой и Тюфяевой, проходившими мимо съ противоположной стороны.

— Боже, по именамъ называютъ! Скажите мнѣ, скажите, что я ошиблась! — воскликнула M-elle Лопарева, склонная къ сантиментальности, съ ужасомъ хватая товарку за руку.

— Не ошиблись, моя милая, не ошиблись!.. Если онѣ по канатамъ станутъ скакать съ этими совратителями и со своимъ шалымъ инспекторомъ, то и это меня уже больше не удивитъ... — отвѣчала Тюфяева.

Кратковременная эпоха реформъ въ Смольномъ была самымъ чистымъ, самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ нашей юности, нашей институтской жизни, только порою отравляемой злобнымъ шипѣніемъ классныхъ дамъ, всѣми силами души возненавидѣвшихъ Ушинскаго и новыхъ учителей.

Однажды имп. Марія Александровна посѣтила институтъ и долго разговаривала съ Ушинскимъ. Это снова подтвердило нашему начальству, что государыня продолжаетъ благосклонно относиться къ нему. На первый же институтскій балъ послѣ этого были приглашены Ушинскій и всѣ учителя,—этого никогда еще не бывало у насъ и не могло быть безъ вѣдома императрицы.

Все это лишь усиливало злобу классныхъ дамъ; раздражало ихъ и то, что наша инспектриса продолжала дружить съ инспекторомъ. Еще недавно, играя въ институтѣ доминирующую роль, классныя дамы сразу потеряли свое значеніе; вслѣдствіе этого онѣ крѣпче сплотились между собой, держались какъ-то особнякомъ и за свое униженіе мстили пока одной только фразой, которую онѣ частенько повторяли, вкладывая въ нее и озлобленные вопли своего

сердца, и угрозы по нашему адресу, и всѣ свои злорадныя надежды на будущее: «Не долго, не долго это продлится!..»

Наступилъ 1861 г. Когда Положеніе 19 февраля было обнародовано, у насъ отслужили молебенъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ возвращенія изъ церкви вошелъ Ушинскій и заявилъ, что онъ желаетъ объяснить намъ значеніе этого великаго акта. Вь блестящемъ, популярномъ, сжатомъ очеркѣ онъ набросалъ картину жизни помѣщиковъ во время крѣпостного права, познакомилъ насъ, какъ они въ это время забавлялись, смѣняя пиры охотами и другими барскими забавами, указалъ и на жестокость многихъ изъ нихъ къ своимъ крѣпостнымъ. Считая позоромъ трудиться, разсказывалъ онъ, помѣщики сами или черезъ управляющихъ обременяли своихъ крестьянъ непосильнымъ трудомъ, оставляя ихъ влачить жалкую жизнь, полную жестокихъ лишеній, погруженныхъ въ безпросвѣтный мракъ невѣжества и унизительнаго рабства. Заключительный аккордъ этой блестящей рѣчи состоялъ въ томъ, что актъ освобожденія крестьянъ налагаетъ на всѣхъ насъ обязанность уплатить имъ хотя ничтожную часть нашего долга. За наше образованіе, за возможность жить безбѣдно, за блага, пріобрѣтенныя на счетъ вѣкового рабства массъ, мы, чтобы искупить тяжелый грѣхъ нѣсколькихъ столѣтій, должны отдать всѣ свои силы на просвѣщеніе народа. «И каждый, у кого въ груди не камень, а сердце, искренно откликнется на этотъ призывъ!» По словамъ Ушинскаго, съ этого момента всѣ обязаны нести въ народъ свой трудъ, знанія и таланты, а на русскихъ женщинъ наступившая эпоха освобожденія налагаетъ еще особую обязанность, состоящую въ томъ, чтобы раскрѣпоститься отъ предразсудковъ, спеціально тяготѣющихъ надъ ними. Еще не такъ давно у насъ не находили нужнымъ даже учить грамотѣ женщину, но и теперь, въ семьяхъ людей образованныхъ, тамъ, гдѣ считаютъ необходимымъ давать высшее образованіе сыну, дочь учатъ, какъ попало и кой-чему. И всѣ, даже женщины, находятъ такой порядокъ вещей нормальнымъ.

Быть наставницей молодого поколѣнія — великая и благородная задача, но въ то же время въ высшей степени трудная и сложная. Выполнить ее съ успѣхомъ женщина можетъ, только основательно вооружившись серьезными знаніями. Слѣдовательно, женщины такъ же, какъ и мужчины, должны получать высшее образованіе. «Вы обязаны, говорилъ онъ, проникнуться стремленіемъ къ завоеванію права на высшее образованіе, сдѣлать его цѣлью своей жизни, вдохнуть это стремленіе въ сердца вашихъ сестеръ и добиваться достиженія этой цѣли до тѣхъ поръ, пока двери университетовъ, академій и высшихъ школъ не распахнутся передъ вами такъ же гостепріимно, какъ и передъ мужчинами».

Нужно помнить, что Ушинскій говорилъ это еще въ 1861 г.

Во время моего знакомства съ Ушинскимъ послѣ выпуска, какіе бы разговоры и споры онъ ни велъ въ кругу своихъ знако-

мыхъ, мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы онъ высказывалъ идеи соціалистическія или радикально-политическія: онъ всегда и всюду являлся лишь страстнымъ поклонникомъ, сторонникомъ и пропагандистомъ просвѣщенія вообще и распространенія его среди простого народа въ особенности, а также проповѣдникомъ широкаго образованія женщинъ. Лишь въ достиженіи женщиною высшаго образованія онъ видѣлъ альфу и омегу женскаго равноправія, его конечную цѣль и предѣлъ. Такими взглядами на женскій вопросъ были проникнуты въ то время лишь наиболѣе прогрессивные люди русской интеллигенціи; сами женщины, даже и наиболѣе передовыя изъ нихъ, подъ равноправіемъ подразумѣвали одинаковое съ мужчинами право на высшее образованіе, а также и право на самостоятельный заработокъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ своей рѣчи Ушинскій сообщилъ, что у насъ будетъ открыта школа грамоты для горничныхъ, и что воспитанницы 7-го класса, желающія обучать ихъ, могутъ заниматься съ ними по воскреснымъ днямъ. Всѣ съ восторгомъ выразили желаніе учить.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ молебна, на которомъ присутствовали всѣ наши горничныя, воспитанницы приступили къ занятіямъ съ ними. Ушинскій подходилъ къ каждой скамейкѣ и внимательно прислушивался къ обученію молодыхъ учительницъ, а по окончаніи занятій указывалъ промахи въ ихъ преподаваніи. Такимъ образомъ новая воскресная школа приносила пользу и воспитанницамъ, и горничнымъ.

Изъ сказаннаго ясно, что при Ушинскомъ не происходило ни одного крупнаго событія въ общественной жизни, котораго бы онъ не выяснилъ намъ и не освѣтилъ должнымъ образомъ. А между тѣмъ въ другихъ институтахъ даже великій актъ освобожденія оставался совершенно непонятымъ, и воспитанницы относились къ нему такъ же индифферентно, какъ и ко всѣмъ другимъ явленіямъ общественной жизни. Мнѣ говорили, что въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ до самой крестьянской реформы воспитанницамъ дозволялось держать при себѣ собственныхъ горничныхъ, только онѣ и напоминали имъ о наступившей новой эпохѣ жизни, часто повторяя: «А мы теперь, барышни, не ваши крѣпостныя! Мы свободныя!»

Мнѣ не разъ приходилось слышать мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, что Ушинскій былъ главнымъ вдохновителемъ идеи о необходимости нарушить замкнутость институтовъ, но это совершенно несправедливо. Въ 1858 г., когда онъ не былъ еще инспекторомъ Смольнаго, уже появлялись статьи въ журналахъ и подавались отчеты членами институтскихъ совѣтовъ, въ которыхъ, между прочимъ, подчеркивалось, что институтки совершенно утрачиваютъ чувство семейной привязанности, указывалось на тяжелыя послѣд-

ствія отчужденія дѣтей отъ родителей, на непригодность институтокъ къ дѣйствительной жизни.

Въ отчетахъ инспекторовъ по медицинской части петербургскихъ учрежденій импер. Маріи то и дѣло встрѣчались указанія на вредъ женскихъ закрытыхъ заведеній для здоровья воспитанницъ. Однимъ словомъ, со второй половины XIX-го столѣтія институтское затворничество начало повсемѣстно встрѣчать неодобреніе, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны общества, и все большее число лицъ высказывалось за необходимость хотя изрѣдка отпускать институтокъ домой. Наконецъ, въ 1862 г. имп. Марія Александровна разрѣшила отпускать институтокъ, но лишь въ видѣ опыта въ теченіе двухъ лѣтъ, а по прошествіи этого времени было окончательно установлено правило разъ навсегда отпускать домой воспитанницъ на лѣто и на нѣсколько дней въ Пасху и Рождество.

Нашу воскресную школу для горничныхъ скоро закрыли по неизвѣстной намъ причинѣ; но будь мы поопытнѣе, мы поняли бы, что это первый признакъ наступающей въ инситутѣ реакціи. Очевидно подулъ не тотъ вѣтеръ, который годъ тому назадъ принесъ намъ освѣжающую струю чистаго воздуха.

По окончаніи классныхъ занятій то одна дама, то другая забѣгала къ своей товаркѣ, отзывала ее въ сторонку и оживленно перешептывалась съ нею. Нерѣдко обѣ онѣ усаживались за столикъ и передавали другъ другу новости, но уже такъ, чтобы воспитанницы слышали ихъ. «Этотъ gamin (уличный мальчишка), этотъ прохвостъ осмѣлился не отдать мнѣ поклона», сообщала одна изъ нихъ. Другая отвѣчала ей, что этотъ негодяй такъ нагло посмотрѣлъ на нее вчера, а m-elle Лопаревой онъ даже засмѣялся въ лицо, что же касается m-elle Носовичъ, то онъ не извинился передъ нею даже тогда, когда толкнулъ ее при встрѣчѣ»... Фамилію преступника дамы не называли, но мы догадывались, что дѣло идетъ о комъ-нибудь изъ молодыхъ учителей.

Несомнѣнно, что всѣ эти новости были пошлою выдумкою: классныхъ дамъ возмущало не только то, что онѣ постепенно утрачивали свое значеніе, но и то, что отъ новыхъ учителей онѣ не видѣли уже такой галантной предупредительности, такого расшаркиванія передъ ними, къ которому онѣ такъ привыкли при прежнихъ учителяхъ.

Еще болѣе возмущало ихъ то, что когда во время урока одна изъ нихъ начинала войну съ воспитанницею, т. е. отнимала у нея какую-нибудь бумажонку, учитель прекращалъ чтеніе лекціи и не произносилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока она не садилась на свое мѣсто. Ушинскій первый предъявилъ требованіе, чтобы въ классѣ ни воспитанницы, ни классныя дамы не нарушали тишины. Послѣ его столкновенія съ Тюфяевой никто изъ классныхъ дамъ не осмѣливался болѣе мѣшать ему: съ нимъ считались и его по-

баивались. Болѣе или менѣе сдерживали онѣ себя и во время занятій учителей во весь первый годъ. Но какъ только появились первые признаки реакціи, классныя дамы начали придираться къ воспитанницамъ, имѣя въ виду прежде всего раздражить этимъ учителей, а черезъ нихъ насолить и Ушинскому. Онѣ то и дѣло начали вставать съ своихъ мѣстъ во время уроковъ и расхаживать между скамейками. Какъ только воспитанница брала въ руки перо, передвигала машинально книгу или тетрадь, дама громко бранила ее за это, тянула къ себѣ съ пюпитра, что попало, обдергивала ее, якобы за небрежный туалетъ и т. п. Вражда раздувалась все сильнѣе и раздѣлила, наконецъ, все населеніе института на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ стояли преподаватели съ Ушинскимъ во главѣ и воспитанницы, а въ противоположной партіи — весь женскій персоналъ начальства и двое учителей, оставшихся въ институтѣ отъ дореформеннаго времени. Конечно, и классныя дамы успокоились бы въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ менѣе утруждали бы себя выдумками, если бы начальница Леонтьева твердо рѣшила претерпѣть до конца новшества Ушинскаго. Но рѣшимости на это у нея хватило лишь на первое время, да и то потому только, что, съ одной стороны, его реформы были санкціонированы свыше, а съ другой—она просто не поняла, что Ушинскій былъ не изъ тѣхъ людей, которые могли вводить реформы только внѣшнимъ образомъ, на показъ. Къ тому же Леонтьева не имѣла представленія о томъ, что реформы такъ глубоко коснутся внутренняго быта института. Когда она поняла, что дѣло серьезно, она рѣшила, что государыня, сама желавшая оживить умственную жизнь воспитанницъ, не знала о томъ, какъ это перевернетъ вверхъ дномъ всѣ устои института.

И вотъ на голову Ушинскаго мало-по малу начинаютъ сыпаться самыя неожиданныя непріятности. Класснымъ дамамъ стоило только замѣтить, что начальница недовольна инспекторомъ, и у нихъ явилась надежда, что не все еще потеряно, что старое можно вернуть, что новое долго не удержится... И онѣ начали болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подлаживаться къ Леонтьевой. Ихъ примѣру скоро послѣдовала и наша безхарактерная инспектриса m-me Каро.

Однажды она заявила намъ, что хотя во время уроковъ намъ и дозволено обращаться къ учителямъ съ вопросами, но мы должны помнить, что имѣемъ право спрашивать ихъ только о томъ, чего не понимаемъ изъ предмета, преподаваемаго каждымъ изъ нихъ. Но такъ какъ ей сдѣлалось извѣстнымъ, что мы слишкомъ широко воспользовались этой свободой—съ шумомъ, крикомъ и гикомъ, доходящими до полной непристойности (чего никогда не бывало) окружаемъ нашихъ учителей въ перемѣну, перебивая ихъ и другъ друга, болтаемъ съ ними о всякихъ пустякахъ,—этого она не потерпитъ долѣе. Никоимъ образомъ не можетъ она допустить

и того, чтобы учителя приходили въ садъ вести съ нами безконечныя бесѣды.

И такъ сразу былъ положенъ конецъ нашему живому общенію съ преподавателями. Въ классѣ водворилась полная тишина. Это было для насъ крайне тяжелою, незаслуженною карою: мы продолжали усердно работать и читать, но «проклятые вопросы» осаждали наши головы, а поговорить о нихъ теперь было не съ кѣмъ. Тогда нѣкоторыя изъ насъ начали прибѣгать къ такой хитрости: подавая учителю составленную лекцію, мы въ концѣ ея, а то и посреди излагали (въ скобкахъ) то, что насъ интересовало. У учителя литературы въ эти скобки мы включали вопросы о томъ, почему герой или героиня такой-то повѣсти поступили такъ, а не иначе. У учителя исторіи,—возможенъ ли въ настоящее время на престолѣ такой жестокій царь, какимъ былъ Іоаннъ Грозный? Былъ-ли Павелъ I сумасшедшимъ или нормальнымъ человѣкомъ? Правда-ли, что его убили? Можно-ли Петра I называть великимъ только за то, что онъ производилъ крупныя реформы, а между тѣмъ являлся палачомъ своихъ подданныхъ?

Черезъ много лѣтъ послѣ выпуска, когда меня какъ-то посѣтилъ Д. Д. Семеновъ (бывшій у насъ учителемъ географіи), онъ сказалъ, что только что случайно нашелъ между своими бумагами исписанный листъ, который живо напомнилъ ему «періодъ скобокъ» (т. е. время, когда мы сносились съ учителями посредствомъ скобокъ). Вотъ въ это время одна воспитанница подала Семенову составленную ею лекцію о Малороссіи, а въ скобкахъ обратилась къ нему съ курьезнымъ вопросомъ, который онъ списалъ на память, такъ какъ лекцію долженъ былъ вернуть составительницѣ: «На-дняхъ мнѣ дали для прочтенія маленькую книжечку и сказали, что это стихотворенія Михайлова. Но такъ какъ титульный листъ былъ оторванъ, а на оберточной бумагѣ для безопасности отъ классной дамы было написано: «переводъ стихотвореній Корнеля» (наше начальство считаетъ его благонамѣреннымъ писателемъ), то я и не знаю, были-ли стихотворенія Михайлова оригинальными или переводными. Изъ нихъ мнѣ врѣзались въ память двѣ строчки:

«Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?»

(Цитирую не по книгѣ, а по памяти, но за смыслъ ручаюсь). Вотъ въ чемъ дѣло, многоуважаемый Дмитрій Дмитріевичъ! Если это стихотвореніе Михайлова переводное, и, слѣдовательно, въ этомъ двухстишіи авторъ подразумѣваетъ жителей западныхъ государствъ, то для меня оно понятно. Я недавно читала, что строй этихъ государствъ пришелъ въ негодность, въ одномъ мѣстѣ книги было даже сказано «гнилой Западъ». Вѣдь не можетъ же авторъ имѣть въ виду Россію послѣ великаго акта освобожденія крестьянъ, когда прежнимъ несчастнымъ рабамъ дана свобода, когда, слѣдовательно

всѣ уже пользуются полной свободой и равенствомъ? Не правда-ли, такой ужасъ въ Россіи исчезъ съ освобожденіемъ крестьянъ? Но если онъ существуетъ и теперь, почему же всѣ вы, честные, добрые, великодушные наши преподаватели, не соединитесь вмѣстѣ съ великимъ нашимъ Наставникомъ и общими усиліями не уничтожите это страшное зло въ Россіи? Какъ подло со стороны «вѣдьмъ», что онѣ прекратили наши бесѣды со всѣми вами! Пожалуйста, Дмитрій Дмитріевичъ, когда будете возвращать мнѣ эту лекцію, отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ такъ, чтобы «вѣдьма» не могла заподозрить, что я спрашиваю васъ объ этомъ въ лекціонной тетради».

И вотъ какъ на грѣхъ,—разсказывалъ Семеновъ, — въ одинъ изъ четверговъ я снесъ эту выписку Ушинскому. Преподаватели очень смѣялись, когда я прочелъ имъ ее, а Ушинскій, Боже мой, я и самъ былъ не радъ, что познакомилъ его съ содержаніемъ этого курьеза! Онъ вскочилъ изъ за стола, и ну ходить по комнатѣ въ страшномъ волненіи и говорилъ, говорилъ битыхъ часа два, пока не раскашлялся и не разволновался такъ, что мы должны были разойтись по домамъ. Ушинскаго особенно возмущало то, что дѣвочкамъ запрещаютъ невинныя бесѣды съ учителями; это запрещеніе институтское начальство объясняло тѣмъ, что такія отношенія къ преподавателямъ будто-бы лишаютъ ученицъ женской скромности и комильфотности, но онъ былъ глубоко убѣжденъ, что, даже при тупости классныхъ дамъ, онѣ не могли этого думать, и что тутъ былъ умыселъ иной. Онъ замѣтилъ, что если насъ, учителей, и поражаетъ наивная болтовня дѣвочекъ, ихъ до невѣроятности ребячливое міросозерцаніе, то его оно только радуетъ: изъ этихъ «скобокъ» видно, что у воспитанницъ уже являются мысли относительно общественной жизни, а еще недавно у нихъ были на умѣ лишь «кавалергарда шпоры».

Получая составленную лекцію, заключающую самые разнородные вопросы въ скобкахъ, учителя прекрасно справлялись съ своей новой задачей: онѣ старались удовлетворить любознательность своихъ ученицъ, объясняя ихъ вопросы въ безразличной формѣ.

Насъ, воспитанницъ, начала удивлять необычная суетливость нашей инспектриссы, которая къ тому же все усиливалась: она то возвращалась отъ начальницы, то отправлялась къ ней, то призывала къ себѣ классныхъ дамъ. Однажды, въ дежурство m-lle Тюфяевой, когда мы ждали преподавателя русской исторіи М. И. Семевскаго, къ намъ вошла maman. Мы встали съ своихъ мѣстъ съ обычнымъ привѣтствіемъ, а она голосомъ, срывающимся отъ нервнаго возбужденія, произнесла (по обыкновенію по-французски): Этотъ невоспитанный мальчишка, который долженъ къ вамъ придти сію минуту» (онъ въ то время былъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ), такъ непристойно-заносчиво держитъ себя здѣсь со всѣми, что я считаю долгомъ проучить его за это. Теперь я вижу

изъ класса, а какъ только онъ войдетъ, я возвращусь, пройду къ противоположной двери въ коридоръ, но когда я буду позади скамеекъ, m-lle Тюфяева, а за нею и всѣ вы должны присоединиться ко мнѣ, вставая со своихъ мѣстъ безъ всякаго шума. Такимъ образомъ мы всѣ выйдемъ изъ класса. Онъ останется одинъ среди пустыхъ стѣнъ! Можетъ быть, хотя это образумитъ негодяя!

Почему этотъ скандалъ былъ устроенъ М. И. Семевскому, а не кому-нибудь другому изъ учителей, навсегда осталось неизвѣстнымъ. Самъ онъ категорически отрицалъ взводимыя на него обвиненія въ томъ, что онъ при встрѣчѣ съ той или другой классной дамой толкалъ кого-нибудь изъ нихъ, нагло и съ издѣвательствомъ смотрѣлъ имъ въ глаза, и т. под. При этомъ онъ совершенно справедливо указывалъ на то, что если бы что-нибудь подобное случилось съ нимъ, то оскорбленная дама не стала бы ждать случая, а тутъ же подняла бы «исторію», какъ это было при столкновеніи Ушинскаго съ m-elle Тюфяевой.

Константинъ Дмитріевичъ уже послѣ выпуска какъ-то спросилъ нѣсколькихъ своихъ бывшихъ учениць, чѣмъ онѣ объясняютъ этотъ скандалъ, и тѣ единогласно отвѣчали ему, что, по ихъ мнѣнію, онъ начатъ былъ съ М. И. Семевскаго, какъ съ самаго молодого, и, навѣрно, устроенъ былъ бы и другимъ учителямъ, если бы онъ, Ушинскій, тотчасъ и сразу не положилъ этому конца.

Что касается того, какъ могла инспектриса, о которой Ушинскій былъ такого хорошаго мнѣнія, не только играть главную роль въ этой исторіи, но даже взять въ ней на себя иниціативу, то это вытекало изъ всего характера нашей трусливой, безвольной maman.

Когда у насъ наступила реакція, Леонтьева всѣми своими дѣйствіями обнаружила полную рѣшимость выжить Ушинскаго изъ института; maman, по обыкновенію, тотчасъ испугалась за свое положеніе и тогда уже открыто стала на сторону враговъ Ушинскаго.

Однако вернемся къ инциденту. Какъ только мягкосердечная maman, на этотъ разъ съ какимъ-то злорадствомъ, объявила свое оригинальное распоряженіе, прозвонилъ колоколъ. Она быстро вышла, а вслѣдъ за нею появился учитель. Онъ поклонился Тюфяевой, но она не отдала ему поклона; мы привстали, чтобы раскланяться съ нимъ, но въ эту минуту вошла инспектриса. Мы продолжали стоять, а учитель, уже успѣвшій сѣсть, снова всталъ съ своего мѣста и поклонился инспектрисѣ, но та только выше подняла голову и величественно направилась къ противоположной двери.

Однако не все произошло такъ, какъ было предписано: вышла m-elle Тюфяева, а за нею послѣдовали и смущенныя воспитанницы, но три изъ нихъ продолжали сидѣть въ классѣ на своихъ мѣстахъ: Ратманова, Саулова и я. Учитель, какъ всталъ для поклона инспектрисѣ, такъ и продолжалъ стоять, растерянно оглядываясь

по сторонамъ. Ни онъ, ни мы не произносили ни звука. Наконецъ, онъ сѣлъ и началъ вынимать книги изъ своего портфеля, но затѣмъ быстро положилъ ихъ обратно со словами: «при такихъ условіяхъ я не могу читать!».. всталъ, раскланялся и вышелъ.

Весь этотъ инцидентъ продолжался нѣсколько минутъ.

Вслѣдъ за уходомъ учителя въ классъ вошли всѣ, только что вышедшія изъ него. M-me Каро блѣдная, со слезами, которыя текли по щекамъ, обратилась къ намъ, остававшимся въ классѣ, со словами, звучавшими гнѣвомъ и возмущеніемъ:—А вы трое, какъ осмѣлились вы поступить вопреки моему приказанію? За всю мою службу здѣсь еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ такъ дерзко нанести мнѣ оскорбленіе!.. И это за то, что, кромѣ ласки и привѣта, вы ничего не видѣли съ моей стороны!.. Я не вѣрила, когда мнѣ говорили всѣ кругомъ, что вы въ концѣ концовъ и относительно меня запятнаете себя черною неблагодарностью!

— Простите, maman, простите!—вдругъ бросилась къ ней, рыдая, Саулова, очень чувствительная дѣвушка, которая чрезвычайно быстро увлекалась и еще быстрѣе остывала къ своему увлеченію.— Я необдуманно поступила! Я не знала, maman, что это васъ такъ огорчитъ! Вы лучшая, самая лучшая здѣсь!..

Инспектриса, ничего не отвѣчая и прикрывая глаза платкомъ, молча направилась къ себѣ, а Саулова бѣжала за ней, выкрикивая на всѣ лады тѣ же мольбы, и получила прощеніе.

Вечеромъ меня позвали къ инспектрисѣ. Она начала съ повторенія уже сказаннаго, но, такъ какъ я молчала, она вдругъ спросила меня:—Ты имѣешь что-нибудь противъ меня лично? О, я могу смѣло задавать подобные вопросы... Я никому изъ васъ не дѣлала зла! Напротивъ даже, всѣхъ васъ, а особенно тебя, всегда защищала передъ классными дамами!..

— Конечно, maman, я ничего не имѣю противъ васъ! Даже не смѣю имѣть!.. Увѣряю васъ, мнѣ очень больно, что я васъ огорчила!..

— Если бы это было такъ, то ты много разъ могла бы сегодня придти ко мнѣ и попросить прощенія.

— Я не могла... Это было противъ моихъ убѣжденій!

— Что?.. Повтори!—грозно настаивала она и, не дожидаясь отвѣта, разразилась искусственнымъ смѣхомъ.—А, такъ вотъ чему васъ научили новые учителя! Говорить высокопарныя фразы!..

— Фразами, maman, называютъ слова, когда ихъ повторяютъ безъ смысла. Вѣроятно, я понимаю, что значитъ убѣжденіе, если рѣшилась пострадать за него!

— Опомнись!.. Знаешь ли ты, что я въ первый разъ въ этихъ стѣнахъ слышу такія слова!.. Ваши учителя исковеркали, изломали васъ!

— Прежде здѣсь не произносили такихъ словъ потому, что не имѣли ни взглядовъ, ни убѣжденій...

— Если ты будешь сыпать твои фразы въ гостиной, надъ тобой будутъ издѣваться, какъ надъ послѣдней дурой и фразеркой.

Конечно, свою скромную мысль мнѣ слѣдовало отстаивать попроще, да и говорить съ инспектрисою объ убѣжденіяхъ было болѣе, чѣмъ наивно, но вѣдь нужно помнить, что мы были еще почти дѣтьми: никому изъ насъ въ это время не было болѣе семнадцати лѣтъ.

— Будь же любезна, объясни мнѣ, какое отношеніе имѣютъ твои возвышеннѣйшія убѣжденія къ моимъ распоряженіямъ?

— Вы приказали, maman, воспитанницамъ уйти съ лекціи, чтобы наказать учителя за его неблаговоспитанность. При насъ всѣ учителя раскланиваются съ классными дамами, даже теперь, когда тѣ перестали отвѣчать на ихъ поклоны. Съ нами всѣ они очень вѣжливы и усердно заботятся о нашемъ просвѣщеніи. За что же намъ наказывать ихъ? Это было бы низостью съ нашей стороны. Слѣдовательно, ваше приказаніе и было противъ моего убѣжденія.

— Пошла вонъ отсюда, скверная, до мозга костей исковерканная дѣвчонка!..

Но когда я сдѣлала реверансъ, чтобы удалиться, инспектриса гнѣвно закричала:—На дняхъ тебя уволятъ изъ института, и я буду настаивать на этомъ даже болѣе, чѣмъ на удаленіи Ратмановой. Твое пребываніе—настоящая зараза для твоихъ подругъ. Тутъ уже и твой дядюшка не спасетъ тебя!

Хотя мнѣ во время всей нотаціи очень хотѣлось, чтобъ maman скорѣе кончила ее, и я могла бы убѣжать въ дортуаръ, но теперь я не могла уйти раньше, чѣмъ выскажу все, что подсказывали мнѣ раздраженіе и обида.

— Мой дядюшка не обезпокоитъ васъ болѣе!.. Года полтора тому назадъ я валялась у вашихъ ногъ, цѣловала ваши руки, умоляя васъ защитить меня отъ клеветы...

— О, конечно, конечно,—язвительно перебила она меня,—при твоихъ возвышеннѣйшихъ убѣжденіяхъ это для тебя теперь совсѣмъ унизительно!

— Совсѣмъ не то!.. Выключенная изъ института тогда, я не знала бы что съ собою дѣлать! Теперь совсѣмъ другое: я такъ хочу учиться, такъ твердо рѣшилась самостоятельно зарабатывать свое существованіе, что нѣтъ такой силы на свѣтѣ, которая бы задавила это желаніе! А вы говорите о гостиныхъ, указываете, что тамъ надо мною будутъ издѣваться!.. Да я и не пойду въ эти гостиныя, я презираю ихъ, я хочу только учиться! И эти взгляды у насъ явились подъ вліяніемъ нашихъ честныхъ преподавателей, а вы требуете, чтобы я пошла на такую низость, устраивала имъ скандалы!..

— Ты, значитъ, милая моя, считаешь себя и Ратманову перломъ созданія, исключительно возвышенными натурами, а твоихъ подругъ, которыя не рѣшились меня ослушаться, низкими тварями?..

— Нисколько! Вѣдь онѣ это сдѣлали только потому, что не успѣли опомниться, не успѣли сообразить, въ чемъ тутъ дѣло! Я обыкновенно дѣлаю тоже то, что дѣлаютъ другія, мы уже здѣсь такъ пріучены...

— А вотъ, чтобы ты не была черезчуръ сообразительной, ты будешь уволена, и даже черезъ нѣсколько дней...

— Сейчасъ же извѣщу объ этомъ своихъ родныхъ!..

— Не ты извѣстишь ихъ о твоемъ увольненіи, а учрежденіе, въ которомъ ты воспитываешься! А теперь ты снимешь передникъ и будешь ходить безъ него вплоть до твоего удаленія!.. И въ церкви будешь стоять безъ передника и отдѣльно отъ другихъ...

— Всѣ ваши приказанія, maman, я исполню, но этому церковному наказанію... извините... я взрослая дѣвушка... я не могу подчиниться! Теперь, когда цѣпи рабства пали, вы наказываете меня, какъ послѣднюю рабыню! Вотъ ваше христіанское милосердіе!.. Выгонять изъ института — ваше право, но наказывать меня въ церкви—не позволю!—Послѣднія фразы я уже выкрикивала дерзко и запальчиво, быстро сдѣлала реверансъ и повернулась, чтобы идти, когда она закричала: «Съ глазъ долой!»

Для меня долго оставалось непонятнымъ то, что инспектриса дала мнѣ говорить, удостаивала меня даже своими возраженіями, правда, ироническими, но, согласно съ нашими правилами, ей бы слѣдовало прогнать меня при первыхъ же моихъ словахъ. Только гораздо позже я поняла, что она у меня же, въ моей запальчивой, путанной, фразистой, дѣтской рѣчи черпала аргументы для доказательства передъ Ушинскимъ негодности и безнравственности новыхъ учителей и новой системы образованія и воспитанія.

Мнѣ и въ голову не приходило сомнѣваться въ моемъ увольненіи: это объявила мнѣ не Тюфяева, а инспектриса, которая никогда не прибѣгала къ подобнымъ угрозамъ. Я просила передать дежурной дамѣ, что почувствовала себя дурно и вынуждена сію минуту отправиться въ лазаретъ.

Лежа въ постели, я начала обдумывать свое положеніе и нашла, что задача избѣжать наказанія въ церкви, считавшагося самымъ позорнымъ для выпускной воспитанницы, еще была одною изъ легкихъ, по сравненію съ другими моими заботами. Прежде всего мнѣ необходимо было извѣстить дядю о моемъ увольненіи. Я прекрасно знала, что онъ, столь энергично защитившій меня противъ явной клеветы Тюфяевой, въ настоящемъ случаѣ приметъ сторону инспектрисы. Онъ всегда стоялъ за безпрекословное подчиненіе волѣ начальства, а я осмѣлилась выказать неповиновеніе ему, и къ тому же не раскаялась въ своемъ поступкѣ,—все это не только должно было усугубить мою вину въ его глазахъ, но показаться

ему настоящимъ преступленіемъ. Отъ него я могла ожидать всего: при извѣстіи о моемъ удаленіи, онъ могъ немедленно явиться къ инспектрисѣ, и когда та объяснитъ ему, въ чемъ дѣло, потребовать отъ меня, взрослой дѣвушки, чтобы я колѣнопреклоненно просила у нея прощенія. Эта мысль леденила кровь въ моихъ жилахъ. Нѣтъ, ни за что не буду его извѣщать о моемъ удаленіи! Къ кому же обратиться? Моя мать жила въ глухой деревнѣ, очень далеко отъ Петербурга и, получивъ отъ меня извѣстіе, могла пріѣхать за мной лишь черезъ мѣсяцъ-другой. Мнѣ пришло въ голову, что у меня остается единственная обязанность извѣстить объ этомъ Ушинскаго. Благодаря ему, я получаю стипендію: онъ долженъ узнать о томъ, что меня исключаютъ, чтобы немедленно передать ее другому лицу (относительно стипендій у меня было самое смутное представленіе). Извѣстить обо всемъ Ушинскаго меня побуждала и боязнь, что начальство доведетъ эту исторію до его свѣдѣнія въ искаженномъ видѣ. И я на другой день засѣла за письмо къ нему: я разсказала ему, какъ инспектриса приказала намъ оставить классъ, когда вошелъ учитель исторіи, объясняла ему причину, не дозволившую мнѣ повиноваться ей, изложила и мой разговоръ съ maman, не утаивъ отъ него и моихъ выраженій, такъ возмутившихъ ее. Въ виду увольненія, я просила его руководить моими занятіями внѣ стѣнъ заведенія.

Въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ воспитанницамъ приходилось идти въ церковь, ко мнѣ забѣжала Ратманова съ извѣстіемъ, что инспектриса продолжаетъ каждый день ходить къ начальницѣ и что, несмотря на это, никто изъ нихъ не вспоминалъ о насъ. Но я все-таки опасалась, что инспектриса вспомнитъ свою угрозу насчетъ церкви и, чтобы избѣжать этого наказанія, слегла въ постель. Это оказалось совершенно лишнимъ: прошло болѣе недѣли, а между тѣмъ никто не напоминалъ мнѣ о моемъ исключеніи изъ института, и я отправилась въ классъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ушинскій, послѣ отсутствія своего вслѣдствіе болѣзни, опять началъ читать лекціи. Въ первый же разъ послѣ своего прихода онъ долго сидѣлъ у инспектрисы, но о чемъ они толковали между собой, для насъ осталось неизвѣстнымъ.

Я нѣсколько разъ послѣ этого встрѣчалась съ Ушинскимъ и одна, и въ обществѣ подругъ, но онъ ни разу не далъ мнѣ замѣтить, что получилъ мое письмо. По внѣшнему виду онъ становился все болѣе угрюмымъ и болѣзненнымъ: его и безъ того блѣдныя, исхудалыя щеки осунулись еще болѣе, лобъ пожелтѣлъ, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Мы не рѣшались подходить ни къ нему, ни къ учителямъ, и никто изъ нихъ не разговаривалъ съ нами болѣе.

Госпожа З. Э. Мордвинова въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Статсъ-дама М. П. Леонтьева» возмущается тѣмъ, что біографы Ушинскаго приписываютъ разстройство его здоровья непріятностямъ,

клеветамъ и доносамъ, испытаннымъ имъ въ Смольномъ. Хотя біографы, говоритъ она, не называютъ фамиліи Леонтьевой, но прежде всего имѣютъ въ виду именно ее, какъ особу, облеченную наибольшею властью въ Смольномъ. Желая опровергнуть это и показать, что Леонтьева сочувствовала всему благородному и прекрасному, а слѣдовательно, и реформамъ Ушинскаго, она старается доказать это, помѣстивъ въ своей книгѣ два подлинныхъ письма (Леонтьевой и Ушинскаго), извлеченныхъ изъ архивовъ, изъ которыхъ видно, что въ 1858 г. Леонтьева черезъ Делянова (бывшаго тогда членомъ совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа) предлагала Ушинскому занять должность инспектора въ Смольномъ, и что онъ на это согласился. Но эти письма не доказываютъ того, что желаетъ доказать г-жа Мордвинова. Очень возможно, что Леонтьева предложила Ушинскому инспекторство уже тогда, когда узнала объ этомъ мнѣніе императрицы и Норова, которымъ біографы и приписываютъ назначеніе Ушинскаго, ссылаясь при этомъ на его собственныя слова. Но если бы даже Леонтьева и совершенно самостоятельно выразила желаніе имѣть инспекторомъ Ушинскаго, то это еще совсѣмъ не говоритъ о ея сочувствіи къ нему, тѣмъ болѣе, что въ то время она ни разу не видала его.

Нужно замѣтить, что за нѣсколько мѣсяцевъ до приглашенія Ушинскаго умеръ инспекторъ Смольнаго Тимаевъ, а на его мѣсто члены совѣта *) предложили принять на испытаніе Полевого, сына писателя, очень молодого человѣка, который весьма не понравился Леонтьевой. Желая какъ можно скорѣе избавиться отъ него, она предлагала нѣсколькимъ лицамъ занять должность инспектора, но дѣло не налаживалось, и уже тогда она черезъ Делянова обратилась къ Ушинскому, который въ то время былъ инспекторомъ Гатчинскаго института. Что же касается утвержденія г-жи Мордвиной, что Леонтьева не мѣшала проведенію реформъ въ учебномъ дѣлѣ, то это вѣрно лишь въ извѣстной степени. Конечно, довольно мудрено было начальницѣ препятствовать ихъ введенію, когда онѣ оффиціально были утверждены свыше. Но будучи особой дико консервативной до мозга костей, Леонтьева не могла индифферентно смотрѣть на какія бы то ни было перемѣны, а особенно, когда замѣтила, что онѣ въ корнѣ подтачиваютъ нравы и обычаи, установившіеся въ институтѣ. Правда, она допустила бесѣды ученицъ съ учителями во время уроковъ, но какъ-только онѣ приняли жи-

---

*) Смольный находился подъ коллективнымъ управленіемъ трехъ лицъ; 1) начальницы, которой ввѣренъ былъ надзоръ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ двухъ институтовъ, 2) члена по учебной части, слѣдившаго за образованіемъ, и 3) члена по хозяйственной части, наблюдавшаго за правильнымъ расходованіемъ суммъ. Всѣ члены совѣта назначались высочайшею властью, и двое изъ нихъ выбирались изъ высшихъ сановниковъ государства.

вой характеръ, этому былъ положенъ конецъ. Точно также и въ остальныхъ реформахъ она старалась вытравить все живое.

Что же касается личности Ушинскаго, то какъ только Леонтьева поняла его характеръ, она начала дѣлать все, чтобы отравить ему существованіе. Какъ она, такъ и классныя дамы не могли сразу проявить ненависть, которую они почувствовали къ нему: благосклонное отношеніе къ нему императрицы заставляло ихъ до поры до времени весьма дипломатично обращаться съ нимъ. Да и самъ Ушинскій былъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно было легко и просто затереть. И вотъ потому-то, желая досаждать и мстить ему, онѣ пока травили учителей. Да и могли-ли не только сочувствовать другъ другу, но мало мальски переваривать одинъ другого эти двѣ личности — Леонтьева и Ушинскій, столь различныя между собой по своему характеру, понятіямъ и воззрѣніямъ! Леонтьева—осколокъ старины глубокой, особа съ допотопными традиціями и взглядами, съ манерами, до комизма чопорными, съ придворнымъ высокомѣріемъ, съ ханжеской моралью, требующая отъ каждаго полнаго подчиненія своему авторитету и подобострастнаго поклоненія передъ каждымъ своимъ словомъ, и онъ, Ушинскій — представитель новой жизни, носитель новыхъ прогрессивныхъ идей, съ энергіей страстной натуры проводящій ихъ въ жизнь, до мозга костей демократъ по своимъ убѣжденіямъ, считавшій пошлостью и фокусами всякій этикетъ, всѣмъ сердцемъ ненавидящій формализмъ и рутину, въ чемъ бы они ни проявлялись! Такія же діаметрально противоположныя цѣли преслѣдовали обѣ эти личности и въ воспитаніи: она, упорно стремившаяся къ тому, чтобы воспитанницъ двухъ огромныхъ институтовъ привести къ одному знаменателю, онъ—горячій защитникъ свободной мысли и индивидуальнаго развитія. У нихъ была только одна черта, общая другъ другу,—властолюбіе, но, конечно, она лишь усиливала ихъ взаимную ненависть и вражду. Нервный и болѣзненно-раздражительный, Ушинскій, человѣкъ во всеоружіи знаній, прекрасно знавшій себѣ цѣну, не могъ вынести препятствій при своемъ быстромъ шествіи впередъ по пути прогресса и новшествъ и наносилъ удары своимъ врагамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ служебное положеніе. Властолюбивая Леонтьева, отъ которой до сихъ поръ исходило все, что дѣлалось въ институтѣ, которой всегда и во всемъ принадлежала власть и иниціатива, не смѣла болѣе вмѣшиваться въ учебное дѣло. И прежде оно находилось въ вѣдѣніи инспектора, но, несмотря на это, она, по своему произволу, выбрасывала изъ заведенія каждаго учителя, который ей не нравился. Теперь же въ выборъ учителей она совсѣмъ не могла вмѣшиваться. Уже однимъ этимъ она была уязвлена въ своемъ самовластіи и самодержавіи. Къ тому же Ушинскій отличался еще одною чертой характера, совершенно не переносной для институтскаго начальства: наблюдательный, остроумный, находчи-

вый, рѣзкій и прямой, съ презрѣніемъ относившійся къ пошлости, онъ рѣшительно не могъ удержаться отъ сарказмовъ, а институтское начальство, по своему совершенному невѣжеству, представляло для этого широкое поле.

Въ то время, о которомъ я говорю, Ушинскій уже пользовался большою извѣстностью въ обществѣ: его остроумныя замѣчанія, мѣткія выраженія и характерные эпитеты о женскомъ персоналѣ Смольнаго ходили по городу и нерѣдко оттуда заносились въ наши стѣны. Какъ отравленныя стрѣлы, вонзались они въ сердца нашего высшаго и низшаго начальства и все большую ненависть возбуждали къ нему. Многіе преданные ему друзья изъ учителей предостерегали его, говоря, что этимъ онъ создаетъ себѣ особенно много враговъ, которыхъ и безъ того достаточно у него вслѣдствіе его реформаторской дѣятельности.

Наконецъ, начальство почувствовало, что настало время не только косвенно задѣвать Ушинскаго, нападая на учителей, и начало распускать лично о немъ всевозможныя клеветы. Мы, воспитанницы, слышали объ обвиненіяхъ, сыпавшихся на него, но они доходили до насъ въ такой неопредѣленной формѣ, что мы не могли составить себѣ ни малѣйшаго представленія о борьбѣ, которую ему пришлось вынести.

Уже послѣ выпуска, когда онъ однажды посѣтилъ меня, я въ присутствіи нѣсколькихъ его знакомыхъ просила разсказать намъ, въ чемъ обвиняло его институтское начальство и почему ему такъ скоро пришлось оставить институтъ. Константинъ Дмитріевичъ началъ свой разсказъ довольно спокойно, но скоро пришелъ въ крайне нервное возбужденіе, а черезъ нѣсколько минутъ бросалъ уже отрывочныя фразы и, наконецъ, со словами «не могу!» совсѣмъ умолкъ. Съ тѣхъ поръ я боялась безпокоить его тою же просьбою.

Вотъ что я могла узнать по этому поводу, какъ отъ него самого, такъ и отъ близкихъ къ нему учителей, которымъ онъ тоже кое-что сообщалъ объ этомъ.

Когда онъ узналъ, какъ классныя дамы стараются своими «фокусами и мелочною пошлостью» раздражать учителей, онъ убѣдительно просилъ ихъ не обращать на это ни малѣйшаго вниманія. И они дѣйствительно твердо держались даннаго ему слова. Но вотъ однажды М. И. Семевскій пришелъ разсказать ему объ описанномъ выше инцидентѣ съ нимъ. Ушинскій взглянулъ на это, какъ на простое недоразумѣніе. Онъ смотрѣлъ на инспектрису, какъ на единственную образованную, умную и порядочную женщину въ нашемъ институтѣ; къ тому же, она всегда выражала сочувствіе его реформамъ. Правда, въ бесѣдахъ съ нимъ она соглашалась далеко не со всѣми его взглядами на воспитаніе, но тѣмъ болѣе Ушинскій вѣрилъ въ искренность ея сочувствія. Когда онъ узналъ о скандалѣ, устроенномъ ею М. И. Семевскому, онъ не могъ до-

пустить, чтобы инспектриса, безъ всякой причины, могла ошельмовать человѣка, и рѣшилъ, что, вѣроятно, она вынуждена была спѣшно увести куда-нибудь воспитанницъ. Но когда черезъ нѣсколько дней получено было мое письмо, онъ понялъ, что ошибся. Онъ отправился къ инспектрисѣ и заявилъ ей, что если она еще разъ, не провѣривъ надлежащимъ образомъ обвиненіе классныхъ дамъ относительно учителей, найдетъ необходимымъ нанести кому-нибудь изъ нихъ оскорбленіе и тѣмъ лишитъ воспитанницъ лекціи, онъ немедленно же оставитъ институтъ.

Вѣроятно, инспектриса, переговоривъ объ этомъ съ начальницей, не нашла возможнымъ тотчасъ же довести свое дѣло до конца; вслѣдствіе этого и меня съ Ратмановой рѣшено было оставить въ покоѣ, но свою борьбу съ Ушинскимъ онѣ не прекратили. Хотя въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ, скоро послѣ введенія учебной реформы, Леонтьева хорошо аттестуетъ ей Ушинскаго и новыхъ учителей, но такъ необходимо было ей это тогда, а затѣмъ настали другія времена. Въ наиболѣе острый періодъ раздоровъ между нею и Ушинскимъ, что происходило въ концѣ третьяго и послѣдняго года его инспекторства, начальница все чаще намекала ему на то, что избранные имъ учителя оказались людьми невоспитанными. Но этимъ она не ограничилась и начала задавать ему вопросы, то подъ личиною добродушія, то не скрывая ироніи, что учителя, можетъ быть, и введены были имъ съ цѣлью пропагандировать опасныя и вредныя идеи. Еще чаще она упрекала его за то, что онъ, по ея словамъ, подкапывается подъ устои моральнаго институтскаго воспитанія, стараясь выбросить за бортъ, какъ ненужный хламъ, всю женственность, скромность и другія характерныя особенности, составляющія главный фундаментъ воспитанія молодой дѣвушки. Особенно возмущало это ее потому, что нравственныя основы институтскаго воспитанія поддерживались и одобрялись послѣдовательно всѣми императрицами. Она никогда не хотѣла прямо сказать, что она подразумѣвала подъ этимъ обвиненіемъ, и Ушинскій объяснялъ его только тѣмъ, что лекціи учителей, послѣ реформы, приняли характеръ дружескихъ бесѣдъ между ними и ученицами,—другихъ преступленій онъ за собою не зналъ. Раздражало начальницу и то, что Ушинскій открыто стремился къ уничтоженію власти классныхъ дамъ. По этому поводу она объяснялась болѣе опредѣленно и говорила ему, что святое значеніе классной дамы, какъ воспитательницы, онъ рѣшилъ свести на роль простого сторожа и привратника. Этихъ «уважаемыхъ» наставницъ, по ея словамъ, онъ, Ушинскій, обрывалъ, обращался съ ними надменно и тѣмъ ронялъ ихъ авторитетъ передъ воспитанницами. Ушинскій отрицалъ надменность въ обращеніи съ ними, но настаивалъ на томъ, что ихъ педагогическая система приноситъ воспитанницамъ огромный вредъ, и указывалъ на злоупотребленія ими своею властью. Сильно уязвляло самолюбіе Леонтьевой также

и то, что Ушинскій осмѣлился ломать и передѣлывать на свой ладъ не только учебныя программы, для чего онъ, по ея словамъ, былъ призванъ, но обычаи и нравы, установившіеся въ институтѣ, забывая, что нравственное воспитаніе поручено ей, одной только ей, какъ члену совѣта и какъ начальницѣ, утвержденной императрицею.

Были и недоразумѣнія, начавшіяся съ момента введенія реформъ, но тогда они смягчались уступчивостью съ той или съ другой стороны, впослѣдствіи же они сильно обострились. Когда учебныя программы были утверждены, ученицъ пришлось распредѣлять по классамъ: лучшія изъ нихъ были назначены въ седьмой, высшій классъ, а слѣдующихъ за ними, весьма значительную группу воспитанницъ, Ушинскій не находилъ возможнымъ оставить въ институтѣ, такъ какъ онѣ оказывались не только совершенно невѣжественными по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса, но между ними находилось не мало безграмотныхъ, даже плохо читавшихъ по-русски. Начальница настаивала на томъ, чтобы Ушинскій все-таки оставилъ ихъ въ институтѣ, а онъ находилъ, что имъ волею неволею приходится явиться жертвами до невѣроятности неудовлетворительной системы прежняго образованія. Онъ доказывалъ, что эти дѣвушки, несомнѣнно, могли бы еще многому научиться, но только въ томъ случаѣ, если бы ихъ образованіе и умственное развитіе начато было съ обученія первоначальной грамотѣ и предметамъ элементарнаго курса младшаго класса. Между тѣмъ, вслѣдствіе ихъ возраста, онъ не имѣетъ права посадить ихъ въ младшій классъ, а можетъ устроить для нихъ лишь особую параллель седьмого класса. Если въ ней будутъ читать даже сокращенный курсъ и, насколько возможно, популярный, то, по мнѣнію Ушинскаго, и изъ этого для воспитанницъ не будетъ никакой пользы. Онѣ не только ничего не усвоили за все время своего воспитанія, но, не работая головой въ продолженіе всего юнаго возраста, притупили свои способности, и не будутъ въ состояніи воспользоваться даже упрощеннымъ курсомъ. Однако Леонтьева настояла на томъ, чтобы для нихъ былъ устроенъ параллельный классъ.

Предсказаніе Ушинскаго сбылось: воспитанницы этого класса плохо учились (какъ это ни странно, онѣ сами себя называли «вдовами», и эта кличка такъ и осталась за ними). Передъ ихъ выпускомъ опять возникли пререканія между Леонтьевой и Ушинскимъ, но теперь уже болѣе остраго характера, такъ какъ къ этому времени ихъ отношенія ухудшились. Леонтьева настаивала на томъ, чтобы воспитанницамъ, учившимся въ параллельномъ отдѣленіи, были выданы аттестаты; Ушинскій наотрѣзъ отказался это сдѣлать. Онъ находилъ, что аттестаты могутъ вводить въ заблужденіе родителей, которые, часто только на основаніи ихъ, приглашаютъ дѣвушекъ въ качествѣ преподавательницъ. И воспитанницамъ па-

раллели были выданы лишь свидѣтельства съ обозначеніемъ успѣховъ по каждому предмету, большею частью, весьма плохихъ.

Послѣднимъ моментомъ борьбы между этими двумя лицами было слѣдующее: послѣ окончанія выпускныхъ экзаменовъ, въ началѣ марта 1862 г., имп. Марія Александровна пріѣхала въ Смольный, на Николаевскую половину, раздавать награды. Ушинскій по списку вызывалъ каждую воспитанницу, которой государыня вручала награду. Когда это торжество окончилось, Ушинскій, по институтскому этикету, долженъ былъ моментально раскланяться съ государыней и быстро отойти въ сторону, уступивъ свое мѣсто начальницѣ. Но онъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ. Государыня заговорила съ нимъ и въ то же время отправилась привѣтствовать воспитанницъ, выстроенныхъ по классамъ. Ушинскій слѣдовалъ за ней, отвѣчая на ея вопросы. Для людей, не посвященныхъ въ нравы института, въ этомъ не было ничего особеннаго: императрица подходитъ къ воспитанницамъ то одной, то другой группы, произноситъ слова привѣтствія, а когда идетъ далѣе, продолжаетъ разговоръ съ инспекторомъ. Но институтское начальство находило, что честь сопровождать императрицу принадлежитъ только начальницѣ: Леонтьева дрожала отъ волненія, а классныя дамы, усматривая въ поведеніи Ушинскаго величайшее оскорбленіе, нагло нанесенное ихъ начальницѣ, подошли къ членамъ совѣта, присутствовавшимъ здѣсь, и просили ихъ довести до свѣдѣнія императрицы о «наглой продѣлкѣ» Ушинскаго. Выпускныя воспитанницы Николаевской половины, стоявшія поблизости и слышавшія весь разговоръ, были имъ возмущены, толпой двинулись къ любимому инспектору и при государынѣ выразили ему свою благодарность за его труды и заботы о нихъ. Государыня обратила на это вниманіе и сказала, что ее трогаютъ добрыя чувства воспитанницъ къ людямъ, потрудившимся на ихъ пользу.

Послѣ этого положеніе Ушинскаго въ институтѣ сдѣлалось невыносимымъ: на него не только посыпались клеветническія обвиненія, но полетѣли даже доносы, на которые ему пришлось давать оффиціальныя объясненія. Пунктовъ обвиненія оказалось такъ много, что на составленіе оправданія потребовалось почти двое сутокъ, которыя Ушинскій провелъ, лишь изрѣдка вставая съ мѣста. Когда онъ кончилъ работу, кровь хлынула у него горломъ, а на слѣдующій день онъ всталъ съ постели страшно посѣдѣвшимъ. Въ концѣ того же марта мѣсяца 1862 г., ровно черезъ три года послѣ своего инспекторства, Ушинскій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ Смольномъ. Вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ двухъ-трехъ, вышли и всѣ преподаватели, введенные имъ.

Несправедливо было бы утверждать, что вѣчныя дрязги, недоразумѣнія, безсмысленные клеветы и доносы институтскаго на-

чальства были единственными причинами, погубившими здоровье Ушинскаго: оно было слабо у него съ юныхъ лѣтъ, но несомнѣнно, что изъ ряда вонъ тяжелая борьба, которую ему пришлось вести во всѣ три года его инспекторства, въ связи съ необыкновенно напряженною дѣятельностью, дали сильный толчокъ развитію болѣзни легкихъ, которою онъ страдалъ во все время своей послѣдующей короткой жизни. Тяжелая утрата Ушинскимъ сына въ 1870 г. была другимъ роковымъ ударомъ въ его жизни, и онъ умеръ въ томъ же году отъ воспаленія легкихъ, всего лишь 47 лѣтъ.

Моя задача состояла въ томъ, чтобы показать, какой переворотъ произвелъ Ушинскій въ Смольномъ, въ этомъ въ то время совершенно отжившемъ учебно-воспитательномъ учрежденіи, и выяснить его вліяніе на ученицъ. Я хотѣла представить эту сторону дѣятельности великаго русскаго педагога потому, что она была лишь намѣчена его біографами, но совсѣмъ не разработана. Но я должна напомнить читателю, что свою громкую славу онъ стяжалъ преимущественно своими замѣчательными трудами на пользу семьи и школы, давъ имъ рядъ книгъ, не только облегчившихъ, но совершенно измѣнившихъ характеръ первоначальнаго обученія. До выхода въ свѣтъ его книгъ дѣтямъ приходилось добиваться грамотности путемъ тяжелаго, часто непосильнаго труда, просиживая за азбукою и слогами, не имѣвшими смысла, по году и болѣе. Этотъ безсмысленный трудъ притуплялъ душевныя силы дѣтей и вырабатывалъ въ нихъ отвращеніе къ ученію вообще. Книги Ушинскаго (3 части «Родного Слова» съ руководствомъ для учителей и «Дѣтскій Міръ») дали возможность приступать съ дѣтьми съ первыхъ уроковъ къ чтенію и письму, выясняя имъ окружающую обстановку и родную природу, вызывая въ нихя все большую сообразительность и любознательность и давая воспитателямъ огромный матеріалъ для бесѣдъ съ ними. Но этимъ еще не ограничивается огромное значеніе его книгъ: чтеніе ихъ поддерживаетъ въ дѣтяхъ бодрость, живость и веселое расположеніе духа, что имѣетъ огромное значеніе для умственнаго и физическаго развитія дитяти.

Цѣлый рядъ талантливыхъ педагогическихъ статей Ушинскаго, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ *), большая часть которыхъ послѣ смерти автора была собрана въ одинъ томъ, подъ названіемъ: «Собраніе педагогическихъ сочиненій» К. Д. Ушинскаго и его сочиненіе «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, — опытъ

*) Между прочимъ, и въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія". Этотъ казенный, сухой органъ во время редакторства Ушинскаго (1860—1861 г.) превратила въ живой педагогическій журналъ, которымъ сильно заинтересовалась публика.

педагогической антропологіи» (въ двухъ томахъ), представлявшій въ то время серьезный научный трудъ, — все же имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ его «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ».

Англичанинъ, по имени Блеквель, улучшилъ породу овецъ, что дало возможность сильно увеличить доходъ, приносимый въ Англіи овцеводствомъ. За это соотечественники Блеквеля поставили ему памятникъ. Ушинскій, усилившій духовный прогрессъ своей родины и совершившій полный переворотъ въ первоначальномъ обученіи, давно заслуживаетъ, чтобы ему былъ воздвигнутъ достойный его памятникъ.

Е. Водовозова.

ПРОСТУПОКЪ.

Повѣсть.

V.

Ночь подошла незамѣтно, точно подкралась неуловимо приближающимися шагами. Послѣ недолгихъ сумерекъ все вдругъ сразу же потемнѣло. На морѣ подымался туманъ. Тянуло сыростью, но было все же тепло. Въ сгустившейся тьмѣ вѣяли какія-то необъятныя крылья: это проползали низко нависшія тучи. Самихъ ихъ не было видно въ темнотѣ, — только повсюду скользили, исчезая, отбрасываемыя ими призрачныя тѣни.

Придя домой съ одинокой прогулки, Осокинъ не зажегъ огня и, никѣмъ не замѣченный, тихо сѣлъ въ своей комнатѣ у отвореннаго окна.

Внизу, на крыльцѣ, вырисовывались двѣ неясныхъ фигуры. Въ одной изъ нихъ, по наброшенному на плечи бѣлому платку, Осокинъ безъ труда узналъ Елену Павловну. Другой силуэтъ почти совсѣмъ сливался съ мракомъ. Но Осокинъ не обратилъ на него никакого вниманія: онъ уже зналъ напередъ, что это можетъ быть только Ярся.

Обѣ онѣ молчали, прислушиваясь къ тишинѣ. Изъ невидимаго въ туманѣ моря доносились жалобные крики сиренъ, которыми корабли предупреждаютъ другъ друга о своемъ приближеніи.

Начинались они, обыкновенно, гдѣ-нибудь очень далеко, чуть слышнымъ и томительнымъ гудѣніемъ. Ему сейчасъ же откликались другіе все ближе и ближе... и долго потомъ не прекращался этотъ угрюмый, таинственный ревъ, точно невѣдомыя чудовища звали тамъ другъ друга среди тумана.

Осокинъ думалъ о томъ, что люди въ жизни проходятъ равнодушно и безучастно одинъ мимо другого, даже не отзываясь на зовъ того, кто затерялся въ одиночествѣ, тогда

какъ корабли на морѣ, проходя, свѣтятъ другъ другу привѣтливыми сигнальными огнями, а въ черную ночь на нихъ кричатъ эти сирены, какъ бы напоминая о томъ, что и среди морской пустыни всѣ затерянные въ ней не безпомощны и не одиноки...

Ему было грустно, и онъ хотѣлъ скорѣе услышать голосъ Елены Павловны. Но она ничего не говорила.

Тогда Осокинъ сталъ мечтать, какъ онъ больше не будетъ ее видѣть, и тогда все пройдетъ... не останется на душѣ ни этой тяжелой горечи, ни этого ненужнаго и мелочного разочарованія. Онъ снова станетъ свободнымъ, и она' быть можетъ, полюбитъ его... Сейчасъ, конечно, ей кажется страннымъ: почему это все такъ случилось?.. Какъ будто бы ни съ того, ни съ сего... Но онъ самъ виноватъ, что она его не поняла... Онъ слишкомъ поторопился и не объяснилъ, что все это не прихоть несуразная и больная... а то большое и свѣтлое чувство, о которомъ онъ давно мечталъ, и которое одно даетъ людямъ настоящее счастье...

Но здѣсь Осокинъ вдругъ вспомнилъ, что ему некуда вѣдь отсюда уйти: онъ долженъ жить вмѣстѣ съ Еленой Павловной, встрѣчаться съ ней каждый день и постоянно видѣть ее передъ своими глазами. Онъ судорожно стиснулъ зубы.

— Быть можетъ, она еще чувствуетъ ко мнѣ состраданіе?..—съ насмѣшливой злобностью промелькнуло у него въ головѣ.—„Несчастная любовь"... „Бѣдный парень"!.. Нѣтъ... *Этого* я не хочу... Пускай лучше... Впрочемъ, что „пускай"?.. Не видѣть ее?.. Но вѣдь никуда не уйдешь... Цѣпью прикованы... Нѣтъ... лучше ужъ не вспоминать объ этомъ... Не думать...

Осокинъ облокотился о подоконникъ и усиліемъ воли постарался отогнать отъ себя навязчивыя мысли.

На секунду стало, какъ будто, легче. Только кажется, что душа внезапно опустѣла... — Что-жъ, пускай... Не думать бы только... О чемъ это онѣ тамъ говорятъ?.. Это она сейчасъ сказала...

Осокинъ безшумно выпрямился въ темнотѣ. Съ крыльца доносился голосъ Елены Павловны.

— Нѣтъ, Яся, я совсѣмъ не согласна съ вами. По моему, если ужъ жить, такъ надобно жить, чтобы послѣ было о чемъ вспомнить... А иначе какой же смыслъ?.. Проживешь сто лѣтъ, а назадъ оглянешься — ничего-то хорошаго тамъ нѣтъ... все только дни да ночи, а вокругъ темно.. Вѣдь безъ воспоминанія и жизни никакой быть не можетъ... Вообразите себѣ, если бы человѣкъ все вдругъ забывалъ, что съ нимъ происходитъ... Я думаю—это было бы ужасно... Это значило бы сократить жизнь до степени мгновенья... А въ

мгновеніи вѣдь даже и не живешь... чувствуешь только, или ощущаешь... Жизнь—въ сознаніи, въ воспоминаніи... Чѣмъ больше накоплено воспоминаній подъ старость лѣтъ, тѣмъ, значитъ, и жизнь богаче прожита... А такъ... изо дня въ день... Нѣтъ, лучше ужъ и жизни мнѣ никакой не надо!..

— А вы развѣ долго еще собираетесь жить?..—въ тонѣ Яси проскользнула едва уловимая насмѣшка.

— Не смѣйтесь, Ядя... Я правду говорю... Я смерти очень боюсь, т. е. не то, чтобы боюсь, а мнѣ... ну... понимаете: я жить очень еще хочу! А тутъ вдругъ что-то невѣдомое, холодное... Брр... даже подумать непріятно!.. Ну, а такъ, вообще, пожалуй, я бы жить долго не хотѣла...

— Это почему же такъ?..

— А очень просто. Я чувствую, что могу и сумѣю ярко сгорѣть... Но теплиться, какъ неугасимая лампадка, я не въ силахъ... Жить, по моему — это, значитъ, горѣть... И чѣмъ дольше прогоришь, тѣмъ, значитъ, лучше и для тебя, и для другихъ... А я... видите-ли, Яся... я вотъ на длительный-то подвигъ, пожалуй, что и не способна!.. Кто во мракѣ одинокой звѣздочкой свѣтитъ—тотъ герой, и ему молиться надобно... Мнѣ же нужно сразу—а то, быть можетъ, я послѣ ослабну и упаду... А, упавши разъ, подыматься-то... ой-ой, какъ трудно!.. Смотришь: еще разъ споткнулся—а тамъ, пожалуй, и совсѣмъ не встать... Затянетъ потихоньку да полегоньку въ тину мелкую, въ житейскую грязь... Потускнѣютъ мечты, желанія куда-то по торной дорожкѣ побѣгутъ... И совсѣмъ не то будетъ, что въ началѣ хотѣло быть... А для меня это даже хуже смерти!..

Елена Павловна замолчала. Изъ хозяйской квартиры послышался печальный и жалобный вздохъ. Вслѣдъ затѣмъ жена дьякона запѣла вполголоса какую-то заунывную грузинскую пѣсню, укачивая своего послѣдняго младенца. Незнакомыя слова задумчиво и странно зазвучали изъ темныхъ оконъ. Черная ночь подхватывала ихъ снаружи и уносила въ свою притаившуюся тишину. Во мракѣ было жутко и безмолвно.

— Колыбельную пѣсню поетъ,—замѣтила Яся послѣ недолгаго молчанія.

— Да, поетъ... — какъ-то лѣниво отозвалась Елена Павловна и сейчасъ же оживилась:—Ну вотъ, Яся... Вы только посмотрите: развѣ же это жизнь у нея?.. Цѣлый день она раба своихъ дѣтей, а вечеромъ надобно скорѣе ложиться, чтобы завтра чуть свѣтъ для того же самаго встать!.. И такъ всегда... Для чего же все это?.. Она вѣдь красавица была... Это и сейчасъ замѣтно... Куда же и на что ушли силы?. Незамѣтно и постепенно... и вдругъ смотришь—нѣтъ ничего!..

Вы знаете, Яся, она вѣдь за него по любви пошла... цѣлая драма: ее родные не хотѣли отдавать... онъ укралъ ее ночью... Влѣзъ въ окошко и прямо съ постели умчалъ на конѣ... За ними гнались, имъ вслѣдъ стрѣляли... Женихъ отвергнутый стрѣлялъ... Онъ, оказывается, всю ночь подъ ея окнами караулилъ, да какъ-то въ рѣшительную минуту не углядѣлъ... Ну, и что же получилось изъ всего?.. Гдѣ прежнее?.. Неизвѣстно... А впереди все сѣро... Настоящее же тянется, какъ сумеречный день... Теперь о дѣтяхъ хлопочутъ... ссорятся, ругаются иза-за всякихъ пустяковъ... А потомъ выростутъ дѣти... Тамара у нихъ съ кѣмъ-нибудь убѣжитъ, и завертится новая машина на старый ладъ!.. Вотъ что страшно мнѣ, Яся!.. Гдѣ же радость и красота нашей жизни?.. Для чего всѣ эти неясные порывы... ожиданіе это... тоскливая грусть... когда послѣ вдругъ — ничего!.. Обидно и непонятно... Потому и хочу я такъ: пускай въ моей жизни будетъ какъ можно больше яркихъ мгновеній!.. Я хочу мчаться во весь опоръ, чтобы духъ захватывало... За одно мгновеніе вихря я цѣлую недѣлю ковылянья отдамъ!.. Вы, Яся, кажется, опять надо мной смѣетесь?.. Скажите: надъ чѣмъ?..

— Да вотъ здѣсь, напримѣръ, у насъ... что же—яркія краски какія-нибудь, что ли?.. Нѣтъ, конечно... Однако же, вы не жалуетесь и не собираетесь бѣжать... Стало быть, дѣло не въ однихъ этихъ „вихряхъ" и „яркихъ мгновеніяхъ", а въ томъ, что есть всецѣло захватившій васъ трудъ—вы имъ заняты, въ него вѣрите, и этимъ полна ваша жизнь... И не надобно вамъ сейчасъ ничего другого... Конечно, если вы увидите, что это васъ не удовлетворяетъ—васъ куда-нибудь еще потянетъ; но покамѣстъ этого нѣтъ, и наша сѣренькая жизнь изо дня въ день для васъ лучше какой-нибудь свѣтской или растительной жизни... Вѣдь правду я говорю?..

— Нѣтъ, Яся!.. Нѣтъ... Я съ вами не согласна... Вы совсѣмъ меня не понимаете... Совсѣмъ... совсѣмъ!.. Тутъ двѣ разныя вещи: одна—общественная жизнь, другая—личная... Хотя та и другая для меня переплетаются настолько тѣсно, что я ихъ иногда не могу различить, но все-таки, Яся... поймите: я смогу въ общественной жизни на задворкахъ сидѣть, я могу дѣлать какую угодно тяжелую и черную работу—мелочного самолюбія у меня и на столько вотъ нѣтъ!.. Тамъ, гдѣ нужно—я и въ самыхъ послѣднихъ рядахъ буду тѣсниться, но это только для чего-нибудь общаго... для личнаго же—никогда!.. Я теперь вотъ живу здѣсь на дачѣ и я знаю напередъ, что ничего захватывающаго въ нашей работѣ не будетъ, но это все нужно для дѣла... Но въ моей душѣ есть двѣ половинки—обѣ онѣ для меня равны... Когда одна изъ нихъ выходитъ изъ равновѣсія,—то и другая тоже...

Яся... хотя сейчасъ ужъ и совсѣмъ темно, но я все же вижу, что вы опять начали улыбаться!.. Смѣйтесь надо мной, сколько хотите, а я вамъ все-таки свое скажу. Посмотрите вокругъ: вездѣ тишина... вонъ тамъ море неслышно заснуло въ туманѣ... А мы съ вами не спимъ еще и, какъ будто, чего-то ждемъ... Чего же, спрашивается? Одной декораціи, оказывается, не хватаетъ... Хочется, чтобы эта загадка ночи въ нашемъ сердцѣ огненнымъ словомъ отозвалась... Хочется узнать, наконецъ, эту тайну!.. Для того и прекрасно все такъ... И тучи невидимыя бѣгутъ, и море дремлетъ въ туманѣ... Развѣ же можно на красивую ночь безъ грусти смотрѣть?.. А почему?.. Потому, что душа все время ищетъ отвѣта... Скажите, Яся: вы любили когда-нибудь?..

Яся невольно вздрогнула отъ этого внезапнаго вопроса.

— Н...нѣтъ!.. То есть, въ какомъ, собственно, смыслѣ?.. Не знаю...—Голосъ Яси прозвучалъ въ темнотѣ неувѣренно и смущенно. Елена Павловна засмѣялась.

— Какая вы скрытная!.. Но напрасно вы думаете, что у меня плохое зрѣніе...

— Т. е... какъ это?..

— Ну да ладно ужъ... ладно!.. Будетъ притворяться... Я не стану больше настаивать... Разъ человѣкъ начинаетъ отвѣчать на вопросъ вопросомъ—значитъ, онъ къ откровеннымъ изліяніямъ не расположенъ... Ну, что-жъ?.. Давайте помолчимъ немножко... Послушаемъ, какъ хозяйка младенца укачиваетъ... Кстати: вамъ не кажется, что этотъ мотивъ на колыбельную пѣсню, какъ будто, не совсѣмъ похожъ?.

— Да... странный онъ какой-то... Томительный...

Осокинъ, невидимый, продолжалъ сидѣть у окна. Глаза его не отрывались отъ смутно виднѣвшагося въ темнотѣ знакомаго силуэта. Поднимался вѣтеръ. Море тихо начало всплескивать среди тишины. У дьякона горѣлъ огонь, и изнутри на освѣщенныхъ окнахъ двигались безформенныя тѣни. Жалобная пѣсня неожиданно оборвалась...

— Скажите, Елена,—волнуясь и стараясь скрыть свое волненіе, заговорила Яся,—какого мнѣнія вы держитесь объ... т. е... я хотѣла сказать, что вы думаете... Однимъ словомъ, каковъ, по вашему, Осокинъ?..—Она замолчала и сейчасъ же хотѣла еще что-то добавить, но, очевидно, раздумавъ, кашлянула нѣсколько разъ искусственно и неумѣло.

Елена Павловна осталась сидѣть неподвижно. Осокинъ впился пальцами въ подоконникъ, какъ бы желая слиться съ нимъ и исчезнуть... Какія-то фантастическія искры замелькали въ мозгу. Ему показалось, что за словами Яси наступила вѣчность. Прошло нѣсколько секундъ.

— Осокинъ?

Тихо и небрежно произнесенное Еленой Павловной его имя отозвалось въ немъ, какъ рѣзкій ударъ. Онъ съежился на своемъ стулѣ и замеръ... „Сейчасъ... сейчасъ!.. Или уйти"?..— Что то смутное заскользило въ сознаньи и снова провалилось.—„Узнаю... Уйду... Нѣтъ... Ну... только бы поскорѣе!.."

— Осокинъ?..—еще разъ въ раздумьи повторила Елена Павловна.—Какъ вамъ сказать?.. Видите ли, Яся... Я хочу быть съ вами вполнѣ откровенной...

— Что, Елена Павловна, мужа вышли на крыльцо поджидать?..—Полоса свѣта на мгновеніе разрѣзала темноту, и высокая фигура жены дьякона неожиданно выросла въ отворенныхъ дверяхъ на порогѣ. Двери захлопнулись. Осокинъ угрюмо облокотился на подоконникъ. Ему вдругъ стало неинтересно слушать.

— Пойду и я съ вами посижу... Устаешь за день-то съ дѣтьми... Силъ нѣту...

— Присаживайтесь, Тамара Георгіевна... Очень рада!.. А мы тутъ съ Ясей на небо глядимъ, да только тамъ ничего не видно...

— Охъ... охъ... должно быть, завтра дождикъ будетъ... Все тучками заволокло... А мой дьяконъ въ городѣ засидѣлся... У Гаврилова онъ... Лавочника богатаго знаете?.. Одна я сейчасъ. Дѣти спать легли... Ну, а вашъ то Николай Егорычъ гдѣ?.. Темно у него въ комнатѣ... Можетъ, отдыхаетъ?..

— Не знаю, право... Кажется, онъ еще не возвращался съ прогулки. А если пришелъ, то, навѣрное, подъ дубомъ сидитъ... Любимое мѣсто...

— Зачѣмъ же ему одному тамъ сидѣть?.. Одному скучно...

— Да онъ это не для веселья... Ему думать надобно... Работы свои обдумываетъ—ну, а я ему, конечно, мѣшаю...

— Такъ... такъ... А все же... какъ же это... безъ жены?..

— А что же вашъ дьяконъ?.. Зачѣмъ онъ васъ съ собой въ гости не взялъ, а одну дома оставилъ?..

— Такъ я другое дѣло. У меня дѣти. А у васъ на плечахъ никакой обузы нѣтъ... Вы люди свободные, молодые...

— Всяко бываетъ, Тамара Георгіевна!.. А ты бы, Яся, на самомъ дѣлѣ, пошла бы... позвала барина, если онъ подъ дубомъ замечтался... Скажи ему: барыня, молъ, сердится, что съ ней не хотите сидѣть... А послѣ накрой ужинать: я проголодалась...

Яся безшумно поднялась и, пройдя нѣсколько шаговъ, затерялась въ темнотѣ.

Осокинъ, не желая попасть въ непріятное положеніе, если бы его случайно замѣтили у окна, хотѣлъ лечь въ

постель и притвориться спящимъ, но въ этотъ моментъ Елена Павловна снова заговорила. Онъ остался...

— Скажите, Тамара Георгіевна, что это вы такое сейчасъ пѣли? Грузинскую колыбельную пѣсню?..

Хозяйка смущенно засмѣялась.

— Ну, вотъ, Елена Павловна!.. И зачѣмъ вы только спрашиваете!.. Просто мнѣ даже стыдно стало...

— Это почему?..

— Да насчетъ пѣсни... Не колыбельная она... Совсѣмъ даже наоборотъ... На старости лѣтъ пришло въ голову... Смѣшно подумать...

— Не скромничайте, пожалуйста, Тамара Георгіевна... Какая вы тамъ старуха!.. Вамъ, должно быть, хочется комплиментъ отъ меня получить?.. А все же, что это за пѣсня? Любовная?.. Да?..

— Ее у насъ въ Грузіи поютъ. Знаете, когда молодые люди влюбляются и скучаютъ... Такъ вотъ тогда... Очень подходящія слова... И мотивъ печальный...

— Вотъ какъ!.. Вы, оказывается, прежнее вспоминали...

— Скучно мнѣ сдѣлалось... — Хозяйка произнесла эти слова какъ то неувѣренно, точно извиняясь. — Одна была... Дѣти спятъ... Ночь такая теплая... Вотъ и пришло само... Это мнѣ дьяконъ раньше пѣлъ... У него хорошій былъ голосъ, а теперь испортился... Свѣтлый такой... чистый... Хорошо онъ пѣлъ... очень хорошо...

Она умолкла и чуть слышно стала напѣвать ту же мелодію, тихонько раскачиваясь въ тактъ и подперевъ голову руками. Елена Павловна не шевелилась.

— Какія слова?.. Скажите мнѣ...—донеслось до Осокина оттуда, гдѣ виднѣлось среди мрака бѣлое пятно платка. — Я мотивъ уже, кажется, уловила...

— Ну, вотъ слушайте:

Бахши варды—рат минда мэ...
Кипариси—рат минда мэ?..

— Что это значитъ?—перебила ее Елена Павловна.

— Я вамъ ужъ лучше по русски разскажу. Понимаете: жалуется человѣкъ, что все ему скучно, и не надо ему ничего... Въ саду роза, говоритъ, зачѣмъ мнѣ?.. Стройный кипарисъ—зачѣмъ мнѣ?.. Ахъ! говоритъ,—глаза... глаза!.. Черные глаза!..—Это только длинная пѣсня. Я и не всѣ слова помню...

Елена Павловна сейчасъ же запѣла, удачно повторяя мотивъ грустнаго и монотоннаго речитатива.

— Въ саду роза—зачѣмъ мнѣ?..—Какъ дальше?.. Дальше

какъ?..—нетерпѣливо оборвала она пѣсню.— Забыла дальше...

— Стройный кипарисъ,—мгновенно оживляясь, подхватила хозяйка,—зачѣмъ мнѣ?.. Вѣрно... вѣрно... Очень хорошо.. Какъ это вы такъ скоро научились? Прямо удивительно...

— Вы находите?.. — Елена Павловна засмѣялась. — Эхъ, Тамара Георгіевна!.. Если бы мнѣ только, какъ слѣдуетъ, можно было пѣть...

— А кто же вамъ мѣшаетъ?..

— Учиться надобно долго, а я не могу...

— Развѣ Николай Егорычъ не позволяетъ?

— Николай Егоровичъ тутъ ни при чемъ... Жизнь ужъ такъ складывается, что нельзя... А что тамъ Николай Егорычъ!..

— Все таки мужъ. Отъ мужа зависитъ...

— Мужъ! Я бы ни на какого мужа не посмотрѣла, если бы не другія обстоятельства... Э, да что тутъ толковать...

Елена Павловна порывисто бросила съ себя свой бѣлый платокъ на колѣни.

— Жарко какъ!.. А красивая эта ваша пѣсня!.. Сколько тоски въ ней... Я красивую тоску очень люблю... Скажите, Тамара Георгіевна, вамъ не жаль, что теперь уже все перемѣнилось?..

— Что „перемѣнилось?..“

— Да это все... Ну, понимаете: вотъ раньше, когда вы еще дѣвушкой были... вамъ чего-то отъ жизни свѣтлаго ждалось... Вы все думали про себя: вотъ придетъ оно.. вотъ придетъ... А на самомъ дѣлѣ ничего не пришло, и вы теперь уже съ грустью вспоминаете про то свое прежнее ожиданіе... Оно-то, оказывается, и было тѣмъ свѣтлымъ, чего вы такъ ждали всегда...

— Не понимаю я васъ, Елена Павловна... Что вы хотите этимъ сказать? Про кого?..

— Ничего, Тамара Георгіевна... Это я такъ... не обращайте вниманья!.. Скучно мнѣ — вотъ и болтаю всякій вздоръ...

— Скучно? Да... это вѣрно. Я и то всегда думала, что вы должны здѣсь скучать...

— „Въ саду роза—зачѣмъ мнѣ?.. Стройный кипарисъ—зачѣмъ мнѣ“?.. Да, хорошо это сказано... Ну къ чему-же, на самомъ дѣлѣ, вся эта красота, когда тотъ, кого любишь, не съ тобой сейчасъ, а гдѣ-нибудь далеко... за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ!.. Не правда ли?..

Хозяйка отвѣтила не сразу. Помолчавъ немного, она неожиданно нагнулась къ Еленѣ Павловнѣ.

— Скажите мнѣ, Елена Павловна... Мы вѣдь женщины

съ вами,—долетѣлъ до Осокина ея осторожно пониженный шёпотъ.—Вы, должно быть, не любите Николая Егоровича... Да и не пара онъ вамъ... Какой ужъ изъ него мужъ!.. А вы женщина молодая...

Осокинъ судорожно затаилъ дыханіе. Но Елена Павловна ничего не сказала.

На лѣстницѣ послышались поднимающіеся шаги.

— А... чортъ!—мысленно выругался Осокинъ по адресу Яси. Онъ отскочилъ отъ окна и поспѣшно улегся на кровать. Въ этотъ моментъ голосъ Елены Павловны зазвучалъ снаружи. Но Осокинъ разслышать ея отвѣта не успѣлъ: дверь скрипнула, и Яся смутной тѣнью появилась среди темноты.

— Осокинъ!.. Вы здѣсь?..

— Здѣсь,—нехотя отозвался Осокинъ.

— Отчего вы лежите?.. Вы больны?..—въ голосѣ Яси послышалась плохо-скрываемая тревога. Она отдѣлилась отъ дверей и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, нерѣшительно остановилась.

— Абсолютно здоровъ... Вамъ что-нибудь надо?..

— Я васъ вездѣ искала... Я думала, вы еще не пришли...

— Если вы думали, что я еще не пришелъ, то зачѣмъ же вы меня искали?..

Осокинъ приподнялся на локтѣ.

— Уйди отсюда!.. Чего торчишь?.. Ты мнѣ слушать мѣшаешь...—мучительно хотѣлось сказать ему въ эту минуту. Но онъ сдержалъ себя и только еще разъ повторилъ:—Зачѣмъ вы меня искали?..

Яся молчала. Въ отворенное окно глухо доносились голоса Елены Павловны и хозяйки. Осокинъ напряженно пытался уловить, о чемъ они говорятъ?.. Но слова ихъ сливались въ какое-то тихое гудѣнье. Онъ вздохнулъ и легъ навзничь. Яся приблизилась еще на шагъ.

— Что съ вами, Осокинъ?..

— Я хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ!..

— Хорошо... Я сейчасъ уйду... Я только пришла вамъ сказать, что мы будемъ черезъ нѣсколько минутъ ужинать.

— Я не буду...

— Вы больны?..

— У меня египетская чума и азіатская холера!.. Я уже издохъ...

— Не понимаю, что такое съ вами творится. Раньше вы не были такой...

Яся постояла еще немножко и медленно удалилась, притворивъ за собой двери.

Осокинъ порывисто бросился опять къ окну.

— Это вамъ только такъ кажется,—говорила на крыльцѣ Елена Павловна хозяйкѣ,—увѣряю васъ...

— Можетъ быть... Можетъ быть... Не смѣю спорить... Но вотъ и мой дьяконъ пришелъ... Спокойной ночи!..

— Спокойной ночи, Тамара Георгіевна!..

Хозяйка грузно поднялась со ступенекъ.

— Ночь-то какая!.. Жаль въ комнату уходить... Такъ бы все и сидѣла здѣсь до самаго утра...

— Безполезное занятіе... Тамъ васъ отецъ дьяконъ ждетъ...

— Да и васъ, я думаю, Николай Егорычъ дожидается... Ха-ха-ха! Ну, такъ я, значитъ, пошла...

Мелкіе камешки, которыми былъ усыпанъ дворъ, отрывисто захрустѣли подъ ея ногами. Елена Павловна выпрямилась во весь ростъ.

— Тамара Георгіевна!..—позвала она.

Хрустѣнье остановилось.

— Что вамъ?..

— Скажите: какъ будетъ по грузински „мой милый"?..

— Это вамъ зачѣмъ?.. Нашъ языкъ хотите учить?..

— Да... хочу!.. Скажите!..

— Мой милый по грузински будетъ: „чэмо карго"...

— Спасибо!.. Теперь буду знать...

— Не на чемъ, Елена Павловна!.. До свиданія...

Снова ослѣпительно рѣзкая полоса свѣта изъ распахнутыхъ среди ночи дверей, и снова все густо заливается нахлынувшимъ отовсюду мракомъ. Черныя облака тихо и торжественно плывутъ наверху. На морѣ чуть колышется бѣлѣющая полоса тумана. Плещутъ невидимыя волны... Далекій крикъ сирены непрерывно и тягостно гудитъ...

— Чэмо карго!..—Елена Павловна задумчиво повторяетъ эти странно звучащія, чужія слова, и Осокину кажется, что они полны для нея сейчасъ какого-то близкаго, ей одной лишь понятнаго значенія...

— Чэмо карго!..—Она стоитъ еще нѣсколько секундъ, какъ бы въ ожиданіи, потомъ поворачивается и начинаетъ подниматься по крыльцу. Бѣлый платокъ исчезаетъ: въ саду остается одна лишь непроглядная темнота...

Осокинъ, крадучись, какъ воръ, отходитъ къ своей кровати. Онъ вынимаетъ папиросу и хочетъ найти спички, чтобы закурить, но руки его дрожатъ какъ-то странно и непривычно, покамѣстъ онъ шаритъ ими по карманамъ...

Спички онъ вынулъ оттуда уже давно и сейчасъ же забылъ объ этомъ. Онѣ лежатъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ: Осокинъ же все ищетъ ихъ и не находитъ. Потомъ онъ окончательно убѣждается, что гдѣ-то ихъ забылъ или

потерялъ, поправляетъ подушку, при чемъ коробка съ легкимъ стукомъ падаетъ оттуда на полъ, и ложится, закинувъ руки за голову, съ устремленными въ одну точку глазами...

Колеблющаяся тьма стѣной возвышается передъ нимъ. Сбоку, гдѣ должно быть окно, тускло свѣтится продолговатый четырехугольникъ... Изъ сосѣдней комнаты слышны шаги и разговоръ Елены Павловны съ Ясей.

— Теперь понятно!.. Все понятно теперь!..—съ тупымъ отчаяніемъ думаетъ Осокинъ.—Она любитъ кого-то... Это ясно, какъ божій день... Но кого?..

VI.

Третьи сутки уже продолжалась буря. Небо было задернуто сѣрой дымкой тусклыхъ и непрерывно бѣгущихъ облаковъ, которыя сливались вдали съ чернѣющей линіей горизонта. Тревожно и порывисто дулъ вѣтеръ. Огромныя волны бросались на вздрагивавшій подъ ихъ ударами берегъ. Онѣ заливали его далеко за черту обычнаго прибоя, вымывшаго вдоль берегового изгиба глубокія, тянущіяся полосы. Теперь на ихъ мѣстѣ уже не осталось никакихъ слѣдовъ—все было покрыто буйно кипящей, разсыпающейся клочьями пѣной... Мелкіе камешки, грудами лежавшіе на берегу, стремительно катились внизъ, вслѣдъ за захватывающимъ ихъ мутнымъ потокомъ. Шорохъ, который они производили, двигаясь и прыгая одинъ черезъ другого, точно живые, придавалъ монотонному грохоту волнъ какую-то странную торопливость... Моросилъ мелкій дождикъ. Море около берега казалось почти желтымъ отъ песка и тины, взбаломученныхъ бурею со дна, другая же часть его была ярко-зеленой...

Она рѣзко отдѣлялась отъ первой и переходила дальше въ темный, загадочно-мглистый просторъ, по которому свободно бѣжали, подгоняемые вѣтромъ, валы, и бѣлѣли на фонѣ свинцоваго неба ихъ косматые гребни... Горы закутались въ непроницаемый, пасмурный туманъ. Еще почти совсѣмъ оголенныя и недавно лишь начавшія зеленѣть, вершины пирамидальныхъ тополей жалобно раскачивались изъ стороны въ сторону. Низкорослый прибрежный кустарникъ лоснился и блестѣлъ отъ упорно сѣявшихъ въ влажномъ воздухѣ мельчайшихъ дождевыхъ капель. Надвигались сумерки, хотя до вечера еще оставалось много времени. На берегу было холодно и пустынно...

— Она, кажется, налѣво прошла...—шепталъ про себя Осокинъ, раздвигая расцарапанными въ кровь руками мокрые, колючіе кусты и не обращая вниманія на сыплющіяся

ему въ лицо съ вѣтвей холодныя брызги...—Вотъ она!.. Теперь уже дальше никуда не пойдетъ...

Онъ машинальнымъ жестомъ снялъ очки и протеръ платкомъ запотѣвшія стекла.

— Что она хочетъ дѣлать?.. Остановилась зачѣмъ-то... О чемъ думаетъ она?.. Подойду...

Осокинъ вышелъ изъ своихъ кустовъ и направился къ молодой дѣвушкѣ неувѣренными шагами. Она продолжала стоять къ нему спиной. Подойдя ближе, Осокинъ услышалъ, что она поетъ. Но слова и мелодію уносило вѣтромъ туда, гдѣ шумѣли, разбиваясь о берегъ, разъяренныя волны...

— Елена Павловна!..—крикнулъ Осокинъ.

Она не двигалась. Въ этотъ моментъ гигантская волна одиноко поднялась надъ всѣми остальными и обрушилась на камни, какъ снѣжный обвалъ. До самыхъ ея ногъ добѣжали рѣзвые потоки пѣны.

Елена Павловна не шевелилась. На секунду, какъ будто, все стихло.

„Вѣтромъ полный... парусъ мой направлю я"... — долетѣлъ до Осокина неясный обрывокъ пѣнія. Хлынула новая волна... за ней еще, и еще... и опять ничего не стало слышно въ тяжеломъ шорохѣ и плескѣ.

Осокинъ остановился. Ея фигура, въ неизмѣнномъ бѣломъ платкѣ, съ завязанными за спиной концами, виднѣлась передъ нимъ среди сумеречной мглы, какъ большая птица, наклонившаяся къ кипящимъ волнамъ въ ожиданіи полета. Порывы вѣтра шевелили вокругъ непокрытой головы пряди вьющихся, темныхъ волосъ, прихотливо выбившихся изъ прически... Осокину казалось, что они пляшутъ какой-то безумный, загадочно зовущій танецъ...

Воздушныя кольца падали и разлетались... Торчащіе сзади концы платка тихо вѣяли, похожіе на свернутыя крылья...

— Сейчасъ... или никогда!.. — съ тоскливой ясностью промелькнуло въ головѣ. Осокинъ шагнулъ впередъ и очутился рядомъ. Елена Павловна полуобернулась.

— Ахъ, это опять вы!..—сказала она безъ всякаго удивленія. Презрительная усмѣшка неуловимо и остро пробѣжала по ея тонкимъ губамъ.—Что вы всюду выростаете передо мной изъ-подъ земли, точно тѣнь отца Гамлета?.. Чего вамъ надобно отъ меня, наконецъ?..

— Я не выростаю... Я просто хожу...—Вызывающая дерзость хмелемъ бросилась ему въ голову.—Я не тѣнь... Я самъ по себѣ... Поступаю по собственному усмотрѣнію...

— Очень жаль, если ваше усмотрѣніе не идетъ дальше

подглядыванія и неотступнаго слѣдованія за мной по пятамъ...

— А почему вы думаете, что я слѣдую непремѣнно за вами?.. Можетъ, мнѣ самому нравится по этимъ мѣстамъ ходить?..

— Я только что видѣла, какъ вы прятались позади меня за кустами...

— А если мнѣ хочется въ краснокожихъ индѣйцевъ играть?.. Скучно мнѣ здѣсь—вотъ я и развлекаюсь...

— Какъ вы сегодня остроумны!.. Но, однако... прошу васъ: избавьте меня отъ вашего общества, или я сейчасъ уйду!..

— Я вамъ и не навязываю своего общества, если оно вамъ такъ непріятно... А берегъ—ничей... Съ какой стати вы одна имѣете право гулять здѣсь?.. А если и я тоже, напримѣръ, желаю?..

— Ну, и гуляйте себѣ на здоровье!..

Елена Павловна круто отошла. Осокинъ бросился за ней и схватилъ за руку.

— Елена!.. Останьтесь... Прошу васъ... На минутку... Я васъ прошу!..

— Зачѣмъ?..—Равнодушные глаза поверхностно скользили по его фигурѣ невидящимъ взглядомъ. Онъ тихо разжалъ свои стиснутые пальцы: ея рука освободилась.

— Вы правы... незачѣмъ!.. Можете идти...

Она снова стала удаляться по направленію къ зеленѣющей стѣнѣ кустарника, окаймлявшаго пологій береговой скатъ. Высокая фигура плавно скользила... Соленыя брызги разбивающихся волнъ долетали до лица... Вечернія тѣни съ холодной величавостью опускались на безлюдный берегъ. Пустынный гулъ моря отдавался въ ушахъ... Чудилось: что-то уходитъ вмѣстѣ съ ней навсегда и безвозвратно...

— Очнуться бы!.. Мучительный, непонятный сонъ... Неужели я вижу все это на самомъ дѣлѣ?.. Какъ было бы хорошо подойти къ ней сейчасъ... какъ прежде... разговаривать... смѣяться... Но уже поздно теперь... Прошлое не возвращается... Она сейчасъ совсѣмъ уйдетъ... А... нѣтъ!.. Я не хочу, чтобы она надо мной издѣвалась!..

Въ нѣсколько прыжковъ Осокинъ догналъ Елену Павловну. Его охватила внезапная ярость.

— Я васъ отсюда не пущу!..—сквозь стиснутые зубы пробормоталъ онъ, загораживая ей дорогу.

— Вы пьяны, Осокинъ?.. Идите прочь!..

— Да... я пьянъ... Но вы дальше никуда не пойдете...

— Пустите меня... Я вамъ что говорю?.. Пустите сію же минуту!..

— Не такъ страшно!.. Мы здѣсь одни...

— Осокинъ?..

— Елена Павловна?..

— Это что же такое, наконецъ?..

— Это?.. Это то, что я...—онъ неожиданно для самого себя обхватилъ ее за плечи и потянулъ къ себѣ. Мелкіе камешки посыпались и зашуршали подъ ихъ ногами. Елена Павловна стала отчаянно отбиваться...

— Нѣ...ѣтъ!.. Не тутъ-то было!.. Я вамъ еще...—Отрывистыя и несвязныя слова вырывались вмѣстѣ съ тяжело прерывавшимся дыханіемъ.

Осокинъ уже начиналъ терять понятіе о томъ, что онъ дѣлаетъ; но неожиданно онъ очнулся...

— Подлецъ!..—холодно прозвенѣло среди грохота волнъ и темнѣющихъ сумерекъ ненастья.

Осокинъ почувствовалъ, что лицо его мокро отъ непрерывно моросившихъ дождевыхъ капель. Онъ вытеръ ихъ рукавомъ.

— Елена Павловна!.. Можете вы простить меня?..

— За что простить?..

— Боже мой!.. Да развѣ же я сейчасъ владѣю самъ собой?.. Я умоляю васъ: простите!..

— Я не могу этого сдѣлать... Прощать можно только того, кого любишь или уважаешь... Я не уважаю васъ.

— Елена Павловна!..

— Осокинъ?.. Мы перекликаемся съ вами, какъ въ лѣсу: „ау!“—„ау!..“ Мнѣ это уже надоѣло... Я хочу вернуться домой... До свиданья!..

Зашуршали ея удаляющіеся шаги. Осокинъ бросился на камни со всего размаха. Тѣло его конвульсивно вздрагивало отъ безудержныхъ рыданій...

Елена Павловна вернулась.

— Жалкая тряпка,—услышалъ онъ надъ собой.—И вы еще думаете, что какая-нибудь женщина васъ полюбитъ?.. Вы обманули меня... Я считала васъ чистымъ и честнымъ... Мнѣ казалось, что вы вѣрите въ свое дѣло, живете имъ, а вы оказались ничтожествомъ, которое готово пресмыкаться передъ первой понравившейся юбкой... Какъ мелки и гадки вы въ этотъ моментъ!.. Мнѣ васъ жаль, но я все же не могу побороть невольнаго чувства отвращенія... Мелькнулъ бабій хвостъ—и все забыто. Развѣ думаете вы сейчасъ о своей работѣ?.. Все слова... слова!.. Дешевый наборъ революціонныхъ фразъ—вотъ чѣмъ оказалось все ваше прежнее при первомъ же испытаніи!.. Развѣ тотъ, кто искренно видитъ въ борьбѣ за общее счастье свой собственный идеалъ, можетъ такъ неожиданно скиснуть?.. И изъ-за чего?.. Чѣмъ

такимъ я сумѣла заслужить ваше столь внезапное расположеніе?.. Умомъ?.. Кристальностью своей души?.. Какимъ-нибудь подвигомъ или страданіемъ?.. Вы просто увидѣли во мнѣ женщину, и отъ скуки вамъ почудились разныя испанскія небылицы... При чемъ тутъ любовь?.. Не приплетайте, пожалуйста, высокихъ чувствъ къ обыкновеннѣйшимъ низменнымъ побужденіямъ... Я не вѣрю вамъ... А то, что вы всюду подсматриваете за мной, какъ шпіонъ...

Осокинъ стремительно поднялся, грозя ей стиснутыми кулаками...

— Молчите!.. Убью!.. На мѣстѣ убью!.. О... если бы знали вы, какъ я васъ ненавижу!..

— Сколько угодно... Мнѣ все равно...

— Прошу васъ... не будите во мнѣ то, что еще дремлетъ... Вы сами не рады будете... Я васъ прошу...

— А я васъ разъ навсегда прошу оставить меня въ покоѣ съ вашей такъ называемой „любовью!..“ И вообще, вся эта мелодрама...

Онъ какъ-то коротко задохнулся и, схвативъ Елену Павловну за руку, потащилъ къ морю. Она покорно слѣдовала за нимъ, но глаза ея горѣли мрачно и упрямо. У ногъ ихъ уже забѣгали кипящіе клочья пѣны. Осокинъ остановился..

— Хотите туда?.. Я и самъ погибну — и васъ за собой утяну!..

— Пожалуйста!.. Я васъ презираю...

— Елена!.. Во имя всего прошлаго... во имя тѣхъ славныхъ, дружескихъ вечеровъ, которые мы провели когда-то вмѣстѣ!.. Скажите мнѣ... умоляю!.. Кого вы любите сейчасъ?.. Или вы, быть можетъ, не любите еще никого?..

— О... жалкій... жалкій!.. Такъ для этого вы и продѣлывали всю комедію съ угрозами смерти, мольбами и проч.?. Нечего сказать!.. Хорошъ борецъ за высшіе идеалы... Настоящій революціонеръ!..

— Елена Павловна, пожалѣйте меня!.. Вѣдь я же не человѣкъ сейчасъ... Все во мнѣ исковеркано... все разбито... Имѣйте же хоть чувство человѣческаго состраданья... Я гибну... Какая-то черная мгла застилаетъ мою душу... Но одно лишь ваше слово... одинъ привѣтливый, ласковый взглядъ—и я снова буду здоровъ... Даю вамъ честное слово... Елена!.. Ну... радость моя!.. Сдѣлайте же надъ собой усиліе... ну... захотите!.

Елена Павловна нетерпѣливо топнула ногой.

— Я не могу и не въ силахъ никого любить изъ состраданья... А милостыней одаривать я не умѣю...

— Хорошо. Я вижу теперь, что у васъ нѣтъ сердца...

Вы любите только себя... Вы только боитесь, чтобы кто-нибудь васъ какъ-нибудь не обезпокоилъ!.. Отлично... съ сегодняшняго дня я буду молчать...

— Осокинъ, слушайте,—голосъ Елены Павловны зазвучалъ съ неожиданной задушевностью,—не корите вы меня за то, что я—причина вашего несчастья!.. Клянусь вамъ,—я сдѣлаю все, что смогу, для того, чтобы это какъ-нибудь уладилось и забылось!.. Двойственное какое-то отношеніе у меня къ вамъ: съ одной стороны, мнѣ какъ будто и жаль васъ... по человѣчеству... а съ другой—какое-то непонятное раздраженіе... Помогите же и вы мнѣ!.. Я боюсь, что одна не справлюсь... Сдѣлаемъ такъ, какъ будто ничего и не было между нами... Станемъ о чемъ-нибудь хорошемъ и свѣтломъ разговаривать... читать... и о прошломъ чтобы ни полслова!.. Хотите такъ?.. Мало-по-малу, можетъ, и образуется все... Все на свѣтѣ вѣдь, говорятъ, проходитъ!..

Осокинъ крѣпко пожалъ ея протянутую руку...

— Идетъ!.. Я согласенъ... Пускай не было ничего между нами... О прошломъ ни намека!..

— Отлично!.. Я очень рада... Вотъ видите, Осокинъ... вы прекрасно, оказывается, умѣете держать себя въ рукахъ... Только раньше этого сами не хотѣли... Ну... не буду... не буду больше!.. Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ... А теперь давайте сюда вашу руку и скорѣе пойдемъ... Яся ужъ насъ тамъ совсѣмъ заждалась...

Они ощупью начали пробираться въ темнотѣ, спотыкаясь о груды камней и придерживая взаимно другъ друга. Море грозно ревѣло позади. Черная ночь дышала имъ навстрѣчу влажнымъ дыханіемъ затихающей бури.

Такъ они прошли почти до самыхъ кустовъ, гдѣ начиналась ведущая къ дачѣ тропинка.

Осокинъ первый заговорилъ.

— Елена Павловна, можно задать вамъ одинъ маленькій вопросъ?.. Только обѣщайте мнѣ, что вы отвѣтите на него одну лишь чистую правду...

— Задавайте, пожалуйста... хотя впередъ ничего не могу навѣрное обѣщать...

— Скажите: тотъ, кого вы любите,—не Сергѣй?

Елена Павловна медленно и спокойно высвободила руку.

— Такъ-то вы держите свое слово!.. Мы, кажется, только что рѣшили на подобныя темы не говорить. Впрочемъ — дѣло ваше... А сейчасъ оставьте меня!..

— Нѣтъ, вы мнѣ прежде скажете!..

— Ничего не скажу...

— Такъ, значитъ, это правда?..—Осокинъ внезапно почувствовалъ, какъ внутри его что-то оборвалось. Онъ боялся

этого отвѣта: онъ давно уже ждалъ его съ ужасомъ и тоской, и теперь ему хотѣлось не вѣрить...

— Елена Павловна... Прошу васъ... — странно измѣнившимся тономъ пробормоталъ онъ, останавливаясь, точно обезсиленный своимъ подтвердившимся подозрѣніемъ.—Вы любите Сергѣя?...

Она тоже остановилась, но молчала.

— Сергѣя?..—ему показалось, что въ это мгновенье передъ нимъ открылась бездонная, холодная пустота, и онъ валится въ нее стремительно и неудержимо.

— Любите?..—съ усталой покорностью повторилъ онъ.

Елена Павловна искусственно засмѣялась...

— Почему вы думаете, что я непремѣнно должна когонибудь любить?.. И при чемъ тутъ Сергѣй—я не понимаю?..

— Вы лжете... Лжете вы... Зачѣмъ вы сейчасъ смѣетесь?.. Вамъ совсѣмъ не смѣшно!.. Вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ...

— Пожалуйста, безъ истерики!.. И при томъ мнѣ рѣшительно все равно: хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ!.. Ни вы, ни я отъ этого ровно ничего не потеряемъ...

— Елена!.. Одно только слово: ошибся я, или нѣтъ?.. Скажите „да"... и я буду счастливъ!..

— Какъ немного, оказывается, нужно для вашего счастья!. Ну... положимъ, что „да"... И что же дальше?...

— Да?.. То есть не Сергѣя? Я могу вѣрить вамъ?..

— Вы мнѣ надоѣли...

Прохрустѣли подъ торопливо удаляющимися шагами размытые за день камешки тропинки и смолкли. За неподвижными кустами чернѣла угрюмая тьма.

Осокинъ тихо побрелъ одинъ. Въ душѣ его снова пробудилось прежнее разъѣдающее сомнѣнье.

— Неужели Сергѣй?.. Это невозможно... Когда же бы онъ успѣлъ?.. Да и я бы это сразу замѣтилъ... Нѣтъ, это не Сергѣй!.. Но все-таки она кого-то любитъ... Кого же? Господи!.. Уѣхать бы отсюда... не видѣть ея... забыть!.. Но куда уѣдешь?.. Все равно каждый день она будетъ здѣсь передъ глазами... Смотрѣть на нее... сидѣть рядомъ... Пустота какая-то!.. Тоска... Море шумитъ... Точно тяжелый бредъ... Тьма вокругъ—даже звѣзды не свѣтятъ... Надо спать поскорѣе лечь... Вдругъ—проснусь рано утромъ, а на душѣ легко!.. Все это былъ сонъ... Но нѣтъ! Я и завтра ее опять увижу!..

VII.

— Опять!..—Елена Павловна приподняла голову, прислушиваясь къ звону разлетавшейся вдребезги бутылки.—Сходили-бы вы къ нему, Яся!.. Можетъ, сумѣете на него повліять...

— Что-же я подѣлаю съ нимъ, Елена?.. Если и вы тутъ безсильны, что-же я тогда?..—Замѣтно похудѣвшая за послѣдніе дни, Яся безнадежно махнула рукой. Ея выразительное, некрасивое лицо было измучено и жалко. Глаза казались еще огромнѣе отъ появившейся подъ ними черной тѣни.

— Что-же я тогда?..—еще разъ робко повторила она какъ-бы ожидая ободряющаго отвѣта. Елена Павловна молчала. Обѣ продолжали сидѣть на крыльцѣ въ гнетущей тревогѣ.

Наверху, изъ окна комнаты Осокина, раздавалось его пьяное бормотанье.

— Вотъ... и очень просто!.. И никакихъ!.. Захотѣлъ и треснулъ!.. Кому какое дѣло?..—онъ намѣренно возвышалъ голосъ съ разсчетомъ, чтобы его слышали женщины, сидящія на крыльцѣ.—И еще тресну!.. Такая уже линія подошла!..

Отрывисто брякнула брошенная на полъ металлическая чашка.

— Не бьется... чортъ ее возьми!.. А ну-ка еще бутылочку, съ божьей помощью!.. Р...разъ!..

Съ силой ударившаяся о стѣну бутылка разсыпалась на десятки осколковъ, звенящихъ и прыгающихъ по полу. Потомъ все стихло.

— Нѣтъ, я не могу больше... Я къ нему сейчасъ пойду!..

Яся вскочила и убѣжала наверхъ.

Осокинъ сидѣлъ за столомъ, положивъ голову на руки. Около его локтя стоялъ недопитый стаканъ и валялись на промасляной бумагѣ какіе-то объѣдки. Когда Яся вошла, онъ не пошевелился.

— Осокинъ!—мягко позвала Яся.

Молчаніе...

— Осокинъ!..

Снова томительная тишина. Только море порывисто плещетъ подъ окномъ. Жизнерадостное солнце пронизываетъ желтыми лучами остановившіяся въ воздухѣ безчисленныя пылинки. Онѣ колышутся, точно прозрачный струящійся столбъ.

Несмотря на отворенное окно, въ комнатѣ жаркая духота.

— Вы все пьете, Осокинъ?..

— Пью-съ!..—онъ неожиданно поднимаетъ свое мертвенно землистое лицо. Глаза лихорадочно блестятъ.

— Пью-съ!..—повторяетъ онъ съ насмѣшливымъ вызовомъ и смотритъ на Ясю въ упоръ, ероша пятерней свои падающіе на лобъ, взлохмаченные волосы.—А вамъ, собственно, что угодно?..

— Мнѣ ничего... Я хотѣла только...

— А если ничего, такъ проваливайте, откуда пришли... Я васъ не звалъ...

— Осокинъ, вѣдь это же ужасно, что вы сейчасъ дѣлаете... Вы только захотите подумать... Вы вѣдь можете все погубить... Представьте себѣ, если вдругъ...

— Пошла къ чорту!..—Осокинъ съ безсмысленно искаженнымъ лицомъ началъ медленно подыматься. Ослабѣвшія ноги плохо повиновались. Яся поспѣшила къ нему на помощь.

— Прочь!.. — съ трудомъ выговорилъ онъ и, противъ воли, сѣлъ обратно на стулъ, съ котораго только-что хотѣлъ подняться. — П...шла къ барынѣ!.. Къ чорту!.. Къ барынѣ своей уходи!..

Яся уловила въ его налитыхъ кровью глазахъ странно мелькнувшую искорку сознанія. Онъ, очевидно, умышленно хотѣлъ ее оскорбить. Яся поняла это и медленно направилась къ двери.

— Богъ съ вами, коли такъ, — покорно и грустно проговорила она, оборачиваясь къ нему на порогѣ. Но Осокинъ снова уронилъ голову на руки и сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ.

Яся подождала еще чего-то, въ тайной надеждѣ, потомъ вздохнула и вышла.

— Ну, что?.. — встрѣтила ее на лѣстницѣ Елена Павловна.

— Выгналъ меня, — чуть слышно прошептала Яся.

Елена Павловна возмущенно пожала плечами.

— Съ какимъ бы истиннымъ удовольствіемъ я пошла сейчасъ къ нему и надавала пощечинъ... Хорошихъ такихъ, увѣсистыхъ... Не хочется только рукъ марать... А то бы со щеки на щеку: разъ... разъ!.. А потомъ за шиворотъ и въ окошко!..

Яся сквозь слезы невольно улыбнулась.

— Ну, ужъ вы всегда такъ... Можно о васъ Богъ знаетъ что подумать... Какой-то будочникъ въ юбкѣ... Нѣтъ, это все не то... У него, очевидно, что-то серьезное есть... Бы-

ваетъ такъ съ людьми, въ особенности когда они одиноки: копится, копится на душѣ, да нечаянно и прорвется... Это я все понимаю... Только я боюсь, что это пьянство на насъ общее вниманіе обратитъ... Мнѣ вчера ужъ хозяйка и то намекала, не пора ли, молъ, послать за докторомъ?.. Боятся они... Все время кричитъ и бьетъ посуду...

Какъ бы въ отвѣтъ на ея слова сверху послышалось дикое преувеличенно громкое пѣніе.

У Осокина совсѣмъ не было голоса, и когда онъ пѣлъ, то казалось, что онъ нарочно извлекаетъ изъ своего горла эти скрипящіе, неожиданные звуки.

„Смѣйся, паяцъ... Надъ разбитой любовью",—фальшиво завывалъ Осокинъ. „Смѣйся... Смѣйся... а... а... а... и надъ горемъ своимъ"!..

Елена Павловка и Яся тоскливо переглянулись.

— Хоть бы Сергѣй скорѣе пріѣхалъ,—невольно вырвалось у Елены Павловны.

Яся молча закрыла лицо руками. Ея худенькія плечи начали вздрагивать отъ сдержанныхъ рыданій.

— Что же это... что же это?.. — шептала она. — Жутко какъ!.. Онъ тамъ одинъ, и мы ему помочь не можемъ... Елена, сходите вы... Вѣдь это ужасно!.. Силъ моихъ больше нѣтъ...

— Я не пойду туда,—медленно проговорила Елена Павловна, нахмурившись.

Яся перестала плакать.

— Почему?.. Вы же сильнѣе меня!..

— Онъ мнѣ сейчасъ противенъ...

— Жестокая вы... Онъ вѣдь гибнетъ, и мы не знаемъ отчего?..

— Мнѣ это безразлично... Онъ не имѣетъ права гибнуть, когда у него есть дѣло на плечахъ... Пускай сперва сброситъ его съ себя, а потомъ ужъ и поступаетъ, какъ хочетъ!.. Тогда, быть можетъ, я его и пожалѣю... А сейчасъ — онъ трусъ, который бѣжитъ съ поля битвы...

— Елена, можетъ быть, вы правы... Но тогда... во имя этого дѣла... помогите ему!.. Я знаю: онъ васъ послушаетъ и броситъ пить...

— Если онъ самъ забылъ про взятую на себя отвѣтственность, то стоитъ ли ему ее напоминать?.. Какой смыслъ?.. Значитъ, въ душѣ у него нѣтъ этого сознанія... А вѣчно понукать такихъ людей, заботиться о нихъ, направлять ихъ по правильной дорогѣ... для чего?.. Пускай сами, куда хотятъ, идутъ... А не умѣютъ сами или не могутъ, пусть гибнутъ!.. Для дѣла они—нуль... и для самихъ себя тоже...

Елена Павловна замолчала. Лицо ея было презрительно

и спокойно. Тонкія брови, какъ всегда во время гнѣва, сошлись у переносья властно очерченной, чернѣющей дугой.

Яся робко заговорила:

— Елена!.. Но вѣдь онъ же былъ хорошій и дѣльный работникъ... Онъ много сдѣлалъ... Онъ столько страдалъ... У него есть вѣдь прошлое... Что съ нимъ теперь сдѣлалось?.. Его точно подмѣнили... Раньше онъ хотя и угрюмый былъ, но всегда... добродушный... А теперь!.. Боже мой—да вѣдь я его прямо не узнаю... Какая-то жестокая, безсмысленная насмѣшливость... Стремленіе побольнѣе уязвить... Непонятные намеки... Я просто голову теряю... Что-то кошмарное... Я слышала изъ своей комнаты, какъ онъ грозился кого-то убить...

Елена Павловна чуть замѣтно покраснѣла.

— А вы не слышали: кого именно?..—небрежно поинтересовалась она, глядя куда-то мимо Яси.

— Нѣтъ... не помню...

Пѣніе наверху вдругъ прекратилось.

— Господи, что-то будетъ еще...—прошептала Яся, прижимаясь къ Еленѣ Павловнѣ.—Я такъ боюсь, когда у него становится тихо...

На лѣстницѣ раздались тяжелые, спускающіеся шаги. Черезъ секунду Осокинъ прошелъ неувѣренной походкой мимо прижавшихся другъ къ другу женщинъ. Онъ, очевидно, ихъ не замѣтилъ. Лицо его горѣло. Шляпа съ широкими полями была низко надвинута на мутно блуждавшіе глаза.

Покачиваясь, онъ спустился по ступенькамъ крыльца и затѣмъ исчезъ между кустовъ за поворотомъ тропинки.

— Къ морю пошелъ,—нарушила Яся наступившее вслѣдъ за этимъ молчаніе.—А вдругъ онъ утопится?..

— Туда ему и дорога,—холоднымъ тономъ произнесла Елена Павловна.

— Я пойду за нимъ... Я не могу...

— Стойте... стойте... куда вы?..—остановила Елена Павловна вскочившую и уже собиравшуюся броситься за нимъ Ясю.—Какой смыслъ?.. По моему, никогда не нужно останавливать человѣка, если онъ хочетъ покончить съ собой... Кто къ этому выводу пришелъ, тотъ все равно уже для жизни не годится... Жить могутъ только люди, жаждущіе жизни... А кому она стала въ тягость, того ужъ никакими хорошими словами не убѣдишь... Рано или поздно, онъ къ прежнему рѣшенью вернется — конечно, если рѣшеніе это было серьезно...

— Я такъ не могу!..—поблѣднѣвшая отъ волненія Яся съ силой стиснула свои руки, такъ что пальцы захрустѣли.—

Вы разсуждаете безсердечно: „рано, или поздно"... Пускай лучше поздно, чѣмъ „рано"... Чѣмъ позднѣе—тѣмъ лучше!..

— Насильно милъ не будешь, дорогая моя Яся... Я такъ смотрю: жизнь дана вамъ одинъ только разъ... Счастье ваше, если смыслъ ея связанъ у васъ съ чѣмъ-нибудь общимъ, вѣчно движущимся, живущимъ!.. Тогда все хорошо будетъ, и безсмертные огни озарятъ всю мелочность и горечь вашего существованія... Но представьте себѣ, что душа ваша только личнымъ чѣмъ-нибудь, узенькимъ живетъ?.. Что же дѣлать вамъ въ томъ случаѣ, когда волны жизни у васъ и эту послѣднюю соломинку вдругъ выхлестнутъ? И вдругъ еще является къ такому тонущему какой-нибудь, вродѣ васъ, хорошій и сердечный человѣкъ и начинаетъ ему разныя жалкія слова говорить: „Не надо, молъ, не тоните... Вылѣзьте вы лучше на берегъ и будемъ снова жить!.." А онъ вамъ на это въ отвѣтъ: „а чѣмъ я буду жить, позвольте узнать?.. Когда нѣтъ у меня для этого ни возможности, ни желанія... Когда я все свое на свѣтѣ потерялъ, а чужого мнѣ и даромъ не надобно"... Вотъ что вы сдѣлаете тогда?.. Какіе станете тому чело ѣку совѣты давать?..

— Я не стану ему давать совѣты, — порывисто возразила Яся,—я ему только одно скажу: ты гибнешь?.. ты хочешь погибнуть—такъ смотри: вокругъ тебя неправда и зло... Поди, борись съ ними!.. И ты тоже погибнешь, но за то твоя гибель не будетъ безплодна для людей!..

— А если онъ вамъ на это весьма резонно замѣтитъ: „А наплевать мнѣ на всѣхъ вашихъ людей!.. Какое мнѣ до нихъ дѣло?.. Я самъ для себя... Стану я еще какой то плодотворной гибели ждать, когда мнѣ и жить-то теперь нисколько не интересно!.."

— А я докажу ему, что онъ не правъ!.. Онъ долженъ отдать свою жизнь за общее дѣло, если для него самого она уже утратила цѣнность...

Елена Павловна тихо засмѣялась.

— Ахъ, Яся, Яся!.. Ну какъ-же можно такъ говорить?.. Развѣ дѣлу свободы и людского счастія нужны грошовыя свѣчки, которыя вы ставите по долгу?.. Вотъ ужъ этого я никакъ не пойму!.. Только тогда, по моему, цѣнна и полезна жертва, когда человѣкъ самъ... слышите, Яся—самъ, не сидящій внутри его долгъ, отдаетъ свою жизнь на общее благо... Онъ говоритъ себѣ: жизнь хороша... Я люблю ее всѣми силами своими, всѣми мыслями, всѣмъ сердцемъ!.. И вотъ я вижу, что „я"—это капля въ томъ океанѣ, который подымается сейчасъ изъ береговъ, чтобы смыть съ земли ея вѣковѣчную неправду... Во мнѣ—этой ничтожнѣйшей каплѣ—отражается яркое солнце... кусочекъ синяго неба виднѣется во мнѣ...

Я сверкаю и переливаюсь разными красками и цвѣтами... Я отдѣльно живу, но я въ то же время милліонная часть этихъ волнъ и вмѣстѣ съ ними пойду въ общемъ приступѣ на скалы и утесы!.. Я разобьюсь, быть можетъ, о нихъ,—но я знаю, что я не одна... Другіе идутъ за мной, какъ и раньше шли передо мной другіе... Я погибну, потому что хотѣла жить!.. Въ моей гибели — вѣчное торжество жизни... Вотъ это я понимаю. А нести на какой то несуществующій жертвенникъ то, чего у насъ самихъ уже нѣтъ и что намъ самимъ уже больше не нужно?.. „На тебѣ боже, что намъ негоже!..“ Да вѣдь стертый пятакъ и на базарѣ не возьмутъ— къ чему-же подсовывать его на общее дѣло, вмѣсто настоящей, неиспорченной монеты?..

— Елена, — проговорила Яся сдавленнымъ голосомъ, точно черезъ силу.—Я хочу вамъ сейчасъ одну вещь сказать...

— Говорите, милая Яся... Я васъ слушаю...

— Я не знаю... можетъ быть, это и не ко времени сейчасъ... И вообще... Но мнѣ нужно знать ваше мнѣніе... Я не могу больше одна...

Яся отъ волненія остановилась.

— Я прямо не знаю, что со мной?..—смущенно пробормотала она съ довѣрчивой и немного растерянной улыбкой...

Но Елена Павловна уже не слушала ее.

Прикрывъ глаза ладонью отъ все еще яркихъ лучей заходящаго солнца, она напряженно всматривалась въ идущую по дорогѣ одинокую фигуру... Другая, странно сгорбленная, слѣдовала за ней въ нѣкоторомъ отдаленіи. Ихъ уродливыя и гигантски разросшіяся тѣни двигались впереди, рѣзко выдѣляясь на залитой солнечными отблесками пыльной дорогѣ...

— Кто бы это могъ быть?..—произнесла Елена Павловна, все еще всматриваясь въ идущихъ.—Какіе-то чужіе... Яся, да вѣдь это, однако, Сергѣй!..

— Ну... не похоже что-то... А другой то съ нимъ кто же тогда?..

— Ей-Богу, Яся—это онъ!.. Увѣряю васъ... Смотрите: они къ намъ повернули... они сюда, на дачу идутъ... Яся, да смотрите же... Ну, что я вамъ говорила... а?.. Меня не обманешь... Яся, да неужели же вы и теперь еще не видите, что это Сергѣй?..

— Теперь и я уже вижу,—съ неуловимой усмѣшкой возразила Яся.

Елена Павловна порывисто обняла ее и закружила...

— Ахъ вы, глупая... милая, милая Яся!.. Да развѣ же вы думаете, что я не слушала васъ сейчасъ?.. Я смотрѣла на

дорогу, но я слушала... Я могу даже все вамъ разсказать, что вы говорили... Вы говорили... Смотрите, Яся—они уже мостикъ перешли... Черезъ пять минутъ будутъ здѣсь.. Значитъ—вы говорили... Да вы знаете, Яся—кто это съ нимъ идетъ?..—Никифоръ изъ Монрепо!.. Вашъ рыжій обожатель... Не вѣрите?.. Ей-Богу—правда...

„Это онъ... это онъ!..
Знаю поступь его"...

— дурачась, запѣла во весь голосъ Елена Павловна.— Какой, однако, Сергѣй лѣнивый!.. Не могъ самъ чемоданъ понести... Никифора взялъ... Любитъ онъ эти джентльмэнскія замашки!.. Для „конспираціи"—говоритъ... А какая тамъ конспирація,—просто лѣнтяй отъ природы... вотъ и все... Они еще насъ не видятъ... Побѣжимъ скорѣе навстрѣчу... Ну, скорѣе!..

Яся покорно слѣдовала за ней, все еще чему-то загадочно улыбаясь.

Елена Павловна внезапно обернулась.

— Яся... милая!.. Ну, конечно, вы уже поняли меня!.. Да и я вѣдь васъ давнымъ давно насквозь всю вижу... Отъ меня не скроешь... Да... я счастлива сейчасъ... Я люблю его... Но вѣдь и для васъ будетъ счастье, я вѣрю въ это... Онъ броситъ пить... и тогда...

Яся судорожно схватила ее за руку.

— Елена!.. да?.. Неужели вы... неужели я...—она умолкла, потерявъ дальше нить своихъ безпорядочно всколыхнувшихся мыслей...

Елена Павловна ласково и съ какой-то особенной нѣжностью обняла и прижала къ себѣ ея темную голову.

— Яся,—шепнула она,—мы должны другъ другу помогать... Я обѣщаю вамъ... Я повліяю на него... Мнѣ Сергѣй поможетъ...

Яся ярко вспыхнула отъ смущенія. Некрасивое, смуглое лицо ея неожиданно и чудно похорошѣло.

— Елена... если бы знали вы!.. Вѣдь это въ первый разъ со мной... Я еще никогда...

— Подождите, Яся... послѣ. Вотъ Сергѣй!..

Елена Павловна сдѣлала безразличное лицо.

— А... наконецъ-то, явился!..—небрежнымъ тономъ начала она, идя ему навстрѣчу по усыпанной пескомъ дорожкѣ, желтой отъ солнечнаго заката.—Гдѣ изволили столько времени шататься?..

Въ ея слегка дрожавшемъ грудномъ голосѣ проскальзывали, какъ свѣтящіяся искры сквозь ночной туманъ, неуловимыя для посторонняго уха нотки сдерживаемаго, волнующаго счастья.

— Сестрицѣ—наше нижайшее!..—съ искусственной развязанностью раскланялся Сергѣй. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ!..

Но глаза его, мимолетно встрѣтившись съ внезапно потемнѣвшими глазами Елены Павловны, сказали ей что-то совсѣмъ другое...

— А... Яся, здравствуй!.. Что, не нашла еще себѣ жениха?..

Яся, вспомнивъ свою роль, жеманно отвернулась.

— Ужъ всегда вы, Сергѣй Палычъ, такое скажете...

Рыжій Никифоръ, съ чемоданомъ Сергѣя на плечахъ, кинулъ на нее убійственный взглядъ.

— Куда чемоданецъ прикажете нести? — спросилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу своими желтыми, неимовѣрно громадными башмаками.

— За мной неси!.. Ну, сестра, разсказывай, какъ вы тутъ безъ меня поживали?.. Преподобному дьякону — мое почтеніе!..

Дьяконъ, заслышавъ еще издали голосъ Сергѣя, уже торопился изъ своей комнаты.

— Добро пожаловать, Сергѣй Палычъ. Вотъ ужъ можно сказать—кого я радъ видѣть!..

Онъ придержалъ одной рукой поминутно распахиваемыя вѣтромъ полы подрясника и радушнымъ движеніемъ протянулъ гостю другую, жилистую, волосатую, всю покрытую коричневымъ слоемъ весенняго загара...

— Ну и десница же у васъ, отецъ дьяконъ,—благословенная...

— Слава Богу, ничего!.. Не обидѣлъ Господь... А вы надолго къ намъ?..

— Да денька два-три думаю прожить... Надоѣло въ городѣ... пыль... духота!.. А у васъ тутъ чудесно... Какъ здоровье Тамары Георгіевны?

— Покорнѣйше благодарю... Весьма даже ничего, здорова... Она сейчасъ сюда тоже придетъ... Занялась туалетомъ... Знаете — женскій полъ!.. Не могутъ безъ бантиковъ этихъ разныхъ!.. Ха...ха...ха... Да!.. производите вы впечатлѣніе на мою супругу... Ей-Богу!.. Я скоро ревновать начну... Помилуйте: только увидѣла васъ, что вы идете,—сейчасъ къ зеркалу. „Ахъ, говоритъ, Сергѣй Палычъ пріѣхали, а я еще не одѣта!..“ Всеобщій переполохъ...

— Что-жъ, я очень радъ...

— Еще бы... А вотъ, небось, въ городѣ много есть мужей, которые не рады?.. Ха...ха...ха... Ну съ—такъ покамѣстъ не стану вамъ мѣшать отдыхать съ дороги... До скораго свиданья...

— Всего хорошаго, отецъ дьяконъ... Завтра утромъ, значитъ, вмѣстѣ удить?..

— Ужъ это какъ водится!.. По обыкновенiю!..

— Ну, ладно... Привѣтъ отъ меня Тамарѣ Георгiевнѣ... а пока...

— Хорошо, что прiѣхали, Сергѣй Палычъ... За послѣднiе дни очень ужъ мрачно было у насъ...

— А что такое случилось?

— Объ этомъ пускай вамъ сестрица ваша, Елена Павловна, разскажутъ... Я это только такъ... между прочимъ.. А со всѣмъ тѣмъ—прiятнаго отдохновенiя!..

— До вечера, отецъ дьяконъ.

— Въ чемъ дѣло?..—спросилъ Сергѣй Елену Павловну когда они остались одни, и Никифоръ, поставивъ чемоданъ на полъ, удалился, украдкой подмигнувъ Ясѣ и обольстительно поскрипывая своими неотразимыми для женскихъ сердецъ желтыми башмаками.—На что онъ намекалъ?..

Яся рванулась впередъ.

— Подожди, Елена... Дайте мнѣ... дайте я!.. Видите ли, Сергѣй, съ Осокинымъ творится какое-то непонятное для насъ...

— На секунду... Могу сообщить вамъ послѣднюю новость: Василiй провалился, и, благодаря этому, теперь извѣстно, что гдѣ-то въ здѣшнихъ мѣстахъ имѣется наша конспиративная квартира... Опредѣленнаго еще ничего нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, нужно держаться на чеку... Малѣйшая неосторожность можетъ навести на слѣдъ... Итакъ,—о чемъ вы начали, Яся?..

— Значитъ, тѣмъ важнѣе, чтобъ вы какъ-нибудь повлiяли на него!..— и Яся съ жаромъ принялась разсказывать Сергѣю о странномъ поведенiи Осокина, въ то же время стараясь всячески оправдать его и объяснить его поведенiе.

Сергѣй молча слушалъ. Красивое лицо его потемнѣло.

— Этому надо положить конецъ,—произнесъ онъ, вставая, когда Яся разсказала все, что могла.—Вотъ не было печали, такъ черти накачали!.. Съ ума онъ, что ли, сошелъ?! Ну, да я съ нимъ сегодня, какъ слѣдуетъ, поговорю... А теперь нельзя ли мнѣ умыться?.. И поѣсть потомъ... Я три ночи совсѣмъ не раздѣвался и почти не спалъ... А не ѣлъ еще со вчерашняго вечера!..

Яся поспѣшно вышла на кухню. Сергѣй, улыбаясь, остановился передъ Еленой Павловной.

— Ну... что?..—заглянувъ ей въ глаза, насмѣшливо сказалъ онъ.

Елена Павловна молча поднялась и прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ крѣпко и неподвижно...

А. Деренталь.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

VIII.

Крестьянскій вопросъ.

Наряду съ уничтоженіемъ самодержавія первостепенное значеніе среди задачъ, поставленныхъ себѣ тайнымъ обществомъ, имѣло уничтоженіе крѣпостного права. Если имѣть въ виду не неопредѣленныя пожеланія уничтоженія крѣпостного права, не упоминаніе о тѣхъ или другихъ частныхъ мѣрахъ или указанія на злоупотребленія помѣщиковъ, вызвавшія у того или другого декабриста мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, а предположенія о томъ, какъ слѣдуетъ окончательно рѣшить крестьянскій вопросъ, то наибольшій интересъ имѣютъ взгляды Н. И. Тургенева, особенно много размышлявшаго объ этомъ предметѣ, Н. М. Муравьева, автора проекта конституціи, обсуждавшагося въ Сѣверномъ Обществѣ, И. Д. Якушкина, пытавшагося покончить въ своемъ имѣніи съ крѣпостнымъ правомъ, а потомъ работавшаго надъ общими соображеніями относительно освобожденія крестьянъ, и, наконецъ, аграрные планы П. И. Пестеля, написавшаго значительную часть замѣчательнаго труда, который одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, спеціалистъ по государственному праву, называетъ самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ въ царствованіе Александра I *).

Я разсмотрю здѣсь лишь въ общихъ чертахъ развитіе взглядовъ наиболѣе выдающихся декабристовъ на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права **), въ связи съ тѣми вліяніями, которыми они обусловливались. Въ послѣднее время идеологія декабристовъ иногда подвергается несправедливымъ во многихъ отно-

---

*) М. М. Ковалевскій. „Русская Правда" Пестеля. „Минувшіе годы", 1908 г. № 1, стр. 19.

**) Нѣкоторыя дополнительныя подробности можно найти въ моей статьѣ въ сборникѣ „Крестьянскій строй", 1905 г., т. I, 209—241.

шеніяхъ нападкамъ *). Само собою разумѣется, что благородный подвигъ декабристовъ, принесшихъ въ жертву на алтарь общественнаго служенія свое личное счастье, вынесшихъ долгіе годы тяжелыхъ страданій или пожертвовавшихъ даже своею жизнью ради стремленія къ осуществленію своихъ убѣжденій, не долженъ подкупать историка при изученіи ихъ идей; конечно, онъ долженъ безпристрастно указать правильное и ошибочное въ ихъ взглядахъ, прогрессивные и консервативные элементы міросозерцанія того или другого изъ нихъ, но въ то же время историкъ не можетъ вырывать декабристовъ изъ окружающей ихъ среды, разсматривать ихъ предположенія съ современной точки зрѣнія, произносить надъ ними судъ, забывая объ условіяхъ общественнаго развитія того времени. Это необходимо, какъ вообще, такъ и въ частности относительно ихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Изъ декабристовъ далеко опередилъ свое время въ Россіи, въ области соціальныхъ идей, только Пестель, остальные, даже наиболѣе выдающіеся, связаны до извѣстной степени съ тѣми условіями и литературными вліяніями, среди которыхъ имъ приходилось жить и работать; съ этими вліяніями мы и должны считаться при выясненіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ.

Если имѣть въ виду не тѣ или другія частныя мѣры для ограниченія крѣпостного права, а его полное упраздненіе, то мы найдемъ въ эпоху Александра I слѣдующіе способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ дѣйствительности или лишь въ идеѣ: 1) немедленное освобожденіе безъ земли, 2) немедленное освобожденіе съ одною усадебною землею, 3) обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода и, наконецъ, 4) освобожденіе съ землею не только усадебною, но и иною, съ выкупомъ земли государствомъ или самими крестьянами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и безъ выкупа. Разсмотримъ въ этомъ порядкѣ взгляды декабристовъ на крестьянскій вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ, въ связи съ тѣми условіями, которыя содѣйствовали ихъ развитію.

Декабристамъ было, конечно, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ Зап. Европы (какъ, напр., Англіи, Франціи, Швеціи и Норвегіи) не существовало въ ихъ время несвободнаго населенія; въ общихъ чертахъ они могли знать и о томъ, что преобразованіе быта крестьянъ совершается также въ Германіи, но болѣе детальныя свѣдѣнія относительно исторіи и современнаго положенія западно-европейскаго сельскаго населенія могли имѣть лишь очень немногіе изъ нихъ, и болѣе всѣхъ другихъ Н. И. Тургеневъ.

*) Какъ, напримѣръ, въ статьѣ о декабристахъ гг. Левина и Покровскаго въ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“, изданіе Граната, 1907 г., вып. 1 и 2-й.

Однако, большинству ихъ, конечно, было извѣстно, что въ Англіи крестьяне получили свободу безъ предоставленія имъ права собственности на землю, а нѣкоторыя свѣдѣнія о современной жизни крестьянъ на материкѣ Европы они могли почерпнуть и изъ личныхъ наблюденій во время заграничныхъ походовъ или поѣздокъ за-границу, какъ это было, напр., съ Н. И. Тургеневымъ въ Вестфаліи. Декабристы, безъ сомнѣнія, знали, что въ Герцогствѣ Варшавскомъ «рабство», т. е. крѣпостное право, было упразднено конституціею 22 іюля 1807 года, данною полякамъ Наполеономъ. О поземельныхъ отношеніяхъ конституція ничего не говорила *), но особымъ декретомъ герцога Варшавскаго (21 декабря 1807 г.) они были опредѣлены не въ пользу крестьянъ. Декретъ подтвердилъ личное освобожденіе крестьянъ и, сообразно съ этимъ, призналъ за ними право свободнаго перехода и переселенія въ предѣлахъ герцогства, для чего требовалось заблаговременное извѣщеніе помѣщика и мѣстнаго начальства, но за крестьянами не было признано никакихъ земельныхъ правъ. Право помѣщика распоряжаться его землею было ограничено лишь запрещеніемъ въ теченіе одного года сгонять съ нея крестьянъ и увеличивать размѣръ связанныхъ съ нею натуральныхъ повинностей или денежныхъ платежей. Крестьянинъ, оставляющій помѣщика, обязанъ былъ возвратить оказанную ему подмогу (załoga) и сдать землю съ посѣвомъ. По истеченіи годичнаго срока всѣ дальнѣйшія поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны были опредѣляться добровольными договорами, представляемыми лицамъ судебнаго вѣдомства, которыя, подъ своею отвѣтственностью, обязаны были убѣдиться, какъ въ правоспособности заключающихъ договоръ, такъ и въ томъ, что при этомъ не было никакого принужденія или обмана. Мартинъ Бадени, впослѣдствіи министръ юстиціи, замѣтилъ объ этомъ декретѣ герцога, что, снимая цѣпи съ крестьянъ, онъ стащилъ съ нихъ и сапоги **).

Освобожденіе польскихъ крестьянъ безъ земли, конечно, было извѣстно декабристамъ и должно было являться однимъ изъ доказательствъ возможности такого освобожденія, тѣмъ болѣе, что его вредныя послѣдствія еще не вскрылись, и членамъ русскаго тайнаго общества, вѣроятно, не было извѣстно, что среди нѣкоторой части польской интеллигенціи немедленно проявилось опасеніе

*) Между тѣмъ, Костюшко въ письмѣ къ министру Наполеона Фуше отъ 22 янв. 1807 г. ставилъ однимъ изъ условій своего пріѣзда въ Польшу для содѣйствія Наполеону освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ въ собственность земли, находившейся тогда въ ихъ владѣніи. *Т. Korzon*. «Kosciuszko. Życiorys z dokumentów wysnuty». Kraków, 1894, 523.

**) Dziennik Praw, Warszawa, 1810, t. I, № 1, стр. 10—12. О крестьянскомъ вопросѣ въ герцогствѣ и царствѣ польскомъ, см. *Maciejowski*, Historya włoscian, 1874, *Wl. M. Kozlowski*, Autonomia Królestwa Polskiego 1815—32), 264—277.

вредныхъ послѣдствій этого закона. Оно нашло выраженіе въ проектѣ Суровецкаго 1807 года, авторъ котораго предполагалъ назначить такой наименьшій размѣръ крестьянскихъ участковъ, чтобы съ нихъ могли прокармливаться 5—6 человѣкъ, и чтобы такіе участки не подлежали раздѣлу. Помѣщикамъ должно было дать шестилѣтній срокъ для заключенія договоровъ съ крестьянами о принятіи послѣдними земли съ усадебными постройками въ вѣчное наслѣдственное владѣніе. Такой владѣлецъ долженъ былъ имѣть право требовать замѣны барщины оброкомъ, если крестьянскій міръ свидѣтельствовалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, живя на одномъ мѣстѣ, онъ велъ себя хорошо. Помѣщики могли-бы отдавать землю въ наемъ и на трехлѣтній срокъ, но съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи 6 лѣтъ со времени изданія закона, въ одномъ селеніи такихъ усадебъ было не болѣе третьей части числа усадебъ съ вѣчно-наслѣдственною землею. Деревенскій міръ (gromada) долженъ былъ имѣть общественный хлѣбный амбаръ для выдачи пособій и ссудъ и кассу страхованія отъ пожаровъ. Малый совѣтъ, состоящій изъ деревенскаго старосты, судьи и одного засѣдателя могъ бы запретить крестьянину продажу инвентаря и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и объяснить причины этого запрещенія на первомъ послѣ того собраніи всѣхъ хозяевъ. Авторъ предоставлялъ помѣщику значительное вліяніе, но за то и возлагалъ на него участіе въ сборахъ на мѣстныя нужды. Проектъ Суровецкаго остался неосуществленнымъ, но онъ интересенъ, какъ проявленіе въ Польшѣ сознанія вреда безземельнаго освобожденія крестьянъ *).

Декретъ 1807 г. вызвалъ многочисленные переходы крестьянъ на другія мѣста въ Герцогствѣ Варшавскомъ, но большинство ихъ все же продолжало сидѣть на земляхъ, которыми они владѣли прежде, до освобожденія; мѣстами и помѣщики сгоняли своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, сажая на ихъ мѣсто другихъ крестьянъ, а а то и иностранныхъ колонистовъ. Послѣ 1815 года, когда явилось стремленіе увеличивать помѣщичью запашку на счетъ крестьянкой земли, стали сгонять крестьянъ еще чаще.

Лучшіе люди Польши вполнѣ понимали необходимость совершенно иного рѣшенія крестьянскаго вопроса на ихъ родинѣ. 9 апрѣля 1814 г. Костюшко обратился къ Александру I съ письмомъ, въ которомъ просилъ его, чтобы онъ объявилъ себя польскимъ королемъ, съ изданіемъ для Польши конституціи въ родѣ англійской, повелѣлъ, чтобы считались вольными всѣ крестьяне, разошедшіеся по чужимъ землямъ, когда они возвратятся въ свои дома, и въ теченіе десяти лѣтъ было бы уничтожено крѣпостное право съ тѣмъ, чтобы крестьяне владѣли своимъ имуществомъ на правѣ полной собственности. Александръ I, въ письмѣ отъ 3 мая 1814 г., обѣщалъ исполнить желанія великаго человѣка.

---

*) „Uwagi względem poddannych w Polsce, i projekt do ich uwolnenia“. „Dziela W. Surowieckiego“. Krak. 1861, 189—213.

Но Костюшко все-же, какъ видно изъ записки, написанной имъ въ Вѣнѣ, по желанію императора Александра въ 1815 г., рѣшался мечтать лишь о томъ, что польскіе крестьяне лѣтъ черезъ 20 будутъ всѣ вольные съ надѣленіемъ землею на правѣ собственности *).

Отмѣтимъ еще одинъ любопытный фактъ изъ жизни Костюшки. 2-го апрѣля 1817 года онъ явился въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи) къ мѣстному присяжному нотаріусу и просилъ записать слѣдующую его волю. Убѣдившись, что крѣпостное состояніе противно естественному закону и благосостоянію края, онъ, Костюшко, освобождаетъ, какъ теперешнихъ своихъ крестьянъ, такъ и всѣхъ ихъ потомковъ въ его имѣніи Сѣхновичахъ въ Польшѣ, въ Брестскомъ воеводствѣ (въ Кобринскомъ уѣздѣ), объявляетъ всѣмъ жителямъ имѣнія, что съ этихъ поръ они люди свободные и дѣйствительные владѣльцы собственности, которую до тѣхъ поръ имѣли, и освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ безъ исключенія платежей, поборовъ и личной службы помѣщику **).

Послѣ паденія Наполеона, предъ вѣнскимъ конгрессомъ, въ послѣдніе дни герцогства Варшавскаго, кн. Любецкій, исправлявшій тогда обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, разослалъ представителямъ администраціи вопросы относительно устройства отношеній между крестьянами и помѣщиками, улучшенія быта крестьянъ и пріобрѣтенія ими земельной собственности. Кромѣ письменныхъ отвѣтовъ, эти запросы вызвали и нѣсколько печатныхъ брошюръ. Авторы многихъ изъ нихъ указывали на необходимость уничтоженія барщины. Бернацкій совѣтовалъ введеніе оброковъ деньгами или хлѣбомъ по договорамъ временнымъ или вѣчнымъ ***). Но всего этого, вѣроятно, не знали декабристы, не знали, быть можетъ, и того, что на основаніи постановленія на-

---

*) K. (Korzon). Kosciuszko, 527—528; Wt. M. Kozlowski. Autonomia królestwa Polskiego, 1907, 271 274.

**) Имѣніе же и дворъ Сѣхновичи Костюшко отдавалъ навсегда своей племянницѣ Эстковой. Документъ этотъ былъ напечатанъ въ „Сельской газетѣ" (Gazeta Wieyska 1817 г., № 27), которая издавалась въ Варшавѣ. Въ его имѣніи было 53 души. Газетное извѣстіе было доведено гродненскимъ губернаторомъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ пояснилъ, что въ 1775 т. Костюшко заложилъ это имѣніе родной сестрѣ и шурину. Министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ входить въ разсмотрѣніе этого дѣла, такъ какъ завѣщаніе Костюшки будто-бы „распространяется лишь на личную свободу" крестьянъ, на что нѣтъ ихъ согласія и не предъявлено въ русскомъ присутственномъ мѣстѣ, имѣніе находится въ залогѣ, есть и другія денежныя претензіи, требующія судебнаго разбирательства, а между тѣмъ неизвѣстно, осталось ли послѣ Костюшки какое-либо другое имущество, достаточное для уплаты его долговъ. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, № 181; ср. (Korzon) „Kościuszko" 539—540.

***) Limanowski. Historya demokracyi polskiej w epoce porozbioro, wej. Zurych, 1901, 88—89.

мѣстника въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго 30 мая 1818 г. помѣщикъ въ своемъ имѣніи по праву владѣнія считался войтомъ гмины, могъ отправлять его обязанности лично или чрезъ предложеннаго имъ войта или чрезъ выбраннаго владѣльцемъ замѣстителя, при чемъ, однако, администрація могла не утвердить представленнаго владѣльцемъ войта *). Такимъ образомъ, крестьянинъ былъ не только въ экономической зависимости отъ помѣщика, какъ отъ землевладѣльца, но и въ зависимости отъ него, какъ войта гмины, имѣющаго право подвергать его наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ.

Освобожденіе крестьянъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ имѣло положительное вліяніе въ сосѣдней Пруссіи, ускоривъ дѣло крестьянской реформы, подъ вліяніемъ опасенія, что нѣмецкіе крестьяне начнутъ переселяться въ Герцогство Варшавское. Хотя эти опасенія и были преувеличены **), но они показываютъ, что даже высшіе представители администраціи Пруссіи, гдѣ реформа подготовлялась на совершенно другихъ началахъ, полагали въ это время, что уничтоженіе въ герцогствѣ крѣпостного права безъ надѣленія крестьянъ землею можетъ показаться соблазнительнымъ прусскимъ крестьянамъ и заставить ихъ покинуть занимаемыя ими земли. Тѣмъ болѣе понятно, что наша, преимущественно военная, молодежь, вошедшая въ составъ тайнаго общества, не умѣла разобраться во вредныхъ послѣдствіяхъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Польшѣ.

Польскій примѣръ могъ вліять на нашу интеллигентную молодежь и литературнымъ путемъ. Въ 1809 г. былъ напечатанъ въ въ Вильнѣ русскій переводъ книги гр. Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», вышедшей въ предыдущемъ году на польскомъ языкѣ, авторъ которой рекомендовалъ помѣщикамъ личное освобожденіе крестьянъ, съ сохраненіемъ права собственности помѣщиковъ на всю землю, и заключеніе арендныхъ договоровъ по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, при чемъ онъ считалъ наиболѣе удобною отдачу земли крестьянамъ въ вѣчное владѣніе ***) на условіяхъ барщиннаго труда, съ правомъ крестьянина продать участокъ при сохраненіи тѣхъ же условій относительно землевладѣльца. Личное освобожденіе должно состоять въ правѣ переселенія съ одного мѣста на другое, но тамъ, гдѣ существуютъ подушная подать и рекрутскіе наборы, это право можетъ дать только правительство ****). Вліяніе книги Стройновскаго могло

*) Dziennik Praw, t. VI, 34—41.

**) Knapp. Bauern-Befreiung, I, 127.

***) Въ русскомъ переводѣ употреблялся въ этомъ случаѣ терминъ „собственность“ (напр., стр. 177).

****) Идеи эти Стройновскій желалъ примѣнить въ своихъ имѣніяхъ Волынской губерніи и въ апрѣлѣ 1812 г. далъ крестьянамъ (7213 душъ) ичную свободу (безъ права переселенія) съ исполненіемъ за землю бар

еще усиливаться тѣмъ, что она была задержана московскою администраціею и сдѣлалась доступною публикѣ лишь въ 1811 году, а также тѣмъ, что вызывала яростные протесты консерваторовъ, какъ, напр., гр. Растопчина.

Пропагандѣ идеи безземельнаго освобожденія могъ весьма содѣйствовать и появившійся въ печати отвѣтъ проф. Якоба на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда, авторъ котораго рекомендовалъ въ небольшихъ имѣніяхъ обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтовалъ раздавать земли на условіи наслѣдственной аренды, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ наниматься, у кого они хотятъ. Академикъ Шторхъ, авторъ обширнаго труда по политической экономіи, изданнаго въ Петербургѣ въ 1815 г. на французскомъ языкѣ, допускалъ и безземельное освобожденіе крестьянъ наряду съ другими способами рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Примѣръ Польши отозвался вредно на остзейскихъ провинціяхъ Россіи, гдѣ при попустительствѣ, а иногда даже подстрекательствѣ русскаго правительства или высшихъ мѣстныхъ представителей администраціи проведено было въ законодательномъ порядкѣ въ 1816—19 гг. безземельное освобожденіе крестьянъ *), а эта реформа въ свою очередь явилась новымъ аргументомъ въ пользу возможности такого освобожденія. Если принять во вниманіе, что крестьянская реформа въ Остзейскомъ краѣ осуществлялась постепенно въ теченіе довольно продолжительнаго переходнаго періода, и что вредныя послѣдствія ея обнаружились значительно позднѣе, становится вполнѣ понятнымъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли не казалось декабристамъ столь вреднымъ, какъ это находимъ мы **)

Въ виду этого понятно, что Н. Тургеневъ, проникнутый идеями экономическаго либерализма, допускаетъ въ своемъ дневникѣ въ декабрѣ 1815 г. безземельное освобожденіе (хотя и называетъ его «самымъ строгимъ»), съ восторгомъ привѣтствуетъ въ 1816 г. безземельное освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи, и даже гораздо

щины въ опредѣленномъ размѣрѣ. Актъ этотъ былъ явленъ въ Луцкомъ повѣтовомъ судѣ. Когда въ 1814 г. Стройновскій пожелалъ обратить этихъ крестьянъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ него исполненія правилъ закона 1803 года, а слѣдовательно, и удостовѣренія, что крестьяне согласны принять эти условія, Стройновскій отказался отъ намѣренія обратить ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Арх. минист. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, № 136.

*) См. А. Тобинъ. „Лифляндское аграрное законодательство въ 19 столѣтіи. Т. I, Положеніе о крестьянахъ 1804 и 1819 г.; A. Gernet. „Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval, 1901.

**) Якушкинъ очень хорошо объясняетъ это въ своихъ запискахъ. Изд. 1905 года, стр. 73—74.

позднѣе, въ 1824 г., уже ознакомившись съ осужденіемъ въ печати крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, полагаетъ, что все же новый порядокъ лучше стараго, что примѣненіе его въ Россіи было бы «благодѣяніемъ» для крестьянъ и что «свобода, какъ она ни была укутана въ учрежденія и въ условія невыгодныя, все—свобода», и что ни одного помѣщика невозможно увѣрить въ томъ, что земля принадлежитъ крестьянину, «а безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія». Это пишетъ Тургеневъ въ своемъ дневникѣ для себя самого, и, слѣдовательно, сомнѣваться въ его искренности совершенно невозможно. Соотвѣтственно этому въ 1827 г., въ письмѣ къ брату Александру, онъ прямо говоритъ, что, если не предлагалъ никому освобожденія крестьянъ съ землею, то потому, что боялся испугать помѣщиковъ и «отдалить ихъ мысли отъ освобожденія» *).

Если такъ смотрѣлъ Тургеневъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ членовъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго тайнаго общества, еще въ юности поставившій себѣ задачею своей жизни улучшеніе положенія крестьянъ, трудившійся на пользу ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, защищавшій ихъ интересы и въ печати, неустанно думавшій объ окончательномъ рѣшеніи ихъ участи, то можно ли удивляться незрѣлости плановъ другихъ декабристовъ относительно крестьянской реформы? Изъ признаній Тургенева видно, что рѣшающимъ моментомъ для него въ вопросѣ о томъ, освобождать ли крестьянъ съ землею, или безъ земли, была возможность немедленнаго осуществленія того или другого способа. Признавая въ запискѣ 1819 г. (представленной въ янв. 1820 г. чрезъ гр. Милорадовича имп. Александру), что самодержавіе можетъ сыграть огромную положительную роль въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, Тургеневъ видѣлъ, что въ дѣйствительности представитель самодержавной власти обнаруживаетъ вообще слишкомъ мало энергіи въ этомъ отношеніи, а въ частности относительно крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ воля правительства въ сильной степени обусловливается желаніемъ дворянства. Отсюда понятно убѣжденіе Тургенева, что «безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія», отсюда и предложеніе мѣръ, на которыя могло бы согласиться дворянство, а также и проповѣдь нѣкоторыхъ декабристовъ, что освобожденіе крестьянъ (безъ земли) было бы полезно самимъ помѣщикамъ. Въ этомъ сказывались не сословные интересы декабристовъ, какъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, а лишь неумѣніе придумать что либо лучшее не въ теоріи только, но и немедленно осуществимое. Неудовлетворительность практическаго предложенія Тургенева для окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. допущеніе имъ безземельнаго освобожденія,

*) Н. Тургеневъ. „Чего желать для Россіи“. Лейпцигъ, 1868 г. стр. 208.

объясняется въ значительной степени и тѣмъ, что, вступивъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, будучи также весьма вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго общества, онъ, какъ можно догадываться, читая его дневники, повидимому, недостаточно вѣрилъ въ возможность въ скоромъ времени государственнаго переворота, а потому и выставлялъ не наиболѣе идеальныя требованія, какъ это дѣлалъ Пестель, а возможное даже и при данномъ политическомъ строѣ: не даромъ и позднѣе, издавая въ 1847 г. за границей свою извѣстную книгу «La Russie et les Russes», онъ раздѣлилъ свои предложенія реформъ на осуществимыя при самодержавіи и возможныя лишь при конституціонномъ строѣ.

Принявъ все это во вниманіе, мы не станемъ удивляться, что первыя предположенія декабристовъ относительно уничтоженія крѣпостного права отличаются большою неопредѣленностью. Несмотря на то, что, при основанія Союза Спасенія, зимою 1816—17 гг., первоначально, хотя и недолгое время, освобожденіе крестьянъ, какъ видно изъ показанія Пестеля, было единственною цѣлью общества,—чувствовалось отсутствіе сознанія того, какъ осуществить эту реформу. Всего яснѣе видно это изъ записокъ Якушкина, который, заявивъ въ томъ же 1816 г. своему дядѣ, управлявшему его небольшимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, что желаетъ освободить крестьянъ, признается, что «въ это время не очень понималъ, ни какъ это можно устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ, но, имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость, былъ проникнутъ чувствомъ прямой обязанности освободить людей», отъ него «зависящихъ». Слова Якушкина, что дядя взглянулъ на него, просто какъ на сумасшедшаго, показываютъ, какое первостепенное значеніе имѣла даже одна пропаганда идеи необходимости освобожденія крестьянъ, внѣдренія въ сознаніе общества, что крѣпостное право—мерзость *). Отсюда и указаніе декабристовъ на выгодность для помѣщиковъ добровольнаго освобожденія ими крестьянъ **), что было скорѣе тактическимъ пріемомъ распространенія идеи эмансипаціи, чѣмъ выраженіемъ сословныхъ стремленій декабристовъ, отсюда и кажущееся столь наивнымъ настаиваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на необходимости «разговоровъ» объ освобожденіи крестьянъ, т. е. пропаганды этой идеи, отсюда и мысль членовъ Союза Спасенія «пригласить большую часть дворянства» подать просьбу о томъ государю, въ неосуществимости которой они скоро убѣдились. Было

*) „Члены Общества“ (Союза Спасенія), говоритъ кн. Трубецкой въ своихъ запискахъ (стр. 14), „были молодые люди, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстій; они не могли дать примѣра согражданамъ освобожденіемъ собственныхъ крестьянъ и потому имъ предстоялъ одинъ только способъ дѣйствія—убѣжденіе словомъ“. Позднѣе, однако, нѣкоторые декабристы были владѣльцами населенныхъ имѣній.

**) Ср. Записки Трубецкого, изд. 1907 г., стр. 14.

уже указано *), что прямое требованіе освобожденія крестьянъ не рѣшились даже внести въ первую часть устава Союза Благоденствія, вѣроятно, изъ боязни оттолкнуть отъ общества значительную часть дворянъ и возбудить гоненіе со стороны правительства. Нужно помнить, что проповѣдь эмансипаціи считалась тогда вещью преступною, и В. Ѳ. Раевскому, первому члену общества, попавшему подъ военный судъ, ставились во время слѣдствія въ вину даже рукописныя вылазки въ стихахъ и прозѣ противъ крѣпостного права. Во время верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами, нѣкоторые судьи говорили, что желать уничтоженія рабства значитъ желать измѣненія государственнаго порядка; другіе, впрочемъ, съ этимъ не соглашались **).

Однимъ изъ примѣровъ того, какіе взгляды на крестьянскій вопросъ высказывали члены тайнаго общества въ первое время его существованія, можетъ служить записка 4-го апрѣля ***) 1818 г., написанная въ Москвѣ членомъ Союза Спасенія, а до 1819 г. включительно и Союза Благоденствія, Александромъ Ник. Муравьевымъ, въ видѣ возраженія на записки В. Н. Каразина по поводу освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и калужскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Н. Г. Вяземскаго ****) (въ отвѣтъ на рѣчь къ дворянамъ малороссійскаго губернатора кн. Н. Г. Репнина). Въ запискѣ А. Н. Муравьева мы находимъ только общій протестъ противъ крѣпостного права, безъ указанія какихъ-либо практическихъ мѣръ къ его уничтоженію. Въ отвѣтъ на выраженіе признательности «россійскаго дворянина-старца щедротамъ царей» дворянству, А. Н. Муравьевъ говоритъ: «Чѣмъ же жаловали дворянъ»? «Помѣстьями, дающими имъ законное право»... Законное право (!!!) пользоваться—чѣмъ же? землями и трудами своихъ крестьянъ и располагать ихъ участью. Ежели это право законное, что же беззаконное?» *****) Кос-

*) „Русское Богатство“ 1908 г. № 4, стр. 61.

**) „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лейпц. 1872 г. стр. 17.

****) Въ копіи, хранящейся въ Архивѣ бр. Тургеневыхъ (№ 1173), эта записка помѣчена 13 мая 1818 г.

****) См. „Сборникъ историч. матер., извлечен. изъ Архива собств. Е. Вел. канц.“, вып. VII, 1905 г.

*****) Или вотъ характеристика, яко-бы, „патріархальной“ власти помѣщика: „Хорошъ тотъ патріархъ, который продаетъ, покупаетъ, торгуетъ себѣ подобными, мѣняетъ людей на собакъ, на лошадей, закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги, вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки и часто, весьма часто, удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти. Довольно! Упаси Боже отъ таковыхъ патріарховъ. Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ уже чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное, а мы, россіяне, христіане, имѣемъ въ нѣдрахъ отечества нашего, защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти“. А вотъ указаніе на полезность крестьянской реформы: „Вы называете химерическими постановленіями тѣ, кои въ пользу

нувшись французской революціи, авторъ утверждаетъ, что она была бы предотвращена, если бы дворянство и духовенство «при первомъ собраніи генеральныхъ штатовъ... добровольно сложили съ себя готическія, феодальныя свои преимущества, которыя, впрочемъ, несравненно слабѣе были преимуществъ и власти дворянства въ Россіи». Общій выводъ автора очень неопредѣлененъ: «Я желаю, чтобы отношенія владѣющихъ и подвластныхъ совершенно были опредѣлены справедливымъ, непремѣннымъ, постояннымъ законоположеніемъ, основаннымъ на законѣ Божіемъ, слѣдовательно, на сущей правдѣ, законоположеніемъ, которымъ Россія возводилась бы на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена» *). Прочитавъ записку А. Н. Муравьева, Александръ I сказалъ: «Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался!» **).

Желаніе Лунина освободить своихъ крестьянъ безъ земли въ 1819 г. посредствомъ духовнаго завѣщанія не соотвѣтствовало существующимъ законамъ, не допускавшимъ (къ счастію для крѣпостныхъ) освобожденія крестьянъ цѣлыми имѣніями безъ земли, и потому не могло быть осуществлено.

Безземельное освобожденіе считалъ возможнымъ и Н. М. Муравьевъ при составленіи имъ первой редакціи его проекта конституціи, сохранившейся въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого. Онъ началъ писать свой проектъ въ 1821 г. въ Минскѣ. Возможно было вліяніе въ это время на Муравьева и мѣстнаго польскаго дворянства, такъ какъ въ сѣверо-западной Россіи, по примѣру Остзейскаго края, уже за два-три года передъ тѣмъ стали обнаруживаться стремленія къ безземельному освобожденію. Такъ, дворянство Динабургскаго уѣзда изъявило намѣреніе даровать личную свободу крестьянамъ, и въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ рескриптъ объ учрежденіи, по выбору дворянъ, коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданному въ Прибалтійскомъ краѣ, и внесенія его затѣмъ, съ согласія уѣзднаго дворянскаго собранія, на утвержденіе государя. На собраніи дворянъ Виленской губ. въ 1818 г. также обсуждался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Н. Муравьевъ въ первой редакціи своего проекта конституціи говоритъ: «Земли помѣщиковъ остаются за ними»; мало того, если крестьяне захотятъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, то они должны вознаградить помѣщика за перерывъ въ полученіи доходовъ съ воздѣлываемой ими земли, что должно

---

36 милліоновъ дѣлаются: тѣ, кои обезпечатъ ихъ собственность, ихъ благосостояніе, ихъ бытіе, тѣ, кои умножатъ просвѣщеніе, образованіе нравовъ, увеличатъ промышленность, усовершенствуютъ хлѣбопашество, образуютъ внутреннюю торговлю, умножатъ богатства, увеличатъ народонаселеніе, тѣ, наконецъ, кои (выше всего) согласны съ правилами вѣры".

*) Записка эта напечатана безъ имени автора въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древн. рос.", 1859 г. т. III, 43--50.

**) Записки Трубецкого, стр. 17—18.

было быть опредѣлено особымъ закономъ. Но мы видѣли, что проектъ конституціи Н. Муравьева, даже и во второй, болѣе обработанной, редакціи не былъ одобренъ Тайнымъ Обществомъ и постоянно вызывалъ замѣчанія читавшихъ его. Такъ и это правило не осталось безъ протеста. Авторъ замѣчанія не только отмѣтилъ, что «при срочныхъ свободныхъ условіяхъ» такое постановленіе не нужно, но и высказалъ мнѣніе, что переходы крестьянъ раззорительны какъ для нихъ, такъ и для помѣщиковъ, и что *«на первый случай* должно освобожденіе такъ устроить», чтобы такихъ переходовъ не было. Тутъ уже, слѣдовательно, является мысль о необходимости переходнаго періода, какъ это было и въ остзейскихъ крестьянскихъ положеніяхъ. И въ положеніи динабургскихъ дворянъ, по примѣру лифляндскаго положенія, былъ назначенъ 13-ти-лѣтній срокъ его полнаго осуществленія *). Такимъ образомъ, предположенія Н. Муравьева по крестьянскому вопросу подвергались обсужденію и развивались въ прогрессивномъ направленіи. Въ виду того, что конституція Н. Муравьева не была еще одобрена Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, никакъ нельзя приписывать взгляды Н. Муравьева всему этому обществу.

Непосредственныя наблюденія въ Западной Россіи съ ея крестьянскимъ строемъ, основаннымъ на подворномъ землевладѣніи, могли повліять и на отношеніе Н. Муравьева къ общинному землевладѣнію **), что можетъ, впрочемъ, объясняться и отрицательнымъ отношеніемъ къ нему нѣкоторыхъ русскихъ хозяевъ съ исключительно агрономической точки зрѣнія и вообще политическимъ либерализмомъ многихъ членовъ Сѣвернаго Общества. Въ первой редакціи Муравьевъ предлагаетъ, чтобы земли, населенныя удѣльными и экономическими (т. е. государственными) крестьянами, были признаны ихъ «собственностью» и предоставлены имъ «въ общественное владѣніе», но послѣдующіе законы *«могутъ опредѣлить»*, какимъ образомъ онѣ «поступятъ изъ общественнаго въ частное владѣніе каждаго изъ поселянъ, и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей раздѣлъ общественной земли между ними». Уже и тутъ сказывается желаніе обратить общинное владѣніе въ подворное, но все же одинъ изъ читателей первой редакціи конституціи Н. Муравьева былъ неудовлетворенъ этимъ постановленіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе, что «общая собственность—

*) По поводу аналогичнаго правила относительно арендныхъ крестьянъ первой редакціи конституціи Н. Муравьева было сдѣлано замѣчаніе, что крестьяне будутъ „не въ состояніи дать вознагражденіе"; и оно не осталось безъ результата: требованіе вознагражденія (въ случаѣ перехода крестьянина) владѣльцу земли или арендатору было во второй редакціи конституціи исключено.

**) Любопытно, что когда русская гвардія находилась въ 1821—22 гг. въ Западной Россіи, то нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ въ Витебскѣ участвовали въ польскомъ Патріотическомъ Обществѣ. Богдановичъ, т. VI, 175.

вѣрный способъ для *стоячаго* положенія земледѣлія», которое при ней будто бы никогда не можетъ совершенствоваться. Замѣчаніе это было принято во вниманіе, и во второй редакціи конституціи вмѣсто выраженія: «*могутъ опредѣлить*», сказано—*опредѣляютъ*, слѣдовательно, здѣсь Муравьевъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе подворному владѣнію.

Второю ступенью въ развитіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ было предположеніе Якушкина освободить ихъ съ предоставленіемъ имъ безвозмездно усадебъ съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Очень важно и то, что въ своей запискѣ Якушкинъ высказался въ пользу общиннаго землевладѣнія *), такъ какъ при немъ «всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности» и «не можетъ быть нищихъ», и потому совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать землю цѣлымъ обществомъ. Впрочемъ, въ заявленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ Якушкинъ предполагалъ выразить готовность принять всякія постановленія, основанныя на взаимной пользѣ крестьянъ и помѣщика и не лишающія послѣдняго его собственности, состоящей въ землѣ **). Но нашъ законъ не допускалъ освобожденія крестьянъ безъ земли цѣлыми селеніями, и предположеніе Якушкина осуществлено не было, тѣмъ болѣе, что и крестьяне не пожелали принять его предложеніе.

Тургеневъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ плану Якушкина относительно освобожденія крестьянъ съ усадьбами и усадебною землею, и когда въ 1820 г. онъ принялъ участіе въ попыткѣ князя П. А. Вяземскаго, М. С. Воронцова, Меньшикова, гр. Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ основать общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія ихъ крѣпостныхъ, то въ основу предположеннаго этими лицами плана была положена мысль Якушкина объ освобожденіи крестьянъ съ усадебною землею (о дарованіи общаго выгона не упоминалось) на условіяхъ на долгое «время, даже наслѣдственной аренды» (Erbpacht). ***).

Быть можетъ, при посредствѣ Н. Тургенева, мысль Якушкина повліяла и на Никиту Муравьева, и во второй редакціи его конституціи, вмѣсто предложенія совершенно безземельнаго освобожденія крестьянъ, мы находимъ слѣдующее постановленіе: «земли помѣщиковъ остаются за ними», а дома крестьянъ съ огородами,

---

*) Онъ называетъ его такъ же, какъ и Муравьевъ, „общественнымъ владѣніемъ".

**) „Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 1373—1379. Дѣло о предположеніяхъ Якушкина въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ попало въ 1907 г. въ число предназначенныхъ къ уничтоженію; къ счастію, еще есть нѣкоторая надежда его отыскать и спасти.

***) Болѣе подробно объ этихъ предположеніяхъ я буду говорить на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, въ особомъ очеркѣ о взглядахъ Н. И. Тургенева на крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александр I.

земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ имъ скотомъ признаются собственностью крестьянъ. Но и такое постановленіе не удовлетворило нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Общества, и на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева, написанной рукою Рылѣева, сдѣлано рукою И. И. Пущина замѣчаніе: «ежели огородъ, то земля».

Третій изъ числа предложенныхъ въ царствованіе имп. Александра I способовъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, а затѣмъ и совершеннаго ихъ освобожденія состоялъ въ обращеніи ихъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода. Предположеній этого рода было сдѣлано не мало въ первой четверти XIX вѣка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ могли остаться и неизвѣстными декабристамъ. Къ этому типу относятся предположенія, высказанныя Сперанскимъ, какъ въ его первомъ политическомъ трактатѣ, такъ и въ знаменитомъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 г. Я упоминалъ уже о свидѣтельствѣ Завалишина, что нѣкоторые декабристы «ссылались, въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ», на попытки Сперанскаго. Было указано также на то, что въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ сохранилась не только копія плана государственныхъ преобразованій Сперанскаго 1809 года, но и его трактатъ 1802 г. съ собственноручными поправками Сперанскаго. Магницкій въ одномъ своемъ доносѣ 1831 г. говоритъ: «Всѣ... бумаги, опечатанныя при высылкѣ Сперанскаго изъ Петербурга въ 1812 г., подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ предмету коммиссіи законовъ, какимъ-то образомъ добыты Александромъ Тургеневымъ, который мнѣ самъ сіе сказывалъ, и поступили уже не знаю куда» *). А. Тургеневъ служилъ въ коммиссіи законовъ и, принявъ эти бумаги въ 1822 г. по приказанію главноуправляющаго коммиссіею кн. П. В. Лопухина **), вѣроятно, часть ихъ оставилъ у себя; затѣмъ онѣ были увезены за-границу и дали возможность Н. И. Тургеневу впервые познакомить Россію и Зап. Европу съ планами Сперанскаго въ книгѣ «La Russie et les Russes (1847 г.). Такимъ образомъ, Н. И. Тургеневу были извѣстны предложенія Сперанскаго относительно крѣпостныхъ крестьянъ, а отъ него могли узнать ихъ и нѣкоторые его товарищи-декабристы. Въ трактатѣ 1802 г. Сперанскій предложилъ раздѣлить уничтоженіе крѣпостного права на двѣ эпохи: въ первой опредѣленіемъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и учрежденіемъ «нѣкоторой расправы» для разбора дѣлъ между ними крестьяне «изъ личной крѣпости помѣщика перейдутъ въ крѣпость землѣ и будутъ только припис-

*) „Русская Старина“, 1899 г., № 1, стр. 83.

**) Бумаги Сперанскаго въ дѣлахъ II Отд. Соб. Е. Вел. Канц. въ Арх. Гос. Сов., связка № 828.

ными»; во вторую же эпоху, *«которая не можетъ быть близка»* и должна быть подготовлена частными распоряженіями, «возвратится крестьянамъ древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому и тѣмъ самымъ совершится уже и конечное ихъ искупленіе» *). Во «Введеніи» 1809 г. Сперанскій также высказывается за постепенность уничтоженія «гражданскаго рабства» и за принятіе для этого «дѣйствительныхъ мѣръ», которыя онъ и указываетъ **). Здѣсь Сперанскій рѣшительно порицаетъ освобожденіе крестьянъ безъ надѣленія землею. Указавъ на то, что въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки «земли обрабатываются большею частью наймомъ, и крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости», Сперанскій говоритъ «Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы суть всѣ (?) рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ». Это общее соображеніе Сперанскаго и указанныя имъ частныя мѣры отчасти навѣяны: 1) разрѣшеніемъ всѣмъ свободнымъ состояніямъ пріобрѣтать землю въ собственность, 2) закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 3) лифляндскимъ Положеніемъ о крестьянахъ 1804 г., на которое онъ смотритъ, какъ на примѣръ и опытъ опредѣленія повинностей крестьянъ. Всѣмъ этимъ законамъ онъ придавалъ очень большое значеніе и называлъ ихъ «государственными» ***). Если эти предположенія Сперанскаго относительно постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ могли быть извѣстны очень немногимъ декабристамъ, то лифляндское Положеніе 1804 г. было доступно всѣмъ, но оно не оказало вліянія на развитіе ихъ идей по крестьянскому вопросу, потому что въ то время, когда начала развиваться дѣятельность Тайнаго Общества, это положеніе уже было замѣнено освобожденіемъ крестьянъ въ 1819 году безъ предоставленія имъ права на землю. Въ духѣ обращенія крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ съ сохраненіемъ за крестьянами неотъемлемаго владѣнія землею высказывался и Каразинъ, взгляды котораго были извѣстны Тургеневу, А. Н. Муравьеву и нѣкоторымъ другимъ членамъ Тайнаго Общества ****). Каразинъ энер-

*) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго". „Рус. Бог." 1907 г., № 1, стр, 80—81.

**) Лишеніе помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и отдавать въ военную службу не по очереди; представленіе крѣпостнымъ права располагать своею собственностью и исполнять работы и вносить платежи по закону или условію, а не по произволу другого.

***) „Историческое Обозрѣніе", т. X, 14—15, 29—32.

****) Многіе изъ нихъ могли встрѣчаться съ Каразинымъ въ Вольномъ обществѣ любителей русской словесности. См. статью Н. К. Кульмана „Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I". „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ" 1908 г., т. XIII, кн. I, стр. 140.

гично протестовалъ противъ беземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и даже утверждалъ, что «земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками», что «помѣщики были всегда только распорядителями земли» *). Но личныя несимпатичныя качества Каразина, доходившаго до прямыхъ доносовъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею на нѣкоторыхъ декабристовъ и писателей, отталкивали отъ него, и потому не мудрено, что устроители предполагаемаго въ 1820 г. общества съ цѣлью освобожденія крестьянъ поспѣшили отдѣлаться отъ Каразина, одновременно хлопотавшаго объ устройствѣ «Общества добрыхъ помѣщиковъ», или «Друзей отчизны», для «улучшенія участи поселянъ», первою задачею котораго должно было быть «составленіе опыта устава для помѣщичьихъ имѣній». Помимо невозможности для декабристовъ имѣть дѣло съ Каразинымъ, отъ котораго они могли бы кое-чему научиться въ крестьянскомъ вопросѣ, они расходились съ нимъ и въ основномъ принципѣ, такъ какъ они не желали довольствоваться обращеніемъ крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ, а стремились къ совершенному освобожденію крестьянъ. Поэтому указанный третій способъ измѣненія быта крестьянъ, т. е. путемъ ряда многихъ подготовительныхъ мѣръ съ передачею земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ (подъ условіемъ исполненія ими повинностей, размѣръ которыхъ долженъ былъ быть опредѣленъ закономъ) и не нашелъ выраженія въ предположеніяхъ декабристовъ по крестьянскому вопросу **).

Постепенно декабристы не могли не придти къ мысли о необходимости земельнаго надѣла для крестьянъ. Укажемъ на нѣкоторыя вліянія, которыя должны были содѣйствовать развитію ихъ міросозерцанія въ этомъ направленіи. Нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, какъ, напримѣръ, Штейнгель и Петръ Бестужевъ показали во время слѣдствія, что они читали сочиненіе Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Изъ дневника Н. И. Тургенева 1807 г. видно, что онъ въ то время уже прочелъ эту книгу. Всѣ они нашли въ сочиненіи Радищева знаменитыя

---

*) Что „мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о указѣ 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ“ принадлежитъ Каразину, прежде всего видно изъ его содержанія и слога, но есть и прямое свидѣтельство декабриста С. П. Трубецкого. См. его записки, изд. 1907 г., стр. 17, ср. „Чтен. Общ. Ист. и древн. росс.“, 1860 г. т. II, 223 или „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц.“ VII, 148. Анахронизмъ относительно возраста автора, встрѣчающійся въ запискѣ, допущенъ очевидно умышленно для прикрытія авторства Каразина, однако свидѣтельство Трубецкого показываетъ, что нѣкоторые поняли или знали, кѣмъ написана эта записка.

**) Впрочемъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ Спиридовъ въ своемъ показаніи совѣтовалъ: „не давая вольности крестьянамъ, сдѣлать ихъ вольными, т. е. чтобы они производили сельскія работы на условіяхъ съ помѣщиками“.

слова: «Крестьяне удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемый, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Книга Радищева была рѣдка вслѣдствіе конфискаціи ея правительствомъ, но, кромѣ печатныхъ экземпляровъ, существовали и рукописные. За-то всѣмъ доступны были другія сочиненія Радищева, собраніе которыхъ вышло въ Москвѣ въ 1811 г. въ 6 частяхъ. Приведенная мысль «Путешествія» повторена здѣсь въ «Описаніи моего владѣнія», хотя и въ смягченномъ и неполномъ видѣ, очевидно, по цензурнымъ причинамъ: «Кажется, поелику селянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность» (ч. IV, 147). Пріятель Радищева Пнинъ въ своемъ «Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи» утверждалъ, что важнѣйшій предметъ законодательства долженъ состоять въ томъ, чтобы «предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія» и сдѣлать ее «неприкосновенной» (эта книга была недозволена ко второму изданію, и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ книжныхъ лавокъ). Академикъ Шторхъ, въ своемъ курсѣ политической экономіи 1815 г., въ ряду другихъ способовъ освобожденія крестьянъ, допускалъ и освобожденіе ихъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ.

На ряду съ литературными вліяніями мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею вызывалась и нѣкоторыми русскими и иностранными узаконеніями о крестьянахъ. Законъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ допускалъ освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами по добровольнымъ соглашеніямъ *не иначе, какъ съ землею,* за денежный выкупъ или исполненіе въ теченіе извѣстнаго времени опредѣленныхъ повинностей. Требованіе этого закона относительно введенія при освобожденіи крестьянъ подворнаго владѣнія обыкновенно не исполнялось *).

Декабристамъ, совершавшимъ походы въ Пруссію и передѣлывавшимъ уставъ прусскаго Союза Добродѣтели, не могло остаться неизвѣстнымъ, что тамъ эдиктомъ 9-го окт. 1807 г. было установлено постепенное (до 1810 г. включительно) уничтоженіе наслѣдственной зависимости крестьянъ, а по закону о регулированіи 14-го сентября 1811 г. крестьяне могли получать въ собственность находившіяся въ ихъ наслѣдственномъ владѣніи земли уступкою помѣщику $^1/_3$ надѣла, а находившіяся въ не наслѣдственномъ владѣніи—половины земли. Для добровольнаго соглашенія былъ установленъ двухлѣтній срокъ, а если обѣ стороны не воспользуются своимъ правомъ въ теченіе этого срока, то соглашеніе должно было быть достигнуто при посредствѣ правительственныхъ учрежденій, по ходатайству

*) Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ (изъ 161) отпустили на волю своихъ крестьянъ безъ всякой платы. Впрочемъ, если исключить освобожденіе 7000 душъ въ Виленской губ., не вполнѣ соотвѣтствовавшее условіямъ закона, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ были освобождены безъ платы только 415 душъ м. п.

одной изъ сторонъ, если же его не послѣдуетъ, то должно вмѣшаться правительство и рѣшить это дѣло своею властью *). Мы видѣли изъ замѣчанія И. И. Пущина на вторую редакцію проекта конституціи Н. Муравьева, что его не удовлетворило предположеніе освободить крестьянъ съ однѣми усадьбами; вѣроятно, таково же было мнѣніе и другихъ членовъ союза для освобожденія крѣпостныхъ, къ которому онъ принадлежалъ. Примѣръ Пруссіи, гдѣ за крестьянами была сохранена значительная часть земли при ихъ освобожденіи, могъ также вліять на Н. Муравьева, и вотъ въ письменномъ пересказѣ имъ конституціи по памяти во время слѣдствія мы находимъ такое постановленіе: «Крѣпостное право отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать земли въ потомственное владѣніе». Двѣ десятины на дворъ крестьяне, очевидно должны были получить безплатно. Если они желали обрабатывать въ свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помѣщиковъ по свободнымъ договорамъ или пріобрѣтать въ «потомственное владѣніе». Если сопоставить это выраженіе съ тѣмъ, что въ планахъ предполагаемаго общества помѣщиковъ 1820 года, въ которомъ участвовали братья Тургеневы, упоминалось о наслѣдственной арендѣ, то нужно думать, что тутъ дѣло шло объ арендѣ за опредѣленныя разъ навсегда платежи и повинности въ пользу землевладѣльца. Безплатное надѣленіе крестьянъ двумя десятинами земли «для осѣдлости ихъ» было, конечно, неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Даже Аракчеевъ въ своемъ проектѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, составленномъ въ 1817 г. по приказанію государя, предлагалъ ежегодно отпускать изъ казны 5 мил. рублей для покупки помѣщичьихъ имѣній со всею землею по добровольному соглашенію или на основаніи особыхъ правилъ, если бы съ крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякій помѣщикъ могъ потребовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ по двѣ десятины на *ревизскую душу* (т. е. значительно болѣе того, что Муравьевъ предлагалъ даровать имъ въ собственность) съ правомъ оставить остальную землю въ свою пользу. Конечно, между обоими проектами существенная разница въ томъ, что Н. Муравьевъ проектировалъ обязательное прекращеніе крѣпостного права во

*) Декларація 29 мая 1816 года внесла значительное ограниченіе въ законъ 1811 года, опредѣливъ, что подлежатъ регулированію только крестьяне, владѣющіе полною упряжкою и удовлетворяющіе еще нѣкоторымъ другимъ условіямъ. Knapp, Bauern-Befreiung, I. 136, 166, 169, 184—189.

всей Россіи, а Аракчеевъ—ежегодное пріобрѣтеніе въ казну небольшого количества крестьянъ, но даже и минимальный размѣръ надѣла, даваемаго крестьянамъ въ собственность, по проекту Аракчеева, все же болѣе, чѣмъ по проекту Муравьева. Относительно пріобрѣтенія земли въ «потомственное владѣніе» Муравьевъ не предложилъ никакихъ правилъ *).

Вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею очень занималъ Н. И. Тургенева, какъ видно изъ его дневниковъ. Еще въ 1816 г. онъ спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ: «почему земля болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ?» Въ томъ же году, вѣроятно, подъ вліяніемъ прусскаго законодательства, у него является мысль объ отдачѣ крестьянину половины помѣщичьей земли, при чемъ, считаясь съ интересами помѣщиковъ, имѣющихъ мало крестьянъ и много земли, онъ предполагалъ опредѣлить максимумъ участка крестьянина. Въ томъ же году онъ задумывается надъ предоставленіемъ крестьянамъ «въ вѣчное владѣніе» участковъ земли съ запрещеніемъ отчуждать ихъ или образовать изъ нихъ майораты, а затѣмъ дать имъ право и возможность покупать новыя земли. Въ мартѣ 1819 г. онъ мечтаетъ о томъ, чтобы «хоть черезъ годъ» освободить своихъ крестьянъ, «оставя за ними землю», и утверждаетъ, что владѣльцы имѣнія при этомъ ничего не потеряли бы (очевидно, крестьяне должны были бы платить за землю извѣстную арендную плату), но видитъ препятствіе къ осуществленію этихъ плановъ въ несочувствіи имъ его матери. Въ 1820 г. Тургеневъ колеблется между регламентированіемъ повинностей за пользованіе землею и опредѣленіемъ размѣра ихъ свободнымъ договоромъ. Наконецъ, въ томъ же году онъ выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ дана была въ собственность часть земли «по соразмѣрности», опредѣливъ при томъ minimum и maximum ея количества.

Въ письмѣ изъ Лондона въ 1827 г. Н. Тургеневъ писалъ брату А. И—чу, что „болѣе полезнымъ для государства средствомъ" было бы предоставленіе крестьянамъ не только свободы, но и „куска земли". Онъ совѣтуетъ искать „лучшихъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ... не въ Россіи, не въ томъ, что тамъ предполагаемо было, но въ другихъ земляхъ, и именно въ Пруссіи. Я самъ, даже и бывъ въ Россіи, всегда думалъ, что лучшее и полезнѣйшее для государства было бы раздѣлить землю, теперь помѣщиками владѣемую, впрочемъ, не поровну между господами и крестьянами" (намекъ на планы Пестеля), „сдѣлавъ ихъ независимыми одинъ отъ другого". Указавъ на то, что не предлагалъ этого, чтобы не испугать помѣщиковъ, Тургеневъ продолжаетъ: „Въ Пруссіи это сдѣлано, и сіе истинно государственное благодѣяніе увѣнчалось успѣхомъ... Для насъ это было бы слишкомъ хорошо. Не надобно искать совершенства, гдѣ и менѣе совершенное было бы такъ благодѣтельно" **).

---

*) Есть извѣстіе, что планъ Аракчеева былъ уже одобренъ государемъ и не былъ приведенъ въ исполненіе лишь вслѣдствіе революцій въ государствахъ Южной Европы и волненія Семеновскаго полка. „Девятнадцатый вѣкъ", изд. Бартенева. М. 1872 г. II, 146—149.

**) Н. Тургеневъ. „Чего желать для Россіи?" Лейпц. 1868 г., стр. 208—209.

Такимъ образомъ, Тургеневъ въ концѣ концовъ пасуетъ предъ практическими затрудненіями и даже черезъ четверть вѣка въ своей книгѣ «La Russie et les Russes» еще утверждаетъ, что личное, безземельное освобожденіе наиболѣе возможно и осуществимо (хотя въ это время уже вполнѣ выяснился весь вредъ освобожденія по Остзейскому образцу) и лишь въ послѣднемъ, третьемъ томѣ своего труда высказывается за освобожденіе съ землею, при чемъ, однако, въ видѣ *наибольшаго* надѣла предлагаетъ дать крестьянамъ одну десятину на душу или три десятины на тягло. Нужно, впро чемъ, замѣтить, что мнѣнія Н. Тургенева по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ его книгѣ, изданной въ 1847 г., вызвали негодованіе его бывшаго товарища по Сѣверному Обществу Н. А. Бестужева, и это еще болѣе заставляетъ думать, что и предположеніе Н. Муравьева по тому же предмету, даже въ окончательномъ видѣ, не пользовалось общимъ сочувствіемъ декабристовъ.

Опытъ Якушкина показалъ, что освобожденія съ однѣми усадебными землями крестьяне не принимали; тѣ изъ декабристовъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ крестьянами, должны были понимать, что ихъ не удовлетворятъ и 2 десятины на дворъ, а между тѣмъ провести безвозмездное принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель въ большемъ размѣрѣ, очевидно, казалось членамъ Сѣвернаго Общества невозможнымъ; оставался, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, одинъ исходъ—выкупъ земель, и это ранѣе всѣхъ другихъ членовъ Сѣвернаго Общества понялъ Якушкинъ, жившій въ своемъ имѣніи и задумывавшійся надъ способами освобожденія своихъ крестьянъ, а въ Южномъ Обществѣ—Пестель.

Мѣры, принятыя въ Западной Европѣ относительно выкупа помѣщичьихъ земель, вѣроятно, до нѣкоторой степени были извѣстны декабристамъ. Во время французской революціи первоначально феодальныя повинности были раздѣлены на подлежащія выкупу и отмѣняемыя безвозмездно, но въ концѣ концовъ декретомъ конвента 17 іюля 1793 г. были уничтожены безъ вознагражденія и тѣ повинности, которыя должны были выкупаться по закону 25 августа 1792 года, кромѣ чисто земельныхъ, а не феодальныхъ рентъ, хотя различить ихъ на практикѣ было невозможно *).

Въ Германіи, еще въ концѣ 1807 г., появилась брошюра, предлагающая выкупъ крестьянами земли, учрежденіе кредитной кассы и отпускъ крестьянамъ въ кредитъ $^2/_3$ выкупной суммы, которыя съ надбавкою 4% онъ можетъ погасить, внося въ теченіе 28 лѣтъ по 6%, считая въ томъ числѣ и % погашенія **). Въ Баваріи въ 1807 г. всѣ поземельныя ренты деньгами и продуктами были объявлены подлежащими выкупу, но не иначе, какъ

*) Н. И. Карѣевъ. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка". М. 1879 г., гл. 8.

**) Knapp. Die-Bauern-Befreiung I, 158—161.

по добровольному согласію обѣихъ сторонъ, а конституціею 1 мая 1808 г. уничтожено крѣпостное право тамъ, гдѣ оно еще существовало въ Баваріи *). Въ баварской конституціи 27 мая 1818 г., переведенной въ томъ же году на русскій языкъ, было сказано: «Во всемъ пространствѣ Баварскаго королевства не можетъ существовать крѣпостного подданства. Всѣ прежде бывшія крѣпостныхъ людей повинности или барщина должны быть точно и подробно опредѣлены; но и отъ сихъ можно откупиться». Въ Баденской конституціи 22 августа 1818 года, въ томъ же году переведенной на русскій языкъ, было сказано, что особымъ закономъ будетъ установленъ размѣръ выкупа барщины и всѣхъ вообще повинностей уничтоженнаго крѣпостного подданства. Закономъ 5 октября 1820 г. въ велик. герц. Баденскомъ личные крѣпостные платежи были уничтожены съ выдачею полнаго вознагражденія изъ государственнаго казначейства и регулированъ былъ выкупъ поземельныхъ повинностей: платежей произведеніями земли, наслѣдственныхъ чиншей (деньгами и натурою) и лаудемій **); выкупа могла требовать какъ та, такъ и другая изъ заинтересованныхъ сторонъ, при чемъ выкупной капиталъ равнялся годичной цѣнности повинности, помноженной на 9—18; иногда допускалось и обращеніе выкупного капитала въ 5% денежную ренту ***). Въ 1821 г. (7 іюня) былъ изданъ въ Пруссіи законъ о выкупѣ какъ принудительной службы, такъ и другихъ повинностей имѣющими полную упряжку крестьянами. Выкупъ принудительной службы обязателенъ по требованію каждой изъ сторонъ, при чемъ обязанная сторона, взамѣнъ службы, даетъ вознагражденіе, по своему усмотрѣнію, землею или рентою; рента можетъ быть замѣнена единовременнымъ взносомъ, превышающимъ ее въ 25 разъ. Удовлетвореніе рентою и выкупъ ея въ такой же пропорціи примѣняется и къ выкупу другихъ повинностей ****).

---

*) Seb. Hausmann. Die Grund-Entlastung in Bayern. Strassb. 1892, S. 98, 114; „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Пер. подъ ред. Н. Водовозова и С. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г., стр. 216.

**) „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ", стр. 225; русскій переводъ баварской и баденской конституцій 1818 г., см. „Духъ Журналовъ" 1818 г., т. XXXI, 543, 633.

***) Лаудеміями назывались сборы, взимаемые при переходѣ имѣнія въ руки новаго землевладѣльца, при вступленіи каждаго новаго хозяина во владѣніе участкомъ, при переходѣ участка по наслѣдству въ боковую линію, при женитьбѣ хозяина, при сдачѣ или продажѣ его надѣла. Сочиненія Самарина II, 360. Лаудеміи въ Баваріи достигали иногда разорительныхъ для крестьянъ размѣровъ. Hausmann, 69.

****) Knapp, I. 200—204. Въ Познани, возвращенной Пруссіи въ 1815 г., прусское правительство запретило помѣщикамъ въ 1819 г. изгнаніе крестьянъ по своему усмотрѣнію, т. е. была объявлена безусловная охрана крестьянства до регулированія. Законъ 8 апрѣля 1823 г. о

Якушкину, вѣроятно, былъ извѣстенъ русскій переводъ баденской и баварской конституцій въ «Духѣ Журналовъ», гдѣ онъ могъ найти упоминаніе и о выкупѣ повинностей крестьянъ. Идею эту онъ могъ позаимствовать и у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Западной Россіи. Такъ, русскій сенаторъ, помѣщикъ Волынской губерніи, гр. Стройновскій, въ актѣ 1812 г., которымъ онъ давалъ своимъ крестьянамъ личную свободу съ предоставленіемъ имъ земли за барщинную повинность (однако, безъ права перехода) могли выкупить свои повинности по истеченіи перваго, второго и третьяго тридцатилѣтія, даже и безъ согласія помѣщика (въ остальное же время лишь съ его согласія), помножая годовую стоимость повинности на 24 *). Но, конечно, мысль о выкупѣ могла придти въ голову Якушкину и самостоятельно или подъ вліяніемъ Пестеля, который въ Тульчинѣ въ 1820 г. читалъ ему отрывокъ объ устройствѣ волостей изъ своего плана государственнаго преобразованія **). Какъ бы то ни было, живя въ своемъ имѣніи (Смолен. губ. въ 1824 г. и пристально занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ обрабатывалъ уже часть своихъ полей наемными людьми и надѣялся, что при улучшеніи положенія его крестьянъ, они скоро окажутся въ состояніи платить ему оброкъ, «часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку» (т. е. на выкупъ) «той земли, какою они пользовались, и что современемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю». Оставалось только примѣнить мысль о выкупѣ ко всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ; Якушкинъ это и сдѣлалъ: 8 февраля 1825 г. онъ отправился въ Москву, а 10 января 1826 года былъ арестованъ. Ожидая ареста, онъ нарочно положилъ на столъ листокъ съ вычисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ правительствомъ, надѣясь, что его возьмутъ во время обыска, и что онъ можетъ обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ. Онъ даже предложилъ арестовавшему его полицеймейстеру взять эти вычисленія съ собою, но тотъ сказалъ, что они ему «нисколько не нужны». На первомъ же допросѣ Якушкинъ заявилъ, что «всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи», что этотъ «узелъ... долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія», и что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ» ***).

регулированіи въ Познани отличался болѣе благопріятнымъ для крестьянъ характеромъ, сравнительно съ соотвѣтственными узаконеніями относительно старыхъ провинцій Пруссіи. Этимъ же закономъ въ Познани было введено и положеніе о выкупѣ 1821 г. Knapp, I. 206—208.

*) Арх. мин. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ № 136.

**) „Записки Якушкина", 43.

***) „Записки Якушкина", 1905 г., стр. 71, 79, 83. Что касается вычисленій Якушкина относительно выкупа крестьянъ во всей Россіи, то,

Любопытно, что Якушкинъ тогда еще ничего не зналъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева (стр. 83). Разсказъ Якушкина объ его предположеніяхъ слѣдуетъ сопоставить со свидѣтельствомъ Завалишина, что въ совѣщаніяхъ членовъ Сѣвернаго Общества «большинство мнѣній склонялось къ выкупу государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено» *). Если это показаніе справедливо, то отсюда слѣдуетъ, что эти члены Сѣвернаго Общества сознали необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ два предположенія въ Сѣверномъ Обществѣ относительно освобожденія крестьянъ съ землею: 1) общее обязательное освобожденіе крестьянъ съ двумя десятинами на дворъ безъ выкупа (Н. М. Муравьевъ) и 2) освобожденіе съ землею за выкупъ, уплаченный государствомъ. Имѣя въ виду, что Положеніе 19 февраля 1861 г. устанавливало и освобожденіе безъ выкупа въ размѣрѣ $^1/_4$ высшаго надѣла, и лишь необязательный выкупъ съ надѣленіемъ землею въ большемъ размѣрѣ, но почти всегда въ количествѣ, меньшемъ сравнительно съ тѣмъ, сколько до того находилось въ пользованіи крестьянъ, историкъ, желающій судить о декабристахъ не съ современной точки зрѣнія, а считаясь съ условіями эпохи Александра I, едва ли имѣетъ право презрительно относиться къ членамъ Сѣвернаго Общества и клеймить ихъ укоромъ, что они руководствовались въ этомъ дѣлѣ эгоистическими сословными интересами: вѣдь они писали не теоретическій трактатъ, а обсуждали вопросъ о томъ, что можно сдѣлать немедленно. Многое и очень важное въ этомъ дѣлѣ оставалось еще невыясненнымъ, но декабристы могли думать, что окончательное устраненіе всѣхъ затрудненій будетъ возможно съ завоеваніемъ политической свободы, въ чемъ ихъ долженъ былъ поддерживать и опытъ французской революціи, во время которой, слѣдуетъ замѣтить, отъ первоначальныхъ предположеній о выкупѣ феодальныхъ повинностей постепенно пришли къ уничтоженію требованія выкупа.

Въ Южномъ Обществѣ господствовали взгляды по крестьянскому вопросу Пестеля, и даже раздѣлявшіе мнѣніе по этому предмету

имѣя въ виду его дружественныя отношенія съ М. А. Фонъ-Визинымъ, возможно предположеніе, не отразились ли его взгляды на запискѣ Фонъ-Визина 1842 г. (по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ), въ которой онъ высказывалъ мысль, что можно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну съ согласія владѣльцевъ, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милліоновъ руб. серебромъ наличными деньгами и, кромѣ того, выпуская въ это время ежегодно на 30 милліоновъ облигацій и переводя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. „Библіотека декабристовъ". М. 1907 г. Вып. IV. 109—123; ср. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" II, 365—369.

*) „Русскій Вѣстникъ". 1884 г. № 2, стр. 844—845.

Н. Муравьева (какъ, напр., В. Л. Давыдовъ) считали себя обязанными подчиняться тому, что было принято ихъ обществомъ *), но, подобно тому, какъ во взглядахъ Н. Муравьева и Якушкина совершалась постепенно значительная прогрессивная эволюція, такъ и взгляды Пестеля не остались безъ измѣненія. По показаніямъ Н. Муравьева, въ первоначальномъ краткомъ наброскѣ его конституціи (на французскомъ языкѣ) Пестель предполагалъ постановить, чтобы всѣ помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общественное владѣніе половину земель помѣщиковъ, однако съ тѣмъ, чтобы они платили тотъ же оброкъ, какъ и прежде. Сопоставивъ это показаніе съ особымъ наброскомъ Пестеля о «дѣлежѣ земель», который, очевидно, долженъ былъ послужить матеріаломъ при окончательной обработкѣ «Русской Правды», мы можемъ думать, что и въ первоначальномъ наброскѣ дѣло шло не о половинѣ обрабатываемыхъ только земель, о половинѣ всѣхъ земель а помѣщиковъ, не исключая и лѣса. Замѣчательна мысль о передачѣ земли въ «общественное владѣніе» **), слѣдовательно, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно существовало, и съ введеніемъ его въ районѣ подворнаго владѣнія. Во всякомъ случаѣ, дѣло шло о серьезномъ обезпеченіи крестьянъ земельнымъ надѣломъ, и, даже въ этомъ первоначальномъ наброскѣ, планы Пестеля едва ли не благопріятнѣе для крестьянъ окончательныхъ предположеній Н. Муравьева.

Въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля (содержащемъ краткую программу его плана преобразованій), сохранившемся въ весьма неудовлетворительной копіи, послѣ изложенія устройства волостей и раздѣленія въ нихъ земель, сказано: «Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія въ положенное время, тѣ же сами откупаются, а дворовые—въ волости поступаютъ» ***). Такъ какъ въ «Русской Правдѣ» ничего не говорится о вознагражденіи помѣщиковъ за землю барщиной или оброкомъ, то очевидно, что составленіе Государственнаго Завѣта предшествуетъ извѣстной намъ редакціи «Русской Правды», и текстъ его, вѣроятно, ближе къ тому француз-

---

*) Напротивъ, въ Петербургѣ къ предложенію Пестеля о раздѣленіи земель относились очень не сочувственно. Ср. письмо Муравьева-Апостола къ брату Сергѣю. Довнаръ Запольскій „Мемуары декабристовъ", 270. Извѣстно отрицательное отношеніе къ мнѣніямъ Пестеля по этому предмету Н. И. Тургенева. La Russie et et les Russes, I, 129—130.

**) Такъ называетъ Пестель въ „Русской Правдѣ" общинное владѣніе; тотъ же терминъ, какъ мы видѣли, употребляли и Якушкинъ, и Н. Муравьевъ.

***) „Гос. Арх." I, В. № 445, л. 8—9.

скому наброску, о которомъ сообщаетъ въ своемъ показаніи Н. Муравьевъ и гдѣ говорится объ уплатѣ крестьянами прежняго оброка за половину помѣщичьихъ земель, получаемыхъ въ «общественное владѣніе».

Предположеній «Русской Правды» относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель такъ и не успѣлъ, къ величайшему сожалѣнію, окончательно обработать. И съ этимъ нужно считаться при обсужденіи его мнѣній по крестьянскому вопросу. Онъ выставилъ было здѣсь руководящее правило, что, при освобожденіи крестьянъ, дворяне не должны лишаться доходовъ, получаемыхъ съ своихъ помѣстій; но, на основаніи правилъ, указанныхъ въ особомъ наброскѣ о «дѣлежѣ земель» между помѣщиками и крестьянами, доходы нѣкоторыхъ изъ нихъ должны были значительно уменьшиться. Другимъ основнымъ принципомъ «Русской Правды» было требованіе, чтобы освобожденіе доставило крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу» даровало бы имъ, чтобы «положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано». Для выработки такого постановленія верховное правленіе должно было возложить на дворянскія собранія обязанность представить свои проекты и затѣмъ изъ всѣхъ ихъ «выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести». Нельзя, слѣдовательно, толковать это мѣсто такимъ образомъ, что крестьянская реформа отдавалась въ руки дворянскихъ собраній: ихъ проекты должны были дать только матеріалъ для Верховнаго Правленія, а такъ какъ «Русская Правда», по мысли Пестеля, являлась «вѣрнымъ наказомъ, какъ для народа, такъ и для временнаго правленія», и должна была быть обнародована (какъ прибавленіе къ манифесту сената), то, слѣдовательно, авторъ ея сознавалъ, что онъ долженъ дать верховному правленію болѣе опредѣленныя директивы для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Государственномъ Завѣтѣ предполагалось начать дѣло крестьянской реформы «въ казенныхъ *имѣніяхъ* и волостяхъ», при чемъ «земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею», т. е. барщиною. Къ числу казенныхъ крестьянъ Пестель относилъ не только государственныхъ или экономическихъ, но и арендныхъ со старостинскими и удѣльныхъ *). У всѣхъ названныхъ крестьянъ «Русская Правда» устанавливаетъ раздѣлъ земель на двѣ равныя части между крестьянами каждой волости и казною, при чемъ одна половина должна была быть отдана «подъ названіемъ общественной

*) Съ бытомъ арендныхъ крестьянъ онъ могъ познакомиться во время своей службы въ Митавѣ въ 1814 — 18 гг., а жизнь удѣльныхъ крестьянъ могъ наблюдать въ Смоленской губ., гдѣ въ Краснинскомъ уѣздѣ находилось имѣніе его родителей. Такъ, напр., извѣстно, что Пестель гостилъ въ имѣніи отца въ 1824 г. Н. П. Павловъ-Сильванскій. „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“, 18.

земли волостному обществу», а другая оставалась бы собственностью казны. За общественную землю крестьяне должны были платить (по одному варіанту «Русской Правды») оброкъ въ теченіе 10—15 лѣтъ, а затѣмъ взиманіе его прекращалось *), казенную же землю они могли брать въ аренду. Сопоставивъ это правило съ показаніемъ Н. Муравьева о французскомъ набросkѣ и съ Государственнымъ Завѣтомъ, мы полагаемъ, что оброкъ, предложенный Пестелемъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ наброскѣ, они должны были платить не безконечно, а «положенное время», до выкупа земли: въ «Государственномъ Завѣтѣ» прямо сказано, что «у нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею» **). Какъ бы то ни было, при новой, незаконченной обработкѣ «Русской Правды», Пестель, какъ видно изъ наброска о дѣлежѣ земель, предлагалъ уже иной способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, основными принципами котораго являлись, смотря по большему или меньшему обилію земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или безвозмездное принудительное отчужденіе половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 десятинъ на душу), или вознагражденіе дворянъ за отобранныя у нихъ земли, хотя и не всегда въ полной мѣрѣ ***), казенною землею ****) или деньгами изъ казны. Къ сожалѣнію, эта идея не была детально разработана; о ней свидѣтельствуетъ только отдѣльный набросокъ о «дѣлежѣ земель», въ которомъ указаны мѣры лишь относительно имѣній въ 1000 душъ и болѣе. Набросокъ этотъ доказываетъ, что процессъ выработки Пестелемъ проекта освобожденія крестьянъ былъ далеко не законченъ *****). Очевидно, мы не имѣемъ окончальной формулировки взглядовъ Пестеля относительно способовъ уничтоженія крѣпостного права, но, во всякомъ случаѣ, онъ ставилъ на первый планъ

*) По другому варіанту половина земли сразу отдавалась волостному обществу, съ тѣмъ условіемъ, что оно не должно имѣть права ни продавать, ни закладывать эту землю, „ибо она есть собственность неприкосновенная".

**) Судьба казенныхъ заводскихъ крестьянъ устраивалась въ „Русской Правдѣ" такимъ образомъ: они замѣнялись вольнонаемными или преступниками, а сами составляли волости на подобіе казенныхъ крестьянъ, при чемъ, въ случаѣ надобности, производились переселенія.

***) Вознагражденіе производилось не въ полной мѣрѣ, если въ имѣніи было болѣе 5 и менѣе 10 десятинъ на душу.

****) Вознагражденіе помѣщиковъ казенною землею примѣнялось правительствомъ въ Слободско-Украинской губерніи при принудительномъ отчужденіи ихъ земель подъ военныя поселенія. Полн. Собр. Зак. т. XXXIV, № 26860.

*****) Нужно замѣтить что, при отобраніи въ пользу общества земель „вольныхъ земледѣльцевъ" (вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и др.), у которыхъ земли каждой волости предполагалось также раздѣлить пополамъ на общественныя и частныя, они всегда должны были получать по „Русской Правдѣ" вознагражденіе деньгами или казенною землею.

широкое обезпеченіе крестьянъ земельнымъ надѣломъ съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

По словамъ Пестеля, существовало (въ Западной Европѣ) два мнѣнія относительно аграрнаго вопроса: одни считали землю общею собственностью всего человѣческаго рода и потому полагали, что если «существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ»; другіе признавали частную собственность на землю, какъ слѣдствіе труда, вложеннаго въ ея обработку. Находя, что въ обоихъ мнѣніяхъ много справедливаго, онъ думалъ воспользоваться выгодами того и другого, раздѣливъ землю каждой волости на двѣ половины и сдѣлавъ одну изъ нихъ общественною собственностью, а другую оставивъ въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ или казны. Мною уже было указано *) на близость къ аграрнымъ идеямъ Пестеля предположеній, высказанныхъ въ брошюрѣ «О собственности», изданной въ Парижѣ въ 1791 г. и принадлежащей, по мнѣнію извѣстнаго историка французской революціи Олара, перу аббата де Курнана. Нельзя доказать, чтобы эта брошюра была извѣстна Пестелю **), но, во всякомъ случаѣ соціальныя идеи, высказанныя во время французской революціи, а также и взгляды французскихъ писателей вообще оказали на него большое вліяніе.

Ему, вѣроятно, была извѣстна теорія собственности физіократовъ, признающихъ ее священнымъ и неприкосновеннымъ продуктомъ труда. Съ трибуны якобинскаго клуба передѣлъ земель объявлялся утопіею; въ теченіе господства якобинцевъ право частной собственности неоднократно провозглашалось священнымъ, и вообще всѣ правительства въ теченіе революціи громко заявляли о своемъ уваженіи къ частной собственности.

Но въ то же время Робеспьеръ и большинство другихъ дѣятелей французской революціи видѣли въ собственности лишь «созданіе общества», соціальный институтъ, и потому утверждали, что она подлежитъ всѣмъ необходимымъ ограниченіямъ, а основанный въ 1790 г. Соціальный Кружокъ въ своемъ органѣ «Bouche de fer», извѣстномъ нѣкоторымъ и въ Россіи (напр., гр. Дмитріеву-Мамонову), проводилъ въ рѣчи аббата Фоше мысль, что право государ-

*) „Былое" 1906 г. № 3, стр. 185.

**) Аббатъ Antoine de Cournand (1747—1814) былъ профессоромъ литературы въ Collège de France. Онъ вполнѣ сочувственно относился къ революціи, въ 1790 г. принялъ конституціонную присягу, а въ 1791 г. женился. Изъ воспоминаній И. А. Раевскаго („Ист. Вѣстн." 1905 г. № 8) видно, что въ 1825 г. въ Петербургѣ имѣли пансіонъ три брата de Cournand; одинъ изъ нихъ, человѣкъ „честный и дѣльный", обучалъ древнимъ языкамъ. Быть можетъ, это были дѣти Антуана де Курнана (одинъ изъ нихъ даже носилъ имя Антуана). Если это такъ, то у нихъ могли быть сочиненія отца, и это могло облегчить знакомство съ ними Пестеля.

ства относительно собственности выше правъ всѣхъ другихъ лицъ. Гораздо рѣже высказывалась мысль объ общности имуществъ: кружкомъ Бабёфа и немногими его предшественниками; мысль же объ общественномъ владѣніи землею высказана была ранѣе въ книгѣ Морелли: «Code de la nature», которая приписывалась тогда Дидро.

Пестель признавалъ за всѣми право на существованіе и возлагалъ на государство обязанность дать каждому возможность осуществить это право. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователемъ идей, высказанныхъ во время французской революціи (впрочемъ, эту мысль можно найти и у Монтескье). Такъ, Робеспьеръ утверждалъ, что одна изъ самыхъ настоятельныхъ обязанностей общества заключается въ обезпеченіи существованія всѣхъ его членовъ, въ видѣ ли доставленія имъ работы или снабженія средствами существованія лицъ, неспособныхъ къ труду. По мнѣнію аббата Фоше, сотрудника «Bouche de fer», каждый человѣкъ, «естественно, имѣетъ право на все то, что для него необходимо». Конституція 1793 г. предоставляетъ народу право на трудъ; издается цѣлый рядъ декретовъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить ему пользованіе этимъ правомъ. Отсюда не трудно было сдѣлать выводъ о правѣ каждаго человѣка на участокъ земли. И, дѣйствительно, Фоше говоритъ, что «человѣкъ долженъ чувствовать себя верховнымъ хозяиномъ земли», «долженъ имѣть неотъемлемое право на извѣстную ея долю», обезпечивающую ему существованіе. Сенъ-Жюстъ утверждалъ, что «нельзя уничтожить нищеты, если не предоставить каждому гражданину земельный надѣлъ»; необходимо «уничтожить нищенство посредствомъ раздачи національныхъ имуществъ бѣднякамъ». Слѣдствіемъ этого было требованіе раздѣлить всю землю или извѣстную часть ея на равные участки, а чтобы неравенство не возобновилось, они должны быть неотчуждаемыми, недѣлимыми и находиться въ пожизненномъ владѣніи. Въ брошюрѣ «О собственности» (вѣроятно, аббата де-Курнана) предлагалось отдѣлить $^1/_3$ земель, которыя сдавались бы въ аренду, и арендная плата покрывала бы весь бюджетъ государства. Изъ остальныхъ земель каждый французъ имѣлъ бы участокъ въ $4^1/_2$ арпана (арпанъ нѣсколько менѣе $^1/_2$ десятины) въ пожизненномъ пользованіи, который могъ бы и сдавать въ аренду. За всеобщій раздѣлъ земель высказывались и другіе, напримѣръ, Шабо. Наша земельная община дала Пестелю возможность предложить ежегодный передѣлъ общественныхъ земель въ каждой волости*) (около 1000 душъ). Какъ мы видѣли, по одному, вѣроятно позднѣйшему, варіанту «Русской Правды», земля, отданная волости, должна была составлять ея неотчуждаемую собственность**) Съ уничтоженіемъ сословій

*) Впрочемъ, во французской брошюрѣ Делакруа, изданной во время революціи, брошена мысль и объ ежегодномъ общемъ передѣлѣ земель.

**) По „Запискѣ о государственномъ правленіи" Пестеля земля въ

каждый приписывался къ какой-либо волости, хотя бы посвящалъ себя и другимъ занятіямъ, и имѣлъ право на земельный участокъ, При передѣлѣ земли можно было просить не болѣе одного семейнаго участка (для мужа, жены и троихъ дѣтей), но требованія болѣе бѣдныхъ предпочитались требованіямъ болѣе богатыхъ *) Опасеніе возможности возникновенія современемъ слишкомъ большого земельнаго неравенства между волостями Пестель, повидимому, надѣялся устранить посредствомъ переселеній. Онъ полагалъ, что переселяться будутъ лишь тѣ, которымъ нельзя будетъ получить столько общественныхъ участковъ въ своей волости, сколько бы они пожелали, т. е. люди болѣе зажиточные. Планы Пестеля относительно аграрныхъ преобразованій, несмотря на признаніе имъ и частной собственности, нельзя не считать первыми зачатками соціализма въ Россіи.

Менѣе рѣшительные преобразователи во время французской революціи требовали не всеобщаго раздѣла земель, а только ограниченія размѣра земельныхъ владѣній каждаго, при чемъ, однако, допускали существованіе значительныхъ помѣстій. Надъ мыслью объ установленіи maximum'а размѣра частновладѣльческихъ земель задумывался членъ Южнаго Общества, Крюковъ 2-й. Сдѣлавъ выписку изъ французскаго перевода біографіи Гракховъ Плутарха, Крюковъ говоритъ въ своихъ набросках: «Всякій гражданинъ имѣетъ право объявить правительству, что такой-то гражданинъ нарушаетъ законъ, обладая свыше позволеннаго имѣніемъ подъ чужимъ именемъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Кто достигнетъ до количества положеннаго законами имѣнія и захочетъ имѣть больше того, отрѣшить отъ должностей» **). У Пестеля мы встрѣчаемъ упоминаніе о мнѣніяхъ философа Платона относительно законодательства. Борисовъ 2-й, основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, ранѣе увлекался республикою Платона и желалъ осуществленія ея на дѣлѣ. Во время французской революціи, какъ извѣстно, также оказывали сильное вліяніе античные образцы ***).

Вопросъ о томъ, былъ ли Пестель знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями Фурье, Сенъ-Симона и Оуэна, остается открытымъ. Но если принять во вниманіе, что Лунинъ имѣлъ въ Парижѣ личныя сношенія съ Сенъ-Симономъ въ 1816 году, а кн. Ѳ. П. Ша-

---

Донскомъ и Аральскомъ удѣлахъ должна принадлежать казачьимъ станицамъ. По „Русской Правдѣ" въ Донскомъ удѣлѣ „вся земля есть общая принадлежность, и всѣ казаки составляютъ только одно сословіе", а аральскіе казаки устраиваются по образцу донскихъ.

*) Если вѣрить „Приложенію къ докладу слѣдственной коммиссіи", по разсчету Пестеля приходилось не болѣе 5 десятинъ на душу „Рус Арх." 1875 г., т. III, 436.

**) Гос. Арх., I В. № 408, л. 19—20.

***) Лихтенберже. „Соціализмъ и французская революція", перев. съ франц. Стеклова. Спб. 1907 г.

ховской, отправляясь въ крѣпость, захватываетъ съ собою сочиненіе Оуэна, то въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ ихъ идеяхъ онъ могъ бы найти подкрѣпленіе для своей мысли о преобладающемъ значеніи права на землю (а слѣдовательно, и занятія сельскимъ хозяйствомъ), которую онъ высказалъ въ «Русской Правдѣ» *).

Но было бы неправильно думать, что Пестель, удѣляя главное вниманіе (какъ онъ самъ говорилъ А. Поджіо) устройству волостей и вопросу освобожденія крестьянъ, забывалъ объ интересахъ рабочихъ; онъ, напротивъ, стремился сдѣлать ихъ болѣе независимыми, предоставивъ имъ право на землю. Въ неизданномъ французскомъ отрывкѣ труда, предшествующаго «Русской Правдѣ», онъ говоритъ: «Бѣдный живетъ только своимъ трудомъ; богатый—своими помѣстьями, своими капиталами. Бѣдный не можетъ отсрочить полученіе своего заработка, такъ какъ, не имѣя другого капитала, кромѣ своего труда, онъ умираетъ съ голоду, если у него нѣтъ работы. Богатый можетъ получить свои доходы и позднѣе, жить нѣкоторое время капиталомъ и такимъ образомъ понудить бѣднаго принять всѣ условія, какія ему будутъ предложены, чтобы только имѣть работу. То, что одинъ можетъ ждать, а другой этой возможности не имѣетъ, составляетъ причину многихъ золъ. Изъ этого видно, что, чѣмъ менѣе будетъ людей, живущихъ только своимъ трудомъ, т. е. чѣмъ менѣе будетъ поденщиковъ, тѣмъ менѣе будетъ несчастныхъ. Но такъ какъ, несмотря на самые лучшіе законы и учрежденія, всегда будутъ поденьщики, то правительство должно оградить ихъ отъ произвола богатыхъ и не забывать, что несчастные бѣдняки также бываютъ больными, немощными, старѣютъ и, наконецъ, не могутъ зарабатывать свое скудное пропитаніе. Я указалъ на источникъ зла. Уничтоженіе его составляетъ обязанность высшихъ государственныхъ сановниковъ. Я очень хорошо знаю, что всѣ аристократы, какъ титулованные, такъ и денежные, возстанутъ противъ этихъ принциповъ, но геній зла дозволялъ-ли когда либо предлагать добро и не объявлялъ ли онъ всегда войну не на животъ, а на смерть, тѣмъ болѣе ожесточенную и упорную, чѣмъ о болѣе значительныхъ интересахъ шло дѣло. Пусть правительство, пожелавшее вступить на столь благородный путь, не обращаетъ вниманія на ихъ крикливыя обвиненія. Любовь и благословенія всего народа вполнѣ защитятъ его отъ безсильной ненависти нѣсколькихъ порицающихъ его эгоистовъ **).

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) См. статью Н. С. Русанова „Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій. «Минувшіе годы» 1908 г. № 5—6, стр. 35.

**) Гос. Арх. I В., № 10, отрывокъ на франц. языкѣ, л. 20.

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго **А. М. Брумберга.**

XVIII.

Когда Эрнстъ рано утромъ слѣдующаго дня позвонилъ въ квартиру Шлехтендаля, ему открылъ дверь не его пріятель, какъ обыкновенно въ это время, и не старикъ-портной, а дѣвочка-служанка, которая съ безсмысленной улыбкой спросила:

— Что угодно?

— Дома Августъ?

— Онъ боленъ.

— Что съ нимъ?

— Не знаю.

— Нельзя ли его видѣть?

— Нѣтъ, нельзя.

— Отчего?

— Этого я не знаю.

— А гдѣ господинъ Шлехтендаль?

— Его нѣтъ.

— А госпожа Шлехтендаль?

— Она только что ушла.

— Такъ пустите меня въ комнату Августа. Мнѣ необходимо поговорить съ нимъ.

— Но мнѣ не велѣли. Да его и дома нѣтъ совсѣмъ.

— Что? Развѣ? Вы вѣдь сказали, что онъ боленъ.

— Да, госпожа Шлехтендаль сказала, что мальчикъ боленъ. А потомъ они ушли. Больше я ничего не знаю.

Въ неописуемомъ безпокойствѣ Эрнстъ побѣжалъ въ гимназію. Но и здѣсь Августа не было. Учитель Закона Божія, который давалъ первый урокъ, просто записалъ въ дневникъ: „Нѣтъ, по неизвѣстной причинѣ“. Этимъ вопросъ былъ

исчерпанъ для всѣхъ, кромѣ Эрнста. Послѣднему же предстояло пережить четыре мучительныхъ, безконечныхъ часа, пока къ нему среди всѣхъ треволненій не явилась вдругъ мысль, что съ его другомъ не можетъ собственно случиться ничего страшнаго. Вѣдь онъ совершенно невиненъ, и онъ, Эрнстъ, сознается во всемъ.

Какъ только онъ уяснилъ себѣ это, онъ тотчасъ же успокоился. Съ наслажденіемъ самобичеванія онъ началъ представлять себѣ, что можетъ послѣдовать послѣ его признанія, какая кара можетъ постичь его. Но у него явилось еще и другое представленіе, поразившее его горькимъ стыдомъ и подавляющимъ сознаніемъ виновности. Передъ его духовнымъ взоромъ разомъ предсталъ мучительный вопросъ: „Что? Неужели я это дѣйствительно сдѣлалъ? Неужели это возможно? Неужели?“

Это произошло въ тотъ моментъ, когда онъ представилъ себѣ лицо матери, ея взглядъ, ея ужасъ, когда онъ сознается во всемъ отцу. Она, которая своими удивительными глазами умѣла видѣть и то, чего другіе не замѣчали, она пойметъ и эту его выходку злобнаго изувѣрства, она почувствуетъ, что, разрушая фонтанъ, который былъ, въ сущности, ея собственностью и, во всякомъ случаѣ, ея любимымъ дѣтищемъ, онъ хотѣлъ нанести ударъ именно ей. Да, противъ нея были направлены удары его молотка. Ей онъ хотѣлъ нанести оскорбленіе... И она это почувствуетъ, если онъ и не сознается въ этомъ...

И за что, за что? Въ чемъ она передъ нимъ провинилась? Съ мучительнымъ напряженіемъ, съ истерзаннымъ сердцемъ онъ еще разъ прошелъ по запутаннымъ стезямъ своей мятежной души. Что собственно произошло такое? Въ годовщину смерти его матери они собирались пойти на вечеръ. Вотъ что привело его въ такую бѣшенную ярость. Но чѣмъ была ей покойница, которой она и не знала даже? Но и отецъ его забылъ про годовщину и пилъ шампанское въ тотъ день. „А ты,—нашептывалъ ему насмѣшливый голосъ,—а ты, ты самъ, развѣ ты не забылъ про годовщину?! Развѣ твоя вина меньше, простительнѣе, чѣмъ вина твоихъ родителей?! Почему ты взбѣсился на нихъ, а не на себя?“

Вершина чужой вины, на которой онъ стоялъ столь увѣренной ногой съ такимъ непоколебимымъ чувствомъ своей правоты, вдругъ треснула и разсыпалась, точно песокъ. Передъ нимъ во всемъ ужасѣ предстало его безуміе. Его рука была еще какъ будто парализована и вся горѣла отъ той ужасной силы, съ которой онъ сжалъ вчера молотокъ, а то, что онъ совершилъ, казалось ему уже не геройскимъ

подвигомъ, а непонятной, преступной злобой противъ человѣка, который оказывалъ ему одно лишь добро.

Хотя на собраніи, кромѣ Эрнста Брооха и Августа Шлехтендаля, тайно присутствовало лишь нѣсколько учениковъ, тѣмъ не менѣе, къ десятичасовой перемѣнѣ вся гимназія уже знала всѣ подробности вчерашняго скандала. Изуродованіе фонтана вызвало всеобщее возмущеніе, и неизвѣстнаго злоумышленника надѣляли всѣми оскорбительными эпитетами, какіе только были извѣстны этой пестрой толпѣ мальчиковъ. Нѣкоторые утверждали, что это былъ, вѣрно, пьяный, но, въ общемъ, всѣ склонялись къ тому, что это былъ одинъ изъ членовъ „Евангелическаго рабочаго союза", въ которомъ Дистеркампъ является почетнымъ предсѣдателемъ. Мальчики тутъ же отпускали всякія остроты по адресу пастора, и все время не прекращался громкій смѣхъ. Но еще большее веселье возбуждали скандалезныя похожденія Мими фрейлейнъ Дюмелингъ. Кто изъ нихъ не встрѣчалъ ихъ обѣихъ на улицѣ, кто не наблюдалъ похожденій Мими? Эти сцены, а также масляничныя приключенія кондитера Батге не могли не дать школьникамъ темъ для щекочущихъ разговоровъ и пикантныхъ замѣчаній.

Что же касается несчастія господина Рингеля, насчетъ котораго были пущены въ ходъ разныя шутливыя предположенія, то аптекарь нашелъ четырехъ храбрыхъ защитниковъ въ лицѣ своихъ сыновей, учениковъ приготовительнаго, перваго, третьяго и четвертаго классовъ. Эти его защитники, болѣе храбрые, чѣмъ ихъ робкій родитель, готовы были дать въ зубы каждому, кто посмѣетъ усомниться въ томъ, что ихъ папа отнюдь не упалъ въ обморокъ, а поскользнулся вслѣдствіе сломавшейся ножки стула. Такъ какъ они подкрѣпляли свое убѣжденіе кулаками, то имъ очень скоро повѣрили. Только самый старшій зашелъ слишкомъ далеко въ своей смѣлости, объявивъ себя защитникомъ всего „комитета нравственности", за что онъ былъ поставленъ подъ насосъ, дабы охладить его „нравственную горячку", ибо „нравственность" въ это утро была на плохомъ счету у мальчиковъ: она попросту „потеряла кредитъ", какъ выразился Фрицъ фонъ-Люне.

Еще два урока, математика и нѣмецкій языкъ, и—катастрофа разразится... Мальчикъ, подпирая руками тяжелую голову, по временамъ вяло потиралъ лобъ, на которомъ точно колючія иглы, выступали капли холоднаго пота. Какимъ смѣшнымъ казалось ему теперь поведеніе господина Шнеллера, какимъ глупымъ казался ему его собственный страхъ передъ этими злобными, водянисто-голубыми глазами,

которые бѣгали во всѣ стороны, между тѣмъ, какъ въ насмѣшливо открытомъ рту шевелился языкъ, выговаривающій вяло растянутыя слова:

— Такъ къ доскѣ... ммм...

Слѣдовала пауза, во время которой не у одного изъ учениковъ громко билось сердце: „Ну, скорѣе ужъ мое имя!"—„Мнѣ наплевать!" — думалъ на этотъ разъ Эрнстъ. Но Шнеллеръ точно выпалилъ другое имя, и карандашъ въ его рукѣ съ искусанными ногтями, съ быстротою молніи, указалъ на другого ученика. Эрнстъ опять ушелъ въ себя.

Онъ свалился бы подъ тяжестью позора и осужденія, которыми его безсознательно осыпали товарищи, если бъ не насмѣшливая озлобленность, которая поддерживала его, точно желѣзная опора.

Ахъ, всѣ они, сидящіе здѣсь, не желающіе пресытиться ругательствами и поношеніями, что они такое, и что они знаютъ? Что знаютъ они о томъ, какъ совершилось это злодѣяніе? Теперь, при этомъ всеобщемъ осужденіи, онъ нашелъ защитника въ своемъ собственномъ лицѣ и, успокоившись немного, съ холодной ясностью воспроизвелъ состояніе своей души, увидѣлъ, какъ одно вытекало изъ другого: слова дяди, его борьба, дикое возбужденіе собранія, его собственное волненіе. Такъ должно было кончиться. Да, да... Но это, разумѣется, мало помогаетъ. Изъ-за этого никто, разумѣется, не сочтетъ его поступокъ болѣе простительнымъ.

Раздался звонокъ. Послѣ короткой перемѣны явился профессоръ Мартини. Часовая стрѣлка подвигалась впередъ. Всего еще сорокъ минутъ. „Wir reiten still, wir reiten stumm. Und reiten ins Verderben"... *). Эти слова не выходили у него изъ головы. Они, точно тихій напѣвъ, звучали во всемъ, о чемъ онъ думалъ.

Къ концу урока, который профессоръ далъ съ меньшимъ оживленіемъ и интересомъ, чѣмъ обыкновенно, Мартини попросилъ Эрнста пойти съ нимъ, такъ какъ ему нужно завернуть къ его отцу.

Когда они быстрыми шагами проходили мимо остальныхъ учениковъ, старикъ положилъ свою руку на голову мальчика и спросилъ:

— Ты знаешь, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, а въ чемъ?

— Ну, ну... ты скоро узнаешь... Позоръ,—прибавилъ онъ, бормоча.

Еще нѣсколько выраженій, какъ: „Этого еще не доста-

*) „Мы ѣдемъ тихо, ѣдемъ безмолвно и ѣдемъ навстрѣчу гибели".

вало"... „Тутъ всякій встрѣчный и поперечный начнетъ колотить"... „Взвалить на этого бѣднаго парня вину"... „Старый грѣшникъ"... встрѣчались въ отрывистомъ монологѣ, которымъ старикъ Мартини коротал'ь дорогу до дома Броховъ.

Эрнстъ позвонилъ, пропустилъ впередъ профессора, которому прислуга указала на лѣвую комнату, и, рѣшивъ сознаться во всемъ, послѣдовалъ за нимъ. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ произнести хоть одно слово, раньше, чѣмъ успѣлъ разглядѣть пеструю компанію, господина Пампуха и Богъ вѣсть кого еще на плетеныхъ стульяхъ, онъ уже услышалъ произнесенныя съ какой-то дикой энергіей слова Августа:

— Вотъ онъ самъ! Онъ можетъ подтвердить, что онъ ни о чемъ не знаетъ.

— Замолчишь ты, негодный мальчишка! — накинулся на него отецъ, поднявъ руку и остановивъ ее въ небезопасной близости отъ лѣвой щеки своего отпрыска, лицо котораго приняло уже цвѣтъ варенаго рака.

— Ради Бога, успокойтесь, успокойтесь, господинъ Шлехтендаль,—упрашивала госпожа Броохъ, хватая его за руку.

— Пусть онъ не двигаетъ руками. Что ты дѣлаешь пальцами? Протяни ихъ, не то...

Эрнстъ невольно обратилъ вниманіе на руку Августа, протянутый большой палецъ которой усердно двигался туда и сюда, что на языкѣ мальчиковъ означало: „Держать языкъ за зубами, ни въ чемъ не сознаваться!"

— Здравствуй, Эрнстъ,—сказалъ Августъ, дерзко кивая своему другу.

Эрнстъ подалъ руку матери, которая съ такою силою сжала ее, что онъ почувствовалъ какъ-бы острую боль во всемъ тѣлѣ, потомъ поздоровался съ отцомъ Августа, который отвѣтилъ на его рукопожатіе озабоченнымъ: „ахъ, мальчикъ, мальчикъ!", потомъ поклонился чужому господину, судебному коммиссару, въ насмѣшливо мигающихъ за очками глазахъ котораго можно было прочесть: „Эй, паренекъ, ужъ мы вытянемъ изъ тебя твои секреты", или что-нибудь подобное. Кивнувъ, наконецъ, и Пампуху, онъ подалъ руку отцу. Коммерціи совѣтникъ строго указалъ ему на стулъ и коротко сказалъ:

— Сядь здѣсь.

Но раньше, чѣмъ сѣсть, Эрнстъ подошелъ еще и къ своему другу, чтобъ пожать его руку.

Всѣ безъ исключенія состроили серьезныя лица.

Но самое торжественное и важное выраженіе придалъ своему лицу Пампухъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ огромный

глобусъ. Лицо Пампуха было столь-же красно, какъ синь былъ глобусъ, и лишь немногимъ меньше глобуса была его голова. Такъ какъ онъ сильно потѣлъ послѣ изряднаго количества алкоголя, поглощеннаго имъ еще съ утра, то ему поминутно приходилось вытирать лобъ и лицо, для чего ему служила скомканная замшевая перчатка. Онъ старался дышать по возможности сдержанно и безшумно, но это ему плохо удавалось, и при каждомъ дыханіи закрученные кверху волосики его усовъ приходили въ движеніе.

Однако, самой интересной фигурой, на которую поминутно обращались всѣ взоры, былъ Августъ Шлейхтендаль. Его обычно миролюбиво-вялое, немного дряблое лицо было совершенно измѣнено выраженіемъ злобнаго, дикаго упорства. Къ тому же, въ его недовѣрчиво блуждающихъ глазахъ мелькало нѣчто вродѣ хитрости преступника.

И, дѣйствительно, со вчерашняго вечера съ нимъ обращались, какъ съ преступникомъ. Послѣ того, какъ онъ былъ схваченъ Памнухомъ, его потащили прямо въ полицію. Но тутъ ни ругательства, ни угрозы не могли его склонить ни къ какому признанію. Больше часу нѣсколько чиновниковъ бились съ нимъ, пока онъ соизволилъ назвать себя.

Потомъ, когда около трехъ часовъ ночи призвали старика Шлехтендаля, началась новая исторія. Когда Пампухъ разсказалъ, какъ онъ во время обхода улицъ, дошедши до базара, застигъ мальчика на мѣстѣ преступленія, какъ онъ сначала тихо подкрался, потомъ съ размаху перескочилъ черезъ край фонтана и стащилъ ничего не подозрѣвавшаго злоумышленника, когда Пампухъ все это разсказалъ, къ Августу вдругъ вернулся даръ слова, и онъ далъ совершенно другое описаніе происшествія. Не онъ, а какой-то неизвѣстный мужчина разбилъ фонтанъ и онъ, Августъ, хотѣлъ было стащить того... Неизвѣстный мужчина! Этотъ незнакомецъ вызвалъ насмѣшливый хохотъ всѣхъ чиновниковъ, присутствовавшихъ въ канцеляріи полиціи.

— Эти штуки мы знаемъ, паренекъ! Это оговорка всѣхъ васъ, хитрецовъ. Но это тебѣ не поможетъ. Тебя застали in flagranti. Враками своими ты еще хуже запутаешься.

Вотъ, что ему отвѣчали. Но ни эти насмѣшки, ни хитрыя обѣщанія не въ состояніи были сломить его упорство. Онъ, наоборотъ, иронически спросилъ Пампуха: „развѣ, подкрадываясь, надо раньше свистнуть? Не помнитъ-ли онъ, какъ онъ на бѣгу споткнулся о свою шашку и растянулся во весь ростъ?“

Но Пампухъ заявилъ, что и свистокъ, и паденіе такая-же выдумка, какъ неизвѣстный мужчина.

Пришлось, такимъ образомъ, отпустить и отца, и сына, но

утромъ допросъ возобновился; госпожа Шлехтендаль въ своей материнской озабоченности побѣжала къ своему женатому сыну, который подалъ мудрый совѣтъ—обратиться къ Брооху.

Вотъ почему дальнѣйшіе допросы были перенесены въ домъ коммерціи совѣтника. Но тутъ и на Эрнста пало подозрѣніе въ соучастіи. Ибо, когда госпожа Броохъ узнала отъ своего мужа о происшествіи, она неосторожно проронила слова: „Если это только не былъ Эрнстъ". Потомъ она сейчасъ-же спохватилась и всячески старалась устранить это подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, доказано было одно: Эрнстъ вмѣстѣ со своимъ другомъ былъ на собраніи. Коммерціи совѣтникъ, крайне взволнованный, сказалъ уже чиновнику, что онъ не успокоится, пока эта подлость не будетъ выведена на чистую воду. И, если даже будетъ скомпрометированъ его собственный сынъ, пусть виновные не избѣгнутъ кары!

Итакъ, рѣшено было подвергнуть Эрнста перекрестному допросу, для котораго Пампухъ заготовилъ нѣсколько съ виду чрезычайно невинныхъ, но на самомъ дѣлѣ крайне коварныхъ вопросовъ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда этотъ хитроумный планъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, профессоръ Мартини разстроилъ всѣ приготовленія: онъ пересталъ шептаться съ господиномъ Броохомъ, съ присущей ему молодцоватой манерой подошелъ къ Пампуху и крикнулъ:

— Послушайте-ка, все, что говорилъ здѣсь Августъ Шлехтендаль, мнѣ кажется очень вѣроятнымъ. Гораздо болѣе понятнымъ, чѣмъ...

— Господинъ профессоръ,—прервалъ его Пампухъ.

— Да, позвольте, я классный наставникъ мальчика и поэтому могу кое-что сказать.

— Господинъ профессоръ, даю слово чиновника...

— А, если дѣло въ словѣ чиновника — ибо и я чиновникъ такъ же, какъ вы,—если вы меня спросите, чему я вѣрю: тому-ли, что мальчикъ самъ разбилъ фонтанъ, или тому, что онъ помѣшалъ другому сдѣлать это, тогда я положу свою руку (при этихъ словахъ онъ поднялъ свою руку передъ лицомъ Пампуха) въ огонь (онъ положилъ руку на правое плечо его), что правда послѣднее. Мальчикъ не могъ этого сдѣлать.

— И не сдѣлалъ,—подтвердилъ Августъ.

— Господинъ профессоръ...

— Да позвольте же...

— Но, господинъ профессоръ, если я все-таки поймалъ его in flagranti! Если я все-таки самъ видѣлъ!

— Да мало-ли, что иной разъ кажется! Представьте себѣ

только (онъ при этомъ повернулъ Пампуха къ окну), что онъ стоялъ на той сторонѣ, вы пришли оттуда—тогда едва-ли вы могли его увидѣть.

— Но вѣдь я бы видѣлъ, какъ онъ удиралъ.

— Въ потьмахъ!

— Вѣдь горѣли три лампочки, — насмѣшливо вставилъ коммиссаръ.

— И потомъ я васъ спрашиваю, чѣмъ мальчикъ совершилъ преступленіе. Долженъ же былъ онъ имѣть что-нибудь въ рукѣ!

— Да, corpus delicti!—возразилъ Пампухъ и, кряхтя, вздохнулъ.

Въ этомъ-то и былъ слабый пунктъ всего его утвержденія. Не было corpus'a delicti.

— Если-бъ онъ бросилъ что-нибудь, вы бы должны были замѣтить паденіе. Почему же вы ничего не подняли?

— Я думаю, онъ сдѣлалъ это ножомъ, — сказалъ Пампухъ.

На столѣ, среди другихъ вещей, найденныхъ въ карманахъ Августа, лежалъ массивный ножъ въ роговой оправѣ. Но учитель Мартини взялъ его въ руки и съ презрѣніемъ осмотрѣлъ его.

— Вѣдь вы, господинъ Пампухъ, сами не вѣрите тому, что этимъ ножомъ можно отрубить мраморную руку... Питаю всяческое уваженіе къ вашей бдительности. Она заслуживаетъ всеобщаго признанія. А то, что вы поймали какъ разъ не того, кого слѣдовало, это только несчастная случайность.

Эти слова прозвучали въ ушахъ толстаго полицейскаго, въ жизни своей не слыхавшаго еще такой похвалы, точно музыка, и его торжествующее выраженіе лица не могло скрыть проблеска польщеннаго самолюбія. Но пойманнаго in flagranti преступника онъ все-таки не хотѣлъ уступить. Ибо если этотъ мальчикъ попадетъ на скамью подсудимыхъ; если въ газетѣ будетъ напечатано, что онъ, Пампухъ, столь часто осмѣиваемый и подозрѣваемый, поймалъ его,—тогда его слава утвердится, и никто во всемъ околоткѣ не посмѣетъ уже сказать: „Незримъ, какъ Пампухъ", или „Пампухъ, отъ васъ уже съ утра несетъ водкой!" или „Пампухъ, гдѣ вы проспали свое ночное дежурство?" Не будетъ и многихъ другихъ язвительныхъ остротъ, которыя постоянно задѣвали его гордость. Поэтому онъ рѣшилъ оставаться стойкимъ, несмотря на отсутствіе corpus'a delicti.

Кромѣ того, если онъ вчера вечеромъ думалъ, что описаніе Августа противорѣчитъ только его интересамъ, то сегодня онъ былъ убѣжденъ, что оно противорѣчитъ и ис-

тинѣ. И онъ былъ готовъ подтвердить каждое свое слово присягою.

Августъ же съ неослабной настойчивостью стоялъ на своемъ, и его описаніе встрѣчало все больше и больше довѣрія у всѣхъ, кромѣ фрау Броохъ, которая, съ величайшей боязнью, слѣдила за смертельно-блѣднымъ лицомъ своего сына и, казалось, начинала понимать все происшедшее. Поэтому пришлось приступить къ допросу Эрнста. Августа предварительно вывели въ сосѣднюю комнату. Уходя, онъ ворчалъ: „Откуда Эрнсту знать: вѣдь онъ ужъ давно былъ дома".

Эрнстъ, видя, что дѣло его друга далеко не такъ плохо, тоже сталъ все отрицать. Онъ это дѣлалъ не изъ трусости, а потому, что какое-то внутреннее чувство его возставало противъ мысли открыть истину этимъ чужимъ людямъ. И ни за что ему не хотѣлось доставить торжество толстому Пампуху.

Съ нимъ бились до тѣхъ поръ, пока это не надоѣло даже слушателямъ. Наконецъ, профессоръ Мартини закончилъ допросъ, обратившись къ полицейскому коммиссару:

— Послушайте, вмѣсто того, чтобы убивать здѣсь время посторонними вещами, было бы лучше, если-бъ мы разспросили Шлехтендаля о наружности неизвѣстнаго преступника. Можетъ быть, мы такимъ образомъ чего-нибудь добьемся

Хотя Пампухъ позволилъ себѣ протестовать, утверждая, что неизвѣстный преступникъ будетъ выглядѣть такъ же, какъ выглядятъ всѣ эти незнакомцы, Августа все-таки позвали. И тутъ онъ, сверхъ ожиданія, попалъ въ очень затруднительное положеніе. Ибо на вопросъ о наружности незнакомца онъ состроилъ безпомощно-растерянное лицо и, послѣ долгаго молчанія, заявилъ, что этого онъ не знаетъ, это онъ забылъ.

„Господи Боже мой, мальчикъ, если имѣешь хоть немножечко фантазіи, тогда вѣдь нѣтъ ничего легче, чѣмъ составить подходящее описаніе", вся взволнованная, подумала госпожа Броохъ. Она страдала и дрожала за друга своего сына не меньше, чѣмъ за него самого, и была счастлива, когда онъ настойчиво лгалъ. Что онъ изъ-за такой мелочи могъ попасться, это ее прямо возмущало. Но у Августа фантазіи, несомнѣнно, и въ поминѣ не было. Онъ все твердилъ:

— Я не помню точно.

Въ этотъ моментъ доложили о приходѣ Антона Бюргеля. За нимъ послали уже давно, но онъ только сейчасъ вернулся съ прогулки со своей невѣстой. Взволнованный, онъ, не снимая пальто, вошелъ въ комнату. Недовѣрчивымъ

взглядомъ и короткимъ поклономъ онъ отвѣтилъ на представленіе ему обоихъ чиновниковъ и сочувственно поглядѣлъ на обвиняемаго Августа. Когда коммерціи совѣтникъ выразилъ свое возмущеніе и свое сожалѣніе по поводу мальчишеской выходки, онъ сказалъ:

— О, это не такъ страшно. Это, несомнѣнно, низость. Но это не бѣда: черезъ четыре недѣли у меня будетъ готова новая фигура—на мой счетъ.

— Ну, расходы покроетъ, разумѣется, городъ,—отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Во всякомъ случаѣ, вы должны быть задѣты...

— Ахъ, не такъ ужъ страшно.—Скульпторъ смущенно замялся.—Если-бъ спросили меня, я бы сказалъ, что обо всей этой исторіи слѣдовало бы возможно меньше шумѣть

„Ишь какой! Почему же меньше шумѣть!"—подумалъ коммиссаръ.

— Потому что, видите ли... однимъ словомъ, какъ разъ эта фигура нравилась мнѣ меньше всего. По моему, значитъ, преступника можно было бы оставить въ покоѣ. Подобная подлость сама себя наказываетъ.

„Вотъ тебѣ и на",—подумали одновременно и коммиссаръ, и Пампухъ. Этотъ полуворчливый, полузастѣнчивый художникъ возбуждалъ въ нихъ если не прямое подозрѣніе, то, во всякомъ случаѣ, отнюдь не довѣріе и не уваженіе. А что касалось коммиссара, то онъ не переставалъ мигать глазами.

— Ну, это такая точка зрѣнія, которую раздѣлятъ съ вами не многіе,—возразилъ коммерціи совѣтникъ.—Но будьте добры сказать намъ, можно ли вотъ этимъ ножомъ,—онъ указалъ на ножъ Августа,—отбить руку у мраморной фигуры?

— Ножомъ!? Нѣтъ! Ни въ какомъ случаѣ! Для этого нуженъ рѣзецъ и тяжелый молотъ. Или же, по меньшей мѣрѣ, топоръ! По моему, преступникъ воспользовался ломомъ.

Учитель Мартини сталъ передъ Пампухомъ и покачалъ головой, коммерціи совѣтникъ сказалъ:

— Да, Пампухъ, какъ мальчикъ могъ безслѣдно скрыть подобный инструментъ, это я абсолютно не могу понять.

— Проглотилъ,—проворчалъ Августъ, которому вся эта исторія начала казаться смѣшной. Но ему тотчасъ же указали на серьезность его положенія.

— Я думаю, — заговорилъ коммиссаръ — намъ все-таки слѣдуетъ немного точнѣе разспросить про незнакомца. Скажи-ка, дружокъ, ты вѣдь крѣпко схватилъ преступника, стащилъ его съ фонтана, какъ ты говоришь?

— Да.

— За что же ты его схватилъ?

— За пальто.

— Значитъ, на незнакомцѣ было пальто? Разумѣется, кто-же въ такую дурную погоду выйдетъ гулять безъ пальто? Ты, вѣрно, можешь также сказать, что это было за пальто?

Въ страшномъ смущеніи Августъ таращилъ глаза на присутствующихъ и молчалъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Крылатка!

— Ишь! Крылатка! Ну, вѣдь ихъ много. Но и это дѣло. Ты умный мальчикъ. Немного медленно, но ты все-таки вспоминаешь. А какого цвѣта была его крылатка?

— Этого я не знаю.

— Но кто замѣчаетъ фасонъ, тотъ замѣтитъ и цвѣтъ. Чѣмъ точнѣе ты опишешь незнакомца, тѣмъ больше мы тебѣ будемъ довѣрять. Значитъ, она была темнаго цвѣта?

— Да, кажется.

— Темносѣраго или темнозеленаго, или желтаго?

— Скорѣе темносѣраго.

— Хорошо. Въ концѣ концовъ это вѣдь не такъ важно. Но не правда-ли, потомъ тотъ повернулся и защищался? Это ты тоже разсказывалъ?

Августъ не помнилъ ничего, но все-таки сказалъ:

— Да.

— И при этомъ онъ посмотрѣлъ на тебя? Какая же была у него борода?

Вдругъ и борода появилась! Августъ опять посмотрѣлъ на своего vis-à-vis и сказалъ:

— Черная.

— И шляпу онъ, вѣрно, тоже носилъ на головѣ? Тоже, вѣрно, черную?

— Этого я не знаю.

— Подумай-ка, шляпа была свѣтлая или темная?

— Скорѣе темная.

— Твердая?

— Нѣтъ, кажется, мягкая, широкополая.

— Вотъ видишь, видишь. Мнѣ кажется, мы ошиблись. Эхъ, пощечины ты можешь записать въ счетъ будущаго... Вы тоже были на собраніи, господинъ Бюргель?

— Да, разумѣется!—отвѣтилъ онъ.

— А потомъ? Вы, позвольте васъ спросить, немного гуляли?

— Да позвольте...

— Какое мнѣ до этого дѣло? Боже мой, нашему брату до всего дѣло. Но серьезно. Вы вѣдь не домой пошли?

— Нѣтъ, конечно...

— А гдѣ вы были?—Этотъ вопросъ прозвучалъ уже немного рѣзче.

— Я вообще не знаю...

— Да, pardon, я вашъ отвѣтъ считаю важнымъ. Можетъ, вы все-таки будете добры...

— Да, но я не понимаю, я вообще...

— Ага...

— Позвольте-ка,—спросилъ господинъ Броохъ, переглянувшись со своей женой,—что это собственно значитъ?

— Пожалуйста, сейчасъ! Вы, значитъ, отказываетесь отъ отвѣта на мой вопросъ?

— Рѣшительно.

— Это очень подозрительно. Все это очень странно. Вопервыхъ, вы, духовный отецъ фонтана, считаете его изуродованіе мелочью. Вы желаете, чтобъ эту исторію по возможности замяли. Вы выражаете желаніе, чтобы преступникъ остался безъ наказанія. Затѣмъ — прошу васъ, господа, сравните показанія мальчика,—и, указывая при каждомъ словѣ на скульптора, онъ медленно и съ удареніемъ произнесъ,—длинная крылатка... темносѣраго цвѣта... черная борода... не котелокъ... а мягкая широкополая шляпа... тоже темносѣрая... Если это не классическое описаніе наружности...

Одинъ моментъ всѣ стояли смущенные и пораженные. Одинъ только старикъ Шлехтендаль съ возмущеніемъ воскликнулъ:

— Все это мальчуганъ навралъ! Онъ просто взялъ господина Бюргеля, какъ образецъ. Ты безстыдный негодяй! Ты и другихъ еще хочешь вовлечь въ несчастье?

И Августъ чуть чуть не поплатился нѣсколькими пощечинами за классическое описаніе личности, когда коммиссаръ накинулся на старика:

— Не запугивайте мальчика! Его свидѣтельскія показанія заслуживаютъ полнаго довѣрія.

— Лгунишка онъ!

— Но слушайте, это уже слишкомъ,—сказалъ Броохъ.— Что вы думаете объ этомъ, господинъ профессоръ?

— Оселъ!—пробормоталъ тотъ.

И, какъ бы очнувшись отъ глубокаго удивленія, Бюргель закрылъ ротъ, чтобъ опять открыть его:

— Господинъ коммиссаръ, вы вѣдь ужасный...

Онъ чуть было не нанесъ ему оскорбленія при исполненіи служебныхъ обязанностей. Но вдругъ раздался стукъ въ дверь, и, какъ deus ex machina, появился пасторъ Дистеркампъ.

— А этому что здѣсь нужно?—вырвалось у коммерціи совѣтника.

„Что ему тутъ нужно?"—подумали всѣ: и госпожа Броохъ, и профессоръ Мартини, и Антонъ Бюргель, и Шлехтендаль.

Но всѣ эти безбожники, думавшіе такъ, всѣ они были поражены слѣпотою, ибо иначе они знали бы, что въ это утро Дистеркампу нужно было быть именно здѣсь. Ибо развѣ въ Писаніи не сказано: „Будьте кротки, какъ голуби!?" И развѣ тамъ же не сказано: „И мудры, какъ зміи?" И еще многое и многое сказано у Моисея, и у пророковъ, и у Петра и Павла, такъ что, на кого бы изъ нихъ Дистеркампъ ни сослался, всѣ они привели бы его къ убѣжденію, что послѣ позора вчерашняго вечера, позора, всей глубины котораго онъ, правда, еще и не постигалъ, единственно спасительнымъ, единственно необходимымъ шагомъ является визитъ къ шурину, чтобъ протянуть послѣднему братскую руку и сказать ему нѣсколько хорошо взвѣшенныхъ словъ примиренія.

И вотъ онъ вдругъ очутился рядомъ съ Пампухомъ: ночной сторожъ рядомъ со стражемъ нравственности; оба они одинаково хорошо исполнили свой долгъ. Онъ былъ чрезвычайно возбужденъ, о чемъ свидѣтельствовали его дрожащія руки.

— Я только что слышалъ, что преступная рука вчера вечеромъ посягнула на фонтанъ и...

— Да, да!—прервалъ его коммерціи совѣтникъ, указывая рукою на обоихъ мальчиковъ.—Объ этомъ мы какъ разъ и говоримъ.

— Объ этомъ вы говорите?

— Да, мы пережили здѣсь нѣсколько тяжелыхъ часовъ, особенно господинъ Шлехтендаль, ибо на Августа и на моего мальчика пало подозрѣніе въ преступленіи.

— Что?

— Да, да! Теперь мы, слава Богу, всѣ, кромѣ господина Пампуха, убѣждены въ ихъ невиновности.

— Что? Неужели это возможно?—пролепеталъ Дистеркампъ въ ужасѣ.—Эрнстъ и Августъ Шлехтендаль, они? Мои ученики?! — Онъ всплеснулъ руками. — Но, милый Германъ, развѣ это возможно? Нѣтъ! Нѣтъ! Мои ученики знаютъ, что въ Писаніи сказано: „Оружіе наше не отъ плоти, а могущественно передъ Богомъ". Того, кто совершилъ это преступленіе, надо искать совсѣмъ въ другомъ лагерѣ, онъ принадлежитъ къ распутникамъ.

Какъ ни велико было удивленіе, вызванное этими словами, особенно удивленіе Шлехтендаля и его сына, оно тотчасъ же было подавлено внезапнымъ ужасомъ, охватившимъ всѣхъ при видѣ Эрнста. Послѣдній кинулся на своего дядю съ такимъ смертельно-блѣднымъ, съ такимъ искаженнымъ

лицомъ, съ такимъ тусклымъ блескомъ въ глазахъ, что производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго. Сначала никто не могъ разобрать, что онъ хрипѣлъ своимъ совершенно беззвучнымъ голосомъ. И, лишь послѣ неоднократнаго повторенія, слова его стали понятнѣе:

— Преступленіе, что... преступленіе?.. преступная рука? Развѣ онъ не... развѣ онъ не...?—Эти послѣднія слова онъ рѣзко выкрикнулъ, обращаясь къ Августу.—Анабаптисты, иконоборцы, что? Развѣ онъ не... если-бъ было больше вѣры, тогда бы фонтанъ давно былъ уничтоженъ, развѣ онъ не говорилъ этого? А теперь: преступленіе?..

— Эрнстъ! Эрнстъ!—закричалъ Августъ.

— Эрнстъ!—крикнулъ Броохъ, хватая своего сына за плечи. Губы его дрожали.—Эрнстъ, сознайся. Это ты сдѣлалъ!

— Да, да, да! Я это сдѣлалъ. И это не преступленіе, не преступленіе!

И, бросившись на стулъ, онъ сдавилъ голову руками, такъ что немногія отрывисто произнесенныя имъ слова небыли понятны даже его матери, которая, склонившись къ нему, гладила его по головѣ. Голосъ опять превратился въ тихій шепотъ, потомъ прекратился и шепотъ, и слышно было только его отрывистое, хрипящее дыханіе.

Всѣ хранили глубокое молчаніе. Коммиссаръ притворялся спокойнымъ и усердно вытиралъ свое пенснэ. Дистеркампъ, да, что дѣлалъ Дистеркампъ? Развѣ не сказано? Да, многое сказано, но ничего утѣшительнаго, ничего такого, на что онъ могъ бы опереться въ такомъ исключительномъ случаѣ. Поэтому онъ дѣлалъ то же, что и Пампухъ: не обращая никакого вниманія на свой санъ, онъ вытиралъ потъ со лба.

Коммерціи совѣтникъ тихо взялъ своего сына за плечо и сказалъ:

— Ну, подыми-ка голову. Покажи-ка свое лицо!

Онъ нѣжно помогъ ему подняться, а когда Эрнстъ вскочилъ, онъ его спросилъ:

— Итакъ, что вамъ сказали?

— Ничего, ничего! Оставь меня! Дай мнѣ уйти!

Онъ вырвался и кинулся къ дверямъ.

— Оставь его,—шепнула госпожа Броохъ своему мужу.— Пусть онъ успокоится.

И Эрнстъ безпрепятственно оставилъ комнату. Всѣ еще стояли въ томъ-же ужасномъ и напряженномъ молчаніи, которое какъ будто всосало въ себя весь воздухъ кругомъ, когда фрау Броохъ вдругъ пошла къ дверямъ и прислушалась.

— Онъ уходитъ. Господинъ Бюргель за нимъ, только не

поднимайте шума... господинъ Бюргель и Августъ за нимъ! Вотъ онъ!

Изъ окна, къ которому всѣ бросились, они увидѣли Эрнста, идущаго по базару. Вотъ они его настигли. Августъ отстранилъ Бюргеля очутился возлѣ своего друга. Но, обернувшись, Эрнстъ увидѣлъ и скульптора; тогда онъ ускорилъ свои шаги, почти побѣжалъ. Вотъ онъ, дѣйствительно, бѣжитъ, вотъ они всѣ исчезли въ переулкѣ.

— Не слѣдуетъ ли..—спросилъ коммиссаръ.

— Да, да, ради Бога, пойдите за ними!—сказала госпожа Броохъ.—Ты, Германъ, останься. И, дай Богъ!..

— Да, дай Богъ, чтобъ онъ не совершилъ чего-нибудь надъ собой,—простоналъ Дистеркампъ, складывая руки и дрожащимъ голосомъ продолжая:—Боже милосердный, въ сокрушенiи сердечномъ молю Тебя, Ты, Неисповѣдимый, знаешь вѣдь...

— Господинъ пасторъ, господинъ пасторъ! Я не могу это слышать! Молитесь тише!

Послѣдовали ужасныя минуты одна за другою; ихъ нельзя было перечесть, но чувствовалось, что ихъ протекло уже много. Броохъ все еще смотрѣлъ на стрѣлку часовъ, Дистеркампъ все еще шепталъ слова молитвы, госпожа Броохъ все еще всматривалась въ каждаго человѣка на базарѣ, во все новыхъ людей, то смѣющихся, то печальныхъ, то торопящихся, то праздно-гуляющихъ. Это они... нѣтъ, а эти тамъ слѣва? Все новые люди приходили изъ переулковъ, и она всѣхъ ихъ ненавидѣла. Ужасъ, отвращенiе, ненависть вызывало въ ней множество этихъ людей, которыхъ она бы всѣхъ отдала за одного.

Тутъ подкатили дрожки. Въ этотъ моментъ ей почудилось, что сынъ ея долженъ быть мертвымъ. Она первая бросилась къ дверямъ. Его несли. Съ него капала вода, а изъ раны на лбу сочилась кровь.

Изъ дрожекъ вылѣзъ и врачъ.

— По всей вѣроятности, сотрясенiе мозга. Нѣтъ, не утонулъ... Совершенно невозможно.

Начали приводить въ чувство. Онъ дышалъ. Но сознанiе не возвращалось. Его понесли въ первый этажъ. Комната опустѣла. Остался одинъ только Дистеркампъ. Онъ постоялъ, вытеръ потъ со лба и удалился.

XIX.

Настала вечеръ, надвинулась ночь, толпа, стекавшаяся изо всѣхъ улицъ на Рыночную площадь, мало-по-малу разсѣялась, жизнь замедлила свой бѣгъ; она если не совсѣмъ замерла, то шла медленнѣе своимъ безконечнымъ путемъ, не производя ни такого шума, ни такой сутолоки, какъ днемъ. Она была теперь похожа на озлобленнаго, безпріютнаго бродягу, который, подъ тяжестью своихъ заботъ, медленно тащится и равнодушно глядитъ на черныя тоже равнодушныя воды Вуппера, которыя своими грязными волнами смываютъ съ илистаго щебня и съ остраго выступа скалы кровь, пролившуюся тамъ изо лба Эрнста Брооха.

Но ночь кончилась, начался сѣрый разсвѣтъ, наступило утро. Жизнь расправила свои члены, и въ своихъ стучащихъ сапогахъ пустилась въ ходъ, бѣгая вверхъ и внизъ по улицамъ, взлѣзая по истоптаннымъ деревяннымъ лѣстницамъ рабочихъ казармъ, взбираясь по персидскимъ коврамъ богатыхъ домовъ, стуча во всѣ двери, какъ дубовыя, такъ и сосновыя, срывая тутъ шерстяныя, тамъ шелковыя одѣяла, будя мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кого съ помощью будильника, кого звонками трамвая, кого фабричными гудками, кого грохотомъ открываемыхъ оконъ. Она сгоняла на площадь громыхающія телѣги, запряженныя костлявыми клячами, или сопящими собаками, управляемыми толстыми торговками или зѣвающими парнями. Она гоняла Пампуха взадъ и впередъ, производила шумъ, гулъ голосовъ, грохотъ и возню, жестикуляцію и бѣготню, точно бѣснующійся базарный сторожъ.

Только въ большой домъ возлѣ базарной площади, который своею черною шиферною крышею и своими скромными украшеніями производилъ хотя и не угрюмое, но серьезное впечатлѣніе, только въ этотъ домъ шумливая жизнь пробиралась тихими шагами съ робкимъ взглядомъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и боязливымъ шепотомъ. Возлѣ кровати, гдѣ она растерянно остановилась, она увидѣла жуткую свою товарку— смерть, которая поспѣла туда уже раньше ея.

Мальчикъ, лежавшій здѣсь все такъ же, какъ его положили вчера, со смертельно-блѣднымъ лицомъ, безъ малѣйшаго румянца, вызваннаго на лицо хоть ничтожнымъ количествомъ крови въ жилахъ, принадлежалъ ли онъ жизни или смерти? Этого не зналъ никто. Этого не знали ни врачи, которые примѣняли всевозможныя средства и все только твердили, что надо выждать, ни мать, которая со вчерашняго

дня ни на минуту не отходила отъ кровати больного, ни Дистеркампъ, который цѣлыми часами состязался съ Богомъ, пока его къ полуночи не одолѣлъ сонъ.

Наконецъ, послѣ примѣненія новыхъ возбуждающихъ средствъ, лицо больного окрасилъ нѣкоторый румянецъ, черты его оживились, и больной сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ движеній.

Хотя это улучшеніе оказалось длительнымъ, хотя самая ужасная опасность миновала, тѣмъ не менѣе, Эрнстъ много дней еще пролежалъ въ полной почти апатіи, что очень удивляло врачей, ожидавшихъ, что возстановленіе душевныхъ силъ пойдетъ гораздо быстрѣе. Онъ произносилъ только самыя необходимыя слова и казался равнодушнымъ ко всему, что происходило кругомъ. А съ лица его не сходило страдальчески-боязливое выраженіе, которое не могло быть вызвано одними лишь физическими страданіями, ибо онъ говорилъ, что кромѣ головокруженія и давленія отъ повязки на головѣ, не испытываетъ никакихъ болей.

Благодаря сотрясенію мозга, всѣ воспоминанія о послѣднихъ событіяхъ были стерты. Эрнстъ не помнилъ ни о разрушеніи фонтана, ни о допросѣ, ни о своемъ паденіи. Осталась же отъ его прежняго состоянія только неясная боязнь, странная смѣсь нечистой совѣсти и страха передъ чѣмъ-то, что должно было наступить, лишь только онъ выздоровѣетъ, наступить со стороны человѣка, который больше всего ухаживалъ за нимъ, со стороны матери. Когда она подавала ему ѣсть, подносила лѣкарство, задавала какой-нибудь вопросъ, онъ слѣдилъ за нею со страдальческимъ выраженіемъ безплоднаго размышленія и говорилъ себѣ: теперь она меня щадитъ, притворяется озабоченной, но она замышляетъ нѣчто другое, ужасное... Что было это ужасное, онъ не могъ себѣ представить точнѣе. Онъ только чувствовалъ, что срокъ этого снисхожденія кончается, и что скоро наступитъ мрачное, ужасное время.

Со вторника, дня катастрофы, прошло шесть дней. Около одиннадцати часовъ вечера коммерціи совѣтникъ вошелъ въ комнату больного. Онъ возможно тише открылъ дверь, но и тихій скрипъ заставилъ вздрогнуть его жену, которая сидѣла въ глубокомъ креслѣ возлѣ кровати. Она подняла свое осунувшееся лицо, на которомъ глаза казались большими, чѣмъ обыкновенно, и подала ему руку.

— Онъ спитъ?

Она бросила взглядъ на больного и утвердительно кивнула головой.

— Да, онъ спитъ. Ты пришелъ попрощаться со мною на ночь?

— Послушай, милая, не замѣнить-ли мнѣ тебя? Ты вѣдь сама заболѣешь.

Она покачала головой.

— Оставь ужъ меня здѣсь.

— Я велю поставить тутъ рядомъ кровать, и ты ляжешь, пока я буду здѣсь. Какъ только онъ попроситъ что-нибудь, я тебя позову.

— Шшш!—прошептала она: ей показалось, что Эрнстъ шевельнулся и открылъ глаза. Но это было, вѣрно, во снѣ, и она тихо сказала:—Мнѣ здѣсь такъ удобно сидѣть. Право, Германъ, мнѣ здѣсь покойнѣе, чѣмъ въ кровати.

— Что это за отдыхъ, видно по твоему лицу. Оно все заострилось.

— Это все пройдетъ, лишь только онъ поправится.

— Да, тогда ты заболѣешь.

— Нѣтъ, я тебѣ обѣщаю, тогда я буду ухаживать за собою. Тебѣ нечего бояться.

Одинъ моментъ онъ молчалъ, а потомъ сказалъ:

— Будь же разумна.

На ея лицѣ появилось выраженіе нервнаго безпокойства, и она попросила настойчивѣе:

— Не мучь меня. Можетъ, ты меня и не понимаешь. Это понятно, кажется, только матери.

— Послушай,—спросилъ онъ, подходя ближе,—ты, видно, любишь его больше, чѣмъ меня?

— Ему и нужно больше любви, чѣмъ тебѣ.

— Въ этомъ ты права. Бѣдный мальчикъ!

— Ахъ, мнѣ кажется, мы и не можемъ представить себѣ, какъ онъ страдалъ и мучился! Не только въ самое послѣднее время. Уже давно. Теперь же ему нужно много, много любви.

Держа руку своего мужа въ своей, она притянула его къ себѣ, такъ что онъ усѣлся возлѣ нея, на ручку кресла.

— Мнѣ кажется, я бывалъ порой слишкомъ строгъ съ нимъ,—сказалъ онъ тихо.

— Можетъ быть. Но мы вѣдь такъ мало о немъ знали. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю всего, теперь я его люблю гораздо больше. И видишь-ли, если я могу немного за него помучиться... ахъ, не великими муками матери... а лишь нѣсколько безсонныхъ ночей... если я могу этимъ помочь ему скорѣе поправиться... я такъ счастлива.

— Добрая ты у меня.

Она улыбнулась.

— Спокойной ночи!

— Если Эрнстъ проснется, то пожелай ему спокойной ночи и отъ меня.

— Хорошо.

Дверь тихо закрылась, и госпожа Броохъ заняла свое прежнее мѣсто.

Объяснялось-ли это тѣмъ, что она сдвинула съ мѣста лампу, или это было въ дѣйствительности такъ, но ей показалось, что на лицѣ ея сына появился болѣе густой румянецъ, чѣмъ прежде, что на немъ лежала теперь мягкая, розоватая дымка, благодаря которой лицо казалось не столь худымъ. Прошло нѣкоторое время, и Эрнстъ открылъ глаза. Онъ открылъ ихъ не такъ, какъ послѣ сна, а спокойно и съ полнымъ сознаніемъ. На ея вопросъ, хорошо-ли онъ спалъ, онъ незамѣтно кивнулъ головой, продолжая съ упорнымъ вниманіемъ смотрѣть на нее. Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ:

— Ты, правда, совсѣмъ блѣдная стала, мама.

— Развѣ?

— Я бы хотѣлъ, чтобъ мы оба уѣхали отсюда.

— Куда?

— Въ Ункель. На Рейнѣ.

— Но тамъ будетъ теперь холодно. Можетъ быть, когда ты поправишься, мы поѣдемъ вмѣстѣ на югъ.

— Если тамъ есть вода...

— Тамъ море.

— Тамъ мы оба поправимся. Вотъ будетъ хорошо. А потомъ папа пріѣдетъ за нами. Ну, теперь я буду спать.

— Папа просилъ пожелать тебѣ спокойной ночи.

— Спасибо. Но завтра я, право, могу спать одинъ, мама. Ты должна тогда лечь.

Она подала ему руку для поцѣлуя. Онъ игралъ этою рукою, передвигая ставшее свободнымъ обручальное кольцо.

Его охватило невольное воспоминаніе о покойной матери, и онъ почувствовалъ глубокое дѣтское счастье, исходящее отъ этой руки, лежащей теперь въ его рукѣ; вокругъ его рта легла мягкая улыбка, тихій блескъ появился въ его глазахъ, и, припавъ губами къ ея рукѣ, онъ тихо прошепталъ:

— Ты добрая, мама.

Потомъ случилось такъ, какъ хотѣлось Эрнсту: они съ матерью поѣхали на югъ, въ Ункель на Рейнѣ. Ибо врачи возстали противъ долгой ѣзды по желѣзной дорогѣ и считали желательнымъ, чтобъ паціентъ попалъ въ тихое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы возможно больше времени проводить на открытомъ воздухѣ, что въ Гаммерштедтѣ было очень трудно.

До Ункеля было очень близко, къ тому же поѣхать туда можно было на пароходѣ,

Прощаніе съ друзьями, которые въ послѣднее время опять посѣщали его ежедневно, было Эрнсту довольно тяжело; друзья, въ свою очередь, были печальны передъ его отъѣздомъ, пока Фрицъ не набрелъ на счастливую мысль выпросить у своего отца позволеніе посѣщать Эрнста въ Ункелѣ по воскресеньямъ. Госпожа Броохъ, которой этотъ планъ понравился, пригласила, разумѣется, и Августа, и мальчики тутъ же начали рисовать себѣ, что они предпримутъ въ будущее воскресенье.

Былъ канунъ отъѣзда, стояли сумерки. Анна Дистеркампъ со своимъ неоффиціальнымъ женихомъ была у Брооховъ. Всѣ сидѣли въ тихой уютной обстановкѣ, какъ вдругъ стоявшій у окна Эрнстъ сказалъ:

— Вотъ идетъ дядя Готлибъ.

Его лицо приняло испуганно-непріязненное выраженіе. Раздался звонокъ, и доложено было о приходѣ пастора; онъ пришелъ, чтобы попрощаться съ Эрнстомъ, котораго онъ еще не видѣлъ со времени болѣзни.

Такъ какъ не принять его было невозможно хотя бы изъ-за Анны, то его попросили войти, и всѣ пережили довольно мучительные полчаса. Но если госпожа Броохъ боялась, что Дистеркампъ чѣмъ-нибудь обезпокоетъ ея сына, то она въ этомъ ошиблась. Несчастный пасторъ былъ совершенно пришибленъ и безпомощно, смущенно сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Освѣдомившись о цѣли поѣздки Эрнста и заявивъ, что самъ чувствуетъ себя совершенно истощеннымъ и собирается возможно скорѣе поѣхать въ санаторію, онъ совершенно не зналъ, что еще сказать, такъ что другимъ пришлось взять на себя трудъ поддержать бесѣду. При прощаніи онъ задержалъ въ своей рукѣ руку Эрнста и глядѣлъ на него молча, какъ бы прося прощенія. Но глаза мальчика и все его лицо были до такой степени страдальчески-напряжены, его губы были такъ тѣсно сжаты, что пасторъ, наконецъ, выпустилъ его руку и сказалъ только:

— Да поможетъ тебѣ Богъ.

Съ этими словами онъ, въ сопровожденіи своей дочери, оставилъ домъ.

Спустя немного ушелъ и Бюргель. Эрнстъ отошелъ отъ окна и опустился на стулъ возлѣ дивана, на которомъ сидѣла его мать. Онъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нее и потомъ сказалъ:

— Мама, я хотѣлъ спросить тебя...

— О чемъ?

— Вѣдь я разбилъ фонтанъ?

Она утвердительно кивнула головой.

— Ты опять вспомнилъ объ этомъ?

Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и сказалъ:

— Значитъ, я это дѣйствительно сдѣлалъ?

— Эрнстъ мы когда-нибудь въ другой разъ поговоримъ объ этомъ. Теперь ты долженъ еще беречь себя.

Онъ тихо покачалъ головой и, положивъ худыя еще руки на свои густые волосы, спросилъ:

— Что же теперь будетъ? Онъ такимъ и останется?

— Нѣтъ, мой мальчикъ, къ счастью, ты разбилъ какъ разъ ту фигуру, которою господинъ Бюргель былъ менѣе всего доволенъ. Онъ, кажется, даже радъ, что можетъ замѣнить ее новой.

— И тогда ничего не будетъ замѣтно?

— Ничего.

— Никакого уродства?

— Наоборотъ! Господинъ Бюргель увѣряетъ, что тогда весь фонтанъ будетъ красивѣе, чѣмъ прежде.

— Ахъ, какъ я радъ! Какъ я радъ!

Онъ вскочилъ съ мѣста и возбужденно заходилъ по комнатѣ.

— Но какъ удивительно, какъ удивительно, что я попалъ какъ разъ въ эту фигуру!—сказалъ онъ, остановившись.—Ахъ, мама, хотя случилось и такъ, все-таки остается въ памяти... О, какъ вы еще можете любитъ меня, ты и папа, какъ вы можете любить меня!

— Мы тебя любимъ, дѣтка! Право!—сказала его мать, нѣжно лаская его руки, которыя страстно обхватили ея лѣвую руку.—Ты долженъ вѣрить мнѣ...

— Да, я тебѣ вѣрю! Но, мама, ты мнѣ должна помочь, чтобы и папа опять полюбилъ меня.

— Да онъ тебя любитъ, дѣтка!

— Онъ меня любитъ... да... потому что я его сынъ. Но я бы хотѣлъ, чтобъ онъ меня любилъ, если бъ я и не былъ его сыномъ... Ахъ, это звучитъ такъ глупо! Такъ глупо! Но я думаю, изъ меня еще будетъ толкъ...

Онъ вскочилъ, протянулъ руки и, вытягиваясь подъ вліяніемъ внутренней силы, которая влекла его впередъ, крикнулъ:

— У меня такая тоска! У меня такое страстное желаніе!

Бушующій потокъ его души захлестнулъ его, рыданіе прервало его слова, слезы затопили ихъ.

Опустившись около своей матери и, закрывъ лицо руками, онъ громко рыдалъ.

О тоска, смятеніе, страстность юности! Не всегда вы являетесь лишь обманчивыми обѣщаніями... Теперь онъ умѣетъ лишь отрывисто лепетать, но въ будущемъ онъ за-

говоритъ. Теперь тутъ былъ лишь взмахъ крыльевъ не умѣющаго еще летать птенца, но потомъ явится и полетъ. Теперь была лишь тоска, но цвѣтокъ тоски дастъ плоды.

Обнявшись, плечо къ плечу, сидѣли мать и сынъ. Ихъ окутывала тьма. Но своими широко открытыми глазами, сіяющими внутреннимъ огнемъ, они въ сумеречномъ сіяніи освѣщеннаго первыми солнечными лучами тумана видѣли высоты будущаго. Душа Елены наполнилась горячей молитвой, и она молилась не о счастьи, не объ успѣхѣ, не о легкой побѣдѣ для своего сына. Она молила лишь о томъ, чтобы мрачная, но глубокая сила, ввергнувшая его въ бездну, помогла ему также найти сокровища, зарытыя въ глубокихъ пучинахъ, чтобы его ненависть научила его милосердію, его мрачныя мученія — любви къ свѣту. Она молила о томъ, чтобы бурный водоворотъ его души не изсякъ въ плоской равнинѣ довольства. Ибо она лучше хотѣла видѣть своего сына несчастнымъ, чѣмъ мелкимъ и пошлымъ... Для себя же она молила о томъ, чтобы ей суждено было остаться его спутникомъ, товарищемъ молодого странника на его пути; чтобы ей суждено было, если ему захочется пойти одиноко, хоть принять участіе въ его судьбѣ; чтобы когда-нибудь, когда наступитъ старость, то въ безсиліи старости, которое такъ мощно въ служеніи любви, чтобы еще и тогда онъ могъ почерпнуть ободреніе изъ ея морщинистой руки, утѣшительную надежду изъ ея вѣрующаго взора. Ибо она чувствовала, что въ сокровищницѣ ея жизни самымъ цѣннымъ камнемъ является любовь къ нему.

XX.

Тихо и безмолвно шли домой пасторъ Дистеркампъ со своей дочерью.

Анна взяла подъ руку своего отца, который, поднявъ воротникъ, всю дорогу не отрывалъ глазъ съ земли, словно не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, что происходило кругомъ него.

Дома она сказала:

— Если позволишь, папа, я еще зайду къ тебѣ на минутку. Мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ.

Она хотѣла передать ему о своей помолвкѣ съ Антономъ Бюргелемъ, что она до сихъ поръ откладывала со дня на день; она щадила отца, такъ какъ онъ пережилъ такіе тяжелые дни. Но когда-нибудь нужно же будетъ сказать.

Да, скверное, очень скверное время перенесъ пасторъ Дистеркампъ!.. Ибо смѣхъ, огласившій мирные покои

„Евангелическаго ферейна“, не только не улегся такъ скоро, какъ ему хотѣлось, но, наоборотъ, разростался все шире и шире, раздаваясь, между прочимъ, и въ винномъ погребѣ „Тихій уголокъ“, гдѣ Теодоръ Демосѳенъ-Шнютгенъ отпраздновалъ въ кругу „непринужденныхъ“ свою рѣчь великолѣпнымъ ананаснымъ крюшономъ.

Впрочемъ, какъ ни весело и безудержно всю ночь раздавался этотъ смѣхъ, онъ былъ невиненъ и безобиденъ. Болѣе того, онъ былъ прерванъ даже небольшой, но очень серьезной и даже торжественной рѣчью. Ибо, когда къ учителю Мартини со всѣхъ сторонъ пристали, что онъ въ молніеносномъ экспромтѣ долженъ воспѣть пораженіе Дистеркампа, старикъ вскочилъ со своего мѣста и, недовольный, заявилъ: кто думаетъ, что онъ станетъ насмѣхаться надъ потерпѣвшимъ столь полное и плачевное пораженіе врагомъ, тотъ не только плохого мнѣнія о немъ, но и понятія не имѣетъ о моральной задачѣ поэзіи. „И я долженъ кое-что прибавить“, продолжалъ онъ, бросая гнѣвный взглядъ на пачку картинокъ и открытокъ, которыя, обошедши всѣхъ, лежали теперь на столѣ подлѣ него. Онъ долженъ сказать, что, если онъ всегда и вездѣ стоялъ на стражѣ тамъ, гдѣ мрачный вандализмъ обрушивался на истину, благородство и красоту, то онъ (такъ же, какъ, надѣется онъ, и всѣ сотрапезники) очень далекъ отъ тѣхъ свиней, которымъ нравится сквернословіе и которые распространяютъ грязь словомъ и дѣломъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ своей рѣчи онъ опять поднялъ на нѣкоторую высоту слово „нравственность“ и вообще произвелъ очень сильное впечатлѣніе, такъ что, когда онъ кончилъ, пачка карточекъ и открытокъ безшумно исчезла со стола. . . . .

. . . .

Громкій смѣхъ носился не только по улицамъ и площадямъ города, въ пивныхъ, кафе, концертныхъ залахъ и ресторанахъ, не только въ школахъ, магазинахъ, конторахъ, бюро и домахъ почтенныхъ бюргеровъ; онъ заразилъ всѣхъ, образованныхъ и необразованныхъ, большихъ и малыхъ не только здоровымъ желаніемъ посмѣяться и сердечнымъ злорадствомъ, но и тайнымъ стремленіемъ къ мести. Болѣе того: онъ принялъ уже извѣстный образъ—лицо, форму, краску, онъ пестрый и вызывающій, а нерѣдко и циничный красовался во всѣхъ витринахъ книжныхъ, бумажныхъ и галантерейныхъ магазиновъ и парикмахерскихъ, такъ что пасторъ Дистеркампъ и улицы пройти не могъ, чтобы отъ этого нѣмого, но ставшаго еще болѣе громкимъ и невидимымъ смѣха кровь не бросалась ему въ лицо. Тутъ виднѣлись длинныя серіи открытокъ, на которыхъ изображалась

скандалезная Мими, преслѣдуемая цѣлой сворой псовъ. Тамъ насмѣшливо глядѣла на него его собственная каррикатура, въ одной рукѣ держащая булочника-фавна, въ другой—старую дѣву подъ руку съ испитымъ старикомъ. А внизу надпись: „Борцы за мораль, или Нравственный Комитетъ". Въ другомъ мѣстѣ былъ нарисованъ фонтанъ, „какимъ желаетъ его булочникъ Батге": грудастая баба въ короткой рубашкѣ, и рядомъ мальчики въ ярко-красныхъ купальныхъ штанишкахъ. А тамъ появлялись еще и другія открытки съ такимъ откровенно-грязнымъ содержаніемъ, что полиція тотчасъ же заставила убрать ихъ. Но, увы! онѣ смѣнялись новыми, еще болѣе грубаго сорта.

Казалось, весь городъ какъ бы опьянѣлъ, и крѣпкое словечко бургомистра, гласившее: „Цѣлый вагонъ кокотокъ не принесъ бы столько вреда Гаммерштедту, сколько этотъ одинъ оселъ Дистеркампъ", было въ общемъ вполнѣ справедливо...

Анна вслѣдъ за отцомъ вошла въ его кабинетъ и спросила, не зажечь ли лампу.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, оставь! Мнѣ не нужно свѣта. Я хочу полежать немного на диванѣ и отдохнуть.

— Но нѣсколько минутъ тебѣ ужъ придется удѣлить мнѣ. То, что мнѣ нужно сказать тебѣ, очень важно.

— Ну, ну, что тамъ такое?.. Тебѣ, можетъ, нужны деньги на хозяйство?

— И это. Но не въ этомъ дѣло... а... скажи, пожалуйста, сколько ты пробудешь въ санаторіи?

— Этого я сказать тебѣ не могу. Четыре... шесть недѣль... можетъ, и дольше еще. Я нуждаюсь въ основательной поправкѣ. Я совершенно истощенъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я работалъ черезъ силу! Кто такъ долго велъ борьбу противъ этой гидры? Въ другихъ мѣстахъ у меня еще были соратники. А здѣсь... Всѣ оставляютъ меня. Всѣ, рѣшительно всѣ! И это еще не худшее. Этотъ человѣкъ... этотъ кондитеръ... я его имени произнести не могу...

— Да, для меня онъ ужъ давно имѣетъ непріятный привкусъ такъ же, какъ и его торты... Но чтобы перейти...

— Да, я дѣйствительно не знаю, какъ долго я останусь въ санаторіи. Это всецѣло зависитъ отъ врача. Я отправляюсь туда, право, не для удовольствія. Я думаю, что противъ этой поправки никто ничего не можетъ сказать. Все имѣетъ свои предѣлы. Даже самопожертвованіе. Человѣкъ долженъ когда-нибудь и о себѣ подумать.

— Да я ничего и не говорю противъ этого. Конечно, пока оставайся тамъ, сколько тебѣ угодно будетъ... сколько

это необходимо для твоего здоровья. Я спрашивала только... видишь ли... когда ты вернешься, здѣсь должна произойти большая перемѣна...

— Что... перемѣна?

— Да, папа. Я помолвлена.

— Ты? Ты помолвлена?

— Да. Съ Бюргелемъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ скульпторомъ Бюргелемъ.

— Что?.. Съ кѣмъ?.. Со скульпторомъ... Ты въ своемъ умѣ, Анна?

Дистеркампъ сидѣлъ посерединѣ дивана, положивъ обѣ руки на широко разставленныя ноги. Тяжело вращая голову то туда, то сюда, онъ испускалъ отрывистыя слова:

— Безуміе... безуміе... это безуміе... этотъ скульпторъ, не говори о такомъ безуміи...

— Почему ты находишь, что это безуміе?

— За скульптора... выйти замужъ за скульптора? Они живутъ вѣдь свободнымъ бракомъ!.. Этотъ господинъ авантюристъ.

— Если-бъ онъ былъ авантюристомъ, онъ поискалъ бы себѣ болѣе богатую.

— Вѣдь ты говоришь это не серьезно, Анна?

— Что ты, папа! Я это твердо рѣшила.

— Анна, Анна, какъ ты могла такъ забыться? Какъ это возможно?

Тщетно Анна пыталась успокоить его. Всѣ доказательства ея приводили отца въ еще большую ярость. Въ припадкѣ бѣшенства онъ растянулся въ углу дивана и со стонами и хрипѣніемъ требовалъ, чтобъ она вышла изъ комнаты. Нѣкоторое время Анна предоставила его самому себѣ, но затѣмъ сѣла возлѣ него, рѣшительнымъ движеніемъ подсунула свою руку подъ его и сказала:

— Ты такъ взволнованъ теперь, папа. Да, дѣйствительно, ты даже нѣсколько болѣзненно взволнованъ... И это неудивительно. Кто пережилъ столько ударовъ, сколько ты въ послѣдніе дни... Но пусть все опять войдетъ въ старую колею. Прежде, чѣмъ уйти отъ тебя, я позабочусь о томъ, чтобы у тебя осталась твоя уютная домашняя обстановка. Я ужъ думала о фрейлейнъ Киппъ, съ которой тетя Елена хочетъ разстаться...

— Ахъ, я знать ничего не хочу обо всемъ этомъ. Съ моей стороны, иди! Я сталъ вѣдь для тебя чужимъ. Какое тебѣ дѣло до твоего бѣднаго, стараго отца!

— Это не справедливо, папа.

— Ахъ, я ужъ давно замѣтилъ, что сердце твое рвется къ суетности міра. У меня ты всегда была мрачной.

— Да, папа, въ этомъ ты правъ. И я себѣ сама не разъ дѣлала упреки, что я не такая хорошая дочь, какой должна бы быть. Но... скажу тебѣ, разъ навсегда... не съ цѣлью огорчить тебя... мнѣ было страшно тяжело быть здѣсь хорошей. Ты сдѣлалъ мнѣ жизнь тяжелой. И себѣ, и мнѣ. Ты сдѣлалъ ее горькою для насъ обоихъ. Да, папа, это вѣрно. Вѣчно шелъ разговоръ лишь объ испорченности міра.

— Подобный опытъ, какъ въ послѣднюю недѣлю, развѣ не ведетъ къ разочарованію въ свѣтѣ?

Одну минуту Анна молчала, но затѣмъ возразила:

— Я говорю не о страшномъ судѣ, а вообще. Ты видѣлъ въ мірѣ то же, что и въ книгахъ, въ которыхъ ты искалъ лишь порнографическихъ и фривольныхъ мѣстъ и не видѣлъ всей ихъ красоты.

— Красоты? Развѣ ты читала эти книги?

— Не всѣ, но большую часть ихъ.

— Ты читала ихъ?

Отецъ молча прикрылъ свое лицо рукою. Онъ пережилъ слишкомъ много страданій, чтобы имѣть силу высказать свое горе громко. Анна же, которая не спускала нѣжнаго и благодарнаго взгляда съ большихъ полокъ, на книги которыхъ пламя фонаря бросало снаружи серебряную сѣть, продолжала:

— Да, я ихъ читала. И, благодаря имъ, я стала веселѣе и сильнѣе. На нихъ нужно смотрѣть лишь непредубѣжденными глазами... И на міръ нужно смотрѣть такъ же. Ахъ, папа, попробуй разъ: будь нѣсколько веселѣе и мягче, ибо міръ всегда таковъ, каковъ ты самъ.

— Довольно! Довольно, Анна! Ты ужъ достаточно богохульствовала. Будетъ дѣйствительно лучше, если ты уйдешь.

Патетическимъ движеніемъ руки онъ открылъ дверь. Закрывая ее, Анна слышала еще его послѣднія слова:

— Потеряна... потеряна на вѣки вѣковъ...

Глубоко огорченная, надѣясь, однако, встрѣтиться еще съ нимъ за ужиномъ, Анна вышла.

Съ тяжелымъ вздохомъ пасторъ Дистеркампъ бросился опять на диванъ. Но гора разочарованій и горечей продолжала давить его. Однако еще сильнѣе, чѣмъ боль за потерянную душу дочери, грызла его насмѣшка всего города и его собственное одиночество. Онъ чувствовалъ себя оплеваннымъ и поруганнымъ.

Впрочемъ, онъ не особенно долго лежалъ въ своей темной комнатѣ: горничная пришла сообщить, что въ гостиной его ждутъ фрейлейнъ Дюмелингъ и капитанъ Дрегеръ.

— Это еще!—пробормоталъ Дистеркампъ, сбрасывая съ себя плэдъ. Со стономъ, но и не безъ нѣкотораго удовлетворенія, что видитъ передъ собою товарищей по несчастью, онъ вышелъ къ нимъ и поздоровался съ обоими съ соотвѣтственной серьезности минуты печалью:

— Мой вѣрный другъ... мой уважаемый капитанъ!..

— Добрый вечеръ!.. Э, да... извините, но мнѣ все не лучше...—пробормоталъ послѣдній, приподымаясь со своего стула, но сейчасъ же со стономъ опять опустился...—У меня теперь мой постоянный зимній гость... Хорошо еще, г-нъ пасторъ, что вы вполнѣ здоровы. Ну, кузина, кто былъ правъ? Фрейлейнъ Дюмелингъ хотѣла меня увѣрить, что вы уже за тридевять земель.

— Я хотѣла лишь объяснить себѣ, почему вы не показываетесь,—сказала старая дѣва колко.—Я была увѣрена, что вы заглянете ко мнѣ. Изъ-за сильной мигрени я нѣсколько дней не сходила съ постели...

— И я также былъ слишкомъ разстроенъ, чтобъ дѣлать визиты. Бываютъ минуты слабости, когда и сильнѣйшая воля не можетъ устоять.

Тутъ капитанъ испустилъ звуки, представившіе странную смѣсь веселости и воющей боли.

— Великолѣпно!—стоналъ онъ, потирая руки.—Значитъ, мы всѣ получили свое... Раненые побѣдители! Ну да... Э... одну минуту... такъ... такъ... такъ... Но дайте обсудить дальнѣйшій планъ борьбы. Намъ нужно вѣдь утилизировать свою побѣду и окончательно побить врага.

Дистеркампъ, который въ данный моментъ былъ отнюдь не расположенъ шутить, посмотрѣлъ на капитана со спокойнымъ достоинствомъ и возразилъ:

— Какъ ни относилось-бы къ намъ общество, мы во всякомъ случаѣ боролись за хорошее дѣло. Но если мы побѣждены...

— Побѣждены?!

Совершенно позабывъ свою больную ногу, капитанъ вскочилъ со своего стула и повторялъ:

— Побѣждены? Это для меня новость! Не соблаговолите ли вы объяснить мнѣ, почему мы побѣждены?

— Да, дѣйствительно, и я хотѣла бы знать почему!—присоединилась фрейлейнъ Дюмелингъ, глаза которой искрились сквозь вуаль.

Совершенно сбитый съ толку неожиданностью этого вопроса, пасторъ Дистеркампъ глядѣлъ то на одного, то на другого, но, не успѣлъ онъ еще дать какой-нибудь разумный отвѣтъ, какъ капитанъ заговорилъ опять:

— Я долженъ признаться, что случай съ Батге до извѣстной степени фаталенъ. Кто могъ думать, что этотъ субъ-

ектъ такой подлецъ. Но это является только лишнимъ доказательствомъ того, что не слѣдуетъ довѣряться черни. Тутъ всегда натолкнешься на что-нибудь скверное. Впрочемъ, что значитъ одна паршивая овца въ сравненіи съ той грязью, которая оказалась въ лагерѣ нашихъ противниковъ! Я думаю, что коммерціи совѣтнику Брооху, который все-таки порядочный человѣкъ, стыдно и боязно быть въ той компаніи, въ которой онъ находится теперь.

— Да, видитъ Богъ, я не хотѣла бы быть въ его шкурѣ!— подтвердила фрейлейнъ Дюмелингъ энергичнымъ кивкомъ головы, при чемъ ея шуба совершенно растопырилась, напоминая собою перья разсерженнаго индюка.—Если у него есть еще хоть искра совѣсти, онъ долженъ самому себѣ сказать, что нанесенный имъ нравственный ущербъ непоправимъ. Нѣтъ, дѣйствительно, его можно пожалѣть!

— Объ этомъ подломъ Шнютгенѣ, за спиною котораго онъ спрятался, и говорить не приходится. Я его привлеку еще къ судебной отвѣтственности. Онъ здорово поплатится за свое безстыдство. Денежнымъ штрафомъ онъ не отдѣлается. Но, помимо этого... одно стало ясно всему городу: гдѣ находятся свиньи и гдѣ порядочные элементы. Вы видѣли открытки въ витринахъ, г-нъ пасторъ?

— Лишь мелькомъ. Онѣ были такъ безобразны...

— Безобразны—не подходящее выраженіе. „Гнусныя нечистоты“ хотѣли вы сказать. Но кто привелъ къ этому? Фонтанъ на базарѣ, это чистое, великолѣпное произведеніе искусства. А кто является виновникомъ всего этого? Господа художники, товарищи знаменитаго скульптора, г-на Бюргеля. Я думаю, что лучшаго оружія эта сволочь не могла дать намъ въ руки! Неправда ли?

— Съ этой точки зрѣнія я еще не смотрѣлъ на это,—бормоталъ Дистеркампъ.

— Да, объ этомъ вы и должны говорить на ближайшемъ собраніи.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Дистеркампъ протянулъ руки и протестовалъ очень рѣшительно.

— Дѣлайте, что хотите, но я совершенно разбитъ отъ тяжести работы. Вещи мои сложены, завтра я уѣзжаю въ санаторію.

И что только капитанъ ни говорилъ, онъ не уступалъ. Фрейлейнъ Дюмелингъ, о которой ея кузенъ утверждалъ, что она съ радостью дастъ средства, нужныя для продолженія агитаціи, была, казалось, лишь на половину склонна къ этому. Ибо, не говоря уже о непріятныхъ денежныхъ расходахъ, она успѣла нѣсколько примириться съ фонтаномъ, стоя-

щимъ передъ ея домомъ. Каждое утро и каждое послѣ обѣда она смотрѣла на него злыми глазами и думала: „Вотъ стоитъ среди площади воплощенная чувственность! Это знаменіе времени". Это вошло у нея въ привычку, отъ которой она могла бы отказаться не безъ нѣкоторой боли.

Такъ какъ капитанъ вслѣдствіе подагры былъ на ближайшее время неспособенъ къ борьбѣ, онъ долженъ былъ отклонить отъ себя руководительство послѣдней, и всѣ трое пришли, наконецъ, къ тому, что слѣдуетъ удовольствоваться моральной побѣдой.

— Впрочемъ... свое наказаніе эти люди еще получатъ!— сказала фрейлейнъ Дюмелингъ на прощанье.

— Еще бы! И основательное!—подтвердилъ ея кузенъ.

— Господь Богъ ужъ позаботится объ этомъ.

— Аминь!—заключилъ Дистеркампъ.

Конецъ.

НИМФА.

Разсказъ.

I.

Щегольской волжскій пароходъ „Вулканъ“ далъ уже второй свистокъ. По деревяннымъ сходнямъ торопливо бѣжала запоздавшая публика. Толкотня и давка, какъ на пожарѣ. Особенно волновались женщины, кромѣ узловъ и котомокъ тащившія ребятъ всевозможныхъ возрастовъ. Кто-то ругался, кто-то тяжело вздыхалъ, кто-то вполголоса „творилъ молитву“.

— И куда торопятся?!..—вслухъ удивлялся высокій сѣдой старикъ въ синей суконной поддевкѣ и такомъ же картузѣ.—Слава Богу, всѣмъ мѣста хватитъ, да еще и отъ насъ останется...

Онъ легко несъ свой багажъ, состоявшій изъ большого мѣшка, парусиннаго чемоданчика, овчиннаго тулупа и какихъ-то дорожныхъ узловъ. Разыскавъ свободную скамейку въ третьемъ классѣ, старикъ, не торопясь, размѣстилъ свой багажъ и, снявъ картузъ, истово помолился на одну изъ церквей, красовавшихся по нагорному берегу Волги.

— Здравствуйте...—степенно поздоровался онъ, раскланиваясь съ сосѣдями, но не получилъ отвѣта.

Какой-то исхудалый молодой человѣкъ интеллигентной наружности съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и какъ-то болѣзненно съежился, втягивая голову въ плечи, точно ему было холодно, несмотря на тропическую іюльскую жару. Ихъ мѣста были рядомъ.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—со вздохомъ проговорилъ старикъ-купецъ, устроившись на своей лавочкѣ.

— Какое-же такое особенное у васъ горе?—не безъ раздраженія спросилъ молодой человѣкъ, раскуривая папиросу.

— А такое... гм... У всякаго человѣка свое горе. Мало-

ли... Вотъ мы съ вами, напримѣрно, захватили во время мѣста, устроились... да... А вдругъ паровикъ лопнетъ?

— Съ чего ему лопаться-то?

— На грѣхъ мастера нѣтъ... Не то что паровикъ, а и другой живой человѣкъ можетъ лопнуть. Вдругъ терпѣнья не станетъ въ человѣкѣ... Вонъ, въ газетахъ-то кажный день что пишутъ: тотъ отравился, тотъ удавился, тотъ застрѣлился, тотъ утопился... Даже женскъ полъ и тотъ руки на себя накладываетъ. Разсердилась — и хлопъ нашатырнаго спирту или другой какой отравы.

— Это случайность...

— Случайность? Нѣтъ, ужъ извините, господинъ хорошій... Отчего-же, напримѣрно, спрошу я васъ, въ прежнія времена *этого* не было?

— Очень просто: въ старину пароходовъ и паровыхъ машинъ не было—вотъ и взрывовъ пароваго котла не могло быть. А что касается самоубійствъ, то... вообще... можетъ быть, топились, вѣшались и отравлялись больше, чѣмъ теперь, только объ этомъ въ газетахъ не печатали.

— Ну, ужъ это извините, господинъ хорошій... Конечно, случаи бывали, но только дѣлалось это въ лишеніи ума, а не за здорово живешь.

— А вы слыхали про „сухую бѣду" у вотяковъ? Нѣтъ? Ужъ тутъ совсѣмъ просто дѣлается.. Живемъ мы съ вами, напримѣръ, сосѣдями въ деревнѣ. Вы и богаче, и сильнѣе меня, и обижаете меня на каждомъ шагу. Ну, я и хочу вамъ отомстить разомъ за всѣ непріятности... Приду ночью да на вашихъ воротахъ и повѣшусь!

— Для чего же это, именно, на моихъ воротахъ, позвольте узнать?

— А для того, что явится полиція, становой, слѣдователь,—ну, вы и отвѣчайте, какъ знаете.

— Такъ, такъ... Что-же, умственно придумано. И даже весьма.. Ахъ, горе душамъ нашимъ!

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ изнемогающей трелью невидимаго колокола. Пароходъ нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ и началъ тихо отдѣляться отъ пристани, взбивая крутую волну.

— Господи, благослови...—шепталъ купецъ, откидывая широкіе кресты.—Пронеси, Николай Угодникъ...

Когда пароходъ дѣлалъ красивый поворотъ, Нижній съ его нагорнымъ берегомъ и ярмарочной стороной открылся во всей своей красотѣ.

— Эхъ, батюшка Нижній, всю-то Волгу матушку ты кормишь и поишь, - думалъ вслухъ купецъ. — Мнѣ сказывалъ

одинъ нѣмецъ механикъ, что красивѣе его и во всемъ свѣтѣ не сыскать...

Молодой человѣкъ ядовито хихикнулъ, но купецъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на него вниманія.

— Ахъ, хорошо... — въ умиленіи повторялъ старикъ.— Вотъ, сорокъ лѣтъ плаваю по Волгѣ матушкѣ, а наглядѣться не могу... Разчудесное это дѣло: пароходъ. Не то, что машина, гдѣ люди бѣгаютъ въ отсутствіи ума. А здѣсь вотъ позовешь услужающаго, онъ соберетъ пару чайку...

— А буфетъ вы забыли?

— Буфетъ? Ну, это опять особенная церемонія... Дѣло тоже невредное, особенно по осени, когда прохватитъ сыростью да холодомъ. Во благовременіи вино не вредитъ, и въ писаніи такъ сказано: „невинно вино, а укоризненно піанство". Такъ-то-съ, господинъ молодой человѣкъ...

А пароходъ все сильнѣе врѣзывался желѣзной грудью въ водяную гладь и, распахивая волну, усиливалъ ходъ. Берега точно плыли навстрѣчу ему. Десятки всевозможныхъ судовъ подолгу оставались въ полѣ зрѣнія. По правому берегу лѣпились въ живописномъ безпорядкѣ пригородныя постройки, домики, избушки,—издали вся эта незамысловатая стройка казалась и красивой, и какъ-то особенно уютной. Кое-гдѣ мелькали яблоновые садики, огороды и полоски вспаханной земли. Старикъ-купецъ обошелъ всю палубу третьяго класса, любуясь въ окна съ разныхъ сторонъ на развертывавшуюся красу великой русской рѣки. Публики было много, и все какая-то бѣднота. Мужики съ унылыми лицами, изнуренныя, прежде времени состарѣвшіяся бабы, грязные ребятишки, глядѣвшіе кругомъ голодными глазами, разная инородь изъ казанской губерніи, — все это сбилось въ одинъ живой муравейникъ. Нѣкоторые помѣстились прямо на полу, подостлавъ подъ себя верхнее платье.

По пути старикъ завернулъ въ буфетъ и спросилъ рюмку водки. Буфетчикъ, мрачный и непривѣтливый господинъ, какъ-то нехотя налилъ рюмку и отвернулся.

— Ярославскіе будете?—спросилъ старикъ, прожевывая закуску.

— Случалось...—нехотя отвѣтилъ буфетчикъ.

— А какого уѣзду?

— Забылъ... Давно родился...

— Должно полагать, ночью, — замѣтилъ обиженный неразговорчивостью ярославца старикъ.—Ярославцы-то всѣ по ночамъ рожаются, ну, и не помнятъ. Что-же, у всякаго свой фасонъ...

Обругавъ про себя неразговорчиваго ярославца, старикъ отправился бродить по пароходу. Между прочимъ, онъ за-

шелъ и на половину второго класса, гдѣ набралась чистая публика. Тамъ было совсѣмъ весело. Всѣ столики были заняты. Пили чай, закусывали, а за однимъ столомъ двое купцовъ съ особеннымъ аппетитомъ ѣли стерляжью уху.

— Въ Москвѣ такая полпорція стерляжьей-то ухи три рублика стоитъ, — объяснялъ одинъ. — Ей-Богу... А здѣсь полтина серебра.

— Мало-ли што въ Москвѣ,— отозвался другой.—Въ Москвѣ-то толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ...

Старикъ походилъ, напрасно отыскивая знакомыхъ, и вернулся къ себѣ въ третій классъ. Подозвавъ услужающаго, бѣгавшаго съ салфеткой подъ мышкой, купецъ заказалъ себѣ порцію стерляжьей ухи. Услужающій человѣкъ бросился исполнять заказъ съ такой энергіей, точно хотѣлъ выскочить изъ собственной кожи, только-бы угодить настоящему пассажиру. Третьеклассная публика бѣдная, и рѣдко кто побалуется чайкомъ, а всѣ русскіе услужающіе—самые продувные психологи.

Когда услужающій подвинулъ купцу столикъ, накрылъ его салфеткой и поставилъ приборъ, всѣ сосѣди голодными глазами слѣдили за этими аппетитными приготовленіями. Появленіе ухи вызвало нѣсколько голодныхъ вздоховъ, а худенькій, интеллигентный молодой человѣкъ даже отвернулся. Послѣднее движеніе не ускользнуло отъ вниманія старика, и онъ даже вздохнулъ. „Эхъ, бѣдность, бѣдность...“ думалъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прихлебывая стерляжью уху.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—вздохнулъ старикъ, дѣлая передышку.

Кончивъ свою порцію, старикъ почувствовалъ себя точно виноватымъ. Это было навязчивое, обидное чувство, когда человѣкъ начинаетъ оправдываться передъ самимъ собой. Старикъ только хотѣлъ покреститься, отыскивая востокъ, какъ глаза его встрѣтились съ улыбавшимися глазами молодой женщины, наблюдавшей его изъ-за плеча, очевидно, своего мужа—сухопараго молодого человѣка.

— Позвольте узнать, сударыня, чему вы изволите смѣяться?—обратился старикъ къ ней.

— А такъ... Жаль мнѣ васъ...

— Меня?!..

— Да... Вотъ вы съѣли порцію стерляжьей ухи, и вдругъ вамъ совѣстно.

— Совѣстно? Это какъ-же такъ выходитъ? Ежели я за свои собственныя деньги... да...

— А ежели у другихъ собственныхъ-то денегъ нѣтъ, да они еще должны смотрѣть, какъ вы чавкаете?..

— Мадамъ, позвольте...

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но только махнулъ рукой и отвернулся.

II.

Путешествіе хорошо уже тѣмъ, что время летитъ совершенно незамѣтно, а спеціально для русскаго человѣка время—величайшій врагъ. Убивать этого врага существуетъ масса способовъ, до картъ включительно. Путешествіе на пароходѣ въ этомъ случаѣ занимаетъ первое мѣсто, потому что и поѣсть можно, и чай пить по три раза въ день, и въ буфетъ заглядывать время отъ времени. Купецъ такъ и дѣлалъ, пока не спустились сумерки.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій рядомъ, ушелъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ отъ работавшей машины такъ и тянуло благодатнымъ тепломъ. Его жена оставалась на мѣстѣ, кутаясь въ теплый платокъ.

— Сударыня, а вы куда изволите проѣзжать?—спрашивалъ старикъ.

— А такъ, куда глаза глядятъ...

— Такъ-съ, дорога самая прямая... А сами откуда изволите быть?

— Гдѣ были, тамъ ничего не осталось...

— Вѣррно-съ... Адресъ, можно сказать, безъ ошибки... Прямо можно сказать: посылай заказное письмо по такому-то адресу. По нашему, по-мужицки, говорится такъ... Спрашиваютъ двухъ бродягъ:—„Гдѣ ты живешь?“ А онъ: „Гдѣ день, гдѣ ночь“. А другой-то говоритъ: „Я насупротивъ него живу, изъ окна въ окно“. Да-съ, случается...

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—передразнила его сосѣдка и вызывающе засмѣялась.

Купецъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и спросилъ:

— А чѣмъ вы занимаетесь, сударыня, т. е. вашъ супругъ?

— Мы вмѣстѣ одно жалованье получаемъ: четыре недѣли въ мѣсяцъ, а пятую—спать...

— „Этакая зубастая бабенка“... удивлялся про себя старикъ, а потомъ прибавилъ вслухъ:—А вашъ супругъ, извините, имѣетъ свою службу?

— Отвяжитесь вы отъ меня... Супругъ... Какой онъ мнѣ супругъ? Такъ, въ родѣ оффиціанта... „Эй, подай тó... подай другое...“

— Это вы, сударыня, изволите совершенно правильное разсужденіе имѣть...

— Скучно... А онъ же мнѣ въ глаза заглядываетъ...

Сдѣлавъ паузу, она прибавила, точно думала вслухъ:

— Если бы онъ хоть разъ пришелъ домой пьяный... да... ну, прибилъ бы меня... подъ глазами синяки съ кулакъ... Ну, я бы визжала, плакала, жаловалась всѣмъ... Вѣдь онъ кругомъ виноватъ, а я у него же прощенья бы просила... Однимъ словомъ, была бы баба бабой!

— Это вы точно, сударыня...

— Я ждала бы его пьянаго цѣлыя ночи на-пролетъ.. А потомъ взяла бы, да и отравила...

Старикъ вскочилъ и сурово заявилъ:

— Ну, ужъ это совершенно напрасно... Такого закону, чтобы мужей травить, бабамъ еще не дадено... Очень даже просто!

Въ отвѣтъ на эти горячія слова старой мудрости послышался тихій, раздражающій смѣхъ, какъ смѣются избалованныя дѣти, когда ихъ щекочутъ. Старикъ поднялся и пошелъ опять къ буфету, а за нимъ по пятамъ тянулся русалочій смѣхъ.

— Старичокъ, на что вы сердитесь? Вернитесь...

Въ буфетъ старикъ не пошелъ, а остановился подъ люкомъ въ машинномъ отдѣленіи и началъ смотрѣть, какъ работаетъ паровая машина. Она казалась старику громаднымъ желѣзнымъ паукомъ, который съ трудомъ втягивалъ и вытягивалъ на себя десятки тонкихъ желѣзныхъ ногъ.

— Любуетесь машиной?—проговорилъ надъ его ухомъ появившійся неизвѣстно откуда худенькій молодой человѣкъ.

— Да... Не вредно удумано. Каждую штучку вѣдь надо было изобрѣсти, да приладить, да отшлифовать.

— А знаете, кто устроилъ эту машину?

— Разные люди, которые поумнѣе...

Молодой человѣкъ засмѣялся и спокойно проговорилъ:

— Нѣтъ, все одинъ человѣкъ и придумалъ, и сдѣлалъ...

— Ну, ужъ это вы извините, господинъ хорошій... т. е. никакъ невозможно!

— А я его знаю... Его зовутъ: *голодный человѣкъ...*

Старикъ даже отодвинулся отъ своего собесѣдника, а потомъ покачалъ головой и проговорилъ:

— Я что же... вѣдь вы, дѣйствительно, того... Ахъ, горе душамъ нашимъ!.. Совсѣмъ даже правильно... *Онъ,* голодный, всякой всячины удумалъ, а гдѣ же сытому. Вѣррно!.. Золотое словечко изволили выговорить...

Подхвативъ молодого человѣка подъ руку, купецъ повелъ его въ сторону буфета.

— Водочку изволите принимать?—спрашивалъ старикъ, когда они остановились передъ закусками.

— Какъ вамъ сказать... — замялся молодой человѣкъ, оглядываясь на дверь.

— Понимаемъ-съ... Вѣдь всѣ супружницы этого не одобряютъ, а ваша меня впередъ вотъ какъ отчитала.

— Да?..

— Въ лучшемъ видѣ...

Молодой человѣкъ весело засмѣялся, быстро выпилъ и велѣлъ налить снова по рюмкѣ.

— А не много ли будетъ?—спрашивалъ купецъ.—У насъ такъ о. дьяконъ на поминкахъ передъ каждой рюмкой спрашиваетъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, купецъ спросилъ двѣ бутылки пива. Они стояли у буфета и благодушествовали. Молодой человѣкъ замѣтно раскраснѣлся и все пожималъ плечами, а потомъ не вытерпѣлъ и спросилъ старика:

— А *она* говорила съ вами?

— Обругали-съ въ лучшемъ видѣ...

— Это у нея нервы... Вы не сердитесь на нее. Если бы вы только знали, какъ мнѣ ее жаль...

Въ голосѣ молодого человѣка послышались слезы, и онъ какъ-то безсильно махнулъ рукой, точно она была у него перешиблена.

— Да, конечно, жена и всякое прочее...—бормоталъ старикъ, чтобы сказать что-нибудь.—Вообще, случается...

— Нѣтъ, тутъ дѣло не вообще, а совершенно особенный случай... Да что мы здѣсь стоимъ—пойдемте на воздухъ.

Они прошли на самую корму и присѣли на свернутый канатъ. Незамѣтно спустился лѣтній вечеръ. На небѣ ярко блестѣли звѣзды, отражаясь въ водѣ. За пароходомъ далеко тянулся двойной слѣдъ, замиравшій на берегу пѣнившейся волной.

— А вѣдь хорошо...—вслухъ подумалъ купецъ.—Вѣдь это благодать, кругомъ благодать... А намъ все мало... Ни у кого ничего нѣтъ, а всѣ другъ дружкѣ завидуемъ... Вотъ, примѣрно, пароходъ—почему онъ не мой, а какой-то компанейскій?

— Ну, это ужъ много будетъ. Вотъ мнѣ этого парохода и даромъ не надо...

— Позвольте, господинъ хорошій... Ежели вамъ пароходъ не нравится, вы его продайте, а на деньги-то и купите то, што по сердцу. Вѣдь деньги, какъ паръ въ машинѣ—во всѣ стороны давятъ и рвутъ.

Пауза. Откуда-то изъ далекой ночной мглы донесся па-

роходный свистокъ, гдѣ-то высоко надъ головой просвистѣла стая дикихъ утокъ, летѣвшая на ночную кормежку.

— Да, деньги—сила,—согласился молодой человѣкъ, попыхивая въ темнотѣ папиросой.—А все-таки... да... Нѣтъ, мнѣ не нужно денегъ. Развѣ на деньги купишь счастье?

— Это вы правильно, потому какъ черезъ золото это самое, можетъ быть, слезъ-то побольше льется, чѣмъ черезъ заплатки...

— А самое скверное то, что богатый человѣкъ дѣлается несправедливымъ...

— Глядя по человѣку...

— Нѣтъ, ужъ извините, тутъ всѣ одинаковы и равны, какъ въ болѣзни. Да и въ Писаніи сказано...

— Извините, что-то какъ будто не упомню...

— Въ церкви читаютъ... Помните: „Легче верблюду пройти черезъ игольныя уши, чѣмъ богатому войти въ царство небесное".

— Да, да...—вспомнилъ старикъ, покачивая головой.

— И еще въ Писаніи сказано: „Кая-бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ".

— Ахъ, Господи, да вы изъ духовныхъ, хорошій господинъ?

— Нѣтъ, такъ, просто... Люблю иногда божественное почитать.

— Читать-то, милый человѣкъ, одно, а понимать другое...

— А къ дѣлу, т. е. къ своей жизни приложить—третье...

— Это вы изволите выражать даже очень умственно... Охъ, горе душамъ нашимъ!..

— Нужно своимъ маленькимъ довольствоваться и никому не завидовать.

— Это вы насчетъ парохода-то?

Опять пауза. Чуткая тишина лѣтней ночи усиливаетъ впечатлѣніе шумной работы машины. Тяжелые вздохи паровика, подавленный гулъ движущихся членовъ желѣзнаго скелета, какой-то желѣзный скрежетъ вѣчно голоднаго чудовища, дышащаго огнемъ...

— А *она*—славная...—заговорилъ молодой человѣкъ такимъ тономъ, точно старался убѣдить самого себя.—Знаете, сейчасъ мы возвращаемся изъ Малороссіи къ себѣ домой... въ Лаишевскій уѣздъ... Цѣлыхъ два года промаячили въ Малороссіи. Кто-то вѣдь придумалъ: „благословенная Малороссія". Х-ха... Ну, мы и повѣрили... да...

— Видно, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ?

— Вѣдь мы спали и видѣли только одну эту Малороссію. Ну, а тутъ я получилъ маленькое наслѣдство... Такъ, тысячи три—четыре. Много-ли намъ двоимъ нужно? Сейчасъ

я бросилъ службу, пораспродалъ весь скарбъ—и въ дорогу. Былъ у меня въ Полтавской губерніи знакомый учитель, который жилъ своимъ хуторкомъ. Ну, мы къ нему... Очень намъ понравилось. Бѣленькая хатка, баштанъ, вишневый садочекъ, свои арбузы. Однимъ словомъ, помирать не надо.. И намъ онъ помогъ купить имѣньице, т. е. такъ, клочекъ земли въ пять десятинъ. Была и своя хатка, и садикъ, и огородикъ... Мечта!.. Понимаете? Когда мы перешли на свою землю, я заплакалъ, какъ ребенокъ... Конецъ скитаньямъ... Самъ, своими руками буду все дѣлать и буду жить трудами только собственныхъ рукъ... А жена мечтала о курочкахъ, уточкахъ, гусяхъ, поросятахъ... Хозяйство-то, какъ колесо, заразъ всѣми спицами вертится, и ни одну вынуть нельзя. Однимъ словомъ, радуемся до слезъ, точно во второй разъ родились... Жена сразу оживилась. Набѣгается по хозяйству день-деньской—ну, конечно, и аппетитъ отличный, и сонъ мертвый.

— И картошку, и огурчикъ, и капустку садили?—спрашивалъ купецъ, увлекаясь хозяйственными мечтами.—Помилуйте, первое это дѣло, чтобы настоящій крѣпкій овощъ... да. А фруктъ—это сущіе пустяки. Одно баловство.

— Съ овощами-то мы и не могли устроиться...

— Какъ такъ?!.

— Еще картошка кое-какъ росла, а капуста и огурецъ не согласны... Нашихъ сортовъ и не выгонишь, а ихніе—не нашъ вкусъ.

— Капуста требуетъ землю сырую и потную и чтобы ее морозцемъ взбадривало. У огурца опять своя церемонія... Супротивъ нашего-то муромскаго огурчика по всему свѣту не сыскать... Даже самъ колется отъ своего сѣмя...

— У хохловъ свое хозяйство...

— А рыбка полагается?

— Совсѣмъ мало... Озеръ нѣтъ, рѣкъ мало... Такъ, коегдѣ помѣщики разводятъ у себя въ прудахъ карасей да карповъ.

— Такъ, такъ... А безъ рыбки-то даже вотъ какъ скучно, особенно кто ежели посты соблюдаетъ...

Купецъ широко вздохнулъ, разгладилъ бороду и спросилъ:

— Ну, такъ какъ-же вы тамъ съ имѣньемъ-то своимъ управлялись, господинъ хорошій?

Молодой человѣкъ болѣзненно съежился и тихо отвѣтилъ:

— А такъ... Бросили все и бѣжали...

— Ну-у?!. Т. е. позвольте, въ какомъ это смыслѣ: бѣжали?

— Даже безъ всякаго смысла бѣжали... Не у чего было оставаться.

— А имѣнье-то?

— Вотъ въ немъ-то и вышла вся наша бѣда... Пробовали развести фруктовый садъ—всѣ деревья вытащили и переломали. Развели огородъ... весь овощъ раскрали... да... Гусей, утокъ, куръ—все раскрали. Парочку овечекъ кормили и поросеночка—тоже.

— Скажжите... Кто-же это озорничалъ?

— А вотъ это и неизвѣстно... Мы никому зла не дѣлали.

— Такъ, такъ... Даже со стороны это обидно. Да-а... Ну-съ, что-же вы сдѣлали подъ конецъ, господинъ хорошій?

— Да что было дѣлать: продали все за половину цѣны мѣстному лавочнику, а сами бѣжали. И стыдно, и обидно, а ничего не подѣлаешь... Теперь ни къ чему домой ѣдемъ... Вотъ жена-то и волнуется впередъ.

— Даже вполнѣ понятно, хоть до кого доведись... Ахъ, горе душамъ нашимъ!.. И все такъ на бѣломъ свѣтѣ дѣлается... Одинъ скачетъ, а пятеро плачутъ...

III.

Ночь. Темная іюльская ночь. Небо покрыто облаками. Въ прорывахъ тучъ иногда мелькаютъ одинокія, точно заблудившіяся въ недосягаемой вышинѣ, звѣздочки. По рѣкѣ ползетъ колыхающейся массой туманъ. Публика уже спитъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ неугомонныхъ пассажировъ, которые бродятъ, какъ ночныя тѣни. Старикъ-купецъ устроилъ себѣ на лавочкѣ походную постель и готовился заснуть. Но въ самый интересный моментъ, когда мысли уже начали путаться въ головѣ, его кто-то осторожно потрогалъ за руку. Онъ быстро сѣлъ и увидѣлъ стоявшую передъ нимъ странную сосѣдку. Она куталась въ свой теплый платокъ, какъ привидѣніе.

— Сударыня...

— Я вамъ помѣшала спать?—тихо спросила она.

— Нѣтъ, ничего-съ... Такъ, вздремнулъ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и заговорила:

— Вы меня презираете?..

— Я-съ? Помилуйте, не имѣю никакого полнаго права...

— А мужъ вамъ жаловался на меня?

— Нѣтъ-съ, былъ посторонній разговоръ...

— Ахъ, не обманывайте меня... Онъ всѣмъ жалуется. Ходитъ по пароходу и жалуется.

— Это вы изволите совершенно напрасно воображать себѣ...

— Знаю, знаю, а только я не виновата... да... А васъ какъ зовутъ?

— Егоромъ, сударыня... Егоръ Иванычъ Пышкинъ.

— Ну, фамилія глупая, а имя хорошее... Вѣдь въ имени каждаго человѣка сказана впередъ вся его судьба. Егоръ— это и бодро, и серьезно... да. Вотъ я называлась Глафирой, да еще Кузьминичной... Развѣ изъ такого глупаго имени можетъ быть что-нибудь хорошее? Вотъ прожила всю жизнь, а ни одной еще порядочной Глафиры не встрѣчала... Такъ, шушера разная: старыя дѣвы, просвирни, разведенныя жены...

— Изволите ошибаться, сударыня... У насъ въ городу есть одна Глафира Павловна, такъ женщина, можно сказать, первый сортъ. И при собственномъ капиталѣ, и при собственномъ каменномъ домѣ, а мужъ—тише воды, ниже травы. Преотличная дама, однимъ словомъ...

— А все-таки Глафира...

Она тихонько засмѣялась, а потомъ проговорила уже другимъ тономъ:

— А знаете, что я сейчасъ думала? Ни за что не угадать... да... Я боюсь воды... Вѣдь всего одинъ шагъ, бросилась въ воду и поминай, какъ звали. Можетъ быть, кто-нибудь и пожалѣетъ сумасшедшую Глафиру... Вотъ вы первый, вѣдь пожалѣете?

— Всеконечно... И даже весьма, потому очень еще вы молоды и все у васъ впереди... А кромѣ всего прочаго, самое-то главное въ каждомъ человѣкѣ—душа. Вотъ душу-то и надо пожалѣть...

— Послушайте, Егоръ Иванычъ, вы совсѣмъ не то говорите... Вы мнѣ годитесь въ отцы и должны меня побранить.. да... По настоящему побранить, чтобы мнѣ сдѣлалось совѣстно-совѣстно... Зачѣмъ я, напримѣръ, чужой вѣкъ заѣдаю?

— Это вы насчетъ супруга?

— Да.. Вѣдь нашлась-бы другая женщина, съ которой онъ былъ бы счастливъ.. У нихъ были бы такія хорошія дѣтки, а *онъ* такъ любитъ дѣтей... У васъ есть дѣти?

— Ахъ, барыня, барыня... Всякія вѣдь дѣтки-то бываютъ, особенно по нынѣшнимъ временамъ. Еще ходить не выучился, а ужъ родителевъ не уважаетъ... Даже очень просто!.. У меня двѣ дочери замужемъ да сынъ неженатый...

— Вотъ и отлично... И не жените, а то попадется еще жена такая-же шалая, какъ я.

— Все отъ Бога, сударыня... Кому ужъ какое счастье.

— А отчего-же у меня нѣтъ счастья? Мужъ хорошій, смирный, а я все злюсь... Настоящая змѣя подколодная... Какія слова ему говорю... Другой мужъ такую-то жену десять бы разъ убилъ... И вѣдь все я отлично понимаю, и про себя вотъ какъ раскаиваюсь, и даже плачу по ночамъ...

Самой на себя обидно!.. Да... А удержаться никакъ не могу.

— Богу нужно молиться, сударыня...

— А если во мнѣ настоящей молитвы нѣтъ?

— Тогда нужно плакать, сударыня... Слезы—тоже молитва.

— И плакать не могу... Если и плачу, то со злости.

— И опять грѣхъ... Угодники-то Богу молились со слезами, а не злились.

— На то они и угодники были, а мы... Ахъ, тоска тоскучая!.. Я вотъ разговариваю съ вами, а сама ненавижу васъ... да...

— За что-же-съ, позвольте узнать?

— За все... А главное, за то, что вы такъ довольны собой. Да... Я вотъ мѣста не нахожу себѣ, а вы собой любуетесь... Навѣрно, и жену еще свою колотите... Да? Знаю, знаю этакихъ-то благочестивыхъ старичковъ... Чуть что, и сейчасъ жену въ ухо, чтобы въ головѣ дня три звенѣло, какъ на колокольнѣ въ Пасху...

— Ну, это вы напрасно, сударыня... Не случалось. Нынче и скотину, и ту не бьютъ.

— Потому что нѣтъ разсчета... А почему-же не отколотить собственную супругу? Законъ-то вѣдь за васъ... Это называется: мужъ жену учитъ. За скотину-то деньги плачены, а жена даромъ досталась...

— Видите ли, сударыня, вѣдь жены-то разныя бываютъ...

— А почему бьютъ именно хорошихъ женъ? Своими глазами сотню разъ видала... Живешь въ деревнѣ, такъ вашего мужского звѣрства досыта насмотришься...

Старикъ тяжело вздохнулъ и только махнулъ рукой. Молодой человѣкъ, притворявшійся спящимъ, неожидачно фыркнулъ отъ смѣха, вскочилъ и убѣжалъ въ буфетъ.

— Видѣли?—спрашивала она.—Ему-же и смѣшно, идіоту...

Старикъ молча поднялся и тоже пошелъ къ буфету. Изъ-за двери выставилась голова молодого человѣка, который продолжалъ улыбаться.

— Ну, и купоросъ мѣдный, а не женщина, — говорилъ старикъ, входя въ буфетъ.—Самыя кусательныя слова такъ изъ нея и сыплются, точно изъ мѣшка съ горохомъ, когда его проткнутъ палкой...

Молодой человѣкъ продолжалъ улыбаться.

— „Да онъ съ ума спятилъ или отъ роду блаженненькій“,—невольно подумалъ купецъ.

Выпили по двѣ рюмки. Старикъ какъ-то сразу размякъ и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. „Очень просто... да... всеконечно... гмъ“... Въ буфетъ заходила „публика“, торопливо „проглатывала рюмку“ и возвращалась на палубу по

своимъ мѣстамъ. Буфетчикъ дремалъ за своей стойкой глядя на гостей непонимающими глазами.

— Тяжело вамъ, господинъ хорошій, день-то деньской за стойкой торчать?—пробовалъ опять заговорить старикъ.

— Ничего, мы привыкши...

Послѣ легкой выпивки въ буфетѣ, Егоръ Иванычъ взялъ молодого человѣка подъ руку и повелъ на верхнюю палубу, куда допускалась только публика перваго и второго классовъ. Разставленныя по бортамъ скамейки были сейчасъ пусты, и друзья заняли одну изъ нихъ.

— Расчудесное дѣло...—думалъ старикъ вслухъ.

— Именно?

— А такъ... вообче... Значитъ: благодать.

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать, но старикъ перебилъ его:

— Позвольте, господинъ хорошій... да... Какъ ни какъ, а съ женой надо помириться. Мало-ли што бываетъ по семейному дѣлу... Женщина — слабъ сосудъ, какъ въ писаніи сказано. Да...

— Ахъ, ужъ и надоѣли вы мнѣ съ своимъ „писаніемъ"...

— А вы не сердитесь... Не нами удумано, не нами и кончится. Да... Такъ первое дѣло: всякаго человѣка надо жалѣть. Счастливыхъ людей нѣтъ, у всякаго есть свое горе... да. Теперь возьмемъ такой случай, что человѣкъ не понимаетъ... Живетъ и не понимаетъ.

— Случается...

— И всѣ мы ничего не понимаемъ... А со стороны-то и жаль смотрѣть... Особенно на молодыхъ людей... Даже вотъ какъ жаль... Эхъ, самое это любезное дѣло, ежели-бы миркомъ да ладкомъ.

— Я понимаю, куда вы клоните... Только я-то при чемъ тутъ?

— А надо умѣть, господинъ хорошій... Надо въ другой разъ и видѣть да не видѣть, и слышать да не слышать. Что дѣлать, видно, ужъ такія времена настали...

Старикъ долго говорилъ въ этомъ родѣ, говорилъ, въ сущности, „пустыя слова", но молодой человѣкъ слушалъ его съ жадностью. На него, главнымъ образомъ, гипнотизирующе дѣйствовалъ спокойный, мѣрный тонъ старческаго увѣщанія.

Темная лѣтняя ночь обняла Волгу. Жуткая тишина настраивала воображеніе. Егоръ Иванычъ нѣсколько разъ зѣвнулъ и заявилъ:

— Пора и на боковую... д-да.

Молодой человѣкъ, какъ тѣнь, поплелся за нимъ. Старикъ угрюмо молчалъ и молча расположился на своемъ ложѣ.

Онъ тяжело вздыхалъ, а потомъ захрапѣлъ. Сквозь сонъ онъ почувствовалъ, что кто-то осторожно присѣлъ къ нему на лавочку. Егоръ Иванычъ быстро сѣлъ. Это была опять Глафира.

— Сударыня...

— Извините меня...—умоляюще прошептала она.—Мнѣ тошно... тяжело... Ахъ, какъ тяжело!..

Она наклонилась къ нему и тихо прибавила:

— Меня такъ и тянетъ броситься въ воду... Ради Бога, держите меня... Ахъ, какъ тяжело... Вѣдь вы говорили, что у васъ есть дочь?.. Навѣрно, и ей бываетъ тяжело...

— Ахъ, сударыня...

— Вы разсердитесь на меня... побраните...

У старика что-то захолонуло на душѣ. Ему вдругъ стало жаль вотъ эту несчастную, которая, какъ ночная птица, летѣла на окно, освѣщенное чужимъ свѣтомъ. Надо было что-то сказать, успокоить, просто пожалѣть вслухъ, а словъ не было. Голова была, какъ пустой карманъ.

— Что-же я вамъ скажу, дорогая моя? Вѣдь я простой человѣкъ, и во мнѣ никакихъ образованныхъ словъ нѣтъ...

— Вотъ именно и не надо этихъ образованныхъ словъ.. Очертѣли они мнѣ... А что-нибудь простое, строгое... чтобы я плакала настоящими, а не злыми слезами...

Старикъ молчалъ. Онъ долго покачивалъ головой, стараясь что-то припомнить, а потомъ рѣшительнымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣту такихъ словъ, сударыня... Это въ прежнія времена, дѣйствительно, бывали строгія, сурьезныя слова, а нынче... Какъ-бы это вамъ понятнѣе выразить? Въ деревнѣ жили, такъ видали, какъ хлѣбъ молотятъ... да-съ... Хорошее-то, полновѣсное зерно поближе къ хозяину падаетъ, а пустое-то вмѣстѣ съ мякиной летитъ во всѣ стороны...

— Къ чему вы это говорите? Я ничего не понимаю...

— А такъ, для вразумленія... Очень ужъ дешевыя слова пошли кругомъ, ну, ихъ и разноситъ во всѣ стороны, какъ мякину...

— И все-таки не понимаю, хоть убейте...

— Очень даже просто: и слова бываютъ пустыя, и люди пустые... Оно ужъ одно къ одному. Извините, есть такая мужицкая поговорка: свинья не родитъ бобра... Ежели человѣкъ не будетъ себя взнуздывать, ну, и пропалъ...

Она тихо засмѣялась.

— Вотъ вамъ смѣшно, сударыня, а я даже весьма сурьезно... Надо все сурьезно дѣлать. Тогда и горя не будетъ... И всѣ будутъ между собой, какъ братья...

— Скучно, терпѣнья не хватитъ...

— А въ терпѣньи-то и вся наша сила!.. Все отъ терпѣнья...

— Это со стороны-то легко говорить, а вотъ посадить бы васъ въ нашу бабью кожу... Вѣдь вы ни за какія деньги не согласились-бы превратиться въ бабу?

— Зачѣмъ же это-съ, позвольте?

— А такъ, къ слову... Впрочемъ, тутъ не о чемъ и разговаривать. Курица не птица, баба не человѣкъ.

Пауза. Глухо гудитъ машина, тяжело вздыхаетъ паровозъ, точно его душитъ какая-то невидимая рука.

— Говорите же что-нибудь...—шептала женщина въ сѣромъ платкѣ.—Вѣдь слова такъ дешево стоятъ... А у меня никого-никого нѣтъ. Однимъ словомъ: „нимфа", какъ меня называетъ мужъ. Мнѣ такъ хочется чего-нибудь бояться... бояться и кого-то любить... Такъ, по хорошему любить, чтобы и у самой на душѣ тепло дѣлалось... Вѣдь есть-же на бѣломъ свѣтѣ хорошіе люди? Когда была маленькой, я такъ любила ходить въ церковь. Угодники смотрятъ съ образовъ такими строгими-строгими глазами, а ты знаешь, что они всѣ до одного были добрые и хорошіе... Я и житія святыхъ любила читать, страшно и хорошо, и хотѣлось плакать...

— Сударыня, вотъ что я вамъ скажу: пора спать...

Она вскочила, какъ ужаленная, посмотрѣла на него округлившимися глазами и покорно пошла къ своей лавочкѣ.

IV.

Егоръ Иванычъ не сумѣлъ бы сказать, что съ нимъ было: какъ будто задремалъ, а какъ будто и нѣтъ. Мимо него ходили люди, разыскивая свободныя мѣста, гдѣ-то переругивались невидимые голоса, пароходъ стоялъ у какой-то пристани, и т. д., и т. д. Потомъ пароходъ двинулся, загудѣлъ и вдругъ остановился. Поднялась суматоха.

— Вонъ тамъ бросилась!.. — хрипло кричалъ кто-то.— Прямо подъ колесо.

— Кто бросился?

— А женщина въ сѣрой шали...

— Давайте лодку!!!

Очнувшись, Егоръ Иванычъ сразу понялъ, какая женщина бросилась въ воду, и набожно перекрестился.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—благочестиво шепталъ онъ..

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Передвинутыя души.

Очерки.

IV.

Кавказцы.

Двѣ націи мало пострадали отъ общей реакціи: это армяне и татары. Причина, можетъ быть, та, что онѣ дрались только между собою, сперва дрались, потомъ помирились.

Когда двое дерутся, всегда бываетъ и третій, tertius gaudens. Кто такой этотъ третій, можно узнать изъ доклада сенатора Кузминскаго о дѣйствіяхъ Бакинской полиціи.

Однако, чтобы быть безпристрастнымъ, слѣдуетъ помнить, что Кавказъ страна разнообразная, даже въ отношеніи политики властей.

Были мѣста, какъ Баку, гдѣ власти помнили только одно: армяне крамольники, и ихъ надо подавить во что бы то ни стало. Были другія мѣста, гдѣ власти хранили вооруженный нейтралитетъ. Были, наконецъ, и третьи мѣста, гдѣ власти, начальники военныхъ отрядовъ, помнили другое: армяне христіане, и имъ надо помогать противъ татарскаго погрома.

Въ Шушинской рѣзнѣ въ армянскихъ рядахъ сражались русскіе солдаты и казаки; они выходили изъ казармы и возвращались обратно. Никто имъ не препятствовалъ. Четверо солдатъ было убито, нѣсколько казаковъ ранено.

Какъ бы то ни было, враждующіе народы въ концѣ концовъ взялись за умъ и заключили миръ. Я не былъ на Кавказѣ лѣтъ восемь, и, признаюсь, когда я читалъ въ газетахъ объ этомъ мирѣ, я принималъ его всегда, cum grano salis. Всѣ мы знаемъ, какъ примиряются между собою враждующія партіи и націи,—съ камнемъ за пазухой и съ ножемъ наготовѣ. Но, когда я проѣхалъ по Кавказу минувшимъ лѣтомъ, я увидѣлъ, что примиреніе серьезнѣе, чѣмъ можно думать.

Правда, взаимная нервность все-таки осталась. И даже интел-

лигентные кружки обѣихъ націй держатся особо. Въ бытность мою въ Баку, когда мнѣ случалось долго бывать съ армянами, кто нибудь изъ татаръ потомъ непремѣнно спрашивалъ съ нервнымъ любопытствомъ: „Ну-ка, ну-ка, что армяне говорятъ объ насъ"... И точно также армяне спрашивали объ татарахъ. Но въ отзывахъ, вмѣсто вражды, слышалось скорѣе уваженіе къ сопернику.

Это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда слѣпая и ожесточенная рѣзня въ результатѣ породила смягченіе взаимной ненависти. Такому результату способствовало много причинъ.

Борьба окончилась въ ничью, обѣ націи сохранили свои позиціи. Сперва нападали татары, но армяне, хотя и не столь многочисленные, защищались отчаянно и мѣстами, въ свою очередь, переходили въ наступленіе. Надо замѣтить, что исторически армяне на Кавказѣ нація побѣжденная и оттѣсненная въ горы. Около древняго монастыря Ахпата, въ Армянскихъ горахъ, я видѣлъ пещеры, куда спасались армяне со своимъ скотомъ отъ страшнаго врага. И на развалинахъ горной крѣпости Даставанкъ стояла краснорѣчивая надпись: «Въ горькую эпоху татарскаго нашествія».

До прихода русскихъ армяне были на Кавказѣ, почти такъ же, какъ въ Турціи, на положеніи райи. Послѣ прихода русскихъ армяне, какъ христіане, усвоили быстрѣе начатки культуры и, благодаря этому, успѣли захватить въ городахъ нѣкоторыя новыя позиціи. Но въ селахъ все было, какъ прежде. Тамъ была въ силѣ татарская поговорка: *Эрмени гангерутъ*—армянинъ боится крови.

Армяне опровергли эту поговорку, между прочимъ, во время Сассунскаго возстанія 1903 года, но оно окончилось для нихъ несчастливо. Нѣсколько тысячь народу было избито, нѣсколько десятковъ тысячъ бѣжало, по старой памяти, въ Россію. Но на границахъ стояли кордоны и перехватывали бѣженцевъ.

Въ Кавказской рѣзнѣ позиція армянъ была сильнѣе. Они, конечно, не могли превзойти татаръ храбростью, но, благодаря своей культурности, они были лучше организованы и лучше вооружены. Они пустили въ дѣло мины и снаряды, даже самодѣльныя пушки.

Ожесточеніе этой борьбы часто доходило до крайняго предѣла. Мнѣ довелось видѣть много зынворовъ, армянскихъ дружинниковъ, но изо всѣхъ разсказовъ самый кровавый и мрачный—это короткій разсказъ бойца изъ Эривани.

— Это было тогда,—сказалъ онъ,—когда мы пополняли цифры.

— Какія цифры?

— Воровали людей и пополняли цифры. Если, напримѣръ, татары нашихъ убьютъ за день человѣкъ двѣнадцать, а наши убьютъ только девять, мы заляжемъ въ садахъ около татарскаго квартала и ловимъ татаръ. Одного, другого, третьяго, сколько не хватаетъ. Поймаемъ и утащимъ къ себѣ и зарѣжемъ, потомъ закопаемъ подъ землю.

Этотъ дружинникъ былъ крестьянинъ. Интеллигентъ не сталъ

бы такъ разсказывать. Я смотрѣлъ на его руки. Онѣ были узкія, сухія. Весь онъ былъ маленькій, проворный, сухой. И голосъ у него былъ тихій и какъ будто кроткій. Но даже товарищей его покоробило отъ этого тихаго разсказа.

Татарскіе подвиги были нисколько не лучше.

— Вотъ здѣсь стоялъ Ашуровъ,—разсказывала мнѣ одна бакинская дама,—и смотрѣлъ на пожаръ. Горѣло въ армянскомъ кварталѣ, и доносились крики. А онъ смѣялся и говорилъ: «Ахъ, какъ горитъ. Сердце радуется»...

Равенство силъ ярко сказалось въ Шушинской рѣзнѣ. Мнѣ разсказывали дружинники:

— У насъ было три рѣзни въ Шушѣ. Послѣ первой рѣзни татары заперли ущелье Агдамъ, откуда караваны приходятъ въ Карабахъ.

— Наши села остались безъ хлѣба. Тогда мы заперли ущелье Аскерянъ, на десять верстъ ниже. Тамъ есть старыя башни по обѣ стороны ущелья.

— Татары забирали наши караваны, а мы татарскіе, сахаръ, хлѣбъ. Все стало. Соль пересылали въ конвертахъ по почтѣ. Купцы стали посылать смѣшанные караваны, армяно-татарскіе, подъ бѣлымъ флагомъ. Дойдутъ до города, разберутъ. Это твое, а это мое.

— Долго терпѣли, потомъ поневолѣ пришлось помириться. Оттого даже пословица составилась: «Если вы намъ запрете Агдамъ, мы вамъ запремъ Аскерянъ».

Между прочимъ, довольно извѣстный эпизодъ съ начальникомъ русскаго отряда фонъ-Озаровскимъ разыгрался именно передъ Аскеряномъ.

Фонъ-Озаровскій шелъ въ Шушу. Узнавъ, что Аскерянъ запертъ, онъ распалился гнѣвомъ и выпустилъ обращеніе къ армянамъ, написанное въ стилѣ Неистоваго Орланда. Это обращеніе было напечатано во многихъ русскихъ газетахъ. Оно, между прочимъ, говорило: «Разгромлю ваши аулы. Горы Кавказа эхо отдадутъ. Убейте меня, если смѣете. Я буду въ бѣлой буркѣ», и т. д.

Армянскія дружины пропустили фонъ-Озаровскаго безпрепятственно. Но когда онъ прошелъ, онѣ снова заперли ущелье и задержали татаръ, шедшихъ сзади русскаго отряда. По этому поводу генералъ Потто напомнилъ въ Тифлисскомъ Листкѣ: «Ровно сто лѣтъ тому назадъ русскіе вели войну съ татарами въ этой мѣстности. Армянскіе добровольцы съ Юзбашевымъ во главѣ указали имъ дорогу сквозь Аскерянъ и помогли имъ обойти татаръ съ тылу».

Несмотря на сотни убитыхъ и огромныя матеріальныя потери, армяне вышли изъ этой борьбы съ повышеннымъ самосознаніемъ.

Мелкіе люди теперь единодушно повторяютъ: — Стало другое житье. Четыре года тому назадъ попробуй, не дай дороги—убьютъ.

Татарскіе беки присылали въ село: нужно ячменя, того и сего. Поневолѣ давали. Теперь чужимъ не даемъ...

— Пастухи мимо гонятъ татарское стадо, на горные луга, потравъ не оберешься. Теперь какую дорогу укажешь, проходятъ: какъ по стрункѣ. Тихо, хорошо. Новый свѣтъ увидали....

Эта новая равноправность дала также нѣкоторые неожиданные результаты. Разбойники прежде были исключительно татарскіе. Они грабили кого попало, мусульманъ и христіанъ. Теперь армянское племя обзавелось собственными разбойниками. Оно имѣетъ ихъ, кажется, больше, чѣмъ нужно. Мирное размежеваніе племенъ отразилось и въ этой области. Армянскіе и грузинскіе экспропріаторы грабятъ только христіанъ, татарскіе головорѣзы грабятъ мусульманъ. Тѣ и другіе соперничаютъ въ удальствѣ и отзываются другъ о другѣ съ уваженіемъ: «Это хорошіе, правильные люди. Они убиваютъ только своихъ».

Съ армяно-татарской рѣзней связано также пробужденіе татарскаго народа. По крайней мѣрѣ, это одна изъ его причинъ.

— Безъ этого грома дольше спали бы,—говорилъ мнѣ одинъ татарскій наборщикъ.

— Я ставилъ каблуки, теперь научился ставить буквы вмѣстѣ...

Пробужденіе магометанскихъ народовъ—фактъ общеизвѣстный. Онъ бросается въ глаза не только въ Турціи и въ Персіи, но также въ Казани и въ Астрахани, въ Баку и въ Тифлисѣ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ завелись молодые татары, которые очень похожи на константинопольскихъ младотурокъ. Ихъ можно узнать даже по внѣшности и по выраженію лица. У нихъ веселые глаза, бойкіе жесты, самоувѣренныя рѣчи.

Они переживаютъ героическую эпоху, медовый мѣсяцъ культурнаго самосознанія, вродѣ того, какъ мы переживали въ шестидесятые года. Они затронули сразу всѣ области жизни. Политика, религія, театръ, многоженство, новая мебель, музыка, новая школа, новая литература. Они не хотятъ оставить камня на камнѣ отъ прежней косности.

Чѣмъ дальше, это становится шире. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее стихійное единодушіе смѣнилось расчлененіемъ. Явились татарскіе эсдеки и магометанскія забастовки. Съ другой стороны, появились магометанскіе черносотенцы.

Въ городѣ Казани эта рознь дошла до серьезныхъ послѣдствій. Минувшей весною тамъ была устроена процессія съ участіемъ «союза русскаго народа». Двадцати пяти мулламъ было предложено тоже участвовать. Иные уклонились, другіе подчинились и участвовали. Черезъ мѣсяцъ трое изъ уклонившихся, все молодые прогрессивные муллы, были арестованы по обвиненію въ панисламистской агитаціи. Конечно, изъ Казани хоть три года скачи—не доскачешь ни до какого панисламизма. Но это никого ни смутило. Одного изъ арестованныхъ обвиняли въ сношеніяхъ съ Египтомъ (?).

Группа татарскихъ черносотенцевъ стала собирать адресъ или, точнѣе сказать, доносъ противъ арестованныхъ муллъ. Они собрали 25 подписей. Въ томъ числѣ были нѣсколько старыхъ купцовъ, четыре многоженца, какой-то древній мулла. Они явились съ своимъ адресомъ къ начальству и заявили: «По нашему зашлите ихъ хоть на край свѣта».

Прогрессивные элементы стали собирать контръ-адресъ. Они собрали больше тысячи подписей въ защиту пострадавшихъ. Излишне прибавлять, что эта защита не оказала дѣйствія. Египетскіе эмиссары были отправлены въ Вологду.

Въ городѣ Нахичевани дѣло зашло, пожалуй, еще дальше. Надо замѣтить, что Нахичевань тоже былъ отмѣченъ погромомъ. Во главѣ черносотенной партіи стоитъ извѣстный родъ хановъ Нахичеванскихъ. Генералъ Алихановъ Аварскій имѣлъ жену изъ этого рода. Однимъ словомъ, могущественные люди. Однако, на городскихъ выборахъ прогрессивные татары соединились съ недавними врагами, армянами и провалили Хана Нахичеванскаго, а провели въ городскіе головы Эйналова, лѣвого прогрессиста. Ханъ Нахичеванскій принялъ свои мѣры, мѣстныя, но онѣ никого не застращали. Тогда онъ явился съ жалобой къ губернатору. Губернаторъ два раза не утверждалъ выборовъ Эйналова, и въ концѣ концовъ городскимъ головою сталъ ханъ Нахичеванскій.

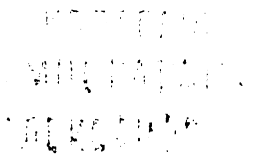
Изъ этого факта можно видѣть, что армяно татарское примиреніе уже приноситъ результаты. Мнѣ говорили татары: «Гдѣ больше дрались, тамъ теперь больше подружились».

Въ селеніи Алдамѣ, черезъ два года послѣ погрома, армяне дали въ своей приходской школѣ нѣсколько мѣстъ татарскимъ ученикамъ. Мѣста брались съ бою. На каждое было нѣсколько кандидатовъ армянскихъ и татарскихъ.

Успѣхи народнаго образованія среди татаръ за послѣдніе годы всего поразительнѣе. Напримѣръ, въ Баку четыре года тому назадъ общее число учащихся было 500, теперь 5000. Въ реальномъ училищѣ мусульманскихъ учениковъ было 60; теперь 350 (изъ общаго числа въ 1500). Въ Баку существуетъ 14 русско-татарскихъ школъ, три общества для распространенія грамотности: Неджатъ, Саадетъ и Нашримъ Арифъ. Эти общества устроили 24 низшія школы, не считая сельскихъ.

Русско-татарскія школы, впрочемъ, существовали и раньше. Онѣ уже дали возможность татарскому населенію завоевать новыя экономическія позиціи, ибо изъ нихъ выходятъ кадры молодыхъ торговцевъ и приказчиковъ для галантерейной торговли, для магазиновъ готоваго платья, женскихъ нарядовъ и т. п. Раньше въ этихъ отрасляхъ не было татарскихъ торговцевъ.

Въ торговлѣ хлѣбомъ и шерстью татары также стали укрѣпляться рядомъ съ армянами, чего прежде не бывало. Въ Бакинской нефтяной промышленности татары съ самаго начала занимали

видное положеніе, какъ аборигены и собственники земли. Но теперь между татарскими нефтяными богачами стали появляться прелюбопытныя фигуры, новыя и вмѣстѣ старыя, смѣшанныя, сдвинутыя съ мѣста и еще не нашедшія устойчиваго равновѣсія.

Старомодная трезвость вступила въ компромиссъ съ новомоднымъ шампанскимъ. Съ одной стороны, многоженство патріархальнаго склада, съ другой стороны—французская кокотка, какъ необходимое дополненіе. Новѣйшій татарскій промышленникъ не можетъ обойтись безъ француженки въ бриллiантахъ. Какъ только появились татарскіе сатирическіе журналы, француженка попала на первыя страницы. Она прогуливается тамъ подъ ручку съ богатыми купцами и съ нефтяными королями и даже со святыми муллами, пилигримами хаджи, которые только что вернулись отъ Гроба Магометова.

Въ этомъ хаосѣ есть, конечно, и положительныя стороны. Малограмотные люди оказываютъ дѣятельную поддержку прогрессивнымъ газетамъ, даютъ деньги на школы, учреждаютъ стипендію для бѣдныхъ. И въ соціальномъ отношеніи забастовки и смуты послѣдняго времени научили этихъ богачей многому, большему, напримѣръ, чѣмъ такихъ же старомодныхъ елецкихъ или горбатовскихъ купцовъ. Можно воочію видѣть, какъ въ азіатскую чащу непроходимой дикости внѣдряется идея странная, и неожиданная, даже корни пускаетъ.

Одинъ и тотъ-же промышленникъ еще вчера вопіялъ:

— Испортили народъ. Развѣ можно тартальщику (черпальщику нефти) платить 28 рублей? Я ему плачу 18 рублей. Пускай на работѣ издохнетъ, собачій сынъ...

Но сегодня онъ приходитъ и вздыхаетъ и говоритъ другое: —По моему ежели такъ, то надо деньги уничтожить. Пока бумажки есть да золото, не будетъ соціально. Пока золото есть, то будетъ накопленіе...

Одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ—это старикъ Тагіевъ, извѣстный богачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и также хаджи. Ему 85 лѣтъ, но онъ крѣпокъ и прямъ, какъ дерево. У него молодая жена, и онъ ѣздитъ съ ней кататься въ Европу. Тагіевъ вышелъ изъ рабочихъ, былъ въ юности носильщикомъ-амбаломъ, теперь имѣетъ состояніе американскихъ размѣровъ.

До 1905 года онъ былъ меценатомъ мусульманскаго просвѣщенія, давалъ деньги на школы, учреждалъ стипендіи. Жена его одна изъ первыхъ сняла чадру. Слово его было закономъ въ Баку. Впрочемъ, и теперь слово его имѣетъ въ Баку огромный вѣсъ. У него много денегъ и связей, и свита у него большая, такая, что не выдастъ. Все это, какъ водится, родичи, односельчане. Я проходилъ вечеромъ мимо его дома. Они стояли у воротъ, большіе, мрачные, и охраняли дорогу. Кто-то крикнулъ на улицѣ. И тот-

часъ же вышелъ одинъ съ кинжаломъ и сказалъ внушительно по русски:—«Зачѣмъ ты крикаешь такъ?» И крикунъ замолчалъ.

Въ этотъ пріѣздъ я не успѣлъ увидѣть Тагіева. Онъ уѣхалъ на утро за-границу. Я думаю, впрочемъ, что старый хаджи теперь не такъ интересенъ, какъ прежде. Онъ черезчуръ испугался, круто повернулъ вспять и теперь всѣмъ заявляетъ направо и налѣво: «Не давайте бѣднымъ учиться. Ученье развиваетъ зависть. Только богатымъ можно учиться. Наука—роскошь»...

И вліяніе его уменьшилось.

V.

Мухтаровъ.

Я хочу нарисовать другую характерную фигуру изъ той же среды. Она свѣжѣе и оригинальнѣе. Это—бакинскій заводчикъ Муртуза Мухтаровъ. Къ имени его иные прибавляютъ: татарскій англичанинъ. Если это и англичанинъ, то онъ не похожъ на россійскихъ англомановъ изъ титулованнаго рода. Муртуза Мухтаровъ—сынъ бѣднаго крестьянина Мухтара. Онъ началъ свою карьеру съ двѣнадцати лѣтъ масленщикомъ на заводѣ и получалъ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Теперь онъ является техникомъ-изобрѣтателемъ и имѣетъ заводъ бурильныхъ инструментовъ, милліонное предпріятіе, единственное въ Россіи. Мухтаровскій бурильный станокъ извѣстенъ даже и въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, Мухтаровъ безграмотенъ. По-татарски совсѣмъ не читаетъ, хотя и оказываетъ дѣятельную поддержку прогрессивной прессѣ. По-русски сталъ учиться читать лѣтъ восемь тому назадъ, два мѣсяца учился. Кое-какъ разбираетъ. Но говоритъ по-русски плохо, мало понятно. Все это не мѣшаетъ ему быть дѣльцомъ и даже спекуляторомъ.

Для того, чтобы добиться своего положенія, Мухтаровъ, дѣйствительно, проявилъ чисто англійскую выдержку и настойчивость. Этотъ безграмотный татаринъ—человѣкъ широкаго размаха. Кто знаетъ, что могло бы изъ него выйти при другомъ исходномъ пунктѣ.

Мухтаровъ недавно развелся съ своей первой женой и женился на осетинской княжнѣ, дочери генерала Дударова, изъ Владикавказа. Лиза-Ханумъ Дударова воспитывалась въ Варшавѣ, ибо въ то время ея отецъ стоялъ въ Польшѣ съ полкомъ. Она говоритъ по-осетински и по-русски, но по-татарски не знаетъ. И какъ это ни странно, супруги объясняются между собой порусски. Однимъ словомъ, вся жизнь Мухтарова сверху до низу, это—своеобразная амальгама стараго и новаго.

Я посѣтилъ Мухтарова на его дачѣ, въ селеніи Мурдукіанъ. Это бакинское дачное мѣсто въ татарскомъ стилѣ. Оно лежитъ на берегу моря. Здѣсь обитаютъ почти всѣ татарскіе богачи. Они

настроили себѣ дворцовъ, а улицы не мощены. Пятнадцать тысячъ населенія, но нѣтъ ни почты, ни телеграфа. Хочешь письмо написать, поѣзжай въ Баку за 30 верстъ. Я видѣлъ въ Мурдукіанѣ два автомобиля. Ихъ привезли на волахъ и поставили во дворъ. И дальше двора на нихъ едва ли возможно ѣздить.

Мурдукіанскіе крестьяне живутъ довольно зажиточно. Прямо на пескѣ подъ солнцемъ зрѣетъ прекрасный виноградъ, почти не требуя ухода. Въ Астрахани, на другомъ концѣ Каспія, за виноградомъ приходится ухаживать и лѣтомъ, и зимою, и расходы достигаютъ 300 рублей на десятину. А бакинскій виноградъ лучше.

Я пріѣхалъ къ Мухтарову вмѣстѣ съ татарскимъ журналистомъ, Ахметъ-Бекомъ Агаевымъ. Это—тоже новый типъ, достойный вниманія.

Ахметъ-Бекъ—глава и деканъ совсѣмъ новаго цеха татарскихъ журналистовъ. Онъ родомъ изъ Карабаха, а учился въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ. Оттого въ родномъ Карабахѣ его прозвали Френги-Ахметъ. Онъ съ одинаковой легкостью пишетъ по-русски, по-французски, по-персидски и по-татарски. Онъ велъ полемику съ Ренаномъ объ исторической роли ислама, на страницахъ «Nouvelle Revue». Есть брошюра его сочиненія: «Женщина по исламу», переведенная на всѣ европейскіе языки. Но денегъ у него нѣтъ. Это не помѣшало ему за послѣдніе три года издавать цѣлую серію газетъ, русскихъ и татарскихъ. Тринадцать изъ нихъ погибли, четырнадцатая, татарская, еще существуетъ.

Въ началѣ эти газеты издавались на деньги богатыхъ покровителей. Но потомъ это надоѣло и имъ, и самому Ахметъ-Беку. Тогда онъ составилъ газетное товарищество изъ 144 пайщиковъ со взносомъ по 75 рублей въ годъ. Товарищество существуетъ уже второй годъ и продолжаетъ изданіе газеты, несмотря на штрафы и убытки. Надо сказать вообще, что татарскія и армянскія общества и товарищества для прогрессивныхъ цѣлей крѣпче и упорнѣе русскихъ.

Ахметъ-Бекъ Агаевъ дворянскаго, бекскаго рода, но еще отецъ его раззорился. Имѣніе перешло въ чужія руки. Раньше дворянскія татарскія земли переходили къ армянскимъ купцамъ, теперь попадаютъ къ татарскимъ промышленникамъ. Не знаю, есть ли въ этомъ какое-нибудь утѣшеніе. Ахметъ-Беку 39 лѣтъ, но выглядитъ онъ гораздо старше.

— Я состарился за эти три года,—сказалъ онъ.—Трудное время было. Съ армянами дрались, между собой дрались. Въ ноябрѣ на митингѣ меня чуть не убили. Пришло пятьдесятъ головорѣзовъ. Насилу меня подхватили, черезъ окно высадили.

— Я, знаете ли, лѣваго направленія,—сказалъ онъ, потомъ помолчалъ и прибавилъ:—То есть, это по нашему. По вашему выйдетъ кадетская программа. Рабочій вопросъ, земельный вопросъ,

мы объясняемъ, что это такое. За то нѣтъ бека, который меня бы не ненавидѣлъ. Всѣ забастовки устраиваю я, даже армянскія.

— Такіе нравы разбойничьи. На прошлой недѣлѣ моего брата чуть не убили. Со станціи поѣхали съ дамой. Извозчиковъ не хватило. Мой братъ одно слово сказалъ. Другой человѣкъ сейчасъ револьверъ выхватилъ. Братъ говоритъ: «За что ты въ меня стрѣлять хочешь?» Онъ держитъ револьверъ, молчитъ. Никто не вступился. Спасибо не выстрѣлилъ.

— Потомъ, когда узнали, что это мой братъ, приходилъ, плакалъ, ботинки цѣловалъ. Говоритъ: «Я—кочи (удалецъ). Я думалъ: ты тоже кочи, знакъ тебѣ подалъ, револьверъ досталъ. Жду, думаю: «Отчего онъ револьверъ не вынимаетъ?»

— Сосѣди его пришли. «Мы сейчасъ убьемъ его». Насилу отговорилъ ихъ. Такіе кочи. Все нефть сдѣлала, легкіе хлѣба, дикія деньги. Всякій сбродъ собирается, кочи-головорѣзы. Каждый богачъ нанимаетъ свою шайку, пѣшую и конную охрану. Головы не жалѣютъ. Это кочи. Лѣтъ тридцать назадъ мирно жили, тогда не убивали такъ. Братъ мой говоритъ: «Когда были ребятишками и ходили въ школу, одинъ разъ человѣка убили, мы два года мимо ходили, смотрѣли на камни. Эти пятна, это его кровь. Такая рѣдкость была, а теперь каждый день въ трехъ мѣстахъ убиваютъ, никакой рѣдкости.

— Что будетъ? Наша пословица говоритъ: «Богъ знаетъ, рыба не знаетъ». Всѣ будемъ кочи, съ револьверомъ въ карманѣ...

Мы застали Мухтарова въ саду. Онъ сидѣлъ на скамьѣ подъ деревомъ и перебиралъ ранніе фрукты. Два садовника приносили ихъ на пробу въ круглыхъ корзинкахъ. Одинъ былъ высокій, черный, другой маленькій, рыжій, босой, съ мутнымъ взглядомъ, похожій на старую обезьяну.

— Этому старику больше ста лѣтъ,—сказалъ Мухтаровъ, а онъ все бѣгаетъ.

Садъ былъ огромный, прекрасно содержимый. Вездѣ были прямыя аллеи, узкія канавки съ водой, плодовые питомники. Но только вмѣсто цвѣточныхъ клумбъ были хорошо раздѣланныя огородныя гряды. Очевидно, полезное еще доминировало здѣсь надъ пріятнымъ.

Мухтаровъ былъ высокій, костлявый, съ огромными руками, крѣпкими и черными, какъ клещи. Ему было около шестидесяти лѣтъ, но станъ его былъ крѣпокъ и прямъ. И въ волосахъ не было ни одного сѣдого, ибо онъ ихъ старательно красилъ. Ротъ у него былъ большой и странно наполненный крупными зубами чистаго золота.

У татаръ, вообще, зубы портятся рано, оттого, должно быть, что они во множествѣ ѣдятъ незрѣлые, кислые фрукты, даже посыпаютъ ихъ солью.

Мы вошли въ новый домъ Мухтарова. Онъ привлекалъ вни-

маніе еще издали своей странной крышей, узкой, высокой и ярко зеленой.

Домъ былъ такъ же оригиналенъ, какъ и его владѣлецъ Мухтаровъ строилъ его самъ по собственному плану. Ибо писать онъ не умѣетъ, а чертить умѣетъ. Даже стиль у этого дома особенный, оригинальный, смѣсь мавританскаго съ замоскворѣцкимъ. Въ центрѣ огромная зала или, скорѣе, крытый дворъ. Высоко надъ головами зеленая крыша и стрѣльчатыя окна. Оттуда, должно быть, прекрасный видъ на близкое море, но забраться туда нельзя. Нѣтъ никакихъ лѣстницъ. Только голуби гнѣздятся и летаютъ сквозь окна.

— Я могу забраться,—сказалъ равнодушно Мухтаровъ и протянулъ передъ нами свои длинныя руки.—Смолоду лазилъ. Возьму веревку и крюкъ, закину черезъ балки; минута, и я тамъ...

Внизу подъ залой вырытъ большой прудъ. Три четверти пруда забраны сосновыми досками, это—полъ залы. А посрединѣ оставленъ открытый бассейнъ, но безъ фонтана. Проточная вода проведена сквозь этотъ бассейнъ; она проходитъ въ садъ и наполняетъ оросительныя канавы, но дынныя корки и разный соръ задерживаются въ бассейнѣ. Въ этомъ странномъ помѣщеніи сосредоточивается вся жизнь семьи. Здѣсь былъ сервированъ обѣдъ, довольно парадный, съ закусками и винами. Но арбузы для прохлады плавали въ бассейнѣ, и горничная съ большимъ искусствомъ доставала ихъ оттуда шваброй.

Домъ примыкаетъ къ обрыву и надъ обрывомъ построена терраса на высокихъ столбахъ. Съ террасы море кажется совсѣмъ близко, но добраться до моря трудно. На двѣ версты тянутся неровные, зыбучіе песчаные бугры.

— Я построю для своей жены крытую галлерею до самаго моря на высокихъ столбахъ,—сообщилъ Мухтаровъ послѣ обѣда, ковыряя зубочисткой въ своихъ золотыхъ зубахъ.

Ахметъ-Бекъ посмотрѣлъ на меня многозначительно и сказалъ:

— А что-жъ, и построитъ.

Такая галлерея могла обойтись тысячъ во сто.

— Нисколько не стыдно мнѣ,—разсказывалъ Мухтаровъ,—что я крестьянскаго рода. Грамотѣ не учился, за то изъ жизни учился. Мальчикомъ былъ, масленщикомъ. Пришли европейцы, все захватили, построили заводы.

— Я сталъ такъ думать: «Отчего я получаю 12 рублей, а онъ полтораста? Такой же человѣкъ. Я пойду учиться». На заводъ пошелъ, ученикомъ слесаря, неохотно взяли. Пять лѣтъ былъ ученикомъ, мастеромъ сталъ, 60 рублей получалъ. Думаю: мало. Пошелъ ученикомъ къ токарямъ по металлу, опять на 30 копѣекъ. Потомъ машинистомъ пошелъ, два года былъ, 120 рублей получалъ; опять пошелъ въ буровую мастерскую послѣднимъ настральщикомъ (уборщикомъ) на 17 рублей въ мѣсяцъ. Научился механикомъ,

буровымъ мастеромъ. На второй годъ получалъ 300 рублей въ мѣсяцъ, да еще футовыя, 50 коп. съ фута. Старшимъ мастеромъ сталъ, подрядчикомъ буренія. Маленькій заводъ открылъ, построилъ одинъ станокъ. Алексѣевъ, русскій промышленникъ, помогъ мнѣ. Теперь у меня 86 станковъ, 3.000 рабочихъ. Бурильные инструменты. Тоже станки дѣлаю, но никому не даю, мнѣ нѣтъ разсчета. Нефть у меня маленькая, ради забавы. Пробурить, деньги получить— вотъ мой оборотъ...

Къ рабочимъ забастовкамъ Мухтаровъ относился безъ боязни и безъ вражды.

— Пускай другіе боятся,—говорилъ онъ.—У него капиталъ уйдетъ, ему все цѣна прежняя: 30 копѣекъ. Возьмите у меня мои деньги. Я буду работать, опять хозяиномъ стану.

— Мои рабочіе не забастуютъ, я иначе плачу. Старыхъ рабочихъ наблюдаю. Есть двое слесарей, русскіе, прежніе товарищи мои, двое уцѣлѣли. Они управляющаго не признаютъ.—«Мы,—говорятъ,—хозяева здѣсь, а ты наемникъ». Получаютъ по 60 рублей, работаютъ 2—3 часа въ день, устали старики. Когда изобрѣтаю, я съ ними совѣтуюсь. Одинъ упорный, говоритъ: «Не пойдетъ, Муртуза». Потомъ по плечу похлопаетъ, скажетъ: «Молодецъ, Муртуза».

— Другіе старые умерли, женамъ пенсіи далъ, денегъ выдалъ поѣхать въ Россію. Недавно одного отпустилъ на четыре мѣсяца на отдыхъ съ жалованьемъ. Двѣнадцать лѣтъ работаетъ.

— Фирма Горна недавно платежъ прекратила, я въ администрацію попалъ; стали рабочихъ разчитывать. Я говорю: такъ нельзя. Надо платить. Кто 8 лѣтъ работалъ,—четырехмѣсячную плату. Кто 6 лѣтъ работалъ, трехмѣсячную плату. Полмѣсяца платы за годъ...

— Что рабочіе бастуютъ, то я ихъ не обвиняю. Попробуйте утромъ вставать, въ шесть часовъ гудокъ, идти на работу, ничего не видѣть. Я это самъ понимаю. Встанешь утромъ, все болитъ, рука не держитъ молотокъ.

— Но только я говорилъ рабочимъ:—«Не раззоряйте фирмы. Вотъ мои капиталы, подѣлите, вамъ не хватитъ на мѣсяцъ. Голодные будемъ. А теперь каждый мѣсяцъ я выплачиваю вамъ шестьдесятъ четыре тысячи. Это нашъ хлѣбъ». Одни понимаютъ, другіе не понимаютъ...

Рѣчи Мухтарова о раззореніи фирмъ имѣютъ фактическое основаніе. Забастовки на Кавказѣ, можно сказать, вышли за предѣлы естественной растяжимости. Мнѣ указывали на это мѣстные соціалдемократы въ Тифлисѣ и въ Баку. Въ одномъ бакинскомъ районѣ въ 1907 году, когда волна забастовокъ нѣсколько спала, все-таки было 122 забастовки и 52 конфликта. Въ нихъ принимали участіе 25,160 человѣкъ. Они потеряли 667.867 рабочихъ дней. В. И. Фроловъ въ своемъ статистическомъ изслѣдованіи бакинскихъ забастовокъ приходитъ къ выводу, что забастовочное движеніе въ

Баку развито шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ. На другой сторонѣ Кавказа, въ г. Батумѣ, въ результатѣ рабочихъ конфликтовъ многія предпріятія были закрыты. Такъ, напримѣръ, заводъ Манташева (производство деревянныхъ ящиковъ для нефти) былъ перенесенъ въ Египетъ. Ящики теперь получаются изъ Александріи. Изъ общаго числа рабочихъ въ 11—12.000 въ Батумѣ едва осталось 2—3.000.

Въ Тифлисѣ по той же причинѣ закрылось кожевенное производство Адельханова, занимавшее 2000 рабочихъ. Даже въ болѣе мелкихъ предпріятіяхъ полуремесленнаго типа наблюдалось то же самое. Напримѣръ, сапожная фирма Бояджанъ перенесла производство въ Петербургъ и оттуда посылаетъ въ Тифлисъ готовые сапоги.

Рабочіе тифлисскаго трамвая послѣ удачныхъ забастовокъ написали письмо Бебелю. Они разсказывали ему о своихъ успѣхахъ и спрашивали совѣта, что имъ дѣлать дальше.

Бебель отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что въ предѣлахъ капиталистическаго производства рабочіе должны беречь предпріятіе, въ которомъ работаютъ, и не стремиться къ его раззоренію.

Но, когда я былъ въ Тифлисѣ, рабочимъ пришлось перейти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное, и управленіе трамвая устроило локаутъ. Дѣло тотчасъ же осложнилось вмѣшательствомъ администраціи и союза русскаго народа, арестами, высылками делегатовъ. Потомъ управляющій трамвая, въ виду настроенія рабочихъ, ѣздилъ къ генералъ-губернатору хлопотать за арестованныхъ. Потомъ было покушеніе на управляющаго. Въ свою очередь, трамвай не исполнилъ обязательствъ предъ городской управой, и она наложила на него штрафъ въ 70,000 рублей. Трамвай отказался платить. Намѣстникъ, по ходатайству бельгійскаго посланника, тоже вмѣшался: трамвай построенъ на бельгійскія деньги.

Однимъ словомъ, современная русская исторія во всей своей почти художественной запутанности.

Въ бакинскомъ районѣ тоже назрѣваетъ локаутъ. Не знаю только, когда онъ разразится...

— Образованіе надо,—говорилъ Мухтаровъ,—выучимся немного, будемъ не такіе дикіе. Прямо говорю, надо драть, съ кого попало, школы устраивать.

— Вы, Ахметъ-Бекъ, даже про Тагіева неправильно писали, ругали его въ газетахъ, онъ всѣмъ стипендіатамъ отказалъ. Вы бы лучше хвалили его: «Мой милый хаджи!»

Агаевъ дипломатически ухмыльнулся.—Вы, Муртуза, почему не любите, чтобы васъ хвалили?

— Я другой человѣкъ. Я просто даю. А если Тагіеву письмо напишу, тоже отказу нѣтъ. Пошелъ хлопотать за студента одного. —«Ахъ,—говоритъ,—я васъ увѣряю, не надо учить ихъ, дикарей». Все-таки согласился пополамъ.—«Охъ,—говорю,—вѣдь я противъ

васъ муха. Стыдно будетъ».—«Ну,—говоритъ,—присылай его». Понравилась ему похвала.

Агаевъ молчалъ съ кислымъ лицомъ. Въ 1903 г. онъ работалъ въ газетѣ «Каспій», основанной на деньги Тагіева. Еще въ 1905 г. онъ основалъ первую свою газету «Кейяцъ» (Жизнь) при содѣйствіи Тагіева. Вскорѣ послѣ того пути ихъ разошлись. Тагіевъ основалъ черносотенную татарскую газету «Таазе-Гайацъ» (Новая жизнь). И изъ тринадцати послѣдовательныхъ газетъ Агаева четыре были закрыты по хлопотамъ Тагіева.

Мухтаровъ посмотрѣлъ на скучное лицо Ахметъ-Бека и вдругъ засмѣялся.

— Ну, полно дуться. Пойдемъ лучше, я покажу вамъ ханскій садъ.

Мы вышли и стали спускаться къ морю по ужасной дорогѣ, похожей на каменоломню.

— Я хотѣлъ здѣсь улицу сдѣлать,—говорилъ Мухтаровъ,—вымостить, какъ слѣдуетъ, да не могу съ сосѣдями справиться. Я отодвинулъ стѣну, а онъ взялъ да свою придвинулъ. Я ему говорю: «Асугаевъ, сколько ты на Маруську денегъ потратилъ, дай что-нибудь на дорогу». Ничего не далъ. Говоритъ: «Наплевать мнѣ на твою дорогу и на общество...»

Ханскій садъ былъ большой, въ 10 десятинъ. Это прекрасное имѣніе когда-то принадлежало владѣтельному князю изъ парсовъ-огнепоклонниковъ. Лѣтъ 40 тому назадъ администрація предлагала татарскимъ крестьянамъ купить его за 300 рублей. Они отказались. Имѣніе досталось армянину. Но въ 1905 году оно было совершенно раззорено татарами. Мухтаровъ купилъ землю и остатки зданій за 6000 рублей. Это тоже было дешево, принимая во вниманіе высокое достоинство фруктовъ и виноградниковъ.

Мухтаровъ показалъ намъ развалины ханскаго дворца. Вездѣ были контрфорсы, толстые каменные щиты, бойницы. На землѣ валялись обломки алебастровыхъ плитъ съ татарскими и фарсійскими надписями.

— Здѣсь осаждали его мусульмане,—говорилъ Мухтаровъ,—приступомъ взяли.

— А куда онъ дѣвался?

— Въ Баку убѣжалъ.

— Кто, князь?

— Не князь, армянинъ. Армянина осаждали.

Оказалось, что все это разрушеніе произведено только два года тому назадъ, и плиты съ надписями тоже разбиты современными вандалами.

— Здѣсь у него былъ виноградный заводъ,—разсказывалъ Мухтаровъ.—Они домъ разбили, пол-виноградника вырубили, алебастровые чаны молотками расколотили.

— Я опять устрою заводъ,—рѣшительно сказалъ Мухтаровъ.— Чихирь стану давить.

— А что мусульмане скажутъ?—засмѣялся Агаевъ.

— Посердятся, потомъ привыкнутъ. Ко многому привыкають. Дастъ Богъ, будутъ духанщики изъ мусульманъ.

Въ этомъ пока крайняя степень татарскаго экономическаго идеала. Собственное винодѣліе и татарскій кабатчикъ. Пьютъ татары и теперь здорово, но духановъ еще не содержатъ.

Я разговаривалъ съ Лизой-Ханумъ Мухтаровой о другомъ насущномъ вопросѣ татарскаго бытового прогресса, о женской чадрѣ.

— Снимутъ,—увѣреннымъ тономъ говорила Лиза-Ханумъ.— Шляпы нельзя носить. Не видно подъ чадрой. Женщина хочетъ, Богъ хочетъ...

Однако, въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось выслушать по этому поводу противоположное мнѣніе.

Въ томъ домѣ, гдѣ я остановился, жилъ татарскій фаэтонщикъ (извозчикъ). Онъ недавно взялъ вторую жену, очень молоденькую, лѣтъ пятнадцати. Она была беременна и дѣлала упущенія по хозяйству. Въ этотъ вечеръ сердитый извозчикъ избилъ свою молодую жену палкой по головѣ. Бѣдная Зюле пришла плакать къ нашимъ дамамъ.

Но вслѣдъ за ней явился и ея повелитель. Зюле убѣжала. Извозчикъ вступилъ съ дамами въ споръ по вопросу о женскихъ и мужскихъ правахъ.

— Зачѣмъ жену бьешь,—говорили дамы,—она маленькая.

— Маленькій,—возражалъ фаэтонщикъ,—а кушать не маленькій; хлѣбъ, пловъ кушалъ, костюмы носилъ, зачѣмъ дѣла не дѣлалъ? Я четыре раза день на станцію гонялъ, это не маленькій...

Глаза у него блестѣли, въ голосѣ звучали убѣжденныя ноты.

— Ахъ, плохо болтай по русски. Я филозовъ, я бы вамъ все толковалъ.

— Бей жену молодой,—говорилъ татарскій философъ,—хорошо будетъ. Старый станетъ, смирный станетъ. Бей жену старый, хорошо не будетъ. Все равно, понимай не станетъ.

— Русскіе не дерутся,—доказывали дамы.

— Глупые, оттого не дерутся,—сказалъ фаэтонщикъ. Потомъ подумалъ, и лицо его просіяло:

— Врешь ты. Русскіе тоже дерутся.

Вотъ два предѣла, въ которыхъ развиваются вопросы татарскаго бытового прогресса.

VI.

Недобитый.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, мнѣ случилось зайти въ Городскую Думу. Сторожъ Монтинъ, старикъ лѣтъ семидесяти, повелъ меня посмотрѣть главный залъ. Залъ этотъ очень изященъ. Онъ отдѣланъ рѣзнымъ дубомъ и орѣхомъ. Въ немъ окна высокія, стальныя рѣшетки и лѣпные потолки.

Монтинъ разсказывалъ глухимъ, равнодушнымъ голосомъ:

— На этой трибунѣ 29 августа 1905 года оратора убили. Казакъ прицѣлился въ открытое окно, вонъ съ того крыльца, и убилъ наповалъ. А въ эту дверь ворвались казаки и отсюда дали залпъ, убили 40 человѣкъ, а ранили до ста. Пули всю штукатурку исщелкали. Лужи крови стояли на полу.

— По этой лѣстницѣ мертвыхъ за ноги тащили, ботинки сняли, шляпы, кольца. Прямо въ Куру съ моста бросали, чисто сдѣлали...

Монтинъ—старикъ угрюмаго вида. У него сына убили на манифестаціи въ Баку. Потомъ привезли тѣло въ Тифлисъ и устроили торжественныя похороны. Послѣ московскихъ похоронъ Баумана это вторыя по пышности соціалдемократическія похороны.

Старый Монтинъ вспоминаетъ о сынѣ не очень охотно.

— Было, прошло,—говоритъ онъ кратко. Онъ оживляется только тогда, когда говорить о землѣ.

На что ему земля, Богъ знаетъ. Руки у него трясутся. Ничего у него нѣтъ.

— Были плуги да быки, все уничтожилъ, — говоритъ онъ съ сожалѣніемъ.

Онъ готовъ все забыть. Смерть сына и бойню этой залы, но о землѣ онъ ни за что не забудетъ.

— Я надѣюсь, правительство облагоразумится,—говоритъ онъ съ неожиданнымъ благодушіемъ.—Мы чего просимъ, хоть чуточку землицы...

Тифлисъ сталъ городомъ трагическихъ воспоминаній. Чуть не на каждомъ углу вамъ разсказываютъ что-нибудь и показываютъ мѣсто.

— Вотъ здѣсь они набросились на князя Голицына. Четверо ихъ было, рабочіе... Кинжалами рубили, но не могли разрубить панцыря, весь мундиръ изорвали. Изранили лицо. А княгиня закрывала его своимъ тѣломъ. А потомъ они убѣжали сквозь эти кусты. Гимназистъ Лоладзе, извѣстный потомъ, шелъ по дорогѣ и указалъ казакамъ.

— Вотъ здѣсь домъ Лоладзе. Отецъ его былъ частный приставъ.

— Чѣмъ извѣстенъ Лоладзе?

— Сыщикъ онъ былъ хорошій, прирожденный, изъ молодыхъ, да ранній. Потомъ травили его. Шесть покушеній одно за другимъ, убили на шестомъ.

— Это дворянская гимназія. Здѣсь казаки убили инспектора Читадзе. Бомбу отсюда бросили въ полицеймейстера. Кто—неизвѣстно. Зданіе большое. Казаки ворвались внутрь. Засѣдалъ педагогическій комитетъ.

— Ага, вотъ онъ, комитетъ. Бей ихъ!—Убили Читадзе, другого ранили. Жена его лишила себя жизни. Были они молодые. Онъ былъ работящій, талантливый. Любили его въ городѣ...

— Въ этой оградѣ могила генерала Грязнова. Два года часовые стояли; боялись поруганія могилы.

Такимъ воспоминаніямъ нѣтъ конца. И если правые въ Думѣ рекомендуютъ правительству вторично завоевать Кавказъ, то это съ ихъ стороны излишняя заботливость. Кавказъ давно завоеванъ, и его продолжаютъ завоевывать, не покладая рукъ и не выпуская оружія. Столица Кавказа это—огромный военный лагерь.. Здѣсь попадаются мундиры всѣхъ цвѣтовъ и образцовъ, какихъ порою нельзя увидать и въ Петербургѣ. Въ почтовой конторѣ, во всѣхъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, у входа стоятъ солдаты съ ружьями и обыскиваютъ входящихъ.

За городомъ лежитъ огромный арсеналъ. Дороги, ведущія мимо арсенала, закрыты для проѣзда. Онъ отовсюду окруженъ фугасами, какъ будто противъ японской атаки.

Много было въ Тифлисѣ убитыхъ намѣренно и ненамѣренно. Напримѣръ, Койранская. Она была слабогрудая, одна дочь у отца. Отецъ увезъ ее въ Тифлисъ изъ Петербурга, нарочно службу перемѣнилъ, не могъ надышаться на нее. Ее убила шальная пуля на улицѣ во время одной изъ ежедневныхъ перестрѣлокъ.

Но самое мрачное изъ моихъ тифлисскихъ воспоминаній это встрѣча съ однимъ инвалидомъ, подстрѣленнымъ, но недобитымъ и оставшимся въ живыхъ.

— Хотите видѣть мертвеца ожившаго,—сказали мнѣ,—пойдите въ грузинскую читальню. Тамъ бываетъ Каргаретели.

Онъ былъ высокій, сгорбленный, сухой, какъ комаръ. Правая рука была сведена, и пальцы неестественно тонки. Сзади на шеѣ у самыхъ позвонковъ было огромное синее пятно, неправильной формы, широкая дыра, кое какъ заросшая и затянутая пленкой. Эту дыру пробила полицейская пуля. Отъ такой раны обыкновенно умираютъ на мѣстѣ. Каргаретели только обмеръ. Но даже исполнители приняли его за мертваго и оттого не добили. Они бросили его въ оврагъ и пошли съ рапортомъ: «Все обстоитъ благополучно».

Каргаретели остался въ живыхъ, но душа у него стала, должно быть, такая же, какъ тѣло, больная, изнеможенная, запуганная.

Онъ долго не хотѣлъ говорить о своей исторіи.

— Вамъ тяжело вспоминать?—спросилъ мой спутникъ.

Каргаретели усмѣхнулся грустно и жалобно.

— Тяжелѣе было, когда пуля ударила...

Онъ подумалъ немного и прибавилъ сдержанно:—Моя исторія подтверждаетъ давно высказанное мнѣніе, что могутъ нѣсколько пострадать и невинные люди, сами не зная за что...

— Я былъ режиссеръ,—разсказывалъ Каргаретели,—въ казенномъ театрѣ служилъ, лѣтъ двѣнадцать, съ самаго основанія.

— Жена у меня артистка, тоже въ театрѣ. Двое дѣтей. Жили себѣ. Время пришло, нельзя было остаться безучастнымъ. На улицахъ стрѣльба. Я тоже принялъ участіе.

— Участіе въ чемъ? — переспросилъ я съ удивленіемъ, — въ стрѣльбѣ?

— Боже сохрани,—сказалъ Каргаретели съ нѣкоторымъ ужасомъ, — у насъ были свои дѣла, театральныя. 70 человѣкъ рабочихъ въ театрѣ, плотники, механики, выработали пункты. Правду сказать, очень туго имъ жилось. Предъявили дирекціи. Меня, на бѣду мою—выбрали защитникомъ себѣ.—«Вы, говорятъ,—не вертунъ; человѣкъ основательный. Послушаютъ васъ...» Были удовлетворены, но дирекція стала говорить: «Это дѣло рукъ режиссера Каргаретели». Такъ я пострадалъ по доносу одного генерала театральнаго и одного полковника.

Онъ долго не рѣшался назвать фамилій, хотя онѣ въ свое время обошли всѣ газеты, но потомъ собрался съ духомъ и прибавилъ:—Полковника Максимова. Я былъ съ нимъ въ ссорѣ изъ-за растраты шестидесяти тысячъ, какъ обнаружилось потомъ при слѣдствіи по документамъ. Я не могъ этой мерзости вынести. Полковникъ Максимовъ довольно безцеремонно бралъ проценты со всѣхъ поставщиковъ. Сдѣлаютъ костюмъ изъ забракованнаго плиса, а записываютъ бархатъ, 14 рублей аршинъ.

— Я говорю: «Владиміръ Николаевичъ, какой же это бархатъ, это аршинный товаръ по 40 копѣекъ. Все на свѣтѣ временно. Васъ смѣнятъ, съ меня искать станутъ». Онъ этого не могъ терпѣть. На этой почвѣ у насъ доходило до матери и до отца.

— Въ это время убили генерала Грязнова. А никого не поймали. Говорятъ: «Комитетъ устроилъ. Гдѣ комитетъ?»

— Тутъ подвернулся доносъ изъ театра: «Режиссеръ Каргаретели—предсѣдатель комитета».

— Полковникъ Максимовъ сказалъ: надо вырвать этого человѣка.

— Въ одинъ вечеръ пришли ко мнѣ чины охраны прямо въ театръ. Околоточный, городовой, казакъ. Предъявили вопросъ:

— «Вы Каргаретели?»—«Да, я!»—«По приказу генералъ-губернатора вы арестованы».—«Куда прикажете?»—говорю.

— «Въ тюрьму!»—Сѣли, поѣхали. Доѣхали до оврага, что за городомъ. Велѣли слѣзть, извозчика отпустили, зашли въ духанъ.

Порядочно выпили, подбодрились.—«Теперь, говорятъ, извозчикъ не понадобится, пойдемъ пѣшкомъ».—«Пойдемъ. Я съ вами не боюсь. Вы люди съ оружіемъ, защитите меня». Время тогда было безпокойное, каждый день разбой.

— Отправились мы. Сто саженей осталось до тюрьмы, околоточный выстрѣлилъ сзади, пятый позвонокъ задѣлъ, я упалъ лицомъ внизъ, кровью облился.

— Когда револьверъ ударилъ, испугались шума, бросили меня, побѣжали въ оврагъ. Я безъ памяти сталъ, пролежалъ минутъ десять, потомъ вдругъ слышу шаги, назадъ подходятъ. Вспомнилось тутъ про жизнь, не хотѣлось умирать. Слышу, говоритъ казаку: «Переверни его». Перевернули. «Въ карманахъ поищи». Былъ кошелекъ, пять рублей. Взяли.

— На другой день утромъ, часа въ четыре, подобрали меня городовые того же участка. Знали, что не все ладно. Я сталъ звать, стонать: «Помогите!» Тогда подобрали меня, свезли въ больницу.

— Когда доложили начальнику, онъ такъ и отвѣтилъ: «Собакѣ и смерть собачья. Ему не въ больницѣ мѣсто. Пускай полежалъ бы въ острогѣ на казенныхъ нарахъ».

— Слухи по городу пошли. Газеты стали писать. Двѣ газеты за меня совсѣмъ закрыли: русскую и грузинскую.

— Уже на другой день были арестованы убійцы. Ихъ предали военному суду. Судъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ больницу, предлагали вопросъ: «Узнаете ли?»—«Конечно, узнаю. Вотъ этотъ околоточный».

— «Успокойтесь, говорятъ, не волнуйтесь. Они понесутъ наказаніе». Я просилъ облегчить. «Они были введены въ заблужденіе».

— На судѣ околоточный сказалъ: «Я членъ охраннаго отдѣленія. Служилъ вѣрой и правдой. Господинъ Каргаретели—членъ комитета. По его указанію убили генерала Грязнова. Я не могъ стерпѣть.» Судъ говоритъ ему: «Молчите», а онъ все свое. Фамилія ему литовская: Карлюкасъ.

— Судъ городового и казака оправдалъ, а околоточнаго приговорилъ на четыре года каторги. Не отправили его, здѣсь продержали; въ этомъ году недавно въ маѣ мѣсяцѣ выпустить хотѣли, платье принесли въ камеру. Арестанты узнали, заманили въ отхожее мѣсто, задушили его.

— Я пролежалъ въ больницѣ безъ движенія мѣсяцъ. Шесть недѣль не могъ руки поднять, кормили меня и поили съ ложки. Въ обществѣ денегъ собрали, послали меня въ Одессу къ профессору Сапѣжко. Понемногу выходился.

— Когда вернулся изъ Одессы, мѣсто мое занято. Къ намѣстнику пошелъ, можетъ, пособіе дадутъ. Директоръ канцеляріи гово-

ритъ: «Какое вамъ пособіе? Благодареніе Богу за то, что сами цѣлы».

— Вотъ какъ я цѣлъ,—прибавилъ онъ съ той же усмѣшкой.

— Полтѣла живое, полтѣла мертвое...

— Такъ меня отпустили. Съ тѣхъ поръ я живу. Много терплю, а живу. Жена кормитъ. Люди собираютъ деньги. Живу, не умираю...

Онъ замолчалъ.

— Объ одномъ я жалѣю,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Даромъ пропалъ. Съѣли меня по ошибкѣ. Зачѣмъ по ошибкѣ?..

— Иногда сердце приходитъ. Думаю: такъ тебѣ и надо. Старый глупецъ. Въ такое время не стой посерединѣ...

— Когда началъ ходить, была у меня мысль: найду этотъ комитетъ. Скажу: господа комитетъ, я за васъ пострадалъ, примите меня къ себѣ. Потомъ стыдно стало. Какой же я размистъ (дружинникъ), воронъ пугать и то не гожусь, калѣка несчастная... Даромъ пропалъ...

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

За синѣющія горы свѣтлый день ушелъ отъ насъ.
Онъ помедлилъ на вершинахъ, улыбнулся и угасъ...
Но затеплилъ, умирая, онъ улыбкой золотой
Молодой прозрачный мѣсяцъ надъ зеркальною водой.
Въ небѣ, затканномъ звѣздами, вижу свѣтъ иныхъ огней,
Міръ сталъ шире и красивѣй, полнозвучнѣй и нѣжнѣй.
Надъ цвѣтами, надъ сердцами въ голубой вечерней мглѣ
Кто-то кроткій и воздушный, чу! проходитъ по землѣ...
Кто-то вѣетъ надъ землею тихой ласкою весны:
Это нѣжные, какъ звѣзды, пролетѣли, вѣрно, сны...
Межъ душой и звѣзднымъ небомъ начертали легкій путь,
И прошли они надъ міромъ и шепнули: „позабудь!"
День ушелъ отъ насъ за горы. Тихо стало. Міръ широкъ.
Отъ меня такъ близки звѣзды,—отчего же ты далекъ?..

II.

Сегодня—полнолунье. Сегодня—ночь чудесъ.
Какъ въ сказкѣ, чаръ волшебныхъ весь полонъ старый лѣсъ.
Сегодня въ морѣ свѣтелъ искристый путь луны,
Сегодня ближе тайны и радужнѣе сны.
Легли такъ ярко тѣни на дремлющій песокъ,
Въ лучахъ луны далекой міръ страненъ и глубокъ.
Парчею, какъ невѣсту, всю землю залилъ свѣтъ,
И больше между небомъ и ею граней нѣтъ...
Я здѣсь, но—въ новомъ мірѣ. Ушло дневное прочь,
Серебряною сказкой все измѣнила ночь.
Ушли дневныя мысли, дневные спятъ цвѣты,
И ты, навѣкъ далекій, сейчасъ такъ близокъ ты.

Душа моя, какъ море,—прозрачна и свѣтла,
И въ ней трепещутъ тихо два бѣлыя крыла...
И свѣтлая дорога ложится до небесъ.
Сегодня—полнолунье, сегодня—ночь чудесъ.

III.

Лиловою дымкой одѣтый,
Ай-Петри съ зубчатой вершиной
Стоитъ, какъ остатки развалинъ,
Надъ тихой, уснувшей землей.
На немъ еще отблески свѣта,
Но сумракъ нависъ надъ долиной,
И нѣженъ, красиво-печаленъ
Земли предвечерній покой.

Ужъ первыя свѣтлыя звѣзды
Дрожатъ, опрокинуты въ морѣ,
Уставшемъ отъ блеска дневного
И слившемся съ далью небесъ;
И птицы вернулися въ гнѣзды,
И вспыхнулъ маякъ въ Ай-Тодорѣ,
И близокъ приходъ голубого
Желаннаго мига чудесъ...

Быть можетъ, теперь надъ землею
Проходитъ неслышно межъ нами
Прекрасное свѣтлое счастье
О немъ позабывшихъ людей
И ждетъ, чтобы сильный душою,
Охваченный вѣщими снами,
Позвалъ его творческой властью
На землю изъ міра тѣней?..

Ада Чумаченко.

Интенсификація въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ.

Обострившіяся въ послѣдніе годы аграрныя отношенія вызвали большое вниманіе къ вопросу объ интенсификаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства, о введеніи въ это хозяйство высшихъ культуръ и, вообще, о поднятіи производства труда въ немъ такъ, чтобы крестьянинъ на той же площади земли могъ больше вкладывать труда и получать больше продуктовъ. Это дало бы возможность крестьянамъ увеличить свое благосостояніе безъ расширенія площади крестьянскаго землепользованія. Многіе указывали и продолжаютъ указывать на этотъ путь, какъ на наиболѣе цѣлесообразный и нормальный выходъ изъ современныхъ земельныхъ затрудненій. Западная Европа,—говорятъ они,—именно такъ разрѣшила вопросъ о малоземельи; этимъ путемъ должны идти и мы. Если у крестьянина недостаточно земли, пусть онъ вкладываетъ больше труда въ свое хозяйство, меньше пьянствуетъ, меньше празднуетъ праздниковъ, и онъ получитъ даже больше того, что получилъ бы при расширеніи земельной площади. Ему ничто не мѣшаетъ вступить на путь поднятія производительности своего хозяйства, и это и для него, и для общества будетъ полезнѣе, чѣмъ посягать на чужую собственность. Такъ говорятъ представители интересовъ крупнаго землевладѣнія. Правда, изъ тѣхъ же круговъ раздаются угрозы, что переходъ помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ обязательно понизитъ сельскохозяйственную культуру въ странѣ, что поля, вмѣсто прекрасной пшеницы, заростутъ сорными травами. Но надежды на интенсификацію въ этой неустойчивой аргументаціи все же имѣютъ преимущественное значеніе. Нужно сказать, однако, что очень рѣдко эти проповѣди интенсификаціи соединены съ сколько-нибудь яснымъ представленіемъ о томъ, что значитъ эта выдвигаемая, какъ панацея, интенсификація, и какія необходимыя условія она предполагаетъ для своего осуществленія.

Попробуемъ нѣсколько разобраться въ этихъ вопросахъ. Обильный матеріалъ для отвѣта на нихъ даетъ намъ опытъ тѣхъ странъ, гдѣ интенсивное мелкое хозяйство существуетъ уже какъ

фактъ, а не какъ одно чаяніе. Чтобы оріентироваться въ этомъ матеріалѣ, воспользуемся извѣстнымъ трудомъ нѣмецкаго экономиста Эд. Давида, имѣющимся и въ русскомъ переводѣ («Соціализмъ и сельское хозяйство». Спб. 1096).

Давидъ, какъ извѣстно, идеологъ мелкаго сельскаго хозяйства. Задачею своей работы онъ и ставитъ выясненіе вопроса о томъ, насколько мелкое крестьянское хозяйство способно усваивать и осуществлять высшія формы сельскохозяйственнаго производства, насколько оно способно идти по пути сельскохозяйственнаго прогресса. Въ результатѣ этой работы онъ приходитъ къ выводу, что вся обстановка, всѣ условія сельскохозяйственнаго промысла, имѣющаго дѣло почти исключительно съ процессами не техническими, а органическими, съ процессами роста, питанія, воспроизведенія организмовъ и т. п., гораздо болѣе подходятъ для мелкаго хозяйства, чѣмъ для крупнаго, что производственный прогрессъ въ области сельскаго хозяйства требуетъ скорѣе раздробленія, а не концентраціи производства. «Вдали и въ началѣ развитія—крупное производство, вблизи и на высокихъ стадіяхъ интенсивности—мелкое,—такова типичная картина въ области органическаго производства. Въ противоположность этому, въ области механической переработки мы видимъ мелкое ремесленное производство въ географической и исторической дали, но поблизости и на высотѣ прогресса — крупное» (стр. 544). «Интересы высшей сельскохозяйственной продуктивности, интересы добыванія возможно большей массы продуктовъ внутри страны, интересы сохраненія плодородія почвы—все это одинаково требуетъ ускоренія развитія въ сторону мелкой формы сельскаго хозяйства... Наоборотъ, безусловно реакціонной экономической мѣрой является охрана крупнаго землевладѣнія». «Поэтому мы,—говоритъ далѣе Эд. Давидъ,—безъ колебаній выставляемъ *одной изъ первыхъ насущныхъ задачъ превращеніе крупныхъ сельскохозяйственныхъ производствъ въ мелко-крестьянскія*» (стр. 546).

Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ оцѣнку правильности этого общаго положенія и разбирать вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ мелкой и крупной культуры въ сельскомъ хозяйствѣ. Насъ интересуетъ другая сторона дѣла—именно, тотъ обширный фактическій матеріалъ, который собранъ у Давида для освѣщенія вопроса о томъ, какъ совершается и отъ чего зависитъ процессъ интефисикаціи крестьянскаго хозяйства.

Если мы обратимся къ выясненію характера тѣхъ измѣненій, которыми сопровождается переходъ къ болѣе интенсивному веденію хозяйства, къ полученію большаго количества продуктовъ съ той же площади земли, то прежде всего увидимъ, что этотъ переходъ сопровождается расширеніемъ необходимаго для данной площади земли количества труда, ростомъ «работопоглощаемости», какъ говоритъ Эд. Давидъ. Т. е., для того, чтобы на данной пло-

щади можно было собирать болѣе обильный и болѣе цѣнный урожай, содержать болѣе доходный скотъ и т. п., необходимо вложить въ хозяйство и больше труда. Измѣненія въ условіяхъ труда идутъ, однако, въ двухъ направленіяхъ: въ количественномъ и качественномъ. Можно большее число разъ перепахивать поле, чаще бороновать, полоть, увеличить пространство, обрабатываемое заступомъ вмѣсто плуга, болѣе тщательно провѣивать зерно и т. п. Это все измѣненія количественныя, при нихъ общій характеръ работы въ существѣ дѣла остается прежній. Но эти количественныя измѣненія продуктивны и цѣлесообразны только на ряду и одновременно съ другими измѣненіями; измѣненія въ глубинѣ, времени и числѣ вспашекъ приспособляются къ условіямъ погоды, къ свойствамъ различныхъ растеній, къ послѣдовательности плодосмѣна; выборъ культивируемыхъ растеній и выращиваемыхъ въ хозяйствѣ животныхъ—къ условіямъ почвы и климата, къ требованіямъ рынка, къ измѣняющимся условіямъ спроса и многое т. п. Это уже качественныя измѣненія труда, въ связи съ которыми только и становятся цѣлесообразными количественныя. Какова-же роль и насколько важны эти качественныя измѣненія въ условіяхъ труда въ процессѣ интенсификаціи мелкаго земледѣльческаго хозяйства?

Между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, какъ на низшихъ ступеняхъ ихъ развитія, такъ и на самыхъ высшихъ, всегда остается существенное различіе. И заключается оно въ томъ, что въ земледѣліи весь процессъ производства установленъ человѣкомъ, не приспособленъ имъ для заранѣе намѣченной цѣли, какъ это дѣлается въ индустріи, а состоитъ изъ ряда жизненныхъ явленій, созданныхъ природой; человѣкъ не можетъ по своему усмотрѣнію въ этомъ процессѣ измѣнять порядокъ, его направленіе; скорость процессовъ не подчиняется техническому воздѣйствію. Если въ настоящее время пряжу въ одинъ день возможно превратить въ готовое сшитое платье, то превратить теленка въ дающую молоко корову или сѣмя въ зрѣлый колосъ можно не иначе, какъ только въ установленный для этого природою срокъ. «Изготовленіе индустріальныхъ продуктовъ есть механическій процессъ, сельскохозяйственное же производство есть процессъ органическій. Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣло идетъ о развитіи живыхъ существъ, въ индустріи же о переработкѣ мертвыхъ вещей» (стр. 45).

Конечно, человѣкъ располагаетъ извѣстнымъ вліяніемъ и на процессы, совершающіеся въ сельскохозяйственномъ производствѣ; въ зависимости отъ разнообразныхъ воздѣйствій человѣка и здѣсь конечные результаты процесса могутъ быть значительно измѣнены. Но все же зависимость человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ отъ внѣ его власти стоящихъ факторовъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ индустріи; необходимость приспособленія труда къ измѣнчивымъ

требованіямъ природы неизмѣримо детальнѣе, подвижнѣе и разнообразнѣе. Самъ субъектъ производства, человѣкъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно въ мелкомъ, связанъ съ производствомъ не внѣшнимъ только образомъ; между процессами его организма и процессами производства существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ взаимодѣйствій и зависимостей. «Сельскохозяйственное производство есть космосъ живыхъ существъ, въ которомъ покоится и субстанціональная жизнь человѣка» (стр. 49). Понятно, въ такой средѣ поле для примѣненія разнообразныхъ механическихъ приспособленій должно быть сравнительно узкимъ; примѣненіе машинъ, всегда приспособленныхъ къ извѣстному однообразію, къ шаблону, здѣсь наталкивается на постоянныя препятствія. И, чѣмъ совершеннѣе приспособленъ трудъ человѣка къ условіямъ его хозяйства, чѣмъ полнѣе онъ стремится использовать всѣ особенности его, всѣ колебанія погоды, разнообразіе почвы, измѣненія спроса, тѣмъ безполезнѣе становятся для такого хозяйства то тѣ, то другія машины. «Факты изъ жизни хозяйствъ съ высокою производительностью вполнѣ подтверждаютъ эти соображенія; сфера примѣненія машины при переходѣ къ наиболѣе интенсивнымъ формамъ земледѣльческой культуры,—утверждаетъ Эд. Давидъ,—все болѣе и болѣе суживается. Чѣмъ интенсивнѣе становится эксплуатація земли, тѣмъ менѣе примѣненія можетъ находить машина, сокращающая трудъ... Чѣмъ интенсивнѣе начинаетъ вестись хозяйство, тѣмъ, относительно, больше мѣста уступаетъ машинная работа ручной» (стр. 501). «Цѣль промышленнаго прогресса—производить большую массу продуктовъ при большей продуктивности труда. Въ индустріи мощнымъ средствомъ для достиженія той и другой цѣли служитъ машина. Въ земледѣліи она не можетъ служить такой службы» (стр. 496).

Въ земледѣліи, вмѣсто машины, въ дѣлѣ поднятія производственнаго прогресса выступаетъ нѣчто совершенно иное. Здѣсь болѣе высокій результатъ опредѣляется не количествомъ переработаннаго сырья, не быстротою оборотовъ колесъ въ механизмѣ, а «повышеніемъ интенсивности жизни»; изъ одного и того же посѣяннаго зерна можно получить 5 зеренъ и можно получить 100. Зависитъ же это отъ того, насколько человѣкъ сумѣетъ помочь развивающемуся организму использовать всѣ благопріятныя условія и состава почвы, и влажности, и даже солнечнаго свѣта, и тепла. Человѣкъ можетъ путемъ измѣненія внѣшнихъ условій вліять на развитіе организмовъ и на ихъ внутреній складъ; но для этого онъ долженъ прежде всего понимать характеръ процессовъ, совершающихся въ организмѣ растенія и животнаго, характеръ взаимодѣйствія между этими процессами и внѣшними условіями, а также и умѣть приспособить все къ тѣмъ именно индивидуальнымъ условіямъ, въ которыхъ находится его хозяйство.

Условія, вліяющія на сельскохозяйственные производственные

процессы, отличаются, сравнительно съ положеніемъ индустріи, чрезвычайнымъ разнообразіемъ, измѣнчивостью и въ пространствѣ, и во времени.

Главное значеніе въ сельскохозяйственномъ производствѣ принадлежитъ, конечно, почвѣ, которая для земледѣльца является не «мертвой природой», не геологическимъ образованіемъ; она живетъ своей собственной жизнью, въ ней постоянно протекаютъ ряды разнообразныхъ процессовъ, имѣющихъ весьма важное, рѣшающее значеніе для жизни растеній. Физическій и химическій составъ почвы, подъ вліяніемъ влаги, воздуха и механическаго разрыхленія, постоянно мѣняется. Эти измѣненія могутъ имѣть какъ благопріятный, такъ и неблагопріятный характеръ для того или другого растенія. Влага сама по себѣ играетъ весьма важную роль въ жизни растеній, и сбереженіе ея въ необходимыхъ количествахъ требуетъ различныхъ средствъ въ зависимости и отъ характера почвы, и отъ климата, и отъ рода культуръ. Удобреніе почвы, возстановленіе въ ней тѣхъ элементовъ, которые взяты изъ нея въ формѣ урожая, и вообще введеніе въ почву недостающихъ ей для повышенія урожайности составныхъ частей при высшихъ формахъ земледѣльческой культуры, особенно на нечерноземныхъ почвахъ, требуетъ весьма сознательнаго отношенія къ этому дѣлу требуетъ внимательнаго приспособленія къ даннымъ индивидуальнымъ условіямъ. На основаніи разсмотрѣнія многочисленныхъ фактовъ изъ жизни германскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, Эд. Давидъ приходитъ къ заключенію, «что точное знакомство съ структурой почвы и климатическими условіями представляетъ обязательную предпосылку раціональнаго примѣненія удобренія. Что полезно для одного участка земли, то вредно для другого; что является желательнымъ для данной культуры, при данномъ плодосмѣнѣ, то можетъ оказаться чрезвычайно вреднымъ при другихъ условіяхъ. Съ однимъ, теоретически заученнымъ шаблономъ нельзя приступать къ дѣлу: только пріобрѣтенное практическимъ опытомъ знакомство съ спеціальными условіями даннаго хозяйства можетъ предохранить отъ круныхъ ошибокъ и убытковъ» (стр. 297—298).

Не меньше вниманія къ себѣ и знаній требуетъ и само культивируемое растеніе. И требованія эти съ повышеніемъ интенсивности хозяйства все растутъ и разнообразятся. Къ разнообразнымъ условіямъ климата и почвы различныя растенія относятся неодинаково: гдѣ корни одного растенія погибаютъ отъ голода, корни другого находятъ въ изобиліи пищу; гдѣ одно растеніе обречено на гніеніе отъ избытка влаги, тамъ другому ея только хватаетъ для нормальнаго обмѣна; гдѣ одно влачитъ жалкое существованіе отъ недостатка тепла, тамъ другое пышно развивается. Идя навстрѣчу этимъ прихотливымъ требованіямъ, современная агрономія создала многочисленныя разновидности культурныхъ растеній, съ самыми разнообразными качествами и приспособлен-

ныя къ разнымъ условіямъ. И чѣмъ высшей стадіи интенсивности, чѣмъ высшей производительности достигло хозяйство, тѣмъ оно требовательнѣй въ этомъ отношеніи. При этомъ нельзя выбрать подходящій для даннаго хозяйства сортъ и на этомъ успокоиться, такъ какъ болѣе благородныя разновидности даже зернового хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немного теряютъ въ производительности. Поэтому необходима отъ времени до времени перемѣна и подновленіе сѣмянъ и даже введеніе новыхъ видовъ. По утвержденію Эд. Давида, введеніе новыхъ растительныхъ видовъ составляетъ характерную черту земледѣльческой эволюціи въ Германіи.

То же самое и даже въ еще большей мѣрѣ относится и къ скотоводству, значеніе котораго для мелкихъ хозяйствъ съ высокою производительностью становится все болѣе и болѣе важнымъ. Способы откармливанія скота очень разнообразны, существуетъ много средствъ, улучшающихъ вкусъ корма, возбуждающихъ аппетитъ; и все это приспособляется и измѣняется въ зависимости какъ отъ породы и качества скота, такъ и отъ цѣлей откорма. Правда, существуютъ таблицы кормовъ, съ подробными указаніями, которыми хозяева и пользуются; но эти таблицы,—какъ справедливо замѣчаетъ Эд. Давидъ,—только «облегчаютъ сельскому хозяину обдумываніе, но не замѣняютъ его». Таблицы даютъ только шаблоны, общіе отправные пункты, чрезвычайно важные и полезные для сельскаго хозяина, которые необходимо, однако, приспособлять къ индивидуальнымъ случаямъ и особенностямъ каждаго хозяйства. Въ зависимости отъ того, воспитывается ли рабочій скотъ, мясной, молочный, дающій шерсть или же племенной, измѣняется составъ пищи и характеръ всего содержанія. Но помимо вопроса о кормѣ, весьма важенъ также выборъ соотвѣтствующихъ породъ, приспособленіе количества и видовъ скота ко всему строю даннаго хозяйства. Все это въ высокоорганизованномъ интенсивномъ хозяйствѣ должно быть строго обдумано и одно къ одному приспособлено.

Даже изъ этого бѣглаго перечня,—при чемъ мы не касались еще такихъ сторонъ сельскохозяйственной жизни, какъ выборъ орудій, сѣмянъ, борьба съ врагами сельскаго хозяйства и многое другое,—видно, насколько важно сознательное отношеніе со стороны земледѣльца къ своему труду, пониманіе имъ значенія тѣхъ естественныхъ процессовъ, которые онъ стремится использовать для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Въ существѣ дѣла сознательность труда является въ сельскомъ хозяйствѣ основнымъ условіемъ для увеличенія его производительности. Здѣсь трудъ имѣетъ по преимуществу характеръ подготовительный и вспомогательный для растительныхъ и животныхъ процессовъ жизни, изъ чего вытекаетъ цѣлый рядъ особенностей этого труда. Столь характерное для индустріи простое умноженіе тѣхъ или другихъ манипуляцій, количественный ростъ труда безъ измѣненія его характера, при

интенсификаціи земледѣлія въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ цѣли; увеличеніе сбора пшеницы съ данной площади земли въ концѣ концовъ опредѣляется болѣе интенсивнымъ процессомъ органическаго роста, къ чему и долженъ приспособиться трудъ. Общіе шаблоны здѣсь имѣютъ условное значеніе; характеръ почвы, мѣстоположенія, климата требуютъ индивидуальныхъ поправокъ къ этимъ шаблонамъ; перемѣны погоды вызываютъ постоянное регулирующее и направляющее вмѣшательство со стороны хозяина. «Самый искусный пахарь, снабженный самымъ совершеннымъ плугомъ, не гарантируетъ еще продуктивности работы; кромѣ умѣнья работать, онъ долженъ также обладать способностью удачно выбирать время и приспособлять свою работу къ природнымъ особенностямъ мѣста и къ задачамъ даннаго хозяйства» (стр. 272). Но и этого мало, недостаточно еще, чтобы каждая отдѣльная операція была организована цѣлесообразно; необходимо весь производственный ансамбль приспособить къ даннымъ условіямъ: качеству почвы, высотѣ мѣста, характеру погоды и даже къ характеру той рабочей силы, которою располагаетъ данное хозяйство.

Всѣмъ этимъ требованіямъ, какъ оказывается, мелкое крестьянское хозяйство можетъ удовлетворить, и въ культурныхъ западноевропейскихъ странахъ производство въ этихъ хозяйствахъ достигло поразительныхъ успѣховъ. Данія, съ 2½ милл. жителей и 3,8 милл. гектаровъ *) земли, т. е. уступающая и по пространству, и по народонаселенію многимъ изъ нашихъ губерній, увеличила сборъ хлѣбовъ, корнеплодовъ и сѣна со времени семидесятыхъ годовъ въ слѣдующей мѣрѣ:

	Хлѣбъ въ тоннахъ **).	Корнеплоды въ тоннахъ (въ 1000 кил.)	Сѣно въ „лэсахъ" (въ 1000 фунт.)
въ 1875—78 г.	19.610.863	6.371.492	2.111.526
» 1891—93 »	22.786.508	32.749.363	2.380.560
» 1894—96 »	23.773.357	40.903.969	2.905.481

Данія—страна *главнымъ образомъ* мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Еще въ предшествующемъ поколѣніи она вывозила хлѣбъ и почти только хлѣбъ за-границу; теперь, несмотря на возросшую производительность земледѣлія, не только не вывозятся продукты земледѣлія, но въ 1900 г. было даже ввезено одного маису *4,08 милл. двойныхъ центнеровъ* ***), стоимостью въ 17 милл. руб. (32,7 милл. кронъ). Продукты земледѣлія, какъ свои, такъ и ввозные, остающіеся за покрытіемъ нужды въ продовольствіи населенія, идутъ на нужды скотоводства, высоко развитого и прекрасно организованнаго въ странѣ. Въ томъ же 1900 г. вывезено было изъ Даніи масла, сала, яицъ, мяса и скота на 120½ милл.

---

*) 3,5 милл. десятинъ.

**) Тонна равна 61 пуду.

***) Центнеръ равенъ 13,14 пуда.

(231,7 милл. кронъ). Въ среднемъ это составитъ почти по 50 руб. на наличную душу и по 250—300 руб. на хозяйство, если считать все населеніе. Почва датскихъ земель во многихъ мѣстахъ очень тоща, удобреніе требуетъ значительныхъ затратъ и много труда, климатъ также не особенно благопріятенъ: лѣто сравнительно короткое и капризное, такъ что указанные успѣхи нельзя отнести на счетъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій, и «этотъ экономическій и культурный прогрессъ достался въ руки датскихъ крестьянъ не въ видѣ упавшаго съ неба подарка».

Въ Германіи повышеніе производительности земледѣлія, поднятіе урожайности, привело къ тому, что ростъ добываемыхъ въ земледѣліи продуктовъ, вопреки предсказаніямъ Мальтуса, обгоняетъ ростъ населенія. Но и здѣсь въ крестьянскихъ хозяйствахъ, идущихъ по пути увеличенія производительности, замѣчается та-же тенденція, что и въ Даніи: вмѣстѣ съ ростомъ производства продуктовъ земледѣлія сбытъ ихъ сокращается и увеличивается сбытъ продуктовъ скотоводства. По приводимымъ Давидомъ словамъ Штумпфе, Германія наибольшихъ успѣховъ въ скотоводствѣ достигла не въ дворянскихъ имѣніяхъ, не въ областяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, а исключительно, или почти исключительно, на крестьянскихъ дворахъ, въ областяхъ съ мелкокрестьянскимъ землевладѣніемъ, и для облагораживанія и улучшенія стадъ лучшихъ животныхъ доставляли, доставляютъ еще и до сихъ поръ крестьяне помѣщикамъ, а не наоборотъ. «Въ мѣстахъ, гдѣ, главнымъ образомъ, развито коневодство, въ восточной Пруссіи, Литвѣ, Шлезвигъ-Гольштиніи, Ганноверѣ, Ольденбургѣ,—самые лучшіе результаты въ раціональномъ скотоводствѣ даютъ опять таки крестьянскія хозяйства» (стр. 381). По мнѣнію владѣльца одного крупнаго имѣнія въ Познани, крестьянинъ является превосходнымъ скотоводомъ, такъ какъ скотъ у него постоянно передъ глазами, уходъ индивидуализируется, при малѣйшей надобности помощь оказывается своевременно, все, что можетъ принести малѣйшій вредъ, немедленно устраняется.

Представивъ себѣ всю массу работы по уходу за растеніями и ихъ охранѣ, которой требуетъ раціональное земледѣліе, и всю сложность задачъ, стоящихъ предъ сельскимъ хозяиномъ въ области скотоводства, легко понять, какое значеніе должно принадлежать въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ интеллигентности работника. «Давно прошли времена,—замѣчаетъ Эд. Давидъ,—когда справедлива была пословица, гласящая, что самый крупный картофель родится у самыхъ глупыхъ крестьянъ... Въ настоящее время самый крупный картофель воздѣлываютъ самые умные крестьяне» (стр. 345). Тогда какъ на очень многихъ стадіяхъ современнаго промышленнаго производства, благодаря успѣхамъ техники, ручной трудъ чрезвычайно упростился, въ сельскомъ хозяйствѣ наблюдается совершенно обратное: характеръ труда здѣсь по мѣрѣ про-

грес... производства становится все сложнѣе, обращеніе съ орудіями требуется все болѣе тонкое, весь строй производства нуждается все въ большей интеллигентности и сообразительности участниковъ его.

Эта зависимость между интеллигентностью земледѣльческаго населенія и интенсификаціей сельскохозяйственнаго производства, между высотой образованности крестьянина и высотой урожаевъ на его нивѣ уже давно усвоена культурными государствами. И въ западноевропейскихъ странахъ, на ряду съ содѣйствіемъ по пріобрѣтенію удобреній, распространенію улучшенныхъ орудій, на ряду съ опытными станціями и показательными полями, осуществляется рядъ широкихъ общественныхъ мѣропріятій по распространенію школьнаго и внѣшкольнаго, какъ спеціальнаго, такъ и прежде всего общаго образованія. Первоначальная народная и дополнительная школы даютъ нѣмецкому крестьянину весьма солидное общее образованіе; различныя общества, товарищества, популярныя лекціи и газеты дополняютъ затѣмъ эти знанія и создаютъ ту атмосферу интеллигентности среди населенія, безъ которой школьное обученіе быстро хирѣетъ и вывѣтривается. Въ Даніи въ этомъ отношеніи достигнуты еще болѣе блестящіе результаты. По образованію датскій крестьянинъ въ настоящее время стоитъ выше и англійскаго, и французскаго, и германскаго; датскимъ широко распространеннымъ университетамъ датское масло въ значительной степени обязано тѣмъ, что на международномъ рынкѣ оно оцѣнивается выше, чѣмъ какое бы то ни было другое *).

Образованіе необходимо не только при болѣе высокихъ степеняхъ сельскохозяйственной культуры; оно необходимо такъ же въ началѣ процесса, какъ и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія. Только оно можетъ побудить земледѣльца отрѣшиться отъ тѣхъ традицій, отъ тѣхъ вѣками выработанныхъ шаблоновъ, которые стоятъ въ видѣ стражей на пути примѣненія первыхъ, сравнительно даже несложныхъ, нововведеній. Безъ образованія трудно сдвинуть крестьянскую массу съ традиціонной рутины; и причина этого кроется не только въ слѣпой привязанности къ старинѣ, но прежде всего въ невозможности понять и овладѣть въ сознаніи той подвижной приспособляемостью къ перемѣнамъ физической и соціальной среды, которая требуется переходомъ къ болѣе культурному веденію хозяйства. Для того, чтобы человѣкъ началъ дѣлать нѣчто новое, необходимо, чтобы онъ сознавалъ и понималъ его значеніе. И для этого далеко недостаточно узко профессіональныхъ знаній; эти знанія сами по себѣ могутъ дать шаблоны, примѣнять которые въ той неустойчивой обстановкѣ, какую представляетъ собою сельское хозяйство, можно только при извѣстномъ сознательномъ отношеніи къ нимъ. «Сельское хозяйство,—говоритъ Эд.

*) Наиболѣе низко оцѣнивается русское масло.

Давидъ,—революціонизировали не техническія изобрѣтенія, а научныя открытія». Техническое приложеніе этихъ открытій приходилось въ извѣстной мѣрѣ вырабатывать самимъ хозяевамъ, примѣнительно къ особенностямъ разнаго типа и положенія хозяйствъ. У насъ, въ печати неоднократно отмѣчался удивительно ничтожный спросъ на книги по сельскому хозяйству, сравнительно съ другими книгами, въ сельскихъ библіотекахъ, т. е. въ средѣ земледѣльческаго населенія И это вполнѣ естественный результатъ низкаго уровня общаго развитія у читателей этихъ библіотекъ: только общее умственное развитіе можетъ воспитать довѣріе къ книгѣ и знанію, дать способность разобраться въ содержаніи книги и сознательно отнестись къ нему. Самая хорошая техническая книга для грамотнаго, но недостаточно развитого читателя останется по этому безполезною: необходимо общее развитіе, необходима интеллигентность.

Конечно, и въ Западной Европѣ, и въ Германіи, и въ Даніи не всѣ крестьяне образованные люди, не всѣ окончившіе школы обладаютъ тѣмъ, что именно называется интеллигентностью. Весьма многіе изъ нихъ, вѣроятно, даже значительное большинство, ведутъ свое хозяйство примѣнительно къ болѣе даровитымъ сосѣдямъ. Но чрезвычайно важна та общая атмосфера, въ которой живетъ деревня, то свободное обсужденіе, чтеніе лекцій по всѣмъ интересующимъ населеніе вопросамъ, которые и создаютъ тотъ живой интересъ, то довѣріе къ примѣненію указаній науки къ практической дѣятельности, которыя и двигаютъ впередъ эту дѣятельность. Но эта-то общая атмосфера свободнаго обращенія знаній среди сельскаго населенія у насъ и служитъ главнымъ камнемъ преткновенія. Само собою разумѣется, что противъ того, чтобы крестьянинъ интересовался навозомъ, раннимъ паромъ, телятами, ровно никто рѣшительно ничего не имѣетъ. Но вѣдь стоитъ только допустить свободное обращеніе знаній въ деревнѣ, какъ крестьянинъ сейчасъ же станетъ проявлять интересъ не только къ телятамъ, но и къ политикѣ; станутъ сейчасъ обсуждать — почему да какъ, на что идутъ подати, касательно полиціи, земскихъ и т. п. А это добромъ не кончится, поэтому и допущено не можетъ быть. Пусть крестьянинъ останется безъ хлѣба, но и безъ политики.

У насъ весьма распространено мнѣніе, что для сколько-нибудь солиднаго поднятія уровня образованія среди сельскаго населенія у насъ нѣтъ необходимыхъ средствъ. Но при искреннемъ желаніи средства найти не трудно: одно только упраздненіе тѣхъ расходовъ, которые теперь производятся на охрану крестьянской среды отъ проникновенія туда знаній, сверхъ допущенныхъ по штатамъ, уже составило бы не малую сумму, не говоря уже о томъ, что и сама по себѣ такая отмѣна опеки надъ головами крестьянъ, даже безъ всякихъ расходовъ, отразилась бы благопріятно на состояніи образованія въ странѣ. А если бы то, что обыватель проявляетъ

интересъ къ общественнымъ дѣламъ своей родины, стремится и самъ оказать то или другое вліяніе на эти дѣла, перестало считаться преступленіемъ, если-бы занятіе «политикой» и интересъ къ ней сдѣлались общедоступными, какъ это есть во всѣхъ культурныхъ странахъ, то освободились бы прямо огромныя средства, которыя теперь затрачиваются на охрану обывателя отъ политики и политики отъ обывателя. Этихъ средствъ на первое время хватило бы, а дальше само развитіе хозяйственной жизни страны создало бы и необходимыя средства. Очевидно, препятствіе тутъ не въ средствахъ.

Хотя интенсивное земледѣліе, какъ мы видѣли выше, имѣетъ по преимуществу индивидуализированный характеръ, требуетъ внимательнаго приспособленія труда къ условіямъ даннаго положенія, подымаетъ значеніе сознательности въ трудѣ и умаляетъ значеніе машины, тѣмъ не менѣе, та же интенсификація создаетъ цѣлый рядъ такихъ положеній, при которыхъ настоятельно требуется соединеніе мелкихъ производствъ въ союзы и товарищества. Пользованіе нѣкоторыми машинами, какъ, напр., молотилкой, рядовой сѣялкой, сепараторомъ, пріобрѣтеніе удобреній, кормовыхъ средствъ, орудій, содержаніе племенныхъ производителей,—все это можетъ быть выгодно и цѣлесообразно организовано только при объединеніи, общемъ удовлетвореніи нуждъ болѣе или менѣе значительнаго числа мелкихъ хозяйствъ. Хозяйство съ высокой производительностью при настоящихъ соціальныхъ условіяхъ можетъ быть только по преимуществу мѣновымъ, чѣмъ оно неизбѣжно вовлекается въ общій товарный оборотъ, и поэтому кредитъ для него является постоянною, нормальною потребностью, оно не можетъ обходиться безъ кредита. Наиболѣе отвѣчающую нуждамъ мелкаго хозяйства и наиболѣе выгодную для него форму кредита можетъ создать, — какъ это показалъ опытъ западно-европейскихъ странъ, — только товарищеская организація его. Организованный и совмѣстный сбытъ представляетъ громадныя преимущества. Условія сбыта иногда требуютъ даже отъ отдѣльныхъ хозяевъ нѣкоторой согласованности производства, приблизительной однокачественности вырабатываемаго продукта, что тоже достигается только при существованіи объединяющей организаціи. Пополненіе знаній, обсужденіе вопросовъ, выдвигаемыхъ хозяйственною практикой, лучше всего удовлетворяется тоже въ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ.

Все это требуетъ широкаго развитія среди крестьянскаго населенія кооперативнаго движенія, широкой и свободной самодѣятельности крестьянъ по созданію разнообразныхъ общественныхъ организацій, приспособленныхъ для удовлетворенія всевозможныхъ нуждъ развивающейся хозяйственной дѣятельности; требуетъ простора для созданія и увѣренности въ прочности существованія для созданнаго. И все это связано съ интенсификаціей мелкаго хозяйства въ одинъ общій неразрывный процессъ, въ которомъ коопе-

ративной молочной, кредитному товариществу, популярнымъ лекціямъ принадлежитъ та же роль, что и ранней вспашкѣ, усовершенствованному плугу и т. п. Однимъ словомъ, культурное сельское хозяйство требуетъ и культурной общественной среды, требуетъ обезпеченія за населеніемъ гражданскихъ правъ, при которомъ только и возможно широкое развитіе указанныхъ нами безусловно необходимыхъ формъ самодѣятельности среди крестьянскаго населенія.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ Западной Европѣ повышеніе производительности крестьянскаго сельскаго хозяйства вездѣ сопровождается широкимъ развитіемъ кооперативнаго движенія среди крестьянъ; эти два теченія неизбѣжно одно другому сопутствуютъ. Данія вся покрыта всевозможными обществами, союзами и товариществами. Въ 1898 г. въ этой небольшой странѣ было 1013 молочныхъ товариществъ съ 125,000 членовъ. Товарищества не только организуютъ совмѣстную выдѣлку и сбытъ масла, но и слѣдятъ за содержаніемъ коровъ, за качествомъ молока и всѣми мѣрами помогаютъ своимъ сочленамъ поднять производительность хозяйственной дѣятельности. Очень распространены также потребительные союзы; въ 1901 г. ихъ было около 1000, болѣе 700 изъ нихъ были объединены въ центральное общество для оптовыхъ закупокъ, оборотъ котораго въ этомъ году составилъ болѣе 7 милл. руб. (13,51 милл. кронъ). «У насъ меньше (чѣмъ въ Германіи) людей, имѣющихъ слишкомъ много, но и меньше людей, имѣющихъ слишкомъ мало. И всѣмъ этимъ мы обязаны, прежде всего, нашему кооперативному движенію» (стр. 466). Такъ оцѣниваютъ значеніе товарищескихъ организацій сами датскіе крестьяне.

Въ Германіи точно также очень распространены среди земледѣльческаго населенія разнообразныя товарищества, но наибольшею славой пользуется германская организація мелкаго кредита, выработанная продолжительною практикой и составляющая результатъ свободной и сознательной самодѣятельности германскаго крестьянина. Среди крестьянскаго населенія получили особенно широкое распространеніе райффейзенскія ссудныя кассы, объединенныя «Сельскохозяйственною центральною ссудною кассою Германіи» (въ Нейвидѣ), и ссудосберегательныя кассы, объединенныя «Всеобщимъ союзомъ германскихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ» (въ Дармштадтѣ). Къ первой организаціи, по докладу на съѣздѣ въ 1902 г., примыкало 3850 кассъ съ годовымъ оборотомъ въ 250 милл. руб. (540 милл. марокъ) и ко второй, по отчету за 1900 г.,—4343 кассы съ оборотомъ въ 345,75 милл. руб. (746,75 милл. марокъ). Кромѣ того, въ деревняхъ Германіи дѣйствуютъ еще приблизительно 2000 кассъ, объединенныхъ въ болѣе мелкія организаціи. И недалеко то время, — говоритъ Эд. Давидъ,— «когда въ Германіи каждая деревня будетъ имѣть свою товарищескую кассу... Деревенскій ростовщикъ, которому марксисты те-

оретики въ 60-хъ годахъ приписывали такую большую роль... обреченъ на гибель. Творческая сила идеи товарищества освободила отъ него крестьянство» (стр. 459). Въ 1902 г. въ Германіи насчитывалось 16,097 различныхъ сельскохозяйственныхъ товариществъ. Обозрѣніе развитія кооперативнаго движенія среди германскаго крестьянства Эд. Давидъ заканчиваетъ такими словами: «общественный классъ, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій въ состояніи былъ создать мощную организацію, охватывающую и измѣняющую весь его экономическій бытъ, такой классъ не страдаетъ старческою слабостью и не обреченъ на гибель» (стр. 463).

Такимъ образомъ, крестьянинъ, вступая на путь интенсификаціи своего хозяйства, нуждается въ широкой свободѣ для образованія разныхъ союзовъ, обществъ, для обсужденія всевозможныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ новыхъ условій и техники и отношеній къ сосѣдямъ; нуждается въ общественномъ строѣ, который обезпечивалъ бы ему увѣренность, что организованная имъ хозяйственная дѣятельность не будетъ грубо нарушена безотвѣтственнымъ произволомъ. Интенсивное хозяйство можетъ вести только организованное крестьянство *).

Противъ профессіональной организаціи никто ничего не имѣетъ, здѣсь и нашему крестьянину готовы «предоставить» широкую свободу. Но... въ дѣло опять вмѣшивается политика. Вотъ недавно собрался было въ Москвѣ съѣздъ по кооперативному дѣлу, который вмѣсто того, чтобы обсуждать преимущества мещерскаго сыра предъ швейцарскимъ, килекъ предъ шпротами, установить сравнительное достоинство крупчатой муки голубого клейма и такой же муки зеленаго клейма и пр. подобное, сталъ интересоваться положеніемъ служащихъ въ потребительныхъ лавкахъ и вообще вдаваться въ политику. Ну, разумѣется, пришлось прекратить это «безобразіе». Еще когда-то Либихъ формулировалъ такъ называемый «законъ минимума», заключающійся въ томъ, что, если въ почвѣ имѣются всѣ необходимыя для питанія растенія вещества въ относительно разномъ достаткѣ, то урожай будетъ зависѣть отъ

*) Въ своемъ классическомъ трудѣ объ организаціяхъ промышленныхъ рабочихъ въ Англіи супруги Веббъ, въ результатѣ чрезвычайно детальнаго изслѣдованія, устанавливаютъ, что англійская промышленность своимъ высокимъ развитіемъ въ значительной и даже преимущественной степени обязана тому вліянію, какое производило на нее постепенное развитіе стройной и могущественной организаціи рабочихъ. Автократическія правительства боятся такихъ могущественныхъ, охватывающихъ всю страну организацій членовъ одного класса и поэтому не допускаютъ ихъ свободнаго развитія. „Изъ этого слѣдуетъ,—дѣлаютъ выводъ авторы,—что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, автократія не въ состояніи развить такой высокой производительности національнаго труда, какъ демократія". *Сидней и Беатриса Веббъ*. Теорія и практика англійскаго трэдъюніонизма. Русск. перев. Т. II. Спб. 1901. Стр. 659.

того вещества, котораго наименѣе достаточно, которое находится въ minimum'ѣ; если фосфора мало, то сколько бы ни прибавляли въ почву калія, извести, селитры, урожай не можетъ быть выше того, какой опредѣляется наличнымъ количествомъ фосфорной кислоты; чтобы повысить урожай, прежде всего необходимо увеличить количество фосфорной кислоты въ почвѣ. Послѣ этотъ законъ сталъ прилагаться къ гораздо болѣе широкому кругу явленій, чѣмъ почва. Несомнѣнно, онъ примѣнимъ въ извѣстной мѣрѣ и къ соціальной средѣ. Примѣняя его къ нашей общественной средѣ, приходится придти къ заключенію, что у насъ въ такомъ минумумѣ находится именно политика. Поэтому съ чего бы вы ни начали,—съ суперфосфатовъ, килекъ, племенныхъ телятъ, съ народнаго чтенія о Кириллѣ и Меѳодіи, первоучителяхъ славянскихъ, съ оказанія помощи голодающимъ, жизнь въ концѣ концовъ обязательно упретъ васъ въ политику, и дѣло останавливается: все это, безспорно, хорошо и полезно, но. . политика—это никакъ невозможно. Стоитъ она непреодолимымъ препятствіемъ и на пути къ интенсификаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Кромѣ широкой свободы распространенія образованія и правового общественнаго строя, возможная степень интенсификаціи сельскаго хозяйства зависитъ еще и отъ общаго культурнаго уровня страны; та организація сельскаго хозяйства, какая оказывается весьма выгодною и цѣлесообразною недалеко отъ Лондона, Парижа, Берлина, была бы полнѣйшею нелѣпостью въ среднеазіатскихъ степяхъ. Если бы какому-нибудь малоземельному крестьянину въ какой-нибудь Обираловкѣ пришла въ голову блажь вложить свой трудъ, вмѣсто малоприбыльныхъ заработковъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ свой огородъ и замѣнить на немъ картофель культурой спаржи, или же вспахать заступомъ поле подъ рожь, то это была бы не интенсификація, а просто — вздорная затѣя. Законъ убывающей доходности почвы не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое ему стремились придать нѣкоторые; но онъ вполнѣ справедливъ въ томъ смыслѣ, что при каждомъ данномъ уровнѣ развитія науки и техники для данныхъ культурныхъ условій существуетъ извѣстная степень интенсивности, за предѣлами которой всякое новое усиленіе затратъ труда и капитала въ хозяйствѣ становится невыгоднымъ. Количество труда, которое можно цѣлесообразно вложить въ данное хозяйстно, работопоглощаемость этого хозяйства ограничивается не только сознательнымъ усмотрѣніемъ хозяина, но и внѣшними условіями, культурностью той общественной среды, въ которой находится хозяйство. Община Момбахъ близь Майнца за аренду лучшей огородной земли получаетъ годовой платы *800—1000 марокъ за гектаръ* (400—500 р. за десятину). Но никакими мѣрами невозможно заставить давать въ настоящее время такой же доходъ землю гдѣ-нибудь въ Бугурусланскомъ уѣздѣ.

Предѣлы работопоглощаемости колеблются въ зависимости отъ степени интенсивности хозяйства въ весьма значительныхъ предѣлахъ. Эд. Давидъ приводитъ разсчетъ, сдѣланный Бензингомъ, согласно которому на одну и ту же площадь хозяйства трудъ требуется въ лѣтнее время въ такомъ отношеніи: при трехпольи 1, при норфолькскомъ хозяйствѣ 4,6, при свекловичномъ 10. «Но трехпольное хозяйство не есть низшая, а свекловичное хозяйство не есть высшая ступень интенсивности сельскохозяйственнаго производства»,—справедливо замѣчаетъ Давидъ (стр. 195). Во всякомъ случаѣ, это указываваетъ на то, что прогрессирующая интенсивность сельскохозяйственнаго использованія даннаго участка земли требуетъ соотвѣтствующаго увеличенія и живой рабочей силы, требуетъ извѣстной густоты населенія. Съ этой точки зрѣнія проявляемая въ послѣднее время заботливость о переселеніи крестьянъ въ Сибирь стоитъ въ противорѣчіи съ заботами объ интенсификаціи сельскаго хозяйства. Вообще, переселенія нельзя считать мѣрой, способствующей поднятію культуры въ той мѣстности, откуда населеніе уходитъ. Разумѣется, съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ эволюція сельскохозяйственнаго производства не всегда должна направляться въ сторону интенсификаціи; при извѣстныхъ условіяхъ заселеніе и привлеченіе къ сельскохозяйственной культурѣ дикихъ пустующихъ земель имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ усилія поднять производительность уже занятыхъ земель. Что цѣлесообразнѣе и что выгоднѣе для страны, это для каждаго момента и для каждой мѣстности лучше всего рѣшается свободной и сознательной иниціативой заинтересованныхъ лицъ; и во всякомъ случаѣ это можетъ быть разрѣшаемо по соображеніямъ не хозяйственнаго, а политическаго характера. Та же аграрная окрошка, которая изготовляется у насъ въ настоящее время и которую придется расхлебывать ближайшему будущему, свидѣтельствуетъ только о дѣйствительномъ характерѣ заботливости относительно преуспѣянія крестьянскаго хозяйства.

Въ Западной Европѣ интенсификація крестьянскаго хозяйства совершалась въ самой тѣсной связи съ общимъ ростомъ производства, съ общимъ подъемомъ культуры. Если въ Германіи въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій ростъ сельскохозяйственнаго производства обогналъ ростъ населенія, то ростъ потребностей населенія оказался еще выше. «Поднятіе всего нашего (германскаго) сельскаго хозяйства,—говоритъ Эд. Давидъ,—на болѣе высокія ступени интенсивности немыслимо безъ увеличенія внутренняго спроса на сельскохозяйственные продукты высшихъ сортовъ» (стр. 549). Сельскохозяйственныя культуры съ высшей работопоглощаемостью всегда располагаются по возможности ближе къ рынку. Сельское хозяйство образуетъ какъ бы рядъ поясовъ около культурныхъ и промышленныхъ центровъ, по мѣрѣ удаленія отъ которыхъ понижается и интенсивность хозяйства, и наибо-

лѣе отдаленныя мѣста, какъ Западная и Южная Америка, Сибирь, могутъ пока вести только экстенсивное хозяйство.

Такимъ образомъ, для созданія условій, при которыхъ интенсификація сельскаго хозяйства могла бы пріобрѣсти у насъ общее и сколько-нибудь могущественное значеніе, ее долженъ сопровождать общій подъемъ культуры, производства, накопленія капитала, нужна, однимъ словомъ, экономическая политика, не истощающаяся силы страны, не связывающая хозяйственную жизнь путами экономическихъ привилегій, не уповающая на неистощимость «послѣдней копѣйки», а политика содѣйствія здоровому и свободному развитію всѣхъ производительныхъ силъ страны, политика, отвѣчающая интересамъ общенароднымъ, а не интересамъ немногочисленныхъ привилегированныхъ классовъ.

Въ связи съ различными предѣлами интенсивности, которыхъ могутъ достичь хозяйства въ различныхъ культурныхъ условіяхъ, стоитъ и измѣненіе размѣровъ земельныхъ участковъ, на которыхъ средняя крестьянская семья могла бы прилагать свой трудъ съ наибольшею выгодой; участокъ долженъ быть больше или меньше въ зависимости отъ высоты организаціи хозяйства, достижимой при данныхъ условіяхъ. Поэтому невозможно ставить задачей для хозяйства интенсификацію, не справляясь съ его размѣрами; нельзя требовать, чтобы хозяйство шло по пути прогресса, т. е., накопляло бы капиталъ, вложенный въ хозяйство, создавало бы болѣе высокія формы производства, когда на данной площади правильная организація производства, цѣлесообразное использованіе труда невозможны. Совѣтъ калужскому крестьянину, сидящему на 2—3 десятинахъ земли, переходить къ веденію болѣе интенсивнаго хозяйства совершенно тождественъ съ совѣтомъ голодающему дѣлать сбереженія. Переходъ къ интенсивному хозяйству есть въ существѣ дѣла источникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признакъ роста благосостоянія; поэтому онъ и доступенъ только для хозяйства, экономически способнаго увеличивать свое благосостояніе, а не нищающаго. Эд. Давидъ въ своей книгѣ, посвященной доказательству того, что мелкое крестьянское хозяйство можетъ и дѣйствительно достигаетъ самыхъ высокихъ степеней интенсивности, что оно даже имѣетъ въ этомъ отношеніи существенныя преимущества передъ крупнымъ, неоднократно указываетъ, что подъ мелкимъ хозяйствомъ онъ разумѣетъ хозяйства, ведущія производство безъ постоянной чужой помощи, но и безъ побочнаго заработка, хозяйства, достаточныя для того, чтобы доставить крестьянской семьѣ все содержаніе и возможность цѣлесообразнаго использованія имѣющейся въ хозяйствѣ рабочей силы. «Нашей границей въ мелкомъ землевладѣніи,—говоритъ онъ,—является такой участокъ, который даетъ достаточно работы и нормальное пропитаніе только всѣмъ членамъ самостоятельной крестьянской семьи» (стр. 392). Что же касается крестьянъ, сидящихъ на карликовыхъ участкахъ,

«полу-крестьянъ» и «четверть-крестьянъ», то они и по мнѣнію Эд. Давида прежде всего нуждаются въ «нормальномъ дополненіи», которое выражается при недостаткѣ земли въ посторонних заработкахъ; но при необходимости прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ цѣлесообразная организація своего хозяйства большею частью неосуществима.

Размѣры мелкихъ участковъ, на которыхъ въ Германіи ведется интенсивное хозяйство, колеблются въ весьма значительныхъ предѣлахъ. «Смотря по климатическому положенію, качеству почвы, характеру производства и его интенсивности, участокъ земли, необходимый для содержанія и занятія семьи, можетъ быть большій или меньшій. При чрезвычайно интенсивномъ производствѣ овощей, плодовъ, вина или промышленныхъ растеній минимальный участокъ мелкаго хозяйства доходитъ до 1 гектара» *). На хорошей почвѣ для хозяйствъ съ интенсивнымъ скотоводствомъ въ западной Германіи минимальный предѣлъ подымается до *3—4 гектаровъ*, а при средней почвѣ и съ большей долей хлѣбопашества и до *10 гектаровъ*. Въ болѣе суровыхъ, гористыхъ мѣстностяхъ для цѣлесообразной организаціи хозяйства требуется *10—20 гектаровъ* (стр. 29—30, 396). Эд. Давидъ приводитъ заимствованныя имъ у Морица Гехта данныя относительно трехъ баденскихъ деревень: Гагсфельдъ, Бланкенлохъ и Фридрихсталь, свидѣтельствующія о повышеніи урожайности на крестьянскихъ участкахъ за послѣдніе полвѣка приблизительно вдвое. Размѣры средняго участка въ теченіе послѣдняго столѣтія значительно сократились и составляютъ для Бланкенлоха *2—3 гектара*, а для Фридрихсталя всего *1,8 гектара*; за тотъ же періодъ населеніе въ этихъ деревняхъ утроилось. «Но благосостояніе отдѣльныхъ жителей и всей общины возросло еще въ большемъ размѣрѣ. Несложныя прежде потребности сдѣлались гораздо болѣе разнообразными. Все населеніе сдѣлалось гораздо болѣе культурнымъ». Опасность пролетаризаціи при дальнѣйшемъ свободномъ дробленіи земли, по мнѣнію автора, еще очень далека; 1—2 гектара теперь удовлетворяютъ потребностямъ въ такой мѣрѣ, какъ въ истекшія столѣтія 10 гектаровъ (стр. 395—396).

Разумѣется, и въ нашей странѣ для разныхъ мѣстностей и разныхъ условій существуютъ различные размѣры такихъ хозяйственныхъ участковъ, на которыхъ возможна раціональная организація земледѣльческаго промысла. Только къ такимъ хозяйствамъ и можно предъявлять требованія, только отъ такихъ хозяйствъ и можно ожидать, чтобы они вступили на путь улучшеній, на путь интенсификаціи сельскаго хозяйства. Недостаточно же обезпеченныя землей хозяйства не могутъ сразу перескочить на болѣе высокую стадію веденія хозяйства, при которой можно бы было

*) 0,91 десят.

довольствоваться 2 дес. земли; путь интенсификаціи не есть путь скачковъ, а путь постепеннаго развитія. Степень интенсификаціи, достижимая въ данное время, а въ связи съ этимъ и размѣры участка, позволяющіе осуществлять эту степень, не могутъ быть избраны произвольно; все это опредѣляется данными культурными условіями. Поэтому на путь интенсификаціи могутъ вступить только тѣ крестьяне, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи необходимое для этого количество земли.

Такимъ образомъ, резюмируя все изложенное выше, приходится сдѣлать тотъ выводъ, что интенсификація нашего крестьянскаго сельскаго хозяйства можетъ быть сколько-нибудь широко и серьезно осуществляема только при наличности слѣдующихъ условій: а) свободнаго и широкаго распространенія образованія среди земледѣльческаго населенія, б) обезпеченія гражданскихъ правъ населенія установленіемъ правового общественнаго строя, в) отвѣчающей интересамъ широкихъ слоевъ населенія государственной экономической политики и г) расширенія крестьянскаго землевладѣнія до нормы, которая позволила бы крестьянскому хозяйству стать на ноги, которая дала бы возможность крестьянину изъ полупролетарія, каковымъ онъ является теперь, превратиться въ самостоятельнаго хозяина. И всѣ эти требованія представляютъ собою не заоблачныя мечтанія, не синицу за моремъ, а, казалось бы, того воробья, котораго ничто въ существѣ дѣла не мѣшаетъ завтра же имѣть въ рукахъ. Препятствіе къ выполненію этихъ требованій лежитъ не въ нихъ самихъ, не въ трудности ихъ осуществленія, а внѣ ихъ. Всѣ упорные разговоры объ интенсификаціи, сопровождаемые гоненіями на образованіе и защитой бюрократическаго самовластія, или не искренни, или исходятъ изъ неспособности понимать и видѣть то, что совершенно очевидно. Если германскій хозяинъ можетъ удовлетворять свои потребности, хозяйничая на 2 десятинахъ, то почему бы и нашему не дѣлать того же? Но германскій крестьянинъ дошелъ до этого, идя по пути общаго прогрессивнаго движенія своей родины, пользуясь всѣми указанными нами условіями; откройте эту дорогу для русскаго крестьянина, современемъ и онъ будетъ довольствоваться при благопріятныхъ условіяхъ 2 десятинами. Интенсификація не есть реформа или переворотъ, а постепенный процессъ. Само собою разумѣется, что одно расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не способно разрѣшить нашихъ экономическихъ, даже узко аграрныхъ затрудненій, что ростъ населенія скоро снова поставитъ вопросъ о малоземельи. Это, однако, не устраняетъ неизбѣжности для настоящаго момента этой мѣры, и она вовсе не устраняется интенсификаціей крестьянскаго хозяйства. Только осуществленіе всѣхъ указанныхъ условій создастъ то прогрессивное теченіе въ сельскомъ хозяйствѣ, которое устранитъ опасность малоземелья въ будущемъ, подыметъ производительность страны въ уровень и даже выше роста

населенія и отодвинетъ въ область невозвратнаго прошлаго тотъ мракъ, гнетъ и нужду, которые сковываютъ въ настоящее время силы русскаго крестьянства.

Я вспоминаю, съ какою грустью и обидой за свою родину я читалъ лѣтъ 8 тому назадъ въ «Русск. Вѣд.» письмо А. И. Чупрова изъ Италіи, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ въ теченіе двадцати лѣтъ политическая свобода, широкое распространеніе знаній и быстро развившаяся на этой почвѣ самодѣятельность населенія превратили пармскую провинцію въ цвѣтущую страну, съ высокимъ развитіемъ земледѣлія, потребовавшаго притока рабочихъ силъ изъ другихъ мѣстностей, тогда какъ раньше большая часть мѣстнаго населенія, полуголоднаго, обнищавшаго и страдавшаго отъ изнурительныхъ лихорадокъ, жила отхожими заработками. Свободный и сознательный трудъ въ два десятилѣтія сдѣлалъ страну неузнаваемой.

А у насъ... нищета, голодовки, эпидеміи, выколачиваніе «послѣдней копѣйки», разгромы помѣщичьихъ усадебъ, карательные отряды, тюрьмы и надъ всѣмъ этимъ безправное невѣжество и невѣжественный произволъ.

Я. Имшенецкій.

Безъ работы*).

I.

Послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ тѣхъ двухъ шиллинговъ, которые получила за шаль отъ закладчика Флоренсъ Грэй, она три дня пролежала въ постели. Наконецъ, сильно ослабѣвшая, она поднялась, обулась и, несмотря на то, что въ головѣ пылало все, а ноги дрожали,—вышла на улицу. Туда ее потянулъ стадный инстинктъ, присущій человѣку. Опредѣленныхъ цѣлей у Флоренсъ Грей не было. Хотѣлось только быть тамъ, гдѣ есть люди.

Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ молодая дѣвушка Флоренсъ Грэй, служившая прежде въ деревенскомъ трактирѣ *Голова Турка*, явилась въ Лондонъ, поселилась въ Жемчужной

*) Для большей наглядности я придалъ собраннымъ матеріаламъ о безработныхъ нѣсколько иную форму, чѣмъ носятъ обыкновенно мои письма изъ Англіи. Статистическія данныя о безработныхъ и мѣры, выработанныя парламентомъ для борьбы съ безработицей, были, впрочемъ, приведены въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ.

Аллеѣ и стала нашивать пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». Съ тѣхъ поръ Флоренсъ Грей прожила несмѣнно въ одной и той же комнатѣ, и здѣсь, за тою же работой, превратилась незамѣтно въ старуху. Философъ древности сказалъ: «Скоро наступитъ время, когда ты забудешь; но еще скорѣе случится, что тебя забудутъ всѣ». Вторая часть афоризма сбылась очень скоро. Флоренсъ Грэй не только забыли всѣ въ трактирѣ, но не замѣтили даже, какъ она ушла изъ деревни. Такъ не замѣчаютъ приблудшую кошку, которая посидѣла у порога и убѣжала, вспугнутая собакой. За то первая часть афоризма оказалась невѣрной. Флоренсъ Грэй не забывала прошлаго. И, чѣмъ больше уходило лѣтъ, чѣмъ больше сотенъ тысячъ пуговицъ нашивала она на синіе кусочки картона; чѣмъ больше сѣдыхъ волосъ появлялось въ головѣ,—тѣмъ чаще возвращалась Флоренсъ Грэй къ прошлому, точнѣе, къ одному моменту. Она вспоминала жаркій лѣтній день, тихую рѣку и нависшія ветлы. Надъ водой вьются зеленыя стрекозы. Въ воздухѣ сильно пахнетъ бѣлыми цвѣтами, растущими у самой воды. На травѣ сидитъ Флоренсъ, а рядомъ съ ней—краснощекій Дикъ Путнеръ. Черезъ день ему нужно быть въ Кардифѣ, на кораблѣ *Жаворонокъ*, который уходитъ куда-то далеко на югъ, къ испанскому материку, какъ называютъ до сихъ поръ англичане Южную Америку. Дикъ Путнеръ—матросъ. Онъ такой веселый, здоровый, добродушный. Щеки у него буры, носъ и скулы лоснятся. Дикъ Путнеръ, громко чмокая, цѣлуетъ Флоренсъ и поетъ ей старыя пѣсни матросовъ: про Испанскую армаду, про пирата сэра Говера, снявшаго буй съ колоколомъ, которымъ была обозначена подводная скала, про ограбленіе буканирами Номбре-де-Діосъ и пр. И изъ всѣхъ пѣсенъ Флоренсъ Грэй запомнила одну, не морскую, а про удалого разносчика, выкликающаго: «Перчатки, пахнущія дамаскими розами, маски для лицъ и для носовъ, браслеты, янтарныя ожерелья». Пѣснѣ этой столько же лѣтъ, сколько и балладѣ про разгромъ Испанской армады или про пирата сэра Говера. Каждый куплетъ кончается припѣвомъ:

„Come buy of me, come; come buy, come buy;
Buy, lads, or else your lasses cry:
Come buy“.

(Покупайте, покупайте у меня, парни, иначе ваши дѣвушки будутъ плакать; покупайте). Дикъ Путнеръ говорилъ тогда, что отправляется въ *послѣднее* плаванье, послѣ котораго вернется и женится на Флоренсъ. Плаванье, дѣйствительно, было послѣднее; но Дикъ Путнеръ не женился на Флоренсъ Грэй, потому что не возвращался больше. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали говорить, что *Жаворонокъ* со всѣми «руками» на немъ погибъ, захваченный штормомъ гдѣ-то въ Караибскомъ морѣ. Флоренсъ Грэй къ тому времени нужно было оставить деревню. Она ушла въ Лондонъ. Здѣсь родился ребенокъ, прожившій только недѣлю. И когда Флоренсъ оправилась, она достала работу

и поселилась въ Жемчужной Аллеѣ. Флоренсъ забыла морскія баллады, которыя пѣлъ ей Дикъ, забыла напѣвъ ихъ; но запомнила она пѣсню про удалого разносчика. Собственно, въ памяти остались отдѣльныя слова и весь припѣвъ. Что касается напѣва, то онъ звучалъ въ памяти, хотя Флоренсъ никогда не пробовала повторить его.

Никто не могъ бы сказать, почему тотъ тупой переулокъ, въ которомъ поселилась Флоренсъ Грэй, назывался Аллеей, да еще Жемчужной. Вмѣсто деревьевъ, въ Аллеѣ были только два ряда черныхъ, двухъ-этажныхъ домиковъ, двери которыхъ находились наравнѣ съ тротуаромъ. Аллея была такъ узка, что сосѣдки, перругивавшіяся изъ противоположныхъ оконъ, почти могли вцѣпиться другъ другу въ волосы. Нѣкоторые домики, въ которыхъ жили накрашенныя женщины, выходившія только ночью, были особенно шумны. Тамъ постоянно ругались или били кого-нибудь. Но въ Жемчужной Аллеѣ жили также мирные, тихіе люди, работавшіе съ утра до поздней ночи. Тутъ ютились жертвы «выжимальщиковъ пота». Въ домикѣ № 14, напримѣръ, жила горбунья, которую постоянно можно было видѣть у громадныхъ пяльцевъ. Она обшивала золотой ниткой украшенія на воротникахъ военныхъ мундировъ. Горбунья была такъ искалѣчена, что безъ посторонней помощи не могла взобраться на высокій стулъ у пяльцевъ. Въ верхнемъ этажѣ того же домика № 14 жила женщина съ тремя дѣтьми. Они клеили коробки для фирмы, выпустившей какіе-то новые конфекты, для которыхъ придумала новое слово «маиспопъ». За двѣнадцать дюжинъ такихъ коробокъ женщина получала $2^1/_4$ пенса, при чемъ должна была покупать свой клейстеръ. Рядомъ, въ другомъ домикѣ въ нижнемъ этажѣ жили иностранцы, доканчивавшіе панталоны для большой и богатой фирмы. Каждую субботу оборванныя, растрепанныя дѣвочки, нагруженныя черными фрачными панталонами, сѣрыми, кашемировыми и короткими твидовыми брюками отправлялись въ центръ города сдавать работу. Надъ иностранцами помѣщался высокій, высохшій, какъ скелетъ, жилецъ, всегда тщательно выбритый, съ длинными полусѣдыми кудрями до плечъ. То былъ актеръ, когда-то пользовавшійся большою популярностью въ мюзикъ-холлахъ. Актеръ страдалъ тихимъ помѣшательствомъ. Какіе-то старые друзья присылали ему правильно десять шиллинговъ въ недѣлю. Каждый день актеръ, тщательно выбрившись, накинувъ свое единственное длинное и широкое выцвѣтшее пальто, отправлялся пѣшкомъ въ центръ города, гдѣ находятся главные театры. Здѣсь онъ помѣщался у дверей того мюзикъ-холла, въ которомъ имѣлъ когда-то успѣхъ, и стоялъ неподвижно до тѣхъ поръ, покуда публика начинала расходиться. Тогда онъ тоже отправлялся домой. Актеръ былъ совершенно одинокъ, никого онъ не зналъ и жилъ только своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ. Домикъ № 20 сравнительно съ другими былъ чистый. Здѣсь жилъ аристократъ

Жемчужной Аллеи—работникъ Джо Торнъ, служившій уже лѣтъ двадцать пять въ сосѣдней громадной каретной мастерской, гдѣ онъ отдѣлывалъ ручки. Никто въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо Торна, не зарабатывалъ сорокъ шиллинговъ въ недѣлю. Никто, кромѣ миссисъ Торнъ, не покупалъ по субботамъ на воскресенье большую ногу баранины. Ни у кого, кромѣ Торна, не было книжки въ сберегательной кассѣ, никто, наконецъ, въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо, не ощущалъ необходимости растегнуть пуговицы на жилетѣ послѣ обѣда и дать просторъ желудку. Джо Торнъ привыкъ къ почету. Онъ не переселялся изъ Жемчужной Аллеи, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь игралъ первую роль. Когда дѣти Джо Торна подросли и устроились самостоятельно, въ домѣ освободилась комната, которую сдавали за три шиллинга въ недѣлю калѣкѣ Фьюстнеру. Онъ работалъ раньше не въ Лондонѣ, а въ Генлей, на гончарномъ заводѣ; здѣсь у Фьюстнера появилась сперва слабость и дряблость мускуловъ, потомъ начались жестокія колики въ самомъ центрѣ живота. Цѣлыми днями донимала невральгія. Стали дрожать руки и ноги. Наконецъ, разъ на фабрикѣ Фьюстеръ свалился въ жестокихъ конвульсіяхъ. Врачъ осмотрѣлъ синія полоски на деснахъ у корня зубовъ и констатировалъ свинцовое отравленіе. Больного отправили въ больницу. Какъ только онъ немного оправился, то опять пошелъ на работу. Невральгія и дрожаніе конечностей опять возвратились еще въ болѣе жестокой формѣ. Снова повторились колики. Явилась подагра. Каждый мѣсяцъ отравленный болѣлъ нѣсколько дней. Заводъ пришлось покинуть. По закону объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, заводъ выдалъ больному вознагражденіе въ 112 ф. ст. Съ этими деньгами Фьюстнеръ явился въ Лондонъ. Онъ нашелъ несложную работу у зеленщика. Болѣзнь являлась періодически. Въ это время работу приходилось оставлять. Сперва Фьюстнеръ сидѣлъ въ это время дома; но такъ какъ въ нетопленной комнатѣ зимой холодно, то онъ отправлялся грѣться въ ближайшую безплатную библіотеку. Здѣсь онъ сталъ читать и думать. Скоро Фьюстнеръ пристрастился къ чтенію и живо заинтересовался экономическими вопросами. Память на факты и цифры у него была изумительная. Лѣтомъ, когда окна были открыты, все населеніе Жемчужной Аллеи часто слышало, какъ Фьюстнеръ споритъ съ Джо Торномъ, у котораго снималъ комнату. Джо, горячій поклонникъ *Maily Mail*, которую читалъ изо дня въ день, оттуда черпалъ свои политическіе и экономическіе взгляды. «Мы, англійскіе работники,—солидно говорилъ Джо,—не вѣримъ пустымъ враднямъ. Вашъ соціализмъ намъ не надобенъ. Всѣ необходимыя реформы можно осуществить и при нынѣшнемъ порядкѣ». Джо былъ очень доволенъ этой фразой и засосалъ трубку, ожидая, что скажетъ оппонентъ. Фьюстнеръ заволновался и, по обыкновенію, засыпалъ противника цифрами.

— Вѣдомо ли вамъ, что годичный доходъ всего населенія Соединеннаго Королевства достигаетъ 1.750 мил. ф. ст.? Вѣдомо ли вамъ, что 600 мил. ф. ст. изъ всей этой суммы берутъ себѣ 250.000 человѣкъ? Знаете ли вы, что пять милліоновъ населенія имѣютъ доходъ въ 850 мил. ф. ст.? Что же, по вашему мнѣнію, они *зарабатываютъ* эти деньги? Знаете ли вы, что 39 милліоновъ людей получаютъ въ Англіи столько же, сколько 5 милліоновъ богачей и состоятельныхъ людей? Скажете ли вы, что это справедливое распредѣленіе? Ежегодно умираютъ 700 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ 600.000 не оставляютъ никакого наслѣдства. Въ прошломъ году сумма оставленныхъ наслѣдствъ достигла 299 мил. ф. ст. И знаете еще что? Двадцать одна тысяча скончавшихся оставили наслѣдство въ 280 мил. ф. ст. Четыре тысячи человѣкъ оставили наслѣдство въ 218 мил. ф. ст. Какъ вы думаете, эти люди *заработали* всѣ эти деньги? Землевладѣльцы и капиталисты получаютъ въ годъ въ видѣ ренты и процентовъ 650 мил. ф. ст. Чтобы получить эти деньги, капиталистамъ не приходится ударить даже палецъ о палецъ.

— Mate (обращеніе англійскихъ работниковъ другъ къ другу), почтительно замѣчаетъ Джо,—вашъ «кокосовый орѣхъ» (тутъ Джо тыкалъ пальцемъ въ лобъ собесѣдника) начиненъ цифрами, какъ гранатовое яблоко сѣмячками.

— Знаете ли вы, что въ Англіи двѣнадцать милліоновъ народа находится всегда на границѣ бѣдности?—продолжаетъ между тѣмъ Фьюстнеръ. - Знаете ли вы, что въ Лондонѣ милліонъ людей, зарабатывающихъ не больше гинеи въ недѣлю? Сельскій работникъ получаетъ въ недѣлю только отъ 10 — 17 шиллинговъ. Въ городѣ многіе работники имѣютъ не больше сорока восьми фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Вы хорошо знаете, что семья изъ пяти человѣкъ не можетъ жить прилично меньше, чѣмъ на 21 шил. 8 пенсовъ въ недѣлю. И это тогда, если большакъ не пьетъ пива, не куритъ, не читаетъ газетъ и не устраиваетъ себѣ отдыха разъ въ годъ. Въ Лондонѣ каждый изъ трехъ умираетъ въ рабочемъ домѣ въ госпиталѣ или пріютѣ. Милліонъ дѣтей идутъ въ народную школу безъ завтрака. Люди женятся, чтобы имѣть семью, свой очагъ. Между тѣмъ милліонъ замужнихъ женщинъ отправляются ежедневно на работу на фабрики и въ мастерскія. Въ любое время въ Англіи не меньше пятисотъ тысячъ безработныхъ. Неужели намъ не надобенъ соціализмъ? Соціализмъ дастъ намъ здоровую и справедливую общественную систему. Когда производство будетъ организовано по новому и хорошему, всѣ получатъ возможность жить прилично. Соціализмъ организуетъ производство и замѣнитъ дьявольскую систему соперничества кооперацией. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ выяснено ужасное положеніе массъ. Реформы не дали почти никакихъ результатовъ. Необходимо кореннымъ образомъ измѣнить все. Только соціализмъ можетъ сдѣлать это.

Джо къ этому времени оправился уже отъ потрясенія, произведеннаго градомъ цифръ. Онъ пріобрѣлъ прежній апломбъ, приличествующій первому лицу въ Жемчужной Аллеѣ, человѣку, который испытываетъ необходимость растегивать послѣ обѣда жилетъ.

— Mate, не говорите глупостей!—спокойно замѣтилъ онъ. Потомъ, вспомнивъ аргументъ изъ „Daily Mail", прибавилъ:—Вашъ соціализмъ установитъ только рай для бездѣльниковъ.

— Рай для бездѣльниковъ нечего устанавливать,—возразилъ калѣка:—онъ существуетъ теперь. Соціализмъ превратитъ землю въ рай для желающихъ работать.

— Хорошъ рай, въ которомъ армія чиновниковъ будетъ гнать палками народъ на работы! — иронически замѣтилъ Джо, вспомнивъ еще разъ вычитанное изъ „Daily Mail".

— Если при соціализмѣ, дѣйствительно, всѣхъ станутъ гнать палками на работу,—отпарировалъ Фьюстнеръ,—то какъ же это будетъ рай для бездѣльниковъ?

Джо раскрылъ даже ротъ отъ изумленія.

— Mate, вы остры, какъ бритва!—прохрипѣлъ онъ, наконецъ:—но стойте, у меня еще аргументъ: если государство будетъ давать каждому, сколько ему нужно, то что же заставитъ людей работать? Я иду въ каретную мастерскую, потому что мнѣ нужны сорокъ шиллинговъ. Если бы мнѣ давали сорокъ шиллинговъ такъ, то я бы не вставалъ въ шесть часовъ и не отправлялся въ мастерскую, а сидѣлъ бы цѣлый день безъ сюртука у окна, курилъ бы мою трубку, пилъ пиво и читалъ бы „Daily Mail".

— Я уже говорилъ вамъ, что государство это — весь народъ. Онъ не можетъ давать каждому всего, если люди не работаютъ. Когда государственная машина, дѣйствительно, будетъ находиться въ рукахъ всего народа, бездѣльникамъ придется или работать, или околѣвать съ голода. Свободный, образованный народъ не допуститъ существованія орды бездѣльниковъ. Ихъ рай *теперь*. По послѣдней переписи въ Англіи 665.000 человѣкъ, не имѣющихъ никакого дѣла, но живущихъ на капиталъ. Затѣмъ у насъ есть люди, не имѣющіе дѣла, потому что не находятъ спроса на силу своихъ рукъ. Потомъ бездѣльниковъ мы имѣемъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Теперь поощряютъ ничегонедѣланіе. Богатые бездѣльники существуютъ потому, что у насъ нѣтъ чувства самоуваженія и потому, что мы не смѣемъ сбросить лѣнтяя, усѣвшагося намъ на плечи. Бѣдные бездѣльники существуютъ потому, что мы сочувствуемъ несчастнымъ. При настоящемъ порядкѣ вещей мы никогда не знаемъ, почему ходитъ человѣкъ безъ дѣла и нищенствуетъ: потому ли, что *не можетъ*, или потому, что *не хочетъ* достать работу. При соціализмѣ никто не сможетъ жаловаться, что нѣтъ работы. Ее хватитъ на всѣхъ. Никто не сможетъ сказать, что онъ не способенъ работать. Такимъ образомъ, рай бездѣльниковъ будетъ разрушенъ.

II.

Флоренсъ Грэй нашивала перламутровыя пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». За четырнадцать тысячъ пуговицъ платили $2^1/_2$ шиллинга. Такъ какъ Флоренсъ Грэй необходимо было выработать $7^1/_2$ шиллинговъ въ недѣлю, то для этого приходилось нашивать сорокъ двѣ тысячи пуговицъ. Это означало четырнадцать часовъ работы и семь рабочихъ дней въ недѣлю. За двадцать слишкомъ лѣтъ жизни въ Лондонѣ Грэй знала только дорогу отъ Жемчужной Аллеи до Шордича, гдѣ помѣщалась фирма «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». Сюда она ходила каждую субботу въ 4 ч., чтобы сдать работу, получить $7^1/_2$ шил. и взять новый запасъ пуговицъ. Перламутровыя пуговицы заполнили весь горизонтъ Флоренсъ Грэй и вытѣснили все. И когда послѣ четырнадцати часовой работы Флоренсъ Грэй ложилась спать, то ей снились только перламутровыя пуговицы.

Само солнце, когда оно показывалось, покрытое, какъ всегда въ Лондонѣ, туманной дымкой, представлялось Флоренсъ Грэй большой перламутровой пуговицей. Двадцать лѣтъ прошли, какъ недѣля, не оставивъ почти никакихъ воспоминаній. Изъ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй помнила только первый вечеръ. То было еще въ 1887 г., въ душный августовскій день, когда черные кирпичи великой каменной пустыни, въ которой находится Жемчужная Аллея, накалились, какъ печь. Флоренсъ, какъ теперь, помнитъ десятки дѣтей, высыпавшихъ изъ душныхъ домиковъ и гомозившихся на мостовой среди капустныхъ листьевъ и лоскутковъ бумаги, помнитъ всѣ ихъ разговоры. Девятилѣтняя Марджори, только что возвратившаяся съ берега моря, гдѣ провела цѣлую недѣлю съ другими дѣтьми, отправленными туда благотворительнымъ обществомъ, разсказывала своей пріятельницѣ Мэйбель, которая никогда никуда не выѣзжала, про чудеса «country» (деревни).

— Молоко берутъ отъ коровы. Корова ѣстъ траву, а вечеромъ люди берутъ чистое ведро и идутъ къ коровѣ.

— Но за-то въ деревнѣ скучно, — старается обезцѣнить «country» Мэйбель, пораженная чудеснымъ способомъ добыванія молока.

— Нѣтъ, очень весело, — горячо защищала Марджори деревню.

— Тамъ людей нѣтъ.

— Кишмя кишатъ. Повернуться негдѣ.

— А карусели тамъ есть?

— Милліоны. Сто милліоновъ каруселей.

— А итальянцы, развозящіе въ повозочкахъ мороженое?

— Отъ нихъ прохода нѣтъ!

Мэйбель смущена и поражена чудесами и великолѣпіемъ деревни. Дѣвочка не находитъ даже, что сказать.

Десятки дѣтей, взявшись за руки, вертѣлись, припѣвая: «Вотъ какъ мы ходимъ вокругъ шелковичнаго дерева въ ясное и морозное утро» *). Наконецъ, имъ надоѣло вертѣться.

— Будемъ играть въ золотой юбилей, — предложила десятилѣтняя Куини, первая красавица во всей Жемчужной Аллеѣ. Слухъ про юбилей Викторіи достигъ даже до каменной пустыни. Предложеніе было немедленно принято всѣмъ обществомъ, но возникли недоразумѣнія по поводу того, кому быть королевой. Куини категарически заявила, что Викторію изображать будетъ она, такъ какъ, помимо всего, можетъ достать «карету». Скоро устроилась и процессія. Впереди выступалъ лордъ Робертсъ, держа въ рукахъ, вмѣсто маршальскаго жезла, мѣдный пестикъ отъ ступки; потомъ шествовала музыка, играя усердно на губахъ. Индійская гвардія тщательно вычернила себѣ лица углемъ. Наконецъ, шесть двуногихъ лошадей волокли «ландо», т. е. ящикъ изъ-подъ крахмала, съ королевой Викторіей. Она кланялась и ласково улыбалась подданнымъ.

— Куини!—послышалось изъ одного окна—Вы скверная дѣвчонка! Сейчасъ ступайте сюда и помогите мнѣ приготовить постели

— Мы играемъ въ золотой юбилей.

— Я вамъ такъ наюбилею сейчасъ, что до рождественскаго пуддинга помнить будете.

— Еще одинъ разъ проѣдемся!

— Если скажете еще слово, то отправлю спать безъ ужина.

Въ виду такой перспективы, королева Викторія рѣшила сложить съ себя санъ. Она выскочила изъ кареты и побѣжала домой. Процессія разрушена, но возникли другія игры. Дюжій Робби, изображавшій лорда Робертса, сталъ у стѣны и согнулся.

— Мельникъ, мельникъ, тащи мѣшки!—закричали мальчики и одинъ за другимъ стали прыгать на спину Робби. Въ эту игру дѣвочекъ, конечно, не принимали. Тогда онѣ затѣяли свою собственную игру въ лавочку. «Лавочница» усѣлась у стѣны и на доскѣ разложила товары: кусочки дерева, камни и тряпочки.

— Здравствуйте, *ма'ам*,—начала одна покупательница.—Какой хорошій день, не правда-ли? Какъ поживаетъ ваше бэби, *ма'ам*?— Лавочница съ достоинствомъ отвѣчаетъ, что бэби чувствуетъ себя хорошо, но только мучается зубами.

— Чѣмъ могу служить?—дѣловито спрашиваетъ она.

— Дайте мнѣ,—говоритъ покупательница, подтягивая спадающій чулокъ,—двадцать пять самыхъ лучшихъ пирожковъ съ ва-

*) Дѣтская англійская игра.

реньемъ и двѣ тысячи фунтовъ лучшаго мороженаго различныхъ цвѣтовъ.

Громадный заказъ нисколько не смущаетъ лавочницу. Она спокойно заворачиваетъ двѣ деревяшки и получаетъ въ обмѣнъ камушекъ.

— Благодарю,—говоритъ она, слегка наклоняя голову.—Чѣмъ могу еще служить сегодня? У насъ очень хорошее имбирное пиво (родъ шипучаго кваса, очень любимаго англійскими дѣтьми). Есть у насъ еще отличный шербетъ, который шипитъ, какъ не знаю что.

Покупательница задумывается, взвѣшивая въ головѣ предложеніе, и, наконецъ, спрашиваетъ «триддать девять бушелей шербета».

— Мы вамъ пришлемъ на домъ покупку, *ма'ам*, не безпокойтесь. Какъ ваши дѣти?—Покупательница отвѣчаетъ, что хорошо, но она не знаетъ, что дѣлать съ средней дѣвочкой. Просто бѣда съ нею.

Мало-по-малу изъ оконъ стали звать дѣтей, и Жемчужная Аллея опустѣла. Только первый вечеръ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ помнила ясно Флоренсъ Грэй. Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Марджори была потомъ замужемъ за Робби, который умеръ два года тому назадъ. Теперь она опять живетъ въ Жемчужной Аллеѣ съ тремя дѣтьми и клеитъ коробки. Берти Пальмеръ, который изображалъ вождя индійской гвардіи, пошелъ потомъ въ солдаты и пропалъ безъ вѣсти гдѣ-то въ Южной Африкѣ. Никто не знаетъ, гдѣ лежатъ его кости. Здоровякъ Билли Нолисъ—въ тюрьмѣ. Маленькій Френки Снэльгровъ вышелъ въ большіе люди. Теперь, говорятъ, животъ у него вдвое больше, чѣмъ у Джо, и на животѣ—двѣ золотыя цѣпочки. Красавица Куини въ семнадцать лѣтъ исчезла изъ Жемчужной Аллеи. Говорили потомъ, что она бродитъ ночью, накрашенная, по тротуару. Черезъ нѣсколько лѣтъ кто-то сказалъ, что Куини вытащили изъ Темзы. Бывали и въ Жемчужной Аллеѣ большія событія, какъ, напримѣръ, тогда, когда въ домѣ № 21 задавили накрашенную женщину. Кто это сдѣлалъ, такъ и осталось невыясненнымъ. Два дня въ Аллеѣ толпились полисмэны, сыщики, газетные репортеры, фотографы, а потомъ все опять успокоилось. Потомъ туфельщица Глэдисъ Ридъ пыталась во время мертваго сезона утопиться въ мутномъ и вонючемъ обводномъ каналѣ. Ее вытащили, привели въ чувство и привлекли къ суду; но у магистрата Глэдисъ безстрашно разсказала, какъ трудно ей жить съ четырьмя дѣтьми. Лучше смерть, чѣмъ видѣть, какъ они голодаютъ. Случай произвелъ тогда большое впечатлѣніе. Газеты въ тотъ день писали, что Лондонъ не знаетъ про то, какъ живутъ тысячи людей. Глэдисъ отпустили безъ наказанія. Въ Жемчужной Аллеѣ появились послѣ того дамы-благотворительницы, которыя навезли теплое платье, чай, сахаръ и обувь дѣтямъ.

А Флоренсъ Грей все нашивала пуговицы. Прошло болѣе двадцати лѣтъ. За это время открыли Центральную Африку, изобрѣли удивительныя машины, овладѣли воздухомъ, нашли радій и аргонъ, создали теоріи, перевернувшія старые незыбленные взгляды, начался и кончился цѣлый рядъ войнъ. Люди говорили, что міръ стремительно мѣняется, а въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй все нашивала перламутровыя пуговицы. Каждую субботу въ четыре часа дня она отправлялась въ Шордичъ, чтобы сдать фирмѣ «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°» работу и получить новый запасъ пуговицъ. Фирма была большая, и Флоренсъ не знала мертвыхъ сезоновъ.

III.

И вотъ времена измѣнились. Проявленіе холеры даже въ слабой формѣ, даже тогда, когда она ограничивается двумя-тремя жертвами, ставитъ на ноги всю страну. Принимаются чрезвычайныя предосторожности; щедро льются деньги; всякая жертва окружается необыкновенными заботами. Между тѣмъ есть постоянная болѣзнь, присущая всѣмъ культурнымъ государствамъ, захватывающая иногда неизмѣримо больше жертвъ, чѣмъ холера, — и замѣчаемая только тогда, когда жертвы отказываются страдать молча. Страданіе это — безработица. Болѣзнь эта — эндемическая, но иногда принимаетъ характеръ эпидеміи и передается изъ одной страны въ другую. Такой именно характеръ носитъ безработица, надвинувшаяся на Англію осенью 1908 г. Писатели и общественные дѣятели спорили между собою при опредѣленіи причинъ «экономической эпидеміи». Одни говорили, что болѣзнь зародилась въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ послѣдствіе денежнаго кризиса. Въ настоящее время экономическая жизнь всѣхъ странъ такъ тѣсно связана, что кризисъ въ одномъ углу земли немедленно отражается всюду. Что общаго, напримѣръ, имѣетъ Перу съ Болгаріей и Турціей? А между тѣмъ, когда Болгарія провозгласила свою независимость, на лондонской фондовой биржѣ одновременно упали не только болгарскія, турецкія, русскія, сербскія и австрійскія бумаги, но также и перувіанскія. Кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ, доказывали экономисты, не могъ не повести за собою кризиса въ Англіи. Другіе экономисты столь же убѣдительно доказывали, что всему виною система свободной торговли. Нѣмцы и американцы, — говорили экономисты, — навезли въ Англію свои фабрикаты, пустили ихъ по крайне низкой цѣнѣ и, такимъ образомъ, довели англійскихъ заводчиковъ, если не до банкротства, то до необходимости искать за границей для своихъ капиталовъ поле дѣятельности. Одна фабрика за другой вынуждена теперь прекратить работу. Послѣдствіемъ, конечно, является безработица. Чтобы уничтожить ее, необходимо, поэтому, прежде всего, возвратиться

къ охранительнымъ, если не къ покровительственнымъ, тарифамъ. Высокія пошлины на ввозные товары дадутъ возможность окрѣпнуть англійскимъ заводамъ и фабрикамъ. Возникнутъ новыя отрасли промышленности, захваченныя теперь иностранцами (При этомъ обыкновенно указывалось на изготовленіе автомобилей). При возникновеніи новыхъ фабрикъ явится усиленный спросъ на рабочія руки, что, въ свою очередь, поведетъ къ повышенію заработной платы и къ сокращенію рабочаго дня. Такимъ образомъ, протекціонизмъ означаетъ работу для всѣхъ. А такъ какъ таможенныя пошлины дадутъ значительный доходъ казнѣ, то государство сможетъ уменьшить подоходный налогъ. Другими словами, протекціонизмъ означаетъ еще уменьшеніе налоговъ.

— Если все то, что выговорите о протекціонизмѣ, вѣрно,—возражали экономисты-фритрэдеры,—то чѣмъ же объяснить существованіе безработныхъ въ странахъ, оцѣпленныхъ таможеннымъ кордономъ? Нѣтъ другой страны, гдѣ таможенныя пошлины были бы такъ высоки, какъ въ Россіи. Заводчики и фабриканты являются тамъ любимыми и въ достаточной степени наглыми дѣтищами правительства. Между тѣмъ, ни въ одной странѣ нѣтъ столько безработныхъ, какъ въ Россіи. Нѣтъ также другой страны въ Европѣ, гдѣ населеніе было бы такъ бѣдно. Предположимъ, въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что англичане называютъ misgovernment.

Возьмемъ, въ такомъ случаѣ, другія протекціонныя страны: республиканскіе Соединенные Штаты и высоко культурную Германію. По оффиціальнымъ отчетамъ «New York Department of Labor» безработныхъ въ городахъ Сѣверо-Американской республики было въ 1902 г.—14,8%, въ 1903 г.—17,5%, въ 1904 г.—16,9%, а въ 1905 г.—11,2%. Теперь же безработныхъ въ большихъ городахъ 34%. «Богатства Соединенныхъ Штатовъ такъ безграничны,—читаемъ мы въ «The Encyclopedia of Social Reform»,—источники доходовъ такъ обильны; благоденствіе нѣкоторыхъ классовъ такъ очевидно, а заработная плата такъ высока, что не вѣрится въ возможность существованія людей, хронически не могущихъ достать работу. А между тѣмъ такова дѣйствительность». Въ Берлинѣ около 12% безработныхъ. Въ Англіи въ нормальное время безработныхъ только 2,8%. Такимъ образомъ, при системѣ свободной торговли Англія имѣетъ значительно меньше безработныхъ, чѣмъ защищенные таможенными тарифами Соединенные Штаты и Германія. Нигдѣ въ Европѣ массы не живутъ такъ сытно, просторно, уютно и тепло, какъ въ Англіи. Правда, теперь число безработныхъ значительно увеличилось и достигло до безпримѣрной въ Англіи цифры—9%; но въ Берлинѣ теперь 16% безработныхъ, а въ Нью-Іоркѣ—34%. Увеличеніе числа безработныхъ въ Англіи обусловливается не свободной торговлей, а общимъ кризисомъ. Такимъ образомъ, утвержденіе, что протекціо-

низмъ принесетъ съ собою работу для всѣхъ—не выдерживаетъ критики. Въ такой же степени не основательно второе утвержденіе («протекціонизмъ принесетъ съ собою уменьшеніе налоговъ»). Въ самомъ дѣлѣ. Высокія пошлины или остановятъ ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ, или не остановятъ. Если остановятъ, значитъ, казна не будетъ получать доходовъ отъ пошлинъ, а потому не сможетъ насчетъ ихъ уменьшить подоходный налогъ. Если не остановятъ, то, значитъ, иностранные фабрикаты по прежнему будутъ конкурировать на внутреннемъ рынкѣ съ мѣстными товарами.

Разсужденія фритрэдеровъ были совершенно правильны. Безработныхъ въ Англіи дѣйствительно только 9%, тогда какъ въ Берлинѣ 14, а въ Нью-Іоркѣ—34%; но тѣмъ, которые попали въ эти 9%, трудно было утѣшиться подобными доводами.

— Причина безработицы лежитъ не въ свободной торговлѣ и не въ протекціонизмѣ, а въ другомъ,—объясняли иные экономисты.

Промышленные кризисы обусловливаются простыми естественными причинами, какъ, напримѣръ, хорошей или дурной погодой. Всѣ богатства приходятъ отъ земли или отъ моря. Большій или меньшій притокъ ихъ зависитъ отъ естественныхъ причинъ и лежитъ совершенно внѣ контроля человѣка. Поразительнымъ классическимъ примѣромъ является развитіе и паденіе ганзейскихъ городовъ въ зависимости отъ нереста сельдей. Подобные примѣры случаются ежегодно. Предположимъ, что страну по ту сторону рѣки Трэнтъ постигъ большой неурожай. Фермеры понесли большія потери. У нихъ теперь меньше, что продавать, а потому покупательная способность уменьшилась. Вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые обслуживаютъ въ обычное время фермеровъ: заводчики сельскохозяйственныхъ машинъ, поставщики сѣмянъ, суконщики, бакалейщики и т. п.,—получаютъ теперь меньше заказовъ. Теперь посмотримъ на то же явленіе, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Изъ года въ годъ Англія получала изъ Соединенныхъ Штатовъ три четверти всей потребляемой ею пшеницы. Но вотъ въ Соединенныхъ Штатахъ большой неурожай. Республика не имѣетъ больше хлѣба, который могла бы вывезти. Англія должна обратиться къ Аргентинѣ и Индіи. Но Соединенные Штаты, не имѣя хлѣба для экспорта, сократили также покупку англійскихъ товаровъ. И вотъ произошло полное нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ, послѣдствіемъ котораго явилась безработица.

— Ни протекціонизмъ, ни свободная торговля, ни нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ вслѣдствіе стихійныхъ причинъ не играютъ главной роли, опредѣляющей причину безработицы,—говорятъ еще экономисты. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ только второстепенное значеніе. Главной причиной безработицы

является пристрастіе англійскихъ массъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Знаете, сколько каждый работникъ въ среднемъ несетъ въ недѣлю въ кабакъ? пять шиллинговъ. Рабочія массы въ Англіи пропиваютъ въ годъ сто милліоновъ ф. ст.

За шиллингъ въ недѣлю каждый, принадлежащій къ большому профессіональному союзу, можетъ, въ извѣстной степени, застраховаться отъ безработицы. Въ случаѣ болѣзни или потери работы застрахованный будетъ получать отъ своего трэдъ-юніона въ теченіе одного года по десяти шиллинговъ въ недѣлю. На верфяхъ на Клайдѣ теперь безработица. Сколько страданій можно было бы предупредить, если бы всѣ рабочіе тамъ носили свои шиллинги не въ кабакъ, а въ трэдъ-юніонъ! И теперь, несмотря на безработицу, на Клайдѣ въ одинъ мѣсяцъ пропито 4 мил. ф. ст.

Были, наконецъ, такіе экономисты, которые доказывали, что безработица неизбѣжное послѣдствіе капиталистической формы производства. Будетъ ли расцвѣтъ промышленности или кризисъ; будетъ ли страна окружена таможеннымъ кордономъ или нѣтъ,— безработица въ странѣ съ капиталистической формой производства неизбѣжна.

Какъ бы тамъ ни было, промышленный кризисъ надвинулся, и число безработныхъ стало быстро возрастать. На верфяхъ остановилась постройка новыхъ кораблей; въ томъ промышленномъ мірѣ, центромъ котораго является Бирмингэмъ, стали закрываться заводы. Въ Ланкаширѣ фабрики работали только черезъ день. Такъ какъ у фабрикантовъ накопился громадный запасъ товаровъ, то предприниматели понизили заработную плату на 5%. Рабочіе отвѣтили стачкой, тѣмъ именно, чего добивались фабриканты. Фабрики остановились, что дало предпринимателямъ возможность очистить склады. Остановившіеся станки прибавили къ кадрамъ безработныхъ тысячи людей, косвенно живущихъ «отъ хлопка». Изъ маленькихъ городковъ и деревень безработное населеніе устремилось въ большіе города, еще больше ухудшая тамъ такимъ образомъ положеніе ищущихъ работы. Англичанинъ по натурѣ своей не склоненъ терпѣть молча. И по мѣрѣ роста кадровъ безработныхъ увеличивалось раздраженіе, на что было указано въ парламентѣ, когда обсуждалось тамъ положеніе вещей. «Я долженъ сказать палатѣ, что если безработныхъ ставятъ внѣ закона, то нельзя ожидать отъ нихъ также уваженія къ закону,—заявилъ одинъ изъ каммонеровъ.—Я не ограничусь произнесеніемъ рѣчей въ спокойной обстановкѣ, гарантируемой мнѣ парламентомъ, но пойду къ страдающему отъ голода народу и возьму на себя отвѣтственность за тѣ совѣты, которые дамъ ему. Страна должна быть выведена изъ бездѣйствія. Правительство, я надѣюсь, пойметъ всю серьезность положенія дѣлъ и внесетъ какую-нибудь рѣшительную реформу. Необходимо немедленно принять мѣры къ тому, чтобы люди не голодали на улицахъ богатѣйшаго въ мірѣ

города». Правительство обѣщало внести радикальную реформу зимой, а покуда предложило парламенту «болеутоляющую» мѣру, какъ выразился премьеръ. Она заключалась въ ссудахъ муниципалитетамъ $1^1/_2$ мил. ф. ст. для немедленнаго осуществленія намѣченныхъ работъ. Кромѣ этого, предложено вызвать двадцать четыре тысячи резервистовъ для ученія зимой. Проектировано отпустить 300,000 ф. ст. существующимъ уже комитетамъ для пріисканія работы нуждающимся въ ней. Всѣ эти мѣры признаны были недостаточными людьми, стоявшими близко къ безработнымъ. «Въ настоящій моментъ намъ нужны не деньги,—сказалъ коммонеръ, критикуя въ парламентѣ предложеніе премьера. — Намъ нужна организованная система, которая поставила бы безработныхъ на работу. Если бы правительство отпустило не $1^1/_2$ мил. ф. ст., а десять мил. ф. ст., то положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось бы. Здѣсь говорятъ объ ассигнуемыхъ деньгахъ. Намъ нужна *работа.* Правительство отпускаетъ 300,000 ф. ст. спеціальнымъ комитетамъ. «Хорошо,—говорятъ безработные,—но гдѣ мы заработаемъ эти деньги?—Не знаю!—отвѣчаетъ правительство». Отъ имени правительства отвѣчалъ этимъ коммонерамъ Джонъ Бернсъ, когда-то безработный, а теперь—министръ. «Къ правительству предъявляются требованія, чтобы оно сразу уничтожило безработицу и нищету,—сказалъ Бернсъ.—Внушающіе рабочимъ классамъ, что правительство можетъ это сдѣлать, находятся въ глубокомъ заблужденіи. Причины безработицы многочисленны. Мы имѣемъ тутъ факторы соціальные, экономическіе, политическіе и, такъ сказать, индивидуальные. Всѣ эти факторы дѣйствовали на протяженіи многихъ вѣковъ. Одною мѣрою невозможно уничтожить всѣ накопившіеся результаты». По утвержденію Джона Бернса, острота кризиса значительно преувеличена. Въ палатѣ было сказано, что теперь въ Англіи до двухъ милліоновъ безработныхъ. Это утвержденіе не согласно съ фактами. Въ Лондонѣ, напримѣръ, въ 1907 г. на 1000 населенія 24,1 получали общественную помощь. Въ 1908 г. процентъ нуждающихся только слегка поднялся, а именно 24,7 на тысячу. На тысячу населенія въ Англіи и Уэльсѣ было въ 1907 г.—21,5 нуждающихся, а теперь—21,9. Въ Лондонѣ 31 комитетъ призрѣнія неимущихъ (Board of Guardians). Изъ нихъ пятнадцать комитетовъ имѣютъ теперь на попеченіи меньше неимущихъ, чѣмъ въ прошломъ году. Только три комитета, находящіеся въ восточномъ Лондонѣ, имѣютъ теперь гораздо больше работы, чѣмъ въ прошломъ году. Въ семи приходахъ (Parishes) восточнаго Лондона 715,739 населенія, въ томъ числѣ неимущихъ, находящихся на общественномъ попеченіи, 25,826 человѣкъ. Въ трехъ приходахъ число пауперовъ уменьшилось, а въ трехъ—увеличилось на 2883. Рабочіе депутаты требуютъ, чтобы правительство отпускало не деньги, а поручило бы муниципалитетамъ устраивать какія-нибудь общественныя работы насчетъ

суммъ, собираемыхъ путемъ городскихъ налоговъ. Но именно это дѣлалось въ тѣхъ округахъ восточнаго Лондона, гдѣ теперь больше всего пауперовъ.

IV.

За стѣнами парламента, на площадяхъ, перекресткахъ и въ паркахъ произносились гораздо болѣе страстныя и зажигательныя рѣчи. Появился цѣлый рядъ ораторовъ, внезапно выдвинувшихся изъ массъ. Эти ораторы изъ года въ годъ проповѣдывали въ паркахъ, но газеты никогда не находили надобнымъ отмѣчать ихъ рѣчи. Таковъ былъ Вильямсъ, или «Джэкъ», коренастый, широкоплечій человѣкъ съ круглой, большой головой, маляръ по профессіи. Маляры періодически страдаютъ отъ безработицы, а потому имѣютъ нѣсколько профессій. «Джэкъ» состоялъ секретаремъ какого-то трэдъ-юніона. Стремительно выдвинулся Стюартъ Грэй, или «служитель евангелія», какъ онъ самъ себя называлъ. Онъ ходилъ всегда въ длинномъ, бѣломъ балахонѣ, съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Подпоясывался Грэй всегда ораремъ, какой носятъ дьяконы. Стюартъ Грэй организовалъ особый отрядъ, который называлъ Голодными дружинниками. Одинъ изъ фланговыхъ этой дружины Маскетъ быстро сталъ извѣстенъ призывами къ насилію. Но въ особенности изъ ораторовъ, обращавшихся къ безработнымъ, получилъ извѣстность Викторъ Грэйсонъ. Онъ былъ коммонеромъ, но его удалили на всю сессію за оскорбленіе всей палаты. Рѣчи Грэйсона дышали, прежде всего, глубокой ненавистью къ Джону Бернсу, котораго ораторъ именовалъ не иначе, какъ Іудой Искаріотомъ.

— Предложеніе, сдѣланное премьеромъ, не затрогиваетъ даже вопроса о безработныхъ,—говорилъ Грейсонъ. Аскитъ и я мы знаемъ, что случится. Если зимою не найдутъ работы для безработныхъ, то Вэстъ-энду будетъ плохо. Гдѣ ни выступятъ на платформѣ министры кабинета,—они прежде всего услышатъ про безработныхъ. Въ нашихъ рукахъ теперь ключъ позиціи. Мы скоро будемъ хозяевами. Кризисъ захватилъ насъ. Если вы не можете достать хлѣба для вашихъ голодающихъ женъ и дѣтей, то вотъ вамъ мой совѣтъ: грабьте и отнимайте.

— Вы не должны устраивать митинги за три мили отъ парламента. Ступайте ближе къ палатѣ, возьмите коммонеровъ за лацканы и заставьте выслушать ваши аргументы,—совѣтовалъ «Джэкъ» Вильямсъ.—Необходимо отравить существованіе коммонерамъ. Тогда они поймутъ, что нельзя терять времени.

— Я, Стюартъ Грэй, служитель евангелія и вождь Голодныхъ дружинниковъ—между вами. Если правительство захочетъ отправить меня въ тюрьму, вы должны испортить архитектуру этого зданія. Нельзя посылать въ тюрьму человѣка за то, что онъ го-

ворить правду. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ казнили человѣка за то, что онъ дерзнулъ вѣщать правду. Теперь за это не смѣютъ казнить, но все же отправляютъ въ тюрьму. Не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы свершимъ дѣянія, которыя будутъ вписаны въ исторію. Мы разбудимъ спящую палату. Вы, безработные, голодные и страдающіе! Выползайте изъ вашихъ берлогъ. Идите съ вашими страданіями къ палатѣ общинъ. Заставьте силой коммонеровъ, чтобы они васъ выслушали. Я буду всегда впереди въ самыя трудныя минуты. Отдаю себя всецѣло на жертву за народное благо.

Но самыя рѣзкія рѣчи произносились «фланговымъ» Голодныхъ дружинниковъ Маскетомъ. Онъ прямо призывалъ къ насилію.

— Вооружайтесь не палками и камнями, а бомбами и ступайте къ парламенту. Я поведу васъ. Необходимо послать этихъ лѣнтяевъ химическимъ экспрессомъ на тотъ свѣтъ. Я былъ солдатомъ и принялъ тогда присягу сражаться за родину. Присяга эта въ силѣ еще и теперь. Я—въ вашемъ распоряженіи... Отравляйте существованіе богатымъ людямъ. Уничтожайте все, что дорого имъ. Ступайте въ національную галлерею и тамъ уничтожайте картины.

Стюарта Грэя и Маскета привлекли къ магистрату за произнесеніе рѣчей, призывающихъ къ безпорядкамъ.

— Вы иностранецъ?—спросилъ магистратъ у Маскета.

— Нѣтъ, англичанинъ.

— А въ домѣ умалишенныхъ сидѣли?

— Нѣтъ.

— Такъ вы были пьяны. Иначе не могу объяснить, какимъ образомъ англичанинъ, въ здравомъ умѣ и имѣющій представленіе о конституціи своей страны, можетъ произносить подобныя рѣчи.

Вызванный свидѣтель показалъ, что знаетъ Маскета около двухъ лѣтъ и за все это время почти не помнитъ его трезвымъ. Магистратъ обязалъ обоихъ обвиняемыхъ вести себя тихо въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Крайне рѣзкія рѣчи раздавались не только въ паркахъ и на площадяхъ, но также съ церковнаго амвона. Извѣстное впечатлѣніе произвело письмо настоятеля церкви св. Троицы въ Блэкли—Скофильда Батерсби, къ епископу манчестерскому. Епископъ предлагалъ всѣмъ настоятелямъ церквей своей епархіи устраивать денежные сборы въ пользу безработныхъ. «Владыко, — писалъ настоятель Скофильдъ Батерсби въ отвѣтъ на это,—когда же церковь и вожди ея поймутъ, что безработные требуютъ не милостыни, а справедливости? Когда церковь пойметъ, что нынѣшняя система правленія, какъ свѣтская, такъ и духовная, основана на несправедливости и на анти-христіанскомъ принципѣ. Никакіе палліативы не могутъ принести справедливости въ міръ, держащійся на ненависти, человѣконенавистничествѣ и на всемъ, что отъ дьявола. Современная плутократическая система гибнетъ и разсыпается въ прахъ. Приближается великій переворотъ. Въ виду

этого церковь должна взять на себя роль вождя, какъ и тогда, когда погибалъ древній міръ. Обновленная церковь должна отречься отъ лукавыхъ вождей, заполонившихъ ее и предавшихся всецѣло сильнымъ міра сего. Прежде всего по отношенію къ безработнымъ необходима теперь справедливость. Помогать безработнымъ, не думая объ измѣненіи причинъ, производящихъ безработицу, могутъ только или ограниченные, слѣпые люди, или нечестные (knaves) Владыка, вы должны помочь намъ осудить тѣхъ богачей, которые, путемъ эксплуатаціи труда бѣдняковъ, вопреки евангельской заповѣди, накопляютъ земли и дома. Поведите насъ въ походъ противъ тѣхъ лицемѣрныхъ христіанъ, которые кощунственно бормочутъ про братство людей и въ то же время готовы послать вооруженныхъ людей для пролитія крови во имя защиты правъ собственности; противъ тѣхъ лицемѣровъ, которые говорятъ о помощи безработнымъ и въ то же время всѣми своими поступками увеличиваютъ число ихъ. Владыка, въ вашей епархіи въ Ланкаширѣ всюду видны зданія, камни которыхъ скрѣплены кровью и слезами. Эти камни вопіютъ къ Богу объ отомщеніи. Вы совѣтуете мнѣ молиться за безработныхъ. Но не оскорблю ли я Господа тѣмъ, что, молясь за безработныхъ, не обращаюсь къ производящимъ безработицу? Въ началѣ Господь сотворилъ не только небеса, но и землю, которую отдалъ человѣку, чтобы онъ жилъ на ней и кормился отъ плодовъ ея. Въ настоящее время мы имѣемъ десятки тысячъ акровъ, которые могутъ быть превращены въ страну, текущую молокомъ и медомъ. Съ Божьяго благословенія земля эта кормила бы всѣхъ желающихъ работать на ней. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Христіанское правительство, съ благословленія христіанской церкви, закрѣпляетъ всю эту землю, столь необходимую народу, за нѣсколькими изнѣженными двуногими существами дабы они могли утолить свою жажду крови охотой на невинныхъ птицъ и четвероногихъ. Мы, священники, постоянно живущіе среди народа и наблюдающіе круглый годъ безработныхъ, приходимъ къ такому заключенію. До сихъ поръ всѣ силы христіанскаго государства отданы были плутократіи и помогали ей создавать хроническую бѣдность. Этотъ порядокъ вещей необходимо уничтожить. Если христіанское государство бьетъ дубинами и стрѣляетъ въ народъ во имя созданія хронической бѣдности, то не имѣемъ ли мы, священнаго права прибѣгнуть къ насилію во имя правъ человѣка? Если церковь станетъ во главѣ движенія, то переворотъ свершится мирно, безъ пролитія хотя бы единой капли крови. Но если церковь попрежнему будетъ отстаивать интересы только богатыхъ насильниковъ, тогда она погибнетъ. Что же касается движенія, то оно не остановится, но только будетъ сопровождаться рѣками крови».

V.

Кризисъ и безработица отразились, конечно, на населеніи Жемчужной Аллеи. «Выжимальщики пота», столь безжалостные по отношенію къ своимъ работникамъ, обыкновенно раньше всѣхъ становятся жертвами надвигающагося кризиса. Каждый день кто-нибудь новый изъ обитателей Жемчужной Аллеи получалъ отдыхъ, котораго не желалъ. Большинство мужского населенія присоединялось къ партіямъ безработныхъ, бродившихъ по улицамъ Лондона. Обыкновенно такія партіи носятъ знамя съ надписью: «Мы требуемъ наше право на трудъ». Десятка два человѣкъ поютъ «голодные гимны», сложенные еще дѣдами въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Человѣкъ десять гремятъ коробками и приглашаютъ прохожихъ опускать туда пенсы. Такую партію провожаютъ обыкновенно два полисмэна. Тѣ мужчины изъ Жемчужной Аллеи, которые не участвовали въ шествіи безработныхъ, окружали обыкновенно калѣку Фьюстнера и просили его выяснить имъ положеніе дѣлъ. Калѣка объяснялъ, почему происходитъ безработица.

— Почему мы не въ состояніи найти работу, хотя готовы и умѣемъ работать? Доступъ къ землѣ для насъ закрытъ. Вся земля принадлежитъ теперь немногимъ собственникамъ. Всѣ богатства идутъ отъ земли. Если государство находитъ справедливымъ, чтобы источникъ всѣхъ богатствъ находился въ рукахъ немногихъ, то оно *обязано* найти работу для насъ, которыхъ оно устранило отъ этихъ источниковъ. Государство не должно грабить насъ и лишать *права на трудъ*. Намъ говорятъ, что извѣстный процентъ безработныхъ неизбѣженъ. Но это говорятъ люди, лишившіе насъ права на трудъ. Мы, попавшіе въ «неизбѣжный процентъ безработныхъ», не желаемъ мириться съ этимъ.

— Говорятъ еще, что времена теперь плохи, а когда улучшатся, то и безработныхъ будутъ меньше,—замѣтилъ одинъ изъ внимательныхъ слушателей.

— Дѣла могутъ поправиться, а безработные все-таки будутъ,—отвѣтилъ Фьюстнеръ.—Люди толкуютъ о работѣ такъ, какъ будто она зависитъ отъ дождя или солнца. Одни говорятъ: «Состояніе промышленности хорошо или плохо». Хорошее состояніе промышленности никогда не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ и не можетъ разрѣшить. Намъ говорятъ, что, когда положеніе промышленности улучшится, работа будетъ для всѣхъ желающихъ. Если бы это было вѣрно, то и теперь работы должно было бы хватить на всѣхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ состояніе промышленности было плохо, и сотни тысячъ безработныхъ бродили по улицамъ. Населеніе Англіи зарабатывало тогда 1.300 мил. ф. ст. въ годъ. Теперь оно зарабатываетъ 1.710 мил. ф. ст. Такимъ образомъ,

состояніе промышленности улучшилось. Между тѣмъ, въ Соединенномъ Королевствѣ мы имѣемъ теперь 12 милліоновъ человѣкъ, которыхъ вся жизнь проходитъ впроголодь. Не доказываетъ ли это, что хорошее состояніе промышленности не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ?

Лекція эта происходила на тротуарѣ, гдѣ дѣти играли въ hopscotch, для чего на камняхъ начерчивается большой прямоугольникъ, раздѣленный на отдѣльные квадраты. Дѣти, прыгая на одной ногѣ, гонятъ носкомъ камешекъ изъ одного квадрата въ другой. Калѣка взялъ кусокъ мѣла, начертилъ на плитахъ тротуара прямоугольникъ и раздѣлилъ его на четыре квадрата. Въ первомъ и во второмъ квадратахъ онъ положилъ по камешку и подписалъ подъ каждымъ: «помѣщикъ», «хозяинъ». Въ третій квадратъ онъ положилъ десять камешковъ и подписалъ «рабочіе». Въ четвертый квадратъ калѣка положилъ одинъ камешекъ и подписалъ: «безработный».

— Вотъ вамъ положеніе Англіи,—сказалъ онъ, когда кончилъ чертежъ. Годовой доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ, т. е. стоимость богатствъ, производимыхъ ими въ годъ, составляетъ, въ среднемъ, 13 тысячъ ф. ст., въ которыхъ безработному не принадлежитъ никакой доли. Помѣщикъ не дозволитъ безработному даже пройти по землѣ; хозяинъ не желаетъ взять безработнаго. На всемъ островѣ нѣтъ спроса на его трудъ. Помѣщикъ и хозяинъ—отмѣнные политики и государственные дѣятели. Они говорятъ рѣчи безработному и увѣряютъ его, что работа явится тогда, когда улучшится состояніе промышленности и когда найдутъ новые рынки. Прошло двадцать лѣтъ. Доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ достигъ семнадцати тысячъ ф. ст. Дѣла на островѣ процвѣтаютъ. Богатства возрастаютъ. Общій доходъ страны увеличился почти въ полтора раза, тогда какъ населеніе возросло только на 20%. А, между тѣмъ, мы еще видимъ безработнаго. Что выигралъ онъ отъ того, что дѣла улучшились и страна разбогатѣла? Ничего. Рѣшительно ничего. Итакъ, mates, запомните: улучшеніе состоянія промышленности не только не разрѣшаетъ, но и никогда не можетъ разрѣшить вопросъ о безработныхъ.

Толстый Джо тоже слушалъ объясненіе, но только безъ обычнаго сознанія собственнаго превосходства. Джо теперь находился въ безпрерывномъ страхѣ. Отправляясь каждое утро на работу въ свою каретную мастерскую, онъ трепеталъ отъ сознанія, что, быть можетъ, въ послѣдній разъ, что, быть можетъ, сегодня получитъ разсчетъ. И впервые толстый Джо сталъ задумываться надъ вопросомъ справедливости порядка, при которомъ человѣка, проработавшаго тридцать лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, выбрасываютъ на улицу только потому, что надвинулась старость, ослабѣли глаза и пальцы перестали такъ проворно шевелиться, какъ въ двадцать пять лѣтъ.

Флоренсъ Грэй нашивала пуговицы. Она замѣтила безработицу развѣ нѣсколько больше, чѣмъ міровыя событія, случившіяся за двадцать лѣтъ. Но вотъ разъ въ субботу, когда Флоренсъ отнесла нашитыя пуговицы на Шордичъ, принимающій работу сказалъ, что фирма перестаетъ существовать. «Блэкъ, Помбертонъ и К°» прекратили платежи. Въ спеціальной прессѣ говорили, что во всемъ виноваты иностранные конкуренты, пользующіеся дешевымъ тюремнымъ трудомъ; но Флоренсъ не допытывалась до причины. Она поняла только, что сразу исчезли не только средства къ существованію, но и все то, что двадцать лѣтъ наполняло жизнь. Образовалась пустота, безконечная, темная и страшная. Англійскій государственный дѣятель такъ объяснялъ въ парламентѣ послѣдовательные шаги потерявшаго работу. «Сперва работникъ переселяется изъ болѣе удобнаго помѣщенія въ менѣе удобное, затѣмъ изъ менѣе удобнаго въ плохое. Потомъ работникъ мало-по-малу продаетъ мебель, платье, вещицы, пріобрѣтенныя въ хорошія времена. И если описанное состояніе продолжается, работникъ становится пауперомъ, семья распадается и идетъ просить общественной помощи». Но прежде, чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, потерявшій работу испытываетъ всѣ муки голода. Прежде, чѣмъ пойти въ рабочій домъ, работникъ долженъ предварительно вытравить въ себѣ self-respect, т. е. чувство самоуваженія, на которомъ держится англійская культура. Флоренсъ Грэй съ поразительной быстротой прошла всѣ ступени, намѣченныя выше. Она не перебралась только «въ худшую квартиру», такъ какъ и безъ того помѣщеніе въ Жемчужной Аллеѣ было плохо. Процессъ реализаціи имущества продолжался очень не долго; за двадцать лѣтъ было нажито такъ мало! И вотъ, наконецъ, три дня послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ изъ двухъ шиллинговъ, полученныхъ отъ закладчика за шаль,—голодная, больная Флоренсъ рѣшила пойти къ людямъ, гдѣ не такъ страшно.

VI.

Тотъ день былъ исключительный. Безработные потеряли терпѣніе и рѣшили устроить большую манифестацію въ центрѣ города. Съ своей стороны, лѣвое крыло суфражистокъ выпустило къ безработнымъ прокламацію, въ которой просило «помочь женщинамъ ворваться въ парламентъ». Флоренсъ ничего этого не знала, и ее поразило необычайное оживленіе на улицахъ. Былъ вечеръ. Осень стояла удивительная для Лондона—ясная и погожая. На общественномъ лугу, покрытомъ обрывками газетъ (лѣтомъ и осенью здѣсь стояли бездомные, закутавшись, вмѣсто одѣялъ и простынь, въ газетные листы), по обыкновенію, лежали всюду мужчины и женщины; по обыкновенію, растрепанныя дѣвочки привезли своихъ

маленькихъ братьевъ и сестеръ въ повозочкахъ, сдѣланныхъ изъ свѣчныхъ ящиковъ. Но было и нѣчто не совсѣмъ обычное. Подъ старымъ, разрисованнымъ, измочаленнымъ непогодой знаменемъ стояло человѣкъ сто. То формировалась одна изъ многочисленныхъ процессій, которая потомъ должна была въ условленномъ мѣстѣ присоединиться къ большой процессіи безработныхъ. Обитатели Жемчужной Аллеи и другихъ аллей подобнаго рода, люди въ засаленныхъ котелкахъ, въ разбитыхъ башмакахъ, въ изорванныхъ штанахъ, изъ которыхъ выглядывали голыя колѣни, чувствовали себя нѣсколько неловко у знамени. Все это были не сознательные работники, привыкшіе къ общественной жизни и къ демонстраціямъ, а забитые чернорабочіе, для которыхъ безработица—хроническое состояніе. Было тутъ также не мало «unamployable», какъ называютъ англичане людей, неспособныхъ, по слабости воли, по наклонности къ пьянству и вслѣдствіе физическаго или умственнаго уродства, къ правильной работѣ. Толпа эта не знала, что собственно нужно дѣлать. Организаторы демонстраціи выстраивали безработныхъ по шести въ рядъ. Затѣмъ роздали книжечки съ пѣснями. Одинъ изъ организаторовъ подсвистывалъ на дудкѣ напѣвъ, а десятка два безработныхъ сперва неувѣренно, а потомъ смѣлѣе пѣли по книжечкамъ:

«Швеи, слѣпнущія въ норахъ; женщины, надрывающіяся на фабрикахъ! Вы слишкомъ покорны и смирны. Явитесь сюда, какъ валкиріи, прекрасныя въ вашемъ гнѣвѣ. Спойте намъ пѣсню про доблесть. Вдохновите насъ на бой.

«Довольно намъ страдать и видѣть, какъ жены и дѣти наши гибнутъ отъ голода. Мы были слишкомъ долго рабами; но ночь проходитъ. Наступаетъ разсвѣтъ. Довольно плакать и стонать».

То была старинная пѣсня, сложенная еще дѣдами во время чартистскаго движенія и вытѣсненная потомъ куплетами, сочиненными въ мюзикъ-холлахъ. Напѣвъ безработные запоминали сразу, потому что всѣ пѣсни подобнаго рода поются въ Англіи на мотивъ старинныхъ церковныхъ гимновъ. Послѣ второго куплета толпа уже увѣренно подхватила припѣвъ:

«Onward! friends of freedom,
Onward! for the strife,
Each for all we struggle,
One in death and life.

(Впередъ, друзья свободы! Впередъ, на бой! Мы боремся всѣ за одного. Мы всѣ объединены на жизнь и смерть).

Флоренсъ Грэй тоже присоединилась къ толпѣ и двинулась потомъ вмѣстѣ съ нею. Хорошо одѣтые прохожіе оглядывались на толпу съ любопытствомъ, страхомъ, сочувствіемъ или насмѣшкой въ глазахъ. Многіе опускали мѣдныя или серебряныя монеты въ спеціальные ящики, которыми гремѣли нѣкоторые изъ толпы.

«Помогите безработнымъ!»—кричали они. Два громадныхъ полисмэна, надвинувъ шишаки на глаза, молча провожали толпу. И когда пришли на площадь у моста, то задержались надолго. По выработанной программѣ здѣсь должны были присоединиться зарѣчные безработные; но тѣ запоздали почему-то. Точно такъ, какъ каждую армію провожаютъ маркитанты, каждую большую демонстрацію, какъ бы бѣдны ни были учавствующіе въ ней, сопровождаютъ десятки продавцомъ всякаго рода. Появились они возлѣ демонстрантовъ, остановившихся на площади у моста. Оборванцы предлагали оборванцамъ лимонадъ, бананы, орѣхи; но больше всего было продавцовъ литературы всякаго рода. Каждый изъ нихъ имѣлъ вѣрное средство отъ безработицы. Джентльмэнъ въ цилиндрѣ, въ черномъ сюртукѣ, съ таблицами на груди и спинѣ, рекомендовалъ отъ безработицы спеціальныя проповѣди, сочиненныя имъ. Молодой человѣкъ въ красномъ галстукѣ предлагалъ за пенни брошюрку, въ которой на 16 страничкахъ разрушалось старое общество, держащееся на неправдѣ, и создавалось совершенно новое, основанное на принципахъ справедливости. Настоятельнѣе всѣхъ выхвалялъ свою литературу высокій, опухшій старикъ, съ длинными сѣдыми волосами ниже плечъ. Онъ держалъ въ рукахъ пачку маленькихъ брошюрокъ подъ названіемъ «Джонъ Булль и докторъ Соціализмъ». И по тону старика, по манерѣ его рекомендовать свой товаръ, наконецъ, по формѣ самихъ брошюрокъ видно было, что то довольный авторъ, который, вѣроятно, самъ же набиралъ и брошюровалъ свое произведеніе. Чтобы заставить публику охотнѣе покупать брошюрку, старикъ, наконецъ, принялся читать вслухъ выбранныя мѣста.

— Товарищи-сограждане,—началъ старикъ.—Весь вопросъ о причинахъ безработицы и многихъ другихъ соціальныхъ болѣзней излагается въ этомъ произведеніи въ видѣ діалога между больнымъ Джономъ Буллемъ и докторомъ Соціализмомъ, котораго онъ призвалъ къ себѣ. Вотъ послушайте. Докторъ Соціализмъ совѣтуетъ паціенту не падать духомъ и не терять надежды на выздоровленіе.

— Надѣяться?—переспрашиваетъ Джонъ Булль:—докторъ, я перепробовалъ уже сотню различныхъ лѣкарствъ. Какіе только врачи не перебывали у меня? Что вы мнѣ посовѣтуете?

— Прежде опишите мнѣ нѣкоторые симптомы вашей болѣзни,— предлагаетъ докторъ Соціализмъ.

— Хорошо, что вы сказали «нѣкоторые». Чтобы перечислить всѣ симптомы, мнѣ понадобилось бы не меньше недѣли. Съ чего бы начать? Я страдаю отъ анеміи и плохого питанія. За послѣдній вѣкъ я получаю все больше и больше запасовъ и тѣмъ не менѣе такъ же слабъ и такъ же плохо питаюсь, какъ и раньше.

— Сколько вы получаете теперь?

— Около 1.750 милліоновъ ф. стер. въ годъ.

— Вамъ нужно накормить около 44 мил. ртовъ. Гм! Это составляетъ около 200 ф. ст. на каждую семью изъ пяти человѣкъ. При такомъ доходѣ можно быть здоровымъ.

— Вы думаете такъ? Но многіе получаютъ гораздо больше, а другіе гораздо меньше, чѣмъ 200 ф. ст. въ годъ.

— Теперь, мистеръ Булль, я хочу задать вамъ одинъ вопросъ: кто вырабатываетъ всѣ эти 1,750 мил. ф. ст.?

— Конечно, народъ.

— Вы хотите сказать, что каждая семья производитъ все то, что получаетъ?

— О, нѣтъ. Шестьсотъ пятьдесятъ милліоновъ ф. ст., т. е. треть всего дохода, идетъ людямъ, которые палецъ о палецъ никогда не ударятъ, чтобы произвести цѣнности.

— А кто получаетъ это колоссальное незаработанное приращеніе?

— Нѣсколько богачей. Они называютъ это рентой и процентами. Тридцать девять милліоновъ небогатыхъ людей получаютъ небольшую долю.

— Товарищи-сограждане,—продолжалъ старикъ.—Вотъ тутъ дальше начинается самое интересное мѣсто. Докторъ Соціализмъ, выслушавъ объясненія больного, говоритъ ему: «Опишите мнѣ еще другіе симптомы. Вы страдаете отъ плохаго питанія, не такъ ли? — Да,—отвѣчаетъ Джонъ Булль,—такъ сказали мнѣ другіе доктора. Они говорятъ, у меня нѣтъ достаточно дохода для всего населенія.

— Гм! А каковы результаты этого недостаточнаго питанія?

— Милліоны результатовъ: язвы, параличъ нѣкоторыхъ членовъ, подавленность духа, ракъ, чахотка, апатія, клептоманія, хулиганство, нервная истощенность, рахитъ, водянка. Всѣхъ болѣзней не пересчитаешь. Я никогда не бываю здоровъ. Конечно, случаются хорошія времена; но и тогда чувствую боль въ какой нибудь части тѣла.—Скажите мнѣ, какого рода язвы у васъ бываютъ?—спрашиваетъ докторъ.—Язвы голоданія,—отвѣчаетъ Джонъ Булль.—Я имѣю ихъ съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Какъ бы ни увеличивался мой доходъ, язвы эти не исчезаютъ. Подумайте только: изъ населенія въ 44 милліона 12 милліоновъ всегда живутъ впроголодь. — Это должно быть мучительно! — Мучительно? Это—адъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ тѣхъ безтолковыхъ докторовъ, которыхъ я звалъ раньше, все доказывали, что пора мнѣ уже привыкнуть къ своимъ язвамъ: всегда-де были бѣдняки и всегда будутъ.—Что вы еще чувствуете?—спрашиваетъ докторъ.—Періодическія боли, причиняемыя безработными. Порой онѣ положительно доводятъ меня до безумія. Подумайте только: сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ, желающихъ работать, ходятъ праздно, такъ какъ не могутъ найти работу. Они голодаютъ, потому что для нихъ не уготовлена работа. Не ужасно ли это? Я перепробовалъ всѣ лѣ-

карства. Мнѣ постоянно давали во время острыхъ приступовъ болѣзни микстуру подъ названіемъ *новые рынки*; но она нисколько не помогаетъ. Говорятъ, болѣзнь «безработные» исчезнетъ, если государство будетъ давать работу, но мои доктора противъ этого лѣкарства. —Почему?—спрашиваетъ докторъ Соціализмъ. — Они говорятъ, чтобы дать работу не имѣющимъ ея, нужно отнять у тѣхъ, которые работу имѣютъ.

— Я думаю, бѣдность и безработица—ваши самыя мучительныя хроническія болѣзни?—Не знаю,—отвѣчаетъ Джонъ Булль,—я еще ужасно страдаю отъ своего рода некреміи. Ежегодно я теряю сто тысячъ младенцевъ. Умираютъ будущіе производители національныхъ богатствъ. Почему они мрутъ? Доктора мнѣ говорятъ, что эти младенцы «не приспособлены къ жизни». Теперь я начинаю думать, что всѣ эти слова—пустяки... Организмъ у меня очень здоровый, но болѣзней столько, что порой я впадаю въ отчаяніе. Доктора убѣждаютъ меня все, что я совсѣмъ не такъ боленъ, и что сосѣди мои чувствуютъ себя гораздо хуже. Но какая мнѣ радость въ этомъ? Доктора совѣтуютъ мнѣ жить по прежнему. Одинъ врачъ рекомендуетъ, впрочемъ, принять «протекціонныя» пилюли. Я почти согласенъ слѣдовать совѣту.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли помогутъ вамъ? — спрашиваетъ докторъ Соціализмъ.—Но развѣ вы ихъ раньше не пробовали? Вѣдь это не новое средство!

— Мнѣ кажется, я ихъ пробовалъ. Я принималъ все; но «протекціонными» пилюлями я лѣчился такъ давно, что забылъ результаты. Почему, дѣйствительно, не попробовать? Я слишкомъ долго пилъ микстуру *свободная торговля*.—Такъ микстура не помогла вамъ?—О, нѣтъ. Я говорилъ вамъ про голодныя язвы, про «безработныя» боли и про некремію. Докторъ, рекомендовавшій мнѣ микстуру, обѣщалъ, что всѣ эти болѣзни исчезнутъ; но такъ не случилось.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли принесутъ вамъ облегченіе?

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ не можетъ быть хуже. Докторъ увѣряетъ, что «протекціонныя» пилюли дадутъ работу и заработную плату, которыя теперь отнимаются иностранцами.

— Позвольте вамъ задать одинъ вопросъ!—говоритъ докторъ Соціализмъ.—Правда ли или нѣтъ, что большинство народа работаетъ уже и теперь слишкомъ много?

— Да, правда. Массы постоянно жалуются на слишкомъ длинный рабочій день. Конечно, безработные совсѣмъ не имѣютъ работы. — Что же вамъ стоитъ уменьшить рабочій день однихъ и создать, такимъ образомъ, работу для другихъ? Очевидно, имѣющіе работу, жалуются не на недостатокъ ея, а на нѣчто другое?

— На что именно?

— Конечно, на низкую заработную плату, — отвѣчаетъ док-

торъ Соціализмъ.—Что производитъ ваши «голодныя» язвы? Двѣнадцать милліоновъ недоѣдающихъ почти всѣ имѣютъ работу; тридцать девять милліоновъ производителей національныхъ богатствъ тоже имѣютъ почти всѣ работу. Вы сказали мнѣ, что на ихъ долю выпадаетъ только половина національнаго дохода, тогда какъ пять милліоновъ богатыхъ людей берутъ себѣ другую половину. Вы страдаете потому, что одна девятая вашего организма получаетъ чрезмѣрно обильное питаніе, тогда какъ восемь девятыхъ—слишкомъ недостаточное. Предположимъ, человѣкъ имѣетъ коня, которому даетъ большой запасъ хорошаго корма. Предположимъ также, что, вслѣдствіе какого-то чуда, кровь, мускулы и нервы, въ которые претворяется пища, не распредѣляются равномѣрно между всѣми органами животнаго. Такъ, напримѣръ, хвостъ, не работающій совершенно, выростаетъ до необыкновенныхъ размѣровъ; ноги становятся тонки и слабы; брюхо раздувается чрезмѣрно; на спинѣ выростаютъ громадные желваки; одно ухо вытягивается, какъ колосъ, а другое—наливается жиромъ; одинъ бокъ впадаетъ, а другой — вздувается горой; голова отъ тяжести отвисаетъ; глаза заплываютъ. Что вы подумали бы, взглянувъ на этого коня?

— Я подумалъ бы, что его слѣдуетъ или отправить на живодерню, или продать, какъ рѣдкую игру природы, Барнуму.

— Не пришли бы вы къ заключенію, что органы коня не въ порядкѣ и что питаніе распредѣляется неправильно? Вы тоже— конь подобнаго рода. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что вы представляете собою мѣшокъ болѣзней всякаго рода. Вамъ, мистеръ Булль, необходимо предписать полное перераспредѣленіе. Вы нуждаетесь въ иномъ способѣ организаціи труда.

VII.

— Идутъ! Идутъ! — раздались крики. Послышались аплодисменты. По мосту плыли красныя и бѣлыя знамена, вздуваемыя вѣтромъ. То шли зарѣчные безработные. Оба отряда соединились вмѣстѣ и тронулись дальше. На слѣдующей площади ждали уже три отряда, прибывшіе изъ сѣвернаго Лондона. И когда всѣ соединились вмѣстѣ, то образовалась уже большая армія, оборванная, злая, раздраженная. По пути уже кое гдѣ заколачивали досками окна магазиновъ.

Англичанинъ, если только онъ не принадлежитъ къ «обломкамъ человѣчества», по натурѣ своей не склоненъ страдать молча и терпѣливо. По поговоркѣ: прирожденное право британца, это— ворчать на свое правительство. Когда же британецъ голоденъ, онъ свирѣпѣетъ и грозитъ революціей. Правительство это отлично знаетъ и поспѣшно идетъ на встрѣчу въ надлежащій моментъ со

смѣлыми реформами. Раздраженіе демонстрантовъ видно было уже по надписямъ на знаменахъ. На одномъ значилось: «Работу или революцію! Правительство выбирай любое. Требуемъ права на трудъ!» На другомъ знамени была изображена голова съ пучкомъ травы во рту, наткнутая на пику. Надпись гласила: «Эпизодъ изъ французской революціи». Народъ просилъ хлѣба. Фулонъ отвѣтилъ: «Пусть жрутъ траву». Народъ тогда отвѣтилъ этимъ». Знамя это было приготовлено безработными изъ квартала Соо, гдѣ живутъ выходцы изъ романскихъ странъ, по преимуществу, французы. Только напѣвъ ихъ пѣсенъ не походилъ на церковные гимны. Они пѣли: «Возстаньте, проклятые голодомъ. Возстаньте, каторжники, прикованные къ землѣ. Кратеръ вулкана гремитъ. Близится послѣднее изверженіе». Затѣмъ, когда эта пѣсня кончилась, французы запѣли еще болѣе живую:

«Ah! S'ils avaient le sens commun,
Tous les peuples n'en feraient qu'un.
Au lieu de s'égorger
Ils viendraient tous manger
A la même gamelle,
Vive le son, vive le son,
A la même gamelle,
Vive le son du canon».

(т. е. «Ахъ, если бы люди обладали здравымъ смысломъ, то всѣ народы слились бы въ одинъ. Вмѣсто того, чтобы душить другъ друга, они всѣ пришли бы кормиться изъ общаго котла. Да здравствуетъ громъ, пушечный громъ!»).

За французскимъ знаменемъ слѣдовало еще болѣе мрачное. На длинномъ шестѣ торчалъ громадный гипсовый черепъ. Въ видѣ савана висѣло бѣлое знамя съ черной надписью: «Околѣваемъ съ голода въ странѣ изобилія». И когда процессія проходила по улицѣ, обстроенной гигантскими великолѣпными отелями, тѣ, которые таскали черепъ, подносили его къ окнамъ ресторановъ, гдѣ въ это время садились уже за обѣдъ богатые англичане и американцы. Громадный черепъ, заглядывающій въ окна, производилъ на обѣдающихъ такое же впечатлѣніе, какъ голова Маріи Ламбаль на семью Людовика XVI въ Тамплѣ. «Безработные, боритесь! Только псы околѣваютъ безропотно»!—значилось на слѣдующемъ знамени. Теперь, когда къ процессіи присоединились безработные изъ разныхъ мѣстъ Лондона, она растянулась больше, чѣмъ на версту. Когда голову процессіи задерживало что нибудь, то останавливались всѣ. И тогда задержкой пользовались ораторы, чтобы произносить рѣчи... Страстность послѣднихъ возрастала съ каждой остановкой.

— Цѣль наша—сдѣлать безработныхъ предметомъ страха,—говорили ораторы.—Опытъ научилъ насъ, что правящіе классы уступаютъ только подъ впечатлѣніемъ страха. Товарищи, мы можемъ

нагнать трепетъ. Мы въ состоянiи создать такое положенiе вещей, что ни жизнь, ни собственность богатыхъ людей не будутъ болѣе находиться въ безопасности до тѣхъ поръ, покуда намъ не даютъ работы, покуда наши дѣти голодаютъ.

— Безработные, организуйтесь!—говорилъ другой ораторъ на слѣдующей остановкѣ. Не дайте погаснуть пламени мятежа. Боритесь съ демономъ апатiи.

Въ Англiи признаютъ право за страдающими и обиженными выражаться сильно и энергично. Полисмэны безстрашно слушали эти рѣчи.

Процессiя вышла на громадную площадь съ гигантской колонной въ центрѣ ея. Эта площадь является однимъ изъ двухъ форумовъ лондонцевъ. Плинтусъ колонны представляетъ собою каѳедру для ораторовъ. На форумѣ, согласно заранѣе составленной программѣ, сгрудились уже безработные изъ другихъ частей Лондона. Сюда же спѣшили десятки тысячъ любопытныхъ. А когда совсѣмъ стемнѣло, къ безработнымъ и къ любопытнымъ примѣшались тысячи подозрительныхъ людей, выползающихъ на свѣтъ, когда пахнетъ большимъ буйствомъ, хорошей потасовкой и чужими карманами. Въ толпѣ всюду ходили дамы съ трехцвѣтными лентами черезъ плечо и раздавали прокламацiи, въ которыхъ говорилось, что набѣгъ суфражистокъ на парламентъ состоится ровно въ $7^1/_2$ вечера.

Слышались выкрикиванiя мальчишекъ, продававшихъ «экстраспецiальныя» изданiя вечернихъ газетъ и размахивавшихъ афишами, на которыхъ значилось: «Палата общинъ въ осадѣ», «Поиски полицiи за вождями», «Безработные штурмуютъ лондонскiй муниципалитетъ». Послѣднее относилось къ бурной сценѣ, которая произошла въ полдень въ совѣтѣ Лондонскаго графства. Совѣтникъ Смитъ не въ очередь заговорилъ о положенiи безработныхъ. Предсѣдатель напрасно хотѣлъ его остановить. «Въ Лондонѣ теперь тысячи голодныхъ гражданъ!—крикнулъ Смитъ.—Я не буду молчать!» Совѣтника поддержали, какъ его товарищи, рабочiе представители, такъ и безработные на галлереѣ «Продолжайте Смитъ,—крикнулъ кто-то сверху.—Мы голодны». Предсѣдатель потомъ пригрозилъ Смиту, если онъ не замолчитъ, вывести его силой. Но совѣтникъ отвѣтилъ, что такого права предсѣдатель не имѣетъ. Галлерею очистили при помощи полицiи, а засѣданiе пришлось прекратить.

Площадь съ громадной колонной въ центрѣ была залита народомъ. На плинтусахъ колонны и на окраинахъ бассейновъ тоже всюду стояли и сидѣли люди. И были тутъ такiе, которые явились, какъ Флоренсъ, не для того, чтобы демонстрировать, а только чтобы быть съ людьми. Эти лежали на каменныхъ скамьяхъ вдоль стѣнъ, поднявъ для тепла воротники куртокъ и зажавъ руки колѣнями. Толпа была возбуждена и раздражена. Ораторы нѣсколько

разъ пытались обращаться къ ней, но были остановлены полиціей. Тамъ и сямъ происходили небольшія стычки ораторовъ съ полисмэнами. Больше всего народа было, впрочемъ, не на площади, а вокругъ нея. Тротуары, ступени церкви, балконы, улицы, — все это было залито того типа зрителями, которые пройдутъ десять верстъ, чтобы посмотрѣть на хорошую драку. Сквозь толпу продирались дамы въ великолѣпныхъ шляпкахъ съ дорогими страусовыми перьями, гремя ящиками для сбора денегъ. Другія дамы, такъ же парадно одѣтыя, вертѣли шарманки, которыя услужливо волокли господа въ цилиндрахъ и пенснэ. Далѣе нарядныя дамы предлагали прохожимъ купить спички, шнурки для башмаковъ и карандаши. У всѣхъ дамъ черезъ плечо были ленты съ надписью: «Избирательныя права для женщинъ». Суффражистки назначили «день самоотреченія» и собирали такимъ образомъ деньги для общаго дѣла. О тревожности момента свидѣтельствовало изобиліе полисмэновъ. Они были всюду. На каждомъ перекресткѣ стояло ихъ человѣкъ пять. Въ каждомъ закоулкѣ синѣли ихъ мундиры. Такъ какъ предвидѣлась возможность большого мятежа, то полисмэновъ собрали со всего Лондона. Вотъ толпа зашевелилась. Площадь стала похожа на громадный горный бассейнъ, прорвавшій берега. Живой потокъ хлынулъ по широкой улицѣ, ведущей отъ форума къ парламенту. И точно такъ, какъ вода уноситъ вѣтку, живой потокъ оторвалъ отъ процессіи Флоренсъ, завертѣлъ ее и носилъ въ разныхъ направленіяхъ. Слабая отъ голода, работница еще болѣе ослабѣла отъ утомленія. Она почти уже не сознавала, что дѣлается кругомъ. Чѣмъ ближе живой потокъ приближался къ парламенту, тѣмъ больше полисмэновъ встрѣчалъ онъ, покуда натолкнулся, какъ на дамбу, на сплошную живую цѣпь пѣшихъ и конныхъ полисмэновъ. Толпа остановилась. Въ общемъ она была настроена добродушно, хотя конныхъ полисмэновъ встрѣчала свистомъ, улюлюканьемъ и криками: «бу-у-у!» Добродушно также встрѣтила толпа рядъ шарабановъ, въ которыхъ сидѣли дамы и мужчины, вооруженные биноклями. То предпріимчивая компанія Кука показывала гостящимъ въ Лондонѣ американцамъ и американкамъ, какъ англичане устраиваютъ революцію. Стемнѣло. Лондонъ окутался туманомъ, не чернымъ, но достаточно густымъ для того, чтобы сдѣлать смѣлѣе и предпріимчивѣе наиболѣе буйную часть толпы. Гдѣ-то стали напирать сильнѣе на живую дамбу. И вотъ часть послѣдней по готовому плану отдѣлилась и живой стѣной наперла на толпу. Но послѣдняя была непроницаема. Тогда живая стѣна перестроилась въ греческій клинъ и врѣзалась въ толпу, дѣйствуя локтями, такъ какъ полисмэны не вооружены. Толпа распылилась и хлынула въ боковыя улицы.

Вмѣстѣ съ частью толпы Флоренсъ очутилась снова на улицѣ громадныхъ отелей, по которой проходили уже съ процессіей. Сотни мужчинъ во фракахъ и дамъ въ вечернихъ туалетахъ (только что кончился

обѣдъ) выглядывали изъ оконъ и стояли на порогахъ отелей. Въ темнотѣ на улицѣ гдѣ-то раздались крики «ура», смѣхъ, обрывки пѣсенъ. Отъ неизвѣстной причины толпа стремительно бросилась бѣжать, увлекая съ собою Флоренсъ. Впереди со свистомъ мчались мальчишки въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ. Для нихъ манифестація была, прежде всего, большимъ и неожиданнымъ праздникомъ. Флоренсъ была выброшена толпой на набережную, составляющую гордость Лондона. Широкая рѣка, окутанная туманомъ, при мертвомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей казалась фантастическимъ потокомъ изъ расплавленнаго желѣза, о которомъ говоритъ эпосъ полярныхъ народовъ. На набережной было просторнѣе, и здѣсь гуляли тысячи мужчинъ и женщинъ, дожидаясь «событія». Матери принесли грудныхъ младенцевъ. Мальчишки пока что играли въ чехарду, катились колесомъ по асфальту и взбирались на фонари. А на скамьяхъ, чуждыя общему движенію, дремали бездомныя старыя женщины въ поломанныхъ шляпкахъ, съ накинутыми шалями. Эти бездомныя спѣшили воспользоваться движеженіемъ, чтобы соснуть: пока толпа была на улицѣ, ихъ не трогали полисмэны и не прогоняли со скамей. Громадная башня парламента слилась съ темнотой. Свѣтилъ только во мглѣ циферблатъ башенныхъ часовъ да громадный электрическій фонарь на вершинѣ, показывающій, что народные представители совѣщаются. Фонарь гаснетъ, когда засѣданіе прекращается. Вотъ часы пробили два, потомъ семь. Половина восьмого. Условленное время, когда суффражистки собрались штурмовать парламентъ. Толпа въ ожиданіи. Ничего. Все спокойно. Прошло еще четверть часа. Тоже самое. Толпа двинулась къ свѣтящемуся въ темнотѣ зданію, но, какъ волны во время прибоя, сейчасъ же отхлынула. Опять раздались крики «ура»! Промчались съ гикомъ и свистомъ мальчишки, подкатываясь всѣмъ подъ ноги. Затѣмъ показались бѣгущія женщины, взвизгивавшія не отъ страха, а отъ возбужденія. Вотъ бѣгущая женщина споткнулась и уронила ребенка; но нѣсколько рукъ подхватили его и вручили матери. А сзади между тѣмъ напирали бѣгущіе сплошной стѣной. То полисмэны очищали площадь передъ парламентомъ.

Подхваченная бѣгущей толпой, Флоренсъ бѣжала впередъ. Она давно бы упала, если бы не крѣпкія руки сердобольныхъ людей. Толпа добѣжала до ярко освѣщенной улицы, затѣмъ отхлынула назадъ, оставивъ Флоренсъ на тротуарѣ. Тутъ безработныхъ не было; но тротуары были залиты любопытными. Они высыпали на демонстрацію, какъ на интересное зрѣлище, но не рѣшились подойти ближе къ парламенту. Когда же они узнали, что «все кончено» и «ничего не было» (вечернія газеты успѣли уже выпустить депеши въ двѣ строчки), то остатокъ вечера превратили въ праздникъ для себя. Всѣмъ этимъ сильно занятымъ людямъ, проводящимъ цѣлые дни въ конторахъ, магазинахъ и мастерскихъ, не хотѣлось

уходить домой, когда на улицѣ такъ свѣтло, шумно, весело и оживленно. И между людьми, устроившими себѣ неожиданный праздникъ, бродила, шатаясь отъ слабости, голодная Флоренсъ Грэй. Въ глазахъ у нея вертѣлись круги. Мысли въ головѣ были отрывочны. Она остановилась у ярко освѣщеннаго окна маленькаго ресторана, гдѣ лежалъ громадный кусокъ сырого мяса, окруженный красными томатами и горками пирожковъ съ яблоками. Этотъ кусокъ мяса приковалъ все вниманіе Флоренсъ. Но вотъ рѣзкое пѣніе заставило ее вздрогнуть. Нѣсколько бродячихъ пѣвцовъ, или минестрелей, негровъ (два настоящихъ и три нѣтъ), остановились у тротуара, какъ разъ у окна съ кускомъ сырого мяса. Сперва они всѣ стали стучать въ тамбурины, ударяя то кулаками, то лбомъ, чтобы собрать публику, затѣмъ старый негръ запѣлъ одну изъ пѣсенъ, сложенныхъ на своеобразномъ англійскомъ жаргонѣ черными работниками на хлопковыхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ.

— Нелли Блэй, Нелли Блэй,—пѣлъ старый негръ,—принеси метлу сюда. Вымети чистенько кухню и споемъ вмѣстѣ пѣсенку. Подбавь дровъ, любовь моя; пусть ярче пылаетъ печка, а я стану играть на банджо.

— Эй! Нелли, го! Нелли, слушай!—подхватили всѣ негры припѣвъ.—Слушай, любовь моя! Я спою тебѣ сладкую пѣсенку.—Затѣмъ всѣ негры съ взвизгиваніями пустились плясать. Потомъ минестрели опять забили въ тамбурины и замолкли. Впередъ выступилъ старый негръ, снялъ шляпу и запѣлъ:

— Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ, а душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Душа его мчится впередъ!

Былъ своеобразный дикій паѳосъ въ примитивномъ напѣвѣ и въ примитивныхъ словахъ, въ которыхъ разсказывалось про Джона Брауна, казненнаго въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Виргиніи за возстаніе съ цѣлью освобожденія невольниковъ. Паѳосъ тѣсно захватилъ веселую публику, которая слушала молча.

— Онъ будетъ теперь воиномъ въ арміи Господней, — выводилъ старый негръ. — Душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія.

И, когда пѣвецъ кончилъ, въ протянутый тамбуринъ посыпались пенсы. Старый негръ сверкалъ бѣлками и кланялся публикѣ, прикладывая палецъ къ полямъ своего громаднаго цилиндра. Звонъ монетъ, падающихъ въ тамбуринъ, вызвалъ въ больной головѣ Флоренсъ рядъ обрывковъ мыслей.

— Мясо. Чтобы достать мясо, нужны деньги. Негры пѣли, имъ дали деньги. Нужно пѣть, чтобы имѣть деньги и мясо. Слѣдуетъ стать на краю тротуара, какъ эти негры. Вотъ такъ. Потомъ пѣть.

Но что пѣть? Пуговицы, которыя нашивала Флоренсъ больше двадцати лѣтъ, не впускали въ ея голову ничего посторонняго, ни одного куплета пѣсенъ, сложенныхъ въ мюзикъ-голлахъ. У Флоренсъ было только одно яркое воспоминаніе. И изъ невѣдомыхъ тайниковъ памяти стали снова выползать подробности тихаго лѣтняго дня. Запахло бѣлыми цвѣтами, растущими у воды. Послышался легкій металлическій звукъ летающихъ стрекозъ. Раздалось пѣніе краснощекаго Дика. Да. Самое лучшее повторять за нимъ пѣсню про удалого разносчика, предлагающаго красавицамъ «перчатки, пахнущія дамаскими розами». «Покупайте, покупайте у меня».

Публика, высыпавшая на улицу, чтобы посмотрѣть на «мятежъ», видѣла только блѣдную, дрожащую, шатающуюся старуху, которая раскрывала только ротъ. Никто, кромѣ Флоренсъ, не слыхалъ ни словъ, ни напѣва, такъ какъ они звучали только въ ея памяти. И если-бы даже кто-нибудь слышалъ, то эта пѣсня была бы всѣмъ чужда. Ее всѣ забыли. Ярче выступали воспоминанія. Флоренсъ закрыла глаза и пѣла неслышную ни кому пѣсню. Прохожіе, видя шатающуюся старуху, считали ее пьяной. И вотъ къ ней подошелъ полисмэнъ. Но, когда онъ положилъ ей руку на плечо, ноги у Флоренсъ подогнулись, она упала на мостовую.

На другой день газеты отмѣтили «casualtys» мятежа безработныхъ: десятокъ подбитыхъ глазъ, одно выдавленное стекло и женщину, подобранную на улицѣ и скончавшуюся въ госпиталѣ, повидимому, отъ голода.

Діонео.

На очередныя темы.

Въ поискахъ.

I. Писатели, которые ничего не желаютъ и никуда не ведутъ.—II. Писатель, который не ведетъ, куда хочетъ.—III.—Люди, которые нашли средство, но потеряли цѣль.—IV. Отклики на „Сумятицу".

I.

Характеръ переживаемаго нами кризиса, казалось бы, не долженъ возбуждать сомнѣній. И въ началѣ, когда онъ разразился, ихъ, дѣйствительно, не было... Впервые мнѣ пришлось писать о немъ вскорѣ послѣ роспуска первой Думы, и я тогда безъ всякихъ колебаній опредѣлилъ его, какъ кризисъ «тактическій» *). Теперь

*) См. «Тактическій кризисъ» въ «Хроникѣ внутренней жизни» «Р. Б.» за сентябрь 1906 года.

даже слова такія, какъ: программа, тактика, организація, звучатъ какъ-то странно, и многимъ, быть можетъ, они кажутся совершенно чуждыми. Но тогда эти термины были общеупотребительными и намъ волей-неволей приходится ихъ вспомнить, если мы хотимъ настоящее поставить въ связь съ прошлымъ.

Съ очень недавнимъ прошлымъ... Рѣчь вѣдь идетъ о томъ, что было всего два-три года тому назадъ. И вотъ тогда-то—повторяю—было совершенно ясно, что причина общаго замѣшательства, завершившагося потомъ сумятицею однихъ и неподвижностью другихъ, заключается не въ цѣляхъ, а въ средствахъ. Ни одна вѣдь общественно-политическая программа, поскольку ею опредѣлялись задачи движенія, не была, да и не могла быть скомпрометирована и, при томъ, по очень простой причинѣ: значившіяся въ этихъ программахъ «требованія» не были осуществлены, а, стало быть, и возлагавшіяся на ту или иную изъ нихъ надежды не были обмануты. Припомнимъ наиболѣе общія задачи, возьмемъ наиболѣе вульгаризированные лозунги...

Ну хотя бы «всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе», о которомъ теперь многіе говорятъ не иначе, какъ со снисходительной усмѣшкой... Можно только неудомѣвать, откуда взялась эта усмѣшка. Развѣ мы убѣдились, что не это намъ трубуется? Но когда же и какимъ образомъ. Вѣдь случая испытать на дѣлѣ всеобщее и т. д. у насъ не было... Возьмемъ другой, тоже очень ходкій во время общаго подъема, лозунгъ: учредительное собраніе Можно ли сказать, что мы въ послѣднемъ разочаровались? Но вѣдь мы его не испробовали... Могли ли мы усомниться въ необходимости народной власти и личной свободы? «Воли», увлекавшей насъ, мы вѣдь такъ и не получили...

И въ «землѣ» мы не могли разочароваться. Ни дополнительное надѣленіе, ни муниципализація, ни національзація, ни соціализація не были вѣдь испробованы. Въ силу какихъ же мотивовъ мы отъ нихъ отвернулись бы?

Вообще цѣли тогда у всѣхъ были ясны. Правда, эти цѣли были не совсѣмъ одинаковыя, но онѣ лежали въ одномъ направленіи. Одни — какъ тогда образно выражались — желали ѣхать до Москвы, другіе до Твери, но всѣ стремились въ одну и ту же сторону. Всѣ добивались преобразованія существующаго строя въ направленіи его демократизаціи и соціализаціи. Для всѣхъ было ясно, что нужно освободить личность и облегчить трудящіяся массы. И обѣ эти задачи, хотя нѣкоторые пытались раздѣлить ихъ, неизбѣжно сливались въ одну великую и вмѣстѣ съ тѣмъ неотложную проблему. «Земля и воля»—такова была объединившая ихъ популярная формула.

«Земля и воля!» Какіе широкіе круги населенія были увлечены ими передъ тѣмъ, какъ разразился кризисъ! И какими близкими

вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представлялись. Вотъ-вотъ—казалось—и мы овладѣемъ ими... Какъ въ баснѣ:

А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко...

«Лишь то бѣда».. «Отколь и какъ» къ «землѣ и волѣ» мы ни подходили, достать ихъ такъ и не смогли. Были испробованы, какъ извѣстно, и «сила» и «мнѣніе», и «вооруженное возстаніе» и «пассивное сопротивленіе», и единоличныя и массовыя «выступленія»... И если въ чемъ тогда явились сомнѣнія, то не въ цѣляхъ, а въ средствахъ,—не въ программахъ, а въ тактикѣ. Замѣшательство произошло не потому, что исчезла точка, къ которой каждый шелъ, а потому, что затерялся путь, которымъ онъ надѣялся до нея дойти. «Всѣ дороги занесло»,—какъ выразился я въ прошлый разъ...

Возможно, что это былъ даже не объективный фактъ, а субъективное настроеніе: не хватило силъ, и стали винить дороги... Можно было ожидать, что соберутся люди съ силами, и движеніе вновь пойдетъ прежними путями. Напомню, что тогда же были предприняты многочисленныя попытки привлечь общественное вниманіе къ организаціоннымъ вопросамъ. Было бы, можетъ быть, правильнѣе и самый кризисъ трактовать не столько какъ тактическій, сколько какъ организаціонный. Но останавливаться на этомъ я сейчасъ не буду. Для меня важно было лишь напомнить, что, когда начинался этотъ кризисъ, цѣли движенія оставались внѣ сомнѣнія,—отварачиваться отъ нихъ не было никакого основанія...

Я предупредилъ читателей, что воспользуюсь политическимъ жаргономъ того времени и возьму наиболѣе популярные лозунги. Я понимаю, что выраженныя въ этихъ терминахъ и облеченныя въ эти формулы задачи движенія могутъ показаться черезчуръ узкими, слишкомъ злободневными. Но вѣдь кромѣ «ближайшихъ требованій», предъявлявшихся во имя насущныхъ нуждъ, нерѣдко временныхъ и частныхъ, движеніе имѣло «конечныя цѣли», которыя охватываютъ всего человѣка, обнимаютъ всю землю, освѣщаютъ всю исторію. И эти «конечныя цѣли»,—высокіе идеалы, поставленные передъ нами многовѣковой работой общечеловѣческой мысли,—ни въ коемъ случаѣ, конечно, не могла заслонить временная неудача, какую мы испытали, желая приблизиться къ нимъ, на данномъ клочкѣ земной поверхности. Даже тѣхъ, кто видѣлъ въ ней неудачу цѣлаго поколѣнія, она не могла смутить, разъ ихъ не остановили неудачи цѣлаго ряда предшествующихъ поколѣній...

Какъ бы то ни было, на вопросъ: «куда?» участники движенія не затруднились бы отвѣтить: одни, можетъ быть, назвали бы ближайшіе этапы, другіе самыя отдаленныя цѣли, но всѣ показали бы въ одну и ту же сторону. И если бы съ этимъ вопросомъ—«ку-

да?»—обратиться къ тогдашней литературѣ, то въ ней легко было бы найти вполнѣ опредѣленные на него отвѣты.

Прошло два года... За это время выросла и заняла всю авансцену «молодая литература». Въ ней, какъ мы знаемъ, царитъ большое оживленіе, происходитъ непрекращающееся движеніе. Прокладываются, какъ намъ говорятъ, новые пути, появляются, какъ мы видѣли прошлый разъ, невиданныя еще сочетанія. Этому можно было бы, пожалуй, порадоваться... Но куда все-таки ведутъ эти пути? Ради чего возникаютъ эти группы? Какъ обстоитъ дѣло съ цѣлями въ современной литературѣ?

На эту какъ разъ тему въ «Рѣчи» недавно была помѣщена статья Антона Крайняго подъ заголовкомъ: «Чего хотятъ всѣ?» *). Авторъ привелъ въ ней полученное имъ откуда-то изъ провинціи письмо со своими къ нему комментаріями. Интересно самое письмо, но еще любопытнѣе отвѣтъ, данный на него Антономъ Крайнимъ.

Я обращаюсь къ вамъ—пишетъ ему „Учащаяся"—за помощью, нѣтъ, я сама не знаю, зачѣмъ. Какая-то сила заставила меня написать. Я не знаю, какъ разобраться во всемъ, что окружаетъ меня, какъ разрѣшить всѣ вопросы, которые прямо мучаютъ. Они стоятъ, какъ огненные вопросительные знаки въ глазахъ. Я не знаю, какъ это выразить. Я говорю о литературѣ и о жизни вообще. Я не могу составить себѣ ни о чемъ опредѣленнаго мнѣнія, ни одного зрѣлаго взгляда на вещи. То я соглашаюсь съ однимъ, то съ другимъ. Я увлекалась, да и сейчасъ тоже, Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Блокомъ, Ивановымъ, А. Бѣлымъ, Сологубомъ, увлекалась вашими произведеніями, но не находила отвѣта на вопросы, которые меня интересуютъ. Эти вопросы обнимаютъ всѣ отрасли науки, всю жизнь, всю вселенную. Боже! Кому вѣрить? Какъ разобраться въ этомъ водоворотѣ всякихъ противорѣчій? Почему Чеховъ такъ презиралъ жизнь и людей, а Гамсунъ или Купринъ—наоборотъ? Что хотѣлъ сказать Андреевъ въ своей „Тьмѣ"? Что говорятъ Бальмонтъ, Блокъ, Ивановъ? И чего хотятъ всѣ? Къ какой точкѣ, къ какой цѣли они ведутъ?..

Письмо нервное, безпорядочное и даже, если хотите, «наивное», какъ опредѣляетъ его Антонъ Крайній. Но вопросъ поставленъ въ немъ прямо и опредѣленно: «Чего хотятъ всѣ? Къ какой точкѣ, къ какой цѣли они ведутъ»? Смыслъ вопроса, думается мнѣ, совершенно ясенъ: рѣчь, несомнѣнно, идетъ о томъ, что называется «программами» съ ихъ «конечными цѣлями», шире—«направленіями» со свойственными имъ «міровоззрѣніями» и еще шире—«принципами» и «убѣжденіями».

Легко понять, что для той среды, откуда раздался вопросъ,—для молодежи—онъ имѣетъ особенно жгучій характеръ. Не дѣйствовать, оставаться въ неподвижномъ состояніи значитъ—не жить; но какъ двинуться, если не знаешь, куда?

Я—говоритъ авторъ письма—очень хорошо понимаю Ничше, онъ сошелъ съ ума. Если не найти новый путь,—все равно, какимъ образомъ,—то же

*) „Рѣчь". 13 октября.

стоитъ жить. Жить „растительной“ жизнью, мучиться неразрѣшимыми вопросами,—зачѣмъ это? Не стоитъ... Я очень сочувствую и понимаю тѣхъ, кто ушелъ въ «лигу свободной любви». Конечно, это слишкомъ мелко, очень узко, но они всѣ думаютъ найти отвѣты на загадки жизни; и ищутъ ихъ въ „лигѣ свободной любви“... Я не жду отвѣта—говорится дальше—но я буду ждать статей, которыя были бы отвѣтомъ мнѣ и другимъ, какъ я, которые ищутъ, ищутъ впотьмахъ и ничего не находятъ...

И направленъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, по надлежащему адресу. Антонъ Крайній одинъ изъ наиболѣе видныхъ публицистовъ, какихъ оказалось въ состояніи выдвинуть русское декадентство, а къ послѣднему, какъ извѣстно, тѣсно примкнула и даже слилась съ нимъ «молодая литература». «Я увлекалась вашими произведеніями»—пишетъ Антону Крайнему его корреспондентка. Такимъ образомъ ему приходится, съ одной стороны, держать отвѣтъ за себя, а съ другой — и за «всѣхъ», кого имѣетъ въ виду «Учащаяся», ему не трудно отвѣтить. И вотъ что онъ отвѣчаетъ:

Приглядываясь, присматриваясь все ближе къ русской литературѣ и жизни послѣднихъ дней, я никакъ не могу рѣшить, „чего хотятъ всѣ“, и даже не знаю еще, *хотятъ*-ли они вообще. Не могу услѣдить уклона воли...

Одно это признаніе стоитъ больше, чѣмъ могли бы дать наши собственныя изысканія: о желаніяхъ вѣдь труднѣе, чѣмъ о чемъ-либо другомъ, судить, глядя со стороны. Но цитируемый мною авторъ, не довольствуясь собственными наблюденіями, ссылается и еще на одного, компетентнаго въ данномъ вопросѣ, свидѣтеля.

Недавно,—разсказываетъ Антонъ Крайній,—одинъ молодой критикъ, самый талантливый изъ „новыхъ“, какой-то странно-грустный и неожиданно-вялый, очень испугалъ меня.

Мы подошли къ вопросу.

— Что же,—говорю я,—значитъ, вы всѣ, вотъ какъ у Горькаго кто-то, исповѣдуете „ничего я не хочу, ничего я не желаю..?“

— Ну, да. Ничего. Только совсѣмъ еще недавно мы это повторяли... какъ бы сказать? съ лихостью, а теперь—съ тихостью.

Странная, грустная „тихость“ лихой пѣсенки хулигана!

«Старый» критикъ русскаго декадентства отдѣляетъ себя отъ «новаго» критика «молодой литературы», но наблюденія ихъ сходятся. Что же оказывается? Въ «молодой литературѣ», можетъ быть, имѣются пути (и даже «перепутья»), можетъ быть, имѣются силы (и даже собранныя), но нѣтъ одного: нѣтъ цѣли, къ которой вели бы эти пути и къ которой направлены были бы эти силы. Люди не знаютъ, чего они хотятъ, и даже не знаютъ, хотятъ-ли они чего...

Сомнѣваясь въ наличности общаго «хотѣнія», Антонъ Крайній допускаетъ все-таки, что многіе изъ перечисленныхъ его корреспонденткой литераторовъ, спрошенные въ отдѣльности, сумѣли-бы сказать, чего каждый изъ нихъ хочетъ. Но про многихъ дѣя-

телей современной литературы, несомнѣнно, и этого нельзя сказать,—и при томъ не только про тѣхъ, которые продолжаютъ писать съ «лихостью», но и про тѣхъ, которые уже пишутъ съ «тихостью». Въ частности, про самого Антона Крайняго я не рѣшился бы сказать, что онъ знаетъ, чего хочетъ...

Въ самомъ дѣлѣ: кто такой Антонъ Крайній? Псевдонимъ имъ самимъ давно уже вскрытъ. Это—г-жа Гиппіусъ-Мережковская, которая подписываетъ такъ свои критическія и публицистическія статьи. И вотъ, вспоминая литературную дѣятельность г-жи Гиппіусъ (Антона Крайняго тожъ), я никакъ не могу себѣ уяснить, чего она хочетъ и чего не хочетъ. Когда-то г-жа Гиппіусъ возвѣстила, что надлежитъ себя любить, какъ бога; а теперь «чета Мережковскихъ», какъ извѣстно, состоитъ въ совсѣмъ иныхъ «богоносцахъ»,—въ тѣхъ самыхъ, которые пытались возродить христіанство. С. А. Венгеровъ, въ качествѣ историка литературы, причисляетъ г-жу Гиппіусъ къ «виднѣйшимъ главарямъ» русскаго декадентства, стремившагося, какъ извѣстно, во что бы то ни стало какъ можно дальше, уйти отъ реализма; а теперь Антонъ Крайній убѣждаетъ г. Александра Блока, что «истинное величіе—только въ реальности»...

Можно, конечно, сказать, что раньше былъ одинъ «уклонъ воли», а теперь другой... Но если мы совсѣмъ забудемъ прошлое, то и за всѣмъ тѣмъ настоящее не станетъ для насъ яснымъ. Чего хочетъ Антонъ Крайній теперь? «Реальности»? Но вѣдь вотъ что онъ про эту самую реальность пишетъ:

> Истинное величіе—только въ Реальности. А реальность только тогда реальна и *божественна*, когда она полна, когда безстрашно вводятъ въ нее все, казалось бы, противорѣчивое, всѣ сны, грезы и мечты, все невозможное, какъ и возможное, влюбленность вмѣстѣ со страстью, праздникъ рядомъ съ буднями, порывъ—рядомъ съ черной работой. Реальность всеобъемлюща въ потенціи своей, и, какъ это ни странно звучитъ, но надо сказать, что все движеніе міра есть только постоянная, все большая и большая *реализація реальности.* *)

Вотъ и поймите тутъ... Что это за «Реальность» такая, которая съ большой буквы пишется? Что это за «божественная реальность», которая можетъ вмѣстить «все невозможное, какъ и возможное?» Это ужъ сверхъ-реальность какая-то: не то мистика, не то метафизика, не то просто-на-просто «праздная болтовня»... И это можетъ быть... Въ той же самой статьѣ Антонъ Крайній заявляетъ, что онъ «хочетъ», чтобы г. Блокъ «отъ ликующихъ, праздно болтающихъ» ушелъ въ эту самую «реальную реальность». Но вѣдь г. Блока и г-жу Гиппіусъ мы въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ привыкли видѣть, однимъ и тѣмъ же дѣломъ, нужно думать, они раньше занимались. И если то была «праздная болтовня», то не окажется-ли таковой же и реализація реальной реальности?

---

*) „Рѣчь“, 19 октября.

Надо сказать, что г. Блокъ очень скоро отозвался и даже не въ стихахъ, а въ прозѣ. Какъ только пришелъ день литературнаго фельетона въ «Рѣчи», онъ самъ обратился съ призывомъ:

Я обращаюсь,—пишетъ онъ,—къ писателямъ, художникамъ и устроителямъ (вечеровъ новаго искусства) съ горячимъ призывомъ не участвовать въ дѣлѣ, разлагающемъ общество, т. е. не способствовать размноженію породы людей „стиля модернъ", дни которыхъ сочтены. Общество интеллигентное и безъ вечеровъ новаго искусства довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю въ море дурныхъ инстинктовъ есть дѣло, недостойное художника и гражданина *).

Такъ пишетъ «молодой» поэтъ, который, по его словамъ, «самъ не разъ читалъ на вечерахъ «новаго» и не новаго искусства, съ благотворительной цѣлью и, увы! даже безъ оной, читалъ съ «успѣхомъ» и безъ успѣха, съ шиканьемъ и съ аплодисментами»... Читалъ, «но всегда и всюду уносилъ чувство недовольства собою, чувство досады отъ нелѣпо проведеннаго вечера; мало этого, всегда было чувство, какъ будто сдѣлалъ что-то дурное»... Читалъ и, наконецъ, убѣдился, что «стихи любого изъ новыхъ поэтовъ читать не нужно и почти всегда *вредно*» (курсивъ г. Блока).

Знаетъ ли теперь г. Блокъ, чего онъ хочетъ. Я не рѣшусь сказать это про человѣка, который «не читаетъ», но пишетъ. Потомъ, быть можетъ, онъ убѣдится, что не только читать, но и писать такіе стихи «вредно», что это тоже «способствуетъ размноженію породы людей стиля модернъ», что общество и безъ того «довольно пропитано ядами косности и праздности»... Можетъ быть, и это ему дастся лишь «путемъ очень непріятнаго и слишкомъ продолжительнаго опыта», а, можетъ быть, и сразу онъ это сообразитъ. Бываетъ это, просіяніе такое.

Одинъ случай не лишне даже вспомнить. Въ ноябрѣ 1905 г. озарило г. Минскаго. Исторію этого озаренія историкъ русской литературы излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ.

„Нѣкогда,—говоритъ онъ,—Минскій претендовалъ на печальное титло отца русскаго декадентства, затѣмъ передъ лицомъ петербургскихъ архіереевъ сокрушался о паденіи вѣры и въ своей „Религіи будущаго" доказывалъ, что соціалъ-демократизмъ есть пошлость и нравственное мѣщанство. А теперь, съ наступленіемъ реальныхъ „дней свободы", онъ становится не только соціалъ-демократомъ, не только „большевикомъ", но самымъ крайнимъ изъ „большевиковъ". Савлъ превращается въ Павла, который „борьбу классовъ" понялъ въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ слова. Пишется поистинѣ каннибальскій „Гимнъ рабочихъ" **).

Я не знаю, куда теперь ведетъ или поведетъ своихъ читате-

---

*) „Рѣчь", 27 октября.

**) С. Венгеровъ. „Побѣдители или побѣжденные". „Русскія Вѣдомости", 18 октября.

лей г. Минскій, столь быстро перемѣнившій декадентскій «уклонъ» на архіерейскій, а потомъ этотъ послѣдній—на пролетарскій. Но, насколько извѣстно, онъ не приложилъ сколько-нибудь замѣтныхъ усилій, чтобы удержаться съ ними на «уклонѣ» 1905 года... Памятуя о немъ и возвращаясь къ «очаровательному по своей наивности» г. Блоку, я могу лишь присоединиться къ пожеланію, уже высказанному Антономъ Крайнимъ, а именно, «чтобы этотъ новый рыцарь не былъ рыцаремъ только на часъ». И это вѣдь бывало и бываетъ... Бываетъ, что человѣкъ захочетъ одного, захочетъ другого, и потомъ вдругъ: «ничего я не хочу, ничего я не желаю»...

«Хотѣнье», которое насъ въ настоящій разъ интересуетъ, назовемъ ли мы его «уклономъ воли» или «программой», «міровоззрѣніемъ» или «убѣжденіями», по общему правилу, получается съ молодости и усвоивается на всю жизнь. Бываютъ, конечно, исключенія, и въ «старой» литературѣ такіе случаи, дѣйствительно, были исключеніями.

Въ «молодой» же литературѣ они чуть не всеобщее правило. Многіе разгуливаютъ въ ней, какъ по улицѣ мостовой, съ «лихой пѣсенкой хулигана» и многіе со «странной тихостью» только еще получаютъ «уклоны воли», совершенно забывая подчасъ тотъ, который они имѣли уже раньше. И если первые завѣдомо ничего не желаютъ, то и относительно вторыхъ не можетъ быть увѣренности, что они, дѣйствительно, знаютъ, чего хотятъ. Въ лучшемъ случаѣ можно сказать, что они ищутъ...

И ищутъ, въ сущности, то, что въ свое время не было потеряно, ищутъ цѣлей, которыя два года тому назадъ были совершенно ясны. Воистину можно сказать: «что имѣемъ—не хранимъ».

«Потерявши — плачемъ»... Да, плачемъ. Не напрасно вѣдь «грустная тихость» начала охватывать тѣхъ, кто недавно еще зубоскалилъ.

II.

Характеризуя настроеніе, которое было передъ кризисомъ, я привелъ отрывокъ изъ всѣмъ извѣстной басни. Читателей это сравненіе, быть можетъ, рѣзнуло. Не профанація ли это—сравнивать одушевлявшія всѣхъ тогда чувства съ ощущеніями лисы, «залѣзшей въ садъ»? Но я позволю себѣ это сравненіе продолжить. Мнѣ кажется, что не только въ тогдашнемъ настроеніи, но и въ дальнѣйшихъ—какъ теперь принято выражаться—«переживаніяхъ» было нѣчто общее съ тѣмъ, что пережила «голодная кума-лиса». Вы знаете, какъ она поступила:

Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну, что-жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ..."

Не такъ ли поступили и многіе участники освободительнаго движенія? И не поэтому ли, между прочимъ, одни теперь вовсе остались безъ цѣлей, а передъ другими—совсѣмъ иного «винограду кисти рдѣютъ»?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, эта картина представляется прямо въ лицахъ. Назову хотя бы П. Б. Струве. Какъ извѣстно, эта «голодная кума» уже въ нѣсколькихъ садахъ побывала: и въ саду экономическаго матеріализма, и въ саду метафизическаго идеализма, и въ саду просто политическаго либерализма мы ее видѣли; и на «экономику» у нея «глаза и зубы разгорались», и на «политику», и на «культуру»... И отовсюду она съ досадой уходила. Такъ было и въ послѣдній разъ. Пошла и говоритъ съ досадой:

— Пусть не говорятъ тутъ о «тактикѣ». Дѣло тутъ не въ «тактикѣ»... *).

Просто-на-просто другой виноградъ нуженъ... «Намъ нужны не только тактическія директивы... Намъ нужны для новой полосы русской исторіи идеи, которымъ была бы присуща воспитывающая сила».

Къ г. Струве болѣе, можетъ быть, чѣмъ къ кому-либо другому, приложимъ употребленный въ баснѣ эпитетъ «голодный». Онъ всегда чего-нибудь «хочетъ», всегда къ чему-нибудь стремится,— и всегда своихъ читателей куда-нибудь «ведетъ»,—то въ одну сторону, то въ другую, хотя бы и прямо противоположную. Безшабашнаго: «ничего я не хочу, ничего я не желаю» мы отъ него никогда не слышали, да, вѣроятно, и не услышимъ. Такова ужъ его личная, подкупающая многихъ, особенность.

И теперь, убѣдившись, что цѣли движенія остались не достигнутыми,—

Хоть видитъ око,
Да зубъ неймётъ,—

онъ немедленно въ другую сторону двинулся. Правда, на этотъ разъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, у него былъ уже другой «садъ» на примѣтѣ. Но если бы этого и не было, онъ, все-таки, вѣроятно, не остановился бы. По самой природѣ своей, это литераторъ «мятущійся».

Есть у г. Струве и другая особенность: аппетитъ у него огромный—задачи онъ всегда ставитъ большія. Было время, когда онъ желалъ ни больше ни меньше, какъ всѣхъ мужиковъ въ «фабричномъ котлѣ выварить». Теперь онъ задумалъ ни много, ни мало, какъ «цѣлое идейное воспитаніе русской интеллигенціи» на-ново передѣлать. Онъ такъ и пишетъ: «Изъ политическаго тупика, въ

---

*) Петръ Струве. „Тактика или идеи. Изъ размышленій о русской революціи". „Русская Мысль" 1907 г. августъ, стр. 234.

который мы зашли, страну можетъ вывести только политическое и моральное перевоспитаніе русской интеллигенціи».

Въ русской революціи, поясняетъ онъ, съ удивительной мощью обнаружилась,—вопреки метафизикамъ „реальныхъ силъ"— ,сила идей и ихъ носительницы—интеллигенціи. Но, съ другой стороны, въ крушеніи этихъ идей столь же ярко обнаружилась ихъ внутренняя несостоятельность. Историческая роль идей напоминаетъ намъ объ ихъ огромномъ значеніи какъ фактора въ созиданіи культуры, крушеніе тѣхъ же идей вынуждаетъ насъ къ ихъ радикальной переоцѣнкѣ по содержанію *).

Когда-то, въ качествѣ экономическаго матеріалиста, г. Струве стремился свести на нѣтъ значеніе идейнаго фактора въ исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и роль интеллигенціи въ общемъ ходѣ жизни; теперь—«вопреки метафизикамъ реальныхъ силъ»—онъ говоритъ объ «удивительной мощи силы идей и ихъ носительницы—интеллигенціи». Еще недавно вмѣстѣ съ другими онъ пытался хотя отчасти воплотить исконныя идеи русской интеллигенціи; теперь—послѣ «крушенія»—онъ обнаружилъ «ихъ внутреннюю несостоятельность» и «вынужденъ» приступить «къ ихъ радикальной переоцѣнкѣ по содержанію»...

Г. Струве—искренній человѣкъ, этотъ эпитетъ давно за нимъ установился. Во что онъ вѣруетъ, то безбоязненно и проповѣдуетъ,—и не его вина, если вѣръ на свѣтѣ такъ много, и не всѣ еще онъ перепробовалъ. Нужно, однако, сказать, что на этотъ разъ съ проповѣдью новой вѣры онъ нѣсколько замедлилъ. Во внутренней состоятельности идей русской интеллигенціи онъ давно уже усомнился и новый «садъ», какъ я уже сказалъ, ранѣе заприметилъ...

Переоцѣнка традиціонной идеологіи русской интеллигенціи—говоритъ онъ,—является для меня лично продолженіемъ работы, начатой до основанія „Освобожденія" и лишь прерванной „освобожденскимъ" періодомъ моей литературной дѣятельности. Нить эта для меня идейно никогда не была оборвана. На матеріалѣ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ и критическія и положительныя идеи лишь оформились и утвердились.

Въ докладѣ, прочитанномъ минувшею весною въ женскомъ клубѣ,—если я правильно понялъ сообщенныя объ этомъ докладѣ въ газетахъ свѣдѣнія,—г. Струве заявилъ, что «положительныя идеи» въ свое время имъ были даже на бумагѣ вчернѣ записаны. Но тогда онъ положилъ этотъ черновикъ въ карманъ и уѣхалъ за-границу издавать «Освобожденіе»... Теперь же, когда мы оказались въ «политическомъ тупикѣ», онъ разыскалъ свои черновые наброски, переписалъ ихъ начисто, обосновалъ «матеріаломъ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ» и опубликовалъ въ «Русской Мысли» подъ заголовкомъ: «Великая Россія» **).

*) Ibid, стр. 235.
**) Петръ Струве. „Великая Россія. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества". „Русская Мысль" 1908 г., январь.

Въ чемъ же заключаются эти «положительныя идеи»? И въ чемъ ихъ разница отъ «традиціонной идеологіи русской интеллигенціи»? Въ сущности это одна идея, и г. Струве такъ ее формулируетъ:

Оселкомъ и мѣриломъ всей такъ называемой „внутренней политики" какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ такъ называемому внѣшнему могуществу государства?

Таковъ основной тезисъ, «который для обычнаго русскаго интеллигентскаго слуха,—говоритъ г. Струве,—можетъ показаться до крайности парадоксальнымъ».

Обычная, я бы сказалъ,—прибавляетъ онъ,—банальная точка зрѣнія благонамѣреннаго, корректнаго радикализма разсматриваетъ внѣшнюю политику и внѣшнюю мощь государства, какъ досадныя осложненія, вносимыя расовыми, національными и даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни, въ политику внутреннюю, преслѣдующую истинное существо государства, его внутреннее благополучіе.

Эту именно точку зрѣнія на «истинное существо государства» г. Струве и считаетъ «превратной». Онъ находитъ, что «разсужденіе банальнаго радикализма слѣдуетъ поставить вверхъ ногами»: вопросъ о «внутреннемъ благополучіи» слѣдуетъ всецѣло подчинить вопросу о «внѣшнемъ могуществѣ». Другими словами: «конечную цѣль» необходимо перемѣнить... Употребляя послѣдній терминъ, я имѣю въ виду, конечно, тѣ предѣлы, до какихъ доходитъ теперь въ своихъ изысканіяхъ г. Струве.

Свой тезисъ онъ обосновываетъ однимъ философскимъ положеніемъ и двумя историческими посылками, взятыми изъ «матеріала политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ». Изъ этихъ посылокъ я приведу сейчасъ одну.

„Революція,—пишетъ г. Струве,—потерпѣла пораженіе именно потому, что она была направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики. Я говорю,—прибавляетъ г. Струве,—„потому что"; но, быть можетъ, правильнѣе было бы сказать: „постольку, поскольку"...

Это, повидимому, конечный итогъ «размышленій о русской революціи». Г. Струве не усомнился предложить его читателямъ «Русской Мысли» въ категорической формѣ, но оспаривать его передъ читателями «Русскаго Богатства» я стѣсняюсь: слишкомъ уже этотъ выводъ идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Отмѣчу лишь обратный выводъ, который слѣдуетъ изъ «потому что» и «постольку, поскольку»: г. Струве, очевидно, полагаетъ, что революція удалась бы, если бы она не была направлена на подрывъ государственной мощи, и что она фактически удалась, поскольку

такого направленія въ ней не было. О! если бы такъ было въ дѣйствительности!..

Философское обоснованіе для своего тезиса г. Струве взялъ, повидимому, изъ упомянутыхъ выше черновыхъ набросковъ. Говорю это, имѣя въ виду, несомнѣнно, метафизическое происхожденіе приводимаго имъ теперь философскаго довода и памятуя, что, передъ отъѣздомъ за-границу, онъ какъ разъ находился въ саду метафизики. Доводъ этотъ таковъ:

Государство есть „организмъ“ совершенно особаго свойства.

Можно, какъ угодно, разлагать государство на атомы и собирать его изъ атомовъ, можно объявить его „отношеніемъ“ или системой „отношеній“. Это не уничтожаетъ того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія.

Для государства этотъ верховный законъ его бытія гласитъ: всякое здоровое и сильное, т. е. не только юридически „самодержавное“ или „суверенное“, но и фактически самимъ собою держащееся государство желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ, значитъ обладать непремѣнно „внѣшней“ мощью...

Слово «организмъ», какъ объясняетъ г. Струве, имъ нарочно взято въ кавычки, «потому что,—говоритъ онъ,—я вовсе не желаю его употреблять въ доктринальномъ смыслѣ такъ называемой органической теоріи». Итакъ, «органическая теорія» тутъ ни при чемъ,—это очень упрощаетъ дѣло. Повторимъ все-таки вкратцѣ мысль г. Струве, чтобы ее лучше усвоить: государство есть «какъ бы личность», у которой имѣется «свой верховный законъ бытія», независимый оттого, какъ оно сложено изъ атомовъ, и этотъ верховный законъ состоитъ въ томъ, что государство «желаетъ быть могущественнымъ“. Легко понять, что установить эту «личность» и узнать ея «желанія» г. Струве могъ не иначе, какъ поднявшись въ метафизическія сферы, если, конечно, ему не было на этотъ счетъ мистическаго откровенія. На службу этой-то метафизической или мистической «личности», по мнѣнію г. Струве, и должна поступить русская интеллигенція. Мѣриломъ всей внутренней политики послѣдняя должна сдѣлать «желаніе» этого, давно уже воздвигнутаго и теперь только реставрируемаго, идола,—его «желаніе быть могущественнымъ». Таковъ духъ, въ которомъ г. Струве считаетъ необходимымъ «политически и морально перевоспитать русскую интеллигенцію», таково направленіе, въ которомъ онъ желаетъ передѣлать ея «традиціонную идеологію».

И это, дѣйствительно, значило-бы поставить послѣднюю «вверхъ ногами»: цѣль поставить на мѣсто средства, средство на мѣсто цѣли. До сихъ поръ русская интеллигенція, какъ разъ наоборотъ, «во всѣхъ политическихъ вопросахъ дѣлала фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, но личности» *),—и, конечно, не той «какъ-

*) См. „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“. Т. IV. Стр. 460.

бы личности», которую г. Струве могъ найти только въ сверхъчувственномъ мірѣ, а той реальной личности, которой дѣйствительно присуща психическая жизнь, которая дѣйствительно мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ,—тѣхъ «атомовъ», изъ которыхъ состоитъ государство. Интеллигенція стремилась установить между ними такое «отношеніе» или такую «систему отношеній», которая обезпечивала бы имъ «внутреннее благополучіе», и въ этомъ—въ народномъ благосостояніи — она, дѣйствительно, видѣла «истинное существо государства». Внѣшнее могущество являлось въ ея глазахъ лишь однимъ изъ средствъ въ осуществленіи этой цѣли, и при томъ постольку лишь, поскольку внѣшняя безопасность является необходимымъ элементомъ народнаго благосостоянія, и поскольку она является вмѣстѣ съ тѣмъ необезпеченной иными средствами въ виду «досадныхъ осложненій, вносимыхъ расовыми, національными или даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни». Это не значитъ, конечно, что вся внѣшняя политика сводилась для русской интеллигенціи только къ этимъ досаднымъ осложненіямъ, и что всемірная исторія представлялась ей «сплошнымъ рядомъ недоразумѣній довольно сквернаго свойства». Интеллигенція никогда не ограничивала своихъ цѣлей, какъ это дѣлаетъ теперь г. Струве, предѣлами современнаго государства, и не *ею* благополучіе, не благополучіе государства, какъ подставляетъ теперь тотъ-же г. Струве, а благо человѣческой личности являлось ея конечною цѣлью. Въ современномъ государствѣ она видѣла лишь одну изъ временныхъ формъ, въ какія отлилась жизнь человѣчества въ процессѣ своего развитія. И во всемірной исторіи при всѣхъ «скверныхъ недоразумѣніяхъ», какія ей свойственны, интеллигенція находила—и г. Струве раньше находилъ—совершенно опредѣленную тенденцію, ведущую къ той же конечной цѣли. Да, у русской интеллигенціи было свое «мѣрило» *)... Это «мѣрило» было одно для внутренней политики и для внѣшней, для всей земли и для всей исторіи,—и это «мѣрило» было совершенно не то, какое предлагаетъ теперь г. Струве.

Предлагаемая имъ идеологія, дѣйствительно, была бы совершенно «новая» для русской интеллигенціи. Усвоивъ ее, послѣдняя должна была бы отказаться отъ всего своего прошлаго и признаться въ немъ, какъ въ своемъ «грѣхѣ передъ народомъ», что, дѣйствительно, и предлагаетъ сдѣлать г. Струве **). Но въ этой «новой» для интеллигенціи идеологіи по существу нѣтъ ничего новаго. Въ дѣй-

*) Къ слову сказать, какъ разъ то же самое слово „мѣрило“ было употреблено 30 лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскимъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его теперь г. Струве. „Мѣриломъ достоинства всякаго союза—партіи, кружка, семьи, націи и проч.—долженъ служить интересъ личности“ (Н. К. Михайловскій. „Письма о правдѣ и неправдѣ“ 1877 г.)

**) „Тактика или идеи“, стр. 233.

ствительности, это идеологія старой русской государственности, и не случайно свой лозунгъ: «Великая Россія» г. Струве заимствовалъ ни у кого иного, какъ у П. А. Столыпина. Я бы сказалъ, что даже для старой государственности это—«банальная идеологія», и если г. Столыпинъ во второй Думѣ воспользовался именно ею, то потому только, что въ его распоряженіи не оказалось никакого другого, менѣе поношеннаго, идеологическаго плаща, чтобы прикрыть отстаиваемые имъ интересы и вожделѣнія. Что эта идеологія изжита, это давно сознано самими приверженцами самодержавія, и они не разъ уже пытались подновить ее, украсивъ кромѣ «внѣшняго могущества» еще и «національнымъ богатствомъ». Напомню хотя бы С. Ю. Витте, который потратилъ такъ много народнаго труда и народныхъ рессурсовъ, чтобы подбить старый плащъ новой подкладкой, и такъ много собственнаго своего краснобайства, чтобы увѣрить всѣхъ въ ея красотѣ и прочности, пока эта самая подкладка не стала расползаться въ его же рукахъ, и ему не пришлось—во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1903 годъ—признать, что самодержавію приходится вернуться къ старой идеологіи и при томъ сильно урѣзанной: не о внѣшнемъ могуществѣ уже въ то время пришлось говорить, а о внѣшней безопасности... Послѣ того плащъ «внѣшняго могущества» окончательно истрепался. И вотъ эту-то, совершенно изжитую, идеологію г. Струве желаетъ теперь реставрировать,—въ этотъ-то, совершенно изорванный, плащъ онъ желаетъ русскую интеллигенцію вырядить.

Мнѣ пришлось уже какъ-то спеціально говорить о томъ, какимъ образомъ народная потребность въ національной независимости и внѣшней безопасности оказалась въ теченіе русской исторіи раздутой до стремленія къ внѣшнему могуществу, какъ къ какому-то самостоятельному благу, и почему возникшая, на основѣ указанной потребности, русская государственность отлилась въ «самобытную форму» со свойственной ей идеологіею; пришлось мнѣ говорить и о томъ, какимъ образомъ эта «самобытная форма» съ теченіемъ времени сдѣлалась самодовлѣющею цѣлью и какъ она сдавила весь народный организмъ, при чемъ это внутреннее давленіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ внѣшнее могущество было больше. Не разъ приходилось мнѣ останавливаться въ своихъ статьяхъ и на томъ, какую роль идеологія старой государственности играла въ народной жизни, какіе своекорыстные интересы ею прикрывались, какія тяжкія жертвы отъ народа во имя ея требовались. Да и безъ моихъ статей читатели это хорошо, конечно, знаютъ...

Великая Россія... Преклонитесь передъ нею, сдѣлайте ее предметомъ вашихъ желаній, подчините этой идеѣ всю вашу дѣятельность,—говоритъ русской интеллигенціи г. Струве.—Но что будетъ съ трудовымъ народомъ? Каковы будутъ его судьбы, если онъ по-

прежнему останется только средствомъ?—въ правѣ, въ свою очередь, спросить интеллигенція.

Идея внѣшняго могущества,—говоритъ г. Струве,—нужна намъ для «новой полосы русской исторіи»... Но вѣдь подъ властью этой идеи русскій народъ жилъ цѣлое тысячелѣтіе. Не будетъ ли «новая полоса» простымъ продолженіемъ прежней? И русская интеллигенція, если она отдастъ себя служенію этой идеѣ, не поступитъ ли просто-на-просто на службу старой русской государственности?

«Уклонъ воли», который пріобрѣлъ г. Струве и который онъ рекомендуетъ интеллигенціи, очень вѣдь скользкій,—и это мы видимъ на его собственномъ примѣрѣ. Къ дѣятелямъ старой государственности онъ очень уже близокъ,—ближе, можетъ быть, чѣмъ это замѣчаетъ...

«Намъ нужна,—сказалъ г. Столыпинъ,—великая Россія». «Намъ нужна,—говоритъ г. Струве,—великая Россія». «Имъ нужны,—сказалъ г. Столыпинъ,—великія потрясенія». «Имъ нужны,—подтверждаетъ г. Струве,—великія потрясенія». Да, и это уже повторилъ вслѣдъ за поборникомъ стараго режима проповѣдникъ «новой» идеи.

«Имъ»—это значитъ: «противникамъ государственности», какъ сказалъ въ своей рѣчи г. Столыпинъ. «Имъ»—это значитъ: интеллигенціи, какъ пояснилъ въ своихъ статьяхъ г. Струве.

> Въ русскомъ обществѣ,—говоритъ онъ,—развивался и разливался враждебный государству духъ. Дѣло тутъ вовсе не въ революціи и не въ „революціонности" въ *полицейскомъ* смыслѣ. Можетъ быть революція во имя государства и въ его духѣ... Враждебный государству духъ сказывается въ непониманіи того, что государство есть „организмъ", который, во имя *культуры*, подчиняетъ народную жизнь началу *дисциплины*, основному условію государственной мощи. Духъ государственной дисциплины былъ чуждъ русской революціи *).

«Это обнаружилось,—по словамъ г. Струве,—въ забастовочной *тактикѣ*, усвоенной себѣ русской революціей въ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ», это сказалось въ «извѣстномъ манифестѣ совѣта рабочихъ депутатовъ и примкнувшихъ къ нему организацій», который «призывалъ прямо къ разрушенію государственнаго хозяйства». Г. Струве рѣшительно отказывается допустить, чтобы «эти дѣйствія и лозунги» были тактическими ошибками,—нѣтъ! «они были внушены духомъ, враждебнымъ государству».

Основываясь на этихъ выдержкахъ, нѣсколько трудно сказать, гдѣ именно гнѣздился враждебный государству духъ, пропитавшій русскую революцію: не то въ революціонныхъ «организаціяхъ», не то во всемъ «обществѣ»... Но г. Струве указалъ эту среду въ болѣе ранней статьѣ, это—интеллигенція. Онъ констатировалъ у

*) „Великая Россія", стр. 147.

послѣдней «отсутствіе политическаго и историческаго смысла, доходившее до бѣшенства стремленіе къ разрушенію»,—однимъ словомъ,—«цѣлый душевный строй, которому предшествовало цѣлое идейное воспитаніе» *). Поэтому-то г. Струве и задумалъ перевоспитать ее.

Какъ бы то ни было, получается вѣдь вотъ что: г. Струве, съ точки зрѣнія «великой Россіи», полагаетъ, что русскую революцію дѣлали враги государственности; г. Столыпинъ, ссылаясь на ту же «великую Россію», этихъ противниковъ государственности преслѣдуетъ. Замѣчаетъ ли г. Струве это совпаденіе своей идеологіи со столыпинской, — совпаденіе не только въ конечной цѣли, но и въ оцѣнкѣ окружающей ихъ обоихъ дѣйствительности?

Попутно читатели могли замѣтить и еще одинъ рискованный пунктъ, до котораго уже скатился г. Струве. «Основное условіе государственной мощи», по его словамъ, это «дисциплина». «Если можно,—говоритъ онъ дальше,—въ двухъ словахъ опредѣлить ту болѣзнь, которою пораженъ нашъ народный организмъ, то ее слѣдуетъ назвать исчезновеніемъ или ослабленіемъ дисциплины труда» **). Крайне характерно, что «дисциплину» вообще и «дисциплину труда» въ частности выдвигаетъ на это мѣсто человѣкъ, который, при выступленіи на литературную арену, всталъ подъ знамя, поднятое группой «освобожденія труда». Правда, «идею дисциплины труда» г. Струве считаетъ возможнымъ соединить съ «идеей права и правъ», и въ такомъ сочетаніи не было бы, пожалуй, ничего рискованнаго, если бы «дисциплина» не являлась въ то же время «основнымъ условіемъ государственной мощи»,—этого «верховнаго закона» для г. Струве. Ну, а если дисциплина труда на почвѣ права и правъ—на почвѣ свободы—сразу не разовьется? Тогда какъ? Не признаетъ ли тогда г. Струве необходимымъ поддерживать ее принудительнымъ порядкомъ? Не пожертвуетъ ли онъ «правомъ и правами» ради «внѣшней мощи»?

Которой изъ этихъ двухъ идей должно принадлежать верховенство? Русская интеллигенція всегда отдавала его правамъ личности, г. Струве полагаетъ, что суверенитетъ долженъ принадлежать государственной мощи. Не покроетъ ли въ такомъ случаѣ новая «идеологія» г. Струве исконной «политики» русскаго правительства и въ ея отношеніяхъ къ трудящимся?

Трудно предугадать, куда можетъ зайти г. Струве при теперешнемъ его «уклонѣ воли» и при свойственной ему страстности, а нерѣдко и запальчивости. Фельетонисты, рисуя будущее, уже изображали намъ его «правѣе Пуришкевича»... Но не это меня въ настоящій разъ интересуетъ. Если я остановилъ вниманіе чи-

*) „Тактика или идеи", стр. 234.
**) „Великая Россія", стр. 148.

тателей на послѣднихъ движеніяхъ г. Струве, то съ совершенно особою цѣлью.

Мы слышали про людей, которые не знаютъ, чего они хотятъ, и даже не знаютъ, хотятъ-ли они чего,—про писателей, которые неизвѣстно куда ведутъ. Теперь мы видимъ передъ собою человѣка, который знаетъ, чего онъ хочетъ,—писателя, который ведетъ въ опредѣленную сторону. Нашъ глазъ, утомленный безалаберщиной, которая царитъ теперь въ сферѣ идей и настроеній, съ удовольствіемъ можетъ на немъ остановиться... Но... Дѣйствительно-ли г. Струве знаетъ, чего онъ хочетъ? И туда ли онъ ведетъ своихъ читателей?

Да, я позволяю себѣ въ этомъ усомниться... Неужели г. Струве дѣйствительно желаетъ «внѣшней мощи»? Неужели это и есть то высшее благо, къ которому нужно, по его мнѣнію, всѣми силами стремиться? Неужели это и есть для него тотъ богъ, котораго онъ возлюбилъ всею душою своею, всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ?.. Нѣтъ! онъ и самъ не рѣшается выдать его за «верховную цѣнность съ государственной точки зрѣнія». *).

Мнѣ кажется, что «внѣшнее могущество» государства такъ же нужно г-ну Струве, какъ въ свое время ему нужны были «производственныя отношенія». И россійскаго обывателя онъ съ тою же цѣлью теперь считаетъ нужнымъ «дисциплинировать», съ какою когда-то намѣревался русскаго мужика «выварить». Да, мнѣ кажется, что со стороны солдатской казармы теперь, какъ когда-то со стороны фабричнаго котла, а потомъ со стороны избирательной урны, г. Струве къ одному и тому же, въ сущности, «винограду» подобраться хочетъ.

Я вынужденъ опять воспользоваться этимъ образнымъ выраженіемъ, такъ какъ до сихъ поръ не могу уяснить себѣ, что именно составляетъ предметъ вожделѣній давно мятущагося на нашихъ глазахъ г. Струве. Возможно, что и самъ онъ ясно не представляетъ себѣ этого предмета. Несомнѣнно, что въ послѣднемъ есть элементы и экономическаго достатка, и политической свободы, и всяческой культуры—всѣ элементы, необходимые для всесторонняго и гармоническаго развитія личности, что является для интеллигенціи ея конечною цѣлью,—но въ какой пропорціи и какъ они соединены между собою и какой въ цѣломъ фруктъ представляютъ,—я не знаю. Не знаю я и того, на чемъ этотъ «фруктъ», по мнѣнію г. Струве, держится. Когда онъ пишетъ объ экономикѣ, когда онъ пишетъ о политикѣ и когда онъ пишетъ о культурѣ, я не вижу связи этихъ хорошихъ вещей съ живой человѣческой личностью: какъ будто это «блага въ себѣ»,—блага, которыя къ чему угодно прицѣпить можно.

Но, несомнѣнно, что этихъ благъ онъ все время желаетъ...

*) „Великая Россія“, стр. 145.

Когда-то ему казалось, что это—гроздья капитализма: стоитъ последнему развиться, какъ слѣдуетъ, и нужные фрукты сами собой появятся и даже сами собой въ ротъ повалятся. Такъ и теперь... Ему, несомнѣнно, представляется, что стоитъ только «внѣшнимъ могуществомъ», какъ слѣдуетъ заняться, и достатокъ, свобода, культура непремѣнно появятся: ихъ мы, такъ сказать, попутно получимъ. Если и есть разница, то такая: прежде онъ полагалъ, что эти блага явятся *слѣдствіемъ* развитія производительныхъ силъ, а теперь думаетъ, что они явятся въ качессвѣ *средства* для развитія внѣшней мощи... Вникните въ его «Великую Россію»,—и вы увидите, что черезъ всю статью проходятъ эти надежды.

Какъ раньше, такъ и теперь г. Струве отодвигаетъ въ ту или иную сторону истинный предметъ своихъ желаній и подмѣняетъ его совершенно иною вещью, которая сама по себѣ не можетъ вызывать вожделѣній. И при этомъ, какъ раньше, такъ и теперь онъ остается метафизикомъ,—и въ цѣляхъ, и въ средствахъ. Только раньше онъ былъ метафизикомъ реальныхъ силъ, а теперь—идеальныхъ.

Г. Струве все хочетъ найти какую-то «какъ бы личность», которой нужно только потрафить—удовлетворить ея «желанія»—и дѣло будетъ сдѣлано. Въ качествѣ марксиста онъ видѣлъ ее въ «производственныхъ отношеніяхъ», которыя, развиваясь въ силу «имманетнаго закона», дадутъ намъ все, что нужно. Наша роль только имъ не препятствовать. Теперь онъ видитъ такую же «какъ бы личность» въ государствѣ, которое, въ силу «верховнаго закона», желаетъ быть могущественнымъ. Намъ нужно только помогать ему въ этомъ желаніи. Раньше г. Струве приглашалъ насъ «на выучку къ капитализму»... Я боюсь, что теперь онъ зоветъ насъ ни больше ни меньше, какъ на службу къ деспотизму.

Какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ онъ вовсе игнорируетъ живую человѣческую личность. По контрасту мнѣ опять вспоминается Н. К. Михайловскій.

Вы,—писала послѣднему полтавская интеллигенція въ день 40-лѣтняго его юбилея,—дали нашему молодому и часто неустойчивому, въ тяжелые годы—растерянному, обществу именно то, что прежде всего ему нужно: вѣру въ мысль, умѣнье создать и любить свои идеалы. Вы съ небывалой силой показали русскимъ людямъ, привыкшимъ къ подавленности, къ пассивности, къ разъѣдающимъ рефлексіямъ, что на нихъ лежитъ высокій общечеловѣческій долгъ—создавать самимъ свою исторію, свое счастье, самимъ опредѣлять это счастье и сознательно для него работать... *)

Г. Струве, несомнѣнно, не даетъ того, что нужно «въ тяжелые годы—растерянному обществу». Подмѣняя цѣли движенія,

*) Этотъ отрывокъ изъ полтавскаго адреса мнѣ пришлось уже цитировать въ „Матеріалахъ для характеристики русской интеллигенціи“ (см. „Къ вопросу объ интеллигенціи“, стр. 69).

приглашая интеллигенцію отказаться отъ своихъ идеаловъ и призывая своихъ читателей,—вмѣсто того, чтобы «самимъ опредѣлять свое счастье и сознательно для него работать»,—на службу русской государственности, находящейся всецѣло во власти гг. Столыпиныхъ и Дубровиныхъ, г. Струве только усиливаетъ и безъ того невыразимую сумятицу, которая царитъ въ средѣ русскаго общества...

Да, г. Струве ведетъ въ опредѣленную сторону... Но мнѣ кажется, что было бы лучше, если бы онъ никуда не велъ, такъ какъ онъ ведетъ туда, куда, быть можетъ, даже не хочетъ...

III.

Если я съ такою подробностью остановился на г. Струве, то не потому, чтобы приписывалъ ему сколько-нибудь значительную роль въ современной сумятицѣ. Самъ по себѣ онъ такой роли не играетъ и едва ли будетъ играть. Какъ политическаго дѣятеля, всѣ видѣли его въ послѣдній разъ гдѣ-то между к.-д. и октябристами, и скорѣе ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Послѣ того онъ, вѣроятно, и еще въ томъ же направленіи продвинулся. Вообще, его движеніе вправо столь стремительно, что увести съ собою сколько-нибудь значительныя силы,—а таковыя свои фланговыя движенія совершаютъ сравнительно медленно,—онъ, какъ я думаю, не можетъ. И въ качествѣ политическаго мыслителя онъ не пользуется уже особою популярностью. Правда, когда-то онъ былъ кумиромъ молодежи, но послѣ «измѣнъ», какія за нимъ числятся, довѣріе къ нему уже подорвано, и теперь едва ли онъ можетъ многихъ увлечь, несмотря на свойственную ему въ области мысли страстность.

Г. Струве интересенъ былъ для меня по другой причинѣ. Онъ зарекомендовалъ себя достаточною чуткостью къ нарождающимся и наростающимъ въ обществѣ настроеніямъ и, быть можетъ, благодаря своей стремительности, иногда являлся ихъ провозвѣстникомъ. Напомню хотя бы случай, котораго пришлось касаться выше.

Въ марксистской средѣ далеко еще не закончилась борьба съ господствовавшимъ въ ней «экономизмомъ»; политическая струя не получила еще преобладающаго значенія... Находившійся въ этой средѣ г. Струве, бывшій, можно сказать, однимъ изъ родоначальниковъ «экономизма», дѣлаетъ въ этотъ моментъ нѣсколько стремительныхъ движеній,—и оказывается въ Штуттгардтѣ, всецѣло занятый «политикой» и вовсе чуждающійся (сначала) экономики. Недавній вождь нарождавшагося марксизма оказался, такимъ образомъ, и вождемъ воскресавшаго либерализма...

Я опасаюсь, что и на этотъ разъ г. Струве, выдвинувшійся изъ к.-д. среды съ «великой Россіей», является только провоз-

вѣстникомъ новаго теченія, которое, быть можетъ, уже зародилось въ обществѣ. Я боюсь, что «идейное перевоспитаніе» русской интеллигенціи въ нѣкоторой ея части уже началось. Это не значитъ, конечно, что его задумалъ и совершитъ г. Струве, что отъ него, отъ его статей, отъ его идей возникло новое теченіе. Законы возникновенія и развитія общественныхъ теченій намъ менѣе извѣстны, чѣмъ теченій въ воздушной атмосферѣ. Не даромъ сказано:

Мысли съ вѣтромъ носятся,
Ихъ и вѣтру не догнать...

Фактъ тотъ, что мысли, увлекающія теперь г. Струве, «носятся»,—ихъ приходится встрѣчать даже среди молодежи. И не всегда можно сказать, откуда онѣ появились...

Въ той же «Русской Мысли», гдѣ появились цитированныя мною статьи г. Струве, была потомъ помѣщена статья г. Левченка: «Кризисъ университетской жизни» съ подзаголовкомъ: «Мысли студента» *). Г. Изгоевъ тогда же удостовѣрилъ въ «Рѣчи», что эта, заслуживающая, по его мнѣнію, особаго вниманія статья, дѣйствительно, написана студентомъ. Написана же она подъ несомнѣннымъ вліяніемъ «Великой Россіи»: авторъ прикидываетъ къ студентамъ «мѣрило», предложенное г. Струве, и нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что почти цѣликомъ воспроизводитъ нѣкоторыя его мысли. Но не отъ одного г. Струве, повидимому, заимствовалъ свои идеи г. Левченко. По крайней мѣрѣ, когда я читалъ его статью, мнѣ вспомнились и нѣкоторые другіе писатели...

«Откуда же,—восклицалъ г. Левченко,—явятся на Руси новые богатыри? Кто долженъ родить ихъ и съ ними новую Россію, какъ не университетъ?» И мнѣ хотѣлось его спросить: «Позвольте, молодой человѣкъ! не у Суворина ли вы это взяли?» Г. Суворинъ вѣдь давно уже о «богатыряхъ» безпокоится, — и къ университету, когда тотъ бастовалъ, онъ не разъ съ этимъ самымъ вопросомъ обращался... Напомнили мнѣ что-то знакомое, уже встрѣчавшееся въ литературѣ, и слѣдующія вдохновенныя строки г. Левченка:

Вспыхнетъ огонь любви къ отчизнѣ, озаритъ самые темные умы, согрѣетъ самыя холодныя сердца, и русскіе граждане, кто бы они ни были, юные ли слушатели школы, зрѣлые ли люди, дѣятели новой жизни—поймутъ, наконецъ, кто они, поймутъ, что и имъ есть чѣмъ гордиться. Они, быть можетъ, пересмотрятъ свою исторію, которую такъ мало знаютъ теперь. На пожелтѣвшихъ отъ времени страницахъ они увидятъ среди мрачныхъ и жестокихъ—прекрасныя и свѣтлыя. Отъ Новгорода и Пскова, отъ сверженія ига татаръ до великаго Петра. Вспомнятъ, быть можетъ, кое-что и изъ эпохи Екатерины и „дней Александровыхъ прекрасное начало“, и реформы Александра II. Вспомнятъ могучія силы народныя, тѣ, что проявлялись и запечатлѣлись огненными буквами въ святомъ образѣ митрополита Филиппа, въ могучихъ образахъ протопопа

*) „Русская Мысль“, май, 1908 г.

Аввакума или патріарха Никона. Предразсвѣтные глашатаи свободы—Новиковъ, Радищевъ, декабристы, такіе государственные дѣятели, какъ графъ Сперанскій и Милютины, вся славная литература Россіи,—все это вспомнитъ и оцѣнитъ русская исторія; а слушатели ея въ университетѣ научатся уважать и любить свой народъ не только во имя тѣхъ грезъ о будущемъ, чѣмъ полны теперь сердца и головы молодежи, но и во имя тѣхъ реальныхъ чертъ прошлаго, которыя достойны благодарной памяти *)..

Какъ будто, въ этомъ же родѣ и въ этомъ же стилѣ писалъ г. Меньшиковъ, когда, напримѣръ, доказывалъ необходимость дорожить «реликвіями» прошлаго, въ томъ числѣ «самодержавіемъ», или убѣждалъ поставить памятникъ своей землячкѣ—кн. Ольгѣ въ Псковѣ... Конечно, это внѣшнее совпаденіе. Г. Левченко, вѣроятно, совершенно иначе представляетъ себѣ «богатырей», чѣмъ г. Суворинъ. И страницы русской исторіи онъ отмѣчаетъ не совсѣмъ тѣ, которыя отмѣчаетъ г. Меньшиковъ. Послѣднему въ такихъ случаяхъ мерещится, вѣроятно, Иванъ Грозный и Малюта Скуратовъ, и едва ли онъ вспоминаетъ Новикова и Радищева. Впрочемъ, при надобности, и ихъ онъ вспомнитъ, всю «славную литературу» въ ходъ пуститъ. Не забудемъ, что «зубры» не разъ уже пытались присвоить себѣ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, даже Тургенева, исключивъ изъ ихъ сочиненій «все нехарактерное для нихъ, все легкомысленное и все неудачно выраженное» (я вспоминаю кое-какіе эпизоды, имѣвшіе мѣсто во время Пушкинскаго юбилея); были попытки со стороны дворянскихъ собраній даже «декабристовъ» присвоить и въ своихъ цѣляхъ использовать... Надо сказать, что и г. Левченко, съ своей стороны, не очень тщательно, повидимому, подбиралъ «прекрасныя и свѣтлыя страницы»: нѣкоторыя изъ нихъ даже сейчасъ г. Меньшикову могли бы пригодиться.

Но не въ этомъ все-таки дѣло, не во внѣшнихъ совпаденіяхъ... Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ есть нѣчто большее. Не случайно вѣдь «любовь къ отечеству и народная гордость» вдругъ охватила г. Левченка. Ему хочется вырвать «патріотизмъ» изъ рукъ казенныхъ патріотовъ,—и онъ не скрываетъ этого намѣренія.

Печально и горько сознаться,—пишетъ онъ,—что русское общество не сумѣло противопоставить лживому патріотизму реакціонеровъ бодраго сознанія своего достоинства; оно безъ борьбы уступило патріотизмъ въ исключительную собственность враговъ и допустило подонкамъ общества загрязнить чистое чувство любви къ родинѣ.

Не скрываетъ онъ и того, для чего ему патріотизмъ понадобился.

Когда наступили событія огромнаго, всенароднаго значенія, они застали общество и молодежь неподготовленными къ ихъ уразумѣнію. Моментъ, когда близилась и росла возможность нашего національнаго

---

*) „Кризисъ университетской жизни“, стр. 118—119.

возрожденія, когда долго жданное счастье обновленія съ изумительною неожиданностью готово было даться намъ въ обладаніе,—этотъ моментъ былъ непростительно упущенъ... Основная идея русской революціи, какъ общенародной борьбы, какъ возстановленія поруганной чести націи, ускользнула отъ сознанія интеллигентской мысли и была подмѣнена инымъ ложнымъ пониманіемъ смысла событій. Борьба классовъ во имя частныхъ интересовъ, междуусобная брань, сопутствовавшая народному движенію и ослабляющая его, была принята, какъ главное, какъ основной принципъ революціи; ей старались содѣйствовать всѣми силами, разжигали и питали ее. Разбиваясь понемногу, девятый валъ революціи не докатился до желаннаго берега, не смывъ и не разрушивъ преградъ. Оскорбленная національная честь осталась не возстановленной...

«Патріотизмъ» нуженъ, чтобы совершить революцію,—для того же самаго, для чего г. Струве нужна идея «великой Россіи» и для чего, повидимому, нужна нѣкоторымъ неожиданно выплывшая около того же времени и получившая уже послѣ того характерныя модуляціи идея «славянской взаимности»... «Патріотизмъ», это,—сила, которая совершила уже много великихъ дѣлъ въ исторіи. И эту силу у враговъ нужно вырвать, нужно самимъ вооружиться ею.

Вотъ откуда взялось, насколько я могу уяснить себѣ, это сходство между людьми совершенно различныхъ, казалось бы, и доселѣ враждебныхъ лагерей. Сходство, прежде всего, въ языкѣ... Національное чувство, національная гордость, національная честь, національное достоинство,—весь, можно сказать, лексиконъ національзма уже усвоенъ либерализмомъ.

Васъ пугаетъ возрожденіе національзма?—спрашивалъ г. Маклаковъ на публичной лекціи въ Москвѣ своихъ слушателей.—Я понимаю,—продолжалъ онъ,—что реакція негодуетъ на то, что мы изъ ея рукъ беремъ это знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, какъ это назвалъ одинъ русскій писатель; но почему же вы огорчаетесь этому? Развѣ мы можемъ не радоваться возрожденію національнаго чувства? Развѣ этого возрожденія можетъ не быть у народа въ моментъ его обновленія? Развѣ національное чувство народа не то же, что чувство собственнаго достоинства у человѣка?.. *)

Я не буду останавливаться на цѣнности «національной чести», которою такъ увлечены г.г. Левченко и Маклаковъ, какъ самостоятельнаго блага. Не берусь я судить и о томъ, насколько искренно и серьезно это нѣсколько неожиданно вспыхнувшее въ нихъ чувство. Меня больше интересуетъ ихъ замыселъ: вырвать у реакціи ея «знамя», лишить ее «послѣдняго психологическаго рессурса»...

Замыселъ—нѣтъ словъ—грандіозный. Національная идея, какъ показала исторія, громадная сила, и можно думать, что до сихъ поръ она жива въ народѣ. Стоитъ только пробудить въ послѣднемъ національное чувство,—и большія дѣла можно будетъ сдѣлать.

*) Цитирую по авторизованному реферату объ этомъ докладѣ, напечатанному въ „Рѣчи“ и „Московскомъ Еженедѣльникѣ“.

Напомню, что въ исторіи дѣйствовала и другая, не менѣе великая сила,—религіозная идея. И она, можно думать, еще жива въ массахъ. Нѣкоторые и за нее пробуютъ ухватиться. И ихъ замыселъ мнѣ тоже представляется грандіознымъ.

Да, мнѣ кажется, что я понимаю этотъ замыселъ: о, если бы можно было воспользоваться этими силами старой государственности и сочетать ихъ съ той силой, которая уже пыталась создать новую, но оказалась для этого недостаточной! Можно вѣдь позавидовать туркамъ, которые сумѣли сочетать исламизмъ и національизмъ съ либерализмомъ. За то вѣдь у нихъ и революція—не такъ, какъ у насъ,—оказалась удачной. Впрочемъ, турокъ мы лучше оставимъ. Подождемъ, что у нихъ изъ этого сочетанія еще получится... Посмотримъ лучше, осуществимъ ли этотъ замыселъ у насъ, осуществимъ ли онъ въ той исторической стадіи и въ тѣхъ реальныхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся?

Мнѣ кажется, что русская интеллигенція, какъ бы она ни хотѣла этого, уже не можетъ сдѣлаться религіозной; если же сдѣлается, то перестанетъ быть интеллигенціей. Точно также мнѣ кажется, что она не можетъ сдѣлаться націоналистической, а если сдѣлается, то не будетъ уже интеллигенціей. Мнѣ кажется... Это, конечно, не доводъ. Но я сошлюсь на П. Н. Милюкова...

Правда, онъ самъ завязъ въ болотѣ «славянской взаимности». Но я сошлюсь на г. Милюкова не какъ на политическаго дѣятеля, а какъ на историка и мыслителя. Въ качествѣ мыслителя, онъ когда-то видѣлъ въ борьбѣ со славянофильствомъ чуть ли не главную задачу своей жизни. Въ качествѣ историка—для націоналистической идеологіи онъ давно уже приготовилъ могилу. Напомню, что всю «исторію русскаго общественнаго самосознанія» онъ дѣлитъ на три періода:

1) развитіе націоналистическихъ идеаловъ органической (завоевательной) эпохи и начало ихъ критики; 2) послѣднія побѣды національизма и первые успѣхи общественной критики; 3) развитіе общественнаго мнѣнія критической эпохи.

«Черезъ всѣ три періода проходитъ,—говоритъ онъ,—красною нитью постепенное наростаніе критическаго воззрѣнія и соотвѣтственное ослабленіе воззрѣнія націоналистическаго». Характеризуя, въ частности, этотъ третій періодъ, онъ пишетъ:

Общественное самосознаніе въ этотъ періодъ все болѣе обращалось отъ завоевательныхъ плановъ внѣшней политики къ проектамъ внутренняго общественнаго устройства. Старые національные идеалы уступили мѣсто въ общественномъ мнѣніи новымъ, которые подверглись упреку въ „космополитизмѣ“ со стороны „патріотовъ“ добраго стараго времени. Число послѣднихъ стало быстро уменьшаться. Таковъ характеръ общественнаго самосознанія въ періодъ, который мы условимся называть *критическимъ* *).

---

*) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Національизмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901 г. Стр. 12 и 13.

И этотъ третій періодъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, начался уже давно: «оффиціальную побѣду критическихъ элементовъ надъ націоналистическими» онъ относитъ къ XVIII столѣтію. Теперь, повидимому, настало уже время начать новый періодъ русской исторіи,—я не знаю, какъ бы его назвалъ, П. Н. Милюковъ, но онъ мнѣ представляется, если пользоваться его терминами, какъ творческій періодъ общественнаго мнѣнія, какъ осуществленіе «проектовъ внутренняго общественнаго переустройства»... И вотъ на порогѣ этого новаго періода,—можетъ быть, потому только, что мы оказались не въ силахъ переступить его,—намъ предлагаютъ сосредоточить вниманіе на внѣшней политикѣ, заняться возрожденіемъ націонализма, усвоить націоналистическую идеологію. Вѣдь это значитъ вернуться назадъ, отбросить общественное самосознаніе, по меньшей мѣрѣ, во второй періодъ...

Съ націонализмомъ иначе, какъ назадъ, намъ двинуться не куда. И это, я думаю, вполнѣ понятно. Націонализмъ могъ быть прогрессивной силой въ органическую эпоху, когда національное государство еще складывалось; націонализмъ можетъ быть даже революціонной силой, какъ, напримѣръ, у національностей угнетенныхъ; но націонализмъ неизбѣжно является реакціонной силой, когда государство другія національности угнетаетъ. А такова именно, къ нашему стыду и къ нашему несчастію, въ настоящее время русская государственность.

Вы желаете вырвать у реакціи ея знамя? — хотѣлось бы мнѣ сказать лицамъ, работающимъ надъ возрожденіемъ націонализма.— Вы хотите сами нести его? Допустимъ, что вамъ это удастся... Знамя все равно будетъ реакціонное...

«Не таковъ нашъ націонализмъ»,—заявилъ въ Москвѣ г. Маклаковъ, и въ этотъ какъ разъ моментъ приставъ прекратилъ собраніе... Я не знаю, удастся-ли г. Маклакову закончить начатую имъ характеристику. Но я не сомнѣваюсь, что онъ указалъ бы много отличій «возрожденнаго» націонализма отъ «истинно-русскаго». Но и за всѣмъ тѣмъ для русской интеллигенціи онъ можетъ быть только реакціоннымъ.

Даже въ томъ случаѣ, если бы она ухватилась за него въ качествѣ средства... Это значило бы вѣдь опереться на совсѣмъ иную реальную силу, чѣмъ та, въ какой интеллигенція стремилась все время найти опору для своихъ идеаловъ. Это значило бы связать себя не съ трудовымъ народомъ, а съ націей... Націю именно г. Левченко и противополагаетъ «вооруженному пролетаріату и революціонному крестьянству»; къ этимъ лозунгамъ, погубившимъ по его мнѣнію, революцію, онъ относится чуть ли не съ ненавистью. Если бы не было борьбы классовъ и междуусобной брани, если бы революція совершалась всей націей, то она удалась бы... Несомнѣнная истина. И если думать только о средствахъ, то, конечно, лучше ухватиться за націю и не дробить ея силы.

Но въ такомъ случаѣ вѣдь и задачу придется поставить соотвѣтственную. «Основная идея русской революціи, какъ общенародной борьбы», состояла, по мнѣнію г. Левченко, въ «возстановленіи поруганной чести націи». Все остальное—отъ лукаваго, «ложное пониманіе событій» и только. Желая воспользоваться всей націей, какъ силой, приходится пустить на смарку всѣ соціальныя задачи, какія ставитъ себѣ русская интеллигенція.

Остается одно: «возстановленіе поруганной чести націи»... Къ сожалѣнію, г. Левченко не прибавилъ: кѣмъ поруганной? не японцами же, въ самомъ дѣлѣ... Если бы онъ это пояснилъ, то, быть можетъ, самъ немедленно увидѣлъ бы неизбѣжность «междуусобной брани» и невозможность совершить «революцію» силами всей націи. Желая воспользоваться націей, какъ силой, пришлось бы, можетъ быть, вовсе отказаться отъ всякихъ внутреннихъ преобразованій.

Впрочемъ, г. Левченко и къ этому обнаруживаетъ склонность. Онъ приглашаетъ молодежь «отказаться отъ идейныхъ заблужденій прошлой эпохи», отвернуться отъ «тусклыхъ идеаловъ своихъ предшественниковъ», «отречься, главнымъ образомъ, отъ ложной и наивной увѣренности въ единомъ всемогуществѣ внѣшнихъ преобразованій при почти безучастномъ отношеніи къ тѣмъ духовнымъ силамъ, что творятъ жизнь». Я не знаю, какъ можно, по мнѣнію г. Левченко, вообще уравновѣсить эти два «двигательныя начала», но въ той сферѣ жизни, которой посвящена его статья, онъ видитъ исходъ въ томъ, чтобы обратить университетъ въ «храмъ истинъ вѣчныхъ», отвернувшись отъ «чечевичной похлебки временныхъ нуждъ». Что сталъ бы дѣлать г. Левченко, если бы этотъ «храмъ» оказался превращеннымъ въ «казарму»,—а это уже бывало,—я не знаю.

Еще яснѣе, пожалуй, ставитъ дѣло насчетъ «временныхъ нуждъ» и вообще «внутреннихъ преобразованій» г. Маклаковъ.

Прошла,—говорилъ онъ—революція, пройдетъ реакція, пройдетъ и успокоеніе, а Россія останется; не только власть, но и мы будемъ отвѣтственны теперь за ея международное положеніе; и если она окажется униженной оттого, что занятые внутреннею распрей, мы не хотѣли знать о ея внѣшнихъ задачахъ, никакими отговорками мы не купимъ прощенія нашихъ потомковъ.

И г. Маклаковъ, такимъ образомъ, приглашаетъ насъ оставить «временныя нужды», а вмѣстѣ и внутреннія дѣла, вызывающія распри. Какія же, однако, цѣли ставитъ онъ во внѣшней политикѣ? Онъ видитъ очередныя задачи въ «борьбѣ за славянскую національность—во-первыхъ» и въ «борьбѣ противъ германизма—во-вторыхъ». «Борьба за славянскую національность»,—за польскую, напримѣръ... «Я знаю,—говорилъ г. Маклаковъ,—что польскій вопросъ еще не разрѣшенъ, даже не находится на пути къ разрѣшенію, что онъ только поставленъ». Легко понять, что главное препятствіе къ его раз-

рѣшенію это—внутреннія дѣла Россіи. Но это не смущаетъ г. Маклакова.

Тамъ, въ Прагѣ,—говорилъ онъ,—передъ лицомъ иностранцевъ мы молчали о немъ; здѣсь, въ Москвѣ, у себя, мы его не боимся. И вотъ я хочу сказать имъ такъ громко, чтобы они услышали меня изъ Москвы, что мы о немъ не забыли, что онъ долгъ нашей совѣсти.

Сказать это, конечно, не трудно... Не трудно сказать и герцеговинцамъ то же самое. Но слѣдовало бы, можетъ быть, вспомнить о рейхштадтскомъ договорѣ. Уже 15 января 1877 года, по состоявшемуся еще ранѣе личному соглашенію императоровъ Александра II и Франца Іосифа, Боснія и Герцеговина были предназначены Австріи. Уже съ этого момента русскіе добровольцы, а затѣмъ и русскіе солдаты проливали кровь не за герцеговинцевъ, а за австрійцевъ. Такова можетъ оказаться и теперь затѣваемая г. Маклаковымъ борьба за «славянскую національность».

«Борьба противъ германизма»... Крайне характерно, что теперь о «германской опасности» г. Маклаковъ говоритъ такъ же, какъ когда-то г.г. Суворины старались разжечь русскій народъ разговорами о «желтой опасности». Г. Маклакову, очевидно, не довольно «русскихъ нѣмцевъ», не съ «юнкерами» и «аграріями» онъ хочетъ бороться,—ихъ и въ Россіи достаточно,—онъ хочетъ бороться съ нѣмецкимъ народомъ. И это, конечно, не случайность. Національзмъ во внѣшней политикѣ при данныхъ условіяхъ неизбѣжно становится шовинизмомъ...

О, какъ это далеко отъ идеаловъ русской интеллигенціи, отъ цѣлей, какія она себѣ всегда во внутренней и внѣшней политикѣ ставила...

Я представляю себѣ случай, когда ей, быть можетъ, придется воспользоваться «національной идеей». Да, съ горечью приходится думать, что такой случай возможенъ. Возможно, что передъ нами опять встанетъ давно, казалось бы, разрѣшенный уже русскимъ народомъ вопросъ о его внѣшней безопасности и національной независимости. Тогда мы поведемъ борьбу всей націей.. Но тогда не мы придвинемся къ Бобринскому и Суворину,—къ сторонникамъ старой государственности,—а они вынуждены будутъ встать подъ наше знамя. И это будетъ знамя не «возрожденнаго», а революціоннаго національзма...

Вырывать ихъ знамя намъ незачѣмъ. Нечего намъ завидовать и реакціонному «патріотизму»; любви къ родинѣ у насъ достаточно. Можетъ быть, мало силъ, чтобы сдѣлать все, чего эта любовь требуетъ. Будемъ собирать эти силы...

И я увѣренъ, что на этомъ именно русская ителлигенція въ значительной своей части сосредоточитъ свое—разсѣянное теперь—вниманіе. «Національзмомъ» она не увлечется. Ухватиться за это, можетъ быть, и сильное средство, значило бы для нея отказаться отъ своихъ высокихъ цѣлей.

IV.

Предпринятая мною прошлый разъ попытка дать общую характеристику состоянія, въ какомъ находится сейчасъ русская литература,—особенно при тѣхъ рѣзкихъ квалификаціяхъ *), какія я допустилъ—неизбѣжно должна была вызвать отклики со стороны пишущей братіи. Я этого ждалъ,—больше того: я къ этому стремился.

Пусть,—думалось мнѣ,—пусть на мои рѣзкости отвѣтятъ еще больше рѣзкостями,—не въ этомъ дѣло: нужно же, наконецъ, отнестись сознательно къ современному состоянію всѣмъ намъ дорогой литературы, которое, несомнѣнно, является болѣзненнымъ. Пусть обнаружатся—хотѣлось мнѣ—имѣющіяся въ ней теченія; можетъ быть, они окажутся совсѣмъ не такія, какія мнѣ представляются желательными, но пусть это будутъ опредѣленныя теченія. Надо же вѣдь, чтобы этотъ хаосъ, какой представляетъ изъ себя современная литература въ значительной ея части, превратился когда-нибудь въ «твердь или видимое небо». Читатели вѣдь ждутъ этого «неба», и къ литературѣ съ надеждой или отчаяніемъ обращаютъ они свои взоры. Довольно уже мы ждали «великаго творца», который скажетъ: «да будетъ свѣтъ!»—и сразу все для насъ освѣтитъ. Пора попробовать самимъ разобраться. Можетъ быть, это даже не первобытный хаосъ, а просто аморфный растворъ. Быть можетъ, достаточно маленькой крупинки, чтобы онъ началъ кристаллизоваться...

Такую крупинку я и попробовалъ въ числѣ другихъ бросить. Да, я многихъ при этомъ задѣлъ, но вѣдь личная заинтересованность—одинъ изъ стимуловъ, чтобы возможно точнѣе и яснѣе опредѣлить свою позицію...

---

*) Одну изъ этихъ „квалификацій" я долженъ исправить, что и сдѣлано уже мною особымъ письмомъ въ газету „Рѣчь". Привожу это письмо полностью: „Въ статьѣ „Сумятица", помѣщенной въ № 10 „Русскаго Богатства", мною была дана рѣзко-отрицательная характеристика понедѣльничныхъ газетъ и, между прочимъ, отмѣчена въ нихъ „видная примѣсь беззастѣнчивой порнографіи". Я положился въ этомъ случаѣ на общее впечатлѣніе, какое составилось у меня въ результатѣ чтенія „понедѣльниковъ" за два года. Въ виду протеста г. Василевскаго относительно понедѣльничныхъ газетъ, выходившихъ подъ его редакціей, я вновь пересмотрѣлъ всѣ номера этихъ газетъ, которые оказалось возможнымъ теперь достать, и убѣдился, что мое огульное утвержденіе относительно порнографической примѣси не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Глубоко сожалѣя о допущенной мною ошибкѣ, считаю необходимымъ заявить о ней, не дожидаясь выхода слѣдующей кн. „Русскаго Богатства". Эта частная поправка не измѣняетъ, конечно, моего общаго отрицательнаго отношенія къ дѣятельности г. Василевскаго, какъ редактора „понедѣльниковъ" и какъ издателя „Образованія", въ качествѣ каковаго я упомянулъ о немъ въ своей статьѣ".

Мои ожиданія оправдались, но не сбылись мои надежды: по затронутымъ мною общимъ допросамъ никто пока не поднялъ перчатки,—мои квалификаціи были восприняты всецѣло, какъ личныя нападки. Съ г. Василевскимъ мнѣ придется даже разбираться въ третейскомъ судѣ... Но и другіе отклики не таковы, чтобы они хотя въ малой мѣрѣ могли уяснить общіе вопросы.

Для примѣра упомяну здѣсь о наиболѣе рѣзкомъ, но въ то же время и о самомъ, пожалуй, никчемномъ откликѣ—о письмѣ г. Аникина, который выступилъ отъ имени «Бодраго Слова». Я не упоминалъ въ своей статьѣ о г. Аникинѣ, но это онъ объясняетъ моимъ «снисходительнымъ» въ нему отношеніемъ, моимъ «великодушіемъ», которое онъ находитъ, конечно, излишнимъ. Изъ этого уже видно, что кромѣ «личностей» ничего въ моей статьѣ редакція «Бодраго Слова» не замѣтила. И объ этомъ нельзя не пожалѣть,—потому что, какъ оказывается, съ этой именно стороны по одному изъ затронутыхъ мною вопросовъ, мы могли ожидать принципіальнаго отвѣта.

Г. Аникинъ упрекаетъ меня, что я полемизирую съ газетнымъ объявленіемъ о журналѣ, не дождавшись выхода самого журнала. Я не понимаю, почему бы «объявленіе» не подлежало моей оцѣнкѣ: вѣдь именно объявленіемъ, публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе, редакція извѣщаетъ о той физіономіи, которую она намѣрена придать журналу. Упрекъ былъ бы, пожалуй, умѣстенъ, если бы я ошибся и не такъ понялъ эти намѣренія. Но оказывается, нѣтъ... Г. Аникинъ упоминаетъ о какомъ-то «циркулярѣ» (и тоже упрекаетъ меня, что я съ нимъ не познакомился), въ которомъ «чернымъ по бѣлому» было написано объ этихъ намѣреніяхъ—о намѣреніяхъ «обращаться ко всей интеллигенціи», минуя «разногласія, отдѣляющія одну партію отъ другой» и «объединяя всѣ дѣятельно-прогрессивные элементы страны». Такимъ образомъ, странная смѣсь именъ, которая поразила меня въ объявленіи, какъ оказывается, была составлена сознательно, это—планъ, который редакція «Бодраго Слова» себѣ намѣтила. Я понимаю, что можно отстаивать такой планъ, находить его наиболѣе полезнымъ въ наше время и расходиться съ моей точкой зрѣнія, когда я говорю, что въ литературѣ нужнѣе всего сейчасъ «яркіе и опредѣленные органы», а не тѣ или иныя смѣси. Да, я это понимаю... Я серьезно считаюсь, какъ имѣли случай убѣдиться читатели, даже съ тѣми, кто хочетъ объединить не только «всю интеллигенцію», но даже «всю націю»... И если таковъ вашъ планъ, то защищайте его, отстаивайте свою точку зрѣнія,—и не обижайтесь, если кому-либо изъ васъ напомнятъ, что онъ еще недавно держался совсѣмъ иныхъ взглядовъ, не говорите, что на васъ «инсинуируютъ»...

И мнѣ приходится особенно пожалѣть, что г. Аникинъ уклонился отъ этого принципіальнаго вопроса, сведя все дѣло къ «личностямъ». У насъ съ нимъ, казалось бы, могла найтись об-

щая почва для разговора—скорѣе могла бы найтись, чѣмъ у меня съ г. Маклаковымъ,—и этой почвой могли бы послужить интересы трудового народа (Я продолжаю думать, что насъ съ г. Аникинымъ раздѣляютъ средства, а не цѣли). И для читателей этотъ разговоръ могъ бы быть интересенъ. Попутно мы, можетъ быть, разъяснили бы и тотъ частный вопросъ, который г. Аникинъ задумалъ устранить простой ссылкой, что одно дѣло—критика, другое дѣло—законъ 9 ноября. Повидимому, этотъ вопросъ онъ совсѣмъ не понялъ и поэтому я его формулирую: можетъ-ли журналъ быть народническимъ въ отношеніяхъ къ политическимъ злобамъ дня и марксистскимъ въ отношеніяхъ къ литературнымъ явленіямъ, или же онъ долженъ проводить одно, возможно цѣлостное, міросозерцаніе?

Что касается «инсинуацій», какихъ-то намековъ даже на «доносъ», попытокъ свести содержаніе моей статьи къ какимъ-то старымъ счетамъ,—то писать по этому поводу я ничего не буду. Конечно, я могъ бы отвѣтить,—пожалуй, очень рѣзко отвѣтить. Но я не считаю себя вправѣ утруждать читателей такимъ безплоднымъ переругиваніемъ.

Изъ «инсинуацій» я остановлюсь лишь на одной, касающейся не меня лично, а дорогого для меня покойника. Желая, повидимому, сильнѣе уязвить меня, г. Аникинъ задумалъ прочитать мнѣ наставленіе отъ имени Н. К. Михайловскаго и, долго не задумываясь, вложилъ въ уста, которыя уже не откроются, рѣчь собственнаго своего сочиненія и даже заключилъ ее въ кавычки. Напомню, что Николай Константиновичъ болѣе 40 лѣтъ стоялъ «на славномъ посту», оставаясь все время въ одномъ и томъ же, какъ онъ самъ выразился, «сюртукѣ», при томъ наглухо застегнутомъ. Напомню, что щепетильнѣе, чѣмъ кто либо другой, онъ относился ко всякимъ литературнымъ комбинаціямъ и отказывался иногда «пить изъ колодца», опасаясь, что потомъ въ него «плюнуть придется». И не г. Аникину, конечно, не такъ давно еще появившемуся на публичной аренѣ и уже разстегнувшему, повидимому, кой какія пуговицы на своемъ сюртукѣ, поднимать покойника изъ гроба для защитительной рѣчи въ пользу задуманной имъ «смѣси».

Приходится думать, что не только «ругательствами» Н. К. Михайловскаго,—такъ г. Аникинъ называетъ отрицательныя характеристики послѣдняго,—онъ не дорожитъ, но и къ личности покойнаго болѣе, чѣмъ легко, относится.

А. Пѣшехоновъ.

P. S. Моя статья была уже набрана, когда вышелъ № 2 «Бодраго Слова» со статьею г. Бикермана: «Направленство». Статья посвящена принципіальной защитѣ позиціи, какую избралъ себѣ журналъ. «Мы должны искренно и чистосердечно признаться передъ собою и другими,—пишетъ г. Бикерманъ,—что заранѣе

избрать себѣ путь, чтобы идти по немъ, не сворачивая, мы не можемъ. Мы можемъ избрать только направленіе перваго шага или первыхъ шаговъ». Планъ, стало быть, таковъ: жить безъ плана... И этотъ планъ г. Бикерманъ считаетъ не только единственно возможнымъ, но и единственно правильнымъ,— не только въ настоящій моментъ, но и на предбудущія времена. Къ оцѣнкѣ его по существу мнѣ придется, вѣроятно, вернуться; тогда я остановлюсь и на постъ-скриптумѣ, направленномъ по моему адресу. Въ настоящій же разъ могу лишь констатировать, что отъ вниманія редакціи «Бодраго Слова» не ускользнули и общіе вопросы, затронутые мною.

«Добросовѣстный» критикъ.

I.

Въ августовской книжкѣ журнала „*Русская Мысль*“ за нынѣшній годъ появилась статья г. Изгоева: „*Изъ исторіи россійскаго невѣжества*“, которая имѣетъ въ виду доказать, что, при ближайшемъ ознакомленіи съ нашимъ переводомъ «Капитала» Маркса, въ немъ оказались «безчисленныя грубѣйшія ошибки, извращеніе смысла, свидѣтельствующія какъ о незнаніи языка, такъ и полномъ непониманія ученія Маркса» («Р. М.» стр. 149). Въ доказательство этого утвержденія г. Изгоевъ приводитъ множество примѣровъ, сопоставляя переводъ съ оригиналомъ.

Такой приговоръ требуетъ объясненія со стороны переводчика.

Что требуется отъ переводчика при переводѣ научнаго труда? Во-первыхъ, конечно, точность. Но при этомъ не слѣдуетъ переводить, такъ сказать, подстрочно, не слѣдуетъ придерживаться буквы, на что имѣется для даннаго случая прямое указаніе Маркса. «Хотя французское изданіе,—пишетъ онъ,—вышедшее въ переводѣ г. Руа, переводчика Фейербаха, и выполнено великимъ знатокомъ обоихъ языковъ, тѣмъ не менѣе, онъ переводилъ временами черезчуръ ужъ буквально. Поэтому я былъ принужденъ передѣлывать по французски цѣлые отрывки... Тѣмъ легче будетъ современемъ переводить съ французскаго на англійскій и романскіе языки» *). Во-вторыхъ, требуется правильность пониманія. Для достиженія этого переводчикъ *обязанъ*, придерживаясь текста оригинала, сличить свой переводъ съ переводами на иностранные языки, въ

---

*) Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николай—ону. Спб. 1908, стр. 7.

данномъ случаѣ въ особенности съ французскимъ, который, какъ мы только что видѣли, исправлялъ и измѣнялъ самъ Марксъ. Но кромѣ того переводчикъ долженъ также сличить свой переводъ съ тѣми, которые уже имѣются на томъ же языкѣ. Такъ что съ этой точки зрѣнія всего легче перевести сочиненія, уже имѣющіяся въ переводѣ на другіе языки и, въ особенности, уже имѣющіяся въ переводѣ на родномъ языкѣ. Въ-третьихъ, требуется, конечно, ясность изложенія, а для этого надо умѣло владѣть роднымъ языкомъ, а кромѣ того надо, какъ въ данномъ случаѣ, руководствоваться измѣненіями и дополненіями, сдѣланными самимъ авторомъ во французскомъ переводѣ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ ни перевода на другіе языки, ни перевода на русскій языкъ, этихъ благопріятныхъ условій для перевода «Капитала», не существовало. Мало того, не было даже критическихъ статей о содержаніи этого труда, а, между тѣмъ, извѣстно, какія трудности представляетъ для пониманія въ особенности первая глава именно въ первомъ изданіи. Немудрено поэтому, что въ переводѣ попадались кое-какія невѣрности. Это будетъ еще менѣе удивительнымъ, если вспомнить только что приведенныя слова Маркса о французскомъ переводѣ «Капитала», сдѣланномъ г. Руа, «великимъ знатокомъ обоихъ языковъ».

Прошло 25 лѣтъ. Появился переводъ французскій, просмотрѣнный и во многихъ случаяхъ не только исправленный, переработанный, но и дополненный Марксомъ. Явился англійскій переводъ, отвѣтственность за который принялъ на себя Энгельсъ. И вотъ, когда явилась возможность переиздать русскій переводъ, слѣдовало воспользоваться этими новыми пособіями, что и было сдѣлано, согласно указанію самого Маркса по отношенію къ французскому изданію. Что же касается до перевода II и III томовъ «Капитала», то, за неимѣніемъ переводовъ на другіе языки, пришлось пользоваться только нѣмецкимъ оригиналомъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при переводѣ труда, обнимающаго около 1800 страницъ убористаго шрифта и крупнаго формата, могли оказаться неточности, невѣрности, шероховатости и т. д. За указанія критики на такіе промахи переводчикъ можетъ быть только признателенъ. Но г. Изгоевъ идетъ дальше. Онъ недоволенъ заимствованіями съ французскаго изданія. Фактъ такого заимствованія ему извѣстенъ, но, когда у него пойдетъ рѣчь объ «искаженіяхъ», объ «исправленіяхъ» Маркса переводчикомъ, онъ о такихъ заимствованіяхъ позабудетъ.

Г. Изгоевъ говоритъ: «Французскій переводъ безспорно очень хорошъ (слѣдовательно, онъ извѣстенъ критику. Н—онъ), но все же при внимательномъ сличеніи можно найти нѣсколько неточностей (это послѣ тщательной обработки его самимъ Марксомъ. Н—онъ), и, во всякомъ случаѣ, общая линія, общій тонъ во французскомъ изданіи замѣтно иной, чѣмъ въ нѣмецкомъ. Марксъ и

Энгельсъ внесли въ позднѣйшія нѣмецкія изданія кое-какія поправки, сдѣланныя раньше во французскомъ, но всегда строго различали эти двѣ работы (Французскій переводъ вышелъ въ 1875 году. Второе нѣмецкое изданіе—въ 1873 г.; слѣдовательно, въ немъ Марксъ не могъ дѣлать поправокъ по французскому изданію. Третье нѣмецкое изданіе вышло въ концѣ 1883 г. уже по смерти Маркса, ум. въ мартѣ 1883 г., подъ редакціей Энгельса. Н—онъ). Энгельсъ категорически заявлялъ, что дѣлаетъ только тѣ поправки, на которыя ему указалъ Марксъ. Смѣшивать оба эти изданія въ одно совершенно недопустимо: надо дать переводъ либо съ французскаго, либо съ нѣмецкаго изданія. Между тѣмъ, Н—онъ ухитрился дать переводъ именно гибридный. За основу своего перевода онъ взялъ нѣмецкій текстъ, но тамъ, гдѣ послѣдній казался ему труднымъ, онъ, по собственному выбору, замѣнилъ его французскимъ. Николай—онъ, даже исправляя и дополняя свой переводъ по 4-му посмертному нѣмецкому изданію, нашелъ возможность оставить всѣ допущенныя имъ безъ всякихъ оговорокъ вставки изъ французскаго текста, сдѣланныя въ ущербъ (?!) основному нѣмецкому тексту. Съ капитальнымъ трудомъ, «ставшимъ основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи», такъ не поступаютъ», наставительно прибавляетъ г. Изгоевъ (стр. 149).

Между тѣмъ, г. Изгоеву извѣстны письма Маркса къ Н—ону: онъ ссылается на нихъ. А въ этихъ письмахъ Марксъ не разъ выражалъ желаніе, «чтобы переводчикъ постоянно и тщательно свѣрялъ второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ, такъ какъ послѣднее содержитъ много важныхъ измѣненій и добавленій» («Письма» и т. д., стр. 15).

Переводчикъ, конечно, подчинился такому указанію автора.

Въ первомъ отдѣлѣ во французскомъ изданіи были сдѣланы Марксомъ, съ одной стороны, сокращенія, а съ другой—исправленія слога, добавленія, дѣлающія мысль болѣе ясною. При русскомъ переводѣ принимались во вниманіе только исправленія второго рода. Допускаемыя авторомъ сокращенія не принимались во вниманіе; въ такихъ случаяхъ за основаніе принимался нѣмецкій текстъ. Нечего и говорить, что указаніями Маркса относительно необходимости воспользоваться дополненіями, сдѣланными имъ во французскомъ изданіи, переводчикъ *обязанъ* былъ подчиниться, какъ этому же *обязанъ* подчиниться *всякій переводчикъ*.

II.

Г. Изгоевъ находитъ, что уже съ первыхъ же строкъ переводъ Николая—она не вѣренъ. Онъ пишетъ, что въ первомъ изданіи переводчикъ правильно передалъ начало такъ: «Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ про-

изводства, является въ видѣ «громаднаго скопленія товаровъ», и *каждый отдѣльный товаръ представляетъ его элементарную форму*. Наше изслѣдованіе начинается поэтому съ анализа товара». «Николай—онъ,—замѣчаетъ г. Изгоевъ,—очевидно, желая улучшить слогъ перевода, исправилъ это мѣсто *) и написалъ такой курьезъ. «Богатство общества и т. д. является въ видѣ «несмѣтнаго накопленія товаровъ». Наше изслѣдованіе начинается поэтому (почему? спрашиваетъ г. Изгоевъ) съ элементарной формы этого богатства, съ анализа товара». Вотъ французскій текстъ: «La richesse des sociétés dans lesquelles règne le mode de production capitaliste s'annonce comme une «immense accumulation de marchandises». L'analyse de la marchandise, forme élémentaire de cette richesse, sera par conséquent le point de départ de nos recherches».

Пусть читатель судить самъ, насколько правъ г. Изгоевъ, утверждая, что переводъ курьезенъ, и что пропала мысль Маркса, почему онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ анализа товара («Р. М.» стр. 146).

«На стр. 6 съ Николай—ономъ случилось прямо-таки водевильное происшествіе,—говоритъ г. Изгоевъ.—У Маркса говорится... слѣдующее: «Jacob сомнѣвается, чтобы золото оплачивалось когда нибудь по его полной стоимости. Еще болѣе справедливо это относительно алмазовъ». Jacob, это Якобъ имя одного изслѣдователя, но оно почему то смутило Н—она. Онъ сталъ размышлять надъ нимъ, и раздумье—увы!—не принесло ему пользы. Въ результатѣ долгихъ думъ Н—онъ такъ *исправилъ* четвертаго переводчика: «Сомнительно, чтобы въ золотѣ была когда-либо оплачена его стоимость. *Съ большимъ правомъ это можно сказать объ алмазахъ*» **). Какъ разъ обратно тому, что утверждалъ Марксъ. Этотъ... переводъ, несомнѣнно, войдетъ въ собраніе анекдотовъ», замѣчаетъ г. Изгоевъ. На стр. 15 французскаго изданія читаемъ: «Il est douteux, que l'or est jamais payé complétement sa valeur. Ceci est encore plus vrai du diamant».

«Я не могу, понятно,—говоритъ г. Изгоевъ,—утомлять читателя множествомъ цитатъ, требующихъ мелочной свѣрки... Могу съ полнымъ правомъ утверждать... исправленія Николай—она, сдѣланныя спустя четверть вѣка, не всегда стоятъ на высотѣ «знанія дѣла». Не могу только не отмѣтить, что даже то мѣсто, про которое самъ Марксъ говоритъ: «это впервые изслѣдовано мною», не передано точно... Николай — ономъ. Въ точномъ русскомъ переводѣ это означаетъ: «Позже обнаружилось, что и трудъ, поскольку онъ отпечатлѣнъ въ стоимости, не обладаетъ болѣе тѣми

---

*) Такъ какъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ „Капитала“ первая глава (отдѣлъ) была переработана авторомъ, то Н—онъ вновь перевелъ большую часть этого отдѣла.

**) Для избѣжанія придирокъ критиковъ, вродѣ г. Изгоева, слѣдовало бы эту фразу начать такъ: „Еще съ большимъ правомъ и. т. д.“.

отличительными свойствами, которыя присущи ему, какъ творцу потребительныхъ стоимостей»... Николай—онъ, вмѣсто перевода, предпочелъ изложить Маркса своими словами: «Затѣмъ оказалось, что какъ только трудъ, производящій потребительныя стоимости, выразится въ стоимости, всѣ его характерныя отличія исчезаютъ». «Переводить такимъ образомъ «Капиталъ» нельзя», опять-таки наставительно прибавляетъ г. Изгоевъ.

Что же это значитъ? Да опять-таки то, что это мѣсто взято изъ французскаго изданія. Марксъ, въ присылавшихся имъ выпускахъ французскаго перевода «Капитала», дѣлалъ собственноручныя исправленія. И вотъ, какъ разъ эта-то фраза была имъ измѣнена слѣдующимъ образомъ: «Ensuite nous avons vu que dès le travail productif des valeurs d'usage s'exprime dans la valeur, tous les caractères qui le distinguaient disparaissent» (p. 16). Какъ читатель видитъ, «своихъ словъ», приписываемыхъ г. Изгоевымъ переводчику, здѣсь нѣтъ.

«Марксъ,—говоритъ г. Изгоевъ,—пишетъ: «Komplicirte Arbeit gilt als potenzirte oder vielmehr multiplicirte Arbeit» (сложный трудъ считается лишь какъ возведенный въ степень или умноженный простой трудъ). Н.—онъ переводитъ: «Сложный, искусный трудъ есть только болѣе высокая степень простого труда, труда чернорабочаго». Сколько здѣсь прибавлено лишнихъ словъ,—замѣчаетъ г. Изгоевъ,—а тонкій оттѣнокъ, имѣющійся у Маркса, тѣмъ временемъ пропалъ»! «Le travail complexe (skilled labour, travail qualifié) n'est qu'une puissance du travail simple, ou plutôt n'est que le travail simple multiplié» (p. 17). Конецъ фразы, не приведенный почему-то г. Изгоевымъ, Н.—онъ перевелъ такъ: «такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого». Переводъ не подстрочный, а гдѣ тутъ «пропалъ тонкій оттѣнокъ», отмѣченный г. Изгоевымъ у Маркса,—неизвѣстно.

Г. Изгоевъ пишетъ, что точный переводъ приводимой имъ далѣе фразы Маркса таковъ: «Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что матеріализація стоимости товаровъ, являющаяся, въ сущности, просто «общественнымъ бытіемъ этихъ предметовъ, можетъ получить свое выраженіе только въ ихъ всестороннемъ общественномъ отношеніи, а слѣдовательно, ихъ форма стоимости должна быть общественно признанною формой». Въ переводѣ Н—она это мѣсто читается такъ: «Такимъ образомъ, становится очевидно, что какъ *товары, которые, съ точки зрѣнія стоимости, представляютъ нѣчто общественное* (курсивъ г. Изгоева) и это *нѣчто*(!) общественное можетъ быть выражено только ихъ всестороннимъ общественнымъ соотношеніемъ, то *такая* ихъ форма стоимости должна быть поэтому общественно-признанною формою». Г. Изгоевъ, приводя это мѣсто, говоритъ: «Переводъ Н.—она, какъ видимъ, сплошная фантазія, не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ, что сказано у Маркса. Во французскомъ изданіи Марксъ выражается въ

этомъ мѣстѣ такъ: «De plus, il devient évident que les marchandises, qui au point de vue de la valeur, sont des choses purement sociales (курсивъ Н.—она), ne peuvent aussi exprimer cette existence sociale que par une série embrassant tous leurs rapports reciproques; que leur forme valeur doit par conséquent être une forme socialement validée» (p. 26)». Такихъ якобы «искаженій» приведено у г. Изгоева много.

Изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, видно, что упреки въ искаженіи Маркса, которые дѣлаетъ г. Изгоевъ переводчику, не имѣютъ подъ собою основанія. Н.—онъ имѣлъ въ виду, независимо отъ точности, дать, по возможности, ясный переводъ, а для этого пользовался изложеніемъ мыслей Маркса, независимо отъ того, на какомъ языкѣ онѣ появлялись. Но прежде чѣмъ обвинять въ искаженіи Маркса, г. Изгоевъ долженъ былъ бы справиться съ французскимъ текстомъ «Капитала»...

Но вотъ обвиненія, несравненно болѣе тяжкія, которыя выставляетъ г. Изгоевъ противъ Н.—она.

III.

Просимъ извиненія у читателей, что придется сдѣлать довольно длинную выписку изъ статьи г. Изгоева, гдѣ формулировано это обвиненіе, такъ какъ оно слишкомъ серьезно, и у читателя не должно оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія относительно тѣхъ данныхъ, на которыхъ оно основано.

Вотъ въ чемъ г. Изгоевъ обвиняетъ переводчика («Р. М»., стр. 153). Онъ пишетъ: «На стр. 481 нѣмецкаго оригинала Марксъ смѣется надъ Миллемъ, который называетъ господствующимъ вездѣ тотъ порядокъ, при которомъ капиталистъ *авансируетъ* (vorschiesst) рабочему всѣ издержки, включая и заработную плату. Марксъ, какъ извѣстно, доказываетъ, что не капиталистъ рабочему, а рабочій капиталисту даетъ авансъ въ видѣ труда». Точный переводъ этого мѣста г. Изгоевъ даетъ въ такомъ видѣ: «Странный оптическій обманъ повсюду видѣть тотъ порядокъ, который пока на земномъ шарѣ существуетъ въ видѣ исключенія, впрочемъ,— прибавляетъ дальше Марксъ,—Милль настолько добръ, что согласенъ допустить отсутствіе абсолютной необходимости, чтобы оно такъ было». Просматривая переводъ Н.—она, замѣчаетъ г. Изгоевъ,— на стр. 451 вы увидите, что первой изъ приведенныхъ нами нѣмецкихъ фразъ тамъ *вовсе нѣтъ* («Странный оптическій обманъ» и т. д. Н.—онъ). Переводчикъ не нашелъ ее достойной перевода. Вторая-же переведена такимъ фантастическимъ образомъ: «Милль *хочетъ вѣрить, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы*, нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ».

Набранныхъ курсивомъ словъ у Маркса въ данномъ мѣстѣ нѣтъ. Ихъ Николай—онъ прибавилъ отъ себя. Но почему, въ чемъ дѣло?—спроситъ изумленный читатель. А въ томъ, видите-ли, что Николай—онъ снова «исправляетъ» Маркса. А исправляетъ онъ его потому, что не понялъ слова vorschiessen (авансировать), а перевелъ его: «Затрачиваетъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и вознагражденіе работника». Перевелъ и задумался: какъ же такъ, вѣдь Милль-то правъ, вѣдь при капиталистическомъ строѣ всѣ затраты, на самомъ дѣлѣ, производитъ капиталистъ. Когда Николай—онъ додумался до этого, онъ рѣшилъ съ Марксомъ поступить сурово. Ироническую фразу о Миллѣ онъ выбросилъ, а ту, которую оставилъ, разбавилъ своей, но за то соціалистической, «въ духѣ Маркса», водой о такомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы. А рѣчь-то шла вовсе не объ этомъ, а всего только объ авансахъ. Горе-переводчикъ!» возмущается «просвѣщенный» и «добросовѣстный» критикъ...

Итакъ, господинъ Изгоевъ обвиняетъ Николай—она въ подлогѣ. Въ переводѣ Ник.—она это мѣсто, дѣйствительно, отличается и отъ нѣмецкаго оригинала, и отъ французскаго изданія, изъ котораго оно заимствовано.

Чѣмъ-же это объясняется? Дѣло въ томъ, что, какъ господину Изгоеву должно быть извѣстно изъ писемъ Маркса къ переводчику, авторъ присылалъ ему рядъ исправленій и измѣненій, которыя долженъ былъ сдѣлать переводчикъ. Такъ, въ письмѣ отъ 28 ноября 1878 г., среди другихъ измѣненій, находимъ слѣдующее: «In dem ch. XVI der frs. Ausgabe (in ch. XIV der deutschen Ausgabe nicht befindlich) zugefügten Passus über J. St. Mill i s t z u l e s e n, p. 222, Column II, Zeile 12 von unten: «Je pressupose toujours, dit il, que l'état actuel des choses qui la, où les travailleurs et les capitalistes sont des classes séparées, prédomine etc». The following two sentences,—viz: «Étrange illusion d'optique de voir universellement un état des choses qui n'éxiste encore que par exception sur notre globe! Mais passons outre»—are to be s t r u c k o u t, and the following sentence is to be read thus: «M. Mill veut bien croire que ce n'est pas une necessité absolue qu'il en soit ainsi—même dans le système économique où les travailleurs et les capitalistes sont des classes séparées» *).

---

*) Т. е. „слова, добавленныя во фр. изд., гл. XVI (которыхъ нѣтъ въ XIV гл. нѣмецкаго изданія), относящіяся къ Дж. Ст. Миллю, стр. 222, столбецъ II, строка 12 снизу, слѣдуетъ читать такъ: „Я постоянно предполагаю,—говоритъ онъ,—господство такого порядка вещей, который преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы", и т. д. Слѣдующія слова: „Странный оптическій обманъ повсюду видѣть тотъ порядокъ, который пока на земномъ шарѣ существуетъ въ видѣ исключенія! Но пойдемъ далѣе"—*должны быть вы*

Просматривая «Капиталъ», Марксъ замѣтилъ, что не точно цитировалъ Милля. Во французскомъ изданіи, а затѣмъ въ послѣдующихъ (3-мъ и 4-мъ) посмертныхъ нѣмецкихъ, эта цитата приведена такъ: «Я всегда предполагаю существующій порядокъ вещей, который, за немногими исключеніями, господствуетъ вездѣ, т. е. я предполагаю, что капиталистъ производитъ всѣ предварительныя затраты, включая сюда и плату рабочимъ». Въ дѣйствительности же, Милль говоритъ: «Я постоянно предполагаю господство такого порядка вещей, который, за немногими исключеніями, *преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы*». Замѣтивъ эту неточность, Марксъ исправилъ цитату, указавъ, что надо читать такъ-то (Это мѣсто набрано курсивомъ. Н.—онъ). Соотвѣтственно такому исправленію цитаты, Марксу пришлось измѣнить и нападки на Милля. Поэтому онъ и пишетъ, что слова: «Странный оптическій обманъ» и т. д., которыя приведены у г. Изгоева, и отсутствіе которыхъ въ переводѣ Н.—она такъ возмутило г. Изгоева—что слова эти «*должны быть вычеркнуты*» (подчеркиваетъ Марксъ), и что слѣдующая фраза должна читаться такъ: «Милль хочетъ вѣрить» и т. д., какъ она приведена у Н.—она.

Эта-то подчеркнутая г. Изгоевымъ фраза и точный переводъ исправленій Маркса дали поводъ г. Изгоеву бросить обвиненіе переводчику въ подлогѣ и заняться «чтеніемъ въ сердцахъ», извѣтами, отыскиваніемъ тѣхъ побужденій, которыя заставили переводчика совершить подлогъ. Этотъ «просвѣщенный» и «добросовѣстный» критикъ, замѣчая не существующія неточности, не замѣтилъ мотива, почему одна фраза вычеркнута, а другая «фантастическимъ» образомъ измѣнена. Г. Изгоевъ «не замѣтилъ», что измѣнена цитата изъ Милля... Занятый чтеніемъ въ сердцахъ, онъ «не замѣтилъ», что прежде напечатанная фраза не вяжется съ точно переданными словами Милля...

Далѣе еще хуже.

Г. Изгоевъ пишетъ: «На стр. 462 онъ (Н.—онъ) набрался такой храбрости, что безъ всякой оговорки прибавилъ Марксу особое примѣчаніе. Если переводчики и снабжаютъ иногда переводимаго автора примѣчаніями, то всегда оговариваютъ это. Въ первомъ изданіи у Николай—она такой смѣлости не было. Двадцать пять

черкнуты, а слѣдующая фраза должна читаться такъ: „Милль хочетъ вѣрить, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные кассы", нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ". Эта выписка можетъ служить примѣромъ обычнаго способа писанія Маркса. Начинаетъ онъ писать на одномъ языкѣ, затѣмъ обыкновенно продолжаетъ на другомъ, а кончаетъ на третьемъ. Въ этой выпискѣ началъ по нѣмецки, продолжалъ по французски, затѣмъ по англійски, а кончилъ по французски.

лѣтъ, прошедшіе со дня выхода перваго изданія, убѣдили нашего переводчика, что онъ имѣетъ право «исправлять Маркса».

Итакъ, господинъ Изгоевъ набрался храбрости вновь обвинить Николай—она въ подлогѣ. Чтобы предъявить такое обвиненіе, самая элементарная добросовѣстность, самая обыденная честность требуетъ тщательно провѣрить, насколько оно основательно. Г. Изгоевъ съ такими пустяками не считается. Для этого «добросовѣстнаго» критика такихъ элементарныхъ понятій не существуетъ.

Но вѣдь этого примѣчанія, дѣйствительно, нѣтъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ ни въ одномъ изданіи. Что же это значитъ? Вотъ это примѣчаніе: «Первую формулу мы ставимъ въ скобки, такъ какъ понятіе о прибавочномъ трудѣ въ буржуазной политической экономіи ясно не выражено» (русскій перев., стр. 462).

Открываемъ французское изданіе. Тамъ, на 229 страницѣ, читаемъ: «Nous mettons la première formule entre paranthèses, parce que la notion du surtravail ne se trouve pas explicitement dans l'économie politique bourgeoise».

Какъ назвать послѣ этого поступокъ такого господина, какъ г. Изгоевъ? Невѣжествомъ? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ авторъ «Изъ исторіи россійскаго невѣжества» не имѣетъ права отговариваться даже невѣжествомъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Ему отлично извѣстно, что Н.—онъ пользовался при переводѣ также французскимъ текстомъ. Онъ самъ, какъ мы видѣли, до извѣстной степени одобряетъ французскій переводъ. Ему также извѣстно, что самъ Марксъ его исправлялъ и дополнялъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ бросить обвиненіе въ подлогѣ, онъ не могъ, не имѣлъ права не заглянуть во французскій текстъ.

Пусть же самъ читатель заклеймитъ настоящимъ именемъ поступокъ человѣка, обвиняющаго другого *завѣдомо ложно въ подлогѣ*... Вѣдь въ приведенной выпискѣ прямо сказано: «*Мы* ставимъ въ скобкахъ»... «*Nous* mettons»..., а г. Изгоевъ положительно утверждаетъ, что Н.—онъ говоритъ отъ имени Маркса...

IV.

«Недавно Николай—онъ опубликовалъ полученныя имъ отъ Маркса и Энгельса письма,—пишетъ г. Изгоевъ.—Изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ видно, съ какимъ упорствомъ пытался Николай—онъ обратить въ свое непониманіе Энгельса, и какъ тотъ отбивался отъ навязываемыхъ ему утопическихъ взглядовъ на россійскія дѣла. Въ такомъ же направленіи воздѣйствовалъ на Маркса Г. А. Лопатинъ. И надо отдать имъ справедливость: дѣйствовали они не безъ успѣха. Та фраза въ знаменитомъ письмѣ К. Маркса къ редактору «*Отеч. Записокъ*», въ которой усматривается указаніе

на нѣкоторую возможность для Россіи миновать капиталистическую стадію развитія, написана, очевидно, подъ усиленнымъ моральнымъ давленіемъ Лопатина и Николай—она. Вѣдь все это были такіе хорошіе, честные люди! И увлеченный героической борьбой кучки народниковъ-революціонеровъ за соціализмъ, Марксъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи одобрить ихъ самоотверженныя усилія, *хотя бы то, что онъ въ данномъ случаѣ писалъ, не вполнѣ сходилось съ его основными взглядами* (Курсивъ Н.—она). Правда, Марксъ не отправилъ этого письма по адресу и не опубликовалъ его. Оно было опубликовано только послѣ его смерти. Но свою роль оно сыграло и лѣтъ на десять, если не больше, задержало у насъ развитіе подлинныхъ взглядовъ Маркса».

Итакъ, Марксъ написалъ свое извѣстное письмо въ редакцію «*Отеч. Записокъ*» подъ «усиленнымъ моральнымъ давленіемъ Лопатина и Николай—она». Спрашивается: откуда извѣстно г. Изгоеву—въ какомъ направленіи «воздѣйствовалъ на Маркса» Г. А. Лопатинъ, не напечатавшій по этого поводу ни единой строки? Господину Изгоеву, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ своему излюбленному пріему, «чтенію въ сердцахъ», или попросту—къ литературному сыску, слѣдовало бы обратиться за выясненіемъ этого вопроса къ самому письму Маркса, въ которомъ онъ категорически заявляетъ: «*Чтобы имѣть возможность судить со знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету* (Курсивъ Н.—она). Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861-го года, то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо представляла исторія какому-либо народу, для избѣжанія всѣхъ злоключеній капиталистическаго строя» («Письма» и т. д., стр. 115).

Да, вмѣсто «чтенія въ сердцахъ» и извѣтовъ, г. Изгоеву слѣдовало бы болѣе внимательно прочесть самое письмо, содержаніе котораго, по его мнѣнію, «не вполнѣ сходилось съ его (Маркса) основнымъ взглядомъ». Дѣйствительно-ли «не сходилось»? Для Маркса, какъ ученаго, законъ какого-нибудь явленія опредѣляется совокупностью предшествующихъ, а также сопутствующихъ ему явленій въ той же области. Для г. Изгоева, какъ доктринера-начетчика, законъ экономическій управляетъ явленіями, а не наоборотъ, не повторяемость явленій при одинаковыхъ условіяхъ опредѣляетъ его закономѣрность. Такъ и въ данномъ случаѣ совокупность условій общественно-хозяйственной жизни Россіи послѣ 1861-го года была отлична отъ совокупности тѣхъ экономическихъ условій, при которыхъ происходило хозяйственное развитіе, напримѣръ, Англіи. Если бы это понялъ г. Изгоевъ, то не сталъ бы заподозривать

Маркса въ томъ, что онъ, въ угоду тому или другому лицу, отступилъ отъ своихъ научныхъ убѣжденій, что было бы недостойно его, какъ ученаго. Г. Изгоевъ судитъ о добросовѣстности Маркса, какъ ученаго, по своей собственной «добросовѣстности», какъ критика.

Надо, кромѣ того, припомнить, что черезъ 15—16 лѣтъ послѣ написанія этого письма уже Энгельсъ пишетъ: «Я вполнѣ подписываюсь подъ письмомъ нашего автора по поводу статьи Жуковскаго» («Письма» стр. 82) *).

Далѣе. «Изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ (Энгельса) видно,—пишетъ г. Изгоевъ,—съ какимъ упорствомъ Николай—онъ пытался обратить въ свое непониманіе Энгельса, и какъ тотъ отбивался отъ навязываемыхъ ему (?) утопическихъ взглядовъ на россійскія дѣла».—Отстаивать свою точку зрѣнія на основаніи систематизированнаго фактическаго матеріала, по мнѣнію г. Изгоева, значитъ «пытаться обратить въ свое непониманіе»... Пусть такъ...

Но г. Изгоевъ этимъ не ограничивается и сочиняетъ слѣдующую сказку: «Энгельсъ въ 90-хъ годахъ не былъ такъ податливъ (какъ Марксъ, который «подъ усиленнымъ моральнымъ давленіемъ» и т. д.) и, несмотря на всѣ старанія послѣдняго (Н.—она), ему не удалось заставить вождя нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ выступить противъ П. Б. Струве въ защиту Николай—оновской утопіи».

Такъ съ увѣренностью утверждаетъ г. Изгоевъ. На чемъ же основана его увѣренность, что Н.—онъ старался заставить втянуть Энгельса на выступленіе противъ г. Струве? Изъ статей г. Изгоева, помѣщавшихся въ «Рѣчи», тотчасъ по выходѣ книжекъ «*Минувшихъ Годовъ*», гдѣ первоначально были напечатаны «Письма», видно, что такое его убѣжденіе основано на слѣдующемъ.

Для своихъ статей Н.—онъ просилъ Энгельса воспользоваться нѣкоторыми данными изъ его, Энгельса, писемъ. Съ такою же просьбою Н.—онъ обращался раньше къ Марксу, и Марксъ съ величайшею готовностью согласился на нее («Письма», стр. 26). Энгельсъ же, на томъ основаніи, что цитированіе его *мнѣній* можетъ втянуть его самого въ полемику,—а этого онъ по разнымъ причинамъ совсѣмъ не желалъ,—разрѣшилъ пользоваться только *фактами*, приводимыми имъ, а не мнѣніями его о фактахъ русской дѣйствительности. А въ этихъ *мнѣніяхъ*, какъ читатель можетъ видѣть изъ опубликованныхъ писемъ Энгельса, нѣтъ ни единаго слова о г. Струве. И на этомъ отказѣ Энгельса цитировать его *мнѣнія* г. Изгоевъ построилъ легенду о томъ, что Н.—онъ упо-

---

*) Статья Н. К. Михайловскаго, по поводу которой написано письмо Маркса въ редакцію „Отеч. Записокъ“, озаглавлена такъ: „*К. Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.*

треблялъ всѣ «старанія заставить вождя нѣмецкой соціалъ-демократіи выступить противъ П. Б. Струве»!!

Нечего и доказывать, что это плодъ сочинительства г. Изгоева или, выражаясь мягко, уклоненіе отъ истины.

Вотъ факты. Энгельсъ, въ перепискѣ съ Н.—ономъ, *первый* заговорилъ о г. Струве («Письма», стр. 84—85), указывая Н.—ону на критическую статью о его «Очеркахъ», помѣщенную г. Струве въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ. Н.—онъ спросилъ Энгельса, знакомъ ли онъ съ другими работами этого писателя? Энгельсъ отвѣчалъ, что никакихъ другихъ его статей не знаетъ и *въ томъ же письмѣ*, отвѣчая на просьбу Н.—она, просилъ не цитировать его *мнѣнія* о фактахъ русской дѣйствительности. («Письма», стр. 89). Н.—онъ написалъ ему нѣсколько словъ о г. Струве, какъ о критикѣ «Капитала», посмѣявшись, между прочимъ, надъ его утвержденіемъ, что «теорія населенія Маркса дополняетъ, но не опровергаетъ теоріи Мальтуса» («Письма», стр. 91). Какимъ образомъ Н.—онъ, желаніемъ цитировать письма Энгельса,—которыя теперь напечатаны и для провѣрки доступны каждому,—хотѣлъ «заставить вождя» и т. д. выступить противъ г. Струве, несмотря на то, что Энгельсъ въ своихъ письмахъ ничего противъ него не писалъ и зналъ его только по его статьѣ въ нѣмецкомъ журналѣ,—все это составляетъ тайну г. Изгоева.

Въ добавленіе къ этимъ краткимъ замѣткамъ по поводу критическихъ экскурсій г. Изгоева, считаемъ нужнымъ сдѣлать еще двѣ оговорки.

Приступая къ переводу Маркса, Г. А. Лопатинъ не былъ знакомъ съ древними языками, а потому не взялъ на себя перевода греческихъ и латинскихъ цитатъ. Н.—онъ, также не знающій этихъ языковъ, обратился за ихъ переводомъ къ двумъ рекомендованнымъ ему «знатокамъ» классической литературы. Провѣрить ихъ работы онъ самъ не могъ. И вотъ, въ результатѣ получились кое-гдѣ забавные промахи, вродѣ того, на который указываетъ г. Изгоевъ.

Уѣзжая въ Сибирь, Г. А. Лопатинъ передалъ свою рукопись въ полное распоряженіе Н.—она. Печатаніе ея происходило въ отсутствіе Г. А. Лопатина. Находясь въ иркутскомъ острогѣ, онъ, понятно, не могъ держать авторской корректуры и дѣлать исправленій. Столь же мало участія принималъ онъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ даже и не видалъ до своего освобожденія изъ Шлиссельбурга. Поэтому было бы несправедливо дѣлать его отвѣтственнымъ за окончательную форму перевода какой-либо части «Капитала». Эту отвѣтственность принимаетъ на себя сполна Н.—онъ, и г. Изгоеву слѣдовало бы сыпать свои перуны исключительно на его голову.

Всякая добросовѣстная критика цѣнна и для авторовъ, и для переводчиковъ. За указанія на ошибки, неточности, неправильности пониманія, неясности, неудачныя выраженія и т. д., и т. д.,— и тѣ, и другіе могутъ быть только благодарны, хотя далеко не со всѣми такими указаніями г. Изгоева можно согласиться. Г. Изгоевъ, однако, этимъ не ограничивается. Зная, что переводчикъ, кромѣ нѣмецкаго текста, пользовался также французскимъ, г. Изгоевъ, тѣмъ не менѣе, не справляясь съ французскимъ изложеніемъ, укоряетъ переводчика въ искаженіи мыслей автора, когда онъ, по категорическому желанію автора «постоянно и тщательно свѣрять второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ», пользовался для перевода и французскимъ текстомъ.

Г. Изгоевъ находитъ, что такъ не переводятъ. Но, повторяемъ, что какъ бы высоко ни стоялъ въ этомъ отношеніи авторитетъ г. Изгоева, въ данномъ случаѣ, каждый переводчикъ *обязанъ* подчиниться указаніямъ самого автора.

Такъ вотъ, не считаясь съ этимъ фактомъ, г. Изгоевъ, укоряя переводчика въ невѣрной передачѣ мыслей автора, въ «искаженіяхъ», когда тотъ пользовался изложеніемъ тѣхъ же мыслей автора, но написанныхъ на другомъ языкѣ, не стѣсняется прибѣгать къ пріемамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ серьезности предмета: «чтеніе въ сердцахъ» и извѣты—пріемъ не литературной критики... Но и на это можно было бы только развести руками и пожать плечами: мало ли какіе бываютъ «критики». И не это заставило Н.—она взяться за перо.

За перо заставили взяться еще худшіе пріемы г. Изгоева. Онъ забылъ, что съ печатнымъ словомъ надо обращаться осторожно. Если только что указанные пріемы критики недопустимы, то обвинять кого-нибудь завѣдомо ложно въ подлогѣ—пріемъ недостойный... Такое завѣдомо ложное обвиненіе затрогиваетъ не только то лицо, на которое направлено обвиненіе, но затрогиваетъ достоинство всей печати, которую позорятъ пріемы, допускаемые господами Изгоевыми.

Мы не пойдемъ по стопамъ г. Изгоева, не будемъ заниматься «чтеніемъ въ сердцахъ» и отысканіемъ побужденій, которыя руководили имъ при писаніи его статьи. Одно только очевидно: не мысль объ отысканіи истины руководила имъ при этомъ...

Николай—онъ.

Сентябрь, 1908 г.

Компромиссъ между капиталомъ и трудомъ въ Англіи.

I.

Отъ меня далека мысль охотиться на владѣніяхъ г. Діонео, который съ такимъ умѣньемъ, знаніемъ конкретныхъ подробностей и энтузіазмомъ передъ своеобразной могучей культурой Англіи знакомитъ читателей «Русскаго Богатства» съ тѣмъ, что дѣлается въ избранной предметомъ его наблюденій странѣ. Задача этой статьи— другая: она заключается въ томъ, чтобы вдвинуть въ историческую и интернаціональную перспективу современныя отношенія между англійскимъ трудомъ и англійскимъ капиталомъ. Мнѣ хотѣлось бы, по мѣрѣ силъ и возможности, охарактеризовать смыслъ соціальной борьбы нашихъ дней въ Англіи и указать на ея особенности и на ея мѣсто въ міровой борьбѣ имущихъ и неимущихъ классовъ. Я буду останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ лишь постольку, поскольку это строго необходимо для моей цѣли. Меня, главнымъ образомъ, интересуетъ подкладка тѣхъ соціально-политическихъ явленій, которыя привлекаютъ вниманіе наблюдателей британской жизни въ послѣдніе три года, точнѣе говоря, со времени январскихъ выборовъ 1906 г.

Они, какъ извѣстно, охарактеризовались такимъ разгромомъ консервативной и уніонистской партіи, десять лѣтъ стоявшей у власти, какого не ожидали наиболѣе оптимистически настроенные противники Чемберлэна и Бальфура. Прежняя оппозиція, а нынѣ правительственное или, лучше сказать, поддерживающее либеральный кабинетъ большинство превышаетъ, по крайней мѣрѣ, на 300—350 голосовъ совокупность своихъ политическихъ враговъ въ палатѣ общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ коммонеровъ впервые вошла сравнительно значительная группа представителей рабочаго класса, которая съ самаго же начала заявила о своемъ желаніи не идти на помочахъ ни у консерваторовъ, ни у либераловъ, а вести свою собственную политику. Не связывая себя никакими обязательствами по отношенію къ правительству, «рабочая партія», какъ она назвала себя, рѣшила поддерживать кабинетъ, когда ей это будетъ выгодно, становиться въ оппозицію, когда этого потребуютъ интересы ея избирателей.

Появленіе этой партіи вызвало очень большую сенсацію, и не только въ Англіи, но и во всемъ мірѣ. Какъ ни какъ, а впервые въ самыхъ нѣдрахъ «матери европейскихъ парламентовъ» заявляло такъ громко о своемъ существованіи міровоззрѣніе труда, обнару-

жившее свою жизнеспособность самимъ числомъ своихъ сторонниковъ, которыхъ насчитывалось около трехъ десятковъ, а если считать сочувствующихъ, то и цѣлыхъ четыре. Въ нихъ и враги, и друзья видѣли людей, болѣе или менѣе отвѣчавшихъ представленію о борцахъ за «соціализмъ». И это уже были не единичныя лица, въ родѣ Киръ-Харди, или Кэннингама Грама, или Бёрнса, и проходившія-то раньше въ парламентъ только потому, что ихъ поддерживали буржуазныя партіи. На сей разъ бокъ о бокъ съ двумя великими историческими партіями Англіи выступала въ парламентѣ особая партія труда. Не мудрено, что сейчасъ же она стала предметомъ какъ отчаянныхъ страховъ со стороны защитниковъ современнаго строя, такъ и самыхъ розовыхъ надеждъ со стороны его противниковъ. Въ какой степени послѣдующая дѣятельность англійскихъ «трудовиковъ» оправдала и эти страхи, и эти надежды, мы увидимъ. А теперь мы должны возвратиться назадъ и въ самыхъ общихъ чертахъ дать читателю исторію развитія трудового движенія и міровоззрѣнія въ Англіи. Только въ такомъ случаѣ то, что происходитъ въ настоящее время на почвѣ Великобританіи, не будетъ казаться случайнымъ эпизодомъ политической исторіи.

II.

Нѣтъ ничего распространеннѣе того ошибочнаго взгляда, согласно которому проявляющіяся въ извѣстный историческій моментъ особенности той или другой націи вытекаютъ, будто бы, изъ извѣчнаго, національнаго характера, отличающагося необыкновенной устойчивостью. Въ дѣйствительности, этотъ пресловутый національный характеръ, этотъ «народный духъ» сплошь и рядомъ является продуктомъ опредѣленныхъ историческихъ условій, съ ними возникаетъ, съ ними и исчезаетъ. При этомъ происходятъ даже крайне любопытныя историческія chassés-croisés. Напримѣръ, когда то, что считалось особенностью одной націи на извѣстной ступени ея развитія, въ противоположность другой націи, съ теченіемъ времени ярко прокидывается какъ разъ у этой послѣдней, но пропадаетъ у первой. И обратно.

Кому, напр., не приходилось слышать о революціонномъ темпераментѣ французовъ, низвергнувшихъ въ теченіе послѣднихъ 120 лѣтъ столько монарховъ, и о лояльности англичанъ, съ умиленіемъ взирающихъ на своихъ конституціонныхъ королей? Но всегда ли это такъ было? Отнюдь нѣтъ. Въ потокѣ историческаго развитія французы и англичане перемѣнились ролями. Разверните сэра Джона Фортескью, который во второй половинѣ XV вѣка проводилъ параллель между своими соотечественниками и ихъ заламаншскими сосѣдями въ своемъ сочиненіи о «Разницѣ между абсолютной и ограниченной монархіями». Вась поразятъ въ немъ

фразы въ родѣ слѣдующей: «Лишь трусость и недостатокъ мужества (lake off hartes and corage) удерживаетъ французовъ отъ возстанія, а не бѣдность; каковаго мужества ни у одного француза нѣтъ и подобія тому, которое есть у англичанина» *). Разверните «Исторію цивилизаціи Англіи» Бокля на тѣхъ дышащихъ благороднымъ негодованіемъ противъ деспотизма страницахъ, гдѣ авторъ говоритъ о духѣ покровительства во Франціи и Англіи или о причинахъ Великой французской революціи. Вы найдете массу цитатъ, какъ нельзя яснѣе показывающихъ, что при «старомъ режимѣ» французы кичились своей лояльностью и упрекали англичанъ за ихъ фрондерство. «Французы... всегда отличались отъ другихъ націй любовью къ своимъ королямъ»,—пишетъ, захлебываясь отъ монархическаго раболѣпства нѣкто Ле-Бланъ. «Англичане не настолько любятъ своихъ государей, какъ этого можно было бы желать»,—говоритъ въ свою очередь, укоризненно качая головой, нѣкій Сорбьеръ. А съ другого берега Ламанша, въ отвѣтъ на эти жалобы, звучитъ мужественный голосъ Бэрнета, и не думающаго отрицать этой тогдашней «національной особенности» англичанъ: «Нѣтъ болѣе справедливой и очевидной вещи, какъ то, что государи созданы для народа, а не народъ для нихъ; и, можетъ быть, нѣтъ другой націи подъ сводомъ небесъ (under heaven), которая была бы болѣе проникнута такимъ представленіемъ о государяхъ, какъ англійская нація въ наше время; такъ что она скоро обнаружитъ свою недоброжелательность по отношенію къ королю, который не будетъ руководиться этимъ правиломъ, а съ теченіемъ времени сдѣлается очень враждебно настроенной противъ него» **).

Мы видимъ, какъ легко можно ошибиться, приписывая якобы неизмѣннымъ народнымъ чертамъ то, что является лишь временнымъ результатомъ мѣняющихся историческихъ условій. Столь же мало, какъ лоялизмъ, можно считать національной особенностью англичанъ и отсутствіе у нихъ якобы революціонныхъ тенденцій въ массахъ и того, что на континентѣ въ настоящее время называется соціализмомъ. Опять-таки здѣсь смѣшивается вліяніе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ съ мнимыми неизмѣнными проявленіями народнаго духа. Наоборотъ, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ соціально-политической исторіей Англіи, легко убѣдиться, что какъ ростъ боевого настроенія въ населеніи, такъ и выработка соціалистическаго міросозерцанія шли у англичанъ одно время быстрымъ темпомъ. Остановился же

---

*) Sir John Fortescue, *The Governance of England: otherwise called the difference between an absolute and limited Monarchy*; Оксфордъ (изд. Clarendon Press), 1885, стр. 141.

**) См. прим. 253 ко второму тому изд. „The World's Classics" Бокля Henry Thomas Buckle, *History of Civilization in England*; Лондонъ, 1903, стр. 200—201.

этотъ процессъ развитія въ силу извѣстнаго сочетанія экономическихъ, политическихъ и культурныхъ причинъ. И новая комбинація этихъ условій можетъ внести существенныя измѣненія въ картину англійской эволюціи, которая отличается, конечно, какъ мы увидимъ, отъ соотвѣтствующаго процесса на континентѣ Европы, но въ самыхъ отклоненіяхъ все же отражаетъ общія міровыя тенденціи. Было бы, дѣйствительно, достойно удивленія, если бы страна, въ которой капитализмъ развился такъ рано и притомъ благодаря необыкновенно энергичной насильственной ломкѣ старыхъ учрежденій и обездоленію народа, ничѣмъ не реагировала на гигантскій соціальный переворотъ.

Уже въ концѣ XVII вѣка, Джонъ Беллерсъ,—котораго Марксъ называетъ «настоящимъ феноменомъ въ исторіи политической экономіи» *),—пораженный все возрастающей арміей «освобожденныхъ» отъ средствъ производства пролетаріевъ, рекомендуетъ въ качествѣ лекарства противъ ужасающей пауперизаціи населенія, устройство особыхъ коммунистическихъ промышленно-земледѣльческихъ колоній (Colleges of Industry of all useful Trades and Husbandry). И взгляды этого замѣчательнаго реформатора отчасти отразятся болѣе, чѣмъ столѣтіе спустя, на планахъ общежитія Роберта Оуэна. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка Томасъ Спенсъ, на котораго производятъ сильное впечатлѣніе результаты скопленія въ немногихъ рукахъ гигантскаго количества земель, провозглашаетъ право каждаго человѣческаго существа на землю и требуетъ перехода всей земельной собственности въ руки не могущихъ больше отчуждать ее общинъ и приходовъ. Его агитація наводитъ страхъ на правительство, которое, пользуясь неоднократной въ тѣ времена отмѣной Habeas corpus'а, нѣсколько разъ арестуетъ его, судитъ, а однажды заключаетъ даже въ тюрьму. Въ это же время и позже, вплоть до половины XIX вѣка, Англія выдвигаетъ отчасти одного за другимъ, отчасти одновременно, цѣлую плеяду замѣчательныхъ соціалистовъ: Вилліама Годвина, Холла, Оуэна, Вилліама Томпсона, Грея, Ходгскина, Брея и т. п. **). Анализъ капиталистическаго общества этими выдающимися мыслите-

---

*) Karl Marx, *Das Kapital*, I; Гамбургъ, 1883, 3-е изд., стр. 504—505, прим. 109.

**) О нихъ см., между прочимъ, у Антона Менгера (Anton Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung*; Штуттгартъ и Берлинъ, 1904, 3-е изд., стр. 40—60) и у проф. Фоксуэлля, автора „Исторіи соціалистическихъ идей въ Англіи", появившейся въ видѣ предисловія къ англійскому переводу менгеровской работы (этюдъ Фоксуэлля извѣстенъ мнѣ по недавнему нѣмецкому переводу сочиненія Томпсона „Изслѣдованіе о началахъ распредѣленія богатствъ", и т. д.: William Thompson, *Untersuchung über die Grundsätze der für das menschliche Glück dienlichsten Verteilung des Reichtums*; Берлинъ, 1903—1904, въ двухъ томахъ,—переводу, предисловіемъ къ которому и служитъ только что упомянутая большая статья Фоксуэлля. См., въ особенности, страницы 12—59).

лями настолько проницателенъ (особенно въ ученіи о стоимости, прибавочной стоимости и классовой борьбѣ), что нѣкоторые авторы, хотя бы тѣ же Менгеръ и Фоксуэлль, считаютъ возможнымъ даже обвинять Маркса въ ихъ плагіатѣ,—правда, неосновательно *).

Нечего и говорить, что рядомъ съ этой выработкой соціалистическаго міровоззрѣнія идетъ движеніе трудящихся массъ, сначала въ формахъ отличающихся такимъ боевымъ характеромъ, что поневолѣ пожимаешь плечами, когда приводишь себѣ на память континентальный предразсудокъ относительно вѣковѣчнаго тяготѣнія англичанъ къ легальности. Изъ XVIII вѣка въ XIX Англія переходитъ уже крупно-капиталистической страной, въ которой гигантская фабрика гордо возвышается на развалинахъ мелкаго ремесленнаго производства. Эксплуатація загнанныхъ въ фабричныя казармы рабочихъ всемогущимъ индустріальнымъ лордомъ не знаетъ себѣ границъ. Капиталъ воистину смѣется надъ законами божескими и человѣческими или, лучше сказать, превращаетъ въ законъ, охраняемый всею силою государства, свои тираническія велѣнія. Произвольно понижая заработную плату пролетарія, фабрикантъ старается, вмѣстѣ съ тѣмъ, сломить силу сопротивленія рабочихъ драконовскимъ «актомъ противъ стачекъ» (Combination Act) 1799—1800 г. Мало ему этихъ мѣръ, онъ выдвигаетъ противъ рабочихъ цѣлый арсеналъ законовъ о «сносящихся между собою обществахъ», хотя бы даже и «косвенно» (акты 1799 и 1817 г.). Недостаточно ему и этого, онъ пускаетъ въ ходъ законъ о собраніяхъ (актъ 1819—1820), который грозитъ участникамъ въ неразрѣшенномъ собраніи ссылкою до семи лѣтъ. Наконецъ, актъ о «преступномъ сговорѣ» или «конспираціи» захлестываетъ своей растяжимой, какъ каучукъ, петлей виновности всякаго, кто вырвался бы изъ юридическихъ тенетъ перечисленныхъ законовъ. Достаточно сказать, что на основаніи акта о конспираціи бросались въ тюрьму на два года рабочіе, которые обсуждали совѣтъ, данный имъ нѣкоторыми наименѣе жадными хозяевами, потребовать повышенія платы отъ жестокихъ мѣстныхъ эксплуататоровъ **). А, вмѣстѣ съ тѣмъ, немногія ограниченія, которыя это жестокое классовое законодательство ставило соглашеніямъ фабрикантовъ насчетъ сбавки заработной платы, существо-

---

*) Ср. результаты сопоставленія мною подлинныхъ цитатъ изъ Томпсона (William Thompson, *An Inquiry into the principles of the Distribution of Wealth most conducive to Human Happiness; applied to the newly proposed System of voluntary Equality of Wealth*; Лондонъ, 1824) и Маркса: Н. С. Русановъ, *О вліяніи западноевропейскаго соціализма на русскій*; „Минувшіе годы", 1908, ноябрь.

**) См. повѣствованіе объ этомъ невѣроятномъ фактѣ у извѣстныхъ историковъ трэдъ-юніонизма: Sidney and Beatrice Webb, *History of Trade Unionism*; Лондонъ, 1902, новое изд., стр. 73 (1-е изд. вышло въ 1894 г.).

вали лишь на бумагѣ. Ибо дѣла эти разбирались судьями, принадлежавшими къ классу предпринимателей.

Немудрено, что когда простыя стачки наказывались, какъ самыя тяжелыя преступленія, рабочіе прибѣгали нерѣдко къ крайнимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Они жгли фабрики, разрушали машины, громили предпріятія. Повсюду составлялись тайныя рабочія общества, куда члены принимались лишь послѣ серьезнаго искуса, при соблюденіи устрашающихъ воображеніе обрядностей, и гдѣ зрѣла, не взирая на преслѣдованія, могучая солидарность трудящихся.

Это боевое настроеніе эксплуатируемыхъ массъ достигло, наконецъ, такой напряженности, что правительство, подъ давленіемъ наиболѣе гуманныхъ фабрикантовъ, въ родѣ Фрэнсиса Плэса, и радикальныхъ элементовъ въ нижней палатѣ оттѣнка Джозефа Юма, рѣшило отмѣнить законъ о коалиціяхъ. Съ этою цѣлью были изданы законъ 1824 г. и (испортившій его) законъ 1825 г., въ результатѣ которыхъ быстро стали развиваться возникшіе вмѣстѣ съ ростомъ крупной промышленности, — приблизительно съ начала XVIII вѣка,— рабочіе союзы, по англійской терминологіи «трэдсъ-юніоны», или «трэдъ-юніоны». Развитію чисто рабочаго движенія сильно помогаетъ въ это время радикальная буржуазія, которая, стремясь къ избирательной реформѣ, опирается на рабочій классъ и добываетъ для него съ этою цѣлью право открытыхъ событій. Въ послѣдніе два года передъ реформой 1832 г., періодическая и брошюрная литература, выражавшая этотъ крайній радикализмъ буржуазіи, носитъ такой яркій боевой характеръ, что нѣмецкій историкъ изъ породы катедеръ-соціалистическихъ филистеровъ, считаетъ даже нужнымъ объяснять для подобныхъ же себѣ читателей, почему «столь дикія проявленія могли быть терпимы въ монархической Англіи» *).

Послѣ реформы 1832 г., перемѣщавшей центръ тяжести управленія страной изъ рукъ аристократіи и джентри въ руки промышленной буржуазіи, радикальные буржуа, за исключеніемъ меньшинства, состоявшаго изъ искреннихъ друзей народа, отхлынули цѣлыми массами отъ арміи своихъ недавнихъ союзниковъ, рабочихъ **). Но движеніе трудящихся продолжается и подвергается

---

*) Adolf Held, *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*; Лейпцигъ, 1881, стр. 330. См. тамъ же забавныя выходки противъ короля, которыя пускаетъ въ ходъ реформистскій листокъ „Республиканецъ".

**) „Наконецъ, когда страна была на волосокъ отъ гражданской войны, актъ о реформѣ 1832 г. обезпечилъ полнѣйшее политическое освобожденіе новаго средняго класса, который тогда сразу успокоился и измѣнилъ пролетаріату, хотя послѣдній отдалъ и напоръ своей массы и свою кровь на помощь буржуазіи въ ея борьбѣ за политическую свободу". William Morris and E. Belfort Bax, *Socialism, its growth and outcome*; Лондонъ, 1893, стр. 176.

двоякому воздѣйствію: со стороны учениковъ Оуэна, которые развиваютъ передъ трудящимися идеалъ мирнаго рѣшенія соціальнаго вопроса путемъ коммунистическихъ общежитій; и со стороны вскорѣ образовавшейся партіи чартистовъ, которая толкаетъ массы въ сторону всеобщей подачи голосовъ и прочихъ политическихъ реформъ, имѣющихъ цѣлью осуществить народовластіе, хотя бы даже,—по мнѣнію лѣваго крыла чартизма,—при помощи революціоннаго возстанія.

Жизнь, однако, оригинально перерабатываетъ это двойственное воздѣйствіе, соединяя рабочихъ вокругъ платформы экономическихъ и политическихъ требованій въ одну партію труда. Такъ, хотя Оуэнъ вообще очень скептически относится къ политической дѣятельности, отрицая, чтобы торжество коммунистическаго плана, или,—какъ онъ выражается,—«образованіе трудовыхъ общинъ хоть сколько нибудь зависѣло отъ завоеванія всеобщаго голосованія и другихъ политическихъ правъ» *), онъ, однако, сильно помогаетъ дѣлу рабочаго класса своей агитаціей въ пользу законодательнаго сокращенія часовъ труда. А нѣкоторые изъ его учениковъ еще въ 1831—1832 гг. дѣятельно боролись за введеніе всеобщей подачи голосовъ.

Съ другой стороны, если чартистская «шестихвостка» не заключала себѣ ни одного соціальнаго требованія, а все чисто политическія, то массы вкладывали въ нее, несомнѣнно, экономическій, можно даже сказать, соціалистическій смыслъ. Вызовите себѣ только въ памяти оригинальную фигуру методистскаго священника Стивенса (Stephens), который пользовался широкой популярностью среди чартистовъ и такъ истолковалъ стремленія громаднаго большинства ихъ: «Чартизмъ, мои друзья, отнюдь не есть политическій вопросъ, въ которомъ рѣчь идетъ о томъ, получите ли вы избирательныя права; но чартизмъ есть вопросъ ножика и вилки; хартія значитъ хорошее жилье, хорошая ѣда и питье, хорошій заработокъ и короткое рабочее время» **). Это былъ тотъ самый священникъ Стивенсъ, который, пылая негодованіемъ на правительство, стремившееся силою разбить великій народный напоръ, обращался съ такою рѣчью къ многотысячной толпѣ: «Вамъ нечего бояться силы правительства, его солдатъ, штыковъ и пушекъ, которые находятся въ распоряженіи вашихъ угнетателей; у васъ есть средство, которое будетъ посильнѣе всего этого, есть оружіе, противъ котораго ничего не подѣлаютъ ни штыки, ни пушки. И этимъ оружіемъ можетъ владѣть десятилѣтній ребенокъ. Вамъ

*) Edouard Dolléans, *Robert Owen*; Парижъ, 1905, стр. 208.

**) Friedrich Engels, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*; Штуттгартъ, 1892, 2-е изд., стр. 321 и слѣд., гдѣ читатель найдетъ живое изображеніе чартизма отчасти на основаніи личныхъ наблюденій Энгельса, который самъ сотрудничалъ въ чартистскихъ органахъ и опубликовалъ 1-е изданіе своей книги въ 1845 г., еще до разгрома движенія.

стоитъ только взять одну-двѣ спички да вязанку просмоленной соломы, и тогда я посмотрю, какъ справится правительство и его сотни тысячъ солдатъ съ этимъ оружіемъ, если только его смѣло пускать въ ходъ».

Раздавленное послѣ ряда бурныхъ митинговъ, гигантскихъ факельныхъ процессій и процессій съ петиціями, всеобщихъ стачекъ «священнаго мѣсяца», пожаровъ, штурмованій тюремъ, кровавыхъ столкновеній съ вооруженной силой, арестовъ, процессовъ, заключеній вождей, чартистское движеніе въ теченіе 12—15 лѣтъ (съ 1836 г. по 1848 г. и даже болѣе или менѣе номинально до 1851 г.) успѣло взволновать умы всѣхъ классовъ и оставило на общественной жизни глубокіе слѣды. Въ цѣломъ оно было если не политической революціей на манеръ континентальныхъ, преимущественно французскихъ, революцій, то великой кампаніей соціальной войны, борьбы труда съ капиталомъ. И ознаменовавшіе эту борьбу многочисленные «историческіе дни» своимъ драматизмомъ могутъ удовлетворить вкусу самаго пресыщеннаго романтика революціи, служа яркимъ доказательствомъ того, что англичане отнюдь не всегда являются педантическими поклонниками легальности во что бы то ни стало *). Но правда то, что самъ чартизмъ вызвалъ своимъ pressure from without—любимое англійское выраженіе,—своимъ могучимъ «давленіемъ извнѣ» на имущіе и правящіе классы рядъ реформъ, которыя, сочетаясь съ другими экономическими и политическими факторами, отняли, по крайней мѣрѣ временно, почву у рѣзкаго революціоннаго настроенія массъ.

Такъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ (январь 1846 г.), фабричный актъ 8-го іюня 1847 г., вводившій десятичасовой рабочій день для женщинъ и подростковъ, и т. п. были, несомнѣнно, въ очень значительной степени результатомъ чартистскаго движенія. Точно также, соціальный торизмъ; «христіанскій соціализмъ», желавшій отмежеваться отъ «не-соціальныхъ христіанъ и отъ не-христіанскихъ соціалистовъ» **),—всѣ эти и подобныя имъ политическія и идейныя теченія тоже или усилились, или прямо возникли подъ вліяніемъ общественнаго потрясенія, произведеннаго чартистами. Равнодѣйствующая борющихся силъ передвигается вправо. И ярко-красныя

---

*) Ср. слѣдующія многозначитеьныя строки объ этомъ періодѣ Гайндмана: „Поведеніе народа было таково, что наиболѣе опытнымъ наблюдателямъ изъ другихъ странъ да даже и самимъ англичанамъ наша страна представлялась стоящею наканунѣ революціоннаго взрыва, который превзойдетъ яростью и широтой своихъ конечныхъ цѣлей все, что было до сихъ поръ отмѣчено исторіей“. H. M. Hyndman, *The historical basis of socialism in England*; Лондонъ, 1883, стр. 210.

**) „Conflict... with the unsocial Christians and the unchristian Socialists“,—такъ опредѣляетъ идею христіанскаго соціализма его родоначальникъ Морисъ въ письмѣ къ Лэдло. См. документальную и небезынтересную во многихъ отношеніяхъ работу: Louis Cazamian, *Le roman social en Angleterre*; Парижъ, 1904, 2-е изд., стр. 448, прим. 2.

формулы чартиста Джемса Бронтерра О'Бріена, говорившаго еще въ половинѣ 30-хъ годовъ о «настоящемъ правительствѣ Англіи», какъ о «великомъ заговорѣ тунеядцевъ и грабителей противъ работающихъ и простодушныхъ людей», при чемъ «въ немъ не позволено участвовать никому, кто не обладаетъ такъ называемой собственностью, т. е. кто не живетъ путемъ насилія или обмана насчетъ труда другого» *),—эти ярко-красныя формулы замѣняются сѣро-розовыми, гдѣ уже толкуется о совмѣстной борьбѣ «церкви, джентльмэна и рабочаго противъ лавочниковъ и Манчестерской школы» **).

Какъ бы то ни было, начавшееся съ половины 40-хъ годовъ процвѣтаніе англійской промышленности, которое обусловливалось индустріальными преимуществами страны на всемірномъ рынкѣ и усилилось,—хотя и не безъ перерывовъ во время кризисовъ,—съ рѣшительнаго выступленія ея на путь свободной торговли, обламывало острія у соціальнаго вопроса. Въ томъ же направленіи дѣйствовало развитіе фабричнаго законодательства, въ выработкѣ котораго играли такую роль выдающіеся тори-филантропы въ родѣ лорда Ашлея (впослѣдствіи Шэфтсбери), — что, кстати сказать, объясняетъ слабость, которую рабочіе столько разъ обнаруживали къ консервативнымъ министерствамъ. Такъ боевое настроеніе трудящихся падало съ минованіемъ эры презрительнаго индифферентизма или же насильственной политики «классовъ» по отношенію къ «массамъ» (давнишняя англійская терминологія). И болѣе гибкая и благожелательная тактика государственныхъ людей, руководимыхъ, впрочемъ, всегда гораздо менѣе гуманитарными мотивами, чѣмъ тонкимъ пониманіемъ классовыхъ интересовъ, помогала въ значительной степени укрѣпиться среди рабочихъ тому легалистскому настроенію, которое близорукіе наблюдатели считаютъ чуть ли не исконною національною чертою англичанъ. Эта и другія уже указанныя нами выше причины затемняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, классовое самосознаніе трудящихся, которые пріучались надѣяться на великія и богатыя милости отъ той или другой изъ двухъ исторически борющихся партій и поставляли обѣимъ сторонамъ вотирующее и агитаціонное мясо. И не лишено интереса то обстоятельство, что либералы, сохранившіе съ давнихъ поръ характерный для буржуа-предпринимателя страхъ передъ ростомъ соціальнаго значенія рабочихъ, въ особенности жестоко обманывали довѣріе «массъ».

---

*) См. цитату изъ „Poor Man's Guardian" отъ 7-го марта 1835 г. въ статьѣ: Th. Rothstein, *Verkünder des Klassenkampfes vor Marx*; „Die Neue Zeit", № отъ 27-го марта 1908 г.,—въ которой авторъ съ большой похвалой отзывается объ О'Бріенѣ, какъ писателѣ, предвосхищающемъ взгляды Маркса.

**) Слова христіанскаго соціалиста Кингслэ. См. Cazamian, l. c., стр. 146, прим. 1.

Такъ, если консервативное министерство Дерби-Дизраэли провело въ 1867 г. реформу давнишняго «закона о господахъ и слугахъ», все еще продолжавшаго стѣснять свободу стачекъ, то либеральное министерство Гладстона, сформированное въ 1868 г., наоборотъ, обрушилось на рабочій классъ закономъ 29-го іюня 1871 г. И въ результатѣ цѣлый рядъ поступковъ, вообще не подлежащихъ наказанію, оказался противозаконнымъ, разъ исходилъ отъ рабочихъ: илоту современнаго общества вмѣнялось, напримѣръ, въ преступленіе «наблюдать за входомъ въ помѣщеніе, гдѣ работаютъ, и настойчиво слѣдовать за кѣмъ-нибудь по улицамъ одному или въ сопровожденіи» (пресловутый грѣхъ picketing'a). А что судьи не стѣснялись примѣнять новый законъ, носившій лицемѣрное названіе «акта объ улучшеніи уголовнаго законодательства» и т. д., достаточно показываетъ заключеніе въ тюрьму семи женщинъ за междометіе «ба», обращенное ими къ одному штрейкбрехеру во время стачки 1871 г. въ южномъ Уэльсѣ.

Немудрено, что на слѣдующихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ январѣ 1873 г., рабочіе, убѣдившись, по картинному выраженію одного сочувствовавшаго имъ профессора (позитивиста Бисли), что разница между либераломъ и тори не больше разницы между верхнимъ и нижнимъ жерновами размалывающей ихъ классовой привилегированной мельницы, рѣшили вотировать за кандидатовъ независимо отъ ихъ партійной принадлежности, лишь бы они обѣщали полную свободу стачекъ. А такъ какъ эти обѣщанія охотно давались стремившеюся къ власти консервативною партіею, то послѣдняя и получила большинство. На сей разъ давленіе рабочихъ было такъ сильно, что кабинетъ Дизраэли, поколебавшись было въ началѣ, долженъ былъ исполнить принятое на себя тори обязательство. И лѣтомъ 1875 г. прошли при всеобщемъ ликованіи трэдъ-юніонистовъ два билля, одинъ изъ которыхъ отмѣнялъ либеральное «улучшеніе» 1871 г., а другой подвергалъ дальнѣйшему пересмотру старый законъ «о господахъ и слугахъ», превращая его въ болѣе современный не по названію только, но и по духу законъ «о предпринимателяхъ и рабочихъ».

III.

Но уже новый духъ начиналъ вѣять въ Англіи, и внѣ трэдъюніонистскаго движенія, которое вскорѣ снова подпало подъ вліяніе либеральной партіи, возникаютъ группы, все болѣе и болѣе проникающіяся принципами собственно соціализма. Между тѣмъ какъ конгрессы трэдъ-юніоновъ въ началѣ 80-хъ годовъ еще высказываются противъ всеобщей подачи, а трэдъ-юніонистскій «парламентарный комитетъ» выдвигаетъ реформы мелко буржуазнаго характера, въ родѣ созданія мелкой земельной собственности, умноженія ре-

месленныхъ патентовъ, и т. п., міровоззрѣніе труда находитъ жаркихъ сторонниковъ въ рядахъ радикальной интеллигенціи, разочаровавшейся въ дѣятельности либераловъ. Очень умѣренный соціалистъ, Сидней Уэббъ, одинъ изъ авторовъ уже извѣстной читателю книги о трэдъ-юніонизмѣ, такъ изображаетъ это настроеніе, въ своемъ «Соціализмѣ въ Англіи». Книжная и митинговая дѣятельность американца Генри Джорджа, широко разносившаго по Англіи идеи націонализаціи земли, которыя составляли суть его нашумѣвшаго сочиненія «Прогрессъ и бѣдность», создаетъ благопріятную почву для соціалистической постановки вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ либеральной партіи отпадаетъ немало искреннихъ радикаловъ, недовольныхъ исключительными мѣрами, направленными Гладстономъ въ 1881 г. противъ Ирландіи, его египетской кампаніей 1882 г., предпринятой въ угоду военной и капиталистической кликѣ, слабостью прогрессивной внутренней политики. «Годы гладстоніанскаго правленія протекли безъ малѣйшаго серьезнаго усилія осуществить соціальныя реформы. Даже давно обѣщанныя фискальныя реформы были преспокойно отброшены въ сторону... Бѣднякъ, повидимому, оказался совершенно внѣ поля зрѣнія «партіи прогресса», вербовавшейся изъ среднихъ классовъ. Пренебреженіе англійскими вопросами давало себя знать все сильнѣе и сильнѣе, и чувство, вызванное этими политическими инцидентами, и было главною причиною возникновенія первой опредѣленной соціалистической организаціи» *).

То была образовавшаяся въ мартѣ 1881 г. «Демократическая федерація», основателями которой были Гайндманъ, Гербертъ Баррозъ, падчерица Милля, Елена Тэйлоръ и т. п. Быстро развиваясь въ сторону настоящаго соціализма и выдѣляя изъ себя чисто радикальные элементы, она уже въ 1883 г. стала называться «Соціалъ-демократической федераціей». Къ несчастью, эта федерація съ самаго начала, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Гайндмана, ударилась въ двѣ, казалось бы, исключающія одна другую крайности. Съ одной стороны, она, какъ выразился еще Энгельсъ, «ухитрилась низвести марксовскую теорію развитія на степень застывшей ортодоксіи» **). Съ другой, желая выступить сейчасъ же на арену парламентарной борьбы, она стремилась во что бы то ни стало войти въ палату общинъ и скромпрометировала себя на выборахъ въ 1885 г. денежною помощью, принятою отъ консерваторовъ. Какъ реакція противъ этой тактики, отъ нея въ 1885 г. откалывается группа выдающихся членовъ,—поэтъ Моррисъ ***), фи-

---

*) Sidney Webb, *Socialism in England*; Лондонъ, 1893, 2-е изд., стр. 22.

**) *Briefe und Auszüge aus Briefen von... Friedrich Engels, Karl Marx...* an F. A. Sorge und Andere; Штуттгартъ, 1906, стр. 412.

***) См. о немъ этюдъ „Красота на служеніи человѣчеству“ въ моей книгѣ: Н. С. Русановъ, *Соціалисты Запада и Россіи*; Спб, 1908, стр. 138–199.

лософъ Бельфортъ Баксъ и т. п.,—и чрезмѣрно перегибаетъ палку въ другую сторону. Отказываясь отъ «парламентарнаго кретинизма», она играетъ въ руку приверженцамъ аполитической анархіи и черезъ два-три года теряетъ свое практическое значеніе, оставивъ, однако, слѣдъ на развитіи соціалистической мысли въ Англіи. Еще раньше, а именно въ 1883 г., возникаетъ такъ называемое «Фабіанское общество», члены котораго, въ родѣ Уэббовъ и Бернарда Шо, вербуются изъ рядовъ буржуазной интеллигенціи и становятся на точку зрѣнія самаго мирнаго соціализма, держащагося за постепенное развитіе и «внѣдреніе» соціалистическихъ учрежденій въ современный строй. Вдохновляясь тактикой Фабія Кунктатора,—отъ имени котораго идетъ и названіе ихъ общества,—фабіанцы стараются походить на своего родоначальника не столько тѣмъ, что собираются *побѣдить* капиталистическое общество, сколько тѣмъ, что стараются побѣдить его *медленно* и незамѣтно.

Въ гораздо болѣе тѣсную связь съ трудящимися массами вступила образовавшаяся въ 1893 г. «Независимая рабочая партія», которая пополняла существенный пробѣлъ въ соціально-политическомъ развитіи Англіи, такъ какъ ставила своей задачей перекинуть мостъ между стихійнымъ движеніемъ трэдъ-юніонистовъ и сознательной дѣятельностью сторонниковъ собственно такъ называемаго соціализма. Къ сожалѣнію, работа и этой, хотя гораздо болѣе жизненной, чѣмъ академической организаціи, совершается при крайне своеобразныхъ англійскихъ условіяхъ, которыя своимъ смѣшеніемъ добра и зла очень затрудняютъ торжество міровоззрѣнія труда. Мѣстная экономика и мѣстная политика, съ оригинальными чертами которыхъ на почвѣ Великобританіи мы познакомились въ началѣ этого краткаго очерка, продолжаютъ свое дѣйствіе. Поколебавшееся вслѣдствіе конкуренціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Германіи, но все еще очень выгодное положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ до сихъ поръ притупляетъ остріе классовой борьбы между капиталистами и рабочими изъ-за дѣлежа національнаго дохода. Исторически выработавшееся, по истинѣ замѣчательное умѣнье имущихъ и правящихъ классовъ Англіи защищать свои привилегіи путемъ своевременныхъ частичныхъ уступокъ и ловкихъ диверсій тоже мѣшаетъ дружному напору труда на капиталъ. Корпоративныя организаціи трэдъ-юніоновъ до сихъ поръ благопріятствуютъ образованію аристократіи среди рабочихъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ сохраненію давнишнихъ предразсудковъ на счетъ «самопомощи» и ея благодѣтельныхъ результатовъ въ рамкахъ современнаго капиталистическаго общества. Чрезмѣрная «кусочность» ума; чрезмѣрная любовь къ конкретнымъ деталямъ; историческая устойчивость ассоціаціи идей; медлительность объединяющей мысли у средняго англичанина,—все это мѣшаетъ массамъ слить рѣзкія, но разрозненныя впечатлѣнія отъ капиталистической эксплуатаціи въ одну систему соціализма, который только и можетъ положить конецъ страданіямъ

трудящихся классовъ. Не съ злорадствомъ, а съ чувствомъ искренняго сожалѣнія приходится констатировать, что соціальная борьба въ Англіи сводится вплоть до нашихъ дней, въ лучшемъ случаѣ, не къ торжеству трудового начала, а къ компромиссу между капиталомъ и трудомъ, при чемъ частныя пріобрѣтенія послѣдняго ведутъ лишь къ укрѣпленію основныхъ позицій перваго.

Это ясно обнаруживается на исторіи уже упомянутой «Независимой рабочей партіи» и ея растворенія въ «Рабочей партіи» безъ всякаго эпитета, выступленіе которой въ палатѣ общинъ произвело было такую сенсацію три года тому назадъ. Къ этому мы и переходимъ.

IV.

Мы дадимъ слово одному изъ самыхъ выдающихся представителей эволюціоннаго англійскаго соціализма, Джемсу Рамзею Макдональду, имя котораго часто встрѣчается подъ статьями, посвященными англійскому соціализму какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ заграничныхъ журналахъ. Онъ выражаетъ, пожалуй, лучше другихъ среднюю равнодѣйствующую стремленій, обнаруживающихся среди типичнаго соціализма Великобританіи. Онъ былъ членомъ фабіанскаго общества, но вышелъ изъ него,—по его собственному признанію въ полемикѣ съ нѣкіимъ зѣло запальчивымъ, но мало убѣдительнымъ оппонентомъ соціализма, д-ромъ Битти-Крожеромъ,—потому, что «вожаки Фабіанскаго общества думали, будто соціализмъ долженъ вползти потихоньку съ задняго крыльца, усѣсться за маленькимъ бюро и править страной отчасти путемъ ловкости, а отчасти путемъ обмана» *). Но онъ обѣими ногами стоитъ на почвѣ мирнаго развитія и, принадлежа къ Независимой рабочей партіи, съ удовольствіемъ исповѣдуется въ своей любви къ постепенности на страницахъ органа, редактируемаго его германскимъ единомышленникомъ, Бернштейномъ: «Мы переживаемъ въ Великобританіи относительный отливъ революціоннаго соціализма и огромный ростъ организацій (Gebilden), въ родѣ Независимой рабочей партіи, которыя понимаютъ соціализмъ, какъ теорію строительства» **).

Такому человѣку, значитъ, и книги, или, лучше сказать, перо въ руки, когда дѣло идетъ о повѣствованіи, откуда есть пошла «Рабочая партія» въ англійскомъ парламентѣ и куда она идетъ. Послѣ январьскихъ выборовъ 1906 г., подъ впечатлѣніемъ тріумфа своихъ товарищей по агитаціи, онъ пишетъ все въ томъ же

*) J. Ramsay Macdonald, *Socialism and Politics*; „The Fortnightly Review", 1908, іюнь, стр. 1061.

**) Его же *Socialistische Praxis*; „Socialistische Monatshefte", 1906, январь, стр. 22.

органѣ нѣмецкихъ ревизіонистовъ: «Независимая рабочая партія была основана въ 1893 г.... Члены ея вербовались преимущественно изъ трэдъ-юніоновъ... Джонъ Бёрнсъ (который еще не былъ тогда измѣнникомъ рабочему классу. Н. К.) пытался было принизить значеніе годовыхъ конгрессовъ трэдъ-юніоновъ, видя въ нихъ исключительно поле для пропаганды доктрины политической независимости и соціалистическихъ цѣлей»... Какъ бы то ни было, «въ 1900 г. трэдъ-юніонами и соціалистическими организаціями былъ совмѣстно основанъ «Союзъ представительства рабочихъ». Этотъ-то союзъ, или «Комитетъ» (Labour Representation Committee), какъ онъ чаще называется по англійски, провелъ четырехъ рабочихъ на предыдущихъ выборахъ. Онъ же выдвинулъ и на выборахъ 1906 г. свой листъ кандидатовъ, которые обязались во время избирательной кампаніи не указывать на свою принадлежность къ особой партіи (напр., къ «Независимой рабочей»,трэдъ-юніонамъ и т. д.), а называть себя просто «рабочими кандидатами»... «Мы пошли на выборы съ листомъ изъ 50 кандидатовъ, и изъ нихъ было выбрано 29... Рядомъ съ этимъ мы создали настроеніе, очень помогшее рабочимъ кандидатамъ другихъ партій и такихъ организацій, которыя, какъ, напр., союзъ горнорабочихъ, не примкнули къ намъ... Между членами комитета представительства рабочихъ 14 принадлежатъ къ «Независимой рабочей партіи», 1 къ «Соціалъ-демократической федераціи», 1 къ «Фабіанскому обществу». Такимъ образомъ, 16 изъ нихъ являются рѣшительными соціалистами, а 4 другихъ соціалистами въ практическихъ вопросахъ... Кандидаты комитета получили всего около 400.000 голосовъ... Въ парламентѣ партія будетъ независима... Она будетъ поддерживать правительство или бороться противъ него ровно въ той мѣрѣ, въ какой, по ея мнѣнію, правительство будетъ дѣлать хорошее или плохое дѣло... Наша программа работъ на первую сессію будетъ заключать въ себѣ предложенія, касающіяся реформы закона о сниманіи рабочихъ во время стачекъ. И мы будемъ храбро сражаться за отверженіе судебнаго приговора по дѣлу о стачкѣ въ долинѣ рѣки Таффъ, приговора, который постановляетъ, что трэдъ-юніонъ долженъ возмѣстить предпринимателю ущербъ, который онъ причинилъ ему во время борьбы съ нимъ. Мы будемъ выступать также въ пользу платежа жалованья членамъ парламента, снабженія пищею, насчетъ государства, дѣтей, учащихся въ школахъ, улучшенія закона о безработныхъ и еще другихъ мѣръ... Наши депутаты хотятъ, чтобы ихъ признали партійными товарищами соціалисты въ нѣмецкомъ, французскомъ и прочихъ парламентахъ. Мы стоимъ за миръ и разоруженіе, за международную дружбу и благожелательность, всемірную солидарность трудящихся» *).

---

*) Его-же, *Die Wahlen und die Arbeiterklasse in England*; „Socialistische Monatshefte“, 1906, мартъ, стр. 195—198, passim.

Посмотримъ, что же сдѣлала новая партія труда въ парламентѣ, и какія отношенія создавались между нею и либеральнымъ правительствомъ, которое является во всякомъ случаѣ органомъ защиты основныхъ интересовъ капитала и владѣнія. Прежде всего надо поставить точки надъ і въ исторіи образованія партіи англійскихъ «трудовиковъ», какъ она излагается однимъ изъ руководителей ея. Нѣтъ сомнѣнія, что эта партія являлась бы великимъ соціальнымъ прогрессомъ въ Англіи, если бы она дѣйствительно была основана на принципѣ, развитомъ нѣсколькими мѣсяцами позже все тѣмъ же выдающимися лидеромъ: «Соціализмъ безъ поддержки рабочихъ союзовъ осужденъ представлять собою движеніе, выражающееся исключительно въ безплодной критикѣ и безсильной абстракціи; трэдъ-юніонизмъ безъ соціализма является лишь безплодной, утомительной и ровно ничего не рѣшающей борьбой; соціализмъ же и трэдъ-юніонизмъ вмѣстѣ становятся творцами великаго рабочаго движенія, которое должно пересоздать существующій общественный строй» *).

Говоря вообще, это, конечно, такъ. Но весь вопросъ въ томъ-то и заключается, насколько здѣсь гармонично соединены обѣ стороны упомянутаго «великаго», преобразующаго весь міръ движенія, и, наоборотъ, не поглощаетъ ли совершенно трэдъ-юніонистская сторона дѣла сторону соціалистическую. Обратите вниманіе на составъ новой партіи. Почти черезъ два года послѣ выборовъ, когда страсти, возбужденныя поворотомъ политическаго колеса въ Англіи, уже улеглись, Макдональдъ не безъ гордости даетъ слѣдующую, дѣйствительно любопытную таблицу **):

Рабочая партія (1.741.200 членовъ).				
Трэдъ-юніоны (1.700.000 чл.).	Незав. раб. партія (40.000 чл.).	Фабіанское общ. (1.200 чл.).	Соц.-дем. федер. (7.000 чл.).	Соц. раб. партія (200 чл.?)
	Соціалисты (48.400 членовъ).			

Таблица, говоримъ мы, представляетъ большой интересъ. Но въ то время, какъ Макдональдъ видимо пускаетъ ее въ ходъ для доказательства мощи трудовиковъ, люди, стоящіе на опредѣленной соціалистической точкѣ зрѣнія, могутъ и должны, наоборотъ, выводить изъ нея слабость соціализма и, стало быть, отнюдь не торжествовать, а серьезно задумываться надъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, трэдъ-юніонистовъ, входящихъ въ составъ рабочей партіи, насчитывается 1.700.000 чел. Что представляютъ въ сравненіи съ этой

---

*) Его-же, *Socialismus oder Arbeiterpolitik*; „Socialistische Monatshefte", 1906, августъ, стр. 652.

**) Его же *Socialismus, Gewerkschaften, Arbeiterpartei*; „Socialistische Monatshefte", 1907, октябрь, стр. 830.

массой 40000 членовъ Независимой рабочей партіи, 7.000 членовъ Соціалъ-демократической федераціи, 1.200 фабіанцевъ, и т. д.? Каплю масла на поверхности обширнаго бассейна, которая можетъ окрасить своей тонкой радужной пленкой небольшое пространство всей поверхности водъ, но не въ силахъ измѣнить составъ водяной толщи. А кто знаетъ, какъ медленно зрѣютъ соціалистическія идеи внутри англійскихъ рабочихъ союзовъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ сторонники послѣдовательнаго міровоззрѣнія труда прислушиваются къ резолюціямъ ежегодныхъ трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ касательно ихъ отношеній къ соціализму; какъ часто въ этой сферѣ надежды смѣняются разочарованіями, и за шагомъ двумя впередъ слѣдуетъ шагъ назадъ,—тотъ не удивится, что таблица Макдональда способна наводить на искренняго соціалиста все, что угодно, но только не ликованье. Пусть припомнятъ хотя бы только невѣроятно спутанныя пренія и противорѣчивыя резолюціи на конгрессахъ желѣзнодорожниковъ и горнозаводскихъ рабочихъ въ октябрѣ 1906 г., когда тяготѣнье трэдъ-юніонистовъ къ либераламъ, страхъ передъ соціалистами, но въ то же время голосованье націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и копей переплелись въ самый хаотическій узоръ, давшій поводъ либеральнымъ министрамъ ничуть не хуже тори обличать «тиранію коллективизма» *).

Я уже не говорю о томъ, что фабіанствующіе историки трэдъ-юніоновъ, извѣстные читателю супруги Уэббы, въ своемъ другомъ сочиненіи, на которое они сами смотрятъ, какъ на «соціологію» трэдъ-юніонизма, не безъ удовольствія отмѣчаютъ тотъ фактъ, что промышленное развитіе рабочихъ союзовъ гонитъ ихъ въ направленіи, совершенно обратномъ тому, какое передовая мысль требуетъ для эволюціи политическихъ учрежденій. Послѣдовательные демократы ставятъ, дѣйствительно, передъ человѣчествомъ перспективу все большаго и большаго участія каждаго члена общежитія въ управленіи. Не только выборность, но и полная смѣняемость всѣхъ должностныхъ лицъ и возможно частое обновленіе администраціи; референдумъ; народная инициатива,—въ этомъ должна выражаться демократизація власти. А вотъ какой выводъ дѣлается Уэббами изъ наблюденія надъ процессомъ развитія англійскихъ трэдъ-юніоновъ: «Если... демократія означаетъ, что всякая вещь, «которая касается всѣхъ, должна и рѣшаться всѣми», и что каждый гражданинъ долженъ пользоваться равною и тожественною долею участія въ правительствѣ, то исторія трэдъ-юніоновъ ясно указываетъ на неизбѣжный въ этомъ отношеніи отрицательный результатъ. Правительство, опирающееся на такіе пріемы, какъ

---

*) См. отчетъ объ обоихъ конгрессахъ Миддльтона, второго секретаря „Рабочей партіи“: G.-S. Middleton, *Congrès corporatifs anglais*; „La Revue Syndicaliste“, 1906, ноябрь, № 19, стр. 214—218.

переходъ должностей по очереди отъ одного къ другому, массовыя собранія, референдумъ и инциціатива, или делегаты, ограничиваемые императивнымъ мандатомъ, ведетъ прямо или къ бездѣйствію и разложенію, или къ безконтрольному владычеству отдѣльнаго диктатора или опытной бюрократіи. Смутно и почти безсознательно это заключеніе, послѣ цѣлаго столѣтія опытовъ, проникло въ самые передовые трэдъ-юніоны. Старинная теорія демократіи составляетъ еще предметъ вѣры и постоянно выплываетъ, когда возникаетъ организація съ совершенно новыми цѣлями; но трэдъ-юніонистскія конституціи претерпѣли молчаливую революцію... Въ концѣ концовъ мы встрѣчаемся въ мірѣ трэдъюніоновъ съ типическими формами современной демократіи, выборнымъ собраніемъ представителей, назначающимъ и контролирующимъ исполнительный комитетъ, подъ управленіемъ котораго постоянный штатъ чиновниковъ дѣлаетъ свое дѣло» *).

При такихъ условіяхъ убѣжденнымъ соціалистамъ должно вести энергичную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень обдуманную политику по отношенію къ трэдъ-юніонамъ. Ибо въ послѣднихъ, несомнѣнно, заключается неистощимый источникъ жизненныхъ силъ для реализаціи міровоззрѣнія труда. Но чисто корпоративное движеніе должно освѣщаться идеаломъ ясной соціалистической мысли. А для этого, не унижая съ высоты абстракцій стихійное выступленіе арміи труда, соціалистамъ приходится рѣшительно вступать въ ея ряды, вести вмѣстѣ съ нею борьбу во имя существенныхъ интересовъ трудящихся, но не свертывать и не скрывать своего соціалистическаго знамени съ его основными требованіями. Это, напр., понимали и до сихъ поръ понимаютъ буржуазныя партіи консерваторовъ и либераловъ, которыя умѣли, путемъ соглашеній и договоровъ съ трэдъ-юніонами, пользоваться для своихъ партійныхъ цѣлей громадною реальною силою, заключенною въ англійскихъ рабочихъ союзахъ. И до сихъ поръ среди выдающихся трэдъ-юніонистовъ вы найдете немало людей, примыкающихъ къ той или другой, особенно же либеральной, партіи. Вспомните хотя-бы ветерана желѣзнодорожнаго трэдъ-юніонизма, депутата Ричарда Белля который до сихъ поръ, борясь за чисто профессіональные интересы своихъ товарищей, тѣмъ не менѣе въ вопросахъ общей политики и клянется, и божится символомъ вѣры либеральной партіи.

Хорошо, конечно, было то, что новая партія труда рѣшила выступать самостоятельно отъ существующихъ партій. Но не хорошо было то, что она не только не хотѣла открыто провозгласить свой соціалистическій лозунгъ и выставить свою опредѣленную программу въ отличіе отъ буржуазныхъ программъ, а, наоборотъ, старалась стереть все, что могло указывать на ея принципіальную

*) Sidney and Beatrice Webb, *Industrial Democracy*; Лондонъ, Нью-Іоркъ и Бомбей, 1897, въ двухъ томахъ, т. I, стр. 36-37.

обособленность отъ міра капитала и владѣнія, вплоть до названія. Не характерно ли, что во время выборовъ кандидатамъ новой партіи было строго воспрещено всякое оффиціальное употребленіе словъ: «соціализмъ» и «соціалистическій»? И поклонники этой хитроумной политики «вползанья соціализма съ задняго крыльца»,— какъ самъ же Макдональдъ охарактеризовалъ фабіанцевъ,—дѣлали въ этомъ отношеніи лишь ту уступку, что позволяли кандидатамъ въ уже соціалистическихъ округахъ заявлять себя соціалистами, когда того требовали перипетіи выборной кампаніи. Мало того, когда послѣ торжества на выборахъ, проведшій ихъ «Комитетъ представительства рабочихъ» искалъ названія для новой партіи, членами различныхъ входившихъ въ нее организацій было рѣшено отказаться отъ какой бы то ни было ближайшей квалификаціи и назваться просто «рабочей партіей». Отброшенъ былъ даже такой эпитетъ, какъ «независимая», и отброшенъ потому, что съ прошлой дѣятельностью «Независимой рабочей партіи» связывалось все-таки представленіе о соціалистическомъ міровоззрѣніи ея вожаковъ, напр., Киръ-Харди и др. Теоретическими истолкователями этого потайного, стыдливаго, подразумѣвавшагося только для посвященныхъ соціализма было даже вмѣнено въ особую заслугу новой партіи, что она не согласилась ввести въ оффиціальную программу «обобществленія средствъ производства и обмѣна».

Немудрено, что напоръ рабочей партіи въ парламентѣ на буржуазныя партіи и либеральное правительство оказался гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ на то разсчитывали Маккіавелли соціализма. А чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все меньше и меньше проявляется у имущихъ и правящихъ классовъ спасительный страхъ передъ новымъ міровоззрѣніемъ. Правительство же все больше и больше умѣряетъ свой преобразовательный пылъ, развивая свою дѣятельность въ плоскости очень выгоднаго для него компромисса капитала съ трудомъ, при чемъ все оттягиваемыя и въ лучшемъ случаѣ частичныя реформы только закрѣпляютъ общую вассальную зависимость рабочихъ отъ предпринимателей, а сами англійскіе «трудовики» легко могутъ на слѣдующихъ же выборахъ пострадать вмѣстѣ съ либералами отъ натиска повидимому уже крѣпнущей торійской демагогіи.

Посмотримъ, дѣйствительно, чего добилась «напиравшая» на правительство рабочая партія, и какъ велъ себя дѣйствовавшій подъ этимъ напоромъ либеральный кабинетъ. Для подведенія итоговъ этимъ результатамъ намъ нечего укладывать реформы на прокрустово ложе какой-нибудь доктринерской формулы, а лишь безпристрастно всматриваться въ факты.

V.

Наибольшую сенсацію своимъ «радикализмомъ» возбудили земельные проекты либеральнаго министерства, часть которыхъ уже стала законами, другая фильтруется пока въ палатѣ лордовъ. И, дѣйствительно, когда правительственные реформаторы, порою даже безъ всякаго сопротивленія консервативной партіи и послѣ нѣкотораго ломанья со стороны лордовъ, провозглашаютъ принципъ «муниципализаціи» земли, ея «обязательнаго отчужденія», то присутствуешь, какъ будто бы, при цѣлой революціи традиціоннаго права собственности. Но не слѣдуетъ черезчуръ увлекаться этимъ. Нѣкоторые писатели, напр., уже знакомый читателямъ Антонъ Менгеръ *), не безъ основанія указываютъ на ту особенность соціально-политической жизни Англіи, что въ этой странѣ необыкновенно развитаго капитализма планы реформъ обращаютъ, однако, по большей части, свое остріе не противъ промышленнаго капитала, а противъ капитала земельнаго: крупной собственности и получаемой ею ренты. Дѣло въ томъ, что политическая сила землевладѣльческаго класса, который очень немногочисленъ и общественное значеніе котораго уже ослаблено рядомъ реформъ, не можетъ въ Англіи идти и въ сравненіе съ политической силой собственно капиталистическаго класса. Реформаторы направляются въ сторону меньшаго сопротивленія, и, напр., даже консервативная партія безъ особаго страха пускаетъ въ ходъ, когда это ей нужно, тактику государственнаго вмѣшательства въ земельныя отношенія. Не консерваторы ли еще совсѣмъ недавно провели законъ 1-го ноября 1903 г., который далъ возможность нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ ирландскихъ фермеровъ купить земли на десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ? Такъ что прошедшій въ 1907 г. билль министра по ирландскимъ дѣламъ Биррелля представляетъ лишь расширеніе консервативной реформы путемъ введенія обязательнаго отчужденія Тотъ же принципъ обязательнаго отчужденія проходитъ красною нитью и черезъ вошедшій съ начала этого года въ силу законъ о муниципализаціи земли въ Англіи, цѣлью котораго является развитіе и укрѣпленіе класса мелкихъ арендаторовъ на сдаваемыхъ имъ органами мѣстнаго самоуправленія «мелкихъ фермахъ» (Small Holdings) и «участкахъ» (Allotments).

Спрашивается, однако, что есть въ этихъ законахъ соціалистическаго? Ничего, если не считать провозглашенія того принципа,— уже неоднократно, впрочемъ, выдвигавшагося въ англійской, да и не въ одной англійской государственной жизни,—что въ случаѣ необходимости нація можетъ вмѣшиваться въ сферу частно-право-

*) Menger, l. c., стр. 146.

выхъ отношеній. Если можно еще держаться тѣхъ или иныхъ взглядовъ на значеніе муниципализаціи земли въ Англіи, то новая реформа въ Ирландіи уже во всякомъ случаѣ означаетъ не иное что, какъ насажденіе частной земельной собственности. И надо быть фанатичнымъ до потери смысла консерваторомъ, чтобы характеризовать современное положеніе вещей въ Ирландіи словами нѣкоего «капитана» Перси Крида: «Настоящія условія жизни на югѣ и западѣ Ирландіи, при господствѣ Объединенной ирландской лиги, являются замѣчательнымъ примѣромъ приложенія,—дѣйствительнаго или пока лишь обѣщаннаго,—соціалистическихъ идеаловъ къ современному общежитію. Въ Ирландіи мы не говоримъ о соціализмѣ. Мы называемъ его просто гомрулемъ» *).

Рабочая партія пробовала было выдвинуть противъ правительственнаго проекта «муниципализаціи» земли въ Англіи свой проектъ національзаціи. Но сдѣлала это безъ особаго энтузіазма, не желая становиться въ оппозицію къ либеральному кабинету на этой почвѣ, и даже заявила, что будетъ вотировать за правительственное рѣшеніе вопроса въ виду относительной «полезности» билля. Хотя ея же ораторы въ странѣ, не связанные въ такой степени парламентарными соображеніями, рѣзко развивали тотъ взглядъ, что правительственное рѣшеніе есть въ сущности не рѣшеніе, ибо поставитъ, всего черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, націю лицомъ къ лицу съ проблемою усиленнаго аграрнаго неравенства и, стало быть, съ необходимостью передать землю въ руки всего общества.

Посмотримъ, что сдѣлала рабочая партія собственно для рабочихъ, и какъ складывались въ этой сферѣ отношенія между ней и правительствомъ. Единственная серьезная реформа, которую она провела съ достаточной энергіей, была реформа, гарантировавшая свободу коалицій, легализировавшая picketing и отмѣнявшая судебный прецедентъ по дѣлу стачки желѣзнодорожниковъ въ Таффской долинѣ (см. выше объясненія Макдональда). Тутъ новая партія выступила, дѣйствительно, такъ рѣшительно, считалась съ поведеніемъ правительства въ этомъ вопросѣ такъ мало, что заставила либеральный кабинетъ капитулировать въ самомъ началѣ преній. Правительству пришлось взять свой билль о трэдъ-юніонахъ, далеко не удовлетворявшій рабочихъ, какъ только «трудовики» представили свой законопроектъ, гораздо болѣе полный и гораздо энергичнѣе охранявшій кассы союзовъ отъ покушеній «потерпѣвшихъ» при стачкѣ капиталистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочая партія успѣла по этому поводу поднять такую агитацію, что волны расходившагося общественнаго мнѣнія внушительно докатились до курульныхъ креселъ почтенныхъ лордовъ. И эта доблестная кор-

*) Capt. Percy Creed, *The Government and Communism in Ireland*; „The Fortnightly Review“, 1908, октябрь, стр. 582.

порація, подталкиваемая извѣстнымъ вожакомъ консерваторовъ Бальфуромъ, не рѣшилась до конца сопротивляться могучему голосу міра труда и вотировала законопроектъ «рабочей партіи».

То было, впрочемъ, въ самомъ началѣ дѣятельности новой палаты общинъ, когда только что обновленная парламентарная метла мела сравнительно хорошо, и въ ушахъ избирателей еще звучало эхо пламенныхъ обѣщаній либераловъ, клявшихся въ пылу выборной кампаніи открыть невиданную эру «соціальной справедливости». Но чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ болѣе рабочая партія начинала считаться съ видами правительства, тѣмъ болѣе либералы подливали воды въ свое вино, и тѣмъ чаще оттягивались и проваливались предложенія «трудовиковъ». Такъ, билль рабочей партіи о «безработныхъ» долго не шелъ, въ силу какой-то «случайности» (sic!) дальше первого чтенія въ 1907 г. И до сихъ поръ попеченіе о прінсканіи работы фатальнымъ жертвамъ капиталистическаго перепроизводства лежитъ на обязанности пресловутыхъ «комитетовъ» (Distress Committees), которые вызваны къ жизни консервативнымъ закономъ октября 1905 г. и состоятъ изъ дорого оплачиваемыхъ лазутчиковъ буржуазнаго класса, шныряющихъ по логовищамъ несчастныхъ безработныхъ и старающихся обвинить ихъ въ «нежеланіи» трудиться. А это избавляетъ администрацію отъ необходимости занимать ихъ общественными работами или находить для нихъ дѣло у частныхъ предпринимателей. При этомъ, пока пройдетъ представленный Асквисомъ и Бёрнсомъ билль о безработныхъ, кстати сказать очень неудовлетворяющій требованіямъ искреннихъ друзей народа, «государственное попеченіе о бѣдныхъ принимаетъ такія жестокія формы, которыя положительно не находятъ себѣ примѣра за послѣднюю четверть вѣка»,—говоритъ негодующій свидѣтель совершающагося на его глазахъ краха либеральныхъ обѣщаній *).

Знаменательна также судьба биллей о государственной пенсіи для престарѣлыхъ, восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ горной промышленности, кормленіи дѣтей въ школахъ, свѣтскомъ обученіи и т. п.,—биллей, которые или предлагались рабочей партіей, или выдвигались правительствомъ подъ вліяніемъ «трудовиковъ», но съ видимою цѣлью обезцвѣтить и обезвредить для капитала и владѣнія эти реформы. Такъ, правительственный пенсіонный билль принялъ положительно видъ законопроекта о раздачѣ милостыни тѣмъ, кто будетъ признанъ властями «обнаруживающимъ желаніе работать, но не могущимъ» **), и при томъ подъ условіемъ имѣть не

---

*) Th. Rothstein, *Englische Wandlungen*; „Die Neue Zeit", № отъ 2 октября 1908 г., стр. 14.

**) Какъ тутъ не вспомнить негодующаго выпада Оскара Уайльда противъ „добродѣтельныхъ бѣдняковъ"? „Можно легко признать добродѣтели бѣдныхъ, но должно очень сожалѣть о нихъ. Часто приходится слышать, что бѣдные благодарны за милостыню. Иные между ними, несо-

менѣе 70 лѣтъ отъ роду. Это вызвало при третьемъ чтеніи негодующую реплику члена рабочей партіи Сноудэна, обвинявшаго правительство въ вѣроломствѣ и за всѣмъ тѣмъ заявлявшаго отъ лица товарищей, что, несмотря на все «отвращеніе», трудовики будутъ вотировать за него. Исторія выработки правительствомъ восьмичасового дня для горнорабочихъ напоминаетъ приводимыя Марксомъ казуистическія мудрованія судей насчетъ того, что называть въ капиталистическомъ строѣ днемъ и что ночью. Ибо оказалось, что подъ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ либералы у власти разумѣютъ въ сущности девятичасовой рабочій день: вольно же, молъ, рабочему забираться такъ глубоко въ шахту, что на входъ туда и выходъ оттуда онъ тратитъ лишній часъ. И, несмотря на протесты трудовиковъ, въ этомъ отношеніи министерство ничего, кромѣ довольно неопредѣленныхъ обѣщаній «исправить результатъ недоразумѣнія», пока не сдѣлало.

Искаженъ до неузнаваемости—на сей разъ лордами,—билль о даровомъ кормленіи дѣтей въ школѣ, возникшій по иниціативѣ рабочей партіи. Точно также искаженъ—и опять-таки лордами—и безъ того уродливый правительственный билль 1906 г. объ образованіи, которымъ либеральное министерство думало было замѣнить клерикальные по духу школьные акты 1902 г. (вошелъ въ силу 26 марта 1903 г.) и 1903 г. (вошелъ въ силу 1 мая 1904). И теперь правительство тщетно пытается новымъ биллемъ совмѣстить несовмѣстимое и объять необъятное, боясь прямо отказаться отъ требуемой либеральными принципами свѣтской школы и въ то же время желая угодить своимъ союзникамъ ирландцамъ, стоящимъ за духовную школу, да не отпугнуть либеральныхъ нонконформистовъ, ненавидящихъ поповство «Высокой церкви». А пока вотъ уже который мѣсяцъ въ странѣ и прессѣ идетъ жаркая полемика главнымъ образомъ между сторонниками вполнѣ свѣтскаго образованія, преимущественно находящимися въ рядахъ радикаловъ и

мѣнно, благодарны, но *лучшіе между бѣдняками никогда не бываютъ благодарны.* Они неблагодарны, недовольны, непослушны и склонны къ мятежамъ. И они совершенно правы. Они чувствуютъ, что филантропія является до смѣшнаго мизернымъ возвращеніемъ награбленнаго, или сантиментальной подачкой, обыкновенно сопровождающейся со стороны филантропа нахальнымъ желаніемъ тиранически врываться въ частную жизнь бѣдняковъ. Почему они должны быть благодарны за крохи, падающія со стола богачей? Они сами должны бы сидѣть за столомъ... Что касается до недовольства, то человѣкъ, который не былъ бы недоволенъ такими условіями и такимъ жалкимъ образомъ жизни, былъ бы настоящимъ скотомъ. Именно непокорность въ глазахъ всякаго, кто только знакомъ съ исторіей, и есть основная добродѣтель человѣка. Лишь благодаря непокорности совершался прогрессъ, благодаря непокорности и мятежу". Oscar Wilde, *The soul of man under Socialism*; американское изданіе „The Humboldt Library of Science", Нью-Іоркъ, № 147 отъ 15-го марта 1891, стр. 7—8.

соціалистовъ *), ярыми клерикалами, стоящими за конфессіональную школу **), и межеумочными элементами, требующими «общехристіанскаго воспитанія» ***).

Не мѣшаетъ кстати по этому поводу замѣтить, что, натыкаясь столько разъ на сопротивленіе лордовъ, либеральный кабинетъ тѣмъ не менѣе и не думаетъ стать на почву коренного рѣшенія вопроса, т. е. уничтоженія верхней палаты,—что входитъ, напр., въ программу рабочей партіи. Нѣтъ, настоящее министерство грозитъ лишь ихъ лордскимъ сіятельствамъ сложнымъ проектомъ совмѣстной коммиссіи изъ представителей двухъ палатъ, которая пыталась бы чрезъ полугодовые промежутки приводить къ соглашенію лордовъ и коммонеровъ на почвѣ спорнаго билля, при чемъ послѣдній послѣ троекратнаго отверженія верхней палатой становился бы все-таки закономъ.

Между тѣмъ, тотъ самый кабинетъ, который такъ скоро «потекъ и ослабѣлъ» въ области внутренней политики, гдѣ онъ, становясь у руля великобританскаго корабля, сулилъ великія реформы прогрессивнымъ элементамъ страны, проявляетъ такую своеобразную энергію въ «колоніальной» и внѣшней политикѣ, что хоть бы впору самымъ заядлымъ «имперіалистамъ». Новый премьеръ Асквисъ, замѣнившій умершаго Кэмпбелля-Баннермана, съ паѳосомъ развиваетъ теперь «аксіому» о необходимости для англійскаго флота быть настолько сильнымъ, чтобы справляться съ флотами, по крайней мѣрѣ, двухъ державъ,—и это послѣ горячихъ тирадъ сошедшаго со сцены вождя о разоруженіи. Съ своей стороны сэръ Эдвардъ Грей, отвѣчая на запросы въ парламентѣ, чуть не каждый день прославляетъ «счастливѣйшіе результаты англо-русскаго соглашенія», которое отдало Персію на совмѣстное съѣденіе волкамъ британскаго и россійскаго капитализма и позволяетъ либеральному министерству смотрѣть снисходительно на подвиги истинно-персидскаго Ляхова. Кабинетъ «соціальной справедливости» пріемлетъ и нимало вопреки глаголетъ кровавымъ репрессіямъ, которыя правительство Натальской колоніи примѣнило къ злополучнымъ доведеннымъ его же агентами до возстанія зулусамъ. Въ Индіи царитъ ужасающій режимъ исключительныхъ мѣръ, подавшій нынѣшнимъ лѣтомъ поводъ къ любопытному обмѣну мыслей въ парламентѣ между вожакомъ рабочей партіи, Киръ-Харди, и поддерживающимъ кабинетъ большинствомъ насчетъ того, «точно-ли», или «не точно какъ» въ Россіи функціонируетъ правительственная машина на Индустанскомъ полуостровѣ. Ибо тамъ

---

*) См., напр., J. Ramsay Macdonald, *The Education bill: the secular solution*; „The Fortnightly Review“; 1908, апрѣль, стр. 707—716.

**) The Rev. W. G. Edwards Rees, *The folly of the secular solution*, Ibid., май, стр. 905—913.

***) The Rev. I. Guinness Rogers, *An educational Concordat*; Ibid., стр. 897—904.

манифестаціи разгоняются солдатами, митинги запрещаются, и на основаніи спеціально сфабрикованныхъ законовъ о «возбужденіи населенія къ бунту» выдающіеся туземные публицисты за газетныя статьи бросаются на годы въ тюрьму или отправляются въ ссылку (дѣло извѣстнаго бомбейскаго писателя Тилака, дѣло издателя Дхонду-Фадкэ и т. д. *). И совсѣмъ недавно, въ ноябрьскомъ письмѣ короля къ населенію Индіи, по случаю 50-лѣтія присоединенія къ коронѣ территоріи бывшей Остъ-Индской компаніи, посулы насчетъ «расширенія» представительныхъ учрежденій и амнистіи только рѣзче подчеркиваютъ твердое рѣшеніе правительства «со всею строгостью противодѣйствовать всякимъ заговорамъ». Наконецъ, въ Египтѣ, между тѣмъ какъ агитація въ пользу конституціи изъ рядовъ мѣстной интеллигенціи и все расширяющихся слоевъ населенія, переходитъ даже въ высшія учрежденія страны и сказывается на бурныхъ засѣданіяхъ совѣщательнаго «Законодательнаго совѣта» (Legislative Council), британское либеральное правительство неумолимо слѣдуетъ политикѣ подавленія свободолюбивыхъ стремленій и оправдываетъ мѣры государственнаго террора «незрѣлостью туземной расы»...

И вотъ въ то самое время, какъ мы присутствуемъ при идейномъ и жизненномъ крахѣ англійскаго либерализма, близко напоминающемъ крахъ французскаго радикализма, рабочая партія не находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы рѣшительно отмежеваться отъ либераловъ. И, однако, эта политика компромисса труда съ капиталомъ можетъ только способствовать соціальной демагогіи консерваторовъ, мутная волна которой уже какъ будто грозитъ захлеснуть вмѣстѣ съ либералами и «трудовиковъ». Агитація на почвѣ «тарифныхъ реформъ» или, проще сказать, протекціонизма дѣлаетъ свое дѣло. Частичные выборы (by-elections) поворачиваются все болѣе и болѣе противъ правительства. Сторонники либеральной политики, правда, увѣряютъ, будто «ужъ это такое обыкновеніе, что всякое правительство теряетъ на частичныхъ выборахъ», какъ это тщился констатировать еще въ началѣ этого года либеральный членъ парламента, Чарльзъ Мастерманъ **). Однако, попутный вѣтеръ начинаетъ столь сильно надувать паруса консерваторовъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ истолкователи и защитники ихъ политики уже заговорили о «Возстановленіи уніонистской партіи» ***). Какъ бы то ни было, въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ текущаго года (приблизительно до 1 октября) произошло четырнадцать частичныхъ выборовъ, и, за исключеніемъ округа умершаго премьера, вездѣ либералы потеряли со времени общихъ

*) См. напр., „The Times. Weekly Edition“, № отъ 24-го іюля 1908 г.

**) Charles T. G. Masterman, *Politics in Transition*; „The Nineteenth Century and after“, 1908, январь, стр. 2.

***) W. G. Howard Griffen, *The Restauration of the Unionist Party*; „The Fortnightly Review“, 1908, іюль, стр. 100—109.

выборовъ очень значительное число голосовъ (до 12.000), тогда какъ протекціонисты-консерваторы выиграли еще болѣе этой либеральной потери (14.000). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежнее либеральное большинство сжалось до крайне незначительныхъ размѣровъ. Въ другихъ большинство превратилось въ меньшинство. Но рядомъ съ либералами потерпѣли и «трудовики».

По отношенію къ послѣднимъ придется констатировать печальные результаты той межеумочной позиціи, которую не переставала занимать «рабочая партія» на всѣхъ этихъ выборахъ. Ея оффиціальные руководители слѣдовали тактикѣ избирательнаго соглашенія съ либералами, вопреки интересамъ самостоятельно возникавшихъ то тамъ, то сямъ дѣйствительно рабочихъ кандидатуръ. При этомъ происходили акты положительнаго политическаго самоубійства. Послѣдовательные соціалисты до сихъ поръ не могутъ безъ негодованія вспомнить перипетій двухъ особенно типичныхъ выборовъ. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о томъ, чтобы въ двойномъ избирательномъ округѣ Дёнди, который уже имѣлъ одного рабочаго депутата, выставить кандидатуру еще другого трудовика. Дёнди— важный портовый и промышленный городъ Шотландіи, въ которомъ рабочіе на механическихъ заводахъ и ткачи джутовыхъ матерій составляютъ очень симпатизирующее «трудовымъ» принципамъ большинство населенія. Здѣсь и второй рабочій депутатъ имѣлъ серьезные шансы пройти въ парламентъ. Иначе рѣшилъ руководящій органъ рабочей партіи, который, чтобы не помѣшать избранію либерала, прямо атаковалъ своего же брата трудовика. Другой случай имѣлъ мѣсто въ Манчестерѣ. Здѣсь не безызвѣстный и русской публикѣ писатель Уэлльзъ (Wells), членъ Независимой рабочей партіи и вмѣстѣ фабіанецъ, написалъ открытое письмо къ рабочимъ избирателямъ, жарко рекомендуя имъ вотировать не за соціалиста, а за либерала...

Такъ происходитъ вредное для рабочаго класса сближеніе партіи труда съ либералами, и представители массъ подвергаются опасности потерять начавшій было возрастать среди міра трудящихся престижъ новой политической организаціи *). Такъ и англійскій умѣренный соціализмъ становится на наклонную плоскость «сотрудничества классовъ», по которой сползъ въ объятія радикальной буржуазіи его французскій собратъ. По одну сторону Ламанша ех-соціалисты Вивьяни и Бріанъ, министры въ кабинетѣ бывшаго анархо-радикала Клемансо, «участвуютъ» въ правитель-

*) Иное, повидимому, думаютъ сами представители постепеновскаго, „органическаго“, „англійскаго“ соціализма. Надо, дѣйствительно, носить сильно окрашенные въ розовый цвѣтъ очки, чтобы смотрѣть на вещи столь оптимистически, какъ это дѣлаетъ въ своей поверхностной, но характерной для эволюціониста исторіи „Соціалистическаго движенія въ Англіи“ нѣкто Брумъ Вилліерсъ (Brougham Villiers, *The Socialist movement in England*; Лондонъ, 1908, особенно стр. 207—224 о „Вліяніи рабочей партіи“).

ствѣ, подавляющемъ силою синдикальное движеніе рабочихъ. По другую сторону пролива, бывшій соціалистъ Бёрнсъ, обѣщавшій когда-то «пропитать» (permeate) либерализмъ идеями соціализма, но, вмѣсто того, ставшій вульгарнымъ ренегатомъ рабочаго класса, «участвуетъ» въ министерствѣ, которое въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ успѣло, какъ нельзя яснѣе, обнаружить свое банкротство въ области соціальныхъ реформъ. Примѣры, которые должны служить, казалось-бы, хорошимъ предостереженіемъ для защитниковъ интерсовъ труда!..

Не надо забывать, кромѣ того, что на континентѣ Европы самостоятельное движеніе рабочихъ представляетъ собою хорошій коррективъ противъ примиренческихъ тенденцій соціализма политикановъ à la Милльранъ или à la Бріанъ. Въ частности, на почвѣ Франціи революціонный синдикализмъ, несмотря на свои преувеличенія и тактическія ошибки, мѣшаетъ заснуть боевому политическому соціализму на лаврахъ. А въ болѣе миролюбивой Германіи «сотрудничеству классовъ» мѣшаетъ, къ счастію, сама буржуазія, которая обнаруживаетъ такой сервилизмъ по отношенію къ полуфеодальной власти, какого, кажется, трудно найти во всей новѣйшей исторіи. Не то въ Англіи. Здѣсь уснувшія какъ-будто за послѣднія 60 лѣтъ революціонныя стремленія массъ открываютъ широко ворота той политикѣ компромисса труда съ капиталомъ, которая выражается въ томъ, что рабочій классъ идетъ на буксирѣ у очень ловко маневрирующихъ либераловъ и консерваторовъ и, довольствуясь частными реформами, укрѣпляетъ основную твердыню капитализма. Бутада «независимаго соціалиста» Виктора Грэйсона, вырвавшаяся у него во время недавнихъ преній въ палатѣ о безработныхъ и брошенная имъ по адресу рабочей партіи: «измѣнники своему классу»,—эта бутада показываетъ, что опасность одомашненія рабочей партіи больно чувствуется искренними друзьями трудящихся массъ.

Однако, эта партія, послѣ треній на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, повидимому, входитъ въ великую семью интернаціонала трудящихся. По крайней мѣрѣ, на недавнемъ съѣздѣ Международнаго соціалистическаго бюро (въ Брюсселѣ), представляющаго собою исполнительный комитетъ конгрессовъ, было рѣшено отправить приглашеніе на слѣдующій международный конгрессъ и рабочей партіи Англіи. Въ такомъ случаѣ, хотѣлось бы надѣяться, что ея соприкосновеніе съ организованнымъ трудомъ всего міра придастъ ей больше послѣдовательности и больше политическаго пониманія и отниметъ у нея желаніе служить орудіемъ стараго и вѣчно юнаго компромисса между трудомъ и капиталомъ на почвѣ Англіи. Ибо мало на словахъ заявлять себя независимой отъ либераловъ и консерваторовъ партіей. Надо не давать ни малѣйшаго повода буржуазнымъ партіямъ затемнять посулами сознаніе великой арміи трудящихся...

Н. Е. Кудринъ.

Холера.

Въ прошломъ году была холера, въ нынѣшнемъ году была холера, будетъ, надо полагать, и въ будущемъ, если не случится особыхъ приключеній на небѣ и на землѣ... Быть можетъ, и въ будущіе года... Я не претендую на рѣшеніе вопроса въ цѣломъ—что дѣлать?—на научное рѣшеніе вопроса, мнѣ хотѣлось только подѣлиться съ читателемъ моимъ личнымъ опытомъ, вынесеннымъ изъ работы по холерѣ 1892—94 года, наблюденіями надъ холерой нынѣшняго года и тѣми выводами, которые получились у меня...

Въ холеру 92—94 года мнѣ пришлось работать въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ холера была очень интенсивна, при томъ я поставленъ былъ въ условія, особенно благопріятныя для наблюденій надъ холерой, для ознакомленія съ нею. Я жилъ на ярмаркѣ и работалъ на знаменитыхъ «Пескахъ». Это островъ на Окѣ между ярмаркой и городомъ, гдѣ происходитъ торговля уральскимъ желѣзомъ и гдѣ съ весны до глубокой осени идетъ кипучая жизнь, гдѣ устраиваются такъ называемые балаганы всѣхъ уральскихъ заводовъ. Кромѣ служащихъ, пріѣзжающихъ съ Урала вмѣстѣ съ желѣзомъ, довѣренныхъ, конторщиковъ, приказчиковъ, лоцмановъ, водоливовъ, подъ моимъ наблюденіемъ было около трехъ тысячъ грузчиковъ, т. е. рабочихъ, работающихъ самымъ напряженнымъ трудомъ и находящихся въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ жилья и питанія.

Я лѣчилъ и на ярмаркѣ, — и приказчиковъ, и хозяевъ, и пріѣзжихъ купцовъ, культурную и богатую публику, и въ то же время не бросалъ и городъ, продолжалъ лѣчить своихъ обычныхъ паціентовъ, въ особенности въ томъ районѣ, гдѣ всегда жилъ, окраинномъ районѣ, населенномъ мелкимъ мѣщанствомъ и ремесленнымъ людомъ, принималъ дѣятельное участіе въ городской синитарной коммиссіи и въ обществѣ врачей, и былъ приглашаемъ въ холерную коммиссію знаменитаго «искорененіемъ» холеры генерала Баранова, — т. е. имѣлъ возможность наблюдать холеру у людей низкаго и высокаго званія и борьбу съ ней низовъ и верховъ.

За три года нижегородской холерной эпидеміи у меня успѣлъ накопиться значительный опытъ и довольно большой запасъ наблюденій и личныхъ впечатлѣній. Повторяю, я не претендую на ихъ научное значеніе, но считаю не безынтереснымъ подѣлиться ими съ читателями, тѣмъ болѣе, что научныя наблюденія не страдаютъ чрезмѣрной научностью и данныя бактеріологіи и эпидеміологіи, такъ сказать, не согласованы и пребываютъ по сіе время

въ неразрѣшимомъ конфликтѣ. И сами люди науки, какъ мы увидимъ ниже, тоже не согласованы другъ съ другомъ и, случается, вступаютъ въ конфликтъ и съ наукой, и другъ съ другомъ.

Юношей я видѣлъ въ деревнѣ холеру, страшную въ обстановкѣ деревенской безпомощности, и одно это воспоминаніе объясняетъ мнѣ многое въ томъ стихійномъ паническомъ ужасѣ, который вызывало и вызываетъ по сіе время у людей одно извѣстіе, что идетъ холера. У людей не только низовъ, но и верховъ,—у культурныхъ интеллигентныхъ людей, которые такъ же, какъ и люди низовъ, какъ то не смѣли въ то время выговаривать слово «холера», а замѣняли обходными словами: «болѣзнь», «эпидемія», въ особенности словомъ «она», которое приходилось въ равной мѣрѣ слышать и отъ ремесленниковъ, звавшихъ къ больному, и въ клубѣ отъ карточнаго завсегдатая.

Но *врачемъ* я подошелъ къ холерѣ только въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 92-мъ году. Я подошелъ къ ней съ тѣмъ же двойственнымъ отношеніемъ, съ какимъ подходило, вѣроятно, большинство русскихъ врачей,—съ тѣмъ неразрѣшимымъ конфликтомъ данныхъ бактеріологіи и эпидеміологіи.

Съ одной стороны и по самому мѣсторожденію и точкѣ отправленія, и по опыту разныхъ странъ, вырисовывалось огромное значеніе и почвенныхъ, и соціальныхъ, экономическихъ условій, а съ другой стороны вотъ тутъ предъ тобой микроскопъ, разводки на питательномъ бульонѣ, холерный вибріонъ, тогда называвшійся Коховская запятая, нравы и повадки котораго такъ точно изучены, такъ несомнѣнно установлены... И невольно продвигалась впередъ, такъ сказать, всеобъемлемость, всемогущество, исчерпывающее значеніе Коховской запятой въ вопросѣ о холерѣ,—а слѣдовательно, и въ лѣченіи, и въ борьбѣ съ ней...

Мои первые же шаги породили во мнѣ массу недоумѣній, и чѣмъ дальше шли мои наблюденія, тѣмъ больше выростало конфликтовъ съ общепринятымъ пониманіемъ значенія холернаго вибріона. Пришлось пересмотрѣть все мое прежнее представленіе о холерѣ, о причинахъ и источникахъ ея, даже о картинѣ ея.

За годъ до холеры въ Нижнемъ-Новгородѣ была эпидемія инфлуэнціи. Это была необыкновенная эпидемія, до такой степени необыкновенная, что тогда возникало предположеніе,—не новая-ли это неизвѣстная эпидемія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что переболѣло болѣе половины жителей Нижняго-Новгорода. Люди заболѣвали массами, захварывали цѣлыми семьями, отъ мала до велика, этажами, домами. Гимназіи, училища, суды, банки и конторы были полны чихавшими, кашлявшими и лихорадившими

людьми. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло оканчивалось только насморкомъ, чиханіемъ и недолгимъ повышеніемъ температуры, но было много и грипозныхъ воспаленій легкихъ, плевритовъ, бронхитовъ, и тогдашняя инфлуэнція подобрала въ Нижнемъ-Новгородѣ довольно много старыхъ людей, истощенныхъ людей, затяжныхъ хрониковъ, тубуркулезныхъ, «скрипѣвшихъ» до нея. Болѣли не одни люди, переболѣли кошки, лошади. Я помню удивительное зрѣлище: десять-пятнадцать стоявшихъ на биржѣ лошадей чихали и кашляли такъ же, какъ сидѣвшіе на козлахъ извозчики.

Приблизительно то же происходило въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ холерной эпидеміи 92-го года *). Развились массовые поносы. Нижній «несло», людей «перебирало», народъ «валился». И это было не одно мое личное, но и наблюденіе всѣхъ нижегородскихъ врачей.

У меня нѣтъ статистическихъ цифръ, но думаю, что людей съ поносами тогда было не меньше, чѣмъ за годъ предъ тѣмъ чихавшихъ и кашлявшихъ. Поносы рѣзко отличались отъ обычныхъ лѣтнихъ разстройствъ желудка, они были типичные, характерные, «рисовые». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣло поносами и кончалось, но бывали случаи, что на другой, на третій день присоединялась рвота, являлись судороги, и развертывалась вся типичная картина холеры. И, чѣмъ дольше шли мои наблюденія, чѣмъ больше накапливалось у меня случаевъ, тѣмъ несомнѣннѣе становилось для меня, что эти характерные поносы, хотя безъ рвоты и судорогъ, есть несомнѣнная холера,—пусть недоразвившаяся, такъ сказать, амбулаторная, но настоящая холера.

Собственно говоря, это открытіе сдѣлали грузчики на Пескахъ, и именно работа на Пескахъ дала мнѣ самое цѣнное изъ наблюденій надъ холерой. Тамъ было нѣчто въ родѣ лабораторнаго опыта...

Въ самомъ началѣ холеры я былъ приглашенъ завѣдывать только четырьмя балаганами изъ двадцати шести, помѣщавшихся на Пескахъ, и подъ моимъ вѣдѣніемъ находилось 600—700 грузчиковъ. Въ первые дни (я велъ съ ними предварительныя бесѣды о холерѣ, въ родѣ маленькихъ лекцій, и мы уговорились, чтобы ко мнѣ обращались немедленно съ каждымъ поносомъ) изъ артелей ко мнѣ ежедневно обращались по 10—15 человѣкъ—и вотъ они обратили мое вниманіе, стали сообщать, что такого-то и такого-то несло такъ же, какъ ихъ, они не захотѣли идти ко мнѣ, а ночью судороги начались, и «въ баракъ стащили». И именно это обстоятельство опредѣлило мою позицію на Пескахъ и до извѣстной степени разсѣяло жуткую, напряженную атмосферу

*) Я не думаю устанавливать здѣсь какую-нибудь связь между холерой и инфлуэнціей, какъ одно время пытались это сдѣлать въ общей прессѣ. Онѣ рѣзко различаются даже въ эпидеміологіи, и если можно ставить вопросъ,—то только о массовомъ, такъ сказать, потрясеніи организмовъ, испытанномъ за годъ до появленія холеры.

психологіи людей Песковъ. Это было первое время холеры, время наибольшей паники и взрыва враждебныхъ чувствъ ко всѣмъ, кто хотѣлъ усмирить холеру.

Я былъ «вольный докторъ», по опредѣленію самихъ грузчиковъ, я не состоялъ ни правительственнымъ, ни даже ярморочнымъ врачомъ и приглашенъ былъ частнымъ образомъ заводоуправленіями. Меня нѣсколько знали на Пескахъ по работѣ предшествующихъ лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, въ моей памяти остались мрачныя реплики изъ заднихъ рядовъ толпы, коварные вопросы, предлагавшіеся простодушнымъ голосомъ; въ особенности остался въ памяти сумрачный взглядъ темныхъ глазъ, которымъ провожали меня вначалѣ на длинныхъársосткахъ балагановъ Песковъ. И вотъ то обстоятельство, что своевременно обращавшіеся съ поносами выздоравливали, а не обращавшіеся заболѣвали настоящей холерой и попадали въ баракъ, было такъ очевидно, такъ демонстративно для Песковъ, что въ нѣсколько дней настроеніе совершенно измѣнилось, и уже не заводоуправленія, а сами артели грузчиковъ стали обращаться ко мнѣ, чтобы я взялъ ихъ въ свое завѣдываніе. Я вездѣ велъ тѣ же бесѣды о холерѣ, и съ тѣхъ поръ за всѣ три нижегородскія холеры, въ которыя я работалъ на Пескахъ, я уже не встрѣчалъ ничего, кромѣ ласковаго и почтительнаго вниманія, и нужно было видѣть, до какой степени тщательно исполнялись мои совѣты относительно пищи и образа жизни. Именно тамъ, на многочисленномъ штатѣ служащихъ и трехъ тысячахъ грузчиковъ я пришелъ къ той истинѣ, что характерные поносы въ холерное время— есть несомнѣнная холера. До извѣстной степени это подтвердилось и экспериментальнымъ путемъ. Эти поносы такъ заинтересовали врачей, что начали дѣлать бактеріологическія изслѣдованія,—и въ поносахъ людей, у которыхъ не развивалось ни рвоты, ни судорогъ, открывали холерные вибріоны.

Изъ этого выросло для меня новое впечатлѣніе, – массовой характеръ заболѣваній холерой и *ничтожный* процентъ смертности при ней. Я подчеркиваю: ничтожный... Знаменитый процентъ смертности вообще въ эпидемическихъ заболѣваніяхъ подверженъ величайшему сомнѣнію. Строго говоря, должной постановки, разумной и научной общественной организаціи дѣла народнаго здравія не было никогда и нѣтъ по настоящее время нигдѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ регистрируются только *лѣченные* случаи и даже изъ нихъ, главнымъ образомъ, больничные случаи. Каждому опытному врачу извѣстны случаи амбулаторнаго тифа, даже амбуларторнаго крупознаго воспаленія легкихъ, которые переносятся на ногахъ и иногда только случайно попадаютъ въ сферу наблюденія врачей. Даже такая демонстративная болѣзнь, какъ скарлатина, протекаетъ иногда безъ высыпи и явленій въ горлѣ, и только по послѣдовательному шелушенію или типичному нефриту удается установить ее post factum...

Если это справедливо вообще относительно эпидемическихъ заболѣваній, то втройнѣ справедливо относительно холеры, и въ виду упомянутыхъ поносовъ, и въ виду всегда широко практиковавшагося *скрыванія* холерныхъ больныхъ.

Отсюда же выросло у меня впечатлѣніе и объ легкой излѣчимости отъ холеры, во всякомъ случаѣ, объ огромномъ значеніи своевременно принятыхъ лѣчебныхъ мѣръ. Именно *мѣръ*... Я не хочу сказать, что мною примѣнялся какой-нибудь особенно удачный лѣчебный методъ,—это было, въ сущности, то же, что практиковалось многими врачами и сводилось, главнымъ образомъ, къ обеззараживанію кишечника и къ подкрѣпленію, увеличенію самозащиты организма. Путемъ не только лѣкарствъ, но и должнаго питанія. И тотъ странный фактъ, что холера на Пескахъ протекла наиболѣе благополучно, въ сравненіи съ другими ярмарочными мѣстностями, объясняется, по моему, именно увеличеніемъ самообороны организма.

Подъ вліяніемъ паники,—тогда начинали брать разсчетъ водоливы, служившіе въ заводахъ по двадцати лѣтъ, и суда съ невыгруженнымъ желѣзомъ начинали тонуть—заводоуправленія развязали мнѣ руки и дѣлали все, что я считалъ необходимымъ по части устройства жилья для рабочихъ и въ особенности питанія. Всѣмъ выдавалась горячая мясная пища, люди не спали на землѣ, чай можно было пить, когда угодно, всѣмъ была предоставлена для питья кипяченая вода съ краснымъ виномъ и при первомъ разстройствѣ желудка горячій кофе и все то, что я считалъ нужнымъ давать. Это было такъ убѣдительно и демонстративно не только для меня, но и для рабочихъ, что рабочіе сами рѣшили увеличить расходъ на пищу въ артеляхъ, согласно моимъ указаніямъ.

Не одни «Пески». За всѣ три года холеры мнѣ вообще рѣдко встрѣчались случаи,—я говорю уже о полной картинѣ холеры со рвотой и судорогами,—гдѣ бы не предшествовалъ періодъ,—въ сутки-двое тѣхъ же поносовъ и очень часто встрѣчались случаи, гдѣ весьма подозрительные поносы даже со рвотой и легкими судорогами быстро и благополучно оканчивались при своевременномъ обращеніи къ медицинской помощи.

Здѣсь мнѣ нужно упомянуть о такъ называемой сухой, молніеносной холерѣ, о которой въ нынѣшнемъ году были извѣстія въ петербургскихъ газетахъ, и которая вызываетъ всегда воистину паническій ужасъ. Быть можетъ, то была случайность, но за три года нижегородской холеры мнѣ поразительно рѣдко приходилось встрѣчать ее и даже слышать о ней отъ товарищей. Несмотря на сравнительно большое количество несомнѣнно холерныхъ случаевъ, прошедшихъ черезъ мои руки и кончавшихся то смертью, то выздоровленіемъ, я могу вспомнить только пять-шесть случаевъ «сухой холеры» за всѣ три года. Они и теперь у меня въ памяти. Двое—

были приказчики, получившіе сухую холеру, одинъ даже безъ рвоты и поноса, а только съ судорогами и быстрымъ паденіемъ дѣятельности сердца, послѣ безмѣрныхъ, чисто-ярмарочныхъ кутежей въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей. Одинъ былъ рабочій, только что выпущенный изъ больницы послѣ брюшного тифа и одинъ былъ купецъ-персъ, по заявленію его приказчиковъ, изъ боязни холеры не ѣвшій ничего, кромѣ риса. Обыкновенно же сухой холерой называли просто тяжелые случаи, кончавшіеся смертью, а въ дѣйствительности бывшіе обыкновенными холерными случаями съ предварительными поносами, но только съ быстро и тяжело развертывавшейся картиной. И почти всегда эти нелѣпыя легенды, — я имѣлъ случай провѣрить ихъ,—складывались именно объ умиравшихъ богатыхъ людяхъ: повидимому, самая смерть отъ холеры богатаго человѣка поражала толпу и заставляла объяснять эту смерть непремѣнно молніеносной холерой.

И странное дѣло,—на фонѣ этихъ массовыхъ заболѣваній очень быстро стало вырисовываться впечатлѣніе малой заразительности самого холернаго больного. Да, массы, цѣлыя группы людей заболѣвали сразу, одновременно, но зараженія одного человѣка отъ другого,—въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ при скарлатинѣ, сыпномъ тифѣ,—установить не удавалось. Въ особенности это бросалось въ глаза въ верхнихъ улицахъ Н.-Новгорода, въ томъ районѣ, о которомъ я говорилъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ тамъ бывали единичныя заболѣванія,—я говорю о вполнѣ выраженной картинѣ болѣзни. Маляръ, слесарь, «номерной», служащій всякаго рода, работавшій на Нижнемъ Базарѣ, на ярмаркѣ, на Сибирской пристани и только ночевать приходившій къ себѣ на квартиру,—заболѣвалъ холерой. Онъ выздоравливалъ или умиралъ, но этимъ дѣло и кончалось. Оставалась семья въ той же квартирѣ, иногда въ той же единственной комнатѣ (производилась, конечно, дезинфекція, но всегда это было одна смѣхота)—и члены семьи не заболѣвали. За всѣ три года въ моей практикѣ не было *ни одного случая*, гдѣ бы развивалась семейная эпидемія, не только аналогичная грипозной, но даже такая, какая бываетъ при скарлатинѣ, сыпномъ тифѣ. Если на ярмаркѣ «валило», то въ верхнихъ улицахъ города «похватывало». Даже и на ярмаркѣ въ существѣ дѣла происходило то же самое; въ особенности это было характерно для второй и третьей нижегородской эпидеміи. Въ большинствѣ случаевъ, въ лавкахъ заболѣвалъ одинъ, и тѣмъ дѣло кончалось, несмотря на то, что ярмарочная лавка вмѣстѣ съ тѣмъ и квартира для хозяина и приказчиковъ (надъ лавкой). И тѣ случаи «молніеносной» холеры тоже никого изъ окружающихъ не заразили.

Вообще, причину заболѣванія, *путь* зараженія точно устано-

вить почти никогда не удавалось. Приходилось гадать, строить предположенія, и если можно о чемъ-нибудь серьезно говорить, какъ о поводѣ къ заболѣванію, то только о всякихъ, такъ сказать, нарушеніяхъ равновѣсія организма. Кутежи и другіе эксцессы, чрезмѣрная, напряженная работа, какая бываетъ на ярмаркѣ и у рабочихъ, и у служащихъ, и у хозяевъ, съ недостаточнымъ сномъ, иногда предшествовавшія другія заболѣванія, ослаблявшія организмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, казалось, чрезмѣрно длинное купанье очень разгоряченнаго тѣла и т. д. И, быть можетъ, сравнительно большое число заболѣваній состоятельныхъ людей на ярмаркѣ объясняется именно тѣмъ, что всѣ эти пріѣзжіе люди рѣзко мѣняли свой обычный режимъ,—и въ смыслѣ работы, и въ смыслѣ жилья и питанія,—такъ или иначе нарушали равновѣсіе организма. Менѣе всего приходилось заподозривать непосредственное зараженіе отъ больного. И также почти никогда не удавалось устанавливать зависимость отъ того или другого сорта пищи и, въ частности, отъ фруктовъ. Единственный случай, гдѣ можно было, по крайней мѣрѣ, ставить это предположеніе,—это незначительное повышеніе заболѣваній послѣ яблочнаго разговѣнья :тогда еще сохранялся обычай разговляться яблоками 6-го августа; но повышеніе было такъ незначительно, и вмѣстѣ съ яблоками было и Преображеніе—праздникъ, т. е. не одно яблочное нарушеніе равновѣсія организма, что, можетъ быть, не слѣдуетъ и говорить серьезно объ этомъ случаѣ.

Мнѣ пришлось очень близко и очень внимательно наблюдать тогдашнюю борьбу съ холерой. Я не буду въ подробности передавать ее. Она, вѣроятно, еще у всѣхъ въ памяти: холерные, непремѣнно спеціально холерные, а иногда еще выкрашенные въ спеціальную краску, отдѣльные бараки, особый костюмъ, нелѣпыя, спеціально изобрѣтенныя для холерныхъ фуры, особыя панихиды, засыпаніе мертвыхъ известкой, особыя кладбища. И принудительноетасканіе больныхъ въ это спеціальное, особо страшное... Въ памяти, вѣроятно, какъ населеніе реагировало на эту энергичную работу администраціи по искорененію холеры,—пустующіе холерные бараки, холерные бунты, скрываніе больныхъ и... отказъ отъ своевременной медицинской помощи, которая такъ важна, такъ много можетъ сдѣлать...

Въ Н.-Новгородѣ во многомъ удалось избѣгнуть дикой нелѣпицы тогдашней борьбы съ холерой: все велось открыто и гласно, на обыкновенныхъ извозчикахъ и даже въ колясках возили холерныхъ больныхъ, обыкновенныя панихиды служили, а амбулаторная лѣчебная помощь населенію была поставлена, какъ нигдѣ, и сдѣлала большое дѣло.—Но и въ Нижнемъ-Новгородѣ было *принужденіе*,—это проклятіе административной борьбы съ холерой, сдѣлавшее такъ много зла, такъ энергично способствовавшее

распространенію холеры. Оно было отмѣнено въ разгарѣ первой эпидеміи, но дѣйствовало въ началѣ и свирѣпствовало во вторую эпидемію. Главное стремленіе было направлено на то, чтобы уничтожить, искоренить очаги заразы и убить холернаго вибріона. И, прежде всего, выдѣлить, изолировать заболѣвшаго человѣка, этотъ очагъ заразы, обезвредить его для окружающихъ людей,—путемъ принудительнаго помѣщенія его не въ обычную больницу, къ которой населеніе привыкло, а непремѣнно въ холерный баракъ. Пусть это стремленіе было логично, но, какъ мѣра борьбы съ холерой, оно было глубоко безсмысленно именно на фонѣ тогдашней холерной эпидеміи! Если даже считать человѣка очагомъ и носителемъ заразы, то при тѣхъ массовыхъ поносахъ, безъ рвоты и судорогъ, но съ холерными вибріонами, поносахъ, дѣлавшихъ «посѣвы» на всемъ протяженіи города и ярмарки и въ громадномъ большинствѣ случаевъ не попадавшихъ въ сферу медицинскаго наблюденія и воздѣйствія,—смѣшно возлагать всѣ надежды на изолированіе отдѣльнаго больного и практиковать для этого такія страшныя мѣры, какъ насиліе надъ населеніемъ, игнорировать его психологію. И не только смѣшно и безсмысленно, но и прямо вредно въ интересахъ той же борьбы съ холерей, такъ какъ больше всего распространяло панику въ населеніи. Заболѣвшихъ людей вывозили ночью на лодкахъ, на телѣгахъ, прикрывши сѣномъ, соломой, мѣшками, рогожами,—лишь бы вывезти,—и, конечно, развозили холеру по окрестностямъ. Больныхъ тщательно скрывали, лѣчили своими средствіями: парили на полкахъ въ баняхъ (три цѣлковыхъ банщику!), растирали крапивой и пр. и пр.,—и только, когда нельзя было скрыть, больной собирался умирать, и могла выйти скверная исторія съ похоронами,—отправляли въ холерный баракъ.

Тогда являлась полиція и докторъ, и начиналось убіеніе холернаго вибріона. Это было, конечно, не вредно, а только глупо. Нужно было знать эти дворы бѣдныхъ, да и не бѣдныхъ домовъ, переполненныя отхожія мѣста, а иногда и отсутствіе ихъ («отправленія» на открытомъ воздухѣ), глубоко пропитанную вѣковой грязью почву и проистекающую изъ этого постоянную возможность зараженія питьевой воды, наконецъ, «культуру» обывателя, чтобы понять глубокую пустопорожность такъ называемой дезинфекціи, всѣхъ этихъ присыпокъ порошками и примочекъ разными жидкостями, направленныхъ на убіеніе холернаго вибріона, котораго, быть можетъ, сколько угодно, разгуливало предъ окнами въ грязи улицы,—чтобы понять, что эта громоздкая, пустопорожняя, стоившая, между тѣмъ, огромныхъ денегъ мѣра могла имѣть, въ лучшемъ случаѣ, только, такъ сказать, психологическое значеніе, какъ способъ успокоенія для тѣхъ, кто декретировалъ эти мѣры.

Второй мѣрой борьбы съ холерой было не пустить холернаго вибріона въ человѣческій ротъ. Это была вторая «линія поведе-

нія» административно-медицинскихъ слоевъ, и здѣсь тоже была затрачена значительная доля энергіи. И тоже трудно было рѣшить,—чего было больше: смѣшного и безсмысленнаго, или трагическаго и вреднаго.

При въѣздѣ въ городъ, на моихъ глазахъ, останавливались возы съ огурцами; огурцы сваливали въ кучу на дорогу и обливали керосиномъ. Цѣлыми коробами выбрасывались въ Волгу яблоки, плыли по Волгѣ арбузы, дыни. А населенію было объявлено, что ѣсть сырые фрукты и овощи вредно. Въ другихъ мѣстахъ Поволжья были милостивѣе и разрѣшали ѣсть огурцы и яблоки, только обмывши ихъ слабымъ, о! совсѣмъ слабымъ, растворомъ *сулемы*... Было много научныхъ методовъ, но меня, въ данномъ случаѣ, интересуютъ не административныя воздѣйствія, а вообще профилактическія мѣры, поскольку и какъ онѣ были восприняты обывателемъ. Онѣ очень скоро сдѣлались единственной линіей поведенія обывателей. Въ то время самодѣятельность общества была хотя и не въ той степени, какъ сейчасъ, но достаточно ограничена на точномъ основаніи законовъ; Верхній обыватель и тогда зналъ, что можно сдѣлать много,—просвѣтить низы хотя бы только пониманіемъ холеры, оздоровить и подкрѣпить въ смыслѣ жилищъ и въ особенности питанія и тѣмъ, до извѣстной степени, обезопасить себя, верхняго обывателя, отъ низовъ, гдѣ всегда, прежде всего, поселяется холера и откуда разселяется въ верхніе этажи, но пути были заказаны, и осталась только одна личная профилактика. Спасайся, кто можетъ! И люди спасались... разными способами. И тогда было объявлено, какъ основной принципъ, *не мѣнять рѣзко режима*, но рядомъ съ этимъ были сдѣланы многочисленныя примѣчанія и дополненія. Нельзя пить сырое молоко, квасъ. Нельзя ѣсть огурцовъ, яблокъ, арбузовъ, дынь и вообще сырыхъ фруктовъ и овощей. Т. е., другими словами, нужно измѣнять свой обычный режимъ. Какъ общее положеніе, принципъ остался, но мысль обывателя направлена была только на то, какъ бы не пустить холернаго вибріона въ ротъ, на обозрѣніе пищевыхъ продуктовъ, съ которыми онъ можетъ проскочить. Конечно, здѣсь лучше пересердствовать, чѣмъ недоусердствовать. И обыватель проявилъ здѣсь большое творчество, такъ какъ начальственныя прокламаціи оставляли много вопросовъ открытыми. Люди стали рѣшать, что холера «любитъ» и чего она «не любитъ». Огурцы и яблоки она любитъ, тоже свѣжую икру, но паюсную не одобряетъ, потому что она соленая, и паюсную можно было ѣсть. Тоже, напримѣръ, лукъ, рѣдьку, хрѣнъ, селедку: они горькіе, и холера не должна ихъ любить. Тутъ было широкое разнообразіе мнѣній и открытій, но дѣло окончилось тѣмъ, что, за рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ культурные и интеллигентные люди рѣзко измѣнили свой пищевой режимъ, т. е именно нарушили равновѣсіе организма. Огромное большинство

страшно сузило пищевой режимъ, даже щи и борщъ считались нѣсколько подозрительными, царствовали супы, молоко тоже было подозрительно, сырые овощи и фрукты совсѣмъ исключались. Въ результатѣ получилось однообразное мясное питаніе, вредно вліявшее на цѣлую категорію хрониковъ съ желудочными и кишечными непорядками, подагриковъ, сердечныхъ больныхъ, просто людей за пятьдесятъ. А если принять во вниманіе, что при общемъ, однообразно мясномъ питаніи въ зимніе мѣсяцы русскихъ культурныхъ людей, лѣтніе мѣсяцы, съ обиліемъ фруктовъ и овощей, должны играть особенно большую роль въ общей экономіи русскихъ организмовъ, то, несомнѣнно, для массы людей наносился ущербъ питанію. Это была еще благоразумная часть общества, но были люди и семьи, которые сводили питаніе до минимума, лишь бы не пустить вибріона въ ротъ: я знаю случаи, гдѣ люди питались только чаемъ съ сухарями (при томъ привезенными изъ дому) или однимъ бульономъ и яйцами. И нечего удивляться, что были случаи заболѣванія именно этихъ, чрезмѣрно осторожныхъ людей.

И тоже не всегда на счастье были быстро воспринятые публикой совѣты, клонившіеся къ убіенію холернаго вибріона... Я знаю случаи, гдѣ люди наживали разстройство пищеваренія отъ неумѣреннаго употребленія соляной кислоты, гдѣ люди, никогда не пившіе, спивались отъ краснаго вина. А въ слояхъ древняго уклада были живы преданія старины: крапива и деготь, старые рецепты, спеціальныя снадобья. Воскресла знаменитая, непреоборимая Баклановская жидкость, которой генералъ Баклановъ на Кавказѣ излѣчивалъ своихъ солдатъ отъ холеры, куда входила въ числѣ другихъ многочисленныхъ ингредіентовъ «крѣпкая водка». Мой знакомый купецъ имѣлъ свое снадобье. По секрету онъ мнѣ сообщилъ, что туда входитъ стручковый перецъ, водка пополамъ со спиртомъ и полынь, при томъ выписанная отъ пріятеля изъ Саратова, гдѣ будто бы растетъ особенно сурьезная полынь, и съ гордостью говорилъ: «Она» этого не любитъ! Противъ этого «она» ужъ не выстоитъ»... И когда къ нему заходилъ въ лавку покупатель, такой же «оптовикъ», какъ онъ самъ, онъ его встрѣчалъ словами:

— Ты подожди говорить... Знаешь, какое время! Можетъ, «она» въ тебѣ сидитъ... Дай-ка я тебя обеззаражу!..

Покупатель тоже ничего не имѣлъ противъ, они успѣшно обеззараживались и потомъ начинали коммерческіе разговоры.

По просьбѣ моего знакомца, я разъ испробовалъ его снадобья и долженъ былъ сознаться, что о вибріонѣ сказать трудно, но что́ я выстоять не могу. А онъ говорилъ:

— То съ тѣмъ, то съ другимъ... А будешь лавку запирать,—глядишь—четверть-то пустая!..

Но ни огурцовъ, ни яблокъ онъ не ѣлъ и былъ вполнѣ увѣ-

ренъ, что онъ выстоялъ противъ холеры, именно благодаря своему снадобью. И въ существѣ дѣла его психологія была психологіей массы культурныхъ и образованныхъ людей, нужно только замѣнить дикое и примитивное снадобье соляной кислотой, краснымъ виномъ, коньякомъ. И въ результатѣ всѣхъ этихъ профилактическихъ мѣръ выходило, что куда-то уходилъ въ теоретическую даль главный, основной и дѣйствительно важный принципъ—не мѣнять рѣзко житейскаго режима, люди круто мѣняли, именно, свой пищевой режимъ и или рѣзко самоограничивали себя въ питаніи, въ смыслѣ однообразія, а случалось и прямого недоѣданія, или набрасывались на всякія снадобья, рецепты и напитки, тоже рѣзко измѣнявшіе обычный режимъ человѣка. Но сырыхъ фруктовъ и овощей не ѣли. И, можетъ быть, потому, что у людей низовъ огурцы, такъ сказать, выхватывались изо рта, а люди культурные такъ были напуганы, большинство заболѣвавшихъ холерой были люди, не ѣвшіе «сырости». Потомъ «отпустило», но въ 1892-мъ году былъ какой-то ужасъ у многихъ людей передъ огурцами, квасомъ и яблоками, и уже потому одному смѣшно было винить ихъ въ распространеніи холеры. Больше того, было какое-то смутно-враждебное отношеніе къ озорникамъ, которые не исполняли этихъ несомнѣнныхъ медицинскихъ правилъ. Помню, какъ однажды, въ ярмарочной гостиницѣ, я съ товарищемъ, старымъ врачомъ, заказалъ себѣ свѣжую икру и ботвинью,—какое настороженное и нѣсколько непріязненное вниманіе возбудили мы! Мой товарищъ, видавшій холерные виды, дѣйствительно, не мѣнялъ режима и, какъ всегда, ѣлъ попеременно, въ качествѣ перваго блюда, одинъ день ботвинью, другой окрошку.

Повторяю, изъ всей этой безтолковой сумятицы профилактическихъ мѣръ въ конечномъ подсчетѣ выходило именно рѣзкое измѣненіе пищевого режима и, весьма возможно, то общее нарушеніе равновѣсія организма,—которое единственно я могъ уловить въ безплодныхъ поискахъ причинъ холерныхъ заболѣваній. И, оглядываясь на прошлое, я не знаю, чего больше принесли эти профилактическія мѣры,—пользы или вреда..

Была холера въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1893 и въ 1894 году... Я не буду касаться ихъ въ подробности и отмѣчу только особенности ихъ въ сравненіи съ эпидеміей 92 года. Не чувствовалось «заноса». Не было тѣхъ массовыхъ «подозрительныхъ» поносовъ. Людей не перебирало и не валило, а «похватывало». То тутъ, то тамъ, безъ всякой возможности установить какую-нибудь связь между тутъ и тамъ. Чрезвычайно мало было заболѣваній въ Нижнемъ-Новгородѣ, и почти не было заболѣваній у меня, на Пескахъ, въ средѣ постоянныхъ заводскихъ служащихъ, переболѣвшихъ въ предшествовавшемъ году подозрительными поносами. Получалось

впечатлѣніе, что люди какъ бы устроили себѣ иммунитетъ, самопрививку...

И въ вопросѣ о борьбѣ съ холерой я ограничусь общимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ за эпидемію 1892—1894 года, не только изъ личныхъ наблюденій надъ Нижнимъ-Новгородомъ и ярмаркой, но и изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я могъ получить литературнымъ и инымъ путемъ. Для меня внѣ сомнѣнія значеніе лѣчебныхъ мѣръ въ широкомъ смыслѣ слова, для меня внѣ сомнѣнія ихъ вліяніе на процентъ смертности, но у меня получилось горькое разочарованіе въ возможности борьбы съ холерой въ условіяхъ русской дѣйствительности. Я не знаю ни одного случая, гдѣ бы можно было называть борьбой съ холерой то, что предпринималось противъ нея,—ни одного случая, гдѣ бы человѣческія усилія въ чемъ-нибудь измѣнили естественный, такъ сказать, нормальный ходъ эпидеміи. Люди кричали, шумѣли, грозили висѣлицами, сыпали направо и налѣво порошками, заливали землю полезными жидкостями, оберегали себя профилактическими мѣрами, а холера шла сама по себѣ, нормально, своей естественной жизнью, не безпокоясь о человѣческихъ мѣропріятіяхъ. Нормально, по какому-то закону. Въ свое время, даже въ свои положенные мѣсяцы появлялась она, быстро наростала до максимума, держалась на немъ три-четыре недѣли, и медленно, медленнѣе, чѣмъ наростала, спускалась внизъ въ положенное время, въ свои положенные мѣсяцы, т. е. продѣлывала, въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, все одну и ту же исторію петербургской холеры нынѣшняго года.

Мнѣ хочется закончить эту главу воспоминаній живой картиной изъ того прошлаго опыта борьбы съ холерой. Беру ее изъ отчета по городу Керчи *). Картина интересна и характерна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это былъ рѣдкій случай, когда административной медицинѣ удалось поймать первое и единственное въ то время въ городѣ заболѣваніе холерой, а; во-вторыхъ, потому, что подъ вліяніемъ страха и подъ давленіемъ власти городъ Керчь вооружился до зубовъ и затратилъ большія для Керчи средства для того, чтобы встрѣтить этотъ первый случай: выстроилъ *три* холерныхъ барака въ разныхъ частяхъ города и, вообще, выработалъ заблаговременно стройный планъ антихолерныхъ мѣропріятій. Отчетъ оговариваетъ, что первоначальный стройный планъ, по которому предполагалось, что «у квартиры каждаго больного учреждается полицейскій постъ, не допускающій посторонней публики къ больному»,—вслѣдствіе «печальныхъ событій въ нѣкоторыхъ приволжскихъ городахъ», не могъ быть проведенъ во всей чистотѣ и, такъ сказать, принципіальности, но, тѣмъ не

*) Протоколъ засѣданія Таврическаго губернскаго врачебнаго совѣта 7 апрѣля 1908 года, по вопросу о борьбѣ съ холерою.

менѣе, встрѣча холеры въ Керчи произошла въ рѣдко обставленной «научной» обстановкѣ.

«Первый... холерный случай былъ единственный въ городѣ, поэтому былъ обставленъ въ отношеніи ухода и дезенфекціи весьма удовлетворительно. Домашняя обстановка этой первой больной была удовлетворительная. Больную посѣщали почти всѣ врачи города. Лѣчащимъ врачемъ состоялъ санитарный врачъ, онъ-же слѣдилъ и за своевременной дезинфекціей. Для ухода за больной, несмотря на присутствіе мужа и прислуги, незначено два брата милосердія, кои больничными врачами обучены были какъ уходу за больными такъ и первоначальнымъ санитарнымъ мѣропріятіямъ. Для загрязненнаго бѣлья поставлена кадка съ $0,1^{0}/_{0}$ растворомъ сулемы, также оставленъ растворъ въ ведрѣ для омыванія рукъ. Полъ вблизи кровати обильно облитъ тѣмъ-же растворомъ, дворъ дезинфицированъ согласно программѣ... Черезъ два дня случайно было открыто слѣдующее: кадка съ растворомъ сулемы помѣщается во дворѣ и наполнена бѣльемъ, которое цѣлой горой выдается надъ поверхностью раствора. Рядомъ съ кадкой баба готовитъ обѣдъ и тутъ-же стираетъ какое-то бѣлье. Мухи цѣлой кучей сидятъ на холерномъ бѣльѣ. Приставленные братья милосердія, несмотря на предупрежденія, ѣдятъ и пьютъ въ комнатѣ больного... Что касается вообще обстановки больныхъ и отношенія къ нимъ окружающихъ, то составитель отчета даетъ безнадежный отзывъ чего-либо достигнуть мѣрами дезинфекціи».

Керченская исторія типичная. Какъ знаменитый 9-футовой рейдъ передъ Астраханью со всей «полнотой» власти, примѣнявшейся тамъ, не остановилъ шествія холеры, такъ и керченскія мѣропріятія не повліяли на развитіе эпидеміи. Кажется, все было сдѣлано: и подробный планъ борьбы, хотя и не вполнѣ «научно» проведенный, былъ заблаговременно выработанъ, и рѣдкая удача выпала на долю Керчи,—поймать и достойнымъ образомъ обставить *первый* случай холеры въ городѣ,—и, тѣмъ не менѣе, эпидемія холеры 92—94 года дала въ Керчи 1021 заболѣваніе и 543 смерти при народонаселеніи всего 43.698, т. е. свирѣпствовала, какъ нигдѣ въ Крыму, и составила чуть не ¼ всего количества заболѣваній въ Таврической губерніи (4663). Не знаю, о Керчи-ли, но въ томъ-же «Протоколѣ» значится, что холерные бараки «оставались пустыми, несмотря на старанія полицейскихъ властей, земскихъ и городскихъ чиновъ»...

Не безмолвствовала въ ту эпидемію и высшая наука. Былъ командированъ профессоръ Анрепъ для контроля за борьбой съ холерой. Онъ былъ въ тотъ годъ и въ Н.-Новгородѣ, но не успѣлъ проявить творчества, такъ какъ всѣ главныя мѣры обсуждены и приняты были до его пріѣзда, и ему оставалось только работать съ правительствомъ генерала Баранова, но въ Керчи онъ себя проявилъ. «Въ личной бесѣдѣ съ врачами», говоритъ отчетъ, «указывая на необ-

ходимость обеззараживанія больного, пр. Анрепъ указалъ на недостатокъ организаціи борьбы съ холерой, замѣчающійся въ отсутствіи спеціальныхъ санитаровъ, завѣдующихъ дѣломъ постоянной дезинфекціи. По мнѣнію профессора, достаточно было имѣть для Керчи 25—30 такихъ санитаровъ, обученныхъ дѣлу и спеціально слѣдящихъ за обеззараживаніемъ всего окружающаго больного»... Вотъ какъ мило!.. И, тѣмъ не менѣе, повторяю, мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ случай за ту эпидемію, гдѣ-бы холера была прекращена раньше положеннаго ей времени.

Прошло пятнадцать лѣтъ, снова холера разлилась по Россіи, и снова развертывается все та же картина безсмысленности борьбы съ ней, безпомощности и безсилія Россіи справиться съ холерой... Все тѣ же, осужденныя мнѣніемъ всѣхъ врачей, дискредитированныя исторіей, опытомъ прошлаго санитарно-исполнительныя коммиссіи завѣдуютъ дѣломъ борьбы съ холерой! Такъ же что-то сыплютъ, чѣмъ-то примачиваютъ холернаго вибріона. И все такъ же реагируетъ населеніе на эту административно-медицинскую борьбу. Все по старому, все какъ прежде... Та же злоба и недовѣріе, такъ-же нападаютъ на бараки и такъ же, какъ прежде, пустовали въ Крыму въ нынѣшнемъ году холерные бараки, такъ же бьютъ санитаровъ, убиваютъ (фельдшера въ Таганрогѣ). Та же грязь, пользительная для холернаго вибріона, то же нестроеніе мѣстнаго самоуправленія съ Оппенгеймами во главѣ, та же безсмысленная чистка городовъ въ 24 часа, та же паника... Такъ же, какъ и въ ту эпидемію, нигдѣ холеру не «прекратили». Согласно своимъ склонностямъ и обычаямъ, невозбранно, никѣмъ не тѣснимая, въ свое время пришла холера въ Петербургъ, наростала, какъ ей полагается, должное время держалась на максимумѣ и теперь медленно сползаетъ на нѣтъ. И все тѣ же мѣры личной профилактики... Люди ничего не забыли и ничему не научились.

Во многихъ отношеніяхъ дѣло пошло назадъ. Обсужденіе вопроса о холерѣ въ прессѣ и самоуправленіяхъ стало какъ-то ниже и уже, болѣе жалко, чѣмъ пятнадцать лѣтъ назадъ. Быть можетъ, въ этомъ виновата общая атмосфера русской жизни. Да, конечно, для тѣхъ городовъ, гдѣ была холера, вопросъ о ней стоялъ близко для каждаго обывателя и, быть можетъ, временно отодвигалъ другіе вопросы; но для страны въ цѣломъ онъ тонулъ въ страшномъ обще-русскомъ вопросѣ, который давно уже держитъ въ напряженномъ состояніи всю Россію: случаи заболѣваній и смертей отъ холерной эпидеміи тонули въ той эпидеміи исключительныхъ положеній, арестовъ, обысковъ, высылокъ, экспропріацій и смертныхъ казней, которая охватила сейчасъ всю страну. Да, тамъ гдѣ-то холера, столько-то заболѣваній и смертей и даже совсѣмъ близко и даже со случаями сухой, молніеносной холеры, но

у насъ своя холера: столько-то арестовъ, высылокъ, столько-то разгромовъ культурныхъ учрежденій и столько-то сухихъ, молніеносныхъ смертныхъ казней.

Потому-ли, или по другому, но обсужденіе вопроса о холерѣ въ печати и въ мѣстномъ самоуправленіи, повторяю, какъ-то принизилось, сузилось, стало какимъ то жалкимъ и безпомощнымъ. Тогда, 15 лѣтъ назадъ, при обсужденіи вопроса о холерѣ проводилась доминирующая нота о необходимости оздоровленія городовъ и селъ, велась пропаганда путемъ брошюръ правильнаго пониманія населеніемъ вопроса о холерѣ, гдѣ можно было, читались лекціи, издавались брошюры. Настойчиво указывалось на важность въ борьбѣ съ холерой лучшей постоянной организаціи общественноврачебнаго дѣла, на необходимость широкой постановки санитарныхъ мѣропріятій: водопровода, канализаціи, жилищнаго вопроса, устройства столовыхъ для улучшенія питанія плохо питающихся людей.

Замѣчательно не то, что въ нынѣшнюю эпидемію запрещалось чтеніе лекцій о холерѣ, а то, что было мало и попытокъ къ такимъ чтеніямъ; мнѣ не попадались въ руки и не читалъ я изъ газетъ о новыхъ брошюрахъ о холерѣ. Приходилось читать въ петербургскихъ газетахъ вялыя, нечленораздѣльныя рѣчи о вялости и апатіи общества, объ отсутствіи общественной иниціативы и самодѣятельности въ борьбѣ съ холерой въ провинціи и въ Петербургѣ. Получалось впечатлѣніе, что никто въ серьезъ не интересуется холерой, что люди считаютъ совершенно безполезнымъ или невозможнымъ дѣломъ свое личное участіе въ борьбѣ съ эпидеміей, въ оздоровленіи своего мѣста.

Все это куда-то провалилось, словно по какому-то безмолвному соглашенію снята была съ очереди общая, широкая постановка вопроса, и уродливо продвинулся впередъ вопросъ о личной профилактикѣ,—о томъ, что ѣсть и что пить. Этимъ—личной профилактикой—полны были безконечныя интервью съ профессорами и видными докторами, этимъ и только этимъ, повидимому, заполнена была мысль обывателя. Уродливо это не потому только, что личныя профилактическія мѣры, по существу, доступны только сотнямъ тысячъ и совершенно недоступны милліонамъ русскаго населенія...—Ну, что-же—спасайся, кто можетъ, и гибни, немощный, безоружный!—а уродливо по скудости, убожеству, вульгарности мысли, положенной въ основу... Личная профилактика... Опять огурцы, яблоки, квасъ...

Я несправедливъ, впрочемъ... Прогрессъ и въ этой области совершался. Повидимому, огурцы и яблоки, арбузы и квасъ въ значительной мѣрѣ реабилитированы: по крайней мѣрѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ не приходилось наталкиваться въ газетахъ на обвиненіе ихъ въ спеціальномъ распространеніи холеры; но за то произведены были новыя открытія и по обвиненію въ холероноси-

тельствѣ привлечены къ слѣдствію новые обвиняемые... Мои знакомыя дамы съ полнымъ убѣжденіемъ увѣряютъ меня, что арбузъ не холерный, а дыня холерная, что яблоко не виновно, а груша виновна и не заслуживаетъ никакого снисхожденія... А профессоръ Бертенсонъ открылъ, что виноградъ изъ холерныхъ мѣстностей можетъ разносить холеру... И какъ-то скоро послѣ его открытія воспослѣдовало и подтвержденіе высоко-авторитетнаго мнѣнія: всѣ газеты обошла телеграмма, что въ Петербургѣ околоточный надзиратель умеръ отъ съѣденной имъ *виноградной вѣтки*. Извѣстіе нѣсколько удивило читателей, такъ какъ они знали, что именно въ Петербургѣ околоточные надзиратели выбираются изъ особо бравыхъ людей, которые, надо думать, вмѣщаютъ въ себя за день не только виноградную вѣтку; но непреложность телеграммы, въ связи съ высоко-авторитетнымъ мнѣніемъ профессора Бертенсона, произвела, можно сказать, ошеломляющее дѣйствіе на публику. Воспослѣдовали всѣмъ извѣстные факты продажи на Николаевскомъ вокзалѣ винограда по $^1/_2$ копѣйкѣ за фунтъ, воспослѣдовали другіе факты, быть можетъ, менѣе извѣстные публикѣ,—полное прекращеніе на югѣ спроса на виноградъ. Конечно, помимо воли и вопреки намѣреніямъ профессора Бертенсона, его открытіе сдѣлалось народнымъ бѣдствіемъ. Настолько народнымъ бѣдствіемъ, что предсѣдатель ѳеодосійскаго сельскохозяйственнаго общества С. С. Крымъ обратился къ профессору Бертенсону съ письмомъ, гдѣ просилъ его или опровергнуть газетное сообщеніе, или точно и опредѣленно высказать свое мнѣніе, такъ какъ,—писалъ г. Крымъ— «ссылаясь на ваше имя, пріостановлены всѣ сдѣлки по столовому винограду, культурой котораго занимаются мелкіе виноградари-татары», благодаря чему «большинство поселянъ-виноградарей останутся на зиму безъ куска хлѣба».

Изобрѣтеніе ткацкой машины вызвало въ началѣ голоданіе англійскихъ ткачей, но это не резонъ, чтобы не изобрѣтать ткацкой машины. И голоданіе крымскихъ, елизаветпольскихъ и, быть можетъ, еще какихъ-нибудь «поселянъ-виноградарей»—еще не резонъ, чтобы московскіе и петербургскіе люди умирали отъ ихъ винограда. Вообще цѣнность научнаго открытія остается независима отъ чьихъ-бы то ни было преходящихъ интересовъ. Это такъ, но вотъ что любопытно. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо С. С. Крыма *) почтенный профессоръ, устанавливая ограничительное толкованіе своего открытія («мною было лишь отмѣчено, что виноградъ въ числѣ другихъ плодовъ и овощей»...), подтверждаетъ, «что потребленіе винограда, привозимаго изъ холерной мѣстности, представляется опаснымъ», и ссылается, что такъ понимается и практикуется и въ другихъ хорошихъ домахъ,—въ Европахъ,—но ни однимъ словомъ не

*) „Крымскій Вѣстникъ“, № 209.

упоминаетъ о какихъ-либо прямыхъ опытахъ, объ экспериментальномъ изслѣдованіи, приведшемъ его къ такому заключенію. И потому позволительно думать, что это была, такъ сказать, амбулаторная мысль, случайно забредшая въ голову почтеннаго профессора, не подвергшаяся клинической провѣркѣ, что въ основѣ ея лежитъ то же предположеніе нижегородскихъ обывателей и моихъ знакомыхъ дамъ о томъ, что холера «любитъ», и чего она не «любитъ».

Но magister dixit. Но вотъ другой magister, профессоръ Высоковичъ, гастролировавшій въ нынѣшнемъ году въ Крыму, заявилъ газетному сотруднику, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія профессора Бертенсона объ опасности винограда *). А по прошествіи весьма непродолжительнаго времени бактеріологическая станція на Кавказѣ заявляетъ, что она производила экспериментальныя изслѣдованія, и въ результатѣ оказалось, что если впихнуть холерный вибріонъ въ нутро винограда, то онъ можетъ тамъ черезъ силу прожить 5 дней, т. е. не доѣдетъ живымъ съ Кавказа въ Петербургъ, а что на кожицѣ виноградной ягоды онъ совсѣмъ не развивается и скоропостижно помираетъ.

И удивленные народы не знаютъ, какъ имъ поступать... Взять, напримѣръ, яблоко... Нужно сказать, что и здѣсь произошелъ нѣкоторый прогрессъ. «Крѣпкіе сорта (какъ, напр., антоновскія яблоки) не уничтожались врачами, какъ не представляющіе опасности для зараженія холерой. При осмотрахъ въ Москвѣ особенное вниманіе было обращено на фрукты и овощи, привозимые по Московско-Казанской, Курской и Павелецкой линіямъ; уничтожались виноградъ, яблоки груши» *). По старому—вали валомъ, послѣ разберемъ!—хотя-бы это и причиняло народное бѣдствіе. Но вопросъ о яблокѣ остался попрежнему въ подвѣшенномъ состояніи. Я согласенъ, что антоновское яблоко крѣпкое, и холерному вибріону его не укусить, допускаю, что холера любитъ яблоки мягкія: анисъ, боровинку, андреевскій «бѣлый наливъ»; но остается открытымъ вопросъ: какъ понимать крымское яблоко—синапъ, шафранъ, кальвиль, размаринъ... Любитъ ихъ холера или не любитъ? Могутъ они выстоять противъ вибріона, или не могутъ, и тоже подлежатъ съ другими прочими обвиняемыми уничтоженію московскими базарными врачами?

И вотъ что еще смущаетъ меня. Въ упомянутомъ сообщеніи не говорится объ экспериментальномъ изслѣдованіи, а вѣдь даже явно преступныя яблоки, какъ извѣстно, «съ кислотой», которую такъ не любитъ, и въ которой такъ быстро погибаетъ холерный вибріонъ. Можетъ-ли и долго-ли можетъ жить внутри яблока вибріонъ, и способенъ-ли онъ жить на кожицѣ хотя-бы аниса и бѣлаго налива,—

---

*) Промытый въ кипяченой водѣ, по мнѣнію профессора, виноградъ вполнѣ безопасенъ. „Русск. Слово", № 215.

**) Засѣданіе въ Москвѣ коммиссіи городскихъ санитарныхъ врачей. „Русск. Вѣд.", № 221.

не совершается-ли при казни ихъ судебной ошибки, за которую при томъ платятся раззореніемъ и голодомъ люди, выращивающіе яблоки? *) И старые обвиняемые—арбузъ, дыня, «кожица» которыхъ, къ слову сказать, въ ротъ не попадаетъ?

Я не производилъ экспериментальныхъ изслѣдованій, но ихъ, повидимому, не производили и профессоръ Бертенсонъ, и московскіе врачи, казнившіе фрукты, и поэтому, не собираясь дѣлать открытій, я въ такомъ-же правѣ дѣлать не менѣе удачныя гаданія и предположенія... Не говоря уже о мягкомъ и сладкомъ, что вкусно для насъ, и что поэтому должна любить холера,—земляника, клубника, смородина, круживникъ, ежевика, малина, теренъ, — но даже и «крѣпкіе» овощи, которые по нашимъ соображеніямъ, холера не должна бы любить: лукъ, хрѣнъ, брюква, салатъ, рѣдька,—не являются-ли тоже распространителями холеры? Взять, напр., петербургскую редиску... Профессоръ Мечниковъ говоритъ, что именно редиску нужно обеззараживать тщательнѣе, дольше держать въ кипяткѣ...

И у меня является грѣшная мысль: нѣтъ-ли во всей этой борьбѣ съ фруктами и овощами нѣкоторой доли средневѣковой алхиміи? Не вытекаетъ-ли безусловное осужденіе ихъ изъ не слишкомъ научнаго и не очень мудренаго силлогизма: въ лѣтнее время нерѣдко отъ фруктовъ и овощей случается поносъ; первое проявленіе холеры — поносъ, выводъ — фрукты и овощи разносятъ холеру...

Пусть на нихъ садятся холерные вибріоны и съ ними попадаютъ въ человѣческій ротъ,—вполнѣ допускаю... Но вотъ что: кіевскіе люди сообщали мнѣ, что въ прошломъ году у нихъ было много заболѣваній среди булочниковъ, и что черезъ хлѣбъ распространялась холера. Но они не сообщили мнѣ, какъ дѣло обстояло съ печеніями, колбасами, ветчиной, семгой, сыромъ и всѣмъ тѣмъ пищевымъ довольствіемъ, которое добывается обывателями изъ магазиновъ, — какъ все это, — крѣпко было или слабо насчетъ холеры? Любитъ все это холера, или не любитъ?

Вотъ проф. Высоковичъ, опровергая цѣнность открытія профессора Бертенсона относительно винограда, сообщаетъ свое открытіе, что холера весьма любитъ сливочное масло («особенно упорно держатся холерные вибріоны»)... Охотно допускаю, что проф. Высоковичъ имѣлъ большія основанія и дошелъ экспериментальнымъ научнымъ путемъ до своего открытія, но онъ ничего не говоритъ о чухонскомъ маслѣ, о сметанѣ, о молокѣ, о сливкахъ... Во всемъ этомъ и хотя бы въ томъ же малороссійскомъ салѣ не держится-ли также упорно холерный вибріонъ? Нѣтъ, не извѣстно, мы въ сомнѣніи...

---

*) „Въ съѣдобной мякоти ихъ (арбузовъ и дынь, грушъ, яблокъ, персиковъ и т. д.), навѣрное, не существуетъ холерной заразы". Профессоръ Мечниковъ.

Пусть всѣ пищевые продукты останутся подъ сомнѣніемъ, но является вопросъ: одни-ли пищевые продукты? Извозчичья пролетка, на которой можетъ быть оставилъ слѣды холерный больной, сидѣніе трамвая, уличная грязь съ холерными вибріонами, пристающая къ подошвамъ, засаленая рублевка, потная рука знакомаго, который пожимаетъ вашу руку, ручки дверей, книги, газеты, даже порошки изъ аптеки,—не является-ли все это распространителемъ холеры? Быть можетъ, правы мелитопольскіе обыватели, отказавшіеся получать петербургскія газеты и просившіе мѣстную почту сохранить ихъ до болѣе безопаснаго времени?

А главное, человѣкъ.... Если считать человѣка очагомъ и носителемъ заразы, если припомнить категорическое утвержденіе ученыхъ, что человѣкъ можетъ чувствовать себя совершенно здоровымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носить въ себѣ сколько угодно холерныхъ вибріоновъ и дѣлать соотвѣтствующіе посѣвы, то является поистинѣ изумительнымъ, что виноградную вѣтку, ѣдущую изъ холерной мѣстности уничтожаютъ, а человѣку, ѣдущему оттуда же, предоставляютъ широкое право передвиженія. Вотъ докторъ П. К. въ «Русскомъ Словѣ» *) обращаетъ вниманіе на то, что въ холерное время въ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ разъѣзжаютъ по всей Россіи явные и тайные холерные люди и невозбранно, чрезъ уборныя, дѣлаютъ по всей Россіи холерные посѣвы, и выводитъ отсюда возможность разнесенія этимъ путемъ по городамъ и селамъ, по всѣмъ мѣстамъ русской земли, по которымъ идетъ желѣзнодорожный путь, холерной заразы. Это конечно предположительно, но ничуть не менѣе основательно, чѣмъ предположеніе о развозѣ холеры виноградомъ.

Оповѣщены у серьезныхъ людей случаи заноса человѣкомъ даже здоровымъ заразы съ собой,—своимъ бѣльемъ. Проф. Мечниковъ сообщаетъ очень убѣдительный случай, какъ докторъ, работавшій на холерѣ въ Тулонѣ и остававшійся все время здоровымъ на примѣтѣ, возвратился въ Брестъ, гдѣ въ то время не было ни одного холернаго случая и своимъ бѣльемъ заразилъ свою мать типичнѣйшей холерой **). Крымскіе врачи нынѣшней осенью разсказывали мнѣ, что первой заболѣвшей холерой въ Алуштѣ была прачка, стиравшая бѣлье какого то пріѣхавшаго изъ Петербурга господина, и что отъ нея пошла холера въ Алуштѣ въ нынѣшнемъ году.

Конечно, виноградъ, огурцы, арбузы, яблоки, груши можно уничтожать,—но что дѣлать съ людьми? Уничтожать ихъ въ интересахъ борьбы съ холерой никто еще до сего времени не предлагалъ,—въ такомъ случаѣ что же съ ними дѣлать? Обдавать ихъ кипяткомъ, какъ яблоки, или обмывать слабымъ растворомъ сулемы или опрыскивать растворомъ карболки, посыпать хлорной известью?

*) „Русск. Слово“, № 213.
**) „Русск. Вѣд.“ № 216, - Бесѣды о холерѣ.

Или устроить пятидневные карантины для людей, ѣдущихъ изъ Керчи въ Вологду и изъ Вологды въ Керчь, какіе въ нынѣшнемъ году были устроены въ Турціи для пріѣзжающихъ изъ Крыма,— карантины въ Петербургѣ, въ Керчи, въ Царевококшайскѣ, въ Астрахани?! Или пятидневный надзоръ за пріѣзжающимъ, какой былъ устроенъ въ Парижѣ за русскими?

Быть можетъ, нужно просто запереть въ холерной мѣстности человѣка, какъ виноградную вѣтку, и не позволять выѣзжать хотя бы изъ того же Петербурга ни публикѣ, ни разнымъ чиновнымъ землеустроителямъ, которые могутъ распространять холеру по всей Россіи..

Но и внутри охваченнаго эпидеміей мѣста тоже человѣкъ съ человѣкомъ въ непрерывномъ общеніи... Дѣти ходятъ въ школы, а родители въ канцеляріи, въ присутствія, въ конторы, въ бани, въ театры, въ рестораны—вездѣ человѣкъ, вездѣ зараза. Какъ тутъ принимать научно профилактическія мѣры? Много людей одиночекъ, которые должны обѣдать въ кухмистерскихъ, въ ресторанахъ и, слѣдовательно, не имѣютъ возможности подогрѣвать хлѣбъ до рекомендуемой проф. Мечниковымъ температуры и ѣсть кушанья, какъ онъ совѣтуетъ, съ блюдъ, подъ которыми стоитъ спиртовая лампочка. Не безопаснѣе обстоитъ дѣло и въ семьяхъ, гдѣ можно устроиться и съ хлѣбомъ, и съ спиртовыми лампочками. Тамъ есть прислуга, человѣкъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова. Человѣкъ не очень опрятный, не очень чистоплотный, бѣгающій въ лавочку, приходящій въ ежеминутное общеніе съ другими, тоже не очень опрятными и не очень чистоплотными человѣками... И тотъ же проф. Мечниковъ разсказываетъ *) случай въ Александріи въ Египтѣ, гдѣ умерла пожилая дама, питавшаяся главнымъ образомъ мяснымъ бульономъ, гдѣ ни о «сырой водѣ, ни о сырой пищѣ не могло быть рѣчи», дама, заразившаяся, по заключенію лѣчившихъ ее лучшихъ докторовъ, черезъ холодный бульонъ, который она пила лѣтомъ, отъ прислуги, болѣвшей «легчайшимъ» разстройствомъ кишекъ, сопровождавшимся выхожденіемъ изъ ея организма множества холерныхъ вибріоновъ, присутствіе которыхъ было доказано бактеорологическими изслѣдованіями...

. . . .

Скучно перебирать все это... Невольно приходитъ въ голову мысль, не являются-ли всѣ и все, къ кому и къ чему человѣкъ прикасается, источникомъ заразы,—не сидитъ-ли вездѣ вибріонъ? Нельзя-ли сказать вообще, что въ холерное время вибріонъ всюду и вездѣ,—до такой степени всюду и вездѣ, что рѣшительно всѣ живущіе въ мѣстности, охваченной холерой, воспринимаютъ въ себя тѣмъ или инымъ путемъ холерный вибріонъ, до такой сте-

---

*) Ил. Мечниковъ. О мѣрахъ личнаго предохраненія противъ холеры. Изд. Свободной Россіи, стр. 11—12.

пени всюду и вездѣ, что совершенно безсмысленно разыскивать тѣ или иные пищевые продукты, изолировать способы передачи заразы и пытаться этимъ путемъ предохранить себя отъ проникновенія холернаго вибріона.

Отъ всего этого смѣшно и стыдно. Смѣшно отъ этой мало осмысленной ловли холернаго вибріона и стыдно за то убожество, нищету, вульгарность мысли, которая сказывается въ попыткахъ *такимъ* путемъ бороться съ холерой...

Вѣдь въ концѣ концовъ изъ всего этого получается единственный логическій выводъ: разбѣжаться людямъ по лѣсамъ, по степямъ, по морямъ, по горамъ, по необитаемымъ островамъ, или, въ лучшемъ случаѣ, запереться у себя дома и прекратить всякое общежитіе, свиданія другъ съ другомъ, пароходныя и желѣзнодорожныя сообщенія,—перестать жить группой, обществомъ, народомъ...

Но, можетъ быть, не такъ ужъ страшно? Нельзя ли и во время холеры жить въ Петербургѣ, не лишая себя благъ культуры и цивилизаціи?

Прежде всего, благополучно ли обстоитъ дѣло съ самимъ холернымъ вибріономъ, въ смыслѣ сведенія къ нему одному и клинической картины заболѣванія, и всего хода и развитія холерной эпидеміи? Тѣ недоумѣнія, которыя возбудила въ этомъ отношеніи холера 92 — 94 года, не разсѣялись, а скорѣе сгустились въ нынѣшнюю эпидемію. Несомнѣнная холера, а вибріоновъ въ выдѣленіяхъ не оказывается; человѣкъ несомнѣнно здоровъ, а въ выдѣленіяхъ масса холерныхъ вибріоновъ... «Закончено бактеріологическое изслѣдованіе выдѣленій ткачихи... поступившей въ фабричную лѣчебницу 12-го сентября съ симптомами болѣзни, подозрительными по холерѣ... — холерныхъ вибріоновъ не найдено. Бактеріологическимъ изслѣдованіемъ въ выдѣленіяхъ кухарки А. Фокина (умершаго отъ холеры) найдено много вибріоновъ азіатской холеры, но кухарка чувствуетъ себя здоровой и настойчиво требуетъ, чтобы ее выпустили изъ Измайловской больницы (Москва)»... Это изъ одной и той-же замѣтки *), и такихъ совпаденій можно было подыскать, сколько угодно.

Я остановлюсь только на одномъ крупномъ и всѣмъ извѣстномъ фактѣ,—заболѣваніи холерой юнкеровъ Павловскаго военнаго училища. Оффиціальное сообщеніе въ «Русскомъ Инвалидѣ» **) гласило: «6-го сентября вечеромъ и ночью заболѣло острокишечнымъ разстройствомъ 9 юнкеровъ, днемъ девятаго число заболѣвшихъ возросло до 25, 10-го достигло 57. *У 15 юнкеровъ* при бактеріологическомъ изслѣдованіи найдены холерные вибріоны». Два кадета умерли.

*) „Русск. Вѣдомости" № 214.

**) Цитирую по „Крымскому Вѣстн." № 207.

«Новое Время» ***) вноситъ значительныя поправки къ оффиціальному сообщенію. *6-го сент.*—повидимому, опечатка, т. к.,.по «Нов. Вр.», юнкера стали съѣзжаться 8-го сентября. Въ тотъ же день къ вечеру одинъ юнкеръ заболѣлъ желудочно-кишечнымъ разстройствомъ, а къ 12 ч. ночи слегли въ лазаретъ съ той-же болѣзнью еще 12 человѣкъ, въ 2 часа ночи было уже 24 больныхъ юнкера *со всѣми признаками холеры* и т. д.

Случай въ Павловскомъ военномъ училищѣ необыкновенно интересенъ и важенъ во многихъ отношеніяхъ. Тутъ все интересно: и заболѣваніе сразу массы людей, а не зараженіе другъ отъ друга, и быстрота наростанія заболѣванія, и неизвѣстность непосредственнаго источника эпидеміи,—сласти и фрукты, привезенные юнкерами изъ дому, упоминаемые въ «Нов. Врем.» потреблялись, конечно, юнкерами и дома, и въ пути, да и въ печати были сообщенія о кухонномъ мужикѣ, незадолго передъ тѣмъ перенесшемъ холеру. (Мнѣ передовали освѣдомленные люди, что тамъ холерные вибріоны найдены были и у пекарей, которые не только пекли хлѣбъ, но и рѣзали его...) И весь этотъ случай является точной копіей того, что происходило въ эпидемію 92-го года въ артеляхъ рабочихъ на Пескахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, — до ничтожнаго процента смертности включительно (Изъ 57 заболѣвшихъ, по однимъ извѣстіямъ, двое умерло, а по другимъ—четверо). Но меня интересуетъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ другое.

Болѣзнь, несомнѣнно, одна и та же, это для всякаго очевидно (*«со всѣми признаками холеры»*). И, тѣмъ не менѣе, въ пятнадцати случаяхъ оказались холерные вибріоны, а въ 42-хъ не оказалось, на каковомъ основаніи эти двѣ группы и были размѣщены въ строго изолированныя другъ отъ друга палаты. Получается изъ этого и изъ другихъ фактовъ одинъ непреложный выводъ: холерный вибріонъ, очевидно, не вездѣсущій и не всеисчерпывающій фактъ, по крайней мѣрѣ, діагностическій, для холеры.

Но допустимъ, что холерный вибріонъ и холера—одно и то же, покрывающія другъ друга понятія, что есть вибріонъ, значитъ, есть и холера, и наоборотъ, и, что попадая въ человѣческій ротъ, онъ непремѣнно производитъ у человѣка холеру. Пусть. И выводы, проистекающіе изъ этого, вполнѣ ясны и несомнѣнны. Какъ-бы это ни было трудно и сложно, — разъ холера отъ холернаго вибріона, попадающаго въ человѣка черезъ ротъ, необходимо ловить его, во что бы то ни стало и чего-бы то ни стоило. Ловить и снимать съ кожицы арбуза и дыни, съ виноградной вѣточки... Но вотъ что. Культурные, интеллигеные люди города Петербурга трепещутъ и обливаются холоднымъ потомъ при одномъ словѣ холера, и все свое вниманіе и всю свою жизнь направляютъ на то, чтобы какой-нибудь шальной холерный вибріонъ не попалъ въ ихъ ротъ,—

---

*) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“.

но вотъ профессоръ Петенкоферъ и ученикъ его Эммерихъ выпили разводку изъ превосходныхъ жизнедѣятельныхъ гамбургскихъ вибріоновъ. Это было, по существу, даже не путешествіе Нансена на сѣверный полюсъ, а это былъ полетъ Андре на воздушномъ шарѣ... Тотъ же страшный опытъ самопожертвованія, на который способны только люди великаго исканія истины, продѣлалъ проф. Мечниковъ съ своимъ ассистентомъ.

И Петенкоферъ, и проф. Мечниковъ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы опытъ прошелъ въ чистомъ видѣ. Они приняли предварительно растворъ соды, чтобы не помѣшала чистотѣ опыта соляная кислота желудочнаго сока, вредная для холернаго вибріона. Принимали въ разныхъ видахъ холерный вибріонъ и другіе люди, цѣнящіе свою жизнь ниже истины. Многократно принималъ въ себя холерныхъ вибріоновъ и пр. Заболотный, благополучно здраствующій.

И вотъ что оказалось. Несмотря на всѣ «профилактическія мѣры», направленныя къ тому, чтобы не помѣшать развернуть въ полномъ видѣ свое дѣйствіе холерному вибріону, онъ оказывался безсильнымъ или, вѣрнѣе, слабосильнымъ.

Да, послѣ добрыхъ дозъ холернаго вибріона у Петенкофера былъ поносъ, продолжавшійся даже около 10 дней, но онъ все время велъ свою обычную жизнь и свои университетскіе занятія. И только Эммерихъ, не только обезвредившій соляную кислоту, но и устроившій, спеціально для чистоты опыта, предварительно «эксцессы въ пищѣ и питьѣ» — добился для себя нѣкотораго подобія азіатской холеры. Профессоръ Мечниковъ упоминаетъ въ своей статьѣ *) о нѣсколькихъ другихъ лицахъ, поглощавшихъ подъ его наблюденіемъ холерныя разводки... «Спустя нѣкоторое время, развилось растройство кишечнаго канала, не представлявшее ни малѣйшей опасности и не сопровождавшееся ни однимъ изъ признаковъ настоящей холеры. У нихъ не было ни рвоты, ни судорогъ, ни общей слабости, ни пониженія температуры тѣла и проч.».

Проф. Мечниковъ говоритъ о юношѣ изъ его лабораторіи, который выпилъ разводку холерныхъ вибріоновъ и получилъ, наконецъ, настоящую азіатскую холеру съ рвотой и судорогами, хотя и благополучно перенесенную имъ. И этотъ единственный удачный экспериментальный опытъ, повидимому, убѣждаетъ проф. Мечникова, что все дѣло холеры сводится къ Коховскому холерному вибріону. Такъ. Было,—значитъ, было,—юноша получилъ отъ вибріона настоящую холеру... Но почему же, — профессоръ Петенкоферъ не заболѣлъ? Почему опыты самого профессора Мечникова, его ассистента и «нѣкоторыхъ другихъ лицъ», безукоризненно въ научномъ смыслѣ поставленные, не дали должной картины азіатской холеры?

---

*) „Русск. Вѣд." № 215.

Трудность сведенія всего вопроса о холерѣ къ «запятой» такъ очевидна, трещина въ цитадели Коховской теоріи такъ огромна, что мимо нея нельзя пройти даже приверженцамъ этой теоріи. И тотъ же проф. Мечниковъ для того, чтобы обойти многочисленные случаи безнаказаннаго принятія внутрь огромнаго количества холерныхъ вибріоновъ и объяснить единственный случай ихъ вредоноснаго дѣйствія, долженъ былъ допустить предположеніе, что въ дѣлѣ холеры принимаетъ участіе не одинъ x—Коховскій вибріонъ, но и y, остающійся по сіе время неизвѣстнымъ. Проф. Мечниковъ говоритъ въ той же статьѣ о «бактеріальной флорѣ нашего кишечнаго канала», которая можетъ благопріятствовать или не благопріятствовать проявленію жизнедѣятельности холернаго вибріона. И этой разницей кишечной флоры объясняетъ упомянутый случай съ юношей.

Если это такъ, если для полученія полной картины азіатской холеры нужна и неизбѣжна, рядомъ съ Коховскимъ холернымъ вибріономъ, наличность соотвѣтствующей флоры въ кишечникѣ человѣка, то къ чему же сводится роль этого холернаго вибріона? Если самая постановка этого теоретическаго вопроса играетъ огромную роль въ научномъ слыслѣ, то въ практическомъ отношеніи, въ смыслѣ профилактическихъ мѣръ, она если не сводитъ къ нулю, то обязываетъ къ полному пересмотру всѣ шаблонные, ходячіе совѣты и мѣропріятія. Наличность соотвѣтствующей флоры въ кишечникѣ человѣка, помогающей вибріону или губящей его...

Да, сливочное масло, яблоки, груши, арбузъ, виноградная вѣтка,—пусть ихъ холерный вибріонъ любитъ,—но какъ они вліяютъ на кишечную флору человѣка,—въ благопріятномъ для холернаго вибріона или вредномъ смыслѣ? И устраненіе ихъ изъ пищевого бюджета въ холерное время благопріятствуетъ или не благопріятствуетъ развертыванію холернаго вибріона въ картину азіатской холеры? Кто это знаетъ? Проф. Мечниковъ, очевидно, не знаетъ, такъ какъ допускаетъ совершенно странное положеніе... «Легко понять поэтому, что въ данной мѣстности или въ данное время, когда развивается холерная эпидемія, это флора должна благопріятствовать Коховскому вибріону у многихъ лицъ, тогда какъ въ городахъ, невоспріимчивыхъ къ холерѣ, она должна оказывать обратное дѣйствіе».

Понять не легко, а необычайно трудно...

Да, кромѣ икса, недавно неизвѣстнаго и сдѣлавшагося совершенно извѣстнымъ, есть игрекъ, темный, необслѣдованный...

Есть игрекъ Петенкофера,—почвенныя условія, въ томъ смыслѣ, какъ это разумѣется относительно маляріи, гдѣ между малярійнымъ началомъ и человѣкомъ есть передаточная станція-комаръ, *пока* одинъ комаръ... *Комара* для холеры до сего времени не найдено,

но вліяніе мѣстности — такой утесъ, о который разбиваются не холерные вибріоны, а исторія, сводящая всю холеру къ холерному вибріону...

Тутъ идетъ расхожденіе данныхъ бактеріологіи и эпидеміологіи. И странное дѣло, — именно вступая въ область этого Петенкоферскаго игрека, получаешь впечатлѣніе, какъ будто изъ темнаго нелѣпаго лабиринта, перегруженнаго нелѣпыми виноградными вѣтками, средневѣковой алхиміей, амулетами и заговорами, выходишь на широкій свѣтъ, гдѣ много солнца, гдѣ все ясно, все видно...

Извѣстно и переизвѣстно, что есть мѣстности, города, села, области, которые холера любитъ, и которыхъ она не любитъ, гдѣ она часто бываетъ и подолгу засиживается, и куда она совсѣмъ не заглядываетъ. Тотъ же проф. Мечниковъ отмѣчаетъ Франкфуртъ на Майнѣ и Штутгардтъ, какъ не воспріимчивые къ холерѣ города; рядомъ съ холернымъ Парижемъ не холерный Версаль и въ особенности, странный Ліонъ, не воспріимчивый къ холерѣ, несмотря на то, что онъ какъ разъ помѣщается въ серединѣ между воспріимчивыми Марселемъ и Парижемъ. Въ Россіи тоже извѣстны города, не воспріимчивые къ холерѣ, какъ Царское Село, Липецкъ, повидимому, Балаклава, нѣкоторыя мѣстности Финляндіи. Эта область эпидеміологіи мало разработана, но существуютъ данныя, приблизительно намѣчающія, какія мѣста холера любитъ, и какія она не любитъ. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ источника, который я уже цитировалъ *).

Оказалось, что у большой холеры 92—94-го года, при всей капризности распредѣленія заболѣваній холерой, была опредѣленная тенденція. Любопытно, что изъ 230 мѣстъ, захваченныхъ эпидеміей холеры 92—94 года, въ Таврической губ. въ ста, т. е. приблизительно въ половинѣ случаевъ, холера дала одно-два заболѣванія. Это были, въ существѣ дѣла, тѣ же единичныя заболѣванія въ верхнихъ улицахъ Нижняго-Новгорода, о которыхъ я упоминалъ.

Вотъ два села, — назовемъ: Ивановка и Петровка. Люди живутъ бокъ-о-бокъ, въ одинаковыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ, одна у нихъ кишечная флора, поскольку зависитъ она отъ питанія, и, тѣмъ не менѣе, въ Ивановкѣ народъ валится, а въ Петровкѣ «болѣзни» нѣтъ. Въ Петровку люди пріѣзжаютъ изъ Ивановки и привозятъ съ собой холеру и дѣлаютъ тамъ посѣвы, — случается, заболѣетъ одинъ, но эпидеміи не дѣлается... Положимъ, въ Ивановкѣ прининимаются всякія строжайшія профилактическія мѣры, согласныя съ послѣдними словами науки, а въ Петровкѣ игнорируютъ всякую профилактику и безсовѣстно ѣдятъ виноградныя вѣтки и сливочное масло, если оно полагается по чину,

*) Протоколъ засѣданія врач. совѣта Таврической губ.

и яблоки, груши, дыни и арбузы, привезенные изъ Ивановки. И ничего съ петровцами не дѣлается прискорбнаго, какъ не дѣлалось прискорбнаго съ Петенкоферомъ и Мечниковымъ, и только единичными случаями оканчивается несомнѣнный заносъ холеры. Въ томъ же обзорѣ хода холерной эпидеміи въ Таврической губ. за 92—94 гг. отмѣчалось, что холера развертывалась въ низкихъ мѣстностяхъ, у моря, у рѣкъ, она шла долинами, балками, по степнымъ рѣчкамъ, по Днѣпру и не заходила или давала 1—2 заболѣванія въ селахъ, расположенныхъ на высотѣ отъ 20 до 60 саженъ надъ уровнемъ моря, а въ нагорной части Ялтинскаго уѣзда совсѣмъ не появлялась.

Но еще важнѣе, чѣмъ мѣста, не воспріимчивыя къ холерѣ по своимъ естественнымъ условіямъ, отмѣтить мѣста, сдѣлавшіяся не воспріимчивыми, благодаря усиліямъ людей. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ 71-мъ году Ялта, въ которой тогда не было канализаціи, тогдашняя маленькая Ялта, дала до 80 случаевъ холерныхъ заболѣваній; въ 93 году Ялта дала только 16 заболѣваній, изъ которыхъ только 1 падаетъ на канализированную часть города, а остальныя на Дерекой и Зарѣчье (9), тогда еще не присоединенные къ канализаціи. Изъ 18 извѣстныхъ мнѣ случаевъ, случаевъ нынѣшняго года опять-таки только 1 падаетъ на канализированную часть Ялты, въ канализированномъ Зарѣчьѣ уже холеры не было, а попрежнему она развивалась въ Дерекоѣ и въ слободкахъ, гдѣ нѣтъ канализаціи.

Цѣлыя страны оказываются въ состояніи забронировать себя отъ холеры, *сдѣлаться* не воспріимчивыми къ холерѣ. Было время, когда и въ Англіи валился народъ отъ холеры *), и вотъ уже 50 лѣтъ, какъ Англія не знаетъ холеры. Она не устраиваетъ у себя карантиновъ, со всѣхъ концовъ міра привозятъ къ ней на корабляхъ все, что даютъ всѣ концы міра, въ томъ числѣ и холернаго вибріона. Лондонъ вчетверо больше Петербурга, тамъ тѣ же приблизительно климатическія условія, какъ въ Петербургѣ, есть своя Нева, то же обиліе влаги, еще меньше солнца и больше тумановъ, чѣмъ въ Петербургѣ,—и, тѣмъ не менѣе, ни въ Лондонѣ, ни въ Глазго, ни въ Саутгемптонѣ не бываетъ петербургскихъ исторій. Дѣло, конечно, не въ одной канализаціи,—не вездѣ она,—а въ общихъ условіяхъ индивидуальной и соціальной жизни, во всемъ томъ, что такъ рѣзко отдѣляетъ Англію отъ Россіи, въ томъ общемъ прогрессѣ страны, который такъ рѣзко понизилъ процентъ смертности въ Англіи за указанные 50 лѣтъ.

Дѣло не въ одной канализаціи, не въ однихъ почвенныхъ условіяхъ, вообще не въ однихъ сонитарныхъ мѣропріятіяхъ; въ вопросѣ о холерѣ останется пустое мѣсто, если не остановить

---

*) Въ одномъ 1849 году въ Англіи умерло (въ 21 городахъ) 53.237 человѣкъ.

вниманія на воспріимчивости организма къ заболѣваніямъ, на степени сопротивленія организма эпидемическимъ заболѣваніямъ вообще, на самозащитѣ человѣческаго организма въ широкомъ смыслѣ слова.

Вѣроятно, многіе изъ публики изъ популярныхъ брошюръ и лекцій слышали о знаменитомъ открытіи того же проф. Мечникова о существованіи въ организмѣ человѣка самообороны противъ поступающихъ въ него вредныхъ бациллъ. Человѣчество давно вымерло бы отъ одного туберкулеза, если бы въ организмѣ человѣка не заложено было самозащитныхъ средствъ. Туберкулезъ вездѣ— въ пыли улицъ, въ воздухѣ всѣхъ мѣстъ скопленія людей, въ театрахъ, школахъ, въ церквахъ, въ конторахъ, въ банкахъ. Вскрытія въ Берлинѣ умершихъ отъ другихъ болѣзней дали что-то около 90% туберкулеза въ разныхъ стадіяхъ,—медленно протекавшихъ очаговъ, зарубцевавшихся фокусовъ, у людей, поступавшихъ въ больницы не для лѣченія туберкулеза, умиравшихъ отъ другихъ болѣзней, быть можетъ, даже не подозрѣвавшихъ у себя туберкулеза. Несомнѣнно, заболѣваемость туберкулезомъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ, и процентъ смертности опять таки ниже оффиціальныхъ цифръ. Въ сторону повышенія этихъ самозащитныхъ средствъ организма идетъ вся работа по туберкулезу до туберкулинныхъ впрыскиваній включительно, и онѣ, оборонительныя силы организма, а не ловля туберкулезнаго бацилла, избавятъ человѣчество отъ туберкулеза. Я говорю о самозащитныхъ средствахъ организма въ широкомъ смыслѣ слова.

Гораздо въ большей степени примѣнимо это къ холерѣ. При той, такъ сказать, всеобщности заболѣваній ею, о которой я говорилъ,—населеніе городовъ и цѣлыхъ областей, несомнѣнно, вымирало-бы поголовно, если бы не эти силы самообороны, заложенныя въ организмѣ. И, быть можетъ, нигдѣ человѣкъ не поставленъ такъ благопріятно въ своей самозащитѣ, какъ именно въ дѣлѣ холеры. Уже тѣ массовые холерные поносы, которые мнѣ приходилось наблюдать, и которые отмѣчаются всѣми врачами, говорятъ, какъ легко справляется человѣкъ съ холерно-заразнымъ началомъ. Намъ извѣстно, что инфлуэнція не щадитъ бель-этажей, для нея нѣтъ табели о рангахъ, и нѣтъ той высоты, куда ни забиралась бы она. Холера, по преимуществу, болѣзнь—нижнихъ ступеней соціальныхъ лѣстницъ. Публикѣ мечутся въ глаза профессоръ, богатый купецъ, полковникъ, дама изъ культурныхъ слоевъ, — только потому, что это *замѣтные* люди, только потому, что ихъ имена упоминаются въ газетахъ, и она не останавливается передъ фактомъ безконечно малаго процентнаго заболѣванія бель-этажа въ сравненіи съ низами и благоустроенныхъ кварталовъ въ сравненіи съ окраинами и слободками. Если взять тотъ же Нижній-Новгородъ за прошлую эпидемію, то окажется, что въ самомъ городѣ было ничтожное количество заболѣваній и смертей въ культурныхъ и

состоятельныхъ слояхъ. Очевидно, достаточно этой самообороны, извѣстнаго благоустройства условій жизни и питанія, чтобы бороться съ холернымъ вибріономъ, который, повторяю, всюду и вездѣ.

И въ томъ удивительномъ фактѣ, что западно-европейскія государства сумѣли забронироваться отъ холеры, несомнѣнную роль играетъ не только канализація и водопроводы, а вообще санитарное благоустройство, и не одно гражданское и государственное благоустройство, но и повышеніе самозащиты отдѣльнаго организма. Западно-европейская масса,—я говорю о низахъ,—при прочихъ равныхъ условіяхъ чище и опрятнѣе живетъ, просвѣщеннѣе мыслитъ и... лучше питается, чѣмъ русская рабочая масса. Быть можетъ, извѣстная исторія съ появленіемъ холеры въ Пруссіи сразу въ семидесяти съ чѣмъ-то мѣстахъ, гдѣ проявлялись отдѣльные случаи холеры, и нигдѣ не доразвилась она до эпидеміи, объясняется не только почвенными условіями и даже не дѣйствіями бравой прусской администраціи, а и культурой населенія, улучшеннымъ питаніемъ, именно повышенной самообороной человѣческихъ организмовъ.

Меня огорчило бы, если бы читатель сдѣлалъ изъ моей статьи превратные выводы. Коховскій холерный вибріонъ есть фактъ, одно изъ крупныхъ завоеваній человѣческаго ума, но онъ еще не вся истина по отношенію къ холерѣ, онъ—полуистина, быть можетъ, будущее скажетъ—четверть истины. Что сдѣлала бактеріологія за послѣднія 30 лѣтъ, всѣмъ извѣстно, и никому и никому не извѣстны тѣ размѣры *побѣды человѣчества*, къ которой приведетъ она, но пока не все открыто и ясно для нея въ холерѣ. Будетъ ли разработанъ вопросъ о новыхъ микробахъ, нужныхъ и полезныхъ для холернаго вибріона, будетъ-ли открытъ «комаръ», но заключительныя главы статьи о холерѣ еще не написанны, и вотъ съ этой точки зрѣнія меня изумляло упорное сведеніе всего холернаго вопроса,—и въ личномъ, и въ общественномъ смыслѣ,— къ холерному вибріону. И уродливость выдвиганія впередъ мѣръ личной профилактики, какъ-то незамѣтно ставшихъ мѣрами чуть-ли не общественной борьбы съ холерой, и нѣкоторое недомысліе въ самой постановкѣ ихъ.

Я не смѣюсь надъ профилактическими мѣрами, я понимаю, что когда холера уже пришла, некогда и не ко времени говорить о канализаціи и о другихъ прекрасныхъ вещахъ: нужно принимать мѣры сейчасъ же, нужно человѣку знать, что ему дѣлать, какъ жить. Да, нужно ѣсть горячія блюда; да, нужно стараться обѣдать дома; нужно осторожнѣе относиться къ магазиннымъ закускамъ,— но вѣдь это и всегда нужно, всегда полезно. Да, не нужно пить невской сырой воды; да, нужно обмывать кипяченой водой фрукты. Но кто же изъ культурныхъ людей пьетъ сырую невскую воду! И

не нужно-ли всегда тщательно обмывать фрукты? И, быть можетъ, не столько для холернаго вибріона, который умираетъ при высыханіи и, повидимому, не можетъ развиваться на кожицѣ винограда, яблока, арбуза, сколько для того же туберкулезнаго бацилла, которому именно нужно высохнуть, чтобы быть усвоеннымъ человѣкомъ. И т. д. и т. д. Мнѣ смѣшны, и я считаю праздными именно попытки переловить холернаго вибріона, не допустить его въ человѣческій ротъ. «Не мѣнять рѣзко режима»,—не пустой звукъ, а серьезнѣйшая вещь, и рѣзкое и грубое измѣненіе этого режима, въ смыслѣ суженія и ограниченія питанія, нужно считать въ высокой степени вреднымъ фактомъ, болѣе, быть можетъ, располагающимъ къ холерному заболѣванію, а не къ обереганію отъ него.

Въ сторону повышенія самозащиты организма должны идти личныя профилактическія мѣры. Эксцессы всякіе,—переѣданіе и недоѣданіе, пьянство, чрезмѣрно напряженная физическая и умственная работа,—вредные всегда, особенно вредны въ холерное время. Человѣкъ долженъ спать особенно хорошо, онъ долженъ давать себѣ должный отдыхъ отъ работы, онъ долженъ чисто и опрятно жить, долженъ особенно хорошо питаться. Не мѣнять режима. Если онъ пилъ квасъ, пускай пьетъ квасъ; если онъ ѣлъ фрукты, пускай ѣстъ всякіе фрукты, и чѣмъ шире и разнообразнѣе будетъ его питаніе, тѣмъ легче ему будетъ обороняться отъ холеры... Меня огорчило бы, если бы читатель получилъ превратное толкованіе, въ смыслѣ увеличенія страха и чувства безпомощности предъ холерой; я настаиваю на своемъ мнѣніи: процентъ смертности при холерѣ ничтожный и потомъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ рвотѣ и судорогамъ предшествуетъ періодъ обыкновеннаго поноса, и своевременно принятыя медицинскія мѣры именно въ холерѣ даютъ прекрасные результаты. Мечутся предъ глазами обывателя случаи молніеносной холеры. Я слѣдилъ за ними, и если даже принимать эти газетныя сообщенія за истину, то и то, мнѣ кажется, за петербургскую холеру ихъ было значительно меньше, чѣмъ хотя бы трамвайныхъ молніеносныхъ смертей. Всѣмъ извѣстно, что холерный вибріонъ—ничтожнѣйшій по своей жизненности. Онъ умираетъ отъ солнца, онъ умираетъ отъ высыханія, онъ умираетъ отъ ничтожнаго количества кислоты, онъ умираетъ въ сырой водѣ отъ другихъ враждебныхъ микроорганизмовъ, онъ умираетъ въ почвѣ, онъ умираетъ въ пыли улицъ, онъ умираетъ въ желудкѣ человѣка, разъ желудокъ этотъ нормально функціонируетъ, онъ нерѣдко пребываетъ даже въ кишечникѣ человѣка, не сказываясь никакими рѣшительно послѣдствіями. Онъ такъ летучъ и недолговѣченъ, что нужны исключительныя условія, чтобы онъ укрѣпился въ данномъ мѣстѣ, и борьба съ холерой, какъ эпидеміей, чрезвычайно *легка*, разъ эта борьба поставлена въ должныя условія, разъ эта борьба *возможна*. Та же Западная Европа по сіе время не можетъ освободиться отъ туберкулеза, отъ брюшного тифа, отъ скарлатины,

кори, дифтерита, даже оспы, а отъ холеры освободилась. Уже это одно показываетъ, до какой степени неустойчиво холерное начало, до какой степени легка борьба съ нимъ.

Нужно ли говорить о выводахъ, которые приходится сдѣлать по вопросу о борьбѣ съ холерой, какъ съ эпидеміей? Нужно ли повторять то, что много разъ уже говорилось, что скоропалительное очищеніе города или деревни—безсмыслица, брошенныя зря деньги, что важно постоянное оздоровленіе и очищеніе почвы путемъ тщательнаго дренажированія, путемъ канализаціи, нужна здоровая питьевая вода, нужны не спеціальные холерные бараки, а упорядоченіе постояннаго больничнаго дѣла, что безсмысленно расходуемыя огромныя деньги на пустопорожнюю дезинфекцію было бы безконечно продуктивнѣе употреблять на улучшеніе жилищныхъ условій рабочей массы въ городахъ, на улучшеніе питанія безработныхъ и вообще бѣдной части населенія, на усиленіе самозащиты организмовъ тѣхъ низовъ, гдѣ развивается и откуда пробирается въ бель-этажи холерный вибріонъ.

И главный выводъ: съ холерой можно бороться, только *пока она не пришла* (я говорю объ Россіи), и единственныя «профилактическія мѣры», о которыхъ можно и должно говорить, не смѣшно говорить,—тѣ, которыя направлены на *предупрежденіе* ея, на невозможность развитія ея, на самооборону города, мѣстности страны...

Строго говоря, единственный правильный выводъ для людей, не желающихъ ни самообманываться, ни обманывать другихъ, что настоящая борьба съ холерой при данныхъ условіяхъ русской жизни не возможна тогда, когда холера уже пришла. Тамъ, гдѣ административная медицина и населеніе—двѣ воюющія стороны, гдѣ прочитать лекцію о холерѣ—дѣло огромной трудности и сложности, а иногда и опасности, гдѣ пиши статью о холерѣ и оглядывайся на все исчерпывающую 129 ст., гдѣ принципъ—«расходись», гдѣ невозможна никакая самодѣятельность общества, скопленіе народа даже во имя борьбы съ холерой, гдѣ прекратили дѣйствіе законы, гдѣ нѣтъ гражданской нормальной жизни,—тамъ смѣшно въ серьезъ говорить о борьбѣ съ холерой. Тамъ остается только дѣлать открытія по части виноградной вѣтки или сливочнаго масла, остается именно строить холерные бараки, присыпать холеру порошкомъ, примачивать примочками.

Именно здѣсь нужно сказать наоборотъ извѣстную пословицу: что нѣмцу здорово, то русскому смерть. Нѣтъ самозащиты въ цѣломъ государствѣ во всемъ русскомъ организмѣ. Пошатнувшаяся экономически, хронически голодающая, подавленная духовно, расшатанная и неустроенная государственно,—Россія не можетъ самооброняться не только въ Цусимскихъ бояхъ, но даже отъ холернаго вибріона,—отъ такого ничтожнаго врага, съ которымъ такъ легко справляются западно-европрейскія государства.

Еще въ 1871 году англійскій ученый Джонъ Симонъ проводилъ въ своемъ докладѣ основную мысль: «Холера, какъ и другія заразныя болѣзни, тамъ лишь можетъ находить почву для своего развитія, гдѣ мѣстныя санитарныя условія и основые санитарные факторы неблагопріятны и вопіющи, и поэтому раціональная борьба съ холерой должна заключаться въ улушеніи мѣстныхъ санитарныхъ условій и въ обезпеченіи населенію основныхъ санитарныхъ факторовъ его благополучія, какъ-то: вода, почва, воздухъ, жилище, питаніе и проч.» *)

Въ этомъ направленіи шла борьба съ холерой въ Западной Европѣ, этимъ путемъ Англія добилась огромнаго пониженія процента смертности и того, что съ 1866 года холера не заходитъ въ Англію. Въ этомъ направленіи, а не въ сторону ловли холернаго вибріона, должна идти работа государственныхъ и общественныхъ учрежденій, изъ этого основоположенія должна исходить мысль всѣхъ тѣхъ, кто не желаетъ ни самообманываться, ни обманывать другихъ, кто хочетъ дѣйствительно бороться съ холерой.

Къ формулѣ нужно прибавить—государственное и гражданское благоустройство, о которомъ и въ 1871 году не было надобности говорить англичанину,—гражданское благоустройство, которое является не только «основнымъ санитарнымъ факторомъ», но и предпосылкой ко всѣмъ остальнымъ санитарнымъ факторамъ, и вопіющія нарушенія котораго дѣлаютъ безоружнымъ общественный организмъ и безсильными, безплодными усилія общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ людей въ дѣлѣ борьбы съ холерой. Нужно помнить опытъ прошлаго, говорящій, что холера не любитъ странъ, гдѣ существуютъ конституція и канализація, и очень любитъ страны, удовлетворяющіяся болѣе примитивными формами жизни...

Что-то странное творится съ холерой. Было время, когда она обходила всю Европу и была ужасомъ для Европы.

Вторая эпидемія (1844—1861 г.) дала 5.788,211 заболѣваній и 2.324,040 смертностей,—при тогдашнемъ народонаселеніи Европы. И она неслась бурно и стремительно, несмотря на тогдашнее, такъ сказать, бездорожье. Съ тѣхъ поръ страшно возросло народонаселеніе, безконечно увеличилось желѣзнодорожное и пароходное сообщеніе, а количество заболѣваній и смертей становится все ниже, область распространенія эпидеміи дѣлается все уже, и медлительнѣе ходъ ея. Какъ будто именно развитіе путей сообщенія и колоссальное увеличе-

*) Цитирую по статьѣ д-ра М. М. Грана: „Послѣднія эпидеміи холеры въ Россіи въ связи съ состояніемъ современныхъ эпидеміологическихъ знаній". Журналъ общества русскихъ врачей въ память Пирогова 1908 г. № 6.

ніе сношеній людей другъ съ другомъ, стало поперекъ дороги холерѣ. За послѣднія эпидеміи, 1902—1904, прошлаго и нынѣшняго года, она идетъ вялая, неувѣренная, потерявшая свою старую стремительность, какими-то странными зигзагами, мало объяснимыми спорадическими вспышками,—словно нащупываетъ почву, словно пробуетъ, примутъ или не примутъ ея... И эпидемія нынѣшняго года, быть можетъ, наиболѣе характерная... Въ Нижнемъ-Новгородѣ, этомъ желѣзнодорожномъ и пароходномъ узлѣ, гдѣ всегда любила засиживаться холера, ее плохо приняли: количество заболѣваній тамъ было относительно ничтожно. Въ Петербургѣ, этомъ конечномъ пунктѣ желѣзнодорожной и рѣчной системы, ее превосходно приняли. А въ Москвѣ, куда холерный вибріонъ ѣхалъ и съ юга, и съ сѣвера, и съ востока, и съ запада, въ этомъ узлѣ, завязавшемъ всю Россію, холеру совсѣмъ не приняли. Если относительно Нижняго-Новгорода можно допустить предположеніе, что нижегородскіе люди, такъ сказать, привили себѣ холеру въ 1892—1895 г., то къ Москвѣ это объясненіе непримѣнимо, такъ какъ и тогда холера дала въ Москвѣ ничтожное количество заболѣваній. Остается предположить, что московскій организмъ успѣлъ за послѣдніе 20 лѣтъ поднять средства самозащаты, сумѣлъ, до извѣстной степени, самооборониться, забронировать себя,—быть можетъ, хорошей питьевой водой, полями орошенія, канализаціей, менѣе безобразнымъ, чѣмъ въ Петербургѣ, городскимъ самоуправленіемъ, т. е. всѣмъ тѣмъ, что такъ понизило процентъ смертности въ Москвѣ за двадцать лѣтъ.

Туманъ, обволакивавшій холеру, не разсѣялся за послѣднія эпидеміи, а сгустился еще больше. Все въ ней стало странно, даже вопросъ о заносѣ холеры, еще недавно казавшійся такимъ непреоборимымъ, стоящимъ внѣ спора. Индія, Персія, Россія, Европа... А въ Россіи Астрахань, Самара, Нижній-Новгородъ, Москва и т. д.

Въ прошломъ году въ Петербургѣ холеры не было, и газеты, и городское самоуправленіе единодушно третировали петербургскую холеру нынѣшняго года, какъ заносную, и характерный фактъ одновременнаго вскрытія холеры въ разныхъ частяхъ города люди объясняли недосмотромъ санитарно-медицинскаго надзора, тѣмъ, что проглядѣли и не успѣли уловить первыя заболѣванія, разнесшія по Петербургу вибріоны, и тѣмъ еще, что рано выпускали выздоравливающихъ, до погибели въ нихъ вибріоновъ... Можетъ быть. Но вотъ проф. Подвысоцкій *) объясняетъ газетному сотруднику относительно заноса холеры въ Петербургъ слѣдующее: «Ходячее мнѣніе таково, что холера пришла къ намъ изъ чужихъ странъ въ этомъ году. Это еще подъ сомнѣніемъ. Въ Петербургѣ, въ февралѣ этого года, д-ръ Кулеша далъ мнѣ для изслѣдованія внутренности больной, смерть которой, повидимому, произошла отъ

*) „Русское Слово", № 213.

тифа. Я нашелъ въ кишечникѣ холерный вибріонъ... Кто его знаетъ, не ждала ли холера благопріятнаго случая проявиться?» Я усомнился въ точности газетнаго сообщенія и лично обратился къ профессбру Заболотному. Пр. Заболотный, производившій изслѣдованіе присланной д-ромъ Кулеша разводки,—безусловно подтвердилъ результаты изслѣдованія.

Въ февралѣ... Я не знаю другихъ аналогичныхъ случаевъ, но, быть можетъ, и въ ноябрѣ, и въ январѣ, быть можетъ, всю прошлую зиму холерные вибріоны жили въ Петербургѣ; быть можетъ, если бы изслѣдованія поставлены были шире и шли въ этомъ направленіи, нашлись бы и другіе холерные вибріоны, которые ждали благопріятнаго случая проявиться. И вся исторія послѣдняго семилѣтія странная въ смыслѣ заноса. Въ 1902-мъ году холера пришла въ Сибирь откуда-то изъ *Дальняго Востока...* Да, въ 1904 г. холера пришла легальнымъ путемъ—черезъ Персію, но съ тѣхъ поръ три года холеры въ Россіи не было, если не считать маленькой и тоже чрезвычайно странной вспышки въ 1905 г. въ Царствѣ Польскомъ; но вотъ въ прошломъ году холера пошла *изъ Самары.* Нарушенъ былъ классическій путь, такъ какъ ни въ Персіи, ни въ Закаспійской области въ то время холеры не наблюдалось. Нарушенъ былъ и спеціально русскій путь: уже не Астрахань посылала вибріоны въ Самару, а Самара въ Астрахань (въ Самарѣ первый случай зарегистрованъ 3-го іюля, а въ г. Астрахани только 22-го іюля). Если вопросъ о заносѣ нынѣшней холеры въ Петербургъ остается «подъ сомнѣніемъ», то еще подъ большимъ сомнѣніемъ остается вся самарская исторія. Остается думать, что холера «перезимовала» не одну зиму, а цѣлые три года, и что заносъ, охватившій въ прошломъ году 45 губерній и областей, былъ, такъ сказать, внутренній, шелъ изъ Самары... (Взято изъ ст. м-ра Грана).

Въ нынѣшнемъ году въ Европѣ холеру стали называть уже не азіатской, а русской холерой... А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ холера становится русской болѣзнью, постоянной болѣзнью Россіи? Быть можетъ, холера уже нащупала почву, быть можетъ, она уже акклиматизировалась въ Россіи? Быть можетъ, нижнее теченіе Волги въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается своего рода Гангомъ, гдѣ, какъ и въ области Ганга, то будутъ засыпать на зиму, можетъ быть, и на три зимы, то вспыхивать и разливаться пожаромъ по Россіи холерныя эпидеміи? Великія переселенія совершаются не въ однѣхъ человѣческихъ массахъ... Тридцать лѣтъ назадъ молодымъ врачемъ я встрѣчалъ на востокѣ Россіи старыхъ врачей, которые никогда не видали въ жизни дифтеритной пленки и ручались мнѣ, что въ ихъ мѣстахъ никогда дифтерита не было,—теперь дифтеритъ сдѣлался постояннымъ явленіемъ въ русской жизни и, думаю, мудрено теперь найти врача, который не видѣлъ бы дифтеритной пленки... Ялтинскіе и севастопольскіе старожилы единогласно утверждаютъ,

что раньше у нихъ москитовъ не было и даже точно устанавливаютъ дату, когда они привезены были изъ Константинополя и такъ быстро и успѣшно акклиматизировались въ Крыму. Холерный вибріонъ только 75 лѣтъ назадъ заглянулъ въ Европу, и я не знаю, какія существуютъ научныя данныя, которыя могли бы безусловно отрицать возможность акклиматизаціи его въ астраханскихъ и прикаспійскихъ странахъ и даже въ самарскихъ и выше самарскихъ.

Это все, конечно, спорно и находится въ области предположеній, но въ холерѣ и по сіе время много спорнаго и предположительнаго. И, можетъ быть, именно по отношенію къ Россіи возможны самыя удивительныя предположенія...

Вездѣ бываетъ недостатокъ и избытокъ дождей, недостатокъ солнца и чрезмѣрность солнца, вездѣ бываютъ недороды, но вотъ уже давно Западная Европа не знаетъ голода, какъ результата этихъ недородовъ, а въ Россіи за послѣдніе годы недородъ и голодовка стали не случаемъ, а нормальнымъ фактомъ русской жизни, русской національной особенностью. Не сдѣлается ли такой же національной русской особенностью и холера, изгнанная изъ Европы, холера, которая такъ любитъ хронически голодающія страны?

Я не хочу дѣлать выводовъ изъ этихъ предположеній, я хотѣлъ бы только отмѣтить ту грозную позицію, какую создаетъ для холеры прошлогодняя самарская исторія. Пусть читатель самъ сдѣлаетъ выводы...

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

1. Всѣ побѣдили. Тревога „Россіи" и „Голоса Москвы". Емелькина статистика. Система запирательства и непониманія.—2. Мечты соціальныя и мечты политическія. Наша опора. Необходимость status quo.—3. Торгово-промышленная фронда. Офицерскій вопросъ. Отъ щедринскаго капитана Полосухина до братьевъ Коваленскихъ. Офицеры-юнкера и офицеры штатскіе. Польза мечтаній и вредъ аграрныхъ преній.

Думская сессія «началась закономъ 9 ноября». И произошло это при нѣсколько оригинальной обстановкѣ. Въ началѣ «октябристы» предлагали этотъ «законъ» отложить до внесенія въ него «дополненій» правительствомъ. За отложеніе высказались и крайніе правые, въ лицѣ г. Маркова 2-го. Противъ отложенія высказались к.-д., с.-д., трудовики и «умѣренные правые». При голосованіи къ нимъ присоединились и октябристы. Такимъ образомъ «законъ 9 ноября» былъ «поставленъ на первую очередь» голосами всѣхъ

думскихъ группъ противъ крайней правой. Черезъ нѣсколько дней «Новое Время», ссылаясь на «Современное Слово», «открывало закулисную тайну»: въ послѣднюю, дескать, минуту «октябристскому Одиссею-Гучкову» было по телефону предложено «заняться земельнымъ вопросомъ, дабы охладить депутатовъ, разгоряченныхъ внѣшними событіями на Ближнемъ Востокѣ»... *) Еще черезъ нѣсколько дней въ качествѣ претендентовъ на побѣду выступили крайніе правые. По ихъ толкованію, они эту штуку устроили для того, чтобы держать на привязи октябристовъ. Правительство-де поставило Думу въ извѣстность, что послѣдуетъ роспускъ, если «законъ 9 ноября» будетъ отвергнутъ. Такъ вотъ они, крайніе правые, подъ угрозой подать голоса противъ закона и тѣмъ провалить его, а вмѣстѣ съ нимъ и Думу, заставляютъ «партію центра» плясать по своей дудкѣ и, въ частности, принудили голосовать за своихъ ставленниковъ въ президіумѣ. Оказалась еще и третья сторона, которая также объявила своею побѣдою постановку закона 9 ноября въ первую очередь: «Рѣчь» привѣтствовала это рѣшеніе, какъ «яркое торжество оппозиціи и демократическихъ элементовъ Думы»... **).

Гдѣ всѣ оказываются побѣдителями, тамъ обыкновенно никто не знаетъ, ради чего ведутся сраженія и какой толкъ вообще имѣетъ война. Характерно, однако, что побѣдителями оффиціально (въ «Россіи») и оффиціозно (въ «Голосѣ Москвы») были объявлены и признаны кадеты. «Россія» поспѣшила даже объяснить, для чего именно «господамъ изъ оппозиціи» эта самая побѣда понадобилась. По мнѣнію органа совѣта министровъ, «господа изъ оппозиціи» просто-на-просто желали устроить «рядъ бенефисовъ»:

Какъ извѣстно, законъ 9 ноября представляетъ собою „матеріалъ"... благодарный для „оппозиціонной" тактики. Тутъ есть о чемъ поговорить и есть по поводу чего вести „линію поведенія". Вотъ сколько причинъ, чтобы облюбовать этотъ законъ, какъ очередной... (Цит. по „Голосу Москвы", 23 октября).

«Голосъ Москвы» сумѣлъ прочесть въ побѣдоносныхъ кадетскихъ сердцахъ нѣчто болѣе злокозненное:

„Новая сессія Государственной Думы—пишетъ онъ—открылась при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ... Премьеръ-министръ обратился съ письмомъ къ Н. А. Хомякову, прося обождать *недѣлю-другую* со внесеніемъ закона 9 ноября на обсужденіе Думы и дать возможность правительству внести въ него предварительно нѣкоторыя измѣненія... Центръ естественно предложилъ сначала приступить къ обсужденію реформы мѣстнаго суда. Не тутъ-то было. Политическіе игроки сейчасъ же воспользовались случаемъ для того, чтобъ начать свою игру... Центру не оставалось ничего

*) „Новое Время", 26 октября.
**) „Рѣчь".

дѣлать, какъ только присоединиться къ предложенію поставить на первую очередь обсужденіе закона 9 ноября... Таково начало. Что же предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ? Польются потоки рѣчей изъ устъ людей, присвоившихъ себѣ монополію печальниковъ народа, радѣтелей крестьянъ... Будутъ говориться все слова и слова... А возъ законодательства будетъ тѣмъ временемъ стоять на мѣстѣ недвижимо. Торжествовать будутъ и на крайнемъ правомъ флангѣ, и на лѣвомъ. Ненавистная гг. Марковымъ-вторымъ Дума вновь докажетъ свою безполезность, свою неспособность къ положительной работѣ, свой вредъ, *какъ очагъ возбужденія народныхъ страстей.* Торжествовать будутъ и ловцы политическихъ конъюнктуръ, старающіеся изъ всѣхъ силъ свалить ненавистную Думу 3 іюня, поднять снова общественныя волны *).

Невинный «бенефисъ» «Россіи» при болѣе тщательномъ разслѣдованіи руководящаго органа октябристовъ оказывается прямо-таки покушеніемъ на бунтовщическое и измѣнническое дѣяніе со стороны «политическихъ игроковъ», имена которыхъ «Голосъ Москвы» скрывать вовсе не намѣренъ: «игроки» суть: «яркое созвѣздіе въ лицѣ гг. Милюкова, Гегечкори и Булата». Эти «ловцы политическихъ конъюнктуръ» хорошо обдумали и подготовились:

Вслѣдъ за выступленіемъ въ Думѣ означеннаго созвѣздія, въ радикальной печати возобновились всевозможныя инсинуаціи по адресу октябристовъ, которые, будто бы, вмѣстѣ съ правительствомъ хотятъ, во что бы то ни стало, затянуть аграрное законодательство, отложить его ad calendas graecas... Словомъ, сигналъ къ атакѣ данъ по всей линіи **).

Въ виду столь грозной опасности, «Голосъ Москвы» призываетъ «партію центра»:

Собрать воедино и совокупить всѣ свои нравственныя силы, чтобы предотвратить грядущее крушеніе думской положительной работы... предохранить Думу отъ превращенія ея въ агитаціонную трибуну, въ митингъ ***)...

Надо зажать ротъ «гг. Милюковымъ, Гегечкори и Булатамъ»... Для этого, конечно, могутъ быть пущены въ ходъ разныя средства. Въ первую очередь «Голосъ Москвы» рекомендовалъ отмѣнить или измѣнить «§ 127 (думскаго) наказа, въ силу котораго предложенія о прекращеніи преній отклоняются, если противъ нихъ выскажется хотя бы только 50 человѣкъ; этотъ minimum можетъ парализовать всякія усилія думскаго большинства ввести въ спокойное русло думскую законодательную работу» («Голосъ Москвы», 24 октября). Если же и по отмѣнѣ § 127 наказа гг. Милюковы, Гегечкори и Булаты станутъ произносить рѣчи, превращающія Думу въ «очагъ возбужденія народныхъ страстей», то у «думскаго центра» имѣется много другихъ средствъ, чтобы «съ

*) „Голосъ Москвы", 24 октября. Курсивъ мой—*А. П.*
**) Ibid.
***) Ibid.

спокойнымъ мужествомъ, съ презрѣніемъ ко всѣмъ инсинуаціямъ и уколамъ мелкой партійной и газетной злобы вынести на своихъ плечахъ великое и трудное дѣло устроенія родной земли». Задавить «мелкую злобу» внутри Думы мы, во всякомъ случаѣ, сумѣемъ. Что же касается «радикальной прессы», «мелкой газетной злобы», то начальникъ главнаго управленія г. Бельгардъ уже выработалъ соотвѣтствующій законопроектъ, принципіально одобренный «самимъ П. А. Столыпинымъ». «Главнѣйшія основанія этого законопроекта, по свѣдѣніямъ того же «Голоса Москвы», во многомъ сходны съ временными правилами о печати, изданными при гр. Витте». Но, во-первыхъ, относительно «отдѣльныхъ книгъ и брошюръ» проектъ г. Бельгарда устанавливаетъ отвѣтственность, а слѣдовательно, по русскимъ обычаямъ, и цензуру «владѣльца типографіи». А, во-вторыхъ, «оставляя явочный порядокъ изданія газетъ и вообще произведеній повременной печати», проектъ предлагаетъ «установить залогъ, который будетъ требоваться при каждомъ заявленіи о новомъ изданіи; для газетъ этотъ залогъ исчисляется въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей» *). Это подражаніе, между прочимъ, Наполеону III невольно напоминаетъ фразу того же «Голоса Москвы»:

— «Мало Цусимы,—хотите еще Седана».

За два мѣсяца до начала второй думской сессіи эта октябристская фраза прозвучала одновременно съ октябристской угрозой «перековать серпы на мечи». Теперь мы видимъ, куда «Голосъ Москвы» намѣренъ направить свои «мечи». И, конечно, не потому онъ ихъ сюда направляетъ, что «оппозиція» не согласилась повременить «недѣлю-другую» «съ закономъ 9 ноября»: недѣлею позже начались бы тѣ «рѣчи и слова», одна возможность которыхъ нервировала «Россію» и «Голосъ Москвы», или недѣлею раньше,—разница слишкомъ невелика. Всуе также кивать на «Марковыхъ 2-хъ», которымъ, дескать, выгодно, чтобы «ненавистная Дума», заговоривъ о законѣ 9 ноября, превратилась въ «очагъ возбужденія народныхъ страстей», «Голосъ Москвы» долженъ знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ, что именно «Марковы 2-ые» наиболѣе настойчиво хотѣли «законъ 9 ноября» отложить. Можно бы предположить, что октябристы просто боятся «критики». Но въ томъ же № «Голоса Москвы» отъ 24 октября, гдѣ выраженъ ужасъ по поводу ожидаемыхъ рѣчей, помѣщено и похвальное слово. Оказывается, этотъ «законъ» соотвѣтствуетъ «стремленіямъ лучшей части крестьянства», пріобрѣлъ популярность, число его сторонниковъ среди крестьянства растетъ, имъ воспользовались и выдѣлились изъ общины уже сотни тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ,—выдѣлилось бы гораздо больше, если бы не «чрезмѣрная канцелярщина, всячески тормозящая широкое проведеніе закона»... Народъ до того въ восторгѣ отъ закона

*) „Голосъ Москвы“, 25 октября.

9 ноября, что предсѣдатель земельной комиссіи г. Родзянко счелъ долгомъ выступить (въ кулуарахъ) съ успокоительными заявленіями относительно намѣреній Думы.

Крестьяне,— говорилъ онъ,—могутъ быть вполнѣ спокойны,—поправки не измѣнятъ ни въ чемъ сущности закона... Крестьяне могутъ быть спокойны—законъ пройдетъ. Возврата къ прежнему нѣтъ. Въ большинствѣ губерній половина земли уже подъ хуторскими участками; уже въ Екатеринославской губерніи подъ ними находится 80 тысячъ квадратныхъ верстъ. Результаты превосходные. Культура процвѣтаетъ. („Рѣчь", 19 октября).

Ну, а разъ крестьянамъ такъ милъ законъ 9 ноября, разъ они такъ боятся, что онъ не пройдетъ въ Думѣ, или будетъ существенно измѣненъ, опасаться «критики», очевидно, нечего. Наоборотъ, пусть эти самые «политическіе игроки», эти «ловцы политическихъ конъюнктуръ» критикуютъ какъ можно рѣзче, какъ можно откровеннѣе, — тѣмъ дальше отшатнется отъ нихъ крестьянство, тѣмъ яснѣе увидитъ въ нихъ своихъ враговъ. Пусть гг. Милюковы, Гегечкори и Булаты валяютъ во всю, пусть они сами себя губятъ во мнѣніи народа,—«Россія» и «Голосъ Москвы» плакать, конечно, не станутъ. Но вотъ въ томъ-то и странность, что, казалось бы, бѣда и гибель грозятъ Милюкову, а дрожатъ отъ страха «Россія» и «Голосъ Москвы».

Это—странность основная, фундаментальная. А подходя къ ней, мы невольно задѣли цѣлый рядъ другихъ странностей, на первый взглядъ, какъ будто случайныхъ и мимолетныхъ, но въ достаточной степени характерныхъ. Вотъ, напр., г. Родзянко, между прочимъ, засвидѣтельствовалъ, что въ большинствѣ губерній половина земли подъ хуторами»... Цифрою: 80 тысячъ квадратныхъ верстъ подъ хуторскими участками, спеціально для Екатеринославской губерніи приходится совершенно пренебречь. Г. Родзянко—екатеринославскій помѣщикъ; былъ чуть ли не 2 трехлѣтія предсѣдателемъ мѣстной губернской земской управы. И ему, навѣрное, извѣстно, что цифра 80 тыс. кв. верстъ въ полтора раза больше площади всей Екатеринославской губ. Но и помимо этого явнаго недоразумѣнія, сама по себѣ огульная справка на счетъ половины земель въ большинствѣ губерніи—тоже вѣдь явное недоразумѣніе. Г. Родзянко, пожалуй, скажетъ, что это лишь обмолвка, что во всѣхъ остальныхъ частяхъ его показанія вполнѣ вѣрны: и законъ 9 ноября крестьянамъ милъ, и результаты превосходные», и «культура процвѣтаетъ»... И этотъ резонъ надо бы считать сильнымъ: дѣйствительно, если человѣкъ обмолвился или даже нѣсколько увлекся въ одномъ случаѣ, это еще не значитъ, что онъ вообще есть тотъ самый Емеля, на котораго стыдливые люди давно махнули рукой:—Меля, твоя недѣля.

Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ богаты прецедентами. «Русскія Вѣдомости» какъ-то попытались сравнить правительственныя дан-

ныя, опубликованныя въ іюнѣ 1908 г., съ правительственными же данными, опубликованными въ сентябрѣ того же года. И оказалось нѣчто мистическое, сверхчувственное:

Въ Екатеринославской губерніи по прежней публикаціи значился выдѣлъ (изъ общины) 591 двора, а теперь, по 1 августа, показано только 221, т. е. почти втрое меньше; куда же дѣвались 370 остальныхъ дворовъ? По Воронежской прежде было показано 47, а теперь 36, по нижегородской—255, а теперь 61 (цит. по „Рѣчи", 12 сентября).

Не менѣе мистическія обстоятельства вскрылись, благодаря оригинальной полемикѣ между тѣми же «Русскими Вѣдомостями» и «Россіей». Въ правительственномъ оффиціальномъ очеркѣ землеустроительныхъ работъ на 1908 г. оказались, между прочимъ, и такія данныя:

Крестьянскія общества Уманскаго у. (Кіевской губ.), гдѣ до сихъ поръ было почти исключительно общинное землевладѣніе, въ громадномъ большинствѣ выразили желаніе перейти къ подворному землепользованію и разбить на отрубные участки принадлежащія имъ надѣльныя земли.

«Русскія Вѣдомости» попросили оффиціально разъяснить, съ какихъ поръ въ Уманскомъ уѣздѣ водворилось «почти исключительно общинное землевладѣніе»? «Россія» отвѣтила:

Существованіе общиннаго землевладѣнія въ Кіевской губ.—фактъ довольно извѣстный. Если не вѣрите правительственнымъ источникамъ, то вотъ въ книгѣ профес. Ходскаго указано, что въ Кіевской губерніи 16,3% крестьянской надѣльной земли состоитъ въ общинномъ пользованіи. *).

Такимъ образомъ, «почти исключительное общинное землевладѣніе» превратилось въ 16,3%; а «громадное большинство» крестьянъ, перешедшихъ на отруба, «Россія» замѣнила «значительнымъ числомъ»... «Обмолвка», сколько можно понять, сводилась въ весьма странной операціи: старые подворники Кіевской губ. (и одной ли Кіевской?) перечислены въ разрядъ новообращенныхъ. Емеля не просто мелетъ, онъ доказываетъ, что, во первыхъ, земельная политика г. Столыпина въ короткое время достигла результатовъ блестящихъ, а во-вторыхъ, «законъ 9 ноября» пользуется огромнымъ сочувствіемъ населенія. Однако, Емелю во время его патріотическихъ трудовъ поймали съ поличнымъ. И послѣ этого, казалось бы, ссылаться на емелькину статистику, если и можно, то съ большими оговорками и съ нѣкоторымъ конфузомъ. Но вотъ, напр., 24 октябры «Голосъ Москвы», бозтрепетно писалъ: «Законъ 9 ноября... пріобрѣтаетъ постоянно увеличивающееся число сторонниковъ». «Лучшее доказательство—тѣ 300.000 крестьянъ, которые уже не замедлили воспользоваться возможностью избавиться отъ благъ общиннаго землевладѣнія». Въ

---

*) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 1 августа 1908 г.

тотъ же день столь же безтрепетно и съ тою же цѣлью товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Лыкошинъ въ Государственной Думѣ ссылался также на цифру 300.000 крестьянъ. И при этомъ ни малѣйшей оговорки, ни тѣни конфуза. Допустимъ, однако, что «Голосъ Москвы» и г. Лыкошинъ просто на просто обмануты, сами того не вѣдая. Газетъ не читаютъ, полемика «Русскихъ Вѣдомостей» съ «Россіей» имъ неизвѣстна, и фактъ документальнаго опороченія цифръ, коими они оперируютъ, отъ нихъ ускользнулъ, Допустимъ, говорю, что «Голосъ Москвы» и г. Лыкошинъ ничего этого не знали, а если и знали, то позабыли. Но вотъ другая, еще большая странность.

Того же 24 октября въ Думѣ г. Шингаревъ, между прочимъ, коснулся статистическихъ данныхъ, на которыхъ основывались авторы указа 9 ноября. Однимъ изъ аргументовъ служила ссылка г. Гурко на то, что «45% общинъ не передѣлялись и какъ бы замерли». Значитъ, община умираетъ сама собою. Значитъ, и и спорить нечего. Земельная коммиссія 3-й Думы округлила цифру 45 до «половины», фактъ естественнаго умиранія общины признала безспорнымъ и на этомъ основаніи ввела въ законъ 9 ноября постановленіе: общины, въ которыхъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе двухъ лѣтъ, объявляются наслѣдственно участковыми. Вотъ на этихъ цифрахъ: «половина», 45%, и остановился г. Шингаревъ въ своей рѣчи:

Не касаясь,—говорилъ онъ,—вопроса о томъ, насколько общину, не производившую передѣловъ, можно считать замершею, я укажу просто на то, что процентъ этихъ общинъ составляетъ не 45, какъ утверждаетъ г. Гурко, не половину, какъ утверждаетъ докладъ (земельной коммиссіи), а 28%. Люди, которые оперируютъ въ оффиціальномъ документѣ надъ цифрами, потрудились бы, по крайней мѣрѣ, провѣрить то, на что они ссылаются *).

Въ своей отвѣтной рѣчи товарищъ министра Лыкошинъ возразилъ и на эту деталь. Но при этомъ фундаментальнаго указанія, что отсутствіе передѣловъ въ общинѣ вовсе не доказываетъ ея смерти и вовсе не свидѣтельствуетъ о переходѣ къ подворному владѣнію, онъ сумѣлъ совершенно не замѣтить. Что же касается «процента обществъ, которыя передѣлялись и не передѣлялись», то, «можетъ быть, согласился г. Лыкошинъ, свѣдѣнія эти и не вполнѣ точны, но болѣе обстоятельныхъ... не было, а между тѣмъ, это ставится правительству въ упрекъ»... **) Согласитесь, въ высшей степени странно и даже подозрительно это непониманіе товарища министра. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть мелочный упрекъ, почти придирку тамъ, гдѣ взрывается фундаментъ капитальнѣйшаго изъ правительственныхъ мѣропріятій? Мыслимы,

*) „Рѣчь", 25 октября.
**) „Голосъ Москвы", 26 октября.

конечно, всякаго рода ошибки. Можетъ случиться, что по оплошности или вслѣдствіе торопливости г. Гурко или г. Лыкошинъ не пойметъ значенія цифръ и ошибется въ итогахъ. Но ошибка сдѣлана. На ея основаніи начинаютъ отвергать установившійся взглядъ, что община при данныхъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условіяхъ—явленіе естественное, неустранимое и неизбѣжное. На основаніи ошибки, насъ начинаютъ увѣрять, что община умираетъ. На основаніи ошибки, вотъ уже два года, ломаютъ насильственно якобы умирающій хозяйственный и бытовой укладъ. И вотъ, наконецъ, г. Лыкошину объясняютъ, что цифры имъ неправильно поняты, что итоги невѣрно подведены, что община вовсе не умираетъ. И г. Лыкошинъ соглашается, можетъ быть, молъ, итоги и невѣрны, можетъ быть, молъ, и не умираетъ... Но вѣдь если такъ, то насильственное разрушеніе общины теряетъ всякую тѣнь основанія и подлежитъ немедленной отмѣнѣ. Однако, товарищъ министра, а вмѣстѣ съ нимъ и вся «партія думскаго центра» странно не замѣчаютъ этого, казалось бы, яснаго и убійственнаго для «закона 9 ноября» вывода.

Не замѣчаютъ они и многаго другого. Г. Лыкошинъ, привелъ, напр., цифры: 300.000 выдѣловъ до 1 августа, 700.000 заявленій о выдѣлѣ до 1 сентября. Значеніе этихъ цифръ, повторяю, условно. Помимо статистической предпріимчивости вообще, помимо причисленія къ новымъ выдѣламъ старыхъ отрубныхъ хозяйствъ, блестящіе результаты «земельной политики П. А. Столыпина» подтверждаются вѣдь и кое-какими другими средствами. «Въ Саратовской, напр., губерніи, писали, между прочимъ, «Русскія Вѣдомости»,—3.350 дворовъ выдѣлили себѣ всего 7.674 десятины, т. е. въ среднемъ меньше 2-хъ десятинъ на дворъ или по дроби десятины на душу. Что это за хозяйства? Что могло быть тутъ выдѣлено?..» Частью, конечно, это настоящія хозяйства не съ дробями десятины на душу. Но если вычесть эту часть изъ общей суммы 7.674 десятины, то останется... Видите ли, министерство понуждаетъ губернаторовъ, губернаторы земскихъ начальниковъ, земскіе пишутъ по волостямъ: «Поручаю волостному правленію принять энергичныя мѣры къ наибольшему поступленію заявленій отъ крестьянъ о выходѣ изъ общины, въ противномъ случаѣ, старшина и писарь за бездѣйствіе будутъ привлечены къ отвѣтственности за неразъясненіе крестьянамъ закона» *). Старшинѣ же и писарю «подымать склыку» среди настоящихъ хозяевъ резона нѣтъ. Ну и выручаютъ «бездушные дворы», у которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ «только всего и земли», что усадьба подъ постройками, да огородикъ, да еще иногда садокъ. На «бездушныхъ» и обрушиваются «энергичныя мѣры»:

*) Этотъ подлинный циркуляръ былъ воспроизведенъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Цитирую по „Руси", 30 марта, 1908 г.

— Выдѣляйся, такой-сякой... Потому изъ-за тебя не токмо старшина съ писаремъ, но и вся волость можетъ попасть на замѣчаніе насчетъ политической неблагонадежности.

Да оно и удобно, ибо «усадьбы,—какъ напоминаютъ «Русскія Вѣдомости»,—и прежде были отрубными». И само собою понятно, что численность такихъ «выдѣленій, по замѣчанію той же газеты, годится больше для показа, для подкраски общихъ итоговъ, которые все-таки остаются ничтожными» *). И много бы можно разсказать и комическаго, и трагическаго по поводу этой «подкраски итоговъ». Но оставимъ это. Во всякомъ случаѣ, итоги подкрашены. И г. Лыкошинъ не забылъ подчеркнуть ихъ краснорѣчіе. Однако, онъ не забылъ также промолчать о другомъ явленіи—о стремленіи выдѣлившихся крестьянъ снова «приписаться къ общинѣ». **) Явленіе это должно быть извѣстно товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ, несмотря на всѣ мѣры вразумленія при посредствѣ земскихъ начальниковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ концовъ, и при томъ незадолго до начала осенней думской сессіи нынѣшняго года, оказалось вынужденнымъ разослать, вслѣдствіе запросовъ съ мѣстъ, особый циркуляръ «для свѣдѣнія и руководства» крестьянскимъ учрежденіямъ.

„Вышедшій изъ общины домохозяинъ,—говорится, между прочимъ, въ этомъ циркулярѣ,—можетъ снова возвратиться къ общинному землевладѣнію лишь по продажѣ обществу крѣпостнымъ порядкомъ укрѣпленной въ личную собственность земли и по полученіи права на участіе въ пользованіи общинною землею по особому приговору, постановленному большинствомъ ²/₃ домохозяевъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ" (Цит. по ,Сѣверу", 25 сентября).

Положимъ, это не столько циркуляръ, сколько законъ, создающій препоны возврату къ общинному землевладѣнію. Но разъ стремленіе къ возврату столь велико, что, наконецъ, даже центральная власть вынуждена принять мѣры и ввести единообразіе, какъ могло случиться, что г. Лыкошинъ продолжаетъ настаивать на умираніи общины естественною смертью? Неужели онъ не знаетъ и не понимаетъ собственныхъ только что подписанныхъ циркуляровъ? Наконецъ, если ужъ г. Лыкошинъ такой врагъ общины и такой сторонникъ хуторскихъ разселеній и отрубныхъ хозяйствъ, почему бы ему не собрать, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, данныя, полученныя на основаніи опыта? Частичные переходы отъ общины къ подворкѣ происходили задолго до 1906 г. Происходили, между прочимъ, и въ центральныхъ, понынѣ общинныхъ губерніяхъ. И, казалось бы, сторонники указа 9 ноября

---

*) Цит. по „Саратовскому Листку", 12 октября.

**) Явленіе это, между прочимъ, особенно замѣтно въ Котельничскомъ у. (Вятской губ.), Тетюшскомъ (Казанской), и въ Смоленской губ. (См. „Смоленскій Вѣстн.", 29 октября).

должны особенно заинтересоваться этими опытами, собрать несокрушимые въ свою пользу аргументы. Но въ томъ-то и странность, что сторонники указа, какъ будто, совершенно не интересуются этими опытами. И что всего страннѣе, ими интересуются какъ разъ противники указа. Въ видѣ примѣра, укажу хотя бы на «Смоленскій Вѣстникъ», который, по его словамъ, собралъ «многочисленныя данныя, полученныя отъ корреспондентовъ съ мѣстъ по всей территоріи первоначальнаго разселенія на хутора». Въ Смоленской губерніи разселенія начались давно по иниціативѣ самихъ крестьянъ. И нынѣ, по словамъ названной газеты, сообщенія корреспондентовъ «почти всѣ по характеру своему удивительно похожи другъ на друга, совпадаютъ во всѣхъ деталяхъ» и рисуютъ результатъ опытовъ вовсе не радужно:

Еще лѣтъ 15 тому назадъ,—разсказываетъ, напр., корреспондентъ изъ Лоинской волости, — крестьяне сосѣднихъ деревень Сельца, Михалева, Марышекъ, Денисова, Малиновки, Лемешекъ и т. д., имѣвшіе сравнительно много надѣльной земли, порѣшили разселиться на ковалки... Дорого крестьянамъ обошлась эта затѣя... Многимъ хуторянамъ ужъ надоѣла волчья жизнь, и они теперь начинаютъ хлопотать о переселеніи въ Сибирь, гдѣ, дескать, земли вволю и селиться можно снова деревнями и общинами. Даже бывшій лоинскій волостной старшина, одинъ изъ иниціаторовъ хуторскаго разселенія, сумѣвшій во время старшинства пріобрѣсти себѣ участокъ земли около 50 десятинъ, и тотъ теперь движется въ Сибирь („Смолен. Вѣст.", 15 октября).

Это общая характеристика результатовъ. Другіе корреспонденты смоленской газеты останавливаются на причинахъ. Причины разныя и много ихъ. И въ общей совокупности онѣ лишь подтверждаютъ установленную истину, что община при данныхъ условіяхъ есть явленіе неизбѣжное и неустранимое. Но я не критику «закона 9 ноября» пишу. Сейчасъ меня больше интересуетъ система явнаго запирательства, фантазированія, сосредоточеннаго незнанія и непониманія, какую избрали не только отдѣльныя лица, въ родѣ гг. Родзянко и Лыкошина, но и все вообще, такъ называемое, «правительственное большинство». Когда имъ говорятъ, напр., о незакономѣрности «указа 9 ноября», когда имъ доказываютъ, что такая мѣра не могла быть принята въ порядкѣ 87 ст., они отвѣчаютъ:

— Но вѣдь эта мѣра по существу ничего новаго не содержитъ. Она лишь повторяетъ общее положеніе 1861 г. и въ частности его ст. 12.

Когда имъ возражаютъ, зачѣмъ же было издавать новый законъ, если онъ ничего новаго не содержитъ и лишь повторяетъ законы старые, они начинаютъ разсуждать о благахъ частной собственности или о чемъ-либо другомъ, столь же не относящемся къ поставленному въ упоръ вопросу. Противники иногда пытаются подойти съ другой стороны. Между прочимъ, 24 октября г. Шингаревъ въ своей думской рѣчи счелъ нужнымъ отвѣтить на обычныя увѣренія, что указъ 9 ноября соотвѣтствуетъ положенію 1861 года:

Въ объяснительной запискѣ—говорилъ онъ—мы все время читаемъ, что указъ имѣетъ цѣлью дополнить и развить ст. 12 положенія... Но... ст. 12 говоритъ: 1) о выдѣлѣ въ собственность крестьянину, который пожелаетъ выдѣлиться, и 2) о правѣ общины откупиться отъ такого выдѣла, разъ общество признаетъ его невозможнымъ. А указъ? Онъ говоритъ о правѣ собственности, но о правѣ общества заступиться молчитъ... Забыли вторую часть (12 статьи) о правѣ общества заплатить выдѣляющемуся деньгами. Это основное начало, дѣйствовавшее 50 лѣтъ, забыто *).

Забыли, забыто,—упрекалъ г. Шингаревъ. Г. Лыкошинъ отвѣтилъ на этотъ упрекъ. Онъ говорилъ, что тутъ «вопросъ чисто-юридическій, что и раньше «каждый домохозяинъ имѣлъ право досрочно выкупать все количество земли, находившееся въ его владѣніи»; говорилъ г. Лыкошинъ и еще кое о чемъ, но о «второй половинѣ 12 статьи» онъ опять забылъ. Позже повторные упреки въ забывчивости заставили таки докладчика земельной коммиссіи г. Шидловскаго вспомнить и высказаться:

По мнѣнію коммиссіи,—заявилъ онъ въ Думѣ 29 октября,—вторая часть (12 статьи) никогда не предоставляла общинѣ дискреціоннаго права допускать отдѣльнаго выдѣла крестьянина, или не допускать. Она давала лишь право обществу, въ случаѣ неудобства выдѣла, указывать на это и протестовать *).

Словомъ, опять-таки вопросъ «юридическій», вопросъ разнаго толкованія законовъ, хотя на мѣстѣ г. Шидловскаго не всякій рѣшился бы «право откупиться деньгами», о которомъ говорили напоминавшіе о 12 статьѣ, замѣнить «дискреціоннымъ правомъ». Проще было бы да и ближе къ дѣйствительности указать, что въ основныхъ положеніяхъ 1861 году есть много и спутаннаго, и неяснаго, и противорѣчиваго, непригоднаго и даже прямо-таки вреднаго для крестьянъ. Положеніе это видоизмѣнялось, урѣзывалось, отражало разныя настроенія правительственныхъ верховъ. И надо думать о томъ, какъ лучше, а вовсе не о томъ, какъ бы не вышло противорѣчія «положенію». Да и самъ по себѣ «вопросъ», затронутый г. Шингаревымъ, важенъ не столько юридически, сколько по существу. Законъ 9 ноября предоставляетъ каждому члену общины закрѣпить лично за собою часть коллективной собственности, находящейся формально или фактически въ пользованіи его семьи. И какъ бы ни было желаніе отдѣльнаго общинника раззорительно для всей общины, какъ бы ни протестовала она, ей не дано права и возможности въ законно́мъ порядкѣ отстоять свои интересы. Воля одного поставлена выше интересовъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ авторы указа 9 ноября узаконили одинъ изъ крайнихъ анархическихъ лозунговъ. Это именно внесеніе принципа анархіи въ сферу имущественныхъ отношеній,

*) „Рѣчь“, 25 октября.
**) Цит. по отчету „Рѣчи“, 30 октября.

въ крестьянскій «міръ», въ господствующую форму крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Ради торжества этого анархическаго принципа пришлось однимъ росчеркомъ пера уничтожить право семейной собственности. Ради торжества анархіи указъ замѣнилъ выдѣленіе хозяйства изъ общины укрѣпленіемъ въ собственность надѣльныхъ полосъ; выдѣлить участокъ все-таки нельзя безъ соглашенія съ обществомъ, ну, а «закрѣпить» на бумагѣ клочки, клинки и полоски, разбросанные по всему полю, можно, не выходя изъ канцеляріи земскаго начальника. Пришлось, далѣе, пренебречь правами общинной собственности. Пришлось пренебречь многимъ другимъ. И если бы у насъ не было революціи, если бы указъ 9 ноября появился въ совершенно спокойныя времена,—онъ одинъ заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ для водворенія «неслыханной смуты». Попытка одной рукою сохранять верхи традиціоннаго государственнаго зданія, а другой переустроить низы этого зданія на началахъ анархизма, ничего не можетъ создать, кромѣ столкновенія противорѣчій, кромѣ тяжкихъ потрясеній и поножовщины. Творцамъ закона 9 ноября такъ и было предъявлено обвиненіе, что они именно натравливаютъ въ крестьянствѣ брата на брата.

Предъявлено, между прочимъ, это обвиненіе и съ «думской трибуны»:

— Существенною цѣлью указа 9 ноября — говорилъ, напр., депутатъ Гегечкори, — является стремленіе разбить солидарность крестьянъ... усилить рознь въ ихъ средѣ.

— Законъ (9 ноября),—говорилъ г. Шингаревъ,—несетъ смуту и, разрушая однимъ ударомъ семейную собственность, возстановляетъ отцовъ противъ дѣтей и дѣтей противъ отцовъ *).

Но г.г. Лыкошинъ и Шидловскій, видите ли, не понимаютъ и не замѣчаютъ. Для нихъ это «вопросъ юридическій»... П. Н. Милюковъ въ своей думской рѣчи (5 ноября) настойчиво и категорически подчеркнулъ, что тутъ вопросъ вовсе не юридическій, что дѣло идетъ именно о пусканіи по всей странѣ «зажигательныхъ снарядовъ». Съ отвѣтомъ выступилъ, между прочимъ, кн. Голицынъ (октябристъ). Онъ говорилъ о выборгскомъ воззваніи, о достоинствѣ дворянства, о кадетскомъ іезуитизмѣ, по существу же предмета заявилъ:

„Указъ 9 ноября является необходимымъ дополненіемъ ст. 12 общ. полож. о крестьянахъ, слѣдствіемъ необходимости сдвинуть съ мѣста вопросъ объ эволюціи нашихъ давно... отжившихъ формъ землепользованія“ (Цит. по „Слову“, 6 ноября).

Вы спросите, напр., почему «отжившихъ формъ»? Чѣмъ доказано, что онѣ отжили и даже *давно* отжили? Въ отвѣтъ вамъ предъявятъ

*) Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи Думы 24 октября. Цит. по „Рѣчи“, 25 октября.

все тѣ же 45%, которыми оперировалъ г. Гурко, и ту же емелькину статистику... Опровергайте, ссылайтесь на факты, уличайте, доказывайте. «Они» не уязвимы.

И вотъ что еще характерно. К.-д. Шингаревъ почти дифирамбически отнесся къ «воспѣванію благъ частной собственности»; онъ «лично полагаетъ» въ этомъ воспѣваніи «много справедливаго, глубокаго»; онъ «вѣритъ въ силу личной собственности глубоко» *). С.-д. Гегечкори видѣлъ бы въ «установленіи права свободнаго выхода изъ общины на началахъ справедливости шагъ впередъ» **). Г. Родичевъ «думаетъ, что въ настоящее время для русскаго народа необходимо земельное владѣніе, основанное на личномъ правѣ» ***). К.-д. Бабянскій «заявилъ себя сторонникомъ личной земельной собственности» ****). Всѣ они возражаютъ не столько противъ закона 9 ноября, сколько противъ тѣхъ его сторонъ, которыя ведутъ къ междоусобицѣ. Собственно, эти стороны и составляютъ главный, если не единственный, пунктъ разногласія между правовѣрными октябристами, соціалъ-демократами и многими кадетами, поскольку рѣчь идетъ о законѣ 9 ноября. Будь законъ освобожденъ отъ этихъ сторонъ, «думскій центръ» и значительная часть «лѣвыхъ», видимо, могли бы въ предѣлахъ даннаго вопроса придти къ довольно тѣсному единенію. И если понадобилась система запирательства и непониманія, то, именно, для защиты благъ крестьянскаго междоусобія. Это и есть ключъ позиціи, главный редутъ. И чтобъ лучше представить глубину непониманія, какою пришлось для защиты этого основного пункта вооружиться, я позволю себѣ напомнить одну изъ мелкихъ деталей по исторіи вопроса. Мнѣ пришлось выше сказать нѣсколько словъ относительно «обмолвки» предсѣдателя земельной коммиссіи г. Родзянка. Г. Родзянко—давнишній сторонникъ «хуторского разселенія». И, между прочимъ, въ 1901 г. онъ поднялъ этотъ вопросъ въ екатеринославскомъ губернскомъ земствѣ, гдѣ только что начиналъ тогда службу въ должности предсѣдателя управы. Доводы «за хутора» были систематизированы въ докладѣ мѣстнаго агронома. И въ числѣ ихъ былъ и такой аргументъ: крестьянское хозяйство некультурно, а потому продаетъ продукты дешево, т. е. представляетъ опаснаго и непобѣдимаго конкурента хозяйству помѣщичьему, поэтому и надо крестьянъ разселить на хутора и тѣмъ поднять культуру. Въ ту пору столичная печать просто высмѣяла эту аргументацію. Мѣстная вынуждена была отнестись въ серьезъ. Ей пришлось поневолѣ вскрыть, что дѣло собственно не въ культурѣ, а, между прочимъ, въ желаніи путемъ нарочитаго и экстреннаго обезземеленія крестья-

*) „Голосъ Москвы", 25 октября.
**) „Рѣчь", 25 октября.
***) „Слово", 30 октября.
****) Ibid.

янскихъ массъ создать дешевыя рабочія руки. Пришлось также и отмѣтить, что затѣя сразу перейти отъ деревень къ хуторамъ, при всей ея зловредности, крайне утопична вообще, и въ частности въ Екатеринославской губерніи, гдѣ, помимо всего прочаго, разселеніе на хутора связано съ вопросомъ о водѣ, а чтобъ покрыть екатеринославскую степь достаточнымъ числомъ колодцевъ, нужна работа нѣсколькихъ поколѣній. Въ этой старой полемикѣ, между прочимъ, и мнѣ приходилось принимать участіе. Намеками, иносказаніями, насколько было можно, по условіямъ мѣстной цензуры, приходилось коснуться и основного пункта: положимъ, дворянство оскудѣло и наканунѣ банкротства, но предлагаемый выходъ—обезземелить значительную часть крестьянства—вовсе не выходъ: банкротство наступитъ гораздо раньше, чѣмъ удастся деревни и села разметать на хутора.

За 7 лѣтъ, которые прошли со времени этой старой, мѣстной, екатеринославской полемики, много воды утекло. Г. Родзянко за это время успѣлъ половину всѣхъ губерній разселить на хутора; онъ, видимо, и колодцы уже вырылъ, и степи оросилъ, и «культура» у него уже «процвѣтаетъ», и крестьяне его ждутъ, какъ манны небесной, «закона 9 ноября», котораго, впрочемъ, нечего ждать, ибо онъ дѣйствуетъ. Подобно актерамъ, которыхъ нѣкогда наставлялъ Гамлетъ, онъ сумѣлъ перебродить самого Ирода. Гг. Лыкошинъ и Шидловскій, надо отдать имъ справедливость, играютъ эту роль, хоть и не важно, но все-таки тоньше. Во всякомъ случаѣ, у г-на Родзянка есть шансы, что средство, о которомъ онъ говорилъ еще въ 1901 г., нынѣ думскимъ большинствомъ будетъ «узаконено». Да если бы въ Думѣ и составилось иное большинство,—о послѣдствіяхъ говорятъ сами депутаты и при томъ открыто, съ «трибуны»: въ случаѣ отклоненія «закона 9 ноября» Дума, какъ ей угрожаютъ, будетъ распущена, и «законъ» все-таки останется закономъ. И снова приходится рѣшать: спасется этимъ средствомъ дворянское землевладѣніе, или не спасется? Успѣютъ они «разселить Россію на хутора» прежде, чѣмъ наступитъ крахъ, или не успѣютъ?

II.

Попробуемъ немножко помечтать. Пока судъ да дѣло, а междоусобица въ крестьянствѣ началась и силою вещей должна углубляться. Это, во всякомъ случаѣ, не шутка. Бывшую надѣльную землицу тѣмъ временемъ скупаютъ, «прибираютъ къ рукамъ» разные ловкіе люди. Много-ли, мало-ли они приберутъ—не такъ ужъ важно. И не такъ ужъ важно,—разселятся они на хутора, или не разселятся. Если не играть роли Ивана, непомнящаго родства, то само собою разумѣется, что первоначально разселеніе на хутора дальше единичныхъ случаевъ, играющихъ ни-

чтожную роль въ общей массѣ, дѣло пойти не можетъ: степь вѣдь сразу не оросишь, дорогъ за одинъ годъ не построишь—это процессъ длительный, на нѣсколько поколѣній. А долго мы ждать не можемъ. Для насъ важнѣе вотъ что:

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ примѣненіе закона 9 ноября вызвало появленіе бездомной и безземельной голытьбы, которую мѣстные жители называютъ шатунами. Шатуны... бродятъ со своимъ скарбомъ по степнымъ дорогамъ въ поискахъ мѣста, гдѣ можно бы приткнуться и начать новую жизнь. Шатуны посылаютъ своихъ женъ и дѣтей по кусочки, или... принимаются грабить осѣдлое населеніе. Тяжелую картину представляютъ эти номады, расположившіеся гдѣ-нибудь за селомъ на выжженномъ пыльномъ выгонѣ. Вокругъ повозокъ съ поднятыми оглоблями, на которыхъ развѣшано тряпье, сидятъ женщины и дѣти, усталыя, съ измученными лицами. Мужчины на всѣ вопросы отвѣчаютъ вяло, лѣниво и равнодушно:

— Куда идемъ? Да кто-жъ его знаетъ. Сказываютъ, будто за Кубанью есть еще какая-то земля («Рѣчь», 30 октября).

Слава Богу, часть крестьянъ уже удалось перевести на цыганское положеніе! И которые люди глупые, тѣ при видѣ этихъ первыхъ вѣстниковъ грядущей побѣды начиинаютъ мечтать насчетъ развитія фабрично-заводской отечественной промышленности. Рукъ-то, рукъ свободныхъ, ртовъ-то, ртовъ голодныхъ,—Господи! Сила несмѣтная! Англію изъ Россіи можно сдѣлать. У предпріимчиваго человѣка слюнки должны бы течь. Но слюнки текутъ, именно, у глупыхъ людей. Которые люди умные, тѣ и въ 1901 г. на счетъ развитія отечественной промышленности до размѣровъ, способныхъ поглотить обезземеленныхъ при «хуторскомъ разселеніи», держались скептическаго образа мыслей. А нынѣ говорить о превращеніи Россіи въ Англію или Германію... Нѣтъ, мы будемъ мечтать по-умному, по-хорошему.

«Шатуны», пишетъ «Рѣчь», грабятъ. Но на этотъ счетъ мы съ г. Родзянко можемъ быть спокойны. Теперь у насъ есть союзникъ—то «осѣдлое населеніе», которое прибрало земельку къ рукамъ. То есть, конечно, безъ грабежей, разбоевъ, смертоубійствъ дѣло не обойдется. Но успокойтесь, осѣдлое населеніе шатунамъ потачки не дастъ, и въ концѣ концовъ скрутитъ. «Сказываютъ, будто еще за Кубанью есть какая-то земля»... Ха-ха-ха! Пусть попробуютъ за Кубанью. Пошатаются еще. Побродятъ таборами. А потомъ,—куда-жъ имъ дѣться, если не идти къ пану? Придутъ. И не съ нахальствомъ, а безъ шапки. На колѣни станутъ. Въ ножки поклонятся. Ручку панскую... Что ручку—сапогъ панскій цѣловать будутъ... Оскудѣло дворянство. Инвентаря для хозяйства съ широкимъ размахомъ завести не изъ чего. Да и знаній маловато. Всѣхъ шатуновъ произвести въ батраки не удастся. Да это и не нужно. Это даже лишнее. А мы вотъ какъ: явился шатунъ съ повинной,—сейчасъ ему клочокъ земли:

— Коли тебѣ негдѣ «приткнуться», притыкайся тутъ. Построй

себѣ хату своими средствами. А насчетъ воды—ямку вырой,— дождевую, снѣговую собирай. Не хватитъ,—ручей есть въ 5 верстахъ. Жена твоя не барыня—сходитъ. А потомъ колодецъ выроешь. Только договоръ: обрабатывай и кормись, мнѣ плати столько-то въ годъ, а когда я тебя прогоню, постройки, какія ты построишь, мои, и все, что ты сдѣлаешь—мое, и ты не смѣешь ничего портить и ломать—иначе, въ острогъ. Вообще, покуда мнѣ нравишься, будешь жить тутъ. Ну, а станешь прекословить—не прогнѣвайся.

Да, ежели мечтать по-умному да по-хорошому, можетъ еще выйти изъ Россіи въ нѣкоторомъ родѣ Англія. Можетъ выйти такъ, что будетъ г. Родзянко въ родѣ, какъ англійскій лордъ, взимающій, примѣрно, съ ирландскихъ фермеровъ плату за право обрабатывать его землю. И какъ оно славно,—ни хлопотъ, ни огорченій, и все тебѣ равно—дождь-ли, ведро-ли, урожай-ли, голодъ-ли— выколачивай съ фермеровъ плату, и больше никакихъ. Которые люди непонимающіе, тѣ идутъ дальше. Вонъ Марковы и Дорреры непремѣнно хотятъ, что-бы при всемъ этомъ сохранились незыблемыя основы. Оно, конечно, ежели создать фермеровъ при незыблемыхъ основахъ, то выйдетъ гораздо лучше крѣпостного права. Но нельзя желать невозможнаго. Вѣдь, кромѣ фермеровъ, будутъ еще «крѣпкіе собственники-крестьяне», будутъ горожане, будутъ заводскіе и фабричные люди, государственные долги, наконецъ, просто внѣшнія опасности, въ виду которыхъ самое напоминаніе о незыблемыхъ основахъ равносильно намеку на Мукденъ и Цусиму. Нѣтъ, что ни говорите, а «правовой порядокъ» нуженъ. Нуженъ даже съ точки зрѣнія указа 9 ноября... Ибо понимаемъ же мы въ самомъ дѣлѣ, что нельзя насаждать и укрѣплять частную собственность внѣ условій правового строя.

Нѣтъ, нельзя попрежнему жить. Не меншенфрессеры же мы, въ самомъ дѣлѣ, и не головотяпы, наконецъ. Надо, чтобъ, по крайности, гармонія была: ужъ коли лорды и фермеры, такъ, значитъ, невозможно безъ увѣнчанія зданія. Немножко на англійскій манеръ бреемся,—по-англійски и стричься надо. По умному, по хорошему мы будемъ мечтать—ну, примѣрно, такъ, какъ мечталъ еще совсѣмъ недавно «Голосъ Москвы»: это было, когда «вся печать» трубила о «полѣвѣніи» октябристовъ, словно для того, чтобъ вслѣдъ затѣмъ трубить объ ихъ поправѣніи. Всѣхъ мечтаній, конечно, не изложишь. Но кое на какихъ надо остановиться. Я напомню, напримѣръ, что писалъ «Голосъ Москвы» по поводу кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, «этого недоразумительнаго собранія, какъ остроумно выразился Н. А. Хомяковъ» *).

Миссіонерскій съѣздъ,—читаемъ въ „Голосѣ Москвы" 22 іюля—принялъ рядъ резолюцій, рѣзко расходящихся съ принципомъ вѣротерпи-

*) „Голосъ Москвы", 30 августа.

мости. Этого совершенно достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что съѣздъ обрекъ свою дѣятельность на полную безрезультатность. Резолюціи съѣзда не могутъ и не будутъ реализироваться въ русской дѣйствительности... Возставая противъ вѣротерпимости, кіевскій съѣздъ возстаетъ противъ воли правительства, народныхъ представителей и государя императора. Онъ хочетъ опрокинуть всю русскую государственность и поставить надъ нею свою волю... Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ фанатизмомъ, чтобы задаваться подобными цѣлями. Нужно быть людьми съ узкимъ, лишеннымъ государственной складки умственнымъ горизонтомъ, чтобы, вмѣсто серьезной работы, устраивать безсмысленныя и ни къ чему не ведущія демонстраціи...

«Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ фанатизмомъ»... Эти слова пришлось «Голосу Москвы» повторить въ иной редакціи, когда синодъ, осуществляя постановленія миссіонерскаго съѣзда, выступилъ со своими мѣропріятіями по поводу толстовскаго юбилея. Затѣмъ, когда синодъ запретилъ представленіе уже разрѣшенной «Саломея», такъ какъ эта пьеса затрагиваетъ преданія объ Іоаннѣ Крестителѣ, «Голосъ Москвы» снова протестовалъ противъ «узости религіознаго міровоззрѣнія, граничащаго съ ханжествомъ». Кромѣ того, оказались запрещенными молитвенныя собранія баптистовъ. Наконецъ, и вся программа кіевскаго съѣзда удостоена одобренія высшаго правительства, о чемъ и опубликовано въ установленномъ порядкѣ къ свѣдѣнію и исполненію всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ. И органъ октябристовъ, хотя еще и продолжаетъ мечтать о вѣротерпимости, но, съ другой стороны, находитъ, что въ этомъ вопросѣ «логика теоріи» не совпадаетъ съ «логикой жизни», и разумный человѣкъ долженъ различать «религію субъективную», которую каждый можетъ таить про себя, отъ «религіи объективной», сирѣчь оказательства:

Напримѣръ, исповѣданіе православной вѣры, точнѣе, церкви представляетъ... религіозный союзъ, положимъ, въ 60 милліоновъ индивидуальностей... Но... у одного болѣе чистыя и глубокія представленія и понятія... у другого менѣе, одинъ болѣе религіозенъ... другой... только номинально или формально сынъ церкви („Голосъ Москвы“, 28 октября).

«Логика жизни» убѣждаетъ насъ, что съ этимъ разнообразіемъ надо мириться, ибо власть проникнуть внутрь каждой индивидуальности не въ силахъ. «Иное дѣло», если начинается оказательство вѣры. Органъ октябристовъ считаетъ совершенно недопустимымъ, напримѣръ, оказательство свободомыслія, внѣцерковности, которую кстати «Голосъ Москвы» пользуясь случаемъ, называетъ «безбожіемъ». Открытаго свободомыслія, объективной «безконфессіональности» власть ни въ коемъ случаѣ допускать не должна. «Безконфессіональность» можетъ быть предметомъ только «субъективной вѣры», но съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы «безцерковный» принадлежалъ, хотя формально и номинально, къ церковному союзу и «добровольно подчинялся общепринятымъ въ этомъ союзѣ нормамъ».

Это новое толкованіе вѣротерпимости можно пояснить примѣромъ. Живетъ, между прочимъ, безцерковный человѣкъ Левъ Толстой. И не только «субъективно безцерковный», но и чинящій оказательства. До сихъ поръ русскіе законы не предусмотрѣли этой «логики жизни». Но погодите,—«партія центра», руководящее большинство Думы напишетъ законъ, по которому «безконфессіонное» состояніе Л. Н. Толстого сумѣетъ стать предметомъ разбирательства, положимъ, особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей... Такимъ образомъ, уже намѣчены первые пролеты моста отъ мечтаній къ программѣ того самого «собранія», которое хотя и названо «самимъ Н. А. Хомяковымъ» «недоразумительнымъ», но свыше одобрено... Не странно ли,—мечтали мы по умному и по хорошему, а выходитъ совсѣмъ даже наоборотъ. И хуже всего, что у жизни оказывается почему-то не одна, а двѣ «логики».

Съ одной стороны, есть старообрядцы, молокане, баптисты, есть безчисленное множество сектантовъ, есть религіозное броженіе внутри православныхъ. Накапливать раздраженіе и недовольство въ этой средѣ—значитъ, въ нашъ вѣкъ всеобщаго недовольства и раздраженія слишкомъ рисковать. Это значитъ отбрасывать весь инославный и иновѣрный міръ Россіи, со всѣми его возможностями матеріальной и моральной поддержки, въ объятія революціи. Чтобы дѣлать такія стратегическія ошибки, дѣйствительно, нужно обладать «узкимъ умственнымъ горизонтомъ, лишеннымъ государственной складки». А съ другой стороны, тѣ же хотя бы молитвенныя собранія баптистовъ такъ привлекали православныхъ, производили такое впечатлѣніе на «сѣрыя массы», что вѣдь ничего не оставалось дѣлать, какъ запретить. И мнѣ уже приходилось говорить, что не меньшія опасности для синода представляетъ «свобода старообрядцевъ». Логика жизни требуетъ привлечь «расколо-сектантство» къ правительству, или, по крайней мѣрѣ, не усиливать «расколо-сектантствомъ» революцію, страшную своимъ лозунгомъ: «земля». И та же логика жизни заставляетъ принять программу миссіонерскаго съѣзда, ибо иначе церковь растеряетъ стадо и реакція, съ ея лозунгомъ: «помѣщикъ», лишится всей той поддержки, которую оказываетъ православное духовенство. Что тамъ ни говорите, а старообрядческій «попъ» или баптистскій пресвитеръ есть величина народная, и только на православнаго священника можно опереться, какъ на лицо, служащее по назначенію отъ правительства. Какой же логикѣ слѣдовать,—той ли, которая умная, или той, которая «лишена государственной складки»?

Мечталъ «Голосъ Москвы» и о свободѣ печати. Было это совсѣмъ еще недавно, когда даже «Новое Время» писало:

„Никто не скажетъ, что положеніе нашей печати вполнѣ нормально Ежедневные штрафы, достигшіе какого-то эпидемическаго характера...

Правительство, по слухамъ, вноситъ въ Государственную Думу законопроектъ, о печати, болѣе или менѣе суровый" *).

Положимъ, мы и въ разгаръ самыхъ пылкихъ мечтаній вовсе не склонялись отказываться отъ мѣръ обузданія. Но нельзя же не понимать «логику жизни», которая требуетъ, наконецъ, пріобщить Россію къ благамъ умѣренной гласности. Не говоря уже о томъ, что само по себѣ народное представительство требуетъ нѣкоторыхъ облегченныхъ способовъ организаціи благонамѣреннаго общественнаго мнѣнія, нуженъ также и органъ контроля общественнаго. Богъ знаетъ мы до чего дожили! Только и слышишь: тамъ вымогательства, тамъ хищенія, тамъ завѣдомый воръ и атаманъ разбойничьей шайки оказался начальникомъ сыскного отдѣленія... Дошло вѣдь до того, что агенты полиціи на Кавказѣ, какъ недавно открылось, похищали людей и брали за нихъ выкупъ... Нельзя, совершенно нельзя безъ гласности. Но какъ разъ въ то время, когда мы готовились учесть эту логику жизни, со стороны «Россіи» послѣдовалъ окрикъ: «мы не считаемъ «Голосъ Москвы», въ настоящемъ его видѣ, газетою серьезною» **). Одновременно въ провинціи «Голосъ Москвы» сталъ изгоняться изъ народныхъ читаленъ. А затѣмъ и самъ заговорилъ о недопустимости депутатскихъ рѣчей, «возбуждающихъ народныя страсти». То есть, конечно, опасныя рѣчи неустранимы,—ихъ можетъ произнести и правый, и лѣвый. Кромѣ того, много значитъ разнообразіе мѣстныхъ условій. Самъ г. Гучковъ при сужденіяхъ, напр., о генералѣ Думбадзе можетъ сказать нѣчто, безразличное для Москвы, но весьма опасное, «возбуждающее народныя страсти» въ Ялтѣ. И, ставъ на эту точку зрѣнія, можно найти только одинъ выходъ,—ввести цензуру для произнесенныхъ въ Думѣ рѣчей,—какъ общую, такъ и мѣстную. По крайней мѣрѣ, посылка, диктующая этотъ единственно возможный выводъ, уже признана. Получается абсурдъ. Но въ немъ опять-таки есть своеобразная логика жизни.

Вонъ въ Германіи по случаю непріятныхъ разговоровъ Вильгельма II поднялся шумъ. Много весьма горькаго и непріятнаго для императора наговорилъ рейхстагъ, въ газетахъ дошло дѣло до требованія отречься отъ престола. Устраивались митинги,—между прочимъ, завѣдомыми республиканцами, соціалъ-демократами. И никому какъ-то въ голову не приходило, что изъ этого можетъ вырасти насильственное ниспроверженіе существующаго строя. Политическій строй Германіи весьма далекъ отъ совершенства. И все таки тамъ на столько обезпечены легальные способы отстаивать свои мнѣнія и свои интересы, что насильственными потрясеніями шумъ—и митинговый, и газетный, и парламентскій—не угрожалъ. Императоръ переживетъ нѣсколько болѣе или менѣе

*) Цит. по «Сѣверу», 31 августа.

**) Цитирую по „Кіевской Мысли" 3 октября.

непріятныхъ минутъ, получитъ хорошій урокъ напредки,—вотъ и все. Ну, а въ Россіи сейчасъ можно обезпечить легальные способы отстаивать свои интересы и мнѣнія?

Будемте откровенны,—если вы сейчасъ предоставите крестьянамъ легальные способы отстаивать ихъ крестьянскій интересъ, ихъ крестьянское право,—вамъ прежде всего не удастся провести въ жизнь законъ 9 ноября, вашу едва ли не единственную въ данный моментъ надежду на лучшее будущее. Но оставимъ законъ; ибо онъ, въ концѣ-то концовъ, лишь деталь. 31 октября въ Думѣ П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи цитировалъ нѣкоего «дворянскаго публициста Елишева»:

При современномъ—говоритъ этотъ публицистъ—господствѣ эгалитарныхъ идей крѣпость государственнаго самодержавнаго строенія неизбѣжно требуетъ, чтобы правительство имѣло себѣ твердую опору въ высшемъ сословіи, дворянскомъ. И эта задача его—быть политической опорой самодержавнаго—правительства едва ли не должна быть въ наше время поставлена на первое мѣсто („Рѣчь", 1 ноября).

Правые и октябристы встрѣтили эту цитату возгласами: «правильно». И воистину,—правильно. Дѣйствительно, сейчасъ это не только естественная, но и единственная соціальная опора даннаго направленія правительственной политики. Синодъ, департаментъ полиціи, армія чиновниковъ,—не опора. Это оружіе, послушное направляющей рукѣ. Въ 1905 г. синодъ писалъ хотя и двусмысленное, но въ общемъ одобрительное посланіе манифесту 17 октября. А нынѣ, наравнѣ съ другими вѣдомствами, принималъ мѣры, чтобы третья годовщина манифеста не была ознаменована какими-либо неумѣстными празднествами или воспоминаніями. Настоящая, соціальная опора—дворянство. Но какая же это опора? Опора капиталистическаго строя Западной Европы—буржуазія. И въ рукахъ западно-европейскаго владыки страшные капиталы, орудія производства, пути и средства сообщенія, національный кредитъ. Онъ владыка и законодатель, ибо въ его рукахъ колоссальная экономическая мощь. Но что въ рукахъ нашего дворянства? До 1861 года оно жило крѣпостнымъ правомъ, изъ года въ годъ «оскудѣвая». Къ моменту освобожденія крестьянъ $^2/_3$ крѣпостныхъ ревизскихъ душъ находились уже въ залогѣ, и на помѣщичьей землѣ оказался долгъ въ 425 милліоновъ рублей *). Послѣ 1861 г. дворянство жило, помимо доходовъ земли, за счетъ выкупныхъ платежей, безконечныхъ воспомоществованій изъ государственнаго казначейства, и тѣмъ не менѣе потеряло почти половину своихъ земель, а другую заложило и перезаложило. Сейчасъ наша опора сидитъ въ долговой ямѣ, а вмѣстѣ съ опорою сидимъ и мы. За послѣднее время то и дѣло приходится читать въ газетахъ извѣстія о массовомъ назначеніи дворянскимъ банкомъ земель къ продажѣ.

*) См. сборникъ: „Борьба за землю", стр. 244—245.

«Симбирскъ. Дворянскій банкъ назначилъ въ продажу за неуплату недоимокъ 197 имѣній» — сообщалъ, напр., «Голосъ Москвы» 28 октября. Читатель мало интересуется этими цифрами, въ увѣренности, основанной на многолѣтнемъ опытѣ:

— Не продадутъ. Отсрочатъ. Дадутъ поблажку. Сколько лѣтъ попустительствовали, ну, и впредь будутъ также.

Поблажки, попустительство... Есть, однако, и необходимость. Если сейчасъ начать серьезно безъ поблажекъ и попустительствъ взыскивать съ дворянства долги, если безъ фальши выбросить на аукціонный рынокъ милліоны десятинъ,—что станетъ съ нашими искусственно вздутыми земельными цѣнами, къ которымъ, однако, приноровленъ нынѣшній ипотечный кредитъ. Только благодаря поблажкамъ и попустительствамъ, мы и спасаемся отъ потрясенія кредитныхъ цѣнностей,—конечно, не только ипотечныхъ. Дворянство такъ сумѣло залѣзть въ долги, что его даже нельзя продать съ аукціона. И для кредитора, каковымъ является по преимуществу государственное казначейство, есть единственный выходъ—обратить имущество должника на себя, въ общегосударственный земельный фондъ. Страшный вопросъ о принудительномъ отчужденіи въ значительной части сводится къ безпопустительному взысканію съ дворянства по долговымъ обязательствамъ. И криками «принудительное отчужденіе недопустимо» въ значительной части маскируется мысль:

— Недопустимо, чтобы съ насъ взыскивали долгъ. Недопустимо, чтобъ были прекращены поблажки, попустительства, воспособленія государственнаго казначейства, и все прочее, что мы привыкли получать и безъ чего мы не можемъ жить.

«Руководящему большинству» 3 Думы многое понятно въ этой дворянской трагедіи. И не даромъ изобрѣтенъ проектъ такъ уничтожить земскихъ начальниковъ, чтобы они сохранились подъ названіемъ участковыхъ коммиссаровъ. Положеніе, дѣйствительно, столь безвыходно, что даже земскихъ начальниковъ нельзя упразднить, ибо если дворянское землевладѣніе лишится поддержки и помощи, какую оказываетъ ему эта «близкая къ народу» и надѣленная сверхъестественными полномочіями власть, подписавшіе вторую закладную будутъ окончательно ввергнуты въ пучину бѣдствій, остальнымъ придется подписывать новыя закладныя и ближе подойти къ пропасти, изъ коей нѣтъ возврата... По старой памяти, мы со словомъ: «опора» связываемъ представленіе о чемъ-то такомъ, что само по себѣ могущественно, обладаетъ самостоятельною силою, чтобы всему государству диктовать свою волю. Но, въ сущности, это миражъ. У нашей опоры нѣтъ ничего, кромѣ фактическаго обладанія обще-государственными рессурсами, и при первомъ толчкѣ, который вышибетъ это оружіе изъ ея рукъ, удѣлъ «опоры»—умереть съ голоду подъ заборомъ.

Недавно въ газетахъ разсказывалось характерное дѣло о не-

доимкахъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Этотъ князь накопилъ недоимокъ по окладнымъ листамъ уфимской уѣздной земской управы около 128.000 р., да въ Златоустовскомъ уѣздѣ за нимъ числится «не менѣе значительная» сумма. И вотъ земская управа захотѣла, наконецъ, найти легальные способы получить съ князя причитающійся ей долгъ. Послѣ долгихъ хлопотъ земства, законное содѣйствіе рѣшился было оказать златоустовскій исправникъ. Онъ приступилъ уже къ описи княжескаго имущества. Но вмѣшался губернаторъ и приказалъ прекратить взысканіе «до полученія особыхъ распоряженій». Земство обратилось къ губернатору,— отвѣта не послѣдовало. Земство обратилось къ министру внутреннихъ дѣлъ,—министръ промолчалъ. Земство постановило «о назначеніи къ продажѣ въ уплату недоимокъ нѣкоторыхъ принадлежащихъ князю пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій, нынѣ находящихся въ арендномъ пользованіи горнозаводскихъ крестьянъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ,—пріостановить. Тогда земство послало въ Петербургъ уполномоченное лицо для «ходатайства передъ центральнымъ правительствомъ» о соблюденіи нынѣ дѣйствующаго закона относительно взысканія недоимокъ. «Успѣха и это ходатайство не имѣло» *).

«Легальные способы»... «Правопорядокъ». Объ этихъ вещахъ хорошо говорить западно-европейскому буржуа. Для князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ «правопорядокъ» означаетъ взысканіе недоимокъ, распродажу имущества и подведеніе итоговъ. При наличности правопорядка и легальныхъ способовъ, «оскудѣвшіе» погибнутъ гораздо раньше, чѣмъ народится съ помощью закона 9 ноября «сословіе фермерское», долженствующее ихъ спасти. То есть оно не доказано, спасетъ ли насъ «фермерское» сословіе». Но это послѣдняя надежда, послѣдняя ставка, послѣдній козырь въ игрѣ. Теперь у насъ, вмѣсто права, порядка и легальности обострился режимъ административной предпріимчивости и административной виртуозности. И отъ этого режима ни на одну іоту нельзя «опорѣ» отказаться, пока не завершенъ процессъ образованія «фермеровъ», предположенный закономъ 9 ноября. Затѣмъ ни на одну іоту нельзя отступить, пока опора не расплатится съ долгами, пока она не окрѣпнетъ на столько, что существованіе правопорядка не будетъ угрожать ей смертью. На такое сословное возрожденіе, если бы оно вообще было возможно, требуется много десятковъ лѣтъ, а можетъ быть, и столѣтія. Но оно, увы!—невозможно. И остается одинъ выходъ: сохранить, елико возможно дольше, существующій порядокъ вещей, съ его чрезвычайными охранами, ссылками, висѣлицами, съ военными и щегловитовскими судами, съ его безтолочью, безнадежностью, съ его беззаконіемъ, возведеннымъ въ законъ, съ упраздненіемъ возможности легальнымъ способомъ отстаивать гра-

*) „Рѣчь". 1 ноября.

жданскіе права и интересы, съ пресѣченіемъ всего того, что ведетъ къ организаціи, къ сплоченію и объединенію общественныхъ силъ. Мы не можемъ допустить ни собраній, ни обществъ, ни союзовъ, ни свободной печати, ибо все это сплачиваетъ и объединяетъ людей. Мы должны убивать и раздроблять всякій зародышъ организаціи, интересы которой противоположны интересамъ «опоры». «Опора» ежеминутно должна помнить, что малѣйшее повышеніе общественной волны угрожаетъ требованіемъ уплатить долги, а это равносильно смерти, или хотя бы только сокращеніемъ льготъ и воспособленій, что, впрочемъ, также равносильно смерти. Этотъ жестокій моментъ долженъ рано или поздно наступить. И вся задача «успокоительной политики» состоитъ въ томъ, чтобы онъ наступилъ возможно позднѣе. Такова «логика» жизни.

III.

Когда октябристы начинаютъ вслухъ мечтать о представительномъ строѣ и прочихъ хорошихъ вещахъ, и въ печати, да и просто у обывателя невольно срываются замѣчанія вовсе не лестнаго свойства:

— Полно, дескать, зубы-то заговаривать.

И надо правду сказать, искусство это—заговаривать зубы—не вовсе чуждо «руководящему думскому большинству» и его тоже «руководящимъ» органамъ. Упреки въ двоедушіи, въ лицемѣріи, во всякомъ случаѣ, октябристами заслужены. Но едва ли все тутъ можно свести къ лицемѣрію. Полагаю, простыми укоризнами въ лицемѣріи и двоедушіи не объяснить непрестаннаго октябристкаго «полѣвѣнія», сопровождаемаго непрестаннымъ «поправѣніемъ».

Существуетъ дополнительное объясненіе, что октябристы — конгломератъ разнородныхъ политическихъ взглядовъ и настроеній. Не разъ предсказывали даже, что эта «случайная группа» вотъ-вотъ разсыплется на составныя части. Не разъ были газетныя статьи по случаю не только возможныхъ, но и чаемыхъ перегруппировокъ въ 3 Думѣ. Однако, Саулы, прорицавшіе это, пока не заслужили званія пророковъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, октябристы дѣйствовали и дѣйствуютъ вполнѣ сплоченно, какъ люди, достаточно единодушно познавшіе, какихъ имъ раковъ надо ловить, и гдѣ оные раки зимуютъ. Пока удалось лишь подмѣтить въ ихъ средѣ чисто словесныя разногласія,—такъ сказать, разныя манеры мечтанія. Одни изъ нихъ, дѣйствительно, мечтаютъ по-умному, другіе по-Пуришкевичу. Но и тѣ, и другіе не обнаруживаютъ постоянства. Одни и тѣ же лица нынче впадаютъ въ либерализмъ, такъ что самъ г. Родзянко не можетъ отличить себя отъ г. Маклакова, завтра тотъ же г. Родзянко не знаетъ, чѣмъ онъ, собственно, разнится отъ г. Дубровина. При упорномъ постоян-

ствѣ поступковъ мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайною измѣнчивостью мечтаній. И обусловлена эта измѣнчивость, мнѣ кажется, не только криводушіемъ центра, но и нѣкоторыми болѣе общими причинами.

«Логика жизни», требующая, чтобы въ Россіи былъ сохраненъ режимъ административнаго вдохновенія, конечно, непреложна. Но вѣдь непреложна и другая «логика жизни», которую, между прочимъ, недавно счелъ долгомъ подчеркнуть во «всеподданнѣйшей телеграммѣ» по случаю «знаменательнаго дня 17 октября» челябинскій биржевой комитетъ:

Неуклонное проведеніе въ жизнь страны, напоминаетъ эта телеграмма, возвѣщенной съ высоты престола три года назадъ конституціи, какъ основы законности и незыблемыхъ правъ гражданъ, послужитъ къ экономическому развитію нашей дорогой родины, росту ея производительныхъ силъ, выведетъ промышленность и торговлю изъ того упадочнаго состоянія, въ какомъ она теперь находится *).

Увы! помимо всѣхъ прочихъ невзгодъ, торгово-промышленная фронда, было стихнувшая, одно время частично примирившаяся съ программою объединеннаго дворянства, теперь начинаетъ подымать голову. Она напоминаетъ центру о необходимости платить по выданнымъ три года назадъ обязательствамъ. Она напоминаетъ «опорѣ» объ «оффиціально-установленномъ министерствомъ финансовъ» «фактѣ болѣе высокаго подесятиннаго обложенія земскими сборами крестьянскихъ надѣльныхъ земель по сравненію съ частновладѣльческими»; она колетъ «опорѣ» глаза «искусственными пріемами расцѣнки, благодаря которымъ высшія по цѣнѣ угодья оказываются наиболѣе распространенными въ составѣ надѣльныхъ земель, и обратно—угодья, занимающія значительную площадь въ частномъ землевладѣніи, бываютъ расцѣниваемы ниже». Она требуетъ, во имя «элементарной справедливости», измѣнить земскую избирательную систему въ томъ направленіи, чтобы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ получили надлежащее и справедливое представительство всѣ группы плательщиковъ, прекратить «преобладаніе... сословныхъ интересовъ землевладѣнія» **).

— Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, оскудѣвшимъ и обанкротившимся занять въ государственномъ обиходѣ мѣсто, подобающее банкроту...

Торгово-промышленную фронду можно бы, конечно, успокоить какимъ-либо экстреннымъ покровительствомъ отечественной промышленности. «Бабы суютъ дѣтямъ соску, чтобы ротъ заткнуть». Но состояніе государственныхъ финансовъ таково, что о сооруженіи экстренныхъ сосокъ и думать нельзя. Правда, у «Голоса Москвы» «невольно напрашивается вопросъ»: нельзя ли сократить численность дѣйствующей арміи, употребивъ освободившуюся часть

*) „Саратовскій Листокъ“, 21 октября.
**) „Промышленность и Торговля“, 1 октября, стр. 331.

военнаго бюджета на постройку новыхъ и, главнымъ образомъ, стратегическихъ путей сообщенія?.. *). Дѣйствительно, для «железодательныхъ», напримѣръ, дѣтей это была бы хорошая соска. Но казармовладѣльцы и армейскіе поставщики подняли бы крикъ. Да и вообще этотъ вопросъ чреватъ всякаго рода опасностями, наипаче же политическими, ибо сокращать дѣйствующую армію въ моментъ напряженной борьбы съ внутренними врагами для опоры, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Органъ такъ называемаго «совѣта съѣздовъ» предлагаетъ изготовить соску другимъ способомъ,—облегчить, елико возможно, «торговопромышленный классъ» отъ налоговъ: для этого «остается, дѣйствительно, единственное при данныхъ условіяхъ средство,—это использованіе казной питейныхъ силъ крестьянства, не взирая на всѣ послѣдствія подобной финансовой системы» **). «Приблизить» еще болѣе водку къ населенію и населеніе къ водкѣ и поднять на нее цѣны... Но этотъ проектъ сама «Промышленность и Торговля» сопровождаетъ саркастическими оговорками и замѣчаніями, что никакими другими рессурсами наша опора, «при данныхъ условіяхъ», не располагаетъ. Средствъ заткнуть ротъ торговопромышленной фрондѣ новыми сосками пока не найдено. И нѣтъ надежды найти. А такъ какъ старыя соски все болѣе и болѣе истощаются, то фронда, по всѣмъ видимостямъ, должна возрастать до опасныхъ размѣровъ.. Купецъ до послѣдняго времени былъ единственною, хотя и не безкорыстною, но не состоящею на прямой службѣ у правительства, общественною силою, которая въ борьбѣ между опорою и мужикомъ соблюдала дружественный опорѣ нейтралитетъ. Но есть еще нейтралитетъ враждебный. Мыслимъ и прямой переходъ нейтральной среды на сторону врага. Купцу тожъ нѣтъ резона долго терпѣть «упадочное состояніе» только потому, что баринъ желаетъ, во что бы то ни стало, увильнуть отъ уплаты долговъ. Купецъ тожъ, въ случаѣ чего, можетъ крикнуть:

— Коли задолжалъ, такъ плати. Денегъ нѣтъ—землю давай.

Впрочемъ, противъ купца, если бы онъ вздумалъ прекословить опорѣ, штыкъ столь же дѣйствительное средство, какъ и противъ мужика. Въ концѣ концовъ, въ нашей внутренней политикѣ это самый высшій и самый неотразимый аргументъ. Но и въ немъ есть нѣчто, внушающее тревогу. Не даромъ «Голосу Москвы» кажется, «что послѣ... слѣпой небывалой войны, годины горькихъ бѣдствій, лишеній... послѣ досаднаго разочарованія и тяжелаго народнаго напряженія, прежде чѣмъ начать какія-либо другія преобразованія и реформы въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ, надо... во что бы то ни стало, разработать вопросъ офицерскій». «Офицеры это—устои! восклицаетъ газета.—Въ арміи офицеръ—все!»

**) „Голосъ Москвы", 28 октября.

**) „Промышленность и Торговля", 1 сент., стр. 225.

«Офицерскій вопросъ», впрочемъ, на первый взглядъ, представляется органу октябристовъ въ довольно-таки элементарномъ видѣ:

Ни для кого не секретъ,—пишетъ онъ,—что офицеры, и особенно молодые, бѣгутъ изъ арміи, 14% личнаго (низшаго) состава не хватаетъ, оставшіеся 86% только и жили долгожданнымъ, волшебнымъ январемъ 1909 г... и вотъ вмѣсто новогодняго *заслуженнаго и обѣщаннаго подарка*—ужасный проектъ министерства финансовъ (Курсивъ мой,—*А. П.*).

Дѣло, видите-ли, въ томъ, что хотя съ 1909 г. и предположено увеличить жалованье офицеровъ, но въ болѣе скромномъ размѣрѣ, чѣмъ ожидалось:

Проектъ министерства финансовъ объ увеличеніи офицерскаго содержанія самымъ настойчивымъ, рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ ассигнованія на нужды командпаго состава арміи 30 милліоновъ. Всѣ предложенія военнаго вѣдомства: лагерныя и суточныя деньги, отпуски на пособія, особыя суммы для кончающихъ училища офицеровъ. суммы на обзаведеніе необходимымъ имуществомъ и пр.,—отвергнуты. Въ своемъ неудержимомъ урѣзываніи составители проекта пошли такъ далеко, что лишили даже подпоручиковъ прибавки...

...Какъ обидно, грустно, больно и какъ сжимается сердце нашего военнаго общества, ожидающаго такъ долго серьезныхъ мѣръ... И какъ тяжело и горько чувствовать, что армію забываютъ, не вѣрятъ ея острому офицерскому кризису *)...

Въ такой постановкѣ «офицерскій вопросъ» сводится къ ассигнованію 30 милліоновъ руб., которое «Голосъ Москвы» странно называетъ «подаркомъ» и при томъ «новогоднимъ», «заслуженнымъ» (чѣмъ?) «обѣщаннымъ» (за что?). Съ точки зрѣнія самой «партіи центра» было бы, мнѣ кажется, умѣстнѣе замѣнить слово: «подарокъ», полное намековъ, болѣе дѣловымъ терминомъ: «улучшеніе матеріальнаго быта». Правда, при дѣловой постановкѣ «офицерскій вопросъ» приходится разсматривать, какъ деталь болѣе общаго вопроса о содержаніи лицъ (военныхъ и гражданскихъ), служащихъ по назначенію отъ правительства. «За ничтожное, грошевое, почти нищенское,—плачетъ «Голосъ Москвы»,—жалованье служатъ офицеры... въ дикихъ, глухихъ, безпросвѣтныхъ, медвѣжьихъ углахъ»... Однако, за еще болѣе «ничтожное, грошевое, нищенское жалованье» въ тѣхъ же «медвѣжьихъ углахъ» служатъ учителя, судебные, полицейскіе и многіе иные чины, не имѣя при этомъ права на очень существенныя натуральныя пособія, въ родѣ, напр., «казенной прислуги» и льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Но, допустимъ, именно ради удобства, чтобъ не затрагивать общаго вопроса, взято слово: «подарокъ». Допустимъ, это именно «подарокъ», «новогодній», «обѣщанный», такъ сказать, за особыя заслуги и не въ примѣръ прочимъ. Допустимъ, именно потому, что «въ долгожданномъ, волшебномъ январѣ» не будетъ получено *обѣщаннаго*, «обидно, грустно, больно... сжимается сердце

*) „Голосъ Москвы", 8 октября.

военнаго общества». Но вѣдь надо полагать, не менѣе «обидно, грустно, больно» сжималось сердце г. Коковцова, что вотъ 30 милліоновъ «обѣщаны», «заслужены», а онъ нынужденъ «рѣшительнымъ образомъ протестовать». Передъ нами, очевидно, вопросъ не столько офицерскій, сколько финансовый: состояніе государственнаго казначейства не позволяетъ «подарить» «командному элементу арміи» обѣщанныя и заслуженныя деньги. Это «ужасно». Если такъ дальше идти, то придется-таки осуществлять проектъ «Голоса Москвы» о сокращеніи арміи, и не ради постройки стратегическихъ горогъ, а просто въ цѣляхъ увеличенія офицерскаго жалованья. По крайней мѣрѣ, сами офицеры пишутъ,—между прочимъ, и въ «Голосѣ Москвы»,—что предположенное увеличеніе жалованья, по ихъ мнѣнію, недостаточно. Необходимо больше. Въ предупрежденіе недовольства, необходимость эту надо, конечно, удовлетворить. Есть и еще необходимости. Ихъ перечисляетъ, между прочимъ, «Новое Время» (№ 11727, 3 ноября).

1) Необходимо рѣшительно, въ законодательномъ порядкѣ, установить незыблемое правило: никакіе вычеты изъ жалованья,—ни казенные *), ни частные, ни товарищескіе не допускаются.

2) Расходы по содержанію библіотекъ, разныхъ полковыхъ спортивныхъ призовъ, офицерскихъ клубовъ... включительно до скромнаго общаго стола въ теченіе всего лагернаго періода слѣдуетъ отнести насчетъ казны.

3) Нельзя пройти молчаніемъ одного обстоятельства, также угнетающе дѣйствующаго на офицеровъ. Дѣло идетъ о стоянкахъ... у чорта на куличкахъ. Стратегическое положеніе не остается неизмѣннымъ... Въ виду того, что новое распредѣленіе войскъ не за горами, очень желательно обратить вниманіе на удовлетвореніе... запроса офицерства въ лучшемъ ихъ (войскъ?) расквартированіи.

4) Семейныхъ офицеровъ слѣдуетъ поддержать, главнымъ образомъ, въ лицѣ ихъ дѣтей... Устройство подготовительныхъ пансіоновъ... съ филіальными отдѣленіями... Устройство дѣтскихъ садовъ... Возможность воспитать не только сыновей, но и дочерей казенными пансіонерками...

Офицерскій вопросъ, такимъ образомъ, развертыватся въ цѣлую экономическую программу. Въ такомъ видѣ онъ все еще остается вопросомъ, по преимуществу, финансовымъ, хотя уже очевидно, что «обѣщаннаго подарка» въ 30 милліоновъ рублей слишкомъ недостаточно. Какъ водится въ Россіи, каждая такая программа, кромѣ пунктовъ экономическихъ, должна содержать «вѣжливое обращеніе». Есть, оказывается, «вѣжливое обращеніе» и въ «офицерскомъ вопросѣ».

По отношенію къ подчиненнымъ,—читаемъ въ томъ же № „Новаго Времени",—начальники старыхъ традицій считаютъ нужнымъ держать себя въ позиціи „остерегайтесь взрыва". Накричать, оборвать передъ фронтомъ, посадить на гауптвахту за малѣйшее упущеніе. Однимъ словомъ, надѣлать шуму и грому... У офицера сложились свои идеалы ры-

---

*) Рѣчь идетъ, повидимому, и о пенсіонныхъ вычетахъ.

царскаго служенія. И вдругъ этого рыцаря начинаютъ пушить, унижать, и нерѣдко передъ его же подчиненными...

Программа, развернутая «Новымъ Временемъ», скорѣе смягчаетъ, чѣмъ преувеличиваетъ излагаемое офицерами въ спеціальной военной печати, но, во всякомъ случаѣ, развернута широко. Однако и въ такомъ видѣ она «офицерскаго вопроса» не исчерпываетъ. Изъ цѣлаго ряда судебныхъ офицерскихъ процессовъ мы знаемъ, напримѣръ, что часть «команднаго состава арміи» за послѣдніе 3 года такъ или иначе оставила службу по причинамъ политической неблагонадежности. Далѣе мы знаемъ, что пришлось установить чрезвычайное наблюденіе за образомъ мыслей какъ низшихъ чиновъ, такъ и команднаго состава. И если, съ одной стороны, это создало рядъ сверхъобычныхъ неудобствъ для каждаго нижняго чина, то, съ другой стороны, даже въ газеты проникли извѣстія обратнаго порядка,—объ офицерахъ, пострадавшихъ по доносамъ того или иного юркаго солдатика. И оказывается, каждый юркій солдатикъ можетъ сдѣлать это довольно просто,—стоитъ лишь сблизиться съ мѣстными «союзниками» и, при случаѣ, пошептать имъ на ухо... Создалась, словомъ, въ армейскомъ быту особая атмосфера, достаточно отравленная постоянною опасностью полицейскаго сыска и политическаго доноса. И когда намъ говорятъ: «офицеры бѣгутъ», «въ арміи некомплектъ», то мы плохо вѣримъ, что это обстоятельство вполнѣ объясняется скуднымъ жалованьемъ. Помимо сыска и доноса, кое что значитъ и новое пониманіе цѣлей военной службы, не совсѣмъ согласное съ пониманіемъ традиціоннымъ. По воинскому уставу, есть два «врага»—внѣшній и внутренній. И традиціонное пониманіе сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на словѣ «внѣшній»; главное и основное назначеніе вооруженной силы полагалось именно въ защитѣ государства отъ внѣшнихъ невзгодъ. И вотъ уже 4 года центръ тяжести оффиціально и безповоротно перенесенъ на врага внутренняго. «Войска въ Россіи—какъ формулировалъ это новое пониманіе воинскаго устава П. Н. Милюковъ въ Государственной Думѣ—не для внѣшней войны, а для усмиренія смуты». Думская правая криками: «правильно» *), подтвердила, что находитъ эту формулировку достаточно точной и вполнѣ пріемлемой. Но такую пертурбацію въ понятіяхъ о назначеніи арміи, очевидно, не всѣ могли вынести. Неприспособленные къ столь обнаженному порядку вещей стали «убѣгать». И если говорить откровенно, не лицемѣря, то въ «бѣгствѣ офицеровъ» для «Новаго Времени» и для «Голоса Москвы» есть своя отрадная сторона.

Убѣжали традиціонно мыслившіе о назначеніе военной силы? Убѣжали не приспособленные къ несенію полицейской, усмирительной службы? И отлично. Скатертью имъ дорога. Согласитесь, намъ нужны не мечтатели, а люди дѣла. Убѣгаютъ слабогрудые и

*) „Слово“, 6 ноября.

слабонервные господа, которые, видите ли, не могутъ дышать въ «атмосферѣ полицейскаго сыска и политическаго доноса»? И прекрасно. Значитъ, командный составъ арміи очищается отъ элементовъ сомнительныхъ. Значитъ, въ немъ остаются именно «приспособленные». Но вотъ приспособленныхъ не хватаетъ; образовался «некомплектъ». И одновременно настойчиво стали заявлять о себѣ растущія нужды и потребности въ комфортѣ. Тутъ многое, конечно, объясняется сильнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Но все ли объясняется этимъ? Потребности, во всякомъ случаѣ, растутъ, и Богу одному вѣдомо, до какихъ предѣловъ вырастутъ. Будь приспособленныхъ больше, чѣмъ нужно, ростъ потребностей и нуждъ регулировался бы въ порядкѣ спроса и предложенія. На гражданскихъ поприщахъ дѣятельности росту противополагается локаутъ, прекращеніе предпріятія, сила. Къ командному элементу арміи эти средства, конечно, не примѣнимы. Остается, слѣдовательно, надежда на благоразуміе офицерской среды, на ея, такъ сказать, внутреннее убѣжденіе, что потребности не могутъ расти свыше мѣры, и что заявленіе о нихъ нельзя облекать въ форму, угрожающую потрясеніями.

За неимѣніемъ другихъ рессурсовъ, можно бы успокоиться ссылками на благоразуміе и внутреннее убѣжденіе. Но въ «офицерскомъ вопросѣ» есть и еще одна сторона. По выраженію г. Меньшикова, «наша разстроенная армія связана смутою». И это ставитъ офицера въ положеніе совершенно исключительное. Отъ «смуты», отъ населенія, пораженнаго крамолой, онъ получаетъ человѣческій матеріалъ, изъ котораго составляются роты, батальоны, полки. И противъ «смуты» же онъ этотъ матеріалъ направляетъ. Въ этомъ смыслѣ, въ нашей арміи, дѣйствительно, «офицеръ—все». И съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ особенно жуткій смыслъ такіе факты, какъ стрѣльба на маневрахъ по командирамъ (напомню, хотя бы, недавнее пораненіе генерала Мищенка). Внутренняя жизнь арміи сокрыта отъ насъ. Разсказы очевидцевъ, что на японской войнѣ не мало русскихъ офицеровъ погибло отъ руки собственныхъ солдатъ, слишкомъ трудно провѣрить и можно по разному объяснять. Разсказы о нынѣшнихъ неладахъ между офицерами и солдатами тоже случайны, глухи. Факты безспорные, недвусмысленные, какъ стрѣльба по штабу г. Мищенка во время маневровъ, до насъ доходятъ въ изложеніи, ужъ слишкомъ оффиціальномъ, не затрагивающемъ ни причинъ, ни поводовъ. Очевидно лишь, что между офицерствомъ и солдатами есть что-то неблагополучное. И сохранять безусловную увѣренность, что человѣческій матеріалъ, полученный отъ смуты, дѣйствительно, превращается въ гибкое и послушное орудіе командн аго состава, не такъ-то легко. А съ другой стороны, не вполнѣ успокоительная позиція командна го состава и относительно обывателя.

Положимъ, въ этой позиціи искони было нѣчто, не всегда

удобное. Еще щедринскій «отставной военный» Рогожкинъ съ упоеніемъ воспоминалъ, какія они «въ полку свои удовольствія имѣли». И на возраженіе: «Ну, какія удовольствія! Чай, кошку на улицѣ зашибить» — съ горячностью отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, не кошку зашибить, а тоже жидовъ собаками травливали-съ... Капитанъ Полосухинъ у насъ въ ротѣ былъ: „пойдемте, говоритъ господа, шинокъ разбивать!"—и разбивали-съ...

...Или вотъ тотъ же капитанъ Полосухинъ: „полюбилась, говоритъ, мнѣ Маша Цыплятева,—надо, говоритъ, ее выкрасть" А Марья Петровна была тоже супруга помѣщика-съ... И, однако, мы ее выкрали. Такъ это не кошку-съ... Нѣтъ-съ. Чтобы только это дѣло замазать Полосухинъ 800 душъ продалъ-съ... *)

Эти старыя «невинныя шалости» проистекали, такъ сказать, отъ изобилія темперамента. Это было сованіе рукъ въ первую попавшуюся штатскую физіономію, но безъ опредѣленной цѣли, единственно ради озорства. И офицерами, болѣе солидными и болѣе дѣльными, это безпредметное озорство и рукосуйство не одобрялось. Съ появленіемъ смуты старый презрительный взглядъ на «штафирокъ», въ которомъ неуклонно воспитались многія офицерскія поколѣнія, получилъ новое обоснованіе и новый смыслъ. Каждый «штафирка», «обыватель», гражданскій человѣкъ сталъ ex officio предполагаемымъ крамольникомъ, внутреннимъ врагомъ. А каждый капитанъ Полосухинъ превратился ex officio въ искоренителя крамолы. И то, что въ добрыя старыя времена было просто озорствомъ и рукосуйствомъ, нынѣ оказалось если не подвигомъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣятельностью, оправдываемой «тонкими и больше политическими соображеніями». Прежде онъ «травилъ жида собаками», теперь это уже не «жидъ», а подозрѣваемый, если не въ соціализмѣ, то въ анархизмѣ. Прежде онъ «разбивалъ шинокъ», теперь это уже не шинокъ, а «притонъ революціи». Въ прежнія снисходительныя къ милому шалуну времена Полосухина по случаю затравленнаго собаками «жида» все-таки сажали на гауптвахту. Нынѣ при находчивости, при умѣньи, какъ слѣдуетъ, отрапортовать, за это самое можно получить если не награду, то одобреніе.

Нѣсколько измѣнились взгляды и солиднаго, дѣльнаго офицерства. Помню, лѣтомъ 1905 года въ городишкѣ Козельцѣ, Черниговской губ., мнѣ пришлось попасть въ довольно таки характерную «передѣлку». Уже передъ отъѣздомъ, приводя въ порядокъ свои дорожныя замѣтки, я вдругъ услышалъ зычный голосъ, угрожавшій немедленно добраться до какихъ-то смутьяновъ и агитаторовъ, потомъ площадную брань, женскій визгъ, тяжелые шаги по коридору гостиницы, затѣмъ дверь моего номера съ трескомъ распахнулась, ко мнѣ вбѣжала дочь содержателя гостиницы, а за нею со

*) „Губернскія очерки".

сжатыми кулаками артиллерійскій офицеръ. При взглядѣ на меня онъ какъ-то сразу смутился, покраснѣлъ, пробормоталъ: «извините» и ушелъ, впрочемъ, сердито и безцеремонно хлопнувъ дверью. Повидимому, онъ узналъ меня. И я его узналъ. Мы встрѣчались до этого маленькаго дорожнаго приключенія. Уже не первой молодости, крайне безпечный относительно наукъ и литературы, этотъ офицеръ на меня, по крайней мѣрѣ, до случая въ Козельцѣ, производилъ впечатлѣніе человѣка добродушнаго, по своему порядочнаго и по своему не глупаго. Случилось же собственно слѣдующее. Онъ прибылъ въ Козелецъ по казенной надобности. Дочь содержателя гостиницы, на свою бѣду, съ обычною словоохотливостью евреекъ, вздумала объяснять «господину капитану», что вотъ ему отводятъ «маленькій номеръ», но если «господинъ капитанъ» желаетъ, то онъ можетъ потомъ перейти въ «большой номеръ», занятый «однимъ штатскимъ господиномъ», такъ какъ этотъ штатскій господинъ скоро уѣзжаетъ, а пріѣхалъ онъ «сегодня утромъ». Услышавъ о «штатскомъ», который сегодня же пріѣхалъ и сегодня же уѣзжаетъ, «господинъ капитанъ» сразу догадался, что это— агитаторъ, съ которымъ надо немедленно «поступить», и «большой номеръ» для своей надобности очистить. Не ожидавшая такого оборота, еврейка стала просить, чтобы «господинъ капитанъ не дѣлалъ скандала». Тутъ «капитанъ», видимо, окончательно утвердился въ мысли, что «штатскій» есть «агитаторъ», а еврейка— укрывательница. Онъ ринулся, прежде всего, на еврейку. Ей было можно убѣжать только въ мой номеръ... И, знаете ли, въ извѣстной степени счастливы проѣзжающіе, если они сталкиваются въ пути съ капитанами, которыхъ имѣли удовольствіе знать, и которые обладаютъ достаточною зрительною памятью, чтобы съ одного взгляда узнавать своихъ знакомыхъ.

Признаться, я до сихъ поръ не вполнѣ уяснилъ себѣ, что, собственно, раздражило козелецкаго «капитана». Можетъ быть, его очень оскорбила мысль, что вотъ онъ, офицеръ, долженъ пріютиться въ «маленькомъ номерѣ» только потому, что жиды, ведущіе какую-то адскую интригу противъ Россіи, отвели «большой номеръ» «агитатору». Какъ хотите, а самая мысль, что «агитаторъ» пользуется большими удобствами, чѣмъ офицеръ, содержитъ въ себѣ нѣчто оскорбительное для воинской чести. Возможно, однако, что дѣйствіями «капитана» руководила не столько оскорбленная честь, сколько желаніе собственноручно проучить смутьяновъ и представить, куда слѣдуетъ. Капитанскіе мотивы и побужденія для меня лично такъ и остались неуслѣдимыми. И эта неуслѣдимость мотивовъ и побужденій ставитъ обывателя въ особо невыгодное положеніе. Уже въ 1906 г. пошли промежъ обывателей такіе, примѣрно, полуразговоры-полужалобы:

— Всегда, бывало, по желѣзнымъ дорогамъ ѣздилъ во второмъ классѣ... А теперь ѣзжу въ третьемъ...

— Что такъ?

— Офицерскій классъ...

— Что-жъ изъ этого? Развѣ офицеры не такіе же люди, какъ и мы?

— Люди-то люди. А только никогда не знаешь, что ему покажется. По нынѣшнимъ временамъ, и съ солиднымъ офицеромъ нужна большая осторожность. А какъ попадется изъ молодыхъ ранній, да особенно если онъ форсъ любитъ показать... А всего хуже, если онъ при всѣхъ этихъ качествахъ въ подвыпитіи... Я ужъ три раза нарывался. Слуга покорный,—больше не хочу.

Теперь, когда тѣни между команднымъ составомъ арміи и обывателемъ сгустились до крайности, какъ-то особенно болѣзненно чувствуется невозможность опредѣлить, что «ему» въ томъ или иномъ случаѣ можетъ «показаться». Редакторъ «Нивы», г. Свѣтловъ сталъ объясняться съ «штабсъ-капитаномъ запаса» по поводу непринятой рукописи. Штабсъ-капитану что-то показалось, и «разговоръ принялъ рѣзкій характеръ». Г. Свѣтловъ сдѣлалъ прощальный поклонъ и направился въ свой кабинетъ. Штабсъ-капитану запаса въ этомъ показалось что-то въ высшей степени оскорбительное; онъ крикнулъ: «не смѣйте поворачиваться спиной къ офицеру», и прислалъ секунданта [1]). Нельзя, однако, поручиться, что не было бы никакого недоразумѣнія, если бы г. Свѣтловъ пятился въ свой кабинетъ—спиной къ дверямъ, лицомъ къ штабсъ-капитану. Быть можетъ, послѣднему и въ этомъ показалось бы что-либо умышленное и оскорбительное:

— Какъ вы смѣете наблюдать за офицеромъ!

— Какъ вы смѣете предполагать, что офицеръ нападетъ на васъ сзади!..

Положимъ, г. Свѣтловъ—человѣкъ не ограниченный въ правахъ придать своему тѣлу то или иное положеніе. Относительно г. Свѣтлова, все-таки, можно предполагать, что онъ повернулся или не повернулся спиной не спроста, а съ умысломъ нанести оскорбленіе. Но вотъ другой, также петербургскій, случай. Поручикъ Годлевскій пожелалъ ночью пройти съ «неизвѣстными дамами» въ меблированный домъ на Жуковской улицѣ. Швейцаръ заявилъ, что это ему допускать не приказано. Казалось бы, ясно, что швейцаръ—человѣкъ подневольный; никакого выбора у него нѣтъ; можетъ говорить только то, что говоритъ. И ужъ одно это свидѣтельствуетъ объ отсутствіи оскорбительнаго умысла. Однако, г. Годлевскому что-то показалось, и онъ бросился на швейцара съ обнаженною шашкою. Швейцаръ выскакиваетъ на улицу и убѣгаетъ. Г. Годлевскій тоже выскакиваетъ и гонится. Замѣтьте, г. Годлевскому, разъ швейцаръ убѣжалъ, ничто не мѣшало пройти и провести своихъ дамъ. Навѣрное, онъ такъ и поступилъ бы, если бы дѣло

---

[1]) «Рѣчь», 26 октября.

сводилось къ тому, чтобы швейцара «попугать» и выгнать. Но нѣтъ, онъ гонится съ обнаженною шашкою, онъ долженъ зарубить, кровью смыть какое-то оскорбленіе, но какое именно, и въ чемъ оно заключается, мы не знаемъ. Сцену видятъ двое городовыхъ. Они «просятъ остановиться и объяснить, въ чемъ дѣло». Г. Годлевскій бросается къ нимъ и кричитъ:

— Не смѣйте приближаться. Я вамъ напомню Коваленскаго.

«Напомню Коваленскаго», какъ сейчасъ увидимъ, означаетъ: «убью». Опять-таки рѣчь идетъ о намѣреніи кровью смыть оскорбленіе; и, очевидно, оскорбленіемъ считается самый фактъ «приближенія» городовыхъ къ офицеру. Наконецъ, вызываютъ помощника пристава. Послѣдній обязанъ узнать, въ чемъ дѣло. И офицеру, казалось бы, должно быть извѣстно, что приставъ тоже человѣкъ въ данномъ случаѣ подневольный.

— Не желаю объясняться съ гражданскимъ чиномъ,—заявилъ г. Годлевскій,—зовите градоначальника *)...

Весьма часто и по служебнымъ, и по частнымъ дѣламъ офицеры объясняются съ «гражданскими чинами». И надо бы думать, что ничего унизительнаго въ томъ для русской арміи нѣтъ. Но вотъ г. Годлевскому что-то показалось. И онъ до такой степени обнаруживалъ готовность расправиться съ предполагаемыми оскорбителями, что помощнику пристава пришлось удовлетворить его желаніе и призвать на помощь комендантское управленіе.

Предусмотрѣть, что «ему можетъ показаться», очевидно, нельзя. Основная, первоначальная мысль, повторяю, была ясна и понятна: «штафирка» есть нѣчто подозрительное по крамолѣ и подлежащее усмиренію, офицеръ есть усмиритель. Ясна и проста возникшая на этой почвѣ психологія. Это, какъ бы, психологія войсковой части въ странѣ завоевываемой, среди враждебнаго гражданскаго населенія. Офицеръ очутился въ положеніи человѣка, который вѣчно насторожѣ, который подмѣчаетъ каждый жестъ предполагаемаго противника, каждое движеніе, каждое слово; создалась привычка взвѣшивать буквально каждую мелочь:

— Нѣтъ ли, молъ, тутъ какого-либо протеста, демонстраціи, умысла или даже намека, враждебнаго, пренебрежительнаго, непочтительнаго и тѣмъ самымъ оскорбительнаго.

Разладъ, возникшій на почвѣ политической, силою вещей принялъ бытовыя формы и, въ качествѣ бытового явленія, достигъ тѣхъ уродливыхъ крайностей, которыя столь прихотливо сочетались въ дѣлѣ братьевъ Коваленскихъ (сыновья сенатора Коваленскаго, одинъ—корнетъ нижегородскаго полка, другой—воспитанникъ пажескаго корпуса). 21 октября на Невскомъ проспектѣ автомобиль (принадлежащій, какъ потомъ оказалось, жандармскому вѣдомству и везшій переодѣтыхъ чиновъ полиціи) столкнулся съ экипажемъ

*) „Голосъ Москвы", 26 октября

Коваленскихъ. Оба брата выпали на мостовую. И, поднявшись, «набросились на шофера» (каковымъ, какъ опять-таки впослѣдствіи оказалось, былъ переодѣтый жандармъ). Изъ случайной уличной толпы раздались крики: «зачѣмъ бить?» Корнетъ Коваленскій обнажилъ шашку и закричалъ: «Зарублю, кто посмѣетъ *еще* оскорблять меня». И, въ самомъ дѣлѣ, шоферъ могъ вѣдь умышленно направить автомобиль на экипажъ съ офицерами, умышленно не посторониться, умышленно оказать непочтительность, при посредствѣ, такъ сказать, уличнаго столкновенія экипажей выразить революціонную идею протеста. Образовавшееся при этомъ скопище штафирокъ оказалось уже явно протестующимъ. И воинская честь, естественно, была задѣта за живое. Первымъ подвернулся артельщикъ Мироновъ и получилъ въ «морду». Дворникъ Венедиктовъ поднялъ было къ губамъ полицейскій свистокъ,—осмѣлился прибѣгнуть къ средству, обычно примѣняемому при буйствѣ пьяныхъ мастеровыхъ. Умыселъ очевидный. Свистокъ вырванъ, потомъ демонстрантъ-дворникъ получилъ и пулю. Подскочилъ городовой Химичевъ,—его «въ морду». Заговорилъ студентъ Санинъ, что нельзя «бить городового при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей». Получилъ пулю. Городовой Химичевъ дерзнулъ схватить офицера за руку,—получилъ пулю...

При газетномъ обсужденіи этого дѣла, затронуты были разныя стороны. Наибольшее вниманіе, кажется, привлекла, такъ сказать, процессуальная несправедливость. Обыкновенныхъ смертныхъ въ такихъ случаяхъ «заключаютъ» и безъ промедленія судятъ по той 279 ст. воинск. уст. о наказ., которая заранѣе, до суда, предрѣшаетъ смертный приговоръ. Коваленскіе были выпущены.

Кромѣ процессуальной стороны, затрагивался вопросъ о безопасности, о нравахъ офицерской среды, о многомъ другомъ... Признаюсь, мнѣ лично наиболѣе важной показалась необыкновенная сложность бытовой формы, въ какую облекалась первоначальная политическая мысль. На одной сторонѣ оказался корнетъ Коваленскій съ его покровителями и вдохновителями, на другой—чины охранной полиціи, городовые, дворники, студентъ, случайная уличная толпа, возмущенная, окружившая участокъ, куда, въ концѣ концовъ, увели Коваленскихъ, и требовавшая примѣрнаго наказанія. Эти случайные и весьма разные люди объединились при видѣ шофера, избиваемаго корнетомъ. У нихъ оказалось нѣкоторое общее чувство, вылившееся въ фразѣ студента Санина: «Не оскорбляйте городового». И городовые, товарищи раненаго Химичева, пришедшіе потомъ въ больницу благодарить студента Санина, также раненаго, лишь подчеркнули необыкновенную сложность бытовыхъ явленій. А затѣмъ, словно въ противовѣсъ огульнымъ выводамъ и огульному смѣшиванію всѣхъ носящихъ офицерскій мундиръ въ одну кучу, произошло столкновеніе компаніи офицеровъ съ городовыми въ Одессѣ. Полиція открыла пальбу,—двухъ офицеровъ

застрѣлила, двухъ случайныхъ прохожихъ ранила. Когда я пишу это, обстановка «одесскаго случая» сокрыта отъ печати. Изъ газетъ извѣстно лишь, что офицеры одесскаго гарнизона «облеклись въ трауръ», что на похоронахъ убитыхъ офицеровъ «небывалое стеченіе народа, что среди многочисленныхъ вѣнковъ былъ вѣнокъ и отъ студентовъ съ надписью: «за что?» Сколько можно понять, въ Одессѣ офицерскій мундиръ и штатскій пинджакъ оказались въ нѣкоторомъ демонстративномъ единомысліи относительно безграничныхъ полномочій полиціи пускать въ ходъ оружіе. Пинджакъ какъ бы величина перемѣнная, склоняющаяся то на ту, то на другую сторону, по внутреннимъ своимъ убѣжденіямъ. Величиною же постоянною и тамъ, и здѣсь оказывается опасный для опоры антагонизмъ между полицейскимъ и офицерскимъ мундиромъ. И хуже всего, что это антагонизмъ не случайный. Конечно, «офицеръ—все»; онъ—сила, направленная противъ внутренняго врага, хотя бы таковой оказался и въ нѣдрахъ полиціи. Но вѣдь и «полиція—все»; она тоже—сила, направленная противъ внутренняго врага, хотя бы таковой оказался и среди офицерства. Это логическое противорѣчіе неминуемо должно было привести и уже привело къ междоусобному раздраженію и къ междоусобнымъ столкновеніямъ двухъ силъ, другъ друга дополняющихъ, но частично одна противъ другой направленныхъ. Эти вспышки не мимолетны. Производя неизбѣжное волненіе въ офицерской средѣ, онѣ тѣмъ опаснѣе, что эта среда сама по себѣ отнюдь не однородна.

„Корпусъ русскаго офицерства,—напоминаютъ, между прочимъ, С.-Петербургскія Вѣдомости“ — ...можно раздѣлить на двѣ неравныя части: на офицеровъ-юнкеровъ (въ прусскомъ смыслѣ) и на офицеровъ-штатскихъ. Прототипомъ первыхъ являются Коваленскіе, прототипомъ вторыхъ,—почти вся артиллерія, саперы, инженеры и огромная часть армейской пѣхоты. Первые экзальтированные наслѣдственной вырождаемостью, лѣнью, развратомъ, а главное—виномъ, пытаются тамъ и сямъ поддержать „честь мундира“ способами, о которыхъ общество узнаетъ изъ полицейскихъ протоколовъ. Вторые, увлеченные политическими идеями, наукой, угнетенные нуждой и общимъ разладомъ русской жизни, къ чести своего мундира относятся довольно равнодушно... Армія наша въ рукахъ этихъ разновидностей, не скрывающихъ взаимнаго антагонизма *).

Оставимъ въ сторонѣ «честь мундира», «политическія идеи», «науки» и прочія вещи, неясныя и спорныя. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что значительная часть офицеровъ—дѣти нашихъ сосѣдей, братья нашихъ женъ, сыновья, зятья или иные родственники приказчиковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и всякой другой «штатской сволочи», какъ выражался корнетъ Коваленскій, подстрѣливая дворниковъ и городовыхъ, извозчиковъ и прохожихъ. Это именно офицеры-штатскіе; съ одной стороны, они обязаны по долгу службы насъ усмирять, а съ другой стороны—они просто

*) Цит. по „Слову“, 6 ноября.

люди, связанные съ нами и кровно, и дѣловыми отношеніями, и бытовыми условіями. И теперь, когда несуразности первоначальной мысли—направить армію противъ врага главнымъ образомъ, если не исключительно, внутренняго — стали принимать конкретную форму, Богъ вѣсть, къ какимъ выводамъ придетъ «офицеръ-штатскій», и какое у него обнаружится умонаклоненіе. И это, очевидно, самая щекотливая и самая опасная сторона «офицерскаго вопроса».

У насъ нѣтъ средствъ «рѣшить» финансовую сторону «офицерскаго вопроса». Но, при надеждѣ на благоразуміе господъ офицеровъ, протянуть можно. У насъ нѣсколько подозрителенъ въ смыслѣ политической благонадежности солдатскій матеріалъ, поставляемый крамольною страною въ порядкѣ всеобщей воинской повинности. Но при надлежащемъ надзорѣ, при наличности преданнаго и приспособленнаго командаго состава, и съ этимъ зломъ можно сладить. Но относительно самой щекотливой и самой опасной стороны офицерскаго вопроса, мы, очевидно, въ положеніи до нѣкоторой степени неустойчиваго равновѣсія, неопредѣленности и неувѣренности. При такомъ положеніи наше единственное утѣшеніе—мечтать. Это все равно, какъ у Горькаго «На днѣ». Дѣло-то ясное, видимое, безнадежное. Дно—уйти некуда и нельзя. Но именно потому-то и мечтать хочется. Да оно и не безъ пользы до сихъ поръ было.

Припомните прошлогоднюю осеннюю думскую сессію. Октябристы мечтали. Глядя на нихъ, и кадеты мечтали. А по ихъ примѣру и съ Божьею помощью во всей почти русской прессѣ нѣкоторая сладкая мечтательность водворилась. Посреди этихъ мечтаній сначала шепотомъ, потомъ намеками, а потомъ и во всеуслышаніе стали люди отъ «земельки» отбрыкиваться. Совсѣмъ было «земельку» рѣшили похѣрить. А кн. Е. Н. Трубецкой даже съ сознаніемъ нѣкотораго превосходства умнаго человѣка надъ дураками прямо объявилъ, что самый вопросъ о семъ лежитъ внѣ реальной политики. И правда, осталась на поверхности только «реальная политика». Представительный строй у насъ «укрѣплялся». Полицію мы собирались реформировать, армію возродить, флотъ построить. Неприкосновенность личности... Вѣротерпимость... Мѣстный судъ... Многое другое разное. И мечтали тожъ по разному. Одинъ говорилъ, что все это надо «по мѣрѣ возможности». Другому желалось «хоть что-нибудь». Третій требовалъ мечтать о реформахъ «примѣнительно къ подлости». Споры вѣдь изъ-за этого самаго происходили. Да какіе! До инцидентовъ и даже до дуэлей дѣло доходило. И это тоже хорошо, ибо дуэль есть въ нѣкоторомъ родѣ путь къ рукопожатіямъ и обмѣну любезностями... Межъ тѣмъ, годъ, слава Богу, прошелъ. И я отчасти понимаю тревогу «Россіи» и «Голоса Москвы» по случаю дебатовъ о «законѣ 9 ноября». Это тревога не за участь «закона». Законъ пройдетъ въ Думѣ. А если бы и возникла опасность отклоненія, у большинства всегда найдется

способъ затормазить, отложить, затянуть дѣло. Законъ во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ. Но вотъ что тревожно. Въ прошлогоднюю осеннюю сессію, когда на сценѣ была только «реальная политика», тѣ же хотя бы кадеты протягивали руку октябристамъ. Октябристы имѣли внѣшность, располагающую наивныхъ людей къ мечтаніямъ. И нынѣшняя сессія началась было прекрасно—«единодушнымъ», «единогласнымъ» принятіемъ запроса по поводу запрещенія преній на собраніи, посвященномъ балканскимъ дѣламъ.

Но едва начались пренія о законѣ 9 ноября, и на обѣдѣ по случаю переизбранія думскаго президіума, во-первыхъ, «кадетовъ», по словамъ «Рѣчи» не оказалось, а во-вторыхъ, г. Хомяковъ умиленно назвалъ г. Пуришкевича «нашимъ буйнымъ товарищемъ» и «трижды съ нимъ облобызался» *). Вмѣсто «единодушія» какъ-то сразу намѣтилась «линія водораздѣла», рѣзко обозначающая границу между Хомяковымъ-Пуришкевичемъ, съ одной стороны, и Милюковымъ-Булатомъ—съ другой. И чтобы понять, что именно эти стороны раздѣляетъ, какая реальность между ними лежитъ, достаточно вспомнить озлобленные крики «правой» и «центра», когда г. Милюковъ документально выяснялъ въ своей думской рѣчи по поводу закона 9 ноября роль дворянства и дворянскаго сословнаго интереса въ аграрныхъ мѣропріятіяхъ правительства.

«Землей не пахнетъ» въ 3 Думѣ, радостно констатировалъ г. А. Столыпинъ въ «Новомъ Времени», когда только что начались «аграрныя пренія». Увы! землею запахло, хотя и въ другомъ смыслѣ. Вмѣсто мечтаній, запахло реальностью. Стала обнажаться жизненная необходимость для опоры сохранить нынѣшній порядокъ вещей, одинаково драгоцѣнный, какъ для г. Пуришкевича, такъ и для г. Хомякова, заключавшихъ другъ друга въ братскія объятія. Запахло выясненіемъ, что землица есть вопросъ не только соціальной справедливости, не тольно крестьянской нищеты, но и дворянскаго оскудѣнія. Запахло сознаніемъ, что если мы землицу похѣримъ, то и «все 17 октября» должны упразднить, цѣликомъ безъ остатка. «Землей запахло». И линія водораздѣла, къ прискорбію «Голоса Москвы», намѣтилась. Удастся ли снова смѣшать шашки и возвратиться въ состояніе успокоительной мечтательности?

А. Петрищевъ.

---

*) „Рѣчь", 7 ноября.

Политика.

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—Текущія событія: Вильгельмъ промахнулся; на Балканахъ; покушеніе шаха на отмѣну конституціи; смѣна правленія въ Китаѣ.

I.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки 4 ноября (21 октября) произошли президентскіе выборы, самое выдающееся событіе отчетнаго мѣсяца. Это событіе, вскрывающее съ поразительною ясностью историческую эволюцію, проходимую великою заатлантическою націей, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ и серьезное международное значеніе. Особенно послѣ того, какъ правительствомъ Штатовъ дано новое толкованіе такъ называемой доктринѣ Монроэ. Прежде, прикрываясь этою доктриною, вашингтонскіе правители говорили правителямъ Стараго Свѣта: «мы въ ваши дѣла не мѣшаемся, не мѣшайтесь же и въ наши дѣла, въ дѣла Новаго Свѣта». Теперь эти слова читаются совершенно иначе: мы готовы вмѣшаться всюду, а вы не мѣшайтесь. Именно эта «имперіалистская» точка зрѣнія и была составною частью программы республиканской партіи. Ея побѣда на выборахъ означаетъ, что американская нація раздѣляетъ это новое истолкованіе доктрины Монроэ, это новое пониманіе, имѣющее огромный всемірно-историческій смыслъ...

Избранъ *Тафтъ*, кандидатъ республиканской партіи, большинствомъ 308 голосовъ противъ 176, поданныхъ за О'Брайана, кандидата демократической партіи, которая на этотъ разъ выступила съ программою, дѣйствительно демократическою: ограниченіе рабочаго дня на фабрикахъ; обезпеченіе рабочихъ на старости, болѣзни, инвалидность; защита женскаго и дѣтскаго труда; рѣшительная борьба съ трестами и синдикатами; пониженіе таможенныхъ пошлинъ; отрицаніе всякаго вмѣшательства въ дѣла Стараго Свѣта и т. д. Эта программа отвергнута большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, а если взять во вниманіе, что южные (бывшіе невольничьи) штаты, сплошь подавшіе голоса за О'Брайана, подавали этотъ голосъ не за него и его програму, а *противъ Тафта*, представителя ненавистной республиканской партіи, то надо признать, что за серьезно-демократическую программу О'Брайана стоитъ самая ничтожная часть американскаго народа. Протекціонизмъ, тресты, имперіализмъ восторжествовали вмѣстѣ съ Тафтомъ.

Вице-президентомъ избранъ Шерманъ, уличенный передъ самыми выборами въ соглашеніяхъ съ трестами.

За республиканцевъ подали свои голоса слѣдующіе штаты:

Айдаго (13).	Колорадо (5).
Айова (13).	Конектикутъ (7).
Вайоминъ (3).	Массачузетсъ (16).
Вашингтонъ (5).	Миннезота (11).
Вермонтъ (4).	Мичиганъ (14).
Виргинія Зап. (7).	Мэнъ (6).
Висконсинъ (13).	Невада (3).
Дакота Сѣв. (4).	Нью-Гампширъ (4).
Дакота Южн. (4).	Нью-Джерси (12).
Делаваръ (3).	Нью-Іоркъ (39).
Иллинойсъ (27).	Огайо (23).
Индіана (15).	Орегонъ (4).
Калифорнія (10).	Пенсильванія (34).
Канзасъ (10).	Родъ Айландъ (4).

Утахъ (3).

Въ скобкахъ проставлены числа голосовъ, которыми располагаетъ каждый поименованный штатъ на президентскихъ выборахъ (сообразно его населенію сравнительно съ населеніемъ всѣхъ штатовъ). Всего за Тафта 29 штатовъ и 308 отъ нихъ выборщиковъ.

Демократическихъ выборщиковъ назначили слѣдующіе штаты:

Алабама (11).	Мериллендъ (8).
Арканзасъ (9).	Миссисипи (10).
Виргинія (12).	Миссури (18).
Георгія (13).	*Монтана* (3).
Каролина Сѣв. (12).	*Небраска* (8).
Каролина Южн. (9).	*Оклагама* (7).
Кентуки (13).	Тенесси (12).
Луизіана (9).	Техасъ (18).

Флорида (4).

Итого—17 штатовъ и отъ нихъ 176 выборщиковъ. Въ этомъ спискѣ отмѣчены *курсивомъ* 3 штата (посылающіе всѣ трое вмѣстѣ 18 выборщиковъ), именно Монтана, Небраска и Оклагама, единственные не входившіе въ число невольничьихъ штатовъ. Остальные 14 штатовъ, отдавшіе свои голоса О'Брайану, суть сплошь бывшіе невольничьи штаты. Рабовладѣльцы и ихъ политическіе преемники подали голосъ за демократическую (въ европейскомъ смыслѣ этого слова), отчасти даже соціалистическую программу О'Брайана! Только благодаря этой поддержкѣ помѣщиковъ и плантаторовъ Юга, кандидатура демократической партіи не оказалась комически ничтожною...

Соціалистическія требованія, проводимыя почти исключительно помѣщиками,—политическая конъюнктура для Европы, невозможная и непонятная, если не вдуматься серьезно въ особыя историческія условія, сложившіяся на почвѣ Новаго Свѣта, по крайней мѣрѣ той ея части, которая почитается человѣчествомъ подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

II.

Восточный (Атлантическій) берегъ Сѣверной Америки отъ Флориды на югѣ до Лабрадора на сѣверѣ былъ колонизованъ европейцами преимущественно въ XVI—XVII вв. То были, главнымъ образомъ, англичане, голландцы и французы. Колоніи голландскія и французскія въ тѣ же столѣтія завоевали англичане, такъ что ко времени возстанія колоній во второй половинѣ XVIII в. весь восточный берегъ (кромѣ испанской Флориды на югѣ) уже принадлежалъ Англіи. Однако, это огромное владѣніе далеко не было однородно. На сѣверѣ Канада, тогда недавно завоеванная англичанами французская земля, еще не забывшая вражды съ сосѣдними къ югу англійскими землями, не поддержала ихъ возстанія и доселѣ осталась короннымъ британскимъ владѣніемъ. Канаду отъ Новой Англіи, какъ называлась страна южныхъ сосѣдей Канады, отдѣляла рѣка Св. Лаврентія, но на верхнюю часть этой рѣки выходила и голландская колонія, нынѣшніе штаты Нью-Іоркъ, Пенсильванія и Делаваръ. Такимъ образомъ, Новая Англія была окружена Атлантическимъ океаномъ, Канадою и голландскими колоніями, представляя замкнутую страну чисто британскихъ колоній. Въ настоящее время на этой территоріи расположены семь штатовъ: Мэнъ, Коннектикутъ, Нью-Гампширъ, Нью-Джерси, Массачузетсъ, Родъ-Айландъ и Вермонтъ.

Эта Новая Англія, изолированная отъ всего міра и предоставленная собственному историческому развитію, была сначала заселяема довольно медленно выходцами изъ Англіи и Шотландіи, уже въ XVI в. почувствовавшими на родинѣ нарушенной свою религіозную совѣсть. Торжество реакціи въ началѣ XVII в. въ Англіи (при первыхъ Стюартахъ) быстро двинуло дѣло заселенія края. Уже при Іаковѣ I толпы пуританъ и пресвитеріанъ кинулись за океанъ; при Карлѣ I это движеніе обратилось въ массовое бѣгство, остановленное, наконецъ, силою и отчасти возобновившееся при Карлѣ II и Іаковѣ II. Страна оживилась, выросли земледѣльческія поселенія, процвѣтавшія столько же благодаря дѣвственному плодородію почвы, сколько и благодаря отсутствію ландлордовъ, духовныхъ лордовъ, королевскихъ коммиссаровъ и другихъ дольщиковъ въ добытыхъ народнымъ трудомъ продуктахъ. Росли и процвѣтали и города, доставляя земледѣльческому населенію свои фабрикаты и заморскіе товары и отсылая избытки земледѣлія за море. Создавались школы; основаны университеты; самоуправленіе слагалось на демократическихъ основахъ; королю оставались только доходы въ видѣ пошлинъ и мужественная народная милиція, не однажды испытанная королями въ войнахъ съ французами и голландцами. Новая Англія XVIII в. была своеобразная страна ра-

ботающей буржуазіи средняго достатка, надъ которою не было ни феодальныхъ классовъ, ни плутократіи, а подъ которою не было ни рабовъ, ни пролетаріата, какъ сословія. Фактически пролетаріи существовали, но ихъ сравнительная немногочисленность, земельный просторъ, политическая свобода и культурная и религіозная близость съ хозяевами превращали ихъ, большею частью, въ *постоянныхъ* рабочихъ, какъ бы членовъ семьи земледѣльческаго, ремесленнаго или торговаго хозяина. Основы народнаго хозяйства были вполнѣ и типично буржуазныя, какъ нигдѣ въ Европѣ, но вышеперечисленныя условія давали имъ видъ болѣе демократической формы. Самочувствіе тогдашняго населенія Новой Англіи должно было быть именно такимъ демократическимъ и довѣряющимъ демократизму своего хозяйственнаго строя, уже носившему въ своихъ еле вспаханныхъ бороздахъ сѣмена того ядовитаго чертополоха, который называется плутократіей и который при помощи, именно, этихъ ново-англійскихъ штатовъ одержалъ такую блестящую побѣду на президентскихъ выборахъ 1908 года. Тогда, однако, полтора вѣка тому назадъ, Новая Англія была идилліей политически равноправнаго, хозяйственно обезпеченнаго, нравственнаго и трудолюбиваго населенія...

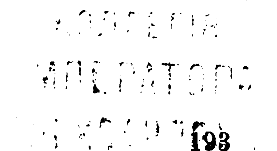
Къ югу отъ Новой Англіи разстилалась земля, населенная тогда голландцами, уже завоеванная англичанами, но культурно еще не слившаяся съ сосѣдними британскими колоніями. За голландцами, еще южнѣе, снова британскія колоніи, но совершенно иного типа, чѣмъ Новая Англія. Это были: Мериления (Maryland, земля Маріи, въ честь знаменитой королевы Маріи Кровавой), Виргинія (въ честь королевы-дѣвственницы Елисаветы), Каролина Сѣверная, Каролина Южная (обѣ колоніи въ честь короля Карла Стюарта) и Георгія (самая поздняя, названа въ честь перваго короля ганноверской династіи). Основанныя, какъ видно изъ самихъ названій, переселенцами-дворянами, вѣрными подданными своихъ королей, эти колоніи, съ благодатною природою и благословеннымъ южнымъ климатомъ, получили европейское населеніе, привыкшее управлять, воевать, охотиться и получать доходъ отъ труда другихъ. Они переселялись и основывали на американской почвѣ помѣстныя хозяйства по образцу Старой Англіи. Необходимая свита, вся эта дворовая челядь помѣщичьихъ домовъ слѣдовала за господами и въ Новый Свѣтъ. Помѣщичій домъ на новомъ мѣстѣ обставлялся великолѣпно: челядь, лошади, собаки, дары природы и вывезенные изъ стараго отечества дары культуры. Все бы хорошо, да мужикъ изъ стараго отечества за бариномъ не поѣхалъ, а если ѣхалъ, то въ Новую Англію. Нѣтъ мужика, кто же накормитъ барина, его собакъ и его челядь? Сначала кавалеры рѣшили, что накормятъ туземцы, но это были свободолюбивые и мужественные индѣйцы. Здѣсь жили Могикане, Ирокезы и другія племена, которыя предпочли смерть рабству. Ихъ болѣе

нѣтъ. Ихъ имена безслѣдно прозвучали въ исторіи. Помѣщики ихъ замѣнили неграми, вывозимыми изъ Африки. Такъ возникло невольничество, и такъ сложился строй и бытъ первыхъ пяти невольничьихъ штатовъ. Они соединились съ Новой Англіей для борьбы съ Англіей и для освобожденія (бывшія голландскія земли тоже вошли въ это движеніе). Имъ принадлежитъ и главная заслуга въ этомъ дѣлѣ. Изъ ихъ среды былъ Георгъ Вашингтонъ, побѣдитель англичанъ и первый президентъ новой республики. Изъ ихъ же среды вышелъ и Джефферсонъ, второй президентъ и основатель новой конституціи. Знаменитый Монроэ былъ тоже отсюда. Они были образованнѣе, искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, лучше знали управленіе. Они организовали новое государство, создали оборону на сушѣ и сильный флотъ на морѣ, завязали дипломатическія и коммерческія сношенія съ европейскими націями и ввели свое молодое отечество, какъ новаго уважаемаго члена, въ семью цивилизованныхъ народовъ.

Я, конечно, не собираюсь здѣсь излагать шагъ за шагомъ исторію великой націи, родившейся во второй половинѣ XVIII в. Я хотѣлъ только указать на тотъ хозяйственный строй, съ которымъ она явилась на свѣтъ исторіи. Типично-буржуазное на сѣверѣ, рабство—на югѣ, таковы были основы народнаго хозяйства первой большой республики среди странъ европейской культуры. Эти основы, по существу, носили внутреннее противорѣчіе и должны были кончиться или распаденіемъ государства, или паденіемъ одного изъ двухъ хозяйственныхъ типовъ, уже давшихъ оба ростки на плодотворномъ просторѣ Новаго Свѣта. Въ 1861 году исторія и пришла къ этому.

Въ выше очерченномъ составѣ населенія, съ глубокими контрастами общественнаго строя, начала сѣверо-американская республика свою самостоятельную исторію около полутора столѣтія тому назадъ. Конституція республики была спеціально приспособлена къ внутреннимъ контрастамъ общественнаго строя. Строго федералистическая, она предоставляла каждому штату устраиваться у себя, какъ ему угодно. Американской націи еще не существовало, но было двѣ націи, двѣ культуры и одно союзное государство, въ которое обѣ были включены, и въ которомъ могла выработаться и единая нація. Вопросъ заключался въ томъ, какой изъ двухъ типовъ одержитъ верхъ. Иначе государство распадется на два. Нѣкоторое время можно было ожидать, что одержитъ верхъ южное теченіе. Присоединеніе къ республикѣ испанской Флориды и французской Луизіаны значительно усилили рабовладѣльческую область, а это обстоятельство вмѣстѣ съ преимуществами южанъ, о которыхъ упомянуто выше, передало въ ихъ почти безсмѣнную власть и центральное управленіе союза. Но ясна была и непрочность этого преобладанія. Быстрота размноженія сѣверныхъ свободныхъ штатовъ, огромный приливъ туда же европейскихъ переселенцевъ,

давали сами по себѣ огромное преимущество сѣверному строю, обѣщавшему крѣпнуть и расти. Это естественное хозяйственное развитіе Сѣвера совпало съ распространеніемъ колонизаціи на Дальній Западъ съ его черноземными преріями и золотыми россыпями. На этихъ новыхъ поприщахъ экономическая роль невольничества была ничтожна, экономическаго буржуазнаго свободнаго хозяйства громадно. Всѣ условія экономической жизни Сѣверной Америки складывались для торжества сѣвернаго строя, и онъ восторжествовалъ, ниспровергнувъ южный строй съ его рабовладѣльческою системою и аристократическими традиціями, послѣдними небуржуазными элементами на сѣверо-американской почвѣ. Успѣхи сѣверянъ, закончившіеся въ 1860 году избраніемъ Авраама Линкольна съ программою постепеннаго освобожденія невольниковъ, привели къ междоусобію. Въ концѣ-концовъ сѣверъ долженъ былъ побѣдить, и онъ побѣдилъ, и съ нимъ побѣдило то начало, которое положили въ основу общественнаго строя пресвитеріане и пуритане XVI—XVII в.в. Мы уже видѣли, что эти религіозные и политическіе эмигранты были выходцами изъ третьяго сословія, изъ буржуазіи. Мы видѣли, что они насадили въ Новой Англіи именно принципы буржуазіи. Нигдѣ никогда буржуазный строй не былъ осуществленъ въ такой принципіальной чистотѣ, какъ въ штатахъ Новой Англіи. Нигдѣ никогда онъ не былъ предоставленъ такъ полно самому себѣ и логическому натуральному развитію своихъ принциповъ. Около половины XIX в. онъ встрѣтилъ внѣшнее препятствіе во встрѣчномъ развитіи рабовладѣльческаго строя, но вступилъ въ рѣшительную борьбу, одолѣлъ своего аристократическаго соперника и свои принципы сдѣлалъ принципами общественнаго строя всей сѣверо-американской республики. Прошло почти полвѣка со дня торжества сѣверныхъ штатовъ, время, достаточное для выясненія даровъ, принесенныхъ восторжествовавшимъ хозяйственнымъ и политическимъ строемъ. Любопытно спросить исторію великой республики, что дали эти долгіе годы для счастья и славы американскаго народа? Что сдѣлалъ исторически-важнаго и замѣчательнаго этотъ молодой народъ, даровитый, просвѣщенный и трудолюбивый? Въ этотъ огромный періодъ старая Европа совершенно измѣнила свою физіономію, въ политическомъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи. Она творила новыя широко и глубоко обдуманныя идеи; она создала системы, призванныя дать новыя основы общественнаго строя, лучше приспособленныя для блага *всего* населенія; она реформировала міросозерцаніе... Она боролась за лучшее будущее, многое перетерпѣла и перестрадала, но кое-что и завоевала, никогда не теряя вѣры въ силу благородной мысли и въ торжество великихъ идей. Въ ней все смѣшалось въ этой великой эволюціи: и торжествующая буржуазія, и вѣрующій въ свое торжество организованный пролетаріатъ, и дезорганизованное пока крестьянство, и феодалы, и духовенство, и короли... Этой пестроты

въ Соединенныхъ Штатахъ не имѣется. Полвѣка надъ страною тяготѣетъ неоспоримое господство кристально-чистаго буржуазнаго строя. Здѣсь все для него, но и все отъ него... Интересно спросить исторію Штатовъ, какіе же дары принесли великому народу его властители и правители?

Полвѣка — срокъ, достойный вниманія.

III.

Цитирую мой отчетъ о президентскихъ выборахъ 1888 года, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ («Политическая лѣтопись» въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, 1888, № 12). Это былъ мой первый обстоятельный отчетъ (въ журнальной, а не газетной статьѣ) о сѣверо-американскихъ президентскихъ выборахъ. Избранъ былъ республиканскій кандидатъ Гаррисонъ. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ изложенію выборовъ пришлось сказать слѣдующее:

«Въ 1865 году закончилось междоусобіе, возстановлено дѣйствіе конституціи и окончательно уничтожено рабство. Тогда же былъ убитъ Авраамъ Линкольдъ, президентъ освободитель невольниковъ, и президенское кресло занялъ Джонсонъ, вице-президентъ Союза. Нечаянное президентство Джонсона ознаменовалось завершеніемъ реформъ въ пользу негровъ и рѣзкимъ столкновеніемъ между президентомъ и народнымъ представительствомъ. Палата депутатовъ предала его суду (за его дѣятельность въ пользу возстановленія автономіи южныхъ побѣжденныхъ штатовъ). Сенатъ судилъ его, но для осужденія не хватило одного голоса (требуется большинство двухъ третей). Въ 1869 году на его мѣсто былъ избранъ генералъ Грантъ, одинъ изъ героевъ междоусобной войны, которому сѣверяне, въ значительной степени, были обязаны побѣдой. Онъ былъ переизбранъ въ 1873 году, такъ что правилъ страною въ теченіе восьми лѣтъ при неизмѣнно республиканскомъ большинствѣ въ конгрессѣ (и въ сенатѣ, и въ палатѣ). Всѣ три власти въ Союзѣ принадлежали одной партіи и дѣла шли безъ внутренней борьбы, но что сдѣлала за это время Америка? Добилась удовлетворенія отъ Англіи за инцидентъ съ «Алабамой» (крейсеромъ южанъ, вооруженнымъ въ Англіи и оттуда вышедшимъ для грабежа коммерческихъ судовъ сѣверянъ), построила трансъатлантическую желѣзную дорогу (первую въ исторіи), привела государственные финансы (разстроенные во время междоусобія) въ удовлетворительное состояніе, издала законъ о заселеніи пустопорожнихъ земель на началахъ мелкаго фермерства, усердно возвышала покровительственныя пошлины и дважды перенесла торговые крахи. Кромѣ того, за это же время она прославилась продажностью своей администраціи и своихъ законодателей. Скандальныя разоблаченія волновали Америку и дошли до такой степени, что выборы

1877 года (президентскіе) были произведены главнымъ образомъ на мотивѣ честности въ управленіи. Страна даже дала большинство (двухъ или трехъ голосовъ) демократическому кандидату Тильдену, но явная подтасовка голосовъ, сдѣланная республиканцами (т. е. правительствомъ), привела къ избранію однимъ голосомъ республиканскаго кандидата Гейсса, который довольно безславно проправилъ свои четыре года. Жалобы на испорченность росли, и въ 1880 году сама республиканская партія, желая парировать неизбѣжное пораженіе, выдвинула кандидатомъ Гарфильда, извѣстнаго своей честностью и стремленіемъ къ оздоровленію управленія. Гарфильдъ былъ избранъ и въ 1881 году вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, но скоро былъ убитъ именно за преслѣдованіе злоупотребленій (чиновниковъ). Его замѣнилъ вице-президентъ Арзеръ, при которомъ дѣла пошли еще хуже, чѣмъ при Грантѣ и Гейссѣ. Общественное мнѣніе отвернулось отъ республиканцевъ, опозорившихъ себя своимъ управленіемъ, и въ 1885 году вступилъ впервые послѣ 1861 года демократическій президентъ Кливлендъ (ум. въ 1908 году). Онъ былъ избранъ именно на почвѣ искорененія злоупотребленій. Его личная честность, стоявшая внѣ нареканій, и двадцатичетырехлѣтнее недопущеніе къ власти демократовъ, которые прежде не пятнали себя мошенничествомъ и подкупами, давали надежду на исправленіе. Четырехлѣтнее пребываніе демократовъ у власти ничего, однако, не измѣнило, и нація снова ихъ прогнала, снова давъ большинство республиканцамъ, и республиканскій кандидатъ Гаррисонъ снова вступаетъ въ бѣлый домъ 4 марта 1889 года (писано было послѣ подсчета ноябрьскаго голосованія, въ концѣ 1888 года). Скандальныя разоблаченія, скандальные процессы, скандальные крахи продолжаютъ составлять главный интересъ и главное содержаніе американской общественной жизни. Другимъ интересомъ является борьба за протекціонныя пошлины (которая рѣшила борьбу въ пользу Гаррисона, протекціониста). Разныя финансовыя и промышленныя предпріятія и спекуляціи—третій главный интересъ. Чудовищныя стачки желѣнодорожниковъ, нефтепромышленниковъ и т. д. (слово «трестъ» еще произнесено не было, но явленіе уже нарождалось и отмѣчено 20 лѣтъ тому назадъ) волнуютъ экономическую жизнь вопросами, мало извѣстными въ старой Европѣ, которая среди всяческаго старья сохраняетъ еще нѣкоторое старое уваженіе къ нравственнымъ принципамъ».

Такъ вырисовывалось внутреннее состояніе сѣверо-американской республики двадцать лѣтъ тому назадъ. Президентскіе выборы 1888 года тѣмъ и замѣчательны, что вопросъ объ оздоровленіи администраціи, игравшій такую огромную роль на выборахъ президента въ 1876, 1880 и 1884 гг., совершенно былъ снятъ съ очереди. Нація, какъ бы, примирилась съ испорченностью правителей и законодателей, махнула рукой на злоупотребленія и на-

живу своихъ избранниковъ и рѣшила лишь руководить ихъ общею политикою. Прежде всего, протекціонизмъ, который и восторжествовалъ въ лицѣ Гаррисона, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнаго (за нимъ стоялъ организаторъ плутократіи Бленъ, конечно, далеко не ничтожный). Большинство въ пользу Гаррисона было почти такое же значительное и рѣшительное, какъ и теперь въ 1908 году, въ пользу Тафта. За Гаррисона 20 лѣтъ тому назадъ подали штаты: Айова, Вермонтъ, Висконсинъ, Иллинойсъ, Индіана, Калифорнія, Канзасъ, Колорадо, Массачузетсъ, Миннезота, Мичиганъ, Мэнъ, Небраска, Невада, Нью-Гампширъ, Нью-Іоркъ, Огайо, Пенсильванія и Родъ-Айландъ, всего двадцать штатовъ и 233 выборщика. Демократическихъ выборщиковъ тогда послали штаты: Алабама, Арканзасъ, Виргинія, Виргинія Западная, Георгія, Делаваръ, Каролина Сѣверная, Каролина Южная, Кентуки, Конектикутъ, Луизіана, Мериллендъ, Мисиссиппи, Миссури, Нью-Джерси, Тенесси, Тахасъ, Флорида, всего восемнадцать штатовъ и 163 выборщика. Побѣда плутократіи (впервые не просто буржуазіи, а ея порожденія и продолженія, плутократіи) была полная, и четырехлѣтнее правленіе Гаррисона (Блена) такъ возмутило еще разъ нравственное чувство всѣхъ, еще не вовлеченныхъ въ плутократическую эволюцію, что къ выборамъ 1892 года составился союзъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ, кромѣ отвращенія къ плутократамъ, сбросившимъ съ себя и послѣдній фиговый листъ. Самъ великій Бленъ выступилъ кандидатомъ республиканской партіи, но потерпѣлъ пораженіе. Коалиція антиплутократическихъ элементовъ провела Кливленда, и демократы снова очутились у власти и снова ничего не улучшили за свое четырехлѣтіе, да и не могли ничего сдѣлать, потому что явились только *отрицаніемъ* торжествующаго режима безъ сколько-нибудь обдуманной и выработанной программы *положительной*. Не мудрено, что въ 1896 году ихъ опять низложили, и власть перешла въ руки республиканцевъ. Избранъ былъ Макъ-Кинлей, прославившійся своими прямо запретительными пошлинами. Протекціонистъ безъ узды, Макъ-Кинлей былъ такъ же сторонникомъ монометаллизма и золотой валюты. Противъ него выступалъ О'Брайанъ съ программою биметаллизма и серебряною валютой. Для американской плутократіи эта сторона программы была ненавистнѣе даже фритредерства. Огромные капиталы, затраченные въ акціи, облигаціи, государственные и муниципальные фонды, при серебряной валютѣ, могли становиться все менѣе и менѣе доходными, благодаря постепенному пониженію цѣны серебра. Получая одинаковое условленное число долларовъ съ своихъ бумагъ, владѣльцы фонда хорошо знали, что это число при переводѣ на международную золотую валюту оказалось бы эквивалентнымъ меньшему числу фунтовъ стерлинговъ, франковъ или марокъ. Правда, въ то время, какъ получатели процентовъ теряли или могли терять нѣкоторую часть

доходовъ при серебряной валютѣ, при валютѣ золотой также теряли или могли терять плательщики процентовъ (не столько непосредственные плательщики, сколько выплачивающіе ихъ въ цѣнѣ пріобрѣтаемыхъ товаровъ, основываемыхъ хозяйствъ и пр.). Ихъ интересы защищалъ О'Брайанъ, интересы получателей отстаивалъ Макъ-Кинлей, который и былъ избранъ.

Правленія Макъ-Кинлея было расцвѣтомъ плутократической политики, внутренней и внѣшней (впервые и внѣшней). Побѣдоносная война съ Испаніей передала въ руки американскихъ плутократовъ богатыя испанскія колоніи и открыла новое широкое поприще для выгоднаго помѣщенія американскихъ капиталовъ. Доведенный до крайности, протекціонизмъ ускорилъ скопленіе капиталовъ въ рукахъ высшей буржуазіи. Въ это же время вполнѣ расцвѣтаютъ тресты и синдикаты. Окончательно принятая золотая валюта укрѣпляетъ доходы милліардеровъ. Такимъ образомъ, къ выборамъ 1900 года программа республиканской партіи окончательно формулируется въ четырехъ словахъ: имперіализмъ, протекціонизмъ, тресты и золотая валюта. Отрицаніемъ этихъ всѣхъ четырехъ словъ является программа демократовъ съ присоединеніемъ подоходнаго налога и мѣръ къ борьбѣ съ подкупами. Южные штаты боролись просто противъ плутократіи, не входя въ отдѣльные пункты. На Западѣ привлекали серебрянная валюта и фритредерство. Борьба съ трестами и съ имперіализмомъ находила понемногу сочувствіе всюду. Битва 1900 года была такъ же важна, какъ битва 1888 года и какъ нынѣшняя битва 1908 года.

За Макъ-Кинлея въ 1900 году подали голоса штаты: Айова, Вайоминъ, Вашингтонъ, Вермонтъ, Виргинія Западная, Висконсинъ, Дакота Сѣверная, Дакота Южная, Делаваръ, Иллинойсъ, Индіана, Калифорнія, Коннектикутъ, Массачуэетсъ, Мериләндъ, Минезота, Мичиганъ, Мэнъ, Небраска, Нью-Гампширъ, Нью-Джерси, Нью-Іоркъ, Огайо, Орегонъ, Пенсильванія, Родъ-Айландъ, всего за имперіализмъ и плутократію 26 штатовъ и 288 выборщиковъ.

Демократическихъ выборщиковъ послали штаты: Айдаго, Алабама, Арканзасъ, Виргинія, Георгія, Канзасъ, Каролина Сѣверная, Каролина Южная, Кентуки, Колорадо, Луизіана, Мисиссипи, Миссури, Монтана, Невада, Теннеси, Техасъ, Утахъ, Флорида, всего 19 штатовъ и 165 голосовъ. Въ числѣ этихъ штатовъ находимъ 6 западныхъ и не находимъ трехъ южныхъ (Западная Виргинія, Мериләндъ и Делаваръ) и ни одного сѣвернаго.

Выборы 1904 года только подтвердили этотъ приговоръ 1900 г. Республиканскій кандидатъ Рузвельтъ получилъ 325 голосовъ, а демократическій кандидатъ Паркеръ только 153. Демократическая партія, и въ этомъ случаѣ, выступила съ программою, въ существенныхъ чертахъ отрицательною. Этого мало для такого событія. Въ 1908 году демократы поправили эту ошибку и выставили, какъ

выше приведено, очень содержательную и прогрессивную программу, но и это не помогло. Что же это значитъ? Европейскія идеи, положенныя въ основу демократической программы, оказываются-ли въ самомъ дѣлѣ чуждыми американскому пониманію жизни? Или американская плутократія должна довершить циклъ своей хищнической эволюціи, сама себя скушать и тогда лишь очистить поле для новыхъ болѣе благородныхъ общественныхъ комбинацій? Или, наконецъ, битва 1908 года есть только проба для народа, и въ 1912 году онъ сумѣетъ организоваться для борьбы съ всесильною теперь плутократіей?

Не хочу быть пророкомъ, но думается мнѣ, что разрѣшеніе второго и третьяго вопросовъ тѣсно между собою связано. Назрѣваютъ и грандіозный крахъ плутократіи, и ростъ сознанія американской демократіи.

Красивый жестъ Вильгельма II такъ и застылъ въ воздухѣ. Исторія его оставила висѣть на поученіе королямъ и народамъ. Исторія еще не дала ему полнаго разрѣшенія, но встряхнула всю Германію. Отвѣтственность министерства скромно выглядываетъ изъ-за блестящаго королевскаго жеста. Этотъ жестъ повредилъ германскимъ интересамъ, а нѣмцы уже научились защищать свои интересы и не любятъ, когда ихъ нарушаютъ тѣ, кому поручено ихъ оборонять. Теперь о нѣмцахъ самъ Берне не сказалъ бы, что они народъ лакеевъ. Были, но отъ лакейства излѣчились и явили себя безъ различія партій гражданами своего великаго и славнаго отечества. Проникли въ печать слухи, что Вильгельмъ сильно занемогъ... Возможно, что ему понадобится отдыхъ и южная природа... Быть можетъ, на долгіе годы.

Австрійская политика на Балканахъ все еще темновата. Повидимому, дѣло было разсчитано тонко и сложно, но гдѣ-то нити спутались, и дипломатія толчется на одномъ мѣстѣ. До сихъ поръ не успѣла рѣшить вопросъ о конференціи, а это первый шагъ къ рѣшенію. Рѣшительное заявленіе Англіи, что она не допуститъ никакихъ компенсацій за счетъ Турціи, отняло у вѣнскаго кабинета всю ту игру дипломатическихъ обѣщаній и посуловъ, которая одна могла замутить воду для ловли рыбы въ мутной водѣ. «Никакихъ компенсацій»—это ужасно. Пожалуй, г. Извольскій напрасно объѣзжалъ всѣ столицы Европы... Ему не начать-ли бы съ Лондона или съ Константинополя? Въ остальномъ прочемъ въ Турціи дѣло идетъ хорошо. Попытка части султанской гвардіи на какой-то поступокъ (не выяснено) была остановлена въ зародышѣ. Нѣкоторыя столкновенія при выборахъ надо было предвидѣть, но въ тотъ день и часъ, когда я пишу эти строки, общіе результаты выборовъ еще неизвѣстны.

Въ Персіи, съ одной стороны, шахъ Али-Могамедъ отмѣнилъ конституцію, съ другой стороны, черезъ два дня отмѣнимъ эту

отмѣну по требованію державъ, а тавризскіе конституціоналисты одерживаютъ частичные успѣхи. Общее положеніе неясно, междоусобіе затягивается, и мелкій тиранъ, засѣвшій съ ляховской бандой въ Бадешахѣ (подъ Тегераномъ), пожалуй, еще долго будетъ угнетать и раззорять иранскій народъ, достойный лучшей участи.

Смерть китайскаго императора, а днемъ позже и китайской императрицы-регентши поставили было остро вопросъ о престолонаслѣдіи. Оказалось, однако, что императрица Це-ши успѣла сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, и можно не опасаться серьезныхъ осложненій. Новый регентъ Китая принцъ Чжунъ считался сторонникомъ реформъ. Останется-ли онъ реформаторомъ, когда у него въ рукахъ очутилась неограниченная власть? That is the question! Конечно, не въ одномъ Китаѣ...

С. Южаковъ.

Наброски современности.

XVII.

„Нео-славизмъ" и внутренніе вопросы.

За послѣднее время у насъ много пишутъ и еще больше говорятъ о славянскомъ вопросѣ. Этотъ вопросъ какъ-то неожиданно всплылъ на поверхность нашей общественной жизни и, повидимому, сосредоточилъ на себѣ вниманіе весьма широкихъ и разнообразныхъ круговъ нашего общества. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ то и дѣло говорятся рѣчи, читаются публичныя лекціи и устраиваются публичныя же собесѣдованія на тему о жизни славянъ, причемъ главнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ рѣчей, лекцій и собесѣдованій является мысль о необходимости культурнаго объединенія славянства и о большой роли, какую можетъ и должна сыграть въ дѣлѣ такого объединенія Россія. Судя по количеству такихъ рѣчей, можно подумать, что на нашихъ глазахъ складывается новое общественное движеніе, рѣзкимъ пятномъ выдѣляющееся на сѣромъ и тускломъ фонѣ русской обывательской жизни. И это, какъ будто складывающееся движеніе тѣмъ болѣе любопытно, что, будучи очень шумнымъ по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ является чрезвычайно разнороднымъ, чтобы не сказать—пестрымъ, по составу своихъ участниковъ. Въ немъ сходятся вмѣстѣ—и сходятся, по всей видимости, съ полнымъ единодушіемъ—люди, принадлежащіе къ различнымъ политическимъ

лагерямъ и во многихъ отношеніяхъ занимающіе совершенно противоположныя позиціи. Г. Милюковъ и г. Филевичъ, г. Родичевъ и гр. Бобринскій, г. Маклаковъ, гр. Комаровскій и г. Красовскій сообща устраиваютъ собранія для обсужденія славянскаго вопроса и, если ихъ рѣчи на этихъ собраніяхъ до нѣкоторой степени и разнятся въ оттѣнкахъ, это нисколько не мѣшаетъ всѣмъ названнымъ ораторамъ звать русское общество къ одной и той же, всѣхъ ихъ, повидимому, объединяющей цѣли. Присматриваясь со стороны къ этой пестрой компаніи отечественныхъ либераловъ, умѣренныхъ консерваторовъ и реакціонеровъ, сошедшихся вмѣстѣ для какого-то общаго дѣла въ интересахъ славянства, и прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ объ этомъ дѣлѣ, невольно ставишь себѣ вопросъ, что собственно происходитъ передъ нами—серьезное ли общественное движеніе, величіемъ своей задачи сближающее различныхъ людей и стирающее ихъ частныя разногласія, или же по-просту крупное недоразумѣніе.

Для того, чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, не мѣшаетъ прежде всего припомнить ту обстановку, въ которой ведутся у насъ сейчасъ разговоры о славянскомъ объединеніи. Эти разговоры начались минувшей весной, когда въ Петербургъ пріѣхало нѣсколько западныхъ славянъ, въ томъ числѣ небезъизвѣстный чешскій депутатъ, г. Крамаржъ. Тогда именно въ нашей прессѣ была поднята рѣчь о «нео-славизмѣ», какъ о новомъ идейномъ теченіи, явившемся на смѣну покойному славянофильству и имѣющемъ своею цѣлью культурное объединеніе славянства. Тогда же выяснилось, что на почвѣ этого «нео-славизма» возможно объединеніе такихъ разнородныхъ дѣятелей, какъ гг. Милюковъ, Суворинъ и Башмаковъ. Тѣмъ не менѣе самая сущность «нео-славизма» оставалась, повидимому, очень мало выясненной и для русскихъ его сторонниковъ, и для пріѣзжихъ «славянскихъ гостей». По крайней мѣрѣ, послѣдніе за время всѣхъ торжествъ, какія устраивались въ Петербургѣ по случаю ихъ пріѣзда, обмолвились, кажется, лишь однимъ конкретнымъ предложеніемъ, да и то сводилось къ проекту устройства въ Россіи славянскихъ банковъ. Представленный такимъ образомъ «нео-славизмъ», конечно, не могъ разсчитывать на симпатіи сколько-нибудь широкихъ общественныхъ круговъ, и на первыхъ порахъ интересъ къ нему, дѣйствительно, не вышелъ за предѣлы тѣснаго круга петербургскихъ газетныхъ сотрудниковъ и членовъ Государственной Думы. Немногимъ расширилъ эти предѣлы и состоявшійся лѣтомъ въ Прагѣ славянскій съѣздъ, на который сочли нужнымъ явиться и нѣкоторые изъ думскихъ октябристовъ и ка-детовъ. Большого интереса въ Россіи этотъ съѣздъ не вызвалъ, и симпатіи къ «нео-славизму» продолжали оставаться достояніемъ небольшихъ и чрезвычайно случайныхъ по своему составу кружковъ, члены которыхъ не вполнѣ, повидимому, разбирались въ томъ, что именно соединило

ихъ вмѣстѣ, но за то были твердо увѣрены въ совпаденіи своихъ неоформленныхъ стремленій со стремленіями всего славянства. Иначе повернулось дѣло послѣ крупныхъ событій, происшедшихъ осенью на Балканскомъ полуостровѣ и, въ частности, послѣ присоединенія Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины. Это присоединеніе, представляющее собою, несомнѣнно, важный фактъ для всего славянскаго міра, въ средѣ сторонниковъ «нео-славизма» вызвало къ себѣ совершенно различное отношеніе. Часть австрійскихъ славянъ, и въ числѣ ихъ прежде всего г. Крамаржъ, поспѣшили съ точки зрѣнія австрійскаго патріотизма выразить свое одобреніе совершившемуся факту. Наоборотъ, русскіе сторонники «нео-славизма» приняли сторону возмущенныхъ этимъ фактомъ сербовъ и приложили всѣ усилія къ тому, чтобы сорганизовать въ Россіи протестъ противъ окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи. Такимъ образомъ совпаденіе тенденцій всѣхъ «нео-славистскихъ» кружковъ при столкновеніи съ дѣйствительностью оказалось простой фикціей, за которой не скрывалось никакого реальнаго содержанія. За то передъ русскими «нео-славистами» открылась широкая арена политической дѣятельности. И съ выступленіемъ названнаго движенія на эту арену не замедлили обнаружиться его характерныя черты. Но для того, чтобы полнѣе вскрыть эти черты, мнѣ придется напомнить читателю нѣкоторые конкретные факты.

14 октября въ Петербургѣ было назначено публичное собраніе для выслушанія доклада проф. Погодина: «Боснія и Герцеговина подъ оккупаціей Австро-Венгріи». Въ газетахъ заранѣе сообщалось, что къ докладу будутъ сдѣланы дополнительныя сообщенія нѣсколькими другими лицами, въ томъ числѣ гг. Родичевымъ и Маклаковымъ. На самомъ собраніи выяснилось, однако, что дополнительныя сообщенія не могутъ состояться вслѣдствіе запрещенія полиціи. «Градоначальникъ — гласило полученное устроителями собранія извѣщеніе—не призналъ возможнымъ допустить дополнительныхъ сообщеній къ лекціи проф. Погодина, потому что эта лекція предполагается не въ закрытомъ, а въ публичномъ собраніи». Собравшейся публикѣ, среди которой было, между прочимъ, много членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, пришлось удовольствоваться однимъ лишь докладомъ проф. Погодина. На другой день открылись засѣданія Государственной Думы, и 87 депутатовъ внесли въ нее запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ петербургскаго градоначальника, настаивая на признаніи этого запроса срочнымъ. Мотивировку и этого послѣдняго требованія, и самаго запроса взялъ на себя г. Маклаковъ, и его мотивировка оказалась очень любопытной. Указаніе на нарушеніе закона градоначальникомъ, запретившимъ пренія въ публичномъ собраніи потому, что оно публичное, играло

въ ней лишь подчиненную роль, а на первый планъ были выдвинуты иные мотивы.

«Если бы дѣло шло—говорилъ г. Маклаковъ — только о нарушеніи правилъ 4 марта, тѣхъ правилъ, которыя, какъ мы хорошо знаемъ, нарушаютъ весьма часто, чуть не ежедневно и, во всякомъ случаѣ, повсемѣстно, то тогда этотъ запросъ подлежалъ бы предъявленію, но, быть можетъ, не подлежалъ бы принятію срочнымъ. Но есть особенное обстоятельство, которое выдѣляетъ этотъ запросъ изъ ряда прочихъ и даетъ право тѣмъ, кто его подписалъ, настаивать на признаніи его срочнымъ. Государственная Дума знаетъ, что на собраніи, гдѣ должна была читаться лекція Погодина и гдѣ должны были быть сдѣланы дополненія другими, указанными въ заявленіи лицами, что на этомъ собраніи должна была идти рѣчь о вопросѣ, который близко касается не только національныхъ интересовъ Россіи, но и того, что несомнѣнно дорого для насъ,—русскаго національнаго достоинства. Государственная Дума знаетъ, что въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ о русскомъ государственномъ достоинствѣ, общественное мнѣніе безучастнымъ остаться не можетъ, что это общественное мнѣніе, быть можетъ, обнаружитъ менѣе колебаній и ошибокъ, чѣмъ правительственная оффиціальная дипломатія, и Государственная Дума знаетъ, что въ тотъ моментъ большой важности, который мы переживаемъ, громкое и единодушное выраженіе общественнаго мнѣнія для правительства, которое блюдетъ національное достоинство страны, было бы не помѣхой, а опорой и поддержкой въ его дальнѣйшей дѣятельности. И вотъ въ такой моментъ и по такому вопросу не только передъ лицомъ Россіи, которая къ нарушеніямъ закона привыкла, но и передъ лицомъ тѣхъ, кто въ Европѣ смотритъ на насъ и на русскую власть и на русское общество, передъ лицомъ нашихъ друзей и нашихъ противниковъ, запрещеніе градоначальника, состоявшееся по мотивамъ даже не формальнымъ, а по мотивамъ противозаконнымъ, является не только актомъ беззаконія, но и актомъ, глубоко антинаціональнымъ» *).

Дѣло сводилось, слѣдовательно, не столько къ протесту противъ нарушенія закона о собраніяхъ,—«Россія къ нарушеніямъ закона привыкла»,—сколько къ огорченію по поводу того, что это нарушеніе закона было совершено «передъ лицомъ Европы» и притомъ по вопросу, касающемуся не внутренней жизни страны, а внѣшней ея политики. Мотивированный такимъ образомъ запросъ былъ единогласно принятъ Думой. Тѣмъ не менѣе правительство не поторопилось отвѣтить на него. Но за то, какъ бы взамѣнъ такого отвѣта, въ газетахъ появилось сообщеніе «освѣдомительнаго бюро», утверждавшее, что «обстоятельства дѣла» съ лекціей проф. Погодина «получили совершенно неточное освѣщеніе, какъ въ печати, такъ и въ Государственной Думѣ».

«11 сего октября—разсказывало «освѣдомительное бюро» въ своемъ сообщеніи—къ министру внутреннихъ дѣлъ явился бывшій членъ второй Думы А. А. Стаховичъ съ просьбой допустить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ лекціи о положеніи Босніи и Герцеговины съ публичными, по окончаніи ихъ, преніями. Обсудивъ это ходатайство совмѣстно съ временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и не встрѣтивъ препятствій разрѣшить лекціи, министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ допустить пуб-

*) „Рѣчь“, 16 октября.

личныя по поводу этихъ лекцій собесѣдованія, о чемъ гофмейстеръ Чарыковъ и сообщилъ письменно г. Стаховичу за два дня до лекціи. Въ соотвѣтствіи съ симъ и на основаніи указаній, преподанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ одновременно какъ с.-петербургскому, такъ и московскому градоначальникамъ, генералъ-маіоръ Драчевскій допустилъ только лишь публичную лекцію г. Погодина и отклонилъ ходатайство устроителя лекціи о разрѣшеніи по поводу ея дополнительныхъ публичныхъ преній и сообщеній...

«Право с.-петербургскаго градоначальника на запрещеніе публичныхъ преній и сообщеній по поводу лекціи проф. Погодина—поучительно прибавляло къ своему разсказу «освѣдомительное бюро»—основано на положеніяхъ, предоставляемыхъ дѣйствующимъ въ столицѣ положеніемъ о чрезвычайной охранѣ, на точномъ основаніи статей 23 и 16 котораго отъ с.-петербургскаго градоначальника зависѣло не разрѣшить и самой лекціи проф. Погодина. Такимъ образомъ въ дѣлѣ этомъ никакихъ незакономѣрныхъ стѣсненій свободы собраній допущено не было».

Не ограничившись своимъ разсказомъ и присоединеннымъ къ нему нравоученіемъ о невозможности «незакономѣрныхъ стѣсненій» тамъ, гдѣ законъ даетъ властямъ право на всякія стѣсненія, «освѣдомительное бюро» нашло нужнымъ еще заявить, что «вся отвѣтственность за послѣдствія, связанныя для третьихъ лицъ съ неожиданнымъ для нихъ запрещеніемъ заранѣе оповѣщенныхъ устроителями лекцій дополнительныхъ сообщеній, падаетъ всецѣло и исключительно на А. А. Стаховича», который «былъ своевременно и совершенно опредѣленно поставленъ въ извѣстность о томъ, что администраціей не будутъ допущены никакія публичныя сужденія по поводу лекціи проф. Погодина», но, «очевидно, не ознакомилъ устроителей собранія съ содержаніемъ полученнаго имъ письма». Это заявленіе вызвало возраженіе г. Стаховича, въ длинномъ письмѣ въ газеты разсказавшаго исторію своихъ хлопотъ передъ властями о разрѣшеніи публичныхъ собесѣдованій о судьбахъ Босніи и Герцеговины, а письмо г. Стаховича повлекло за собою новое сообщеніе «освѣдомительнаго бюро». Было бы слишкомъ долго слѣдить за всей этой газетной полемикой, но нѣкоторыя обстоятельства, выяснившіяся въ ней, стоитъ отмѣтить.

Какъ разсказываетъ г. Стаховичъ, его хлопоты передъ властями о разрѣшеніи публичныхъ собесѣдованій по славянскому вопросу начались съ «частной бесѣды» между нимъ и исполнявшимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ г. Чарыковымъ. Въ этой «частной бесѣдѣ» г. Стаховичъ упомянулъ о рѣшеніи московскаго «общества славянской культуры», постановившаго, въ цѣляхъ ознакомленія широкихъ круговъ русскаго общества съ мало имъ знакомымъ и по существу своему довольно сложнымъ боснійскимъ вопросомъ, устраивать публичныя лекціи и собесѣдованія по этому вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Стаховичъ упомянулъ, однако, и о сомнѣніяхъ, какими было встрѣчено это рѣшеніе со стороны лицъ, по опыту знакомыхъ съ тѣмъ, какимъ образомъ примѣняетъ теперь русская администрація законъ 4 марта 1906 г. о публичныхъ собраніяхъ. Самъ г. Стаховичъ, «сердечно сочувствуя трагическому

положенію славянъ-сербовъ, боялся, что они объяснятъ дѣйствія русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ несочувствіе Россіи ихъ участи». Эту точку зрѣнія онъ постарался внушить и своему собесѣднику, доказывая ему, что запрещенія собраній для обсужденія боснійскаго вопроса «могутъ создать дипломатическія затрудненія его министерству», такъ какъ «славянскія и другія страны, освѣдомленныя черезъ печать о томъ, что органы русскаго солидарнаго правительства запрещаютъ русскому обществу знакомиться со столь близко касающимся всего славянства вопросомъ, могутъ составить себѣ превратное понятіе объ отношеніяхъ русской дипломатіи къ славянскому вопросу вообще и боснійскому въ частности». Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, г. Стаховичъ просилъ своего собесѣдника поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы послѣдній далъ подчиненной ему администраціи инструкцію не препятствовать устройству собраній, посвященныхъ обсужденію боснійскаго вопроса. Г. Чарыковъ, однако, настаивалъ на томъ, чтобы его собесѣдникъ самъ переговорилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ г. Стаховичъ согласился на это и вступилъ въ непосредственные переговоры съ г. Столыпинымъ.

„Въ довольно продолжительной бесѣдѣ этой—разсказываетъ онъ—сперва П. А. Столыпинъ находилъ невозможнымъ допустить собесѣдованія по боснійскому и славянскому вопросамъ... Я довольно продолжительно настаивалъ на томъ, что запрещеніе кому-либо участвовать въ обсужденіи лекціи, разрѣшаемомъ закономъ о собраніяхъ, будетъ очевиднымъ и при томъ противозаконнымъ стѣсненіемъ ознакомленія русскаго общества со столь волнующими его вопросами; указывалъ ему, что подобныя стѣсненія и запрещеніе того, что закономъ разрѣшено, могутъ поставить въ непріятное положеніе нашу дипломатію. Къ концу нашей бесѣды мы договорились, что на подобныхъ собраніяхъ, кромѣ лекцій, онъ распорядится разрѣшать допущеніе дополнительныхъ сообщеній по тому же вопросу и по той же программѣ и другихъ лицъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы за сутки до собранія были заявлены соотвѣтственнымъ представителямъ администраціи имена и фамиліи лицъ, которыя сдѣлаютъ эти сообщенія. На примѣненіе же къ публичнымъ сообщеніямъ по названнымъ вопросамъ закона 4 марта 1906 г. онъ, несмотря на мои настойчивыя убѣжденія, не согласился».

Окончательный свой отвѣтъ г. Столыпинъ обѣщалъ дать черезъ посредство г. Чарыкова. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдній, дѣйствительно, написалъ г. Стаховичу письмо, въ которомъ извѣщалъ его, что министръ внутреннихъ дѣлъ далъ инструкцію «разрѣшать въ публичныхъ собраніяхъ лекціи, а собесѣдованія только въ собраніяхъ членовъ общества славянской культуры» и что «это распоряженіе невозможно отмѣнить». Въ сущности смыслъ этого письма былъ, конечно, совершенно ясенъ. Но г. Стаховичъ, «договорившись» съ г. Столыпинымъ, полагалъ, что этотъ «договоръ» уже вступилъ въ силу, и далъ соотвѣтствующія указанія устроителямъ лекціи проф. Погодина, которые и пригласили гг. Родичева и Маклакова сдѣлать, съ разрѣшенія градоначальника, «дополнительныя сообщенія» къ этой лекціи. Разсчетъ былъ сдѣланъ, однако, не совсѣмъ вѣрно.

Г. Столыпинъ не считалъ еще «договоръ» окончательно заключеннымъ, и «дополнительнымъ сообщеніямъ» на лекціи г. Погодина не пришлось состояться.

Впрочемъ, г. Столыпинъ вскорѣ, повидимому, оцѣнилъ удобныя стороны отвергнутаго было имъ плана «публичнаго обсужденія» славянскаго вопроса, и лекціи съ «дополнительными сообщеніями» получили право гражданства. Собранія, на которыхъ читаются эти лекціи съ сопровождающими ихъ дополнительными сообщеніями, устраиваются какъ разъ по тому рецепту, на счетъ котораго «договорились» между собою г. Столыпинъ и г. Стаховичъ. По внѣшнему виду передъ нами какъ будто обыкновенныя публичныя собранія, въ которыхъ ведутся пренія и совершается обмѣнъ мнѣній. На дѣлѣ же, говорить въ этихъ собраніяхъ могутъ лишь лица, имѣющія на это предварительное разрѣшеніе отъ полиціи, а для свободнаго обмѣна мыслей, являющагося необходимымъ условіемъ выработки общественнаго мнѣнія, въ такихъ собраніяхъ вовсе нѣтъ мѣста. Но немалая часть нашей печати склонна сейчасъ закрывать глаза на послѣднее обстоятельство и, всецѣло примыкая къ иниціатору «договора» съ г. Столыпинымъ, готова принимать эти фиктивныя общественныя собранія за средство выраженія подлиннаго общественнаго мнѣнія. «Благодаря рѣчамъ, лекціямъ, обмѣну мнѣній въ клубахъ и общественныхъ собраніяхъ,—писала не такъ давно «Рѣчь»—единодушное мнѣніе русской печати сдѣлалось и мнѣніемъ общества. Если на международную конференцію Россія должна идти для признанія боснійской аннексіи, то лучше всего, чтобы конференціи вовсе не было: таково это мнѣніе» *). Не менѣе, если не болѣе, рѣшительно выражается по этому поводу «Слово» «Наиболѣе выгодная для насъ сейчасъ позиція,—говорила недавно эта газета—рѣшительный протестъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины и до конференціи, и во время ея. Это прежде всего требованіе всего русскаго общества, вытекающее изъ существа его національной идеи» **).

Я вовсе не собираюсь обсуждать сейчасъ вопросъ о томъ, нужно или не нужно русской дипломатіи признавать присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи. Но, какъ бы кто ни рѣшалъ этотъ вопросъ, одно, думается мнѣ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Говорить, въ данномъ случаѣ, о какихъ-либо требованіяхъ всего русскаго общества значитъ сознательно уклоняться отъ истины и оглушать себя и другихъ громкими фразами, такъ какъ въ дѣйствительности русское общество вовсе не высказывалось и не могло высказываться по этому вопросу. Объ немъ велись бесѣды въ небольшихъ кружкахъ, объ немъ говорили въ бо-

---

*) „Рѣчь“, 20 октября.

**) „Слово“, 10 октября.

лѣе или менѣе значительныхъ собраніяхъ отдѣльныя лица, которымъ это разрѣшали власти, но общество въ лучшемъ случаѣ могло лишь молча прислушиваться къ тѣмъ рѣчамъ, какія ему позволяли выслушать. При такихъ условіяхъ отожествлять эти рѣчи съ единодушнымъ мнѣніемъ всего русскаго общества возможно только при помощи очень ужъ смѣлаго логическаго прыжка и очень ужъ явнаго подмѣна одного понятія другимъ.

Много лѣтъ назадъ къ такого рода подмѣну понятій, случалось, прибѣгали старые славянофилы, изъ отдѣльныхъ случаевъ славянскихъ манифестацій заключавшіе, что весь русскій народъ видитъ важнѣйшую свою задачу въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Современные проповѣдники «неославизма» идутъ въ этомъ случаѣ до нѣкоторой степени по слѣдамъ славянофиловъ. Но есть между ними и существенная разница. Въ построеніяхъ славянофиловъ эмпирическія доказательства вообще играли очень ничтожную роль, такъ какъ въ основѣ этихъ построеній лежало апріорное представленіе о сущности русскаго народнаго духа, опредѣляющей собою всю исторію народа. Стоя на почвѣ этого представленія, не нужно было даже и спрашивать народъ, чтобы знать, въ чемъ онъ видитъ свои задачи. Но значительная часть сторонниковъ нынѣшняго «нео-славизма», по крайней мѣрѣ, та ихъ часть, которая причисляетъ себя къ либераламъ, едва-ли рѣшится вернуться къ этому метафизическому представленію о народномъ духѣ, отъ вѣка единомъ и постигаемомъ даже внѣ его конкретныхъ проявленій. Съ другой стороны, эти сторонники «нео-славизма» знаютъ и то, что «запрещеніе кому-либо участвовать въ обсужденіи вопроса, разрѣшаемомъ закономъ о собраніяхъ, будетъ очевиднымъ и притомъ противозаконнымъ стѣсненіемъ общества». И, тѣмъ не менѣе, зная это, они сами вступаютъ въ «договоръ» какъ разъ о такомъ «противозаконномъ стѣсненіи», а результаты дѣйствія этого договора трактуютъ, какъ проявленіе единодушнаго мнѣнія всего русскаго общества. Въ концѣ концовъ этотъ пріемъ обобщенія своихъ мнѣній является не менѣе, если только не болѣе, грубымъ, чѣмъ аналогичные пріемы прежняго славянофильства.

Впрочемъ, сходство между старымъ славянофильствомъ и современнымъ «нео-славизмомъ» можно найти не только въ пріемахъ ихъ пропаганды, но до нѣкоторой степени и въ самомъ ея содержаніи. Правда, здѣсь рѣчь можетъ идти только о сходствѣ, но никакъ не о тожествѣ. Старые славянофилы были прежде всего людьми цѣльнаго міровоззрѣнія, людьми одной господствующей идеи, опредѣлявшей собою всѣ ихъ взгляды, и въ ихъ кругъ не было доступа для людей, отрицавшихъ эту идею. Наоборотъ, нынѣшніе «нео-slависты» это—люди, сошедшіеся съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ лагерей, принесшіе съ собой далеко не совпадающіе и во многомъ прямо противоположные взгляды. Среди «нео-славистовъ» есть, повидимому, ученики и поклонники славя-

нофиловъ, но есть также и преемники стараго либеральнаго западничества. Тѣмъ не менѣе, въ идеологіи славянофильства и «нео-славизма» есть, по меньшей мѣрѣ, одна черта несомнѣннаго сходства. И любопытнымъ образомъ именно на эту черту указалъ недавно одинъ изъ вновь появившихся у насъ поборниковъ «славянской идеи», г. Маклаковъ, пытаясь опредѣлить различіе между старымъ славянофильствомъ и тѣмъ «возрожденіемъ интереса къ славянству», которое получило названіе «нео-славизма». «Этотъ интересъ—говорилъ г. Маклаковъ въ одной изъ своихъ недавнихъ лекцій въ Москвѣ—былъ вызванъ пріѣздомъ австрійскихъ славянъ, и это характерно. Его вызвалъ не южный славянинъ, единовѣрецъ, угнетаемый туркомъ, а славянинъ-католикъ, притѣсняемый нѣмцемъ. Онъ и опредѣлился, какъ борьба за славянскую національность—во-первыхъ; какъ борьба противъ германизма—во-вторыхъ... Объединеніе всего славянства, какъ родныхъ по крови народовъ; объединеніе на общей задачѣ защиты своей національности противъ волны германизаціи; объединеніе на началахъ не подчиненія, не поглощенія, а уваженія къ каждому—вотъ символъ вѣры нео-славизма» *).

Сравнительно недавно вступивъ въ ряды проповѣдниковъ «славянской взаимности», г. Маклаковъ, надо полагать, не успѣлъ еще познакомиться съ своими предшественниками на этомъ поприщѣ. Иначе онъ, вѣроятно, зналъ бы, что тѣ особенности, которыя онъ приписываетъ спеціально «нео-славизму», были не чужды и прежнему славянофильству, и что самый «символъ вѣры нео-славизма», переданный имъ, входилъ и въ исповѣданіе вѣры славянофиловъ, хотя входилъ, правда, лишь какъ часть въ цѣлое. Во всякомъ случаѣ и славянофилы стараго времени мечтали объ объединеніи всего славянства. И они включали въ кругъ своихъ заботъ не только южныхъ славянъ, но и западныхъ. И они, наконецъ, проповѣдывали борьбу славянства съ «германизмомъ» и одну изъ наиболѣе существенныхъ своихъ задачъ видѣли именно въ развитіи этой борьбы и приданіи ей возможно болѣе энергичнаго характера. Короче говоря, проповѣдь «нео-славизма», представляемаго г. Маклаковымъ и его товарищами, является ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ въ нѣсколько ослабленномъ видѣ лозунговъ того славянскаго націонализма, на почвѣ котораго стояло и который проповѣдывало—правда, съ большей послѣдовательностью—старое славянофильство.

«Бываютъ слова, которыя обязываютъ», сказалъ, между прочимъ, г. Маклаковъ въ цитированной мною рѣчи. И эта сентенція какъ нельзя болѣе оправдалась на немъ самомъ и на его ближайшихъ товарищахъ. Разъ ставъ на почву національзма, они неизбѣжно должны были придти къ вполнѣ опредѣленному взгляду

*) „Рѣчь“, 2 ноября.

на задачи общественной дѣятельности. Народные интересы, согласно этому взгляду, должны отступить на второй планъ передъ національнымъ достоинствомъ, и сообразно этому внутренняя жизнь страны не такъ важна, какъ внѣшняя ея политика. Эти ноты явственно прозвучали уже въ той рѣчи г. Маклакова, которою онъ обосновывалъ въ Думѣ запросъ о дѣйствіяхъ петербургскаго градоначальника. Еще болѣе отчетливо слышались онѣ въ нѣкоторыхъ другихъ рѣчахъ того же оратора. «Вопросъ о вмѣшательствѣ Россіи въ славянскія дѣла—говорилъ г. Маклаковъ въ одной изъ такихъ рѣчей, въ собраніи клуба общественныхъ дѣятелей,—вопросъ принципа и долга. Правда не всегда побѣждаетъ сразу, но отступиться отъ правды изъ-за малодушія—преступленіе. Не зачѣмъ вѣчно твердить о нашей слабости. Кто мѣрилъ силы Россіи? Если мы были слабы въ розни и распряхъ, то будемъ сильны въ единеніи и дружбѣ на національной идеѣ» *). Такимъ образомъ г. Маклаковъ не только намѣтилъ для русскаго народа вполнѣ опредѣленную задачу—вмѣшательство въ славянскія дѣла съ цѣлью возстановленія въ нихъ «правды»,—но указалъ и путь, на которомъ всего вѣрнѣе можно достичь удачнаго выполненія этой задачи. Пусть интересы народныхъ массъ внутри самой Россіи остаются неудовлетворенными, пусть они попираются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ,—изъ-за этого во всякомъ случаѣ не стоитъ затѣвать «розни и распрей». Избѣгая розни и распрей, надо воспитывать «единеніе и дружбу на національной идеѣ»—тогда «мы будемъ сильны», тогда Россія сможетъ оберегать свое «національное достоинство», сможетъ заняться «борьбой противъ германизма» и добываніемъ «правды» для славянскихъ народовъ. А во внутренней жизни самого русскаго народа все можетъ остаться и по старому.

Этого послѣдняго, впрочемъ, г. Маклаковъ не говоритъ. Наоборотъ, по его взгляду, высказанному имъ въ другой разъ, «прогрессивная внѣшняя политика непремѣнно сочетается и съ прогрессивной политикой внутренней». Сообразно этому, по мнѣнію г. Маклакова, «съ точки зрѣнія русскихъ прогрессивныхъ партій надо радоваться, что въ законное чувство національнаго возрожденія вкладывается достойное содержаніе, которое идетъ на защиту славянскихъ національностей противъ ихъ угнетателей, которое дѣйствуетъ во имя идеи свободы и равенства, а не насилія и порабощенія» **). Но въ сущности эти утвержденія краснорѣчиваго оратора, при всей ихъ категоричности, не свидѣтельствуютъ о слишкомъ большомъ его знакомствѣ съ исторіей. Въ дѣйствительности уже одинъ примѣръ русско-турецкихъ войнъ могъ бы показать ему, что прогрессивная внѣшняя политика вовсе не непре-

---

*) „Рѣчь“, 17 октября.
**) „Рѣчь“, 2 ноября.

мѣнно сочетается съ прогрессивной внутренней политикой. Заглянувъ же поглубже въ исторію, г. Маклаковъ легко могъ бы найти въ ней и другіе примѣры, краснорѣчиво говорящіе о томъ, что стремленіе возстановлять «правду» въ чужихъ земляхъ очень легко соединяется съ желаніемъ уйти отъ «правды» въ своей собственной странѣ.

Правда, при нѣсколько большемъ вниманіи къ дѣйствительности, г. Маклаковъ могъ бы замѣтить это, и не прибѣгая къ урокамъ исторіи, а просто оглянувшись вокругъ себя и, въ частности, вглядѣвшись въ ту компанію, какая собралась вмѣстѣ съ нимъ подъ націоналистическимъ знаменемъ, подъ которое онъ сталъ самъ и подъ которое приглашаетъ стать «русскія прогрессивныя партіи». Охотниковъ служить «славянской идеѣ» и вести «борьбу противъ германизма» оказалось достаточно, и среди этихъ охотниковъ, въ свою очередь, нашлось немало желающихъ возстановить «правду» въ славянскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ, въ обличеніяхъ нѣмецкой «неправды» мы за послѣднія недѣли недостатка не имѣли, и при этомъ очень часто подобныя обличенія исходили отъ такихъ людей, которые ровно ничего не имѣли и не имѣютъ противъ совершенно аналогичной русской «неправды». Недавно, напримѣръ, въ октябристскомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей гр. В. Бобринскій дѣлалъ сообщеніе на тему о томъ, существуетъ ли свобода совѣсти въ Австро-Венгріи. «Лекторъ—разсказывали объ этомъ сообщеніи газеты—привелъ цѣлый рядъ фактовъ въ доказательство беззастѣнчивости австрійскихъ властей по отношенію къ православному населенію. Переходъ изъ уніатства въ православіе, несмотря на разрѣшеніе закона, всячески затрудняется. Упорствующіе же подвергаются «драгонадамъ», административнымъ взысканіямъ и т. д. Въ дѣлахъ, касающихся православныхъ, судъ проявляетъ сервилизмъ передъ властью» *). Уже по этому газетному сообщенію можно видѣть, что гр. Бобринскій и его товарищи способны проявлять не меньшую чуткость къ нарушенію гражданскихъ правъ славянскаго населенія Австріи, чѣмъ гг. Маклаковъ и Родичевъ. Но дальнозоркость, позволяющая названнымъ дѣятелямъ такъ хорошо замѣчать недостатки австрійскаго государственнаго механизма, страннымъ образомъ соединяется у нихъ съ близорукостью, мѣшающей имъ видѣть то, что происходитъ гораздо ближе къ нимъ, передъ самыми ихъ глазами.

Въ Австро-Венгріи нѣтъ полной свободы совѣсти, и это очень огорчаетъ гр. Бобринскаго. Пусть такъ. Но что дѣлается въ этой области въ Россіи? На дняхъ въ газетахъ появилось такое сообщеніе изъ Елисаветграда: «Мѣстные евангельскіе христіане оштрафованы по 50 р. и посажены подъ арестъ за молитвенное собра-

---

*) „Рѣчь", 31 октября.

ніе» *). Быть можетъ, такія сообщенія—а ихъ за послѣднее время появилось уже не мало — говорятъ о движеніи Россіи къ свободѣ совѣсти? Или, быть можетъ, объ этомъ говорятъ тѣ газетныя сообщенія, которыя изображаютъ перемѣны, происходящія въ послѣднее время въ положеніи русскихъ евреевъ? Минувшей весной харьковская губернская администрація распорядилась воспретить евреямъ жительство въ дачныхъ мѣстностяхъ вокругъ г. Харькова **). Тогда же было воспрещено евреямъ жительство на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и пріѣзжавшіе туда на лѣченіе больные евреи, по разсказамъ газетъ, «массами выселялись подъ конвоемъ полиціи» ***). Усиленно выселяютъ евреевъ въ текущемъ году и изъ всей Сибири, при чемъ «среди выселяемыхъ имѣются и такіе, которые прожили въ одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ» ****). Казалось бы, все это факты, имѣющіе прямое отношеніе къ вопросу о свободѣ совѣсти, но не слышно было, чтобы гр. Бобринскій и его единомышленники сколько-нибудь интересовались ими и выражали по поводу ихъ хотя бы чисто платоническое огорченіе.

Не такъ давно, около мѣсяца тому назадъ, было опубликовано высочайше утвержденное положеніе совѣта министровъ, предписывающее «въ отношеніи пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ консерваторій Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, постановить, что въ тѣхъ изъ упомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ не имѣется точныхъ по сему предмету указаній въ подлежащихъ уставахъ и положеніяхъ, соблюдаются слѣдующія процентныя, по отношенію къ общему числу учащихся, нормы: 3 процента для столичныхъ учебныхъ заведеній, 5 процентовъ для находящихся въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи внѣ черты еврейской осѣдлости и 10 процентовъ въ районѣ сей осѣдлости». До послѣдняго времени у насъ не существовало закона, устанавливавшаго процентную норму евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Норма эта устанавливалась лишь министерскими циркулярами, которые не могли быть приравнены къ закону. Теперь такой законъ появился, помимо Думы, хотя, какъ будто, и существуетъ правило, по которому ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ согласія Думы. Но Государственная Дума, столь озабоченная, по увѣреніямъ г. Маклакова, охраненіемъ «національнаго достоинства» и столь ревниво относящаяся, даже въ лицѣ своихъ откровенно реакціонныхъ членовъ, къ нарушеніямъ свободы совѣсти въ Австро-Венгріи, повидимому, совершенно не замѣтила закона, изданнаго помимо ея вѣдома въ Россіи и представляющаго собою новый и весьма

*) „Рѣчь", 16 октября.
**) „Совр. Слово", 29 апрѣля.
***) „Совр. Слово", 1 мая.
****) „Евр. Извѣстія", 30 апрѣля.

рѣшительный шагъ по пути ограниченія свободы совѣсти русскихъ гражданъ.

Наши отечественные консерваторы настойчиво приглашаютъ Россію защищать права славянъ, и либеральные ораторы, въ лицѣ гг. Маклакова, Родичева и ихъ товарищей, съ своей стороны подтверждаютъ, что «Россія 17 октября» непремѣнно должна взять на себя эту задачу. Но гдѣ, собственно, находится страна, торжественно именуемая «Россіей 17 октября»? Этотъ вопросъ, пожалуй, не такъ уже легко разрѣшить. Варшавская администрація, сообщали недавно газеты, не разрѣшила «мѣстному русскому союзу, основанному на началахъ манифеста 17 октября», устроить торжественное собраніе въ годовщину этого манифеста *). И варшавская администрація въ этомъ случаѣ не была одинока. По свѣдѣніямъ газетъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заблаговременно былъ разосланъ всѣмъ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ циркуляръ, предписывавшій не допускать устройства какихъ бы то ни было митинговъ, собраній, шествій и манифестацій въ день 17 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерскій циркуляръ предписывалъ мѣстнымъ властямъ не допускать въ день 17 октября какихъ бы то ни было забастовокъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, равно какъ на фабрикахъ и заводахъ **). «Россія 17 октября», лишенная возможности чѣмъ бы то ни было ознаменовать день 17 октября, представляла собою, несомнѣнно, весьма любопытное зрѣлище, но, повидимому, это зрѣлище нисколько не задѣвало чувства «національнаго достоинства» большинства дѣятелей третьей Думы, и они, очевидно, находили такое зрѣлище вполнѣ нормальнымъ. Съ другой стороны, и новоявленнымъ либеральнымъ націоналистамъ это зрѣлище, казалось бы, достаточно поучительное, нисколько не помѣшало произносить громозвучныя рѣчи о величіи международныхъ задачъ, какія предстоитъ сейчасъ разрѣшить «Россіи 17 октября». И шумный паѳосъ этихъ рѣчей какъ будто не оставлялъ возможности самимъ ихъ авторамъ оглянуться вокругъ и спросить себя, кто же собственно и какими средствами будетъ выполнять восхваляемыя ими задачи. А между тѣмъ этотъ вопросъ могъ бы оказаться далеко не празднымъ.

Гр. Бобринскій и его товарищи изъ націоналистическаго лагеря склонны горько жаловаться на «сервилизмъ суда» въ Австріи и на стѣсненіе австрійскимъ правительствомъ свободы славянскаго общественнаго мнѣнія. Но и въ этомъ случаѣ они опять-таки хорошо видятъ вдаль и какъ будто совсѣмъ не замѣчаютъ того, что дѣлается въ непосредственной близости къ нимъ. А замѣчать, казалось бы, есть что. Недавно, по словамъ газетъ, въ Думѣ пере-

*) „Рѣчь", 17 октября.

**) „Вечеръ", 8 октября.

давали, что ярославскій губернаторъ Римскій-Корсаковъ разослалъ циркулярное предписаніе волостнымъ правленіямъ о томъ, чтобы послѣднія не смѣли выписывать такихъ крамольныхъ газетъ, какъ «Биржевыя Вѣдомости» и «Голосъ Москвы» *). Если-бы нѣчто подобное случилось въ Босніи или Герцеговинѣ, гр. Бобринскій, несомнѣнно, былъ бы очень взволнованъ. Но рѣчь идетъ не о боснякахъ или герцеговинцахъ, а всего лишь объ ярославскихъ крестьянахъ, и о волненіи гр. Бобринскаго ничего не слышно. Не взволнуетъ его, конечно, и приговоръ харьковской судебной палаты, о которомъ недавно сообщали газеты. Въ харьковской палатѣ слушалось дѣло гг. Ошерова, Исаева, Степанскаго и Моравскаго, обвинявшихся по 102 статьѣ уголовнаго уложенія за принадлежность къ лохвицкой организаціи соціалъ-демократической партіи. Между прочимъ, по отношенію къ одному изъ подсудимыхъ, г. Моравскому, обвиненіемъ было установлено только то, что онъ, будучи секретаремъ названной организаціи, разсылалъ во время предшествовавшей выборамъ въ Государственную Думу агитаціи воззванія о выборѣ кандидатами въ выборщики лицъ по списку с.-д. партіи, при чемъ воззванія эти сами по себѣ ничего преступнаго въ себѣ не заключали. Несмотря на это, Моравскій, какъ и всѣ другіе подсудимые, былъ присужденъ палатой къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе **). Этотъ судебный приговоръ создаетъ, несомнѣнно, весьма любопытное положеніе. Извѣстная партія можетъ даже засѣдать въ Государственной Думѣ, но, если эта партія не легализована правительствомъ, то лица, содѣйствовавшія выбору ея кандидатовъ, уже въ силу одного этого оказываются въ глазахъ властей преступниками. При такихъ условіяхъ самые выборы въ Думу являются чѣмъ-то въ родѣ ловушки, подставляемой населенію на предметъ извлеченія изъ его среды преступныхъ элементовъ. И тѣмъ не менѣе можно безошибочно предсказать, что такіе результаты выборовъ въ третью Думу нисколько не взволнуютъ большинство ея дѣятелей. Вѣдь рѣчь идетъ опять-таки не о Босніи и Герцеговинѣ, а всего только о Россіи, которая «къ нарушеніямъ закона привыкла» и для которой всего важнѣе «единеніе и дружба на національной идеѣ». Другое дѣло, если бы рѣчь шла о признаніи русскимъ правительствомъ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи. Тогда правительству, если вѣрить гр. Бобринскому, «слѣдовало бы немедленно распустить третью Думу и всѣхъ ея членовъ арестовать» ***).

Россія должна служить «славянской идеѣ». Это не устаютъ на разные лады повторять и гр. Бобринскій, и г. Красовскій, и многіе другіе ихъ единомышленники, усердно зовущіе Россію защищать славянъ отъ Австріи. Но какъ складывается подъ аккомпани-

*) „Рѣчь", 14 октября.
**) „Рѣчь", 29 октября.
***) „Рѣчь", 17 октября.

ментъ этихъ призывовъ жизнь славянскихъ народовъ въ самой России въ рамкахъ того режима, сохраненіемъ и укрѣпленіемъ котораго дѣятельно озабочены гр. Бобринскій и его товарищи?

Быть можетъ, лучшею иллюстраціей къ этому вопросу является школьная исторія, только что разыгравшаяся въ Варшавѣ. За послѣднее время въ Варшавѣ было нѣсколько случаевъ нападеній на русскихъ студентовъ, поступившихъ въ мѣстныя высшія учебныя заведенія, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ бездѣйствовавшія вслѣдствіе оставленія ихъ польскою молодежью. Во всѣхъ случаяхъ такихъ нападеній таинственные виновники ихъ оставались неразысканными полиціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ появились прокламаціи, выпущенныя отъ имени никому неизвѣстнаго «народнаго рабочаго союза» и приглашавшія населеніе къ «безпощадному бойкоту» русскихъ студентовъ. Въ отвѣтъ на эти прокламаціи варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ 14 октября напечаталъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» особое оффиціальное сообщеніе. «Я не вѣрю пока,—говорилъ онъ въ этомъ сообщеніи—чтобы все польское общество могло сочувствовать, а тѣмъ болѣе содѣйствовать дикой кулачной расправѣ надъ учащимися. Культурность польскаго общества, казалось бы, должна его предостеречь отъ подобнаго варварскаго пріема, а присущая полякамъ любовь къ родинѣ не можетъ не привести ихъ къ сознанію, что, чѣмъ больше они, подданные русскаго государства, будутъ ополчаться противъ русской школы, тѣмъ быстрѣе будетъ умаляться возможность полученія изъ рукъ того же государства (а изъ другихъ рукъ получить невозможно) прочныхъ гарантій дальнѣйшаго сохраненія частной польской школы. Бойкотъ русской школы приведетъ не къ защитѣ польской, какъ заблуждаются насильники, а наоборотъ—къ ея гибели». Генералъ-губернаторъ высказывалъ предположеніе, что «безумная и преступная мысль бойкота вышла отчасти изъ среды незрѣлой молодежи, не отдающей себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, частью же изъ подонковъ общества». «Этимъ преступнымъ, какъ въ глазахъ правительства, такъ и самого общества отщепенцамъ—продолжалъ онъ—открыто объявляю, что безнаказаннымъ я не оставлю ни одного прямого или косвеннаго насилія надъ учащимъ или учащимся въ русской мѣстной школѣ. Отвѣтъ будутъ нести всѣ, какъ непосредственные виновники, такъ и ихъ пособники, укрыватели и даже пассивно относящіеся къ происходящему на ихъ глазахъ насилію. Въ мѣрахъ же наказанія я не остановлюсь предъ самыми крайними степенями. Помните, что чрезвычайная охрана существуетъ и военные суды будутъ дѣйствовать и впредь».

Польская печать не замедлила отозваться на это удивительное сообщеніе. На другой же день во всѣхъ главныхъ варшавскихъ газетахъ появились статьи, указывавшія, что польское общество не имѣетъ ничего общаго съ террористическими нападеніями на русскихъ студентовъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ни польское обще-

ство, ни польская школа не могутъ нести и отвѣтственности за эти нападенія. Тѣмъ не менѣе, хотя никакихъ новыхъ нападеній на русскихъ студентовъ не произошло, 15 же октября состоялось постановленіе генералъ-губернатора Скалона о закрытіи 16 польскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, благодаря чему около 6-ти тысячъ дѣтей были выброшены изъ стѣнъ школы на улицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ объявилъ, что въ случаѣ повторенія нападеній на русскихъ студентовъ будутъ закрыты всѣ польскія школы въ Варшавѣ, а затѣмъ и во всемъ краѣ. Польская печать встрѣтила эту мѣру отзывами, исполненными глубокаго недоумѣнія. Различные органы варшавской прессы въ одинъ голосъ указывали на то, что предшествовавшее этой мѣрѣ сообщеніе генералъ-губернатора, при всѣхъ содержавшихся въ немъ угрозахъ, все же носило лишь характеръ предупрежденія, обращеннаго къ обществу, и не давало возможности предполагать немедленнаго примѣненія къ польской школѣ репрессій, вовсе къ тому же не заслуженныхъ ею и являющихся тяжелымъ ударомъ для всей польской націи. Прошло нѣсколько дней, и въ варшавскихъ газетахъ появилось заявленіе представителей трехъ польскихъ политическихъ партій: національной демократіи, партіи реальной политики и польскаго прогрессивнаго объединенія. Въ этомъ документѣ представители названныхъ партій заявляли, что, согласно ихъ взгляду, «польское общество въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію своихъ національныхъ нуждъ и къ расширенію своихъ правъ, не можетъ прибѣгать къ некультурнымъ средствамъ и тѣмъ болѣе къ насилію ни въ какой формѣ и ни въ какой области», что польская школа имѣетъ своей задачей «воспитывать молодежь въ любви къ родной землѣ, не прививая при томъ чувства какой-либо ненависти», и что они, будучи вполнѣ освѣдомлены о такомъ именно духѣ польской школы, «положительно высказываются противъ того, чтобы на все польское общество и на польскія школы возлагаема была отвѣтственность за преступныя дѣянія отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ внѣ вліянія и дѣйствующихъ вопреки идеямъ и взглядамъ общества и съ явнымъ для него вредомъ». На другой день послѣ этого, 21 октября, въ «Варшавскомъ Дневникѣ» было опубликовано новое сообщеніе генералъ-губернатора.

«14 октября,—говоритъ онъ здѣсь,—я обратился къ польскому обществу съ призывомъ воздѣйствовать на прекращеніе возраставшаго бойкота мѣстной русской школы. Какъ бы въ отвѣтъ на это, нѣкоторыя польскія газеты въ тотъ же вечеръ, а другія впослѣдствіи заявили, что общество помочь бѣдѣ не можетъ, что оно безсильно и находится въ безвыходномъ положеніи.

«Видя въ этомъ заявленіи прискорбный фактъ уклоненія отъ желаемаго, въ интересахъ самого же общества воздѣйствія, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ административной репрессіи, возможности примѣненія которой часть общества, повидимому, еще не вѣрила даже по прочте-

ніи моего воззванія. На слѣдующій же день 16 среднихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ были закрыты.

«16 октября одной польской депутаціи, явившейся съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ открытіи школъ, я поручилъ отвѣтить, что пока общество устами своихъ политическихъ вождей не будетъ имѣть мужества гласно осудить бойкотъ государственной школы, независимо отъ формъ его проявленія, до тѣхъ поръ объ удовлетвореніи этого ходатайства не можетъ быть и рѣчи.

«Вчера въ мѣстныхъ польскихъ газетахъ опубликовано отъ имени всѣхъ польскихъ явныхъ политическихъ партій воззваніе, осуждающее бойкотъ „въ какой бы то ни было формѣ и области".

«Привѣтствуя этотъ знаменательный актъ, какъ неопровержимое доказательство торжества трезвой политической мысли польскаго общества надъ остатками потухающей вѣры въ самоуправство, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что со вчерашняго дня молодежь, желающая учиться въ государственной школѣ, пріобрѣла новую гарантію своей физической и духовной неприкосновенности, болѣе прочную, чѣмъ полицейскія мѣры или огульныя суровыя репрессіи. Этою новою гарантіею является теперь защита, порука самого общества.

«Въ виду такого поворота дѣла я сегодня же распорядился открытіемъ всѣхъ закрытыхъ въ Варшавѣ польскихъ учебныхъ заведеній».

Для ген. Скалона при обуревающей его административной энергіи, видимо, не существуетъ трудныхъ положеній. Все для него представляется въ высшей степени простымъ и яснымъ. Нападаютъ на улицахъ Варшавы неизвѣстные люди на русскихъ студентовъ, и полиція не можетъ разыскать виновниковъ этихъ нападеній,—можно возложить отвѣтственность за нихъ на все польское населеніе города и даже цѣлаго края и пригрозить закрытіемъ польскихъ школъ. Не нравятся генералъ-губернатору отзывы польскихъ газетъ объ этой угрозѣ, не вѣритъ часть польскаго общества въ ея осуществимость,—можно привести угрозу въ исполненіе. Просятъ представители польскаго общества отмѣнить нелѣпую огульную кару, наложенную на все населеніе за проступки таинственныхъ незнакомцевъ,—можно предварительно потребовать отъ «политическихъ вождей» общества отреченія отъ солидарности съ этими проступками и можно даже восхвалять полученное такимъ путемъ отреченіе, какъ прочную гарантію порядка, «болѣе прочную, чѣмъ полицейскія мѣры или огульныя суровыя репрессіи». И было бы, конечно, совершенно безполезно пытаться убѣдить ген. Скалона въ томъ, что разыскивать преступниковъ дѣло не общества, а полиціи, что институтъ круговой поруки давно отжилъ свое время и что недовольство генералъ-губернатора тономъ польскихъ газетъ во всякомъ случаѣ не должно отражаться на судьбѣ польскихъ школъ. Такая попытка была бы тѣмъ болѣе безполезна, что въ сущности вѣдь ген. Скалонъ лишь отражаетъ въ своемъ лицѣ общій порядокъ, лишь осуществляетъ въ своихъ пріемахъ управленія общую систему дѣйствующаго режима. И когда люди, поддерживающіе этотъ режимъ, въ который входятъ подобные опыты надъ польскимъ народомъ, одновременно утверждаютъ, что главное

назначеніе Россіи заключается сейчасъ въ томъ, чтобы служить «славянской идеѣ» и осуществлять «славянскую взаимность», невольно приходитъ на умъ, что они обманываютъ или сами себя, или кого-то другого. Въ дѣйствительности, вѣроятно, происходитъ и то, и другое.

Я взялъ лишь немногіе частные эпизоды современной русской жизни. Дѣло, конечно, не въ частныхъ эпизодахъ, и, если я все-таки позволилъ себѣ напомнить читателю нѣкоторые изъ нихъ, то лишь для того, чтобы на ихъ примѣрѣ нагляднѣе и рельефнѣе представить создавшееся въ нашей жизни общее положеніе. Націоналистическая проповѣдь въ современной русской общественной средѣ сохраняетъ то самое значеніе, которое было присуще ей всегда и вездѣ. Раздуваніе интереса къ внѣшнимъ задачамъ государства соединяется въ ней съ стремленіемъ уйти отъ задачъ, поставленныхъ развитіемъ внутренней жизни народа. Громкія рѣчи о «національномъ достоинствѣ» и «національной чести» прикрываютъ собою холодное равнодушіе къ нуждамъ и интересамъ народныхъ массъ, обращаемыхъ въ пассивное орудіе для достиженія цѣлей, не ими поставленныхъ и не вытекающихъ непосредственно изъ ихъ жизни. И такое положеніе дѣла нисколько не измѣняется, когда въ націоналистической пропагандѣ принимаютъ участіе и либеральные элементы. Послѣдніе при этомъ лишь дѣлаютъ шагъ впередъ навстрѣчу защитникамъ существующаго порядка, лишь помогаютъ имъ укрѣпить оберегаемыя ими позиціи или, по меньшей мѣрѣ, отвлечь вниманіе отъ этихъ позицій. Присоединяясь къ проповѣди «единенія и дружбы на національной идеѣ», либеральные дѣятели естественно переходятъ вслѣдъ затѣмъ къ призывамъ во имя этой идеи прекратить «рознь и распри» на соціальной почвѣ и тѣмъ самымъ начинаютъ служить дѣлу, прямо противоположному общественному прогрессу. Попытка въ критическій моментъ народной жизни отойти отъ роковыхъ вопросовъ, поставленныхъ ею, и подмѣнить ихъ задачами внѣшней политики не можетъ пройти безнаказанной и неизбѣжно влечетъ за собою перемѣну знамени.

Дѣло сводится въ данномъ случаѣ именно къ перемѣнѣ знамени. Если бы рѣчь шла только о расширеніи знакомства русскаго общества съ другими славянскими племенами и о созданіи идейнаго сближенія между ними, противъ этого, само собой разумѣется, нельзя было бы возражать. Мы имѣли бы передъ собою культурное предпріятіе, не менѣе цѣнное, чѣмъ и всякое другое, ему подобное. Но передъ нами происходитъ нѣчто совершенно иное, намъ ставится чисто политическая задача для текущаго момента и ее-то и приходится оцѣнивать. Для такой оцѣнки стоитъ лишь вспомнить наше недавнее прошлое. Всего четыре года тому назадъ, громадное количество нашихъ общественныхъ дѣятелей громко выражало убѣжденіе, что при существующихъ въ Россіи порядкахъ «дальше жить нельзя». Теперь, когда тѣ же самые по-

рядки не только сохранились, но и достигли небывалой степени напряженія, когда вся громадная страна вплоть до послѣдняго ея уголка мечется въ судорогахъ отчаянія и стонетъ подъ неслыханнымъ еще гнетомъ произвола и насилія, часть тѣхъ же дѣятелей увѣряетъ насъ, что въ существующихъ условіяхъ не только можно жить, но можно переживать «національное возрожденіе» и должно ставить странѣ «задачу единенія на національной идеѣ» въ цѣляхъ разрѣшенія славянскаго вопроса. И самую постановку такой задачи передъ нами оправдываютъ тѣмъ, какъ это сдѣлалъ хотя бы г. Маклаковъ въ не разъ уже цитированной мною лекціи, что, проповѣдуя возрожденіе національзма, «мы беремъ изъ рукъ реакціи это знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, какъ это назвалъ одинъ русскій писатель» *). Но если вражескія знамена и берутъ, то вѣдь не для того, чтобы подъ нихъ становиться, а лишь для того, чтобы сдать ихъ въ музей на память объ одержанной побѣдѣ. Стать же подъ чужое знамя можно, только уйдя изъ-подъ своего собственнаго, а это едва-ли можно считать серьезнымъ шагомъ къ побѣдѣ.

Сами либеральные дѣятели, перешедшіе въ националистическій лагерь, по всей видимости, склонны считать этотъ переходъ весьма серьезнымъ шагомъ, обѣщающимъ повлечь за собою большія послѣдствія. Но, глядя со стороны, трудно присоединиться къ этому мнѣнію. Не такъ ужъ много серьезнаго въ воинственномъ бряцаніи оружіемъ при нынѣшнемъ состояніи Россіи. Не особенно много серьезнаго и въ разговорахъ о «Россіи 17 октября», готовой идти на защиту славянъ, но высказывающей свои взгляды только устами ораторовъ, которымъ разрѣшила говорить полиція, и могущей осуществить свое желаніе только черезъ посредство г. Извольскаго. Не особенно серьезно, наконецъ, и самое возрожденіе идей славянскаго національзма, какъ будто происходящее среди одной, по крайней мѣрѣ, части нашей интеллигенціи. Почва, на которой эти идеи могли прочно укореняться и давать пышные цвѣты, давно исчезла изъ нашей духовной жизни, и теперь онѣ врядъ-ли смогутъ оказаться у насъ особенно долговѣчными. Правда, рѣчи нашихъ новоявленныхъ проповѣдниковъ славянскаго національзма полны громкаго паѳоса, но это паѳосъ особаго рода, немного сродни тому, съ которымъ пишутся теперь даже балетныя рецензіи.

На-дняхъ мнѣ случилось прочитать въ одной большой и серьезной петербургской газетѣ необыкновенно патетическую замѣтку объ исполненіи балета «Дочь Фараона». Вся эта замѣтка, написанная, очевидно, спеціалистомъ балетнаго дѣла, была полна глубокаго чувства, но съ особенной силой паѳосъ автора прорывался въ заключительныхъ строкахъ. «Г-жа Эдуардова, исполнявшая

*) „Рѣчь", 2 ноября.

«Неву»,—горестно указывалъ авторъ замѣтки — совершенно не знаетъ, что такое «русская». Неужели послѣ Л. П. Радиной нѣтъ болѣе никого на эти роли? Скоро хотятъ возобновить «Русалку». Кто же будетъ исполнять славянскій танецъ?» *).

Я не знаю, кто будетъ исполнять «русскую» въ «Дочери Фараона» и «славянскій танецъ» въ «Русалкѣ», но въ нашей общественной жизни есть теперь много охотниковъ исполнять и «славянскій танецъ», и «русскую». Если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, члены третьей Думы собираются даже вскорѣ устроить въ залахъ Дворянскаго собранія цѣлый костюмированный славянскій балъ. Но танцами все-таки не разрѣшить ни славянскаго вопроса, ни вопросовъ русской жизни. Танцы смотрятся и забываются. А суровая жизнь идетъ своей дорогой и дѣлаетъ свое дѣло.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Сергѣй Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. Книгоиздательство „Грифъ". Москва. 1908. Ц. 1 руб.

Въ книжкѣ г. Ауслендера собрано нѣсколько историческихъ разсказовъ, въ которыхъ значительныя историческія событія отступаютъ на заднiй планъ, рисуясь въ отдаленной перспективѣ, чтобы уступить первое мѣсто душевной жизни людей стараго времени, ихъ бытовой обстановкѣ, ихъ повседневному обиходу. Въ детальномъ изображеніи послѣдняго авторъ проявляетъ извѣстную настойчивость; чувствуется, что онъ старался узнать то, чему хочетъ учить другихъ, чувствуется, что онъ начитанъ. Къ сожалѣнію, послѣднее чувствуется слишкомъ сильно—настолько сильно, что заглушаетъ всякое иное впечатлѣніе, которое могли бы произвести разсказы г. Ауслендера. Болѣе всего эта чрезмѣрная книжность, эта надоѣдливая литературность проявляется въ невыносимо искусственной манерѣ, въ которой авторъ излагаетъ свои повѣствованія. Онъ разсказываетъ не такъ, какъ разсказываютъ теперь; онъ старается воспроизвести обстоятельную манеру стариннаго разсказчика и, кажется, въ этомъ воспроизведенiи старой книжной формы разсказа заключается для г. Ауслендера задача его творчества и смыслъ его произведеній. Иногда это подражаніе ему удается, иногда вмѣстѣ съ манерой стараго повѣствованія оно

*) «Рѣчь», 21 октября.

схватываетъ кой-что и изъ настроеній разсказчика; иногда мелочи обстановки и обихода, намѣченныя имъ, мелькаютъ, какъ напоминаніе объ интимной жизни прошлаго. Но все это мелочи; мелка манера г. Ауслендера, мелки его литературные интересы, однообразны его пріемы, и не только его разсказы, но и его герои надоѣдливо похожи одинъ на другого. Онъ разсказываетъ не отъ своего имени—разсказчикомъ является то французъ эпохи великой революціи, то авторъ «Занятной книги любовныхъ и трагическихъ приключеній», то новеллистъ изъ итальянскаго Возрожденія, то нѣкто, причастный еще живому міру эллинизма,—но всѣ они разсказываютъ на одинъ ладъ, стараясь показать, что это ладъ старинный, разсказываютъ протяжно, обстоятельно, въ весьма распространенныхъ и длительныхъ фразахъ съ вводными эпизодами и многочисленными придаточными предложеніями, построенными не всегда грамматично, но, тѣмъ болѣе, архаично. Такимъ образомъ, героемъ занятныхъ новеллъ г. Ауслендера является для автора по преимуществу сочиненный разсказчикъ. Во всемъ этомъ чувствуется больше теоріи и моды, чѣмъ дѣйствительно творческой внутренней необходимости.

«Издали слѣдуя за Монклеръ, я вздрогнулъ отъ неожиданности, когда въ узенькомъ темномъ коридорѣ двѣ нѣжныя руки обвились вокругъ моей шеи, и, цѣлуя со смѣхомъ, она, видимо хорошо знавшая расположеніе дома, увлекла меня въ маленькую, совершенно такую же, какъ въ которой я переодѣвался, комнату, изъ всей мебели имѣвшую одинъ столъ, что, впрочемъ, не слишкомъ затруднило насъ».

Въ этой взятой безъ большихъ поисковъ фразѣ весь г. Ауслендеръ съ его миленькой манерностью, миленькой сверхкультурностью, миленькимъ безстыдствомъ. Любовными соединеніями—на столѣ или подъ столомъ—богатъ каждый его разсказикъ, и каждое изъ нихъ изображено съ такой же божественной скромностью, какъ въ приведенной фразѣ. Первобытная наивность безгранично свободнаго и естественнаго существа должна проникать всѣ эти разсказы, изъ которыхъ ни одинъ не ведется отъ лица нашего современника. Но не здоровый и могучій въ порывахъ своего первобытнаго темперамента человѣкъ свободнаго отъ морали прошлаго смотритъ на насъ изъ этихъ разсказовъ, а скорѣе испорченный мальчуганъ современнаго большого города. Онъ «позволяетъ себѣ», онъ старается, онъ мудритъ, онъ литературничаетъ—и объ этомъ надо жалѣть, потому что у него есть маленькое дарованіе, есть вкусъ, есть историческая угадка. Жаль, что онъ не идетъ дальше безпредметнаго эстетизма, дальше салонно-иммиоральныхъ бездѣлушекъ, дальше рѣшенія стилистическихъ задачъ, которыя, право, не такъ замысловаты, какъ кажется ему самому.

А. А. Измайловъ. Кривое зеркало. Пародіи и шаржи. Изд. журнала „Театръ и Искусство". Спб. 1908. Стр. 179. Ц. 1 р.

Содержаніе веселой книжки г. Измайлова не только забавно, но и поучительно. Съ даромъ критическаго здравомыслія онъ соединяетъ недурное умѣніе владѣть стихотворной и беллетристической формой—и, пародируя, язвитъ каррикатурой то, съ чѣмъ борется въ легкой прозѣ своихъ критическихъ статей. Задача его была не трудна: поэты, избранные имъ, въ большинствѣ случаевъ такъ далеко идутъ въ экстравагантности своихъ измышленій, что сами переступаютъ роковую грань. Не даромъ въ вольномъ подражаніи г-жѣ Зинаидѣ Гиппіусъ поэтесса у г. Измайлова говоритъ:

На себя сама строчу
Злѣйшія пародіи...

А вмѣсто пародіи на критическое глубокомысліе г. Андрея Бѣлаго г. Измайловъ просто взялъ подлинную цитату изъ критической статьи этого автора, напечатанной въ № 5 «Вѣсовъ» за текущій годъ: и здѣсь подлинникъ вышелъ злѣе всякой пародіи. Конечно, настоящей злости нѣтъ у г. Измайлова—и его благодушіе позволяетъ ему съ одинаковымъ успѣхомъ пародировать и Вячеслава Иванова, и Тургенева. Его литературная сатира не убиваетъ, надъ его шаржемъ осмѣянный авторъ можетъ посмѣяться вмѣстѣ съ читателемъ. Но эти пародіи способны служить не только забавѣ; утрируя, онѣ выясняютъ среднему читателю слабыя стороны осмѣянныхъ авторовъ; онѣ показываютъ, какъ много банальности, манеры и условности въ томъ, что подчасъ прикидывается свободнымъ творчествомъ, какъ мало подлинной индивидуальности какъ разъ въ томъ, что во имя индивидуализма столь охотно попираетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе: не только законы морали и благопристойности, но—увы! также законы русской рѣчи и здраваго смысла. Здѣсь хороша шаржирующая насмѣшка г. Измайлова. Но и тамъ, гдѣ она изъ сатирической пародіи переходитъ въ просто забавляющее травести—напр., въ подражаніяхъ кургановскимъ анекдотамъ—даже въ этихъ безпредметныхъ образцахъ искусства для искусства она очень мила и способна не только вызвать веселый смѣхъ, но и научить кой чему. Лучше всего удаются г. Измайлову стихотворныя пародіи на современныхъ лириковъ; не разъ, вѣрно, будутъ цитированы его стихи «подъ Скитальца»:

Мнѣ вмѣсто головы дала природа молотъ,
Не сердце въ грудь, а горнъ, не руки, а клещи.
Въ безумной роскоши тонулъ вашъ гнусный городъ,
А я ѣлъ щи!..

или «подъ Вячеслава Иванова»:

Эрота выспреннихъ и стремныхъ крыльяхъ на
Отъ мірныхъ пущъ въ волшбѣ мечты лечу далече.
Чувствъ пламныхъ посреди горю, какъ купина,
Съ тобой, безликой, алчу встрѣчи.

Удачны также циклы: «Любовь у старыхъ и новыхъ писателей» и «Исторія русской критики». Напрасно только въ послѣдней авторъ удѣляетъ мѣсто нѣкоему Россовскому, никому неизвѣстному рецензенту: если ужъ онъ рѣшилъ пародировать образцы современнаго критическаго хулиганства, то слѣдовало выбрать болѣе славныхъ его представителей. Но, конечно, не благодушной пародіи г. Измайлова бороться съ этой литературной скверной.

Р. Киплингъ. Избранные разсказы. Переводъ Н. П. А. подъ редакціей Ив. А. Бунина. Кн. I и II. Москва 1908.

Редіардъ Киплингъ писатель съ большими недостатками и съ еще большими достоинствами. Онъ воплотилъ въ себѣ хищную завоевательную сторону англійскаго генія. Если бы Гастингсъ и лордъ Клайвъ, завоеватели Индіи, писали повѣсти, они писали бы ихъ стилемъ Киплинга. Киплингъ не только завоеватель, это фибустьеръ и пиратъ, какъ увѣряютъ его противники. За то это пиратъ настоящій и доподлинный. Быть пиратомъ такъ весело. Киплингъ часто проливаетъ кровь, но никогда не проливаетъ воду. Основное правило Киплинга: «Не жди, чтобы тебя ударили, самъ первый ударь». Этимъ онъ напоминаетъ Горькаго. Но Горькій долженъ былъ спуститься до «дна», чтобы отыскать это правило у «бывшихъ людей». Въ Англіи этимъ правиломъ проникнутъ весь народъ и каждый отдѣльный человѣкъ. И благо этому народу, онъ не позволитъ наступить себѣ на ногу ни врагу своему, ни своему правительству. Киплинга называютъ шовинистомъ, но это шовинизмъ особенный, англійскій. При всѣхъ своихъ порокахъ, этотъ шовинизмъ, по крайней мѣрѣ, не совершаетъ покушеній съ негодными средствами, онъ устраиваетъ своему флоту Трафальгаръ, а не Цусиму, онъ совершаетъ жестокости, но не переходитъ мѣры, и бурскую войну заканчиваетъ примиреніемъ и свободнымъ бурскимъ парламентомъ. Киплинга называютъ также милитаристомъ, и въ этомъ есть правда. Но въ то же самое время онъ проникаетъ въ психологію военщины съ неожиданной глубиной и безстрашіемъ. Онъ срываетъ съ нея покровъ часто противъ воли и открываетъ ее передъ нами во всей звѣриной и необузданной наготѣ. Военныя картины Киплинга не забываются. Здѣсь есть всѣ моменты военной жизни: битва, грабежъ, пораженіе, дезертирство, бунтъ.

Съ другой стороны, Киплингъ воплотилъ въ себя также всю ширину англійскаго географическаго простора. Этотъ англійскій креолъ, рожденный въ Индіи и воспитанный въ Англіи, принесъ съ собою одно изъ важнѣйшихъ расширеній литературнаго поля, связанное со всей исторіей новѣйшей литературы. Ибо расширеніе литературнаго поля происходитъ по двумъ направленіямъ: вглубь, въ сторону болѣе широкихъ соціальныхъ слоевъ, и въ ширь, въ сторону покоренныхъ народностей и племенъ малоизвѣстныхъ. То

и другое совершается почти одновременно. Ибо такъ называемые «бѣднѣйшіе классы населенія» имѣютъ съ инородцами общую судьбу даже въ литературѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ фигурами въ лохмотьяхъ, съ голой грудью и засученными рукавами, являются другія фигуры въ тюрбанахъ и пестрыхъ мантіяхъ. Рядомъ съ бѣлыми людьми являются черные и желтые, рядомъ съ христіанами буддисты и язычники. Самыя краски мѣняются. Являются южные цвѣта, яркіе, брызжущіе солнцемъ: синее индиго изъ настоящей Индіи, алая марена съ Кавказа; являются краски полярныя, нѣжныя, дрожащія и призрачныя, отраженныя отъ глубокой прозрачности ледяныхъ горъ, или отъ дѣвственныхъ снѣжныхъ равнинъ. И литературы отдѣльныхъ народовъ сливаются и перемѣшиваются, и получается новое: литература всего человѣчества.

Индійскіе разсказы Киплинга,—одни изъ лучшихъ существующихъ въ литературѣ. Они простые, мудрые, страшные, прекрасные, какъ жизнь. Одни полны глубокаго внутренняго юмора. Другіе съ первыхъ двухъ словъ открываютъ предъ нами зловѣщую трагедію, возможную только на востокѣ. Самая манера письма у Киплинга сгущается еще больше, становится короткой, отрывистой, молніеносной. Его фразы, почти какъ вопли, которые вырываются изъ суроваго сердца въ порывѣ жестокой страсти. Въ то-же самое время Киплингъ вмѣстѣ съ Мопассаномъ и Чеховымъ представляетъ одну и ту же полосу въ развитіи литературы. Всѣ трое явились въ одно и то же время. Они какъ бы завершили эпоху наблюденія 19 вѣка и выбросили предъ нашими глазами необъятную груду человѣческихъ документовъ. Они какъ бы заранѣе знали, что послѣдующая эпоха будетъ меньше смотрѣть въ жизнь, и торопились подарить намъ свои неисчислимыя богатства. Мопассанъ, Чеховъ, Киплингъ,—каждый изъ нихъ характеризуетъ цѣлый народъ. Первые двое умерли рано. Мопассанъ отъ больного мозга, Чеховъ отъ больного сердца. Киплингъ живъ и здравствуетъ. Онъ сдѣланъ изъ болѣе грубого и прочнаго человѣческаго матеріала. Но, несмотря на несходство характеровъ, Киплингъ и Чеховъ близки многими частями своего творчества. Чиновничьи разсказы Киплинга во всемъ напоминаютъ Чехова. Иные изъ нихъ беззаботные, полные странныхъ сплетеній и причудливаго смѣха. Другіе болѣе жутки, болѣе трагичны. Это разсказы о неизвѣстныхъ людяхъ, заброшенныхъ въ глуши, живущихъ жалованьемъ, половину котораго приходится посылать роднымъ. Надъ ними сверкаетъ раскаленное небо Индіи. Кругомъ нихъ голодъ, холера, чума. Они заработываются до смерти, спиваются, умираютъ отъ заразы или отъ сумасшествія. Чеховъ описывалъ такими чертами жизнь земскихъ врачей, фельдшеровъ, учителей, страховыхъ агентовъ.

Поле наблюденій Киплинга поистинѣ громадное. Оно тянется отъ Лондона до Калифорніи и отъ Калькутты до Новой Зеландіи.

Англійскіе критики называютъ Киплинга «писателемъ въ пространствѣ». До послѣдняго времени онъ имѣлъ одновременно двѣ осѣдлости, одну въ Англіи въ графствѣ Вильтширъ, а другую въ Америкѣ, въ штатѣ Вермонтъ. Эту вторую осѣдлость репортеры окрестили «вороньимъ гнѣздомъ». Такъ называется въ морскомъ обиходѣ бочка, привязанная на верху корабельной мачты. Она носится по океану вмѣстѣ съ судномъ. Въ бочкѣ сидитъ матросъ. Его глаза вооружены подзорною трубою. Днемъ и ночью онъ наблюдаетъ за измѣненіемъ стихій. Киплингъ писатель-путешественникъ. Онъ описываетъ индійскія джунгли, американскія преріи, Суданъ, Бирму, Австралію, Капскую Землю. Все это онъ видѣлъ и посѣтилъ не разъ.

Точность наблюденій Киплинга не менѣе поразительна.

Вотъ четвертая серія его разсказовъ, знаменитая звѣриная серія. Онъ выводитъ передъ нами безконечно длинный рядъ животныхъ, каждое въ своей особой обстановкѣ, съ собственнымъ именемъ и собственными мыслями, даже съ оригинальнымъ языкомъ, который какъ будто хранитъ слѣды перевода съ подлиннаго звѣринаго языка. Вотъ Моугли, волчій братъ, мудрый удавъ Каа, ученый медвѣдь Балу, черная пантера Баггира; вотъ ручная серія, слуги королевы: Слонъ Двоехвостъ, вьючный мулъ Билли, обозный рабъ верблюдъ и тысячи другихъ.

Вотъ новая серія, пятая числомъ, разсказы изъ области механики, *локомотивъ № 007*, *судно*, *которое заговорило собственнымъ языкомъ*. Киплингъ неожиданно становится кочегаромъ, машинистомъ, корабельнымъ механикомъ и описываетъ каждую шестерню съ полнымъ знаніемъ дѣла. Машины у Киплинга не только слажены правильно и точно. Онѣ живутъ, рождаются, вступаютъ въ драку. У нихъ своя борьба, свое хвастовство.

У насъ въ Россіи мало знаютъ Киплинга, несмотря на значительное количество существующихъ переводовъ и изданій. Всѣ они случайны, разрознены и плохи. Худшія вещи переведены, напр.: «Копуко», «Наулака». Лучшія вещи остались безъ перевода. Почти всѣ переводы назначены для дѣтскаго чтенія, и сами переводчики называютъ ихъ не книгами, а книжками. А между тѣмъ Киплингъ, конечно, не только дѣтскій писатель. Переводить Киплинга трудно даже при хорошемъ знаніи англійскаго языка. Онъ употребляетъ десятки говоровъ и нарѣчій: англоиндійское, англо-американское и англо-австралійское, вставляетъ мѣстныя словечки и туземныя выраженія. Лучшія англійскія изданія снабжены даже словаремъ этихъ выраженій. Языкъ Киплинга такъ труденъ, что, по моему мнѣнію, переводить его могутъ только писатели-художники. Въ этомъ отношеніи Брюсовъ, Блокъ, Зайцевъ и другіе писатели ввели прекрасный обычай, который слѣдовало бы расширять и культивировать всѣми мѣрами.

Еще труднѣе дѣлать выборъ изъ Киплинга. Ему 43 года отъ

роду, но онъ написалъ 32 тома разсказовъ и стиховъ. Киплингъ— писатель неровный. Далеко не всѣ его повѣсти имѣютъ одинаковую цѣнность.

Чтобы дать русскимъ читателямъ понятіе о Киплингѣ, слѣдуетъ всѣ переводы расположить по серіямъ, чиновничьи разсказы особо, и военные особо, индійскіе особо и звѣриные также особо. Хотя, разумѣется, англійскія изданія не соблюдаютъ такого раздѣленія и придерживаются хронологическаго порядка.

Новое изданіе Киплинга, подъ редакціей Бунина, къ сожалѣнію, мало отличается отъ самыхъ плохихъ переводовъ прежняго времени. Разсказы надерганы случайно и перемѣшаны, какъ будто, нарочно. Напримѣръ, во второмъ томѣ, между двухъ военныхъ разсказовъ, помѣщенъ разсказъ «Въ лѣсу», который составляетъ окончаніе извѣстной «Книги о Джунгляхъ», хотя и написанъ позже. Въ отдѣльномъ видѣ его даже трудно понять. Тутъ же зачѣмъ-то помѣщенъ разсказъ: «Бывшій человѣкъ», одинъ изъ худшихъ у Киплинга, особенно ненужный для насъ, русскихъ. Онъ описываетъ возвращеніе англійскаго офицера, который будто бы былъ взятъ въ плѣнъ во время крымской кампаніи и сосланъ въ Челябинскъ (?). Въ этомъ разсказѣ фигурируетъ нелѣпый казачій офицеръ Дирковичъ, онъ произноситъ нелѣпыя слова, будто бы русскія, написанныя англійскими буквами. Почти третья часть повѣстей въ обоихъ томахъ принадлежитъ къ болѣе слабымъ изъ повѣстей Киплинга.

Языкъ переводовъ тяжелый, почти мучительный. Весь цвѣтъ и запахъ Киплинга пропалъ. Онъ сталъ вялымъ, прѣснымъ и соннымъ. Англійскіе солдаты въ руссомъ переводѣ разговариваютъ такъ: «Умри и будь проклятъ послѣ сего!» (т. II, стр. 277). Это Третьяковскій, а не Киплингъ. На каждомъ шагу попадаются самыя забавныя, самыя удивительныя ошибки. Copper городовой превратилось въ собственное имя Копэръ (т. II, 270). Infant— Малютка (такъ былъ прозванъ молодой офицеръ за свой огромный ростъ) тоже превратилось въ собственное имя—Инфантъ (т. II, стр. 125). Bluebeard—Синяя Борода опять-таки сдѣлалось собственнымъ именемъ, г. Блыобердъ, (т. II, стр. 258). Какая-то неистовая страсть къ собственнымъ именамъ. Бирманскіе офицеры попадаютъ въ черногорскую экспедицію, хотя въ Бирмѣ есть собственныя Черныя Горы, и дѣло идетъ именно о нихъ (т. II, стр. 125). Вмѣсто: фунтъ дикихъ сливъ переведено: фунтъ дикихъ перьевъ (т. I, стр. 276); переводчикъ смѣшалъ plums сливы и plumes перья. Lunatic, сумасшедшій, упорно переводится: лунатикъ.

— Благодарю тебя, Братъ внутренней Стражи, — сказалъ Крукъ, хладнокровный, какъ огурецъ безъ соли,—такъ говорятъ у переводчика ирландскіе офицеры (т. II, стр. 282).

— Каждый дѣйствуетъ на свой манеръ, равно какъ и ухаживаетъ за дѣвчонками (т. II, стр. 283),—такъ выражаются тамъ же

ирландскіе солдаты. «Равно какъ и»,—это стиль департаментскихъ бумагъ. Такіе переводы только отдаляютъ возможность знакомства русской публики съ настоящимъ, неискаженнымъ Киплингомъ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ II. Москва. 1908. Изд. „Научнаго Слова". Стр. 180. Ц. 1 р. 25 к.

Въ двухъ выпускахъ своей книги г. Айхенвальдъ даетъ почти полное обозрѣніе новой русской литературы. Конечно, многія ея явленія—даже изъ значительныхъ—еще не затронуты авторомъ, но случайности не чувствуется въ его выборѣ; есть, очевидно, планъ, который постепенно выполняется и будетъ законченъ. Правда, критическіе пріемы г. Айхенвальда даютъ возможность говорить о планѣ лишь съ нѣкоторой оговоркой. Въ лучшемъ случаѣ онъ даетъ лишь галлерею силуэтовъ, полную по составу, но разъединенную по выполненію. Онъ не историкъ литературы, онъ индивидуальный портретистъ; отдѣльныя фигуры крупныхъ и мелкихъ писателей чередуются у него безъ всякой взаимной связи, безъ всякой внутренней динамики: нѣчто вродѣ альбома портретовъ любимыхъ писателей. Перелистываешь такой альбомъ, здѣсь призадумаешься, тамъ любовнымъ взглядомъ остановишься на знакомомъ и миломъ лицѣ, тамъ отмѣтишь сходство, здѣсь отмѣтишь неудачу портретиста, выбравшаго точку зрѣнія, съ которой видно лишь случайное и побочное—и, захлопнувъ такой альбомъ, не пожалѣешь о минутахъ, проведенныхъ за нимъ. Кой-что онъ воскресилъ изъ забытаго, кой-что заронилъ новое. Лучше всего то, что г. Айхенвальдъ окидываетъ писателя общимъ взглядомъ, даетъ его общую характеристику, не разбрасываясь въ частностяхъ; поэтому для первоначальныхъ попытокъ уяснить себѣ обликъ писателя его книга можетъ служить полезнымъ пособіемъ. Наиболѣе выдающуюся способность автора составляетъ то, что называютъ способностью сочувственнаго переживанія,—и онъ охотно пользуется соотвѣтственными критическими пріемами. Онъ освѣщаетъ писателя изнутри, на время сливаясь съ нимъ духовно, претворяясь въ его личность, отказываясь на это время отъ своей, что не такъ трудно, такъ какъ она слаба и невыразительна. И перевоплотиться въ другого онъ, конечно, можетъ лишь въ слабой степени,—нельзя безнаказанно перевоплощаться во всѣхъ,—и оттого, какъ ни разнообразны облики писателей, взятыхъ г. Айхенвальдомъ, какъ ни различны ихъ отраженія въ его душѣ, все-таки, когда отойдешь отъ нихъ подальше, въ его характеристикахъ есть что-то безнадежно монотонное и нивеллирующее. Слабый и туманно-благодушный, онъ удѣляетъ Щербинѣ вниманіе, котораго тотъ не заслужилъ, и позволяетъ себѣ невинную роскошь безвреднаго «посягательства» на Тургенева и разноса Островскаго: и читатель полу-

чаетъ—невѣрное, конечно—впечатлѣніе, что Щербина ближе душѣ критика, чѣмъ Тургеневъ и Островскій.

Въ этомъ очеркѣ о Тургеневѣ, не лишенномъ мѣткихъ замѣчаній, есть нѣчто фатальное для г. Айхенвальда. Не только потому, что онъ не удержался въ своихъ обличеніяхъ и, какъ всѣ слабые, хватилъ черезъ край, не только потому, что онъ изъ-за деревьевъ не увидѣлъ лѣса и оказался явно несправедливымъ, но потому, что съ какой-то преувеличенной запальчивостью посягая на своего—охотно вѣримъ этому—любимаго писателя, онъ характеризуетъ себя больше, чѣмъ Тургенева. Онъ какъ будто нашелъ у Тургенева недостатки, общіе со своими, и оттого такъ яростно набросился на нихъ, бичуя себя. Когда г. Айхенвальдъ говоритъ, что Тургеневу «слѣдовало прямо выступить русскимъ Боккачіо», что онъ поверхностенъ, что онъ «не создалъ великихъ твореній», что «онъ Лизу сдѣлалъ религіозной, приказалъ ей такою быть, а не то, чтобы эта религіозность органически вытекала изъ ея души»,—то просто удивляешься несправедливости этихъ указаній, хочешь спорить. Но рядъ другихъ замѣчаній направляетъ мысль въ иную сторону. «Онъ говоритъ обо всемъ, у него и смерть, и ужасъ, и безуміе,—но все это сдѣлано поверхностно и въ тонахъ слишкомъ мелкихъ. Онъ вообще легко относится къ жизни, и даже оскорбительно видѣть, какъ онъ трудныя проблемы духа складно умѣщаетъ въ свои маленькіе разсказы, точно въ коробочки... Его мягкость—его слабость... Плавный, занятный, такой безукоризненный въ формѣ, тщательно выписывая детали, онъ удобенъ... Онъ бросаетъ намъ всякіе воланы—всѣ эти изреченія и афоризмы, которые притязаютъ, и часто безъ успѣха, на глубокомысліе и убѣдительность; онъ охорашивается, и свойственны ему литературное кокетство и манерность»... О комъ это? О г. Айхенвальдѣ? Здѣсь каждое слово подходитъ къ нему. Нѣтъ, это г. Айхенвальдъ о Тургеневѣ.

Всего любопытнѣе то, что никакъ нельзя назвать эту характеристику Тургенева невѣрной. Но она была бы вѣрна въ другихъ сочетаніяхъ, въ другой перспективѣ, въ другихъ устахъ. «Истина въ оттѣнкахъ»: подъ перомъ г. Айхенвальда вѣрныя замѣчанія о слабостяхъ Тургенева получили его фатальную акварельную легкость. «Онъ не имѣетъ паѳоса и подлинной серьезности. Онъ показалъ дѣйствительность, но прежде вынулъ изъ нея ея трагическую сердцевину». Если это можно сказать о Тургеневѣ, то со сколь большимъ правомъ должно замѣтить это о г. Айхенвальдѣ. Онъ серьезенъ, конечно, и добросовѣстенъ, и внимателенъ, и литературу любитъ, но именно «трагической сердцевины» у него нѣтъ ни слѣда и оттого, когда онъ говоритъ, что его посягательство на Тургенева «тяжелѣе всего самому посягающему», въ этихъ словахъ нѣтъ вѣса, нѣтъ значительности. Надо вѣрить—тяжело г. Айхенвальду, но немного вѣситъ

эта тяжесть, иначе онъ не жонглировалъ бы ею, не такой ужъ онъ богатырь. «Непріятно, что онъ краснорѣчивъ». О! какъ много—и именно простотѣ—могъ бы еще учиться г. Айхенвальдъ у Тургенева. Отъ этого непріятнаго привкуса краснорѣчія много теряетъ его книга, ибо это приподнятое, немножко московское краснорѣчіе вредитъ ея дѣйствію какъ разъ въ тѣхъ кругахъ, куда она должна идти. Есть люди, которыхъ надо ввести въ атмосферу литературы, которыхъ надо заразить лирикой литературнаго увлеченія: очерки г. Айхенвальда отлично восполняютъ эту пропедевтическую задачу. Отъ нихъ писатель становится если не яснѣе, то ближе нашему сердцу—и жаль, если это сближеніе бываетъ нарушено риторическимъ возгласомъ, манернымъ ухищреніемъ. Недурны въ книгѣ г. Айхенвальда также отдѣльныя замѣчанія, иногда тонкія и основательныя, напр.: «нельзя дѣлать предметомъ идилліи самого себя» или указаніе, что Тургеневъ «если и пишетъ съ натуры, то лишь на первыхъ порахъ, для первыхъ штриховъ, а затѣмъ онъ ее бросаетъ и ужъ дальше просто дедуцируетъ: выводитъ поступки героевъ изъ прежняго описанія, характеры изъ характеристики». Много хорошаго также въ очеркахъ, посвященныхъ Достоевскому и Толстому. Основанный на недоразумѣніи, впрочемъ, старомъ въ русской критикѣ, представляется намъ въ значительной части характеристика Щербины. Онъ считалъ себя по крови эллиномъ и писалъ эллинизирующія стихотворенія, и критика повѣрила его эллинству. Но игра воображенія играла здѣсь, конечно, неизмѣримо большую роль, чѣмъ кровное родство. Въ смѣшанной до безконечности крови южно-русскаго обывателя почему-бы съ такой отчетливостью выступила кровь древняго эллина? Но еще важнѣе то, что, быть можетъ, и не было ея совсѣмъ въ маріупольскихъ грекахъ, изъ среды которыхъ вышелъ Щербина; предполагаютъ, что это были огреченные готы. А россіянинъ Щербина по ошибкѣ счелъ себя потомкомъ древнихъ грековъ и воспѣвалъ прекрасный міръ своей мнимой родины—и критика строила и продолжаетъ строить свои заключенія на этомъ забавномъ заблужденіи: любопытный примѣръ произвола и случайности, господствующихъ до сихъ поръ въ критическихъ и историко-литературныхъ предположеніяхъ, смѣло выдающихъ себя за научную истину. Говорятъ о научной критикѣ: гдѣ ужъ тамъ! Хоть бы можно было говорить о критикѣ добросовѣстной и осторожной, и то ужъ было бы хорошо. Къ области послѣдней, несомнѣнно, относятся «Силуэты» г. Айхенвальда, при всѣхъ слабостяхъ и этого импрессіонистскаго жанра, и этого расплывчатаго выполненія.

Шеллингъ. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы.—Бруно, или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей. Пер. съ нѣмец. Спб. 1908. X+164 стр. ц. 1 р.

Шеллингъ принадлежитъ исторіи философіи. И, хотя несомнѣнно, что отъ его философіи въ настоящее время не осталось камня на камнѣ, тѣмъ не менѣе, всякому образованному человѣку будетъ весьма полезно ознакомиться по первоисточнику съ мыслями этого, нѣкогда столь могущественнаго «властителя думъ» начала XIX в. Впрочемъ, для насъ, русскихъ, Шеллингъ, пожалуй, имѣетъ и не одинъ историческій интересъ. Вѣдь существуетъ у насъ теперь цѣлая группа философовъ, открыто объявляющихъ себя учениками и послѣдователями Владиміра Соловьева. А что такое Владиміръ Соловьевъ, какъ не русское изданіе Шеллинга въ концѣ XIX в.?

Переводчики выбрали весьма удачно двѣ небольшія работы Шеллинга, которыя являются однѣми изъ важнѣйшихъ среди всѣхъ его трудовъ, и по которымъ вполнѣ можно составить себѣ понятіе о философскихъ пріемахъ автора. Первая изъ этихъ работъ трактуетъ «о сущности человѣческой свободы», вторая—«о божественномъ и естественномъ начала вещей».

Вопросъ о сущности человѣческой свободы приводитъ къ пресловутой проблемѣ о возникновеніи зла. Какъ извѣстно, на рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла потрачено не мало человѣческаго генія, а вопросъ этотъ такъ и остался-бы нерѣшеннымъ, если-бы въ концѣ концовъ, не догадались, что такого вопроса нельзя и задавать, и что если ужъ изслѣдовать вопросъ о происхожденіи, то, конечно, не о происхожденіи зла, а о происхожденія добра. Дѣйствительно, великимъ вопросомъ является вопросъ о возникновеніи нравственнаго чувства, чувства любви и долга, а существованіе зла, какъ физическаго, такъ и нравственнаго, не нуждается въ глубокихъ изысканіяхъ.

Но, конечно, подобный взглядъ, будучи вполнѣ естественнымъ для человѣка, стоящаго на научно-эволюціонной точкѣ зрѣнія, совершенно не пріемлемъ для сторонниковъ до-эволюціоннаго міровоззрѣнія. Для нихъ, напротивъ, проблема возникновенія зла являлась одной изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «прежде Бога и помимо Бога нѣтъ ничего» (стр. 26); затѣмъ, Онъ всемогущъ и всеблагъ. Какимъ-же образомъ возможно существованіе зла (какъ физическаго, такъ и нравственнаго) на землѣ? Невольно возникаетъ предположеніе, что Богъ или не можетъ уничтожить зло, но тогда, гдѣ-же Его всемогущество,—или Онъ не хочетъ уничтоженія зла, но тогда, гдѣ-же Его всеблагость! Что бы выпутаться изъ этой страшной дилеммы, нѣкоторые (напр., Лейбницъ) пытались доказать, что зла, собственно говоря, никакого и нѣтъ; что намъ лишь кажется, будто оно существуетъ, а, на самомъ дѣлѣ, зло имѣетъ лишь отрицательное существованіе, и все идетъ наилучше въ этомъ лучшемъ изъ воз-

можныхъ міровъ. Но стонъ страждущаго человѣчества былъ слишкомъ громокъ, чтобы можно было долго пребывать въ этой утѣшительной иллюзіи.

Для поверхностнаго взгляда могло казаться, что проблема эта рѣшается весьма просто принятіемъ существованія свободы воли. Богъ не хотѣлъ лишить человѣка его драгоцѣннѣйшаго сокровища: свободы и поэтому предоставилъ ему возможность поступать, какъ хорошо, такъ и худо. Но, не говоря уже о томъ, что при этомъ зло физическое лишь съ большими натяжками сводится къ грѣховности самого страждущаго человѣка,—даже самая возможность злоупотребленія человѣкомъ своей свободой, въ концѣ концовъ, плохо мирится со всемогуществомъ и всеблагостію Бога...

Въ такомъ, приблизительно, положеніи была проблема возникновенія зла, когда за ея рѣшеніе взялся Шеллингъ. И онъ далъ одно изъ самыхъ тонкихъ и остроумныхъ рѣшеній вопроса. И если это рѣшеніе, въ концѣ концовъ, лишь доказало остроуміе Шеллинга, но ничего не разъяснило, то причина этого, какъ мы знаемъ, заключается въ томъ, что и разъяснять было нечего, что самый вопросъ былъ мнимымъ вопросомъ...

Въ основу своего рѣшенія Шеллингъ кладетъ необычайно тонкое «различеніе между сущностью, поскольку она существуетъ, и сущностью, поскольку она есть только основаніе существованія» (стр. 25). Конечно, «прежде Бога и помимо Бога ничего не существуетъ» (стр. 26), и слѣдовательно, и зло не можетъ имѣть существованія, вполнѣ независимаго отъ Бога. Однако, «содержащаяся въ Богѣ основа его существованія не есть Богъ въ абсолютномъ смыслѣ, т. е. Богъ поскольку онъ существуетъ; ибо она—лишь основаніе его существованія. Она есть *природа въ Богѣ*, неотдѣлимая, правда, отъ него, но все-же отличная отъ него сущность» (стр. 26.).

Такимъ образомъ, Шеллингъ открылъ въ Богѣ сторону, правда, совершенно неотдѣлимую отъ Бога, но, все-таки, въ извѣстномъ смыслѣ чуждую ему. Легко догадаться, что именно эта сторона Бога и связана, по Шеллингу, со зломъ. Такимъ образомъ зло оказывается хотя и связаннымъ съ Богомъ, но съ той именно его частью, которая, собственно, не есть Богъ, а лишь основа его существованія.

Будемъ стоять на исторической точкѣ зрѣнія. Признаемъ остроуміе этого рѣшенія вопроса, которое въ свое время чаровало лучшіе умы Европы, и не станемъ подчеркивать того обстоятельства, что Шеллингъ, навязавъ себѣ съ самаго начала массу ничѣмъ не провѣренныхъ предпосылокъ, орудуя постоянно критически не провѣренными понятіями, заранѣе сдѣлалъ все, чтобы привести свою систему къ гибели.

Максъ Ферворнъ (профессоръ въ Геттингенскомъ университетѣ). **Механика душевной жизни.** Пер. В. Линдъ. М. 1908. 142 стр. ц. 50 к.

Весьма охотно рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту небольшую книжку извѣстнаго физіолога Макса Ферворна, который даетъ здѣсь популярное, но вполнѣ научное изложеніе вопроса о «механикѣ душевной жизни». Книжка эта является воспроизведеніемъ лекцій, читанныхъ авторомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ «Свободной Нѣмецкой Высшей Школѣ». Лекцій было пять и, соотвѣтственно, книга разбита на пять главъ: 1) Душа и тѣло; 2) Явленія, происходящія въ элементахъ нервной системы; 3) Явленія сознанія; 4) Сонъ и сновидѣнія; 5) Гипнозъ и внушеніе.

Приступая къ выясненію *механики* душевной жизни, авторъ, конечно, прежде всего, сталкивается съ возраженіемъ «гласящимъ, что о механикѣ можно говорить, когда дѣло идетъ о матеріальныхъ явленіяхъ, а душа есть нѣчто нематеріальное и, слѣдовательно, здѣсь говорить о механикѣ неумѣстно. Другими словами, авторъ, прежде всего, сталкивается со столь распространеннымъ дуализмомъ «души и тѣла». Опроверженію дуализма и защитѣ монизма поэтому и посвящена первая глава его книги. «Я утверждаю, - говоритъ онъ на стр. 14,—что дуализмъ души и тѣла въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Нѣтъ двухъ рядовъ явленій, физическаго и духовнаго, а есть только одинъ рядъ, все равно какъ бы его ни называли».

Авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ ученія о психо-физическомъ параллелизмѣ, матеріалистическаго монизма, монизма Спинозы, энергетики Оствальда и др. Всѣ эти точки зрѣнія онъ отвергаетъ, какъ не научныя, ибо единственную вещь, которую мы можемъ изучить, это—вопросъ объ условіяхъ возникновенія явленій. «Древній дуализмъ матеріи и духа, переданный намъ первобытными народами, въ дѣйствительности не существуетъ. Существуетъ только безконечное разнообразіе частей, входящихъ въ составъ міра и закономѣрно обусловливающихъ одна другую. Вслѣдствіе этого исчезаетъ также главная разница между такъ называемыми духовными науками и естествознаніемъ, хотя изъ практическихъ соображеній раздѣленія труда дифференціація общаго изученія на отдѣльныя, произвольно и условно разграниченныя области изслѣдованія является цѣлесообразной. Но принципы изслѣдованія въ послѣдней инстанціи должны быть во всѣхъ отрасляхъ одинаковы. Они состоятъ только въ изысканіи совокупности условій, необходимыхъ для возникновенія воспринимаемаго нами явленія или состоянія. Изучивъ ихъ, мы узнаемъ управляющіе имъ законы. Это и есть единственный научный путь, который открытъ намъ для анализа механики душевной жизни» (стр. 29—30).

Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, не связано-ли то пониманіе монизма, какое даетъ намъ авторъ, съ какими либо затрудненіями. Намъ здѣсь было важно лишь указать, съ какой

точки зрѣнія ведется нашимъ авторомъ изложеніе механики душевной жизни.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи нервно-психическихъ процессовъ, въ изложеніи обоихъ основныхъ процессовъ душевной жизни: явленія возбужденія и явленія задержки, у нашего автора нѣтъ ничего существенно новаго, но за то все его изложеніе ведется мастерски, съ полнымъ знаніемъ дѣла, при полномъ обладаніи предметомъ.

Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи. Пер. съ нѣм. С. Гессена, съ предисловіемъ автора къ русск. изд. Изд. Жуковскаго. Спб. 1908. XV—154 стр. Цѣна 75 коп.

Первыя двѣ главы книги Риккерта «содержатъ, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ русскому переводу, по возможности краткое и исчерпывающее изложеніе тѣхъ мыслей, которыя я подробнѣе изложилъ и обосновалъ въ моей книгѣ «О границахъ естественно-научнаго образованія понятій» (стр. XII). Риккертъ различаетъ два различныхъ типа наукъ: въ однѣхъ наукахъ, которыя онъ называетъ генерализирующими, методъ состоитъ «въ подведеніи частнаго подъ общее, въ образованіи общихъ родовыхъ понятій, по отношенію къ которымъ объекты являются экземплярами» (стр. 22). Сюда относятся, напр., физика, химія, ботаника, психологія и т. д. Въ другихъ, «индивидуализирующихъ» наукахъ, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло съ объектомъ во всей его индивидуальности и цѣлостности (напр., исторія земли, исторія такого-то вида, такой-то революціи). Такъ, напр., «всегда и всюду историкъ стремится понять историческій предметъ,—будь это какая-нибудь личность, народъ, эпоха, экономическое или политическое, религіозное или художественное движеніе, — понять его, какъ единое цѣлое, въ его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его такимъ, какимъ никакая другая дѣйствительность не сможетъ замѣнить его» (стр. 27—28). Понятно поэтому, что «объектами исторіи являются не ряды развитія вообще, но единичные и индивидуальные ряды развитія», а также, что «понятіе историческаго развитія и понятіе закона взаимно исключаютъ другъ друга» (стр. 36 и 37). Но Риккертъ согласенъ, что «всѣ элементы историческихъ сужденій и понятій общи», такъ что исторія «всегда прибѣгаетъ къ помощи общихъ понятій о дѣйствительности, пользуясь ими, какъ послѣдними элементами для своихъ индивидуальныхъ понятій, и лишь извѣстнымъ образомъ сочетая эти общіе элементы, она даетъ намъ индивидуализирующее изображеніе дѣйствительности» (стр. 38).

Индивидуализирующая наука рѣзко различается отъ генерализирующей еще и тѣмъ, что въ послѣдней существенное, интересующее изслѣдователя, «совпадаетъ съ общимъ, какъ таковымъ» (стр. 49), т. е. «съ тѣмъ, что обще извѣстному множеству объек-

товъ» (стр. 53), тогда какъ въ индивидуализирующей наукѣ неизбѣжный выборъ существеннаго производится на другихъ основаніяхъ. «Вслѣдствіе индивидуальности и необозримаго многообразія дѣйствительности, говоритъ Риккертъ, индивидуализирующее пониманіе ея не въ состояніи разсмотрѣть всего индивидуальнаго многообразія дѣйствительности... Историкъ всегда выбираетъ изъ содержанія своихъ объектовъ то, что для него существенно» (стр. 47), при чемъ выборъ основывается на предварительномъ признаніи цѣнности за опредѣленными объектами. «Исторически существенными, по словамъ Риккерта, могутъ стать лишь тѣ объекты, которые по отношенію къ общественнымъ или соціальнымъ интересамъ обладаютъ значеніемъ» (стр. 68). Къ такимъ «всеобщимъ цѣнностямъ» Риккертъ относитъ, напр., государство, экономическую организацію, искусство, религію и т. п. «Если процессъ реализаціи всеобщихъ соціальныхъ цѣнностей въ теченіе историческаго развитія мы назовемъ культурой, то тогда мы сможемъ сказать, что главнымъ предметомъ исторіи является изображеніе частей и цѣлаго культурной жизни человѣка» (стр. 68). При этомъ Риккертъ отличаетъ отъ «чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности» практическую оцѣнку объектовъ (положительную или отрицательную), и эту послѣднюю оцѣнку онъ также считаетъ неизбѣжной и необходимой. «Никто не можетъ писать или читать политической исторіи, говоритъ онъ, не ставя политическія цѣнности въ извѣстное отношеніе къ своимъ собственнымъ положительнымъ или отрицательнымъ оцѣнкамъ, т. е., не подходя вообще съ какой-нибудь оцѣнкой къ политическимъ вопросамъ». Именно этимъ историкъ, по словамъ Риккерта, и отличается отъ естествоиспытателя (стр. 63).

Кромѣ постановки задачъ исторіи, какъ особой науки, философія исторіи должна, по мнѣнію Риккерта, дать критерій для оцѣнки самихъ историческихъ цѣнностей и ихъ систематизированія .«Лишь найдя цѣнности съ внѣвременною значимостью, мы сможемъ, говоритъ Риккертъ, отнести къ нимъ всю массу эмпирически констатируемыхъ культурныхъ цѣнностей, возникшихъ въ теченіе историческаго развитія, и попытаться, систематизировавъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ критически отнестись къ нимъ» (стр. 110). Но, разумѣется, поскольку дѣло идетъ о такихъ «сверхъ-историческихъ» цѣнностяхъ, «основныя положенія философіи исторіи совпадаютъ... вообще съ основными положеніями философіи, какъ науки о цѣнностяхъ» (тамъ же). Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ отдѣлъ философіи исторіи, повидимому, теряетъ raison d'être, но Риккертъ этого вывода не дѣлаетъ. Наконецъ, третьей и послѣдней задачей философіи исторіи Риккертъ считаетъ изслѣдованіе: «какія изъ критически обоснованныхъ цѣнностей реализовались пока въ теченіе исторіи и на какія великія эпохи распадается весь этотъ процессъ реализаціи цѣнностей» (стр. 148). Но именно этимъ и занимается

обычная, эмпирическая исторія, и потому, опять таки, нѣтъ основаній для созданія особой дисциплины на ряду съ ней.

Наиболѣе цѣнной частью книги Риккерта являются, такимъ образомъ, его разсужденія о задачахъ и характерѣ исторической науки, но для русскаго читателя они совсѣмъ не новы, такъ какъ почти буквально повторяютъ положенія П. Л. Лаврова. Лавровъ различалъ соціологію, изучающую явленія повторяющіяся, отъ исторіи, имѣющей дѣло съ «эволюціей, совершающейся въ единственномъ экземплярѣ» («Задачи пониманія исторіи», 2-ое изд., стр. 15), при чемъ «для законовъ повторяющихся явленій важны именно тѣ элементы предмета или процесса, которые повторяются, и въ той степени, въ какой они повторяются» (стр. 85). Этотъ объективный критерій не примѣнимъ для исторіи, и потому въ ней необходимо «научное приложеніе субъективныхъ пріемовъ мышленія»— прежде всего «въ оцѣнкѣ сравнительной важности того или другого элемента культуры или тойили другой отрасли работы мысли въ опредѣленную эпоху». Другимъ приложеніемъ субъективныхъ пріемовъ мышленія является «признаніе того или другого элемента культуры или работы мысли здоровымъ или патологическимъ для опредѣленной эпохи» (стр. 84). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность Риккерту, Лавровъ считаетъ возможными законы исторіи, какъ законы необходимой послѣдовательности развитія. Лавровъ несомнѣнно правъ, ибо, если признать, какъ это и дѣлаетъ Риккертъ, что индивидуальные процессы представляютъ только сочетанія общихъ элементовъ, тогда и общій историческій процессъ представляетъ измѣняющееся сочетаніе этихъ элементовъ и, въ этомъ ряду можетъ быть открыта правильность. А потому возможны и историческіе законы. Къ сожалѣнію, пониманіе историческаго процесса, какъ измѣняющагося сочетанія болѣе или менѣе постоянныхъ элементовъ, очень мало затронуто Лавровымъ и Риккертомъ. Между тѣмъ, такое пониманіе ставитъ очень важный вопросъ о возможности объективнаго, количественнаго критерія при выборѣ процессовъ, заслуживающихъ вниманія. Историческое, такъ сказать, естествознаніе (напр., исторія земли) приблизительно и слѣдуетъ этому критерію, точно такъ же какъ и географія, которую Риккертъ относитъ къ тому же типу наукъ.

Въ общемъ книга Риккерта, написанная хорошимъ языкомъ, ясно и сжато, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, требуя, впрочемъ, нѣкоторой подготовки. Переводъ удовлетворителенъ, но мѣстами тяжеловатъ. Къ книгѣ приложенъ указатель нѣмецкой литературы по философіи исторіи и коротенькій списокъ русской.

Проф. В. М. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ. М. 1908 г. XVI+207 стр., ц. 1 руб.

Проф. Хвостовъ, юристъ по спеціальности, сравнительно недавно обратился къ этическимъ проблемамъ и стремится разрѣ-

шать ихъ въ духѣ религіозной философіи кн. С. Н. Трубецкого, памяти котораго онъ посвятилъ отдѣльную статью своего сборника. «Религіозное міровоззрѣніе Кн. Трубецкого, говоритъ г. Хвостовъ, произвело на меня сильное впечатлѣніе, и чѣмъ дальше я подвигался въ разработкѣ этическихъ проблемъ, тѣмъ больше истины находилъ я въ тѣхъ мысляхъ, которыя постоянно проповѣдывалъ и защищалъ этотъ философъ»... (Стр. IX). Вліяніе Трубецкого сказалось въ томъ, что г. Хвостовъ, какъ и всѣ метафизическіе идеалисты, начиная съ Владиміра Соловьева, не столько занятъ вопросами этики, сколько отысканіемъ трансцендентныхъ основаній для этики. Собственно, вопросы этики намѣчены г. Хвостовымъ довольно туманно. Г. Хвостовъ съ полнымъ уваженіемъ относится къ ученію о справедливости, какъ о «вѣковомъ выводѣ соборнаго человѣческаго разума» (стр. 202); онъ согласенъ, что дарвинизмъ и историческая наука могутъ удовлетворительно объяснить происхожденіе моральнаго чувства и общечеловѣческихъ моральныхъ идеаловъ (требованія свободы, равенства и братства). Но г. Хвостову недостаточно имѣть теорію и исторію нравственности. „Настоящая этическая проблема, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, почему же эти понятія свободы, равенства и братства такъ дороги людямъ», почему нужно содѣйствовать ихъ осуществленію, и почему противодѣйствіе и равнодушіе къ нимъ вызываетъ осужденіе? (стр. 147). «Нельзя строить этическихъ ученій, нельзя создавать идеаловъ, не зная смысла жизни» (стр. 197), говоритъ г. Хвостовъ. «Если міръ не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла, если наше земное существованіе не связано ни съ какой опредѣленной цѣлью, то всякія стѣсненія въ морали должны отпасть». (стр. 47). На вопросы о смыслѣ человѣческаго существованія и міра вообще «философія не дала до сихъ поръ удовлетворительнаго отвѣта» (стр. 147), ибо «познать этотъ смыслъ невозможно одними только средствами положительной науки» (стр. 98). Правильнѣе было бы сказать, что наука и позитивная философія просто считаетъ самые эти вопросы не законными. Но г. Хвостовъ, какъ мы уже говорили, стоитъ на иной почвѣ и ищетъ матеріаловъ для своихъ построеній въ области метафизики и религіи. Мы находимъ у него, напр., такую тираду: «Не могутъ животныя подняться до свойственной только человѣку любви къ человѣчеству вообще, и въ связи съ этимъ, до любви ко всему міру, до той любви, которая выражается въ конечномъ своемъ итогѣ въ религіозномъ чувствѣ любви и преданности Божественному началу, проникающему собой весь міръ» (стр. 174). Эта послѣдняя любовь и есть «самая высокая, на которую способенъ человѣкъ». На это можно отвѣтить, что высшей заповѣдью человѣческой этики является не любовь къ существамъ, созданнымъ фантазіей людей, а любовь къ реальному человѣку. «Выше человѣческой личности мы не знаемъ на свѣтѣ ничего» (Чернышевскій).

Большую половину книги г. Хвостова занимаетъ критика этическихъ воззрѣній Ницше, излагающая эволюцію его взглядовъ, уличающая его въ противорѣчіяхъ, но, въ общемъ, дающая очень мало новаго и интереснаго. Если, признаетъ и г. Хвостовъ, «Ницше представляется часто не столько философомъ, сколько поэтомъ, лирикомъ, безъ стѣсненія отдающимся своимъ настроеніямъ и выражающимъ ихъ въ литературной формѣ» (?), то врядъ ли стоило труда доказывать, что ему «не удалось создать содержательной и хорошо обоснованной этической теоріи» (стр. 92). Интересны замѣчанія г. Хвостова о «Жизни человѣка» Андреева, которую онъ не считаетъ типичной человѣческой жизнью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Андрееву, и Ницше, и вообще всѣмъ разбираемымъ писателямъ проф. Хвостовъ задаетъ свои неразрѣшимые вопросы о смыслѣ жизни и міра, и такъ какъ они, разумѣется, не могутъ отвѣтить, то и получаютъ неудовлетворительный баллъ (см. стр. 139 о Менгерѣ, 147 о Каутскомъ, 177 объ Андреевѣ, 139 о Петражицкомъ). Самъ же г. Хвостовъ, вопреки вышеприведеннымъ заявленіямъ, утверждаетъ, что «современная мысль уже располагаетъ немалыми средствами для того, чтобы поставить на правильную почву вопросъ о смыслѣ жизни»... но благоразумно умалчиваетъ о томъ, въ чемъ онъ заключается.

Самой слабой стороной книги г. Хвостова являются его философскія экскурсіи. Онъ утверждаетъ, напр., что на смѣну стараго метафизическаго матеріализма появился новый—историческій или экономическій (стр. VI), хотя не только профессору, но и среднему студенту должно быть извѣстно, что историческій матеріализмъ не философская, а соціологическая теорія, и, какъ таковая, можетъ быть соединена, какъ съ философскимъ матеріализмомъ (примѣръ—г. Плехановъ), такъ и съ другими философскими направленіями (напр., эмпиріо-критицизмомъ и т. п.). Въ другомъ мѣстѣ г. Хвостовъ связываетъ неудовлетворительность научной теоріи съ неспособностью человѣческаго ума «проникнуть въ самую тайну бытія» (стр. 206), хотя между этими двумя вещами нѣтъ никакой связи. Объ этомъ г. Хвостовъ можетъ узнать у величайшаго изъ метафизиковъ, Шопенгауэра.

Достоинствомъ книги г. Хвостова является добросовѣстное изложеніе разбираемыхъ имъ авторовъ; но и оно слишкомъ конспективно и блѣдно.

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ (ч. I. Введеніе. Важнѣйшія до-христіанскія религіи въ ихъ отношеніи къ научному соціализму). Изд. „Шиповникъ“ Спб. 1908. Стр. 228.

Въ предисловіи г. Луначарскій разсказываетъ, что интересъ автора «къ религіознымъ и художественнымъ выраженіямъ сердечной жизни человѣка... исконный, съ дѣтскихъ годовъ проявившійся»,

что «настоящая работа... задумана 10 лѣтъ тому назадъ, въ годы ранней молодости» (7—9). Однако независящія обстоятельства помѣшали автору сдѣлать работу тѣмъ, чѣмъ она «должна была быть» (а должна она была быть не больше, не меньше, какъ «цѣлой исторіей религій съ матеріалистической точки зрѣнія, со включеніемъ въ нее европейской метафизики, утопическаго соціализма и, наконецъ, научнаго соціализма», стр. 8),—и русскій читатель, столь не избалованный по части обстоятельной критической литературы по исторіи религій, долженъ довольствоваться «идейнымъ абриссомъ» теоріи г. Луначарскаго.

Этотъ «абриссъ» даетъ и слишкомъ много, и слишкомъ мало. Много,—потому что на немъ лежитъ печать широкаго плана «ранней молодости»; мало,—потому что изъ этого плана не возникаетъ никакого зданія. Во всякомъ случаѣ, если книга г. Луначарскаго и соотвѣтствуетъ многообѣщающему подзаголовку: «Важнѣйшія до-христіанскія религіи въ ихъ отношеніи къ научному соціализму», то развѣ лишь съ поправкой: «въ ихъ отношеніи къ научному *соціалисту*»,—г. Луначарскому. Вѣдь какъ бы ни истолковывать отношенія научнаго соціализма къ религіямъ, орудіемъ истолкованія, очевидно, можетъ быть лишь наука о религіяхъ, которая, особенно въ послѣднее время, обогащается все болѣе цѣнными пріобрѣтеніями. Между тѣмъ, г. Луначарскій именно въ такихъ случаяхъ, когда научное трактованіе вопросовъ исторіи религій является особенно значительнымъ и интереснымъ, или проходитъ мимо вопроса, отсылая къ авторитетамъ прошлаго, или, что̀ еще хуже, воображаетъ, что и вопроса-то никакого не существуетъ. Приведемъ два-три примѣра.

По такому интересному поводу, какъ происхожденіе вѣры въ духовъ, г. Луначарскій отдѣлывается незначительной фразой: «Мы не можемъ останавливаться подробно на этой сторонѣ дѣла, прекрасно выясненной Тэйлоромъ, Липпертомъ, Спенсеромъ и др.» (50). Не говоря уже о томъ, что авторъ не только не «подробно», а и *совсѣмъ* не останавливается на «этой сторонѣ дѣла» (совсѣмъ не маловажной), онъ какъ будто и знать не хочетъ, что «и другіе» довольно основательно оспаривали теорію упомянутыхъ авторитетовъ и даже «прекрасно выясняли» ея неудовлетворительность. Не менѣе рѣшительно авторъ утверждаетъ, что анимизмъ—«религія и наука первобытнаго человѣка»... «*самое простое и естественное толкованіе* природы для совершенно некритическаго ума» (37—38), опять-таки какъ будто и не подозрѣвая объ изслѣдованіяхъ Фрэзера, Прейса, Фиркандта, убѣдительно доказывающихъ существованіе болѣе примитивной стадіи первобытнаго толкованія природы (прэанимизмъ). Въ отдѣлахъ, посвященныхъ религіямъ персовъ, іудеевъ, грековъ, кромѣ «авторитетныхъ» ссылокъ на произведенія 60—80 гг. прошлаго вѣка (Ренана, Дармстеттера), читатель наталкивается на такія общія мѣста, какъ: «грекъ обо-

жалъ природу» (149); «персъ—дѣйствительность счелъ центромъ міра (126) и т. п., которыя, ничего рѣшительно не говоря объ отношеніи современной науки къ религіямъ, развѣ лишь напомнятъ обобщенія стараго солдата у Гл. Успенскаго: «поляки—народъ чистый»!

Было бы, однако, несправедливо судить книгу г. Луначарскаго только со стороны ея научно-критической аргументаціи. Собственно говоря, задача автора—совершенно догматическая, можно даже сказать—церковно-религіозная. Еще въ предисловіи онъ заявляетъ, что дѣло идетъ «объ опредѣленіи мѣста соціализма *среди другихъ* религіозныхъ системъ» (8); стало быть, авторъ *уже* признаетъ соціализмъ «религіозной системой», и его задача лишь указать надлежащее его мѣсто среди догмъ и ересей. А такъ какъ соціализмъ, исповѣдуемый почтеннымъ авторомъ, «научный», то наука и религія примирены у него, такъ сказать, a priori. Разумѣется, отъ добра добра не ищутъ,—и соціалистическая наука г. Луначарскаго не вѣдаетъ тѣхъ сомнѣній, которыя занимаютъ науку о религіяхъ вообще.

Вводя соціализмъ въ оборотъ религіозныхъ системъ, авторъ опредѣляетъ религію, какъ психологическое разрѣшеніе «противорѣчій законовъ жизни и законовъ природы», при чемъ находитъ, что именно соціализмъ наилучшимъ образомъ разрѣшаетъ эти противорѣчія, «выставляя идею побѣды жизни, покоренія стихіи разуму путемъ познанія и труда, науки и техники» (40—41). Но вѣдь въ такой широковѣщательной формулѣ «побѣды жизни» прекрасно умѣстится и современный капитализмъ, вооруженный познаніемъ и техникой,—почему же г. Луначарскій исповѣдуетъ и проповѣдуетъ именно религію соціализма? Очевидно, онъ молчаливо принимаетъ какую-то формулу прогресса, по которой соціализмъ оцѣнивается выше капитализма. Дѣйствительно, еще въ началѣ своей работы г. Луначарскій ставитъ «задачу оцѣнки» во всей ея широтѣ и даже усматриваетъ «узость» марксизма въ небреженіи къ ней. Но «on revient toujours à ses premiers amours», — и нашъ авторъ совершенно въ духѣ марксистской «узости» не умѣетъ включить моментъ оцѣнки въ свою формулу религіи соціализма. Впрочемъ, какъ бы изъ духа противорѣчія марксизму, онъ постоянно изрекаетъ довольно наивныя «оцѣнки» минувшаго, вродѣ того, что «паѳосъ дистанціи» (Ницше)—«подлѣйшая черта человѣка», «отвратительнѣйшая изъ пережитыхъ человѣкомъ соціально-психическихъ болѣзней» (58), или: «жрецъ отравляетъ душу» (65); «страшный порокъ орфизма» (204), или (о мистицизмѣ неоплатониковъ): «регрессъ очевидный» (226). Всѣ эти безполезныя для философіи исторіи «оцѣнки» не мѣшаютъ, однако, г. Луначарскому, въ припадкѣ новаго противорѣчія, говорить, что «нѣтъ ничего наивнѣе скорби и одобренія по поводу прошлаго» (56). Но

это, повидимому, исключительно для того, чтобы досадить «субъективистамъ».

Какъ это ни странно, но наиболѣе оригинальныя и плодотворныя мысли г. Луначарскаго восполняютъ «узость» марксизма элементами міросозерцанія Фейербаха, Гюйо (о послѣднемъ онъ почему-то умалчиваетъ, хотя лучшія страницы его книги очень напоминаютъ блестящаго французскаго мыслителя), т. е. какъ разъ тѣми элементами, которые существеннымъ образомъ входили въ ученіе «субъективистовъ»: Лаврова, Михайловскаго. Между тѣмъ, г. Луначарскій совершенно игнорируетъ исторію русской общественной мысли и какъ будто и не подозрѣваетъ, что никто такъ ярко и опредѣленно не поставилъ проблему оцѣнки, антропологическій методъ въ построеніи міросозерцанія, сліяніе философіи дѣйствительности и дѣйствія, какъ Лавровъ и Михайловскій.

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ оцѣнку обезличенной религіи «вида человѣческаго» (стр. 95, 132, 145), которую, въ концѣ концовъ, проповѣдуетъ г. Луначарскій, силясь примирить свой субъективизмъ съ марксистской догмой, этой, какъ онъ выражается, «пятой великой религіей, формулированной іудействомъ (!)» Соціалъ-демократія слишкомъ рано стала церковью, чтобы сдѣлаться теперь религіей (вѣдь обыкновенно бывало наоборотъ),—и религіозное рвеніе г. Луначарскаго можетъ вызвать недовѣріе ну, ужъ эту-ту религію, навѣрное, выдумали жрецы!

Книжка издана неопрятно, со многими погрѣшностями въ транскрипціи собственныхъ именъ.

Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Съ предисловіемъ Карла Кауцкаго. Изд. Библіотеки научнаго соціализма. Пер. съ нѣмецкаго. Спб. 1907. 104 стр. Цѣна 40 к.

Письма Маркса къ Кугельману, котораго онъ называетъ своимъ «интимнѣйшимъ другомъ въ Германіи» (стр. 51), охватываютъ очень интересный періодъ жизни Маркса (1862—1874 гг.), періодъ подготовленія къ печати, изданія и первыхъ успѣховъ «Капитала», участія Маркса въ Интернаціоналѣ и его отношеній къ Парижской Коммунѣ. Письма въ общемъ очень кратки, такъ какъ Марксъ былъ сильно поглощенъ литературными и общественными работами, да къ тому-же почти постоянно хворалъ и довольно часто находился въ затруднительныхъ матеріальныхъ условіяхъ. По поводу «Капитала» онъ пишетъ, напр., что «никогда, можетъ быть, такого рода произведеніе не было написано при болѣе трудныхъ условіяхъ» (стр. 29).

Въ теоретическомъ отношеніи интересны нѣсколько замѣчаній Маркса о діалектическомъ методѣ, о теоріи цѣнности и о государствѣ. «Мой методъ не гегелевскій, говоритъ онъ, я матеріалистъ, Гегель же идеалистъ. Гегелевская діалектика—это основная форма

всякой діалектики, но только послѣ того, какъ откинуть ея мистическую форму, и въ этомъ-то и отличіе моего метода» (стр. 39 и 40). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу замѣчанія Ланге, что Марксъ двигается съ неслыханной свободой въ эмпирическомъ матеріалѣ, Марксъ замѣчаетъ: «онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что это «свободное движеніе въ матеріалѣ» есть не что иное, какъ перефразъ того метода, при помощи котораго я разсматриваю этотъ матеріалъ, а именно діалектическаго метода» (стр. 84). Такимъ образомъ, Марксъ и здѣсь, какъ и въ «Капиталѣ», смѣшиваетъ методъ, т. е. способъ изслѣдованія съ опредѣленными выводами (матеріалистическими или идеалистическими), не выясняя, въ чемъ этотъ методъ заключается.

По поводу цѣнности Марксъ замѣчаетъ: «болтовня о томъ, что необходимо доказать понятіе о цѣнности, основывается только на полномъ невѣжествѣ, какъ на счетъ того, о чемъ идетъ рѣчь, такъ и насчетъ метода науки. Каждый ребенокъ знаетъ, что всякая нація, переставшая работать, не скажу на годъ, но хотя бы на нѣсколько недѣль, пропадетъ съ голоду. Каждый ребенокъ знаетъ также, что массы продуктовъ, соотвѣтствующія различнымъ массамъ потребностей, требуютъ различныхъ и качественно опредѣленныхъ массъ общественнаго труда... Мѣновая цѣнность продуктовъ и есть та форма, которую принимаетъ дѣйствіе этой пропорціональности распредѣленія труда въ обществѣ, гдѣ началомъ, связующимъ общественный трудъ, является обмѣнъ индивидуальныхъ продуктовъ труда частныхъ лицъ» (стр. 47 и 48). Здѣсь Марксъ отличаетъ понятія цѣнности и мѣновой цѣнности, но вкладываетъ въ первое понятіе довольно неопредѣленный смыслъ. Разумѣется, люди не могутъ существовать безъ пищи и безъ направленнаго на ея производство труда, но при чемъ здѣсь категорія цѣнности? Наконецъ, по поводу Парижской коммуны Марксъ говоритъ о государствѣ въ чисто анархистскихъ выраженіяхъ. «Ближайшій подъемъ французской революціи, по его словамъ, будетъ имѣть своей цѣлью не передачу бюрократически-военнаго механизма изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это происходило раньше, а *разрушеніе* (курс. Маркса) этого механизма, и въ этомъ заключается предварительное условіе всякой дѣйствительно народной революціи на континентѣ» (стр. 95). Вмѣстѣ съ перепиской помѣщено также «конфиденціальное извѣщеніе» о дѣятельности Бакунина, чрезвычайно грубое по тону и содержащее, между прочимъ, прямую клевету на Герцена и Бакунина.

Переводчикъ почему-то перевелъ не всѣ иностранныя слова, которыми постоянно пестритъ переписка Маркса: не переведено, напр., нѣсколько разъ встрѣчающееся выраженіе pour le roi de Prusse (по пустякамъ), а англійское слово blacklegs (буквально черноногіе, такъ называютъ въ Англіи штрейкбрехеровъ) переведено «гнусные субъекты». Отмѣтимъ, наконецъ, безобраз-

ный, совершенно искажающій мысль Маркса переводъ извѣстнаго выраженія: «Statt das Elend hervorzubringen, hat das Gemeineigentum allein es gemässigt» («Neue Zeit», XX b. 2, S. 415), т. е., «общинное землевладѣніе не только не вызвало нищеты, но, наоборотъ, только оно смягчило ее». Переводчикъ передаетъ это такъ: «общинное землевладѣніе не вызвало нищеты, оно только сдѣлало ее болѣе равномѣрной» (стр. 66).

„Колоколъ“ А. И. Герцена. №№ 1—22. Спб. 1908. Стр. 184.

Переиздать Герценовскій «Колоколъ» — въ высшей степени удачная мысль. Старое, самимъ Герценомъ выпущенное изданіе «Колокола» давнымъ давно исчезло съ книжнаго рынка, и полные его комплекты являются въ настоящее время совершенно исключительной по своему значенію библіографической рѣдкостью. Въ заграничное изданіе сочиненій Герцена, также давно уже распроданное, вошли лишь немногія статьи изъ «Колокола», и при томъ по преимуществу статьи болѣе общаго содержанія, не имѣвшія газетнаго характера. Въ 1887 г. въ Женевѣ было выпущено, подъ редакціей г. Л. Тихомирова, собраніе «избранныхъ статей» Герцена изъ «Колокола», но и эту книгу въ настоящій моментъ приходится причислить къ библіографическимъ рѣдкостямъ, не говоря уже о томъ, что въ ней собраны не всѣ, а лишь «избранныя» статьи Герцена, изъ числа напечатанныхъ имъ въ «Колоколѣ». Наконецъ, въ вышедшее недавно въ Россіи Павленковское изданіе сочиненій Герцена, изданіе, вообще очень неполное, включены лишь весьма немногія статьи изъ «Колокола». А между тѣмъ статьи, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, съ 1857 по 1869 годъ, помѣщавшіяся Герценомъ въ «Колоколѣ», составляютъ неотъемлемую и весьма важную часть литературной дѣятельности великаго писателя. Безъ знакомства съ ними нельзя узнать и оцѣнить Герцена во всю мѣру его роста и значенія. Въ этихъ статьяхъ, представляющихъ собою какъ бы ежедневные отклики на событія русской жизни, во всемъ цвѣтѣ развернулся могучій публицистическій талантъ Герцена, въ этихъ статьяхъ полностью раскрывается его міросозерцаніе и въ нихъ же во всѣхъ своихъ деталяхъ проходитъ передъ читателемъ мучительная душевная трагедія, пережитая Герценомъ и его соратниками въ виду событій, разыгравшихся въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Россіи. И съ этой послѣдней точки зрѣнія высокій интересъ представляютъ не только статьи Герцена, но и все вообще содержаніе «Колокола». Не говоря уже о томъ, что исторія нашей «нелегальной» прессы не знаетъ другого журнала, равнаго «Колоколу» по богатству и блеску литературнаго содержанія, Герценовскій журналъ является однимъ изъ наиболѣе яркихъ памятниковъ «эпохи великихъ реформъ», настолько яркимъ,

что многія страницы этого журнала и теперь еще не пережили себя и отъ нихъ вѣетъ на читателя ароматомъ современности.

Все сказанное заставляетъ какъ нельзя болѣе горячо привѣтствовать попытку переизданія Герценовскаго журнала. Вышедшіе до сихъ поръ 22 номера его охватываютъ промежутокъ времени немногимъ болѣе года, съ 1 іюля 1857 г. по 1 сентября 1858 г. Остается только пожелать, чтобы издатели довели свою попытку до конца и дали русскому читателю полное изданіе «Колокола».

Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Выпускъ I. Изд. Панафидиной. М. 1908. 336 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Г. Денисюкъ, по его словамъ, принялъ на себя трудъ соединить въ этомъ сборникѣ все, что было написано о нашемъ выдающемся писателѣ и «отцѣ русскаго соціализма». Это, конечно, теоретически возможно, но на практикѣ врядъ ли осуществимо, въ виду значительнаго количества литературы, посвященной Чернышевскому, да врядъ ли и нужно, такъ какъ большая часть ея малоцѣнна, не говоря уже о постоянныхъ повтореніяхъ одного и того же. Для выбора же статей, имѣющихъ значеніе, нужно предварительное знакомство съ ученіемъ Чернышевскаго, чѣмъ г. Денисюкъ не обладаетъ. Изъ предисловія г. Денисюка совершенно не видно, чѣмъ онъ руководствовался, помѣщая однѣ статьи и не помѣщая другихъ. Онъ заявляетъ, что располагать критическій матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ почему-то «не стоитъ труда», и располагаетъ ихъ какъ попало. Онъ перепечаталъ, напр., въ первомъ выпускѣ своего сборника нѣсколько статей, дающихъ общую характеристику Чернышевскаго (Андреевича, Иванова-Разумника, Русанова, Фомина и статью изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза) и не помѣстилъ статей того же Андреевича (изъ другой его книги «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка»), Кульчицкаго, Венгерова и др.; нѣтъ также прекрасной статьи изъ «Большой Энциклопедіи» (изд. Просвѣщенія). Объ эстетическихъ взглядахъ Чернышевскаго нѣтъ статей Аничкова, Овсянико-Куликовскаго, Владиміра Соловьева, Скабичевскаго и т. д.; о романѣ «Что дѣлать» пропущены статьи Волжскаго, Страхова и любопытная критика романа въ оффиціальномъ изданіи, перепечатанная въ книгѣ Лемке «Эпоха цензурныхъ реформъ». Разумѣется, отсутствуетъ интересная статья Каутскаго «Мальтусъ и Чернышевскій» (не переведенная еще на русскій языкъ). Трудно понять, почему г. Денисюкъ помѣщалъ однѣ статьи того же автора и не помѣщалъ другихъ (статей Плеханова въ «Соц.-Дем.», статей Писарева «Мыслящій пролетаріатъ» и др., статьи Протопопова и т. д.), или почему онъ выпускалъ отдѣльныя главы помѣщаемыхъ имъ статей

(глава XXIX книги Иванова «Исторіи русской критики», конецъ главы «60-е годы» у Андреевича). Заглавія главъ г. Денисюкъ не разъ выкидываетъ или придумываетъ собственныя. Напр., у Плеханова нѣтъ статей «Чернышевскій и Писаревъ» и «Философскіе взгляды Чернышевскаго», а есть статья «Эстетическая теорія Чернышевскаго», которую г. Денисюкъ для чего-то разрѣзалъ на куски. Наконецъ, статью г. Венгерова въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза г. Денисюкъ приписалъ Заку, которому принадлежитъ только послѣдняя треть статьи «Чернышевскій», первыя же двѣ трети написаны (и подписаны) г. Венгеровымъ.

Примѣчанія г. Денисюка въ лучшемъ случаѣ безполезны, хотя онъ и не особенно щедръ на нихъ. Къ первой статьѣ (Писарева) сдѣлано примѣчаніе о взглядахъ Писарева вообще, но слѣдующіе авторы идутъ безъ нихъ, хотя у нихъ взяты большей частью нецѣльныя статьи, а отдѣльныя главы и отрывки. Нечего и говорить, что г. Денисюкъ не въ состояніи оцѣнить и объяснить противорѣчивые отзывы различныхъ авторовъ о Чернышевскомъ. Такъ, по мнѣнію г. Скворцова, Чернышевскій далъ «наиболѣе остроумную и основательную» критику теоріи Мальтуса (стр. 240), а г. Плехановъ считаетъ эту критику невѣрной даже въ математическомъ отношеніи. (рѣзко расходясь въ этомъ отзывѣ съ Каутскимъ). Г. Денисюкъ въ своемъ примѣчаніи даетъ только отрывочныя и мало интересныя свѣдѣнія объ эпохѣ Мальтуса и ни къ селу, ни къ городу разсказываетъ объ «извѣстномъ римскомъ патриціи Мененіи Агриппѣ» и его баснѣ (стр. 241). Въ другихъ замѣчаніяхъ, особенно философскихъ, г. Денисюкъ обнаруживаетъ поразительное невѣжество. «Въ 40-хъ годахъ, говоритъ онъ, напр., какъ въ нашемъ обществѣ, такъ и въ наукѣ, господствовалъ духъ сенсуализма, т. е. философскаго ученія, считающаго чувство единственнымъ источникомъ познанія. Отсюда (?) разумъ и точныя знанія были въ загонѣ. Отдавшись разрушенію столповъ, на которыхъ покоилось міропониманіе «отцовъ», Чернышевскій попытался отвести почетное мѣсто находившемуся въ пренебреженіи разуму и критически мыслящей личности. Такимъ образомъ, сенсуализму былъ противопоставленъ раціонализмъ, т. е. ученіе Декарта и Канта, по которому «чистый разумъ» является единственнымъ источникомъ познанія, могущимъ замѣнить какъ чувство, такъ и опытъ» (стр. 64). Такимъ образомъ, въ 40-хъ годахъ вмѣсто гегельянства г. Денисюкъ открылъ сенсуализмъ, приписалъ ему пренебреженіе къ точнымъ изслѣдованіямъ и, наконецъ, зачислилъ Чернышевскаго, бывшаго ближе всего къ сенсуализму и матеріализму Фейербаха, въ его противники и въ сторонники Канта! Столь же ужасны разсужденія г. Денисюка о матеріализмѣ и идеализмѣ (стр. 252) и т. д.

Въ общемъ сборникъ г. Денисюка представляетъ случайное собраніе нѣсколькихъ статей о Чернышевскомъ, испорченныхъ его примѣчаніями. Цѣну нужно признать очень высокой.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Спб. Зимовье на Студеной. Изд. 4-ое. Ц. 5 к. 1908 г. ***Его-же.*** Три конца. Уральская лѣтопись. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к. ***Его-же.*** Изъ Уральской старины. Охонины брови. Братья Гордѣевы. Повѣсти. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. ***Его-же.*** Черты изъ жизни Пепко. Романъ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 25 к. ***Его-же.*** Дѣтскія тѣни. Разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. ***Его-же.*** Старинка и новинка. Сборникъ разсказовъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ 16 илл. худ. С. И. Панова. Ц. 1 р. 75 к. 1909 г.

Всеобщая библіотека. Спб. 1908 г. Вып. № 11. ***Вик. Аловъ.*** Русскіе „еретики" XIV—XVI вв. Ц. 10 к. Вып. №№ 12, 13. ***Даніель-де-Фо.*** Робинзонъ Крузо. Ц. 20 к. Вып. № 14. Проф. ***П. Н. Кудрявцевъ.*** Римскія женщины. Ц. 10 к. Вып. 15. ***М. Метерлинкъ.*** Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. Три пьесы. Ц. 10 к. Вып. №№ 16, 17, 18. Проф. ***А. Рамбо.*** Исторія французской революціи. Ц. 30 к. Вып. № 22. ***М. Н. Загоскинъ.*** Кузьма Рощинъ. Ц. 10 к. Вып. 31. П. И. Чайковскій. Его жизнь и дѣятельность. Ц. 10 к. Вып. №№ 32, 33. Гамлетъ принцъ Датскій. Ц. 20 к.

Всемірная библіотека. Одесса. 1908 г. ***Кнутъ Гамсунъ.*** Мелкіе разсказы. Ц. 10 к. ***Его же.*** Викторія. Ц. 20 к. ***Франкъ Ведекиндъ.*** Пробужденіе весны. Трагедія дѣтской души. Ц. 15 к. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Мск. 1908 г. ***Вл. Семеновъ.*** Царица міра. Романъ-фантазія. Ц. 75 к. Свободное знаніе. Д-ра мед. ***В. Ларіоновъ.*** Психологія краснорѣчія. Ц. 30 к. ***А. Л. Погодинъ,*** проф. Варш. ун-та. Почему не говорятъ животныя. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Мск. 1907 г. ***Л. Н. Геделундъ.*** Исторія Даніи. Пер. съ датскаго гр. Н. Протасова-Бахметева. Ц. 1 р. 20 к.

Книгоизд. В. Л. Богушевскаго. Спб. 1908 г. ***Е. Игнатьевъ.*** Безъ руля и безъ вѣтрилъ. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. ***Его же.*** Въ царствѣ смекалки. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. О. Норвежскаго. Библіотека интеллигента. ***Тонни Келленъ.*** Газета и Журналъ. Пер. съ нѣм. Спб. Ц. 75 к.

Изд. Т-ва Знаніе. Спб. ***В. Бончъ-Бруевичъ.*** Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. 5-ое. Ц. 2 р. ***Шоломъ Ашъ.*** Т. I. Разсказы съ еврейскаго. Ц. 1 р. ***Н. Гаринъ.*** Т. VII. Деревенскія панорамы. Ц. 1 р. ***Г. Григорьевъ.*** Краткій курсъ химіи. Изд. VI. Ц. 80 к.

Изд. „Научное Слово". Мск. 1908 г. ***Ю. Айхенвальдъ.*** Пушкинъ. Ц. 80 к.

Книгоизд. „Научная Мысль". Спб. 1909 г. ***Э. Геккель.*** Естественная исторія міротворенія. Кн. II-я. Ц. 3 р.

Изд. Т-ва „Общественная польза". Спб. ***М. Гюйо.*** Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Пер. съ фр. подъ ред. Я. Л. Сакера. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Г. Мижуевъ. Счастливая Австралія. Ц. 1 р. ***Р. Шпрингеръ.*** Національная проблема. Пер. съ нѣм. М. Брагинскаго и А. Брумберга. 1909 г. Ц. 2 р.

Книгоизд. „Основа". Мск. 1909 г. Страница изъ половой исповѣди студенчества. Ц. 20 к.

Книгоизд. „Польза". В. Антикъ и К°. Мск. 1908 г. ***А. Боровой,*** прив.-доц. Мск. ун-та. Популярный курсъ политической экономіи. Ц. 1 р. 60 к. ***Е. И. Вишняковъ*** и ***В. И. Пичета.*** Очерки русской исторіи. Ц. 1 р. 50 к. ***Н. М. Мендельсонъ.*** Очерки по исторіи русской литературы. Ц. 1 р. 50 к. Научно-популярная библіотека. № 1. Проф. ***Э. Д. Гриммъ.*** Мирабо. Ц. 50 к. № 2. ***А. Г. Михайловскій.*** Реформа городского самоуправленія въ Россіи. Ц. 50 к. № 3 и № 4. ***А. К. Дживелеговъ.*** Начало итальянскаго возрожденія. Ц. 1 р. № 3. А. В. Быкова. Франція и французы. Ц. 40 к.

Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1909 г. ***Б. Веселовскій.*** Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I. Ц. за 2 тома 12 р.

Кн во „Проблемы Искусства“. Мск. 1908 г. Кризисъ театра. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 75 к.

Изд „Посредника“. П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія. Т. II. Ц. 2 р. 25 к. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. Повѣсть. Ц. 18 к. ***Его-же.*** Власть тьмы. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 20 к. ***Его-же.*** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 20 к.

А. С. Пругавинъ. Предполагавшееся заточеніе Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. Ц. 7 к.

Изд. Т-ва Д. И. Сытина. Мск. ***Н. В. Тулуповъ*** и ***П. М. Шестаковъ.*** Наша родина. Географическая христоматія для начальныхъ училищъ. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 70 к. ***Вас. Немировичъ-Данченко.*** На миру. 1909 г. Ц. 1 р. К-во „Современныя проблемы“. Мск. 1908 г. ***Л. Зерингъ.*** Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Пер. съ нѣм. М. Кадитъ. Ц. 60 к. Собр. соч. ***А. Стриндберга.*** Т. IV. Утопіи въ дѣйствительности. Ц. 1 р.

Изд-во Студенческій Голосъ. Мск. 1908 г. ***Выдринъ.*** Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи. Ц. 50 к.

Книгоизд. „Сотрудничество“. Мск. 1908 г. ***В. Черновъ.*** Соціалистическіе этюды. Ц. 1 р. 95 к. Книгоизд. „Скорпіонъ“. Мск. 1908 г. ***Шарль ванъ Лербергъ.*** Панъ. Пер С. А. Полякова. Ц. 1 р. ***Изд. «Шиповникъ».*** Литературно-художественные Альмаманахи. Книга шестая.

Книгоизд. „Сеймъ“. Протоколы конференціи національн. соціалистическихъ партій въ Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 60 к.

Книгоизд. А. И. Селевина. Л. Н. Толстой Божеское и человѣческое. Елисаветградъ. 1906 г. Ц. 8 к.

Изд. Т-ва. Бр. А. и ***И. Гранатъ и Ко.*** Исторія Россіи въ XIX в. Вып. № 13 и вып. № 14. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1908 г. ***Шеллингъ.*** Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы. Бруно или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей.

Изд. С. Скирмунта. Мск. 1908 г. ***Яльмаръ Бергстремъ.*** Голосъ жизни; пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Пер. съ датскаго А. П. Ганзенъ. Ц. 40 к.

Изд. Л. И. Тоссъ. Московскій Городской Народный Университетъ имени Шанявскаго. Мск. Ц. 15 к.

А. А. Алексѣевъ. Къ ученію о парламентаризмѣ. Спб. 1908 г.

А. И. Агатовъ. На фонѣ ночи. Ц. 40 к. ***Его-же.*** Поэмы-гимны. Ц. 30 к. 1908 г.

Азфертъ. Дѣлатель жизни (По поводу 80-тилѣтняго юбилея Л. Н. Толстого). Харьковъ. Ц. 10 к.

С. Аргаманова. Жертвы тьмы. Драма въ 5 дѣйств. и 6 картинахъ. ***Ея-же.*** Недостатки современной системы обученія. Ц. 60 к. ***Ея-же.*** Въ чемъ состоитъ признанное докторомъ Пабстомъ вліяніе луны на образованіе и перемѣщеніе минимумовъ. Ц. 30 к. Полоцкъ. 1908 г.

Р. М. Бланкъ. Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.

Н. Н. Блиновъ. Сарапулъ и Среднее Прикамье. 1908 г. Второе изд. Ц. 25 к.

Проф. Р. Випперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. Мск. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

С. I. Гликманъ. Терапевтическіе очерки. Спб. 1908 г.

Н. Глѣбовъ. Координаты. Спб. 1908 г.

И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи. Мск. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Дружининъ. Воспоминанія о Русско-Японской войнѣ 1904—1905 гг., участника-добровольца. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

Изгнанникъ. Онъ вернулся. Симбирскъ. 1907 г. Ц. 10 к.

Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. Ц. 50 к. Вып. II. Ц. 80 к. Мск. 1908 г.

В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Вып. I. Ц. 1 р. Вып. II. Ц. 1 р. Спб. 1908 г.

В. В. Лункевичъ. Два эскиза. I. Невольники Шлиссельбурга. II. Муть и накипь. Женева 1908 г. Ц. 1 фр.

М. И. Маляревскій. Онанизмъ и борьба съ нимъ. Изд. 2-ое. Спб. 1907 г. Ц. 30 к.

А. Мастрюковъ. Всякій человѣкъ геній. Ц. 20 к. Мск. 1909 г.

Б. Николаевъ. Философская бесѣда медика, математика и юриста. Спб. 1908 г.

И. Наживинъ. Письмо къ молодежи о половомъ вопросѣ. Мск. 1908 г. Ц. 10 к.

Инженеръ ***А. Пушечниковъ.*** О современномъ положеніи нѣкоторыхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Спб.

Іосифъ Редлихъ. Англійское мѣстное самоуправленіе. Пер. съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ. Т. II. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Н. В. Слюнинъ. Современное положеніе нашего Дальняго Востока. Спб. 1908 г.

М. Топорскій. Стихотворенія. Съ рис. Н. Н. Каразина. Мск. 1908 г.

Н. Тичеръ. „Единство школы" для всего народа, какъ требованіе русскихъ политическихъ партій. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Проф. Л. В. Ходскій. Политическая экономія въ связи съ финансами. Изд. 4-ое. Т. I. Политическая экономія. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. 1. Основные факторы нар. хозяйства Россіи. 2. Очерки государственнаго хозяйства. 3. Очерки исторіи полит. экономіи. Ц. 2 р. 50 к. Спб. 1908 г.

Памяти К. Маркса. (1818—1883) къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти. (1883—1908). Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Пер. подъ ред. проф. И. М. Гревса. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Флеровъ. Дѣтскій Другъ. Вторая послѣ букваря книга. Мск. 1908 г. Ц. 60 к.

А. И. Фаресовъ. Спб. 1908 г. Пробужденный народъ. Ц. 1 р. ***Его-же.*** Голоса земли. Ц. 1 р.

Л. Шестовъ. Начала и концы. Сборникъ статей. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Э. Махъ. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Пер. съ нѣм. Г. Котляра. Изд. второе. С. Скирмунта. Москва. 1908. Ц. 1 р.

Гуго Линдеманъ. Пролетаріатъ и городское хозяйство. Пер. съ нѣм. А. Розенштейнъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Отто Бауеръ. Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Ч. I. Пер. съ нѣм. Б. Соловейчикъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Г. М. Барацъ. Библейско-Агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ. 1908. Ц. 75 к.

Ив. Вл. Богословскій. Развитіе жизни. Спб. 1908. Ц. 2 р. 75 к.

Г. С. Лиховицера. О качествѣ известняковъ, примѣняемыхъ на русскихъ сахарныхъ заводахъ. Кіевъ. 1908.

П. П. Гензель, прив.-доц. Моск. ун-та. Библіографія финансовой науки. Ярославль. 1908. Ц. 60 к.

В. фонъ-Гумбольдтъ. Опытъ установленія предѣловъ государственной дѣятельности. Пер. ***А. Н. Паевской.*** Изд. В. Ф. Лушнина. Спб. 1908. Ц. 60 к. Весь доходъ отъ изданія поступаетъ въ кассу Литературнаго фонда.

М. И. Тимофеевъ. Азбука. Первые уроки. Ц. 20 к.—***Его же.*** Естественный звуковой методъ. Ц. 50 к. Одесса. 1908.

А. Измайлова. Л. Толстой для школы и дома. М. 1908. Ц. 20 к.

О. Циммерманъ. Руководство для преподаванія нѣм. языка. Ч. I. М. 1908. Ц. 95 к.

О. Н. Смирновъ. Народный учитель. Календарь-справочникъ. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи пом. прис. повѣренныхъ при Моск. мировомъ съѣздѣ за 1907 г.

Къ десятилѣтію рабочаго общества взаимопомощи. Харьковъ. 1908,

Статистическое отдѣленіе Псковской губ. земской управы. Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1908 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1907 г. Харьковъ. 1908.

В. В. Винеръ. Отчетъ Шатиловской сельскохозяйственной опытной станціи. В. II и III. Спб. 1908.

Еврейскій вопросъ въ III-ей Государ. Думѣ. Отчетъ Члена Гос. Думы Л. Н. Нисселовича. Спб. 1908 г.

Труды по лѣсному дѣлу въ Россіи. Вып. IV, V, VI, VII, VIII, IX, X. 1907—8 г.

Вечерніе общеобразовательные курсы въ г. Митавѣ.

Отчетъ за 1907—8 учебный годъ. Митава. 1908 г.

Авторское право. Докладъ комиссіи. Спб. Литературнаго Общества. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Статистическое Отдѣленіе Мск. губ. Земской Управы. Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. III. Вып. 2-ой. Мск. 1908 г.

Краткій отчетъ о дѣятельности Мск. комитета Общ. Помощи Голодающимъ въ продовольственную кампанію 1906—1907 г. Мск. 1908 г.

Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей. Составленъ „Комиссіей по дѣтскому чтенію" при Учеб. Отд. Общ. Распр. Техн. знаній. Мск. 1908 г. Ц. 30 к.

Матеріалы по опредѣленію физическаго состоянія населенія Моск. губ. Физическое развитіе дѣтей въ сиротскомъ пріютѣ Моск. губ. Земства за 1901—1905 гг. Изд. Мск. губ. Земства Мск. 1908 г.

Письма въ редакцію.

I.

Въ виду нѣсколько субъективнаго, на мой взглядъ, истолкованія моихъ словъ, сдѣланнаго г. Пѣшехоновымъ въ его статьѣ «На очередныя темы» въ октябрьской кн. «Русскаго Богатства», прошу васъ дать мѣсто на страницахъ вашего журнала нижеслѣдующей выпискѣ изъ журнала засѣданія III Отдѣленія В.-Э. Общества отъ 13 дек. 1906 г., помѣщеннаго въ № 6 «Трудовъ» этого Общества:

М. П. Миклашевскій. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ законѣ съ чисто домашней, нашей интеллигентской, точки зрѣнія. *Отрицательное отношеніе къ этому закону было*, по самому существу дѣла,— *необходимостью для каждаго, всходящаго на эту каѳедру.* Исключеніемъ, до нѣкоторой степени, явился А. Е. Лосицкій, почти не останавливавшійся на отрицательныхъ сторонахъ указа 9-го ноября. *Тамъ, гдѣ должно было происходить органическое постепенное развитіе, тамъ этотъ указъ, какъ уже отмѣчено предыдущими ораторами, произведетъ грубую, болѣзненную ломку, съ обычной бюрократической развязностью разрывая сложныя сплетенья жизни.* Я хочу съ особой точки зрѣнія выступить апологетомъ указа 9 ноября. Дѣло въ томъ, что жестокіе удары правительственной реакціи обращены не только противъ реальныхъ факторовъ жизни, но и противъ идей. И иногда эти удары, по отношенію къ идеямъ, бываютъ благодѣтельны. Когда я вижу, какъ прогрессивныя партіи, въ настоящую серьезную минуту, отворачиваются отъ предвыборнаго соглашенія другъ съ другомъ, я вывожу: должно быть, правительство еще не достаточно вымуштровало нашу интеллигентскую мысль. Очевидно, интеллигентская мысль еще нуждается въ муштровкѣ. И вотъ новое *поощреніе хищническихъ элементовъ деревни указомъ 9 ноября* должно открыть глаза интеллигенціи и уничтожить еще одну старую утопію, утопію о соціализаціи земли и объ единствѣ интересовъ всего „трудового" крестьянина, и т. д. Я не думаю, чтобы въ ближайшемъ будущемъ начали сказываться результаты указа. Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, то уже сейчасъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, „міръ" принимаетъ свои мѣры противъ осуществленія этого закона. Покуда не улеглось крестьянское движеніе, я думаю, законъ этотъ въ жизнь не войдетъ. Но когда и поскольку онъ войдетъ въ жизнь, тогда и поскольку деревня наша явитъ себѣ такое зрѣлище, которое совершенно разобьетъ надежды нашихъ „соціализаторовъ". Эта утопія живуча, она безусловно вредна, и если новый законъ поспособствуетъ ея исчезновенію, то онъ принесетъ свою пользу, и я почти готовъ буду его привѣтствовать (стр. 53—54).

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что характеристика закона 9 ноября, заключающаяся въ подчеркнутыхъ мною словахъ, на самомъ дѣлѣ была сдѣлана мною въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, смягченныхъ редакціей «Трудовъ», повидимому, изъ цензурныхъ соображеній.

М. Невѣдомскій (Миклашевскій).

II.

Со своей стороны, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на заключительную часть приведенной рѣчи г. Миклашевскаго: она достаточно опредѣленна и въ той редакціи, въ какой записана въ журналѣ. О своемъ отношеніи къ «апологіи указа 9 ноября» съ «особой точки зрѣнія» я заявилъ въ томъ же засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь. «Что касается М. П. Миклашевскаго,—было сказано мною,—то я боюсь, что его разсужденіе было не достаточно серьезнымъ: въ странѣ будетъ происходить грандіозная ломка, а мы должны утѣшаться тѣмъ, что это прояснитъ нѣсколько головъ въ этой залѣ!..» (Журналъ засѣданія 13 декабря 1906 г. стр. 55).

А. Пѣшехоновъ.

Краткая программа изученія крестьянскаго обычнаго права.

I. ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одно время, преимущественно въ 70-е годы прошлаго вѣка, изученіе крестьянскаго быта вообще и обычнаго права крестьянъ въ особенности глубоко увлекало русскую интеллигенцію. Оно окрасило собой цѣлый періодъ русской литературы, дало такія художественныя картины, такія научныя изслѣдованія народной жизни, равныхъ которымъ до сихъ поръ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ.

Потомъ настало время, когда интеллигенція отошла далеко отъ народныхъ массъ. А вмѣстѣ съ этимъ заглохло и художественное, и научное ихъ изученіе. Беллетристы увлекались другими формами и другимъ содержаніемъ, большинство ученыхъ экономистовъ и юристовъ стали отвергать всякое будущее за крестьянствомъ и въ частности за его обычнымъ правомъ, стали даже отрицать самое существованіе этого права.

Теперь пришло, кажется, время снова обратиться къ изученію народной жизни и обычнаго права. Теперь, какъ почти полвѣка назадъ, народныя массы опять пережили періодъ, если еще не великихъ реформъ, то во всякомъ случаѣ великихъ потрясеній. Опять, какъ тогда, народныя массы освободились или наканунѣ освобожденія хотя бы отъ части своихъ путъ и стали играть въ общественной жизни во всякомъ случаѣ болѣе активную, чѣмъ раньше, роль. Столь же потому естественно и неизбѣжно, какъ и тогда, новый участникъ исторической жизни Россіи долженъ привлечь къ себѣ усиленное вниманіе, долженъ послужить предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія.

Во всякомъ случаѣ за такое изученіе должны взяться всѣ тѣ, кто хочетъ строить свое общественное міровоззрѣніе и свою политическую программу не на догматахъ отвлеченныхъ теорій, а на выводахъ изъ познанія дѣйствительныхъ явленій соціальной жизни. Чѣмъ шире наблюдается теперь разочарованіе въ политическомъ догматизмѣ, тѣмъ шире долженъ быть приливъ къ изученію соціальной дѣйствительности и обновленію обществовѣдѣнія этимъ изученіемъ. И оно теперь получитъ новую великую силу въ томъ, что будетъ дѣломъ не одной только интеллигенціи, какъ въ 70-е годы, а также и болѣе сознательныхъ слоевъ самихъ народныхъ массъ, будетъ не только изученіемъ народа, но и самопознаніемъ народа.

Только такимъ путемъ и можетъ быть выполнена эта огромная и сложная задача. Только дружное участіе во всѣхъ концахъ Россіи десятковъ, сотенъ, даже тысячъ сознательныхъ сотрудниковъ въ собираніи и разработкѣ необходимой для опредѣленныхъ и твердыхъ выводовъ массы всякаго рода данныхъ, — при наличности, конечно, и соотвѣтственныхъ матеріальныхъ средствъ, дастъ быстрый и прочный успѣхъ великому дѣлу самопознанія народа.

Занимаясь болѣе пятнадцати лѣтъ изслѣдованіями народной жизни въ Россіи, собравъ и обработавъ уже значительныя массы матеріаловъ и издавъ нѣсколько печатныхъ работъ *), я рѣшаюсь обратиться ко всѣмъ сочувствующимъ вышенамѣченной задачѣ изученія народнаго быта и обычнаго права съ настоятельной просьбой принять участіе въ этой работѣ, оказать ей содѣйствіе, кто чѣмъ можетъ.

Для начала я печатаю и хотѣлъ бы возможно шире распространить самую краткую программу для собиранія свѣдѣній по обычному праву. Затѣмъ я предполагаю предложить и болѣе подробныя и спеціальныя программы по разнымъ областямъ народной жизни. Но уже, конечно, и сейчасъ я могу быть только благодаренъ, если тѣ изъ откликнувшихся на это обращеніе, которые найдутъ эту программу неполной, дополнятъ ее сами новыми интересными по ихъ мнѣнію вопросами и доставятъ на нихъ отвѣты.

По мѣрѣ полученія отвѣтовъ, матеріалы будутъ немедленно разрабатываться и въ обработанномъ (а частью и подлинномъ) видѣ будутъ печататься въ газетахъ и журналахъ съ тѣмъ, чтобы потомъ послужить основаніемъ для отдѣльныхъ большихъ работъ.

Отвѣты на программу, а также и всякіе вообще матеріалы, сообщенія, предложенія и запросы по поводу настоящаго обращенія прошу направлять:

С.-Петербургъ, Невскій, 147,. Редакція журнала «Вѣстникъ Знанія», для К. Качоровскаго.

---

*) См. мои книги „Русская Община“ т. I и „Народное право“ и составленныя при ближайшемъ моемъ участіи: П. Веніаминовъ „Крестьянская община“ (служащая продолженіемъ „Русск. общины“) и коллективная работа „Борьба за землю“ т. I.

II. ПРОГРАММА.

1. a) Названіе уѣзда, откуда присылается отвѣтъ. b) Объ одномъ ли селѣ дается отвѣтъ или о нѣсколькихъ и сколькихъ именно? c) Какого разряда описываемые крестьяне: бывшіе государственные или помѣщичьи, удѣльные или какіе? d) Занимаются ли только земледѣліемъ или промыслами? Какими именно? e) Кто по сословію и занятію самъ отвѣчающій, долго ли живетъ въ деревнѣ?

2. Существуетъ ли у крестьянъ свое «обычное право», отличающееся отъ примѣняемыхъ въ общихъ судахъ законовъ? Наблюдаются ли, напр., самостоятельно выработанные земельные распорядки? Самостоятельные порядки наслѣдованія имущества? Семейныхъ раздѣловъ? И т. д. Въ чемъ состоятъ эти обычноправовыя отношенія? Кому, напр., принадлежитъ земля и имущество: главѣ семьи въ личную собственность или всей семьѣ? Необходимо вообще дать побольше примѣровъ наиболѣе замѣтныхъ и постоянныхъ крестьянскихъ обычаевъ, характерныхъ для деревни. Нѣтъ ли какихъ измѣненій въ этихъ обычаяхъ съ теченіемъ времени? Какія именно измѣненія?

3. Какъ дѣйствуетъ волостной судъ? Судитъ ли онъ по крестьянскимъ обычаямъ или по закону? Добросовѣстно ли судитъ? Какихъ выбираютъ судей? Каково вліяніе писаря, старшины, земскаго начальника? И здѣсь очень важно дать побольше примѣровъ, а также подлинныхъ выписокъ различныхъ рѣшеній суда. Слѣдуетъ особо привести примѣры добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ рѣшеній, а также соотвѣтствующихъ и несоотвѣтствующихъ обычному праву и крестьянскимъ правовымъ воззрѣніямъ. Каковы съ теченіемъ времени измѣненія въ дѣйствіи волостного суда? Не рѣшаются ли различныя дѣла и споры по обычаямъ крестьянъ сельскими обществами и земельными общинами? Какія именно?

4. Можно ли сказать, что крестьянское обычное право и крестьянскія воззрѣнія на то, что правильно и справедливо, основаны на трудовыхъ воззрѣніяхъ, т. е. напр., что владѣніе землей и другимъ имуществомъ по ихъ мнѣнію должно быть основано на трудѣ? Или, напр., распространено ли такое мнѣніе, что каждый человѣкъ имѣетъ право на пропитаніе посредствомъ своего труда? Наоборотъ, не распространено ли легкое отношеніе къ чужому трудовому имуществу: захватъ силой, обманомъ, кражи трудового имущества своихъ же крестьянъ? Необходимо подтвердить отвѣтъ подробными примѣрами.

5. Какія общественныя дѣла обсуждаются и рѣшаются на сходахъ? Необходимо перечислить всѣ безъ исключенія мірскія дѣла и вопросы. Часто ли собираются? Многолюдны ли сходы? Кто имѣетъ вліяніе: старики или молодые? Зажиточные или бѣдные? Темные или сознательные? Какія во всемъ этомъ съ теченіемъ

времени замѣчаются измѣненія: увеличивается ли число вопросовъ на сходахъ, проходятъ ли сознательнѣе, рѣшаютъ ли добросовѣстнѣе и правильнѣе или наоборотъ?

6. Были ли и бываютъ ли передѣлы? Общіе (всей земли сразу между всѣми хозяевыми) или частные (свалки - навалки надѣловъ между отдѣльными хозяевами)? По какимъ душамъ дѣлится земля (по ревизскимъ, по мужскимъ наличнымъ, по работникамъ, по ѣдокамъ)? Происходятъ ли передѣлы согласно или съ большими раздорами?

7. Происходятъ ли выдѣлы изъ общины по указу 9 ноября 1906 г.? Много ли такихъ выдѣловъ, когда начались? Съ теченіемъ времени уменьшается или увеличавается ихъ число? Кто выдѣляется: малыя семьи съ большимъ числомъ надѣловъ или безхозяйные, или, наоборотъ, лучшіе хозяева для улучшенія своего хозяйства? Часто ли выдѣленные надѣлы продаются? Кому? Остаются ли надѣлы въ черезполосномъ владѣніи, или выдѣляются къ одному мѣсту?

8) Какъ относится община къ выдѣляющимся? Не служили ли выдѣлы препятствіемъ къ передѣлу? Если было много выдѣловъ, изъ боязни передѣловъ, то не отмѣняетъ ли община передѣловъ, чтобы прекратить выдѣлы? Если большинство общинниковъ противъ выдѣловъ, то какія мѣры принимаютъ для борьбы съ выдѣлами?

9) Стоитъ ли большинство крестьянъ за общинное владѣніе землей или противъ него? Какіе именно изъ крестьянъ являются сторонниками и какіе противниками: старые или молодые? Зажиточные или бѣдные? Темные или сознательные? Какіе именно находятъ преимущества и недостатки во владѣніи общинномъ и какіе въ подворномъ?

10. Что больше всего занимаетъ сейчасъ мысли крестьянъ? Сильно ли стремленіе крестьянъ покупать землю? Идетъ ли переселеніе, говорятъ ли о немъ? Что именно и какъ говорятъ? Не распространяется ли среди крестьянъ стремленіе къ кореннымъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ? Въ чемъ именно это проявляется?

11. Замѣтно ли среди крестьянъ какое либо кооперативное движеніе, а именно: возникаютъ ли сельско-хозяйственныя общества, потребительныя общества, кредитныя товарищества? Необходимо указать о каждомъ изъ такихъ начинаній: когда оно возникло, насколько успѣшно развивается, сколько въ немъ участниковъ, какіе преимущественно крестьяне участвуютъ: темные или сознательные? бѣдные или богатые? старые или молодые? И перечислить, какъ можно подробнѣе, все, что входитъ въ дѣятельность этихъ обществъ и товариществъ.

12. Особенно интересно и желательно подробно описать всѣ случаи совмѣстныхъ земледѣльческихъ работъ, какъ такихъ, гдѣ все хозяйство отъ начала до конца ведется сообща общиной или

товариществомъ, такъ и такихъ, гдѣ соединяются только для отдѣльныхъ работъ, напр., для совмѣстнаго пользованія рабочимъ скотомъ или орудіями для совмѣстной вспашки, совмѣстной уборки, молотьбы, храненія и т. д. При этомъ необходимо подробно описать всѣ случаи совмѣстныхъ работъ не только чисто земледѣльческихъ, но и всякихъ другихъ, какъ, напр., по садоводству, огородничеству, пчеловодству, лѣсному хозяйству и т. д. О каждомъ такомъ случаѣ необходимо указать: сколько времени существуютъ данныя совмѣстныя работы, число участниковъ въ каждой, насколько успѣшно и согласно идутъ работы, какъ именно распредѣляются и ведутся работы, какъ дѣлится продуктъ, не вводятся ли какія либо улучшенія, какія именно? Есть ли наемные рабочіе, на какихъ условіяхъ?

13. Каково общее настроеніе теперь среди крестьянъ? Надѣются ли они на коренныя реформы въ ихъ пользу въ ближайшемъ будущемъ? Если не надѣются, то почему именно? Если надѣются, то отъ кого именно ихъ ожидаютъ? Какъ смотрятъ на нынѣшнюю Государственную Думу? Какъ относятся къ интеллигенціи? Ждутъ ли крестьяне улучшенія своей жизни отъ кого либо со стороны или надѣются только на свои собственныя усилія? Въ послѣднемъ случаѣ каковы именно ихъ намѣренія и планы?

14. Желательно какъ можно подробнѣе описать и охарактеризовать умственную жизнь современнаго крестьянства и измѣненія въ ней за послѣдніе 3—5 лѣтъ. Многіе ли изъ крестьянъ и много ли читаютъ? Больше ли прежняго и насколько? Какого характера книги больше всего читаютъ? Перечислите для примѣра наиболѣе популярныя въ деревнѣ книги. Замѣтно ли появленіе среди крестьянъ новыхъ понятій, интересъ къ новымъ вопросамъ? Примѣры этого. Можно ли вообще сказать, что за послѣдніе годы замѣтно измѣнилось міровоззрѣніе крестьянской массы, или это можно сказать только объ отдѣльныхъ крестьянахъ? Особенно желательно подробно обрисовать измѣненія въ религіозныхъ и политическихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ. Какъ эти измѣненія въ теоріи и на практикѣ проявляются?

К. Качоровскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ О. Г.—3 р.; черезъ М. П.—30 р. 50 к.

Итого . . . . 33 р. 50 к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ В. В.—10 р.

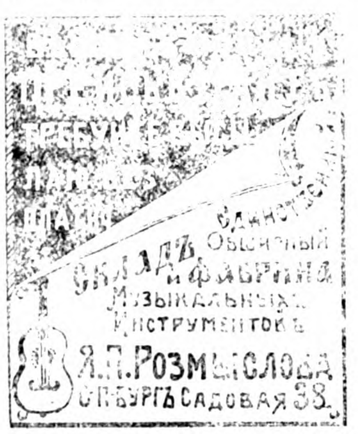
Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 2-й Госуд. Думы: отъ В. Ш.—5 р.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко.*

БЕЗПЛАТНО

высылаетъ проспектъ **УДЕШЕВЛЕННЫХЪ КНИГЪ:** изданій т-ва Просвѣщеніе, Брокгауза и Ефрона, Маркса и др. и полныхъ сочиненій писателей, бывшихъ прилож. къ различн. журналамъ, книжный магаз. **Н. И. ѲЕДОРОВА, СПБ.**, Вознесенскій пр., здан. Ново-Александровскаго рынка, 126.

15 МИНУТЪ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

„**Силородъ**" аппаратъ для домашн. упражн., разв. **силу и энергію**, даритъ **бодрость и весел.** Силородъ необх. въ каждомъ домѣ, для кажд. возр. и обоего пола. Цѣны доступ. для всѣхъ: „**Атлетъ**" для слаб.—**4** р. **25** к. „**Геркулесъ**" для средн.—**5** р. „**Гигантъ**" для силачей 8 р. 50 коп. „**Комбинація**" для цѣлой семьи, дается регулировать—**6** р., **7** р. **50** к. и **10** р. Спец. аппар. для дамъ: развиват. красив. формы тѣла и груди—**4** р. **25** к. и **5** руб. Перес. 1 шт. **45** к., 2 шт. **65** к. При кажд. аппар. прилаг. безпл. наставленіе: „**Моя новая система**" съ рисун. для правильн. упражн. Высыл. почтою налож. платеж. и безъ задатка. **Проф. Мюллеръ** говоритъ: „Кто имѣетъ „Силородъ", тому не приходится ходить къ доктору". **М. Б. Мельникъ, Спб. Невскій, 72 Н.** Перв. источн. и для торговцевъ.

Открытъ секретъ

играть на фортеп. и фисгарм. безъ знан. нотъ. Пробн. урокъ съ подр. и перес. 50 к. (можно марк.). 7 легк., вещей 1 р., книжка 20 коп. Каталогъ пьесъ безпл. Налож. менѣе 1 руб. не высыл. Складъ изд.: Спб. Садовая, 44.

А. И. ПОПЕРЕКОВЪ.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ИГРА.

(Изъ отзыва). . . Она (игра), правда, гораздо проще шахматъ, но именно эта упрощенность, не лишающая все же игру занимательности, обезпечиваетъ ей будущность, на ряду съ шашками. Въ этомъ отношеніи Военно-морскую игру можно поставить между шашками и шахматами: она проще шахматъ, но сложнѣе и даетъ большій просторъ изобрѣтательности и находчивости игрока, нежели шашки.

(«Прир. и Люди» 1907 г. № 30).

Игра рекомендована, какъ развлеченіе въ свободное отъ службы время Циркуляромъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній 1907 г. № 64 и Циркуляромъ Главнаго Морского Штаба 1907 г. № 410.

Цѣна игры—20 металлическихъ фигуръ-кораблей, доска, изображающая море, съ объясненіемъ, въ коробкѣ **2** руб. **50** коп., съ пересылкой **3** руб. Обращаться: С.-Петербургъ, Б. Конюшенная, 7, кв. 17. **И. Д. Ермишкину.**

КОМИТЕТЪ

ПО УСТРОЙСТВУ ДОМА-МУЗЕЯ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Состоявшійся въ іюнѣ 1908 г. въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ представителей повременной печати постановилъ въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого открыть повсемѣстный сборъ для устройства **Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.** Въ домѣ этомъ, въ зависимости отъ собранныхъ средствъ, предполагается помѣстить, кромѣ Музея, и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія имени великаго писателя русской земли.

СОСТАВЪ КОМИТЕТА: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, Д. С. Мережковскій, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ.

Пожертвованія принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ редакціяхъ петербургскихъ газетъ: «Рѣчь», «Слово» и «Современное Слово» и журналовъ: «Современный Міръ», «Русское Богатство» и «Минувшіе Годы».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ.

на двухнедѣльный журналъ (4-й годъ изданія)

„ЯСНАЯ ПОЛЯНА".

Въ журн. печатаются издав. за гран. журналы освободит. движенія:

„БЫЛОЕ", „ИСКРА" и „КОЛОКОЛЪ" А. Герцена.

24 КНИГИ ПРИЛОЖ. СЛѢДУЮЩАГО СОДЕРЖАНІЯ:

4 КНИГИ полнаго собранія сочиненій **ИММАНУИЛА КАНТА**, перев. по тексту, изданія Дюрра въ Лейпцигѣ подъ редакціею проф. Карла Форлендера.

4 КН. «Библіотеки Знанія» соч. проф. Виндельбанда, Гефдинга, Риля и др., въ образц. перев. подъ ред. и вступ. статьями доктора фил. Г. Полонскаго и проф. К. Жакова.

1 КН. Разсказъ о семи повѣшенныхъ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, съ портретомъ, біограф. и вступ. статьею проф. К. Жакова.

4 книги „Художественныя сокровища всѣхъ странъ и народ." (картины съ объяснительнымъ текстомъ).

4 книги „КРУГЪ ЧТЕНІЯ"— мысли мудрыхъ людей, собранныя Гр. Л. Н. Толстымъ.

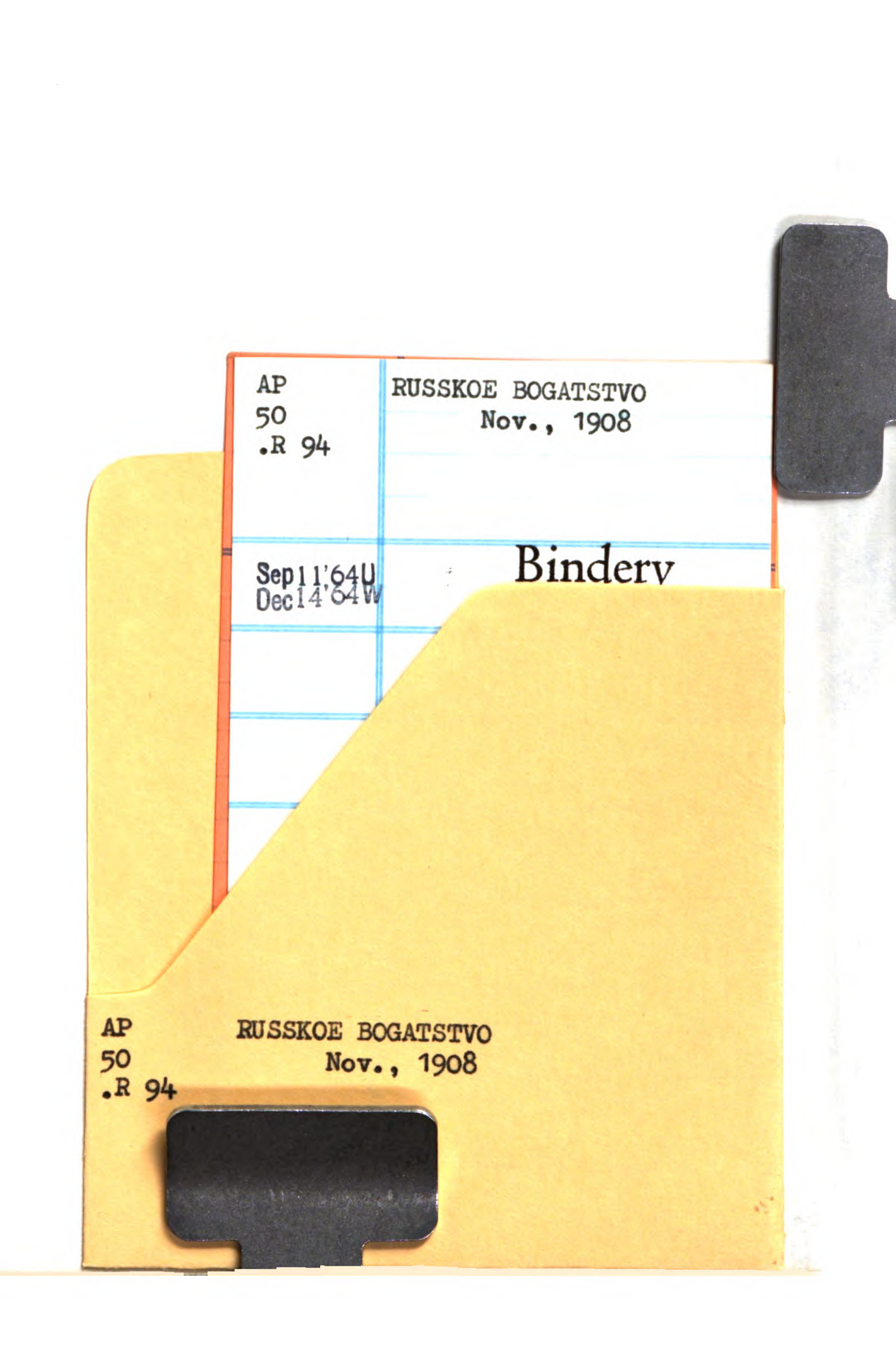
4 книги Сборникъ сочиненій, бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ въ Россіи.

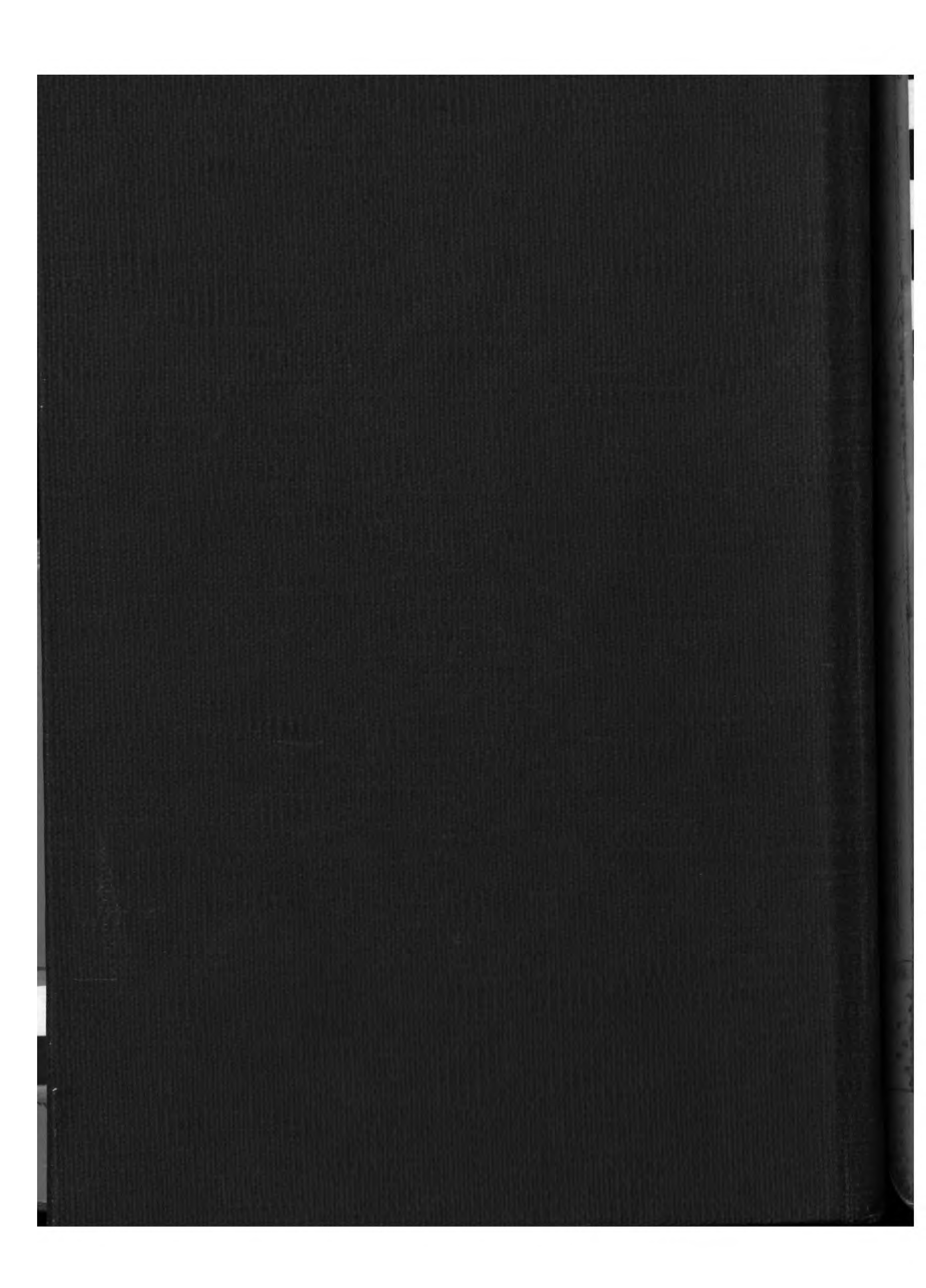
3 книги ИСТОРІИ РОССІИ.

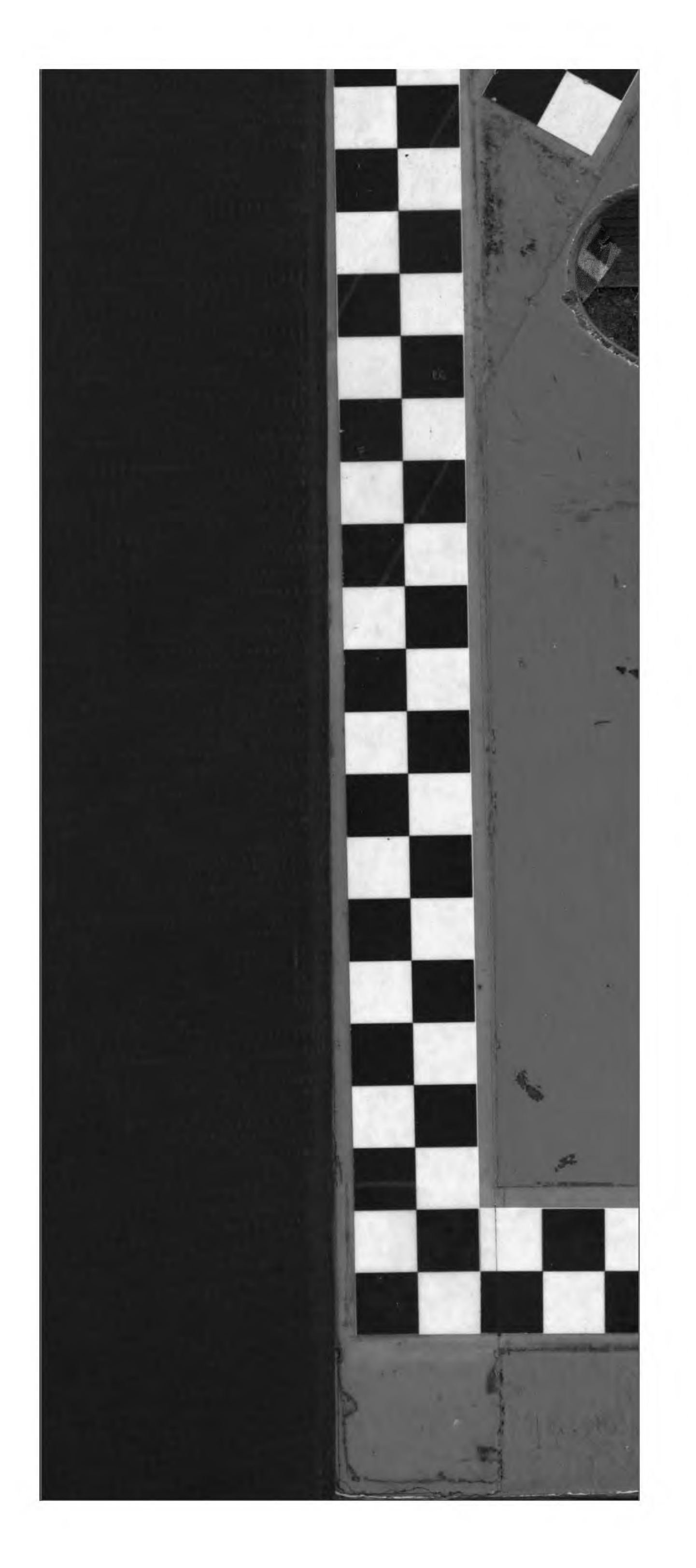
Подписная цѣна на ГОДЪ съ перес. 7 РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 3 р., къ Пасхѣ 1909 г. и въ Іюнѣ по 2 р., или 7 мѣс. по 1 р. (нал. плат. 1 р. 30 к.).

По примѣру прежнихъ лѣтъ первые 5000 подписчиковъ, подписавшіеся хотя бы и въ разсрочку, получатъ еще безплатно 24 выпуска „Народнаго Университета". (Лекціи, читанныя профессорами и лекторами) подъ редакціей *К. И. Арабажина* и 24 выпуска „Исторіи Революціи" всѣхъ странъ и народовъ. Вышелъ № 1 съ 1 выпускомъ Народнаго Университета и Исторіи революціи. Остальные №№ будутъ аккуратно выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. Требованія адресовать: С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, книгоиздательство „Ясная Поляна". Подробное объявленіе высылается безплатно.

AP
50
.R 94
RUSSKOE BOGATSTVO
Nov., 1908
Sep 11'64U
Dec 14'64W
Bindery
AP
50
.R 94
RUSSKOE BOGATSTVO
Nov., 1908

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 308